

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://radischevaalexander.ru/> приятного чтения!

Сочинения. Александр Николаевич Радищев

Александр Радищев – человек и писатель
Именем Александра Радищева открывается история русского освободительного движения. В. И. Ленин определил роль и место Радищева в истории России как первого революционера, предшественника декабристов и революционеров-разночинцев 70-х годов [1]. Радищев первым осознал коренные противоречия самодержавно-крепостнической России и стал на сторону угнетенного народа. Как зачинатель революционной поэзии он выступил в оде «Вольность»; как мыслитель-революционер он предстает и в «Письме к другу, жительствовавшему в Тобольске», и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», и в других сочинениях. Однако с наибольшей силой ненависть писателя к самодержавию и крепостничеству выразилась в «Путешествии из Петербурга в Москву» – произведении, которое раз и навсегда определило место Радищева в истории русского революционного движения и в истории русской литературы. «Путешествие» вобрало в себя весь разнообразный жизненный опыт писателя, отразило поистине энциклопедический характер его знаний и интересов, подытожило тридцатилетние наблюдения и размышления над самыми разными сторонами российской действительности, событиями мировой и русской истории.

Александр Николаевич Радищев родился 20(31) августа 1749 г. Как и большинство его сверстников, начатки образования он получил в домашних условиях – сначала в деревне, а затем в Москве, в доме дальнего родственника, где его учили профессора и учителя Московского университета. Однако в конце 1762 г. Радищев в возрасте тринадцати лет начал службу при дворе в качестве пажа.

Двадцать восьмого июня 1762 г. в результате дворцового переворота на престол вступила Екатерина II. Свергнув своего мужа Петра III, новая императрица публично, в обнародованных манифестах, осудила его как государя-деспота и противопоставила низложенному царю себя – просвещенную государыню. Тем самым Екатерина сразу же охарактеризовала свое правление как просвещенную монархию, отличную от государств с деспотическим строем. С первых манифестов Екатерина заговорила языком указов Петра I, – и это было далеко не случайно, как и насаждавшееся ею демонстративное поклонение Петру, культ Петра: ведь для всей прогрессивной русской общественной мысли, философии, литературы (Кантемир, Ломоносов, Сумароков и др.) Петр I был идеалом просвещенного монарха.

Однако практическая деятельность Екатерины расходилась с широковещательными декларациями. Отнюдь не стремлением к «общему благу», а желанием обеспечить себе поддержку ближайшего окружения и широких дворянских кругов объяснялись изливавшиеся потоками награды, чины, раздача земель с крепостными, денежные пожалования. С начала правления Екатерина искала опору в среднем дворянстве, а чтобы «опора престола» была прочной, следовало привести в повиновение крестьянство. Бунты же крестьян – крепостных, приписных, монастырских – не прекращались. Отсюда возникла необходимость активизации государственного аппарата, призванного оберегать интересы привилегированного класса. Ряд изданных в 1760-е годы указов окончательно лишил крепостных крестьян всяких, даже формальных, юридических прав. «Крестьянин в законе мертв», – с негодованием восклицал Радищев в «Путешествии», и такое положение было закреплено в русском законодательстве в первые годы екатерининского царствования.

О первых программных манифестах Екатерины Радищев узнал из печати: они не только были опубликованы в качестве приложений к обеим русским газетам – «Санкт-петербургским» и «Московским ведомостям», но и многократно переизданы. О дальнейшей деятельности императрицы и правительства, о жизни двора он мог судить по собственным впечатлениям: во время торжеств в Москве, связанных с коронацией Екатерины II, Радищев 25 ноября 1762 г. был «пожалован в пажи», зачислен в Пажеский корпус. Главная цель создания этого учебного заведения заключалась в том, чтобы, неся службу при дворе, пажи имели возможность получать образование и воспитание.

За годы пребывания в Пажеском корпусе Радищев приобрел основы разнообразных знаний. Здесь он сблизился с А. М. Кутузовым, А. К. Рубановским, П. И. Челищевым, С. Н. Яновым, познакомился с Д. И. Фонвизиным, брат которого был

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru товарищем Радищева по корпусу. Здесь приобщился к просветительской философии и литературе, знакомство с которыми в эту эпоху было своего рода признаком светской образованности. Вместе с тем Радищев имел возможность наблюдать постоянную борьбу между придворными группировками, между отдельными лицами за возможно более высокие места в дворцовой иерархии, за влияние на императрицу. Оценивая дворцовые нравы с просветительских позиций, Фонвизин вынес приговор всей системе екатерининского самодержавия в «Недоросле».

Еще резче дворцовые нравы были охарактеризованы в фонвизинской «Всеобщей придворной грамматике» – произведении, которое при жизни писателя опубликовано не было, но разошлось в огромном количестве списков. На одну из рукописей (может быть, прочитанную у самого Фонвизина) сослался Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». Хотя издание журнала «Друг честных людей, или Стародум» было запрещено цензурой, Радищев, бесспорно, читал сочинение выдающегося просветителя, близкого ему по критической настроенности и повлиявшего на него как писателя. Радищев в разных произведениях использовал мотивы и образы «Недоросля».

Круг жизненных наблюдений Радищева в годы пребывания в Пажеском корпусе не ограничивался дворцовыми впечатлениями. Бывая вне службы на Васильевском острове, где находился его дом, он имел возможность знакомиться с бытовым укладом и представителями самых разных слоев населения столицы – вельможами и купцами, ремесленниками и чиновниками, церковниками и учеными, русскими мастерами и мастерами-иноземцами (ведь в 60-е годы Васильевский остров сохранял еще традиции петровского «всесловного» заселения). Видел он и «бурлаков» – крестьян, приходивших из деревень на заработки в Петербург, наблюдал жизнь крепостных селений, расположенных в «низких и болотных местах» Ямбургского уезда Петербургской губернии, когда со своим другом Андреем Рубановским ездил в Онстпель, имение В. К. Рубановского, на дочери которого Радищев впоследствии женился.

В середине 60-х годов особенно остро встал вопрос о необходимости приведения в порядок российского законодательства. Последний общерусский свод законов – Уложение – был принят еще в XVII в., в царствование Алексея Михайловича. Для разработки нового свода законов Екатерина решила создать Комиссию по составлению нового Уложения, в которую должны были войти выборные представители от различных сословий (кроме крепостного крестьянства), местностей, национальных меньшинств. Нужны были и квалифицированные юристы, люди с хорошим европейским образованием.

В числе других наук пахам преподавали начала юриспруденции, латинский и немецкий языки, а потому, когда встал вопрос о том, кого отправлять в Лейпциг для получения юридического образования, императрица остановила свой выбор прежде всего на пажах. В конце сентября 1766 г. вместе с друзьями отправился в Лейпцигский университет Радищев.

За годы пребывания в Лейпциге (1767–1771 гг.) помимо юридических наук Радищев занимался естествознанием, химией, медициной и т. п. Особую роль в формировании его мировоззрения сыграли сочинения французских философов-просветителей – Вольтера, Монтескье, Руссо, Мабли, Гольбаха, особенно Гельвеция, по книге которого «Об уме», по словам Радищева, он и его товарищи «мыслить научались». По немецким газетам и рассказам проезжавших через Лейпциг соотечественников, по доходившим в Германию печатным источникам Радищев следил за горячими дебатами в Комиссии для составления нового Уложения, где наиболее острые споры шли вокруг крестьянского вопроса. После завершения работы Комиссии крестьянская проблема стала одним из предметов бурной полемики между сатирическими журналами Н. И. Новикова «Трутень», Ф. А. Эмина «Адская почта» – с одной стороны, и официозным еженедельником «Всякая всячина» – с другой.

По возвращении в Россию в 1771 г. Радищев был назначен протоколистом в Сенат – высшее административное учреждение страны, «хранилище законов», по определению Екатерины II. Но роль пассивного регистратора в этом «хранилище» Радищева привлекала мало, и в 1773 г. он перешел на должность обер-аудитора (юридического советника) штаба финляндской дивизии в Петербурге. К этому времени относится начало литературной деятельности Радищева. Вскоре после приезда на родину он познакомился с Новиковым лично. В 1772 г. в журнале Новикова «Живописец» был анонимно опубликован «Отрывок путешествия в *** и*** Т***». Автором произведения, имевшего ярко выраженный антикрепостнический характер, как свидетельствует П. А. Радищев, был его отец. В 1771–1773 гг. он перевел ряд

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru произведений. Наиболее интересен изданный Новиковым в 1773 г. перевод книги Г. Мабли «Размышления о греческой истории» с примечаниями Радищева. Обращался в это время он и к поэзии, причем стихи, по его собственным словам, направлены были «на нежные предметы».

В 1773–1775 гг. Россия была потрясена крестьянским восстанием под водительством Е. Пугачева. Насколько позволяют судить многочисленные упоминания об этом событии в сочинениях Радищева, содержащие и общую оценку восстания, и упоминания о конкретных эпизодах, будущий автор «Путешествия» пристально следил за ходом военных действий. А занимая по должностной иерархии второе место в штабе дивизии, Радищев имел доступ к некоторым секретным правительственным документам, к указам Военной коллегии и был осведомлен о ходе восстания намного лучше большинства современников. Беспощадная свирепость восставших, которые «не щадили ни пола, ни возраста» (в короткое время было перебито свыше полутора тысяч дворян – включая младенцев и женщин), и бессмысленное остервенение усмирителей, каравших не только бунтовщиков, но нередко и нейтральных свидетелей смерти «господ», – эта обоюдная жестокость не могла не потрясти Радищева до глубины души, и он ушел с военной службы, мотивировав прошение об отставке семейными обстоятельствами – женитьбой.

В 1775–1777 гг. Радищев находился в отставке, а затем вновь вернулся на службу, на этот раз – в Коммерц-коллегию. С 1780 г. он – помощник управляющего, с 1790 г. – управляющий крупнейшей в России Петербургской таможней; одновременно Радищев принимал участие в деятельности Комиссии о коммерции, был членом казенной палаты Петербургского губернского правления и т. д.

А вне службы этот видный чиновник чрезвычайно много занимается философией, историей, юриспруденцией и другими науками, но особенно – литературой. Просветительские воззрения Радищева на исторический процесс обусловили огромный интерес его к проблемам воспитания, а в результате разработки этих проблем в различных аспектах Радищев явился основоположником русской революционной педагогики, этики и эстетики. В решении проблем общественного развития, объяснении причин исторического процесса Радищев, как и другие философы-просветители, был идеалистом. Полагая, что «мнения правят миром», особую роль в истории он придавал слову (в широком смысле – литературе, поэзии, ораторскому искусству) – прежде всего революционному слову – и личности. Активной, преобразующей, творческой силе слова посвящены незаконченная аллегорическая оратория «Творение мира», «Слово о Ломоносове» и др. О роли примера, значении выдающейся личности в истории Радищев писал в том же «Слове о Ломоносове», «Письме к другу, жительствовавшему в Тобольске». Обобщением исторических и политических концепций Радищева стала ода «Вольность» – первое произведение русской революционной поэзии.

В основе сюжета оды лежат общепросветительские теории естественного равенства людей, естественного права и общественного договора, переосмысленные Радищевым в революционном духе. «Дар небес благословенный», вольность родилась вместе с человеком. В «естественном состоянии» человек не знает никаких ограничений: закон, по которому он живет, – его собственная воля, желания. Но ради своей пользы, ради собственной выгоды люди объединяются в гражданские общества, добровольно отказываясь от неограниченных желаний и возлагая на себя обязанность соблюдать определенные законы, зиждущиеся на естественном праве. В народе возникает «общая власть», способствующая процветанию первых обществ, законы которых равно распространяются на всех граждан, равно беспристрастны к любому члену общества. Но появляется «чудовище ужасно» – религия, а с ней рабство и деспотизм; общество приходит в упадок, ибо религия сковывает человеческий рассудок, царская власть подавляет волю. Так продолжается до тех пор, пока не появляется «мститель» – человек, осознавший неестественность угнетения:

Он молвит, вольность прорекая, –
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

И вслед за свободным словом «возникнет рать повсюду бранна», восставший народ, пользуясь природным правом мщения, судит царя как гражданина, нарушившего общественный договор. Вместе с казнью венчанного преступника на основе естественного «закона природы» возникает царство свободы, народовластия. Всеобщее процветание захватывает все области жизни – науку, искусство, хозяйство, семейную жизнь и пр.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Но людям свойственны страсти, они пробуждают жажду властвования – и вновь возникает религия, раздоры приводят к гражданской войне, на новой основе возникает «мучительство», деспотизм. «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство... На что сему дивиться, и человек родится на то, чтобы умереть...» Но значит ли это, что положение безвыходно, что деспотизм будет воскресать неизменно, всегда, повсеместно?

Нет, отвечает Радищев, положение не безнадежно, но люди должны осознать, что свобода – «дар благой природы», начертанный в сердцах извечно. Обуздав страсти, люди смогут установить навсегда царство свободы, но зависит это от самих людей – и только от них самих.

Размышляя о будущем отечества, Радищев создает свою концепцию грядущего России – еще очень далекого грядущего, но неизбежного. Сейчас самодержавие чрезвычайно сильно, и деспотическая Россия еще долго будет укрепляться, захватывая все новые и новые территории. Но в этом расширении государства как раз и заложены семена неизбежной революции. Чем обширнее будет территория России, тем слабее влияние центральной власти, тем больше будет ослабевать самодержавие. И наступит время, когда в огне гражданской войны громадное государство развалится на части, которые объединятся в добровольный союз республик и раздавят самодержавие.

Убежденность в неизбежности народной революции и требование, чтобы земля принадлежала тому, кто ее обрабатывает, земледельцу, сближают Радищева с революционными демократами, с Герценом и Чернышевским (хотя хронологически он был предшественником декабристов). Слова, сказанные о себе самом: «Нам вольность первый прорицал» – свидетельство того, что поэт отлично сознавал свою собственную роль в истории России. Вместе с тем эти слова говорят о том, что уже в начале 80-х годов Радищев решил использовать литературу для революционной пропаганды. Приняв это решение после длительного молчания, писатель готовится вновь обратиться к печатному станку.

Учение об активном человеке, о праве угнетаемых на восстание и о роли в нем выдающейся личности, вождя составили философско-политическую основу «Жития Федора Васильевича Ушакова», сюжетом которого является биография друга юности Радищева и рассказ о бунте русских студентов в Лейпциге. Показ зависимости человека от среды (прежде всего – от политических и социальных условий, в которых он живет), изображение формирования характера под воздействием обстоятельств сделали Радищева одним из основоположников реалистического метода в русской прозе.

С середины 80-х годов Радищев работал над итоговым своим произведением – «Путешествием из Петербурга в Москву», в которое ввел ряд сочинений, написанных ранее («Творение мира», «Вольность», «Слово о Ломоносове» и др.). Завершив первую редакцию произведения в середине 1788 г., Радищев дополнил и расширил книгу до апреля 1790 г. Приобретя печатный станок, он завел домовую типографию, в которой напечатал в начале 1790 г. «Письмо к другу», а в конце мая – «Путешествие».

Уже через три недели после появления книги в продаже она попала в руки полиции, а затем и Екатерины II. Началось следствие. Им фактически руководила сама императрица, по словам которой Радищев – «бунтовщик хуже Пугачева». 30 июня 1790 г. писатель был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Суд приговорил его к смертной казни, которую императрица заменила лишением чинов и дворянства и ссылкой в Илимский острог в Сибири.

Трудно переоценить зрелость мыслителя, понимавшего неизбежность коренных перемен в жизни России и осознававшего их отдаленность. Еще труднее переоценить мужество человека, отца четырех детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет (жена писателя Анна Васильевна умерла в 1783 г.), сознательно идущего навстречу почти верной гибели. В написанном в Илимске трактате «О человеке...», сопоставив воздействие смелой мысли с искрой, от которой разгорается пожар (кстати, не реминисценцией ли из Радищева явился знаменитый стих А. И. Одоевского – «Из искры возгорится пламя...?»), Радищев добавил: «Но нужны обстоятельства, нужно их поборство, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление отъемлет все препоны».

При Павле I, в 1797 г., Радищев был переведен в ссылку под надзором полиции в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
одно из имений отца – село Немцово Калужской губернии.

Ни следствие, ни суд, ни ссылка не сломили писателя. Вскоре по прибытии в Илимск он начал работу над своим крупнейшим философским сочинением – трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии». В годы ссылки Радищев создал ряд экономических и исторических трудов, поэтических произведений, начал писать статью «Памятник дактилохореическому витязю», заложившую основы научного стиховедения в России.

После воцарения Александра I Радищев был «прощен» и определен на службу в Комиссию составления законов. В юридических работах и законодательных проектах 1801–1802 гг. Радищев проводил прежние идеи, требуя уничтожения крепостного права, сословных привилегий и т. д. Возникла угроза новой ссылки, и писатель–революционер, реализуя просветительскую идею о праве человека на самоубийство как форме протеста, отравился. Скончался он в ночь с 11 на 12 февраля 1802 г.

Самоубийство Радищева отнюдь не было результатом некоего «духовного краха». Достаточно вспомнить лишь одно из рассуждений о самоубийстве, встречающихся в его сочинениях. В главе «Крестьяцы» «Путешествия» отец, провожающий сыновей на службу, говорит им: «Се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, – тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. – Умри».

В глазах просветителя Радищева самоубийство – последнее свидетельство величия человеческого духа, «венец блаженства» человека–борца, предпочитающего смерть – жизни под ярмом.

Основные черты философской системы и социально–политической концепции Радищева сформировались в лейпцигский период жизни – в период интенсивного творческого освоения лучших достижений европейской, прежде всего французской, просветительской мысли, и в особенности идей Гельвеция. Хотя философский трактат «О человеке...» написан много лет спустя, концепция в целом сложилась весьма рано и нашла отражение в различных произведениях Радищева.

Европейское, и особенно французское, Просвещение как широкое идейное течение было связано с борьбой буржуазии против феодальных устоев, монархического, самодержавного произвола, сословного неравенства, крепостного права (в тех странах, где оно существовало) и всех его порождений в экономической, социальной и юридической областях. Особенности русского Просвещения определялись спецификой исторического процесса России, где первый этап освободительного движения был дворянским. В связи с этим у русских просветителей значительно слабее выражены элементы буржуазной идеологии, но гораздо острее – борьба со злоупотреблениями, порождаемыми крепостным правом, со сложившимися формами самодержавия и его системой фаворитизма.

Основной философский вопрос Радищев–просветитель решал материалистически. «Бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе», – утверждал он. Горячо отстаивая идею беспредельной познаваемости мира, Радищев полагал, что познание осуществляется через чувственное восприятие, опыт и разум. При этом он подчеркивал, что, хотя существуют эти три разных вида «силы познания», сама она «единая и неразделима». Главные свойства материи – бытие, движение, пространство и время. Природа образует вечный круговорот, который заключается в том, что присущее материи движение дает начало всякому явлению, вызывает в нем изменения и, наконец, разрушает его. Говоря о непрерывной эволюции как результате борьбы противоположностей, доказывая, что «будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем и состояния противоположные суть следствия, одно другого неминуемые», Радищев подходил к диалектике.

Переноса законы природы на историю, Радищев рассматривал исторический процесс как развитие по спирали, в котором эпохи регресса («заблуждения», «рабства») сменяются эпохами прогресса («истины», «вольности»). Из этого разделявшегося многими европейскими просветителями представления Радищев вполне самостоятельно вывел вывод о неизбежности революции. К тому же выводу вела и радищевская трактовка «естественного закона» – главного закона человеческой жизни. «Человек,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
происходя на свет, есть равен во всем другому. Неможен, наг, алчущ, жаждущ; первое откуда его стремление или естественная есть обязанность искати своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребится не может, потому что основано на необходимой нужде». Из идеи «естественного равенства» людей и «естественной обязанности» «искати своего сохранения» следует вывод: «Если я кого ударю, тот и меня ударить может». И далее: угнетаемые крепостные имеют право убить «зверского помещика», народ не только имеет право, но и обязан ликвидировать самодержавие.

Разделяя и развивая концепцию Гельвеция об «интересе» и «пользе», «разумном эгоизме» как силе, движущей людьми, Радищев полагал, что эгоистические «страсти» людей в прошлом приводили к краху «вольности» и торжеству нового порабощения. Однако если люди познают гибельность эгоистических «страстей» и сумеют их обуздать, то в будущем революция, «вольность» могут восторжествовать окончательно.

К борьбе за осуществление своих идеалов Радищев считал необходимым привлечь все возможные средства, в том числе искусство и литературу. Они могут сыграть тем большую роль, что в основе всех искусств лежит неотъемлемое свойство человека – «соучастование» и связанная с ним чувствительность. В определении истоков искусства Радищев, как и все просветители XVIII в., исходит из представления о «естественном человеке», о человеке «вообще». Но раскрывается понятие «соучастование» Радищевым так, что оно вновь подводит к мысли о человеке как существе активном, созидающем, а главное – общественном. Человек, бесполезный «во единице», черпает силу в общении с другими людьми и кровно заинтересован в их судьбе. На этой заинтересованности и строится искусство, открывающее человеку мир чувств и мыслей других людей.

Пределы литературы неограниченны, как неограниченны способности человеческого воображения; предметом ее является «беспредельность мечтаний и возможности». Эта радищевская формула означает: вдохновения достойны и весь мир материальной природы, мир конкретно-чувственный, и все, что человек постигает посредством разума, абстрактного мышления. Широчайший диапазон поэтического охвата действительности ломал рамки, в которые заключали литературу классицизм, сентиментализм, официальная эстетика. И чем глубже помогает познать жизнь во всем ее многообразии творчество писателя, тем сильнее его влияние на современников и потомков. Сила воспитательного воздействия литературы определяется прежде всего ее познавательной способностью, тем, насколько она помогает людям почувствовать и познать истину. А причиной несчастий человечества, считал Радищев, как и другие просветители, является заблуждение, незнание истины.

На темноте народа, на вековом обмане, на невежестве, заблуждениях и суевериях, распространяемых религией, держится самодержавие. Но именно потому, что самодержавие и церковь, желая вечно держать народ в оковах рабства, боятся истины (см. «Вольность», строфы 8–9), она должна стать оружием в руках писателей. Истина учит ненавидеть «словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие». «Истина есть высшее для нас божество» – таково кредо самого Радищева. Выявить же и утвердить истину – совсем не просто, ибо на пути ее познания по-разному, но в равной мере стоят и пропагандисты официальной идеологии, и православная церковь, и масоны, и сторонники различных идеалистических учений. Все они олицетворяют «полет невежества», мешают людям направить внимание на действительные источники их страданий, сеют заблуждения, ниспускаются в «туманы предрассудков и суеверия», гоняются за «мечтаниями».

Истинная же правда состоит в том, что «красота мира», «прекрасный в мире порядок», согласно которому свободные люди могут и должны жить в обществе, помогая друг другу, уродуются рабством и крепостничеством. Подлинная правда заключается в том, что две трети русских граждан находятся в состоянии узаконенного рабства, лишены гражданских и человеческих прав. Истина в том, что самодержавие и крепостничество есть «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» и только уничтожение их освободит человечество [2]. Раскрытию этих идей посвящено все творчество Радищева.

Уже в самых ранних известных нам работах Радищева поставлены эти основополагающие проблемы – пока еще по отдельности. Крепостное право как явление, не соответствующее естественной природе человека и не обеспечивающее

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru его основных потребностей и прав, предстает в «Отрывке путешествия в *** и*** Т***». Проблема взаимоотношений народа и монарха лаконично сформулирована в примечании о «самодержавстве» к переводу «Размышлений» Мабли. В нерасторжимом единстве двуединое чудище – самодержавие и крепостничество – является читателю «Путешествия».

Главный «предмет» книги – «чудище обло...» – назван уже на титульном листе, в эпиграфе. В посвящении «А. М. К.» раскрыта цель и задача произведения. «Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Как просветитель-материалист, Радищев полагает, что человек зависит от внешних условий и обстоятельств. Помочь людям познать истину, научить их «взирать прямо» на «окружающие предметы», то есть на действительные причины зла, – долг писателя и цель книги Радищева. А в последних строках посвящения автор выступает уже совершенно открыто: «Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит... кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей, кто в шестии моем меня подкрепит, – не сугубой ли плод произойдет от поднятого мною труда». Трудно (пожалуй, даже невозможно) было бы яснее заявить об агитационной, открыто пропагандистской задаче, которую преследует книга: привлекать единомышленников и «сочувственников». В этих строках посвящения писатель раскрыл себя, свой публицистический замысел до предела, – но только здесь, ибо дальше, с главы «Выезд» начинается уже само путешествие в «Путешествии», повествование о котором ведет не автор, а герой – Путешественник.

Тема и цель книги определили жанр: «путешествие», путевые записки позволяли ввести такое количество материала – эпизодов, встреч, образов, рассуждений, – часть которого была бы лишней, попросту обременяла бы произведение с повествовательной фабулой. Отказавшись от фабулы, условно скрепляющей главы, Радищев крепко спаял книгу внутренней логикой, создал произведение с поистине «железной» композицией.

Построение книги, последовательность эпизодов и глав полностью определяется публицистической мыслью писателя, а не, допустим, логикой эволюции художественного характера или развитием какой-то конкретной событийной интриги. Именно развитие публицистической мысли влечет для писателя необходимость постановки данного эпизода в том, а не ином месте книги, и благодаря этому читатель должен повторять все изгибы и извивы авторской мысли, буквально не имея возможности ни на один момент отвлечься от нее. Из-за такой «жесткой» конструкции главные вопросы ставит и главные выводы делает с абсолютной неизбежностью сам читатель.

В таком взаимодействии пары «писатель – читатель» заключается главный ответ на вопрос, почему «Путешествие» – выдающийся факт русской художественно-публицистической литературы и не принадлежит ни к «чистой» публицистике, ни к «чистой» беллетристике.

Этот основной, определяющий момент дополняется вторым существенным элементом: постоянными обращениями к читателю, причем двуединая – художественная и публицистическая – природа книги постоянно обуславливает двойную направленность их. В художественной структуре книги эти обращения Путешественник адресует своему другу; в публицистической же ее ткани это автор говорит непосредственно с читателем. В свете этого понятна «условность» инициалов «А. М. К.», поскольку реальный А. М. Кутузов отнюдь не разделял воззрений Радищева. А. М. К. в книге – такой же литературный персонаж, как и сам Путешественник, который, отражая общественно-политические воззрения автора, вовсе не является автобиографической копией.

Третий публицистический, но по отношению к главному тоже дополнительный элемент – это регулярное включение в художественную ткань повествования якобы «чужих произведений», причем произведений таких жанров, которые крайне прочно связаны именно с публицистической, риторической традицией: «наставление отца детям», два «проекта в будущем» – типичных манифеста по форме, ода – наиболее яркий стихотворно-публицистический жанр, блистательный «сон», «слово», не говоря уже о многочисленных «речах» – рассказах встречных персонажей и самого Путешественника.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Но то обстоятельство, что повествование ведет не автор-писатель, а Путешественник, человек со своей биографией и характером, – столь же решительно выводит «Путешествие» из сферы публицистики в царство литературы («поэзии», как говорили в XVIII столетии), в царство художественного вымысла, творческой фантазии.

Все главы от «Софии» до «Спасской Полести» объединяет сквозная тема закона и всеобщего беззакония. Беззаконие царит на всех ступенях общества; вопреки законам поступают все – от ямщика и мелкого чиновника до наместников и ближайших помощников государя. Более того, существующие законы Российской империи при сопоставлении их с «естественным законом», «естественным правом» оказываются узаконенным беззаконием, ибо не обеспечивают прав, присущих человеку «от природы»: «личной сохранности», «личной вольности», «собственности» – и даже способствуют отъятию собственности, свободы, самой жизни. Может быть, все дело в том, что престол занимает монарх-деспот, и положение изменится с воцарением «просвещенного монарха»? Ведь с идеей «просвещенной монархии» связывали надежды многие европейские просветители и все русские – за исключением Я. Б. Княжнина последних лет жизни и А. Н. Радищева, у которого иллюзий на этот счет не было. В «Спасской Полести», в первой части «сна», являющегося кульминацией первого цикла глав, оперируя действительными фактами царствования Екатерины II, Радищев создает образ государя, обладающего всеми основными чертами, которые, согласно теории «просвещенного абсолютизма», должен иметь «просвещенный монарх». Тем сильнее звучит разоблачение вопиющих беззаконий во второй части «сна», тем непреложнее читатель подводится к выводу: раз подобное может твориться при «просвещенном» государе, значит, не годится система единовластного правления, принцип монархии.

В следующем цикле глав (от «Подберезья» до начала «Городни») писатель вскрывает иллюзорность взглядов тех, кто видел способы коренного преобразования действительности в частных улучшениях, мерах, реформах, показывает бесперспективность стихийных крестьянских бунтов («Зайцово») и восстаний типа Пугачевского («Хотиллов»). В конечном счете Радищев подводит читателя к выводу, что единственное средство изменения действительности – коренная ломка политических и социальных отношений, разрушение самодержавно-крепостнического строя путем народной революции. Кульминацией этого цикла является глава «Тверь», а внутри ее – ода «Вольность», в которой Радищев детально обосновал право народа на революционное насилие, доказал неизбежность революционного пути в историческом процессе.

Народная революция, естественный итог самой «тяжести порабощения», по Радищеву, – это сознательная ломка всей системы самодержавия и крепостничества, движение, направляемое революционной теорией. Революция явится первым шагом на пути превращения России в республику, где власть будет принадлежать народу, земля – крестьянам, где будет существовать полное равенство. Концепция Радищева была утопической, но она отражала чаяния крепостного крестьянства, крестьянскую «идею равенства», которую В. И. Ленин назвал самой революционной идеей «в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще – и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности» [3].

Однако Радищев отлично сознает, что революция – дело грядущего. «Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие». В настоящем же существует самодержавно-крепостническая действительность, и писатель вновь обращается к ее изображению, сознательно повторяя тематику начальных глав: беззаконие и произвол, «колдовство вельмож», духовные и душевные свойства народа, тяжелое положение крепостного крестьянства. Но будущее не безнадежно, и порукой тому потенциальные творческие силы русского человека, столь могучие, что они прорываются даже в сковывающих условиях самодержавия («Слово о Ломоносове»).

Подобно двойному «адресату», в «Путешествии» есть своеобразный двойной «автор»: пишет книгу и ведет мысль Александр Радищев, а рассказывает и увлекает за собой эмоции читателя безымянный Путешественник.

Путешественник, главное действующее лицо книги, – тщательно разработанный индивидуализированно-типический характер, «портрет», но портрет по преимуществу психологический. Радищев в прозе сделал то же, что Фонвизин в драматургии, – заложил основы русского реализма. Хронологически «Путешествию» предшествует «Житие Ушакова», но предшествует только формально: оба произведения писались

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru параллельно. Без сомнения, опыт работы над одной вещью способствовал созданию другой – и наоборот. Коренное же различие двух первых прозаических явлений русского реализма заключается в том, что Ушаков обрисован исключительно «снаружи», увиден глазами друга и воскрешен в его воспоминаниях о прошлом, – тогда как Путешественник дан «изнутри» – и только «изнутри» (в том смысле, что о всех его мыслях и действиях мы узнаем от него самого).

О «внешних данных» Путешественника мы знаем немного, но сведения эти вполне определены. Ясно его социальное и материальное положение: дворянин, не владеющий крепостными; служащий чиновник, имеющий отношение к «таможенной пристани» в Петербурге; он достаточно скромно ест и пьет, не располагает «лишними» деньгами и т. д. Более или менее известны его возраст и семейное положение: немолодой вдовец, имеющий детей, причем старший сын его скоро должен идти в службу. Мы узнаем о его развратной юности и горестных ее следствиях («Яжелбицы», – тут «данные» Путешественника и Радищева полностью расходятся; однако в основе «исповеди» Путешественника лежат реальные впечатления юности писателя: ведь Федор Ушаков скончался, как говорится в «Житии», от венерической болезни, – то есть от того, от чего жена Путешественника).

Противник самодержавия и крепостничества, великолепно знающий об особенностях положения и социального бытия различных групп крестьянства, отлично разбирающийся в специфике крестьянского труда (что проявляется уже в «Любанях»), Путешественник – прекрасно образованный человек, свободно оперирующий десятками имен писателей, художников, ученых и т. п., знаток истории, юриспруденции, литературы, философии, экономики и пр., – а к тому же и вполне светский человек, имеющий в «обществе» разнообразные связи и знакомства, находящийся в курсе споров по острейшим и жгучим вопросам современности и высказывающий при этом самые прогрессивные идеи. Словом, в политическом, философском, идеологическом, общественном отношении Путешественник – двойник автора. Роднят их и многие моральные качества, среди которых в первую очередь – верность друзьям, любовь к детям, чувствительность. Передал автор герою и такое свойство, как женолюбие.

Однако в одном, и весьма существенном, отношении Путешественник решительно отличается от Радищева – в «поведенческом» плане, во внешних проявлениях. Путешественник крайне вспыльчив – до несдержанности, чувствителен – до экзальтации, эмоционально импульсивен. Любое событие вызывает у него повышенно экспрессивную реакцию. Иногда эта экспрессивная эмоциональность проявляется в форме весьма патетических размышлений (можно вспомнить о таких мысленных, например, буквально «выкриках», как «О богочеловек!..» и др. в «Спасской Полести», знаменитых тирадах из «Городни», «Пешек», «Черной Грязи» и т. д.). Нередко внутренние переживания находят бурные внешние проявления («Слезы потекли из глаз моих» – «Любани»; «...возопил я паки... Я рыдал вслед за ямским собранием...» – «Клин» и мн. др.). Иной же раз эти внешние проявления доставляют (или могут доставить) Путешественнику неприятности: в Софии он «намерялся сделать преступление на спине комиссарской», в Городне же ему самому едва не наkostenяли шею «отдатчики рекрутские». Наконец, Путешественник весьма словоохотлив, легко вступает в контакт с любым собеседником, к какому бы сословию, общественному слою он ни принадлежал, умеет его «разговорить».

О Радищеве-человеке по вполне понятным причинам сохранилось немного воспоминаний, но все, что мы знаем о нем, свидетельствует о полной противоположности его поведения в быту. В отличие от Путешественника, Радищев в жизни был человеком в высшей степени сдержанным, крайне скрытным. Сдержан он был и в речах. Сын Радищева писал об отце: «Замечали, что он более отвечал на вопросы, нежели сам начинал говорить... впрочем, мало занимаясь тем, что вне его, он был как [бы] сосредоточен в самом себе как человек, занятый предметом, им овладевшим».

Таким образом, передав герою свои мысли и чувства, наделив его многими чертами собственной личности, Радищев в ряде пунктов (как биографии, так и характера) сделал Путешественника иным человеком, отделил его от себя. В ходе путешествия герой претерпевает серьезную эволюцию, причем эволюция Путешественника связана с переменами в состоянии самого писателя в процессе создания книги.

В конце произведения перед читателем изменившийся человек.

Из Петербурга выехал революционер – и в Москву приехал революционер; но выехал он в весьма пессимистичном состоянии, а приехал человеком, настроенным

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru оптимистично. Эта психологическая эволюция Путешественника и есть результат многочисленных дорожных встреч и картин, вызванных ими размышлений героя. В начале пути он думал о самоубийстве, собираясь отдать бесполезную жизнь богу («Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна» – «София»), не вполне расстался с этой мыслью и в «Бронницах». Но даже намек на подобные размышления нет в заключительных главах, несмотря на все страшные встречные картины. Наоборот, во второй половине книги можно увидеть, что в целом остающееся трагическим повествование перемежается шутками; особенно заметно это в концовках большинства глав («Валдай», «Хотиллов», «Торжок», «Тверь», «Завидово»).

Постоянно чередующиеся в рассказе Путешественника добродушный юмор, беззлобное подтрунивание, автоирония, иронический пафос, разоблачительная и обличительная сатира, гневный сарказм совершенно очевидно складываются в определенную систему – систему комического разных градаций и форм, с которой теснейшим образом переплетается патетика. Автоирония и ирония, свойственные Путешественнику (и присущие творческой манере Радищева вообще), создают в художественной ткани повествования резкие контрастные столкновения, «стыки» патетического и бытового, трагического и комического, «высокого» и «низменного». Вместе с тем все это резко оттеняет интеллектуально-психологическую индивидуальность Путешественника, ибо присуще только ему одному: ни одной из форм комического нельзя усмотреть в рассказах, сочинениях, речах всех встреченных героем на пути «сочувственников» и единомышленников – от Ч. до автора «Вольности».

Чтобы помочь читателю разобраться в характере книги и в эволюции героя (а может быть, и предвратить его в могущей появиться при чтении первых глав мысли о самоубийстве Путешественника), Радищев ввел оптимистичнейшее посвящение А. М. К. Здесь, по существу, представлены в концентрированном виде суть психологического состояния как автора, так и персонажа – и процесс изменения этого состояния. Отчетливо обозначенный в посвящении переход от только уязвленного состояния к «веселию неизреченному», обусловленному тем, «что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобным», совершился и с самим Радищевым во время работы над книгой, и с радищевским героем во время его путешествия из Петербурга в Москву.

В разговоре о Радищеве-писателе «Путешествию» уделено наибольшее внимание не случайно. Дело не только в объективном историческом значении первой русской революционной книги. В ней с наибольшей полнотой и ясностью проявился реалистический метод Радищева-прозаика, характернейшие для его творчества художественная публицистичность, сочетание трагического и комического, подчеркнутая личностность повествования, его эмоциональность и экспрессия, устремленность на «друга» – читателя, адресата и т. п. Наконец, и в «содержательном» смысле «Путешествие» занимает в радищевском творчестве центральное место. Помимо того что в книгу вошли многие ранее написанные мелкие произведения (см. об этом в примечаниях), с «Путешествием» связаны все прозаические сочинения писателя и значительная часть поэтических.

Содержание «Отрывка путешествия...» в преобразованном виде отразилось в главах «Любани» и «Пешки». Рассуждения о величии исторического деятеля из «Письма к другу...» перекликаются с «Хотилловом», переживания героя «Дневника одной недели» развивают намеченное в «Выезде» и «Софии». Даже столь далекое, казалось бы на первый взгляд, от «Путешествия» сочинение, как трактат «О человеке...», является реализацией замысла, сформулированного в «Крестьцах». Объясняя детям принципы их воспитания, отец – крестичий дворянин – напоминает им: «Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми... Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога... Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оногo сказано многими...» Именно так построен философский трактат, адресованный детям самого Радищева: в двух первых его книгах идея бессмертия опровергается и отвергается, в двух последних развивается и утверждается, – причем, как подметил еще А. С. Пушкин, Радищев «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма».

Глава «Тверь», с одной стороны, заключает в себе зерно замысла «Памятника дактилохореическому витязю», а с другой – предсказывает будущую ломку поэтики, стиховой формы произведений Радищева-поэта.

* * *

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Именно различный подход к проблеме формы отчетливо делит весь поэтический путь Радищева на два этапа.

Достоверно принадлежащие радищевскому перу стихотворения, сочиненные до 1795 г., исчисляются всего лишь семью произведениями. Но даже жанровый диапазон их (песня, оратория, эпитафия, ода, «стихи», элегия, молитва), равно как и зрелая стиховая техника, свидетельствует о широких интересах Радищева в области поэзии. Вместе с тем есть нечто общее, что объединяет совершенно различные по проблематике и жанру произведения первого периода поэтического творчества Радищева, – это сугубая традиционность формы, полное отсутствие какого-либо новаторства в стихосложении (при столь же ярко выраженном новаторстве содержания).

Дело в том, что в процессе становления русского классицизма сложилась строгая система жанров, каждый из которых был связан не только с определенным содержанием (в широком значении слова, которое включало в себя идейно-тематическую проблематику, эмоциональный строй, образную систему произведения и т. п.), но и с достаточно прочно закрепленной формой. Принцип механического соответствия формы содержанию в целом был свойствен также поэтике сентиментализма.

Данный принцип характерен и для поэзии Радищева первого этапа. Так, например, «Вольность», произведение принципиально новаторское для всей русской поэзии по содержанию, весьма традиционно по форме вообще и особенно по стиху и строфике. Четырехстопный ямб с отчетливо выраженным одически-публицистическим типом ритма (степень ударности первой стопы выше, чем второй, а ударность третьей больше 50%); десятистишная строфа с рифмовкой АБАБВВГДДГ; рифмы, соответствующие принципам «русской» школы функционально значимой рифмовки (впрочем, здесь можно заметить следование и державинской традиции, сказавшееся в обилии ассонансов, наряду с чрезвычайно интенсивной неточной рифмовкой вообще и отказом от стандартных рифм); наконец, сам жанр оды-трактата, всесторонне рассматривающей определенную тему, – все это вполне традиционно. Столь же традиционна полиметрия в оратории «Творение мира» и т. д.

Уже во второй половине 1780-х годов Радищева не удовлетворяло состояние русского стихосложения. Устами «новомодного стихотворца» в «Твери» он осуждает практику классицистической и сентиментальной поэзии, причем выступает с позиций предромантической поэтики и с этой точки зрения критикует свою «Вольность». Первым в России Радищев выдвинул проблему специфически национальной формы. Однако решать ее, реализовать в художественной практике начал не он, ибо сразу по выходе в свет «Путешествия» писатель был насильственно изъят из литературы.

Отвечавший мыслям Радищева литературный «русский стих» (специфически переосмысленный тонический принцип народного творчества, – песни и былины прежде всего) был разработан и введен в поэзию Н. А. Львовым. Познакомился с «русским стихом» Радищев, по-видимому, через «Илью Муромца» Карамзина (см. подробнее в примечаниях к «Песни исторической»). Так как эта форма соответствовала идеям Радищева о необходимости национальных форм, он обратился к «русскому стиху» в поэме «Песнь историческая», а затем в «Бове», куда он ввел уже отдельные моменты полиметрии. Первым опытом поли метрической эпической поэмы в русской литературе явилась последняя радищевская поэма – «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам».

В мелких стихотворениях второго этапа поэт обращался к различным формам античной метрики («Журавли», «Сафические строфы», «Ода к другу моему») и к «русским размерам» («Идиллия»).

Практическое решение проблем художественной формы делит поэтический путь Радищева на два этапа, однако по содержательно-художественным принципам поэзия его представляет собой явление весьма цельное. По идейно-философскому содержанию, пристальному вниманию к проблеме историзма, философии истории, отсутствию нормативности и правил, новому поэтическому видению мира, вниманию к этическим проблемам личности и общества, своеобразию образной системы, введению автобиографических мотивов в поэзию, попыткам создания индивидуальных характеристик, обилию конкретных намеков, стилистическому «перепутажу» (то есть смелому сочетанию прозаизмов и просторечия с высокой архаизированной лексикой) и т. д. – поэзия Радищева в целом – одно из самых отчетливых и ярких проявлений русского пред романтизма.

По содержанию все стихотворные произведения Радищева совершенно четко могут быть разделены на две группы.

Произведения одной группы – это стихи (преимущественно небольшие по объему) личного характера, с более или менее явно выраженными автобиографическими мотивами: «Песня», «Эпитафия», «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?..», «Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится...», «Час преблаженный...», «Журавли» и др. Поводом к написанию каждого из них было какое-то конкретное событие биографии поэта, какие-то (не всегда сейчас могущие быть точно определенными) движения его души, эпизоды его интимной жизни.

Произведения другой группы – это глобальные по охвату материала, по масштабности мысли сочинения, посвященные на первом этапе ключевым проблемам философии истории в ее радищевском понимании («Творение мира», «Вольность»), а на втором – философско-поэтическому осмыслению реальной истории человечества, причем этот замысел должен был воплотиться в цикле идейно-тематически связанных между собой поэм, огромных по объему.

Первая (и единственная сохранившаяся полностью) поэма этого цикла – «Песнь историческая» – обстоятельный рассказ поэта о древнейшей истории, от библейского «баснословия» до фактического крушения Римской империи. Основанная на тщательном изучении источников, насыщенная колоссальным количеством фактов и имен, поэма Радищева – меньше всего бесстрастное историческое повествование. Скорее это – лирическая «песнь» о древнейшей истории человечества, лирическая потому, что все произведение, от начала до конца, пронизано личными эмоциями поэта, который лаконичными, отточенными формулировками подчеркивает свои симпатии и антипатии.

За внешне комическим сюжетом «Бовы» – «повести богатырской стихами» – скрывался иной план развития сюжета, связанный с новейшей историей России, с проблемами современной государственной власти. Этот второй сюжет, поскольку мы можем судить о нем по уцелевшим частям поэмы, развивался преимущественно в аллюзиях, в иносказаниях, в аллегориях, – да это и понятно: ведь работал над «Бовой» поэт в условиях немцовой ссылки, под неусыпным надзором властей предрежащих.

Сюжет последней, оставшейся незаконченной поэмы «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» должны были составить древнейшая история России, республиканского Новгорода, прославление борьбы свободолюбивых новгородцев и, судя по прозаическому вступлению, других славянских племен с угнетателями и поработителями.

Особую роль в поэтическом наследии Радищева играет «Осмысленное столетие» – своего рода завещание поэта-революционера и наряду с этим – глубочайшая диалектическая оценка переломного в истории человечества века, данная современником. Исторический оптимизм Радищева, свойственный последнему его произведению, опирается на те самые идеи, которые были художественно обоснованы в его первых крупных стихотворениях, – вере в силу революционной мысли и слова, предшествующих действию («Творение мира»), и убежденности в неизбежности революционного пути («Вольность»).

Размышляя над ожидающей его самого после выхода «Путешествия» судьбой, в текст «Слова о Ломоносове», завершающего книгу, Радищев ввел вопрос: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения?» Отвечая на этот вопрос, Радищев сравнил действие слова и разума с библейским мифом о создании мира: «Первый мах в творении всесилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом».

«Первым махом» в русском революционном «творении» было слово Радищева – и это очень четко сформулировал сам автор «Вольности» и «Путешествия из Петербурга в Москву», сказав о себе:

Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

И потому закономерным и по-своему символичным явилось то, что первым памятником,
Страница 12

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
который воздвигла Советская власть великому деятелю прошлого, был памятник
Александру Николаевичу Радищеву.

В. А. Западов

Путешествие из Петербурга в Москву*
«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

«Тилемахида», том II, кн. XVIII, стих 514
А.М.К.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой,
посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но
сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала.
Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека
происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на
окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к
своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная
мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство
николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя
оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей
природного чувствования – и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в
сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня
чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться
заблуждению; и – веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому
соучастником быть во благо действию себе подобных. – Се мысль, побудившая меня
начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо,
кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное
изображение мысли, кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей, кто в
шествии моем меня подкрепит, – не сугубой ли плод произойдет от подъятого мною
труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ моего
сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало.

Выезд

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему,
поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом.
Расставаться трудно, хотя на малое время, с тем, кто нам нужен стал на всякую
минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не
улыбаясь; любовь или дружба стрегут его утешение. Ты плачешь, произнося
«прости»; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем
воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надеяйся на
утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо
его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность
грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения. – Я лежу в кибитке.
Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного
Морфея. Горесть разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние,
представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине,
потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелени; не было тут
источника на прохладение, не было древесных сени на умерение зноя. Един,
оставлен, среди природы пустынный! Вострепетал. – Несчастной, – возопил я, – где
ты? где девалось все, что тебя прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе
приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? – По счастью
моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня
разбудила. – Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте
стоит дом в три жилья. – Что такое? – спрашивал я у повозчика моего. – Почтовой
двор. – Да где мы? – В Софии, – и между тем выпрягал лошадей.

София

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не заметил я, что кибитка моя
давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из
задумчивости. – Барин-батюшка, на водку! – Сбор сей хотя не законной, но охотно
всякой его платит, дабы не ехать по указу. – Двадцать копеек послужили мне в
пользу. Кто ездил на почте, тот знает, что подорожная есть оберегательное
письмо, без которого всякому кошельку, – генеральской, может быть, исключая, –

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо. – Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или усни. – Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо. – Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, – и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился. – Если лошади все в разгоне, – размышлял я, – то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне... – Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо покрепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продав еще глаз, спрашивал – Кто приехал? не... – но опомнившись, увидя меня, сказал мне: – Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. – Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались; но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запречь мне поскорее лошадей, и в самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл доброй гражданин. И так двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих – от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого. – На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека: найдешь его задумчива. Если захочет разгнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. – Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагренной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской.

Извозчик мой поет. – Третий был час пополудни. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. – О природа, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. – Уснул, и все скончалось. – Несносно пробуждение несчастному. О, сколь смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби. – Отче всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое нежественно. Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна.

Тосна

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую... Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающего, которой, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой, кто он был? – узнал я, что то был старого покрою стряпчий, едуший в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедля вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа: – Милостивый государь! Я, нижайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве, имел случай употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю нередкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Юрика его происхождение. Милостивый государь! – продолжал он, указывая на свои бумаги, – все великороссийское дворянство должноствовало бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но, с дозволения

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженных памяти благоверный царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество. Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет указ, и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титул маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятия попал в посмеяние и, с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения. – Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька... и, дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разносчикам, для обертки; ибо мнимое маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла – хвастовства древния породы.

Любани

Зимую ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. – Летом. – Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. – Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. – В нескольких шагах от дороги увидел я пащего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. – Первого сорок минут. – Я выехал в субботу. – Сегодня праздник, – Паший крестьянин принадлежит, конечно, помещику, которой оброку с него не берет. – Крестьянин пашет с великим тщанием. – Нива, конечно, не господская. – Соху поворачивает с удивительною легкостью. – Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, которой, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. – Бог в помощь, – повторил я. – Спасибо, барин, – говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду. – Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям. – Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. – Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самой жар? – В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, – крестясь, – чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господ молят. – У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья? – Три сына и три дочки. Первьинькому-то десятой годок. – Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? – Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро. – Так ли ты работаешь на господина своего? – Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянься на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится – отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это – отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимую не пускает в извоз, ни в работу в город; все работой на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? – Друг мой, ты

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
ошибаешься, мучить людей законы запрещают. – Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. – Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. – Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила. – Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение. – Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, которой, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровью мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распростираться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал. – Ты во гневе твоём, говорил я сам себе, устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедной твоей Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться услугою наших бедствий, величайшим даром природы несчастному – сном? – Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетьюми, ни батожем (о умеренной человек!), – и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. – Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не успел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяной, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! – А кто тебе дал власть над ним? – Закон. – Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный... – Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

Чудово

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика, и чрез несколько минут вошел в избу приятель мой Ч... Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел оттуда выехать так скоро. Особливое происшествие побудило человека нраву крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал.

– Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько в шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился съездить в Кронштат и на Систербек, где, сказывали мне, в последнее время сделаны великие перемены. В Кронштате прожил я два дня с великим удовольствием, насыщался зрением множества иностранных кораблей, каменной одежды крепости Кронштатской и строений, стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть нового Кронштату плана и с удовольствием предусматривал красоту намереваемого строения; словом, второй день пребывания моего кончился весело и приятно. Ночь была тихая, светлая, и воздух благорастворенной вливал в чувства особую нежность, которую легко ощущать, нежели описать удобно. Я вознамерился в пользу употребить благодать природы и насладиться еще один хотя раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, которого на гладком водяном горизонте мне еще видеть не удавалось. Я нанял морскую 12-весельную шлюпку и отправился на С...

Версты с четыре плыли мы благополучно. Шум весел единозвучностию своею возбудил во мне дремоту, и томное зрение едва ли воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел. Стихотворческое воображение преселяло уже меня в прелестные луга Пафоса и Амафонта. Внезапу острый свист возникающего вдали ветра разгнал мой сон, и отягченным взорам моим представлялись сгущенные облака, коих черная тяжесть, казалось, стремилась их нам на голову и падением устрашала. Зерцаловидная поверхность вод начинала рябеть, и тишина уступала место начинающему плесканию валов. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественные черты природы и не в чванство скажу: что других устрашать начинало, то меня веселило. Воскликнул изредка, как Вернет: – Ах, как хорошо! – Но ветер, усиливаясь постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты непрозрачных облаков совсем померкло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимал у гребущих силу шественного

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
движения. Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние. Природа завистливою нам на сей час казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужасного своего величества, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы, елико нам возможно было, ободряли друг друга.

Носимые валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Все наши силы, совокупно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояло. Упражняясь в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы не заметили, что ветер между Тем почти совсем утих. Небо помалу очистилось от затмевавших синеву его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтоб принести нам отраду, явила нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюпка наша не на мели находилась, но погрязла между двух больших камней, и что не было никаких сил для ее избавления оттуда невредимо. Вообрази, мой друг, наше положение, все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если б я мог достаточные дать черты каждому души моей движению, то слабы еще были бы они для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда. Судно наше стояло на середине гряды каменной, замыкающей залив, до С... простирающийся. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением. В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отверзается вечность, ниспадают тогда все степени, мнением между человек воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек: так, видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состояния, и помышляли о спасении нашем, отливая воду, как кому споручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновение паки накоплялося. К крайнему сердец наших сокрушению, ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна. Да и то, которое бы подало нам отраду, явясь взорам нашим, усугубило бы отчаяние наше, удаляясь от нас и избегая равныя с нами участи. Наконец, судна нашего правитель, более нежели все другие к опасностям морских происшествий обихший, взиравший поневоле, может быть, на смерть хладнокровно в разных морских сражениях в прошедшую турецкую войну в Архипелаге, решился или нас спасти, спасаясь сам, или погибнуть в сем благом намерении: ибо, стоя на одном месте, погибнуть бы нам должно было. Он, вышед из судна и перебирался с камня на камень, направил шествие свое к берегу, сопровождаем чистосердечнейшими нашими молитвами. Сначала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень, переходя воду, где она была мелка, переплывая ее, где она глубже становилась. Мы с глаз его не спускали. Наконец увидели, что силы его начали ослабевать, ибо он переходил камни медлительнее, останавливаясь почасту и садясь на камень для отдохновения. Казалось нам, что он находился иногда в размышлении и нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его товарищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающим в достижении берега; или достигнуть оного, если первому в том будет неудача. Взоры наши стремились вослед то за тем, то за другим, и молитва наша о их сохранении была нелicenseрна. Наконец, последний из сих подражателей Моисея в прохождении без чуда морския пучины своими стопами остановился на камне недвижим, а первого совсем мы потеряли из виду.

Сокровенные доселе внутренние каждого движения, заклепанные, так сказать, ужасом, начали являться при исчезании надежды. Вода между тем в судне умножалася, и труд наш, возрастая в отливании оной, утомлял силы наши приметно. Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда. Человек робкия души и чувствовавший долго, может быть, тягость удручительныя неволи рыдал, орошая слезами своими скамью, на которой ниц распростерт лежал. Иной, вспоминая дом свой, детей и жену, сидел, яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питались его трудами. Каково было моей души положение, мой друг, сам отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебе то, что я прилежно молился богу. Наконец, начали мы все предаваться отчаянию, ибо судно наше более половины водою натекло, и мы стояли все в воде по колено. Нередко помышляли мы вытти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших спутников на камне уже несколько часов и скрытие другого из виду представляло нам опасность перехода более, может быть, нежели она была в самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близ противоположенного берега, в расстоянии от нас каком то было, точно определить не могу, два пятна черные на воде, которые, казалось, двигались. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось; наконец, приближался, представило ясно взорам

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
нашим два малые судна, прямо идущие к тому месту, где мы находились среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящего. Как в темной хранине, свету совсем неприступной, вдруг отверзается дверь и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, распростирался по всей хранине до дальнейших ее пределов, – тако, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души. Отчаяние превратилось в восторг, горсть в восклицание, и опасно было, чтобы радостные телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы будем исторгнуты из опасности. Но надежда жития, возвращался в сердца, возбудила паки мысли о различии состояний, в опасности уснувшие. Сие послужило на сей раз к общей пользе. Я укротил излишнее радование, во вред обратиться могущее. По несколько времени увидели мы две большие рыбацьи лодки, к нам приближающиеся, и, при настижении их до нас, увидели в одной из них нашего спасителя, которой, прошед каменною грядою до берега, сыскал сии лодки для нашего извлечения из явной гибели. Мы, не мешав нисколько, вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, которой на оном около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше, стоявшее между камней, облегченное от тяжести, всплыло и развалилось совсем. Плывучи к берегу среди радости и восторга спасения, Павел, – так звали спасшего нас сопутника, – рассказал нам следующее.

– Я, оставя вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезвычайные; но сажень за сто до берега силы мои стали ослабевать, и я начал отчаяваться в вашем спасении и моей жизни. Но, полежа с полчаса на камени, вспрынув с новою бодростью и не отдыхая более, дополз, так сказать, до берега. Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут десять, встал и побежал вдоль берега к С..., что имел мочи. И хотя с немалым истощением сил, но, вспоминая о вас, добежал до места. Казалось, что небо хотело испытать вашу твердость и мое терпение, ибо я не нашел ни вдоль берега, ни в самом С... никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что нигде не можно мне лучше искать помощи, как у тамошнего начальника. Я побежал в тот дом, где он жил. Уже был седьмой час. В передней комнате нашел я тамошней команды сержанта. Рассказав ему коротко, зачем я пришел и ваше положение, просил его, чтобы он разбудил Г..., которой тогда еще почивал. Г. сержант мне сказал: – Друг мой, я не смею. – Как, ты не смеешь? Когда двадцать человек тонут, ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты, бездельник, лжешь, я сам пойду... – Г. сержант, взяв меня за плечо не очень учтиво, вытолкнул за дверь. С досады чуть я не лопнул. Но, помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника с его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятого дома, из которого меня вытолкнули. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, в которых, ездя по заливу, собирали булыжник на продажу для мостовых; я и не ошибся в моей надежде. Нашел сии две небольшие лодки, и радость теперь моя несказанна: вы все спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами в воду. – Говоря сие, Павел обливался слезами. Между тем достигли мы берега. Вышед из судна, я пал на колени, возвел руки на небо. – Отче всесильный, – возопил я, – тебе угодно, да живем; ты нас водил на испытание, да будет воля твоя. – Се слабое, мой друг, изображение того, что я чувствовал. Ужас последнего часа прободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность. Теперь чувствую: час бьет; я мертв; движение, жизнь, чувствие, мысль – все исчезнет мгновенно. Вообрази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущий мраз, лиющийся в твоих жилах и завершенно жизнь пресекающий. О, мой друг! – Но я удалился от моего повествования.

Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я сам себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершалось такое бесчеловечие! Я вспомнил о заключенных агличанах в темнице бенгальского субаба[4].

Воздохнул я во глубине души. – Между тем дошли мы до С... Я думал, что начальник, проснувшись, накажет своего сержанта и претерпевшим на воде даст хотя успокоение. С сею надеждою пошел я прямо к нему в дом. Но поступком его подчиненного столь был раздражен, что я не мог умерить моих слов. Увидев его, сказал: – Государь мой! Известили ли вас, что за несколько часов пред сим двадцать человек находились в опасности потерять живот свой на воде и требовали вашей помощи? – Он мне отвечал с наивеличайшею холодностью, куря табак: – Мне о том сказали недавно, а тогда я спал. – Тут я задрожал в ярости человечества. – Ты бы велел себя будить молотком по голове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи. – Отгадай, мой друг, какой его был ответ. Я думал, что

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
мне сделается удар от того, что я слышал. Он мне сказал: – Не моя то должность. – Я вышел из терпения: – Должность ли твоя людей убивать, скаредной человек; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь над другими!.. – Окончать не мог моя речи, плюнул почти ему в рожу и вышел вон. Я волосы драл с досады. Сто делал расположений, как отмстить сему зверскому начальнику не за себя, но за человечество. Но, опомнясь, убедился воспоминанием многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я же могу прослыть или бешеным, или злым человеком; смирился.

Между тем люди мои сходили к священнику, которой нас принял с великою радостью, согрел нас, накормил, дал отдохновение. Мы пробыли у него целые сутки, пользуясь его гостеприимством и угощением. На другой день, нашед большую шлюпку, доехали мы до Ораниенбаума благополучно. В Петербурге я о сем рассказывал тому и другому. Все сочувствовали мою опасность, все хулили жестокосердие начальника, никто не захотел ему о сем напомнить. Если бы мы потонули, то бы он был нашим убийцею, – Но в должности ему не предписано вас спасать, – сказал некто. – Теперь я прошусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие – грызть друг друга; отрада их – томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе. Нет, мой друг, – говорил мой повествователь, вскочив со стула, – заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно. Прости, – сел в кибитку и поскакал.

Спасская Полесь

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неурядицы в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. Но он мне сказал наотрез: – Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями. – И, с видом негодования простясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены, я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку, как вдруг дождь пошел. – Беда невелика, – размышлял я, – закроюсь ценовкой и буду сух. – Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лил ведром. – С погодой не сладишь; по пословице: тише едешь – дале будешь, – вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была не пуховая, долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шепот. Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали. – Ну, муж, расскажи-тка, – говорил женской голос. – Слушай, жена.

– Жил-был... – И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить, – сказала жена вполголоса, зевая ото сна, – поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей-разбойник. – Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради... Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великой охотник. Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы есть будет. – В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями. Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенные денешки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах явился пред его высокопревосходительство. – Поспешай, мой друг, – вещает ему унизанной орденами, – поспешай, возьми сей пакет, отдай его в Большой Морской. – Кому прикажете? – Прочти адрес – Его... его... – Не так читаешь. – Государю моему гос. – Врешь... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С. Петербурге в Большой Морской. – Знаю, ваше высокопревосходительство. – Ступай

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
же, мой друг, и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; я тебе скажу спасибо не одно.

И ну-ну-ну, ну-ну-ну: по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо на двор. – Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить. Вот устерсы теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся. – Бочку взвалили в кибитку; поворотя оглобли, курьер уже опять скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи.

Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульной офицер бежит уже к наместнику (то ли дело, как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шасть курьер в двери: – Привез, ваше высокопревосходительство. – Очень кстати. (Оборотясь к предстоящим:) Право, человек достойной, исправен и не пьяница. Сколько уже лет по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомнить не могу. Секретарь, пиши представление. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшее оных исправление удостоиваю его к повышению чином...–

В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в С.-П. с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет.

По представлению господина генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. прапорщиком... – Вот, жена, – говорил мужской голос, – как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалуется, а псарь не жалуется. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица. – И... полно, Клементыч, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься. – Потихе, Кузьминична, потихе; неравно кто подслушает. – Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Попутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал присяжной с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанной в большую япанчу, и шляпа с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его лицо. Он требовал лошадей без подорожной; и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением: – Запрягай поскорей, я дам по четыре копейки на версту. – Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли.

Я находился от него не далее как в пяти сажнях. Он, подошед ко мне и не снимая шляпы, сказал: – Милостивый государь, снабдите чем ни есть человека несчастного. – Меня сие удивило чрезмерно, и я не мог вытерпеть, чтоб ему не сказать, что я удивляюсь просьбе его о вспоможении, когда он не хотел торговаться о прогонах и давал против других вдвое. – Я вижу, – сказал он мне, – что в жизнь вашу поперечного вам ничего не встречалось. – Столь твердой ответ мне очень понравился, и я, не медля нимало, вынул из кошелька...: – Не осудите, – сказал, – более теперь вам служить не могу; но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь больше. – Намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным; я и не ошибся. – Я вижу, – сказал он мне, – что вы имеете еще чувствительность, что обращение света и снискание собственной пользы не затворили вход ее в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей повозке, а служителю вашему прикажите сесть на моей. – Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его желание – и мы едем.

– Ах, государь мой, не могу себе представить, что я несчастлив. Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим или так казалось; ибо дом мой всякой день был полон людьми, заслужившими уже знаки

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru почестей; стол мой был всегда как великолепное некое торжество. Но если тщеславие толикое имело удовлетворение, равно и душа наслаждалась истинным блаженством. По многих сперва бесплодных стараниях, предприятых и неудачах наконец получил я в жену ту, которую желал. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разрешения. Все сие блаженство определила судьба, да рухнет одним мгновением.

У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздной свой голод на мой счет. Один из бывших тут, который внутренно меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя вполголоса, но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было. – Неужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено...–

– Вам покажется мудрено, – говорил спутник мой, обращая ко мне свое слово, – чтобы человек неслужащий и в положении, мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да и тогда, когда мое дело, прошед нижние суды, достигло до высшего. Вот в чем оно состояло: я был в купечестве записан; пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу. Неосновательность моя причиною была, что я доверил лживому человеку, которой, лично попавшись в преступлении, был от откупу отрешен, и, по свидетельству будто его книг, сделался, по-видимому, на нем большой начет. Он скрылся, я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я, сделав выправки сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы не было, или бы был очень малой, и для того просил, чтобы сделали расчет со мною, ибо я по нем был порукою. Но вместо того, чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого не было, но, по обыкновению, послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь – запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом и другие сделал приобретения. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая свою пользу, я нашел случай продать дом на выгодных кондициях, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление; ибо были люди, которых удовольствие помрачалось блаженством моего жития. Стряпчий казенных дел сделал на меня донос, что я, избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имении, тщетно я говорил, что по крайней мере надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку сей продажей, а потом предпринимать другие средства; что я звания своего не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступок лишить чинов, – и требуют деперь, – говорил повествователь, – хозяина здешнего в суд, дабы посадить под стражу до окончания дела. –

Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос. – Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: – Нет, мой друг, и я с тобою. – Более выговорить не могла. Члены ее все ослабели, и она упала бесчувственна в мои объятия. Я, подняв ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончился.

Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода горячности нашей возвещающие. Но, сколь ни жестоки они были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: – И я пойду с тобою. – Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ее души не токмо с рождением младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сделали ей горячку. – Почто распротраняться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ее страдание, можете поверить, что я ее не оставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение в горести позабыл совершенно. За день до кончины моей любезной незрелой плод нашея горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика. Вообрази, – говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы, – вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя со мною расставалася навсегда. – Навсегда! – вскричал он диким голосом. – Но зачем я бегу? Пускай меня посадят в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни. – О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томной ваш яд. – Извините мое исступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро вообразу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалась, то я все позабываю и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. В толико жестоком отчаянии, лежашу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей прибежал ко мне: – Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отсель, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву или куда хочешь и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу. – Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв меня с помощью своих людей, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят рублей. Сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне вынести; но, нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать ко мне сказать, чтобы я ехал. Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице, – куда глаза глядят.

Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производился жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь? Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховных власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна. – Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправоудие судивших и невинность страждущего. – Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верующего письма. – Какое имею право? Страждущее человечество. Человек, лишенный имения, чести, лишенный половины своей жизни, в самовольном изгнании, дабы избегнуть поносительного заточения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин? – Да и в том нет нужды. Он человек – вот мое право, вот верующее письмо. – О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они, крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили. – Таковые размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслию стремились, мне спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Несчетные картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле.

Место моего восседения было из чистого злата и хитро искладенными драгими разного цвета камнями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцем лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коем изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого злата и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью «Закон милосердия»; в другой – книга же с надписью «Закон совести». Держава, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудю младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполина, воскраше же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг всего седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество. С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилося бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалось, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачной покров свой по чертам веселия, улыбка улетала со уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия. Искаженные взгляды и озиранье являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящая беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самая кончины мучительнее. – Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч; летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно; мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательной свой покров, улетает на крылех мгновности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствования, – тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: – Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки. – Подобно тихому полуденному ветру, помавающему листьям дерев и любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил: – Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. – Другой восклицал: – Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие. – Женщины с нежностью вешали: – Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до соща еще гибельных кончины. – Иной с важным видом возглашал: – Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание. – Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло: – Он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем. Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалась над обыкновенным зрением кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалась степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилось с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я идти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной. – Государь, – ответственвал он мне, – слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращуся, приносяй дань царей сильных. – Учредителю плавания я рек: – Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе. – Исполню, государь. – И полетел на исполнение, яко ветер, определенный надувать ветрила корабельные. – Возвести до дальнейших пределов моя область, – рек я хранителю законов, – се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истинного пути. – Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругам их. – Да воздвигнутся, – рек я первому зодчию, – великолепнейшие здания для убежища мусс, да украсятся подражаниями природы разнovidными; и да будут они ненарушима, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются. – О премудрый, – отвечал он мне, – егда велениям твоего гласа стихии повиновались и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, превосходящие великолепием славнейшие в древности, – колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru внемлют. – Да отверзется ныне, – рек я, – рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику. – О всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля. – При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облегшаяся твердо о столп, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами. – Кто сия? – вопрошал я близстоящего меня, – сия есть странница, нам неизвестная, именует себя Прямовзорой и глазным врачом. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем священныя твоя главы. – Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении тяжкого бремени правления, примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяние. – Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих; отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам моим шли во сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово: – Пойдем, столпы моя держава, опоры моя власти, пойдем усладиться по труде. Достоин бо да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достоин царю вкусити веселия, он же изливает многочисленныя всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, – рек я к учредителю веселий. – Мы тебе последуем. – Постой, – вещала мне странница от своего места, – постой и подойди ко мне. Я – врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очисти зрение твое. – Какие бельма! – сказала она с восклицанием. – Некая невидимая сила нудила меня идти пред нею, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

– На обоих глазах бельма, – сказала странница, – а ты столь решительно судил о всем. – Потом коснулася обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну роговому раствору. – Ты видишь, – сказала она мне, – что ты был слеп и слеп всесовершенно. – Я есмь истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, пронизию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзья. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они – то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне в твои чертоги воспрещающие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досязат будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лесть отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Вострепечи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главою твоею, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоя отдаленности; гдб слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, да возвратившись возможен он паче и паче глаголати нельзисто. Но таковыя твердые сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдетельность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать заплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледельца лишатся жизни у тощего без здоровя пища сосца материя. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таком, то отыду от тебя и чертог твой загладится навсегда в памяти моей.

Изрекшия странницы лице казалось веселым и вещественным сияющее блеском. Воззрение на нее вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касались. Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлись того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемую тусклым огнем ненасытности. Они металы на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужных и безвременных строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника, и на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он издали не видал неприятеля. От таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения моих велений на крылех ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготованном велением его чертеже совершенного в мечтании плавания уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы израждались из кисти новых сил путешественников. Уже при блеске ночных светильников начерталось величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже золотые деки уготовлялись на одежду столь важного сочинения. О Кук! почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? Почто скончал ее плачевным образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав путешествие и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве), толико же бы прославился; ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, – отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращался не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным одного толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом. – Удержи свое милосердие, – вещали тысячи гласов, – не возвещай нам его великолепным словом, если не хочешь его исполнить. Не соплощай с обидою насмешку, с жестиею ее ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон; мы бдеть не желали, ибо не над чем. – В созидании городов видел я одно расточение государственных казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Виды оных принадлежали веку готфов и вандалов. В жилище, для мусс уготованном, не зрел я люющихся благотворно струев Кастанли и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
красоте оного помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои. – Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одяние нагого, на прокормление алчущего, или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жену, кичающуюся своим бесстыдством. Едва-едва досяжали слабые источники моего щедроты застенчивого достоинства и стыдливых заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня толь бедственные представления безрассудной моей щедроты. – Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставались в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством и подлостью духа, на снисkanie почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим одобрением, во уверении, что почести мирские суть пепл и дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую, видя, что нежность моя обращалась на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, – возревел я яростию гнева: – Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепечите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. – Прииди, – вещал я старцу, коего созерцал в крае обширныя моя области кроющагося под заросшею мхом хижиную, – прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму. – Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. – Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей! Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

Подберезье

Насилу очнуться я мог от богатырского сна, в котором я столько сгрезил. – Голова моя была свинцовой тяжелее, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем. Не в состоянии я был продолжать пути и трястися на деревянных дрогах (пружин у кибитки моей не было). Я вынул домашний лечебник; искал, нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреда во сне и наяву. Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по пословице: на всякого мудреца довольно простоты, – против бреда я себя не предостерег, и оттого голова моя, приехав на почтовой стан, была хуже болвана.

Вспомнил я, что некогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогает он от головной боли. – Как чашек пять выпью, – говаривала она, – так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни.

Я взялся за нянюшкино лекарство, но, не привыкнув пить вдруг по пяти чашек, попотчевал излишне для меня сваренным молодым человеком, которой сидел на одной со мной лавке, но в другом углу у окна. – Благодарю усердно, – сказал он, взяв чашку с кофеем. – Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось, не к стати были к длинному полукафтаныю и к примазаным квасом волосам. Извини меня, читатель, в моем заключении, я родился и вырос в столице, и, если кто не кудряв и не напудрен, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волос не пудришь, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я с новым моим знакомцем поладил. Узнал, что он был из Новгородской семинарии и шел пешком в Петербург повидаться с дядею, которой был секретарем в губернском штате. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки. – Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения, – говорил он мне. – Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. Виргилия, Горация, Тита Ливия, даже Тацита

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru почти знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай, по счастью моему, узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их донесение делает приятными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословию, но, по словам Кутейкина в «Недоросле», дойдем до конца философского учения и возвратимся вспять. Чему удивиться: Аристотель и схоластика доньше царствуют в семинариях. Я, по счастью моему, знаком стал в доме одного из губернских членов в Новгороде, имел случай приобрести в оном малое знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвещении времен, когда один латинский язык был в училищах употребителен, с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинский язык токмо отверстые, но преподаются на языке народном! – Но для чего, – прервав он свою речь, продолжал: – для чего не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция или законоучение. – Боже мой! – продолжал он с восклицанием, – если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций, Монтескью, Блекстон? – Ты читал Блекстона? – Читал первые две части, на российском языке переведенные. Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцов, заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. Как не потужить, – повторил он, – что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

Вошедший почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть повеление о учреждении новых университетов, где науки будут преподаваться по его желанию. – Пора, государь мой, пора...

Между тем как я платил почталиону прогонные деньги, семинарист вышел вон. Выходя, выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее и не отдал ему. Не обличил меня, любезной читатель, в моем воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь: ибо не тот один вор, кто крал, но и тот, кто принимал, – так писано в законе русском. Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо. – Читай, что мой семинарист говорит:

Кто мир нравственной уподобил колесу, тот, сказав великую истину, не иное что, может быть, сделал, как взглянул на круглой образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел. Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных и коловращающихся... – На мартиниста похоже; на ученика Шведенборга... Нет, мой друг! я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному: я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цифири или египетские иероглифы, потщусь отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет: невежество, рабство, инквизиция и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безгололицы; давно ли Фридрих неутолимой его был враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое, рождается, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места пребывания их не видно; даже имена их погибнут. Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалось в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в исступлении шло стезею, народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всесильный из царей. Лутер начал преобразование, воздвиг раскол, изъяслся из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, поправа огромной оплот предрассуждений, но недолго пребыла в сей стезе. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл; когда задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ.

Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет, ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель.

Счастливыми назваться мы можем: ибо не будем свидетели крайнего посрамления разумных твари. Ближние наши потомки счастливее нас еще быть могут. Но пары, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Блаженны, если не узрим нового Магомета; час заблуждения еще отдалится. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и восстает муж твердый и предприимчивый на истину или на прельщение, тогда последует премена царств, тогда премена в исповеданиях.

На лестнице, по которой разум человеческий нисходить долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся.

Бродя из умствования в умствование, о возлюбленные, блюдитесь, да не вступите на путь следующих исследований.

Вещал Акиба: вошед по стезе равви Иошуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал 1-е: не на восток и не на запад, но на север и юг обращаться довлеет. Познал 2-е: не на ногах стоящему, но восседая надлежит испражняться. Познал 3-е: не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обесстудил еси чело свое на учителя, да извергающего присматривал? Ответствовал он: сии суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное и их познаю.

Смотри Белев словарь, статью Акиба.

Новгород

Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите камень на камень до самых облаков; иссекайте изображения ваших подвигов и надписи, дела ваши возвещающие. Полагайте твердые основания правления законом непрременным. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Афин и Спарты утверждавшие? – В книгах. – А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия. – Где пышная Троя, где Карфага? – Едва ли видно место, где гордо они стояли, – Курится ли таинственно единому существу нетленная жертва во славных храмах Древнего Египта? Великолепные оных остатки служат убежищем блеющему скоту во время средиденного зноя. Не радостными слезами благодарения всевышнему отцу они орошаемы, но смрадными извержениями скотского тела. – О! гордость, о! надменность человеческая, воззри на сие и познай, колико ты ползуца!

В таковых размышлениях подъезжал я к Новугороду, смотря на множество монастырей,
Страница 28

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru
вокруг одного лежащих.

Сказывают, что все сии монастыри, даже и на пятнадцать верст расстоянием от города находящиеся, заключались в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у их были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь. Область Новгородская простиралась на севере даже за Волгу. Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе. Старинная речь: кто может стать против бога и великого Новгорода – служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его возвышения. Внутренние несогласия и хищной сосед совершили его падение.

На мосту вышел я из кибитки моей, дабы насладиться зрелищем течения Волхова. Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новгорода. Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнёю на мосту стоящ, так иные повествуют, принося на жертву ярости своей старейших и начальников новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоить Новгород? То ли, что первые великие князья российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея Руси? Или что новгородцы были славенского племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлется кровию народов? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность? Много было писано о праве народов, нередко имеют на него ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия. Когда возникают между ими вражды, когда ненависть или корысть устремляет их друг на друга, судия их есть меч. Кто пал мертв или обезоружен, тот и виновен; повинуется непрекословно сему решению, и апелляции на оное нет. – Вот почему Новгород принадлежал царю Ивану Васильевичу. Вот для чего он его разорил и дымящиеся его остатки себе присвоил. – Нужда, желание безопасности и сохранности созидают царства; разрушают их несогласие, ухищрение и сила. – Что ж есть право народное? – Народы, говорят законоучители, находятся один в рассуждении другого в таком же положении, как человек находится в отношении другого в естественном состоянии. – Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждущ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоит. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, – кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее. – Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного! – Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. – Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить.

Из летописи Новгородской
Новгородцы с великим князем Ярославом Ярославичем вели войну и заключили письменное примирение.–

Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатью ми.–

Новгородцы запретили у себя обращение чеканной монеты, введенной татарами в обращение.–

Новгород в 1420 году начал бить свою монету.–

Новгород стоял в Ганзейском союзе.–

В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных.–

Царь Иван письмо и колокол у новгородцев отнял.–

Потом – в 1500 году – в 1600 году – в 1700 году – году– году – Новгород стоял на прежнем месте.

Но не все думать о старине, не все думать о завтрашнем дне. Если беспрестанно буду глядеть на небо, не смотря на то, что под ногами, то скоро споткнусь и упаду в грязь... – размышлял я. Как ни тужи, а Новагорода по-прежнему не населишь. Что бог даст вперед. – Теперь пора ужинать. Пойду к Карпу Дементьичу.

– Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда бог принес, – говорил мне приятель мой Карп Дементьич, прежде сего купец третьей гильдии, а ныне именитой гражданин. – По пословице, счастливой к обеду. Милости просим садиться. – Да что за пир у тебя? – Благодетель мой, я женил вчера парня своего. – Благодетель твой, – подумал я, – не без причины он меня так величает. Я ему, как и другие, пособил записаться в именитые граждане. Дед мой будто должен был по векселю 1000 рублей, кому, того не знаю, с 1737 году. Карп Дементьич в 1780 вексель где-то купил и какой-то приладил к нему протест. Явился он ко мне с искусным стряпчим, и в то время взяли они с меня милостиво одни только проценты за 50 лет, а занятой капитал мне весь подарили. – Карп Дементьич человек признательной. – Невестка, водки нечаянному гостю. – Я водки не пью. – Да хотя прикушай. Здоровья молодых... – и сели ужинать.

По одну сторону меня сел сын хозяйской, а по другую посадил Карп Дементьич свою молодую невестку... Прервем речь, читатель. Дай мне карандаш и листочек бумажки. Я тебе во удовольствие нарисую всю честную компанию и тем тебя причастным сделаю свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил. Если точных не спишу портретов, то доволен буду их силуетами. Лаватер и по ним учит узнавать, кто умен и кто глуп.

Карп Дементьич – седая борода в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза серые, ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: благодетель мой. – Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга. В шестьдесят лет бела, как снег, и красна, как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом, ренского выпьет перед обедом полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки. Приказчик мужнин хозяину на счете показывает... По приказанию Аксиньи Парфентьевны куплено годового запаса 3 пуда белил ржевских и 30 фунтов румян миртовых... Приказчики мужнины – Аксиньины камердинеры, – Алексей Карпович, сосед мой застольной. Ни уса, ни бороды, а нос уже багровой, бровями моргает, в кружок острижен, кланяется гусем, отряхая голову и поправляя волосы. В Петербурге был сидельцем. На аршин когда меряет, то спускает на вершок; за то его отец любит как сам себя; на пятнадцатом году матери дал оплеуху. – Парасковья Денисовна, его новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки. – Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька для первого дни, – а у кого догадка есть, тот знает, за что.

Но, любезный читатель, ты уже зеваешь. Полно, видно, мне снимать силуеты. Твоя правда; другова не будет, как нос да нос, губы да губы. Я и того не понимаю, как ты на силуете белилы и румяна распознаешь.

– Карп Дементьич, чем ты ныне торгуешь? В Петербург не ездишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красок не покупаешь. Мне кажется, что торг твой тебе был не в убыток. – От него-то было я и разорился. Но насилу бог спас. Получив одним годом изрядной барышок, я жене построил здесь дом. На следующий год был льну неурожай, и я не мог поставить, что законтрактовал. Вот отчего я торговать перестал. – Помню, Карп Дементьич, что за тридцать тысяч рублей, забранных вперед, ты тысячу пуд льну прислал должникам на раздел. – Ей, больше не можно было, поверь моей совести. – Конечно, и на заморские товары был в том году неурожай. Ты забрал тысяч на двадцать... Да, помню: на них пришла головная боль. – Подлинно, благодетель, у меня голова так болела, что чуть не треснула. Да чем могут заимодавцы мои на меня жаловаться? Я им отдал все мое имение. – По три копейки на рубль. – Никак нет-ста, по пятнадцати. – А женин дом? – Как мне до него коснуться: он не мой. – Скажи же, чем ты торгуешь? – Ничем, ей, ничем. С тех пор как я пришел в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава богу, поставил льну на двадцать тысяч. – На будущее, конечно, законтрактует на пятьдесят, возьмет половину денег вперед и молодой жене построит дом... – Алексей Карпович только что улыбается. – Старинной шутник, благодетель мой. Полно молоть пустяки; возьмемся за дело. – Я не пью, ты знаешь. – Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай, – я почувствовал, что у меня щеки начали рдеть, и под конец

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
пира я бы, как и другие, напился пьян. Но, по счастью, век за столом сидеть нельзя, так, как всегда быть умным невозможно. И по той самой причине, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебном пиру я был трезв.

Вышед от приятеля моего Карпа Дементыча, я впал в размышление. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но отчего же, буде нет честности в дающем вексельное обязательство, отчего оно тщетная только бумажка? Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать, кому он доверяет? О ком законоположение более пекутся долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто более в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того что не знал кому доверил, или должник в оковах и в темнице? С одной стороны – легковёрность, с другой – почти воровство. Тот поверил, надеясь на строгое законоположение, а сей... А если бы взыскание по векселям не было столь строгое? Не было бы места легковёрности, не было бы, может быть, плутовства в вексельных делах... Я начал опять думать, прежняя система пошла к черту, и я лег спать с пустою головою.

Бронницы

Между тем как в кибитке моей лошадей переменяли, я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразил себя преселенного в древность и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объедал мои члены, грудь моя начинает воздыматься, взоры мои тупеют, и свет в них меркнет. Мне слышится глас, грому подобный, вещая: – Безумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? Почто, о дерзновенный! познати жаждешь то, что одна мысль предвечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна бренности твоего сложения. Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности. Ведай, что предузнанная гибель отнимает безвременно спокойствие, отравляет утеху, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал. Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы их во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой востревоженные мысли; вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание. – И треск сильного удара гремящего во власти Перуна раздался в долинах далеко. – Я опомнился. – Достиг вершины горы и, узрев церковь, возвел я руки на небо. – Господи, – возопил я, – се храм твой, се храм, вещают, истинного, единого бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Но не могу поверить, о всесильный! чтобы человек мольбу сердца своего воссылал ко другому какому-либо существу, а не к тебе. Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая, и самого отрицателя всемогущая воли твоя нудит признавати природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своим странными, непристойными и зверскими нарицает тебя именованиями, почитание его, однако же, стремится к тебе, предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось, не тебя чтит единого, но боготворили они твои несравненные силы, твои неуподобляемые дела. Могущество твое, везде и во всем ощущаемое, было везде и во всем поклоняемо. Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непременный, тебе же приносит тем хвалу, хваля паче нашего песнопения. Ибо, проникнутый до глубины своею изящностию твоего творения, ему предстоит трепет. – Ты ищешь, отец всещедрый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твоё пришествие. Снизиди, господи, и воцарися в них. – И пребыл я несколько мгновений отринув окрестных мне предметов, нисшед во внутренность мою глубоко. – Возвед потом очи мои, обратив взоры на

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
близстоящие селения: – Се хижины уничтожения, – вещал я, – на месте, где некогда град великий гордые возносил свои стены. Ни малейшего даже признака оных не осталось. Рассудок претит имети веру и самой повести: столь жаждающ он убедительных и чувственных доводов. – И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто вовеки живо.

С течением времен все звезды помрачатся,
померкнет солнца блеск;
природа, обветшав лет дряхлостью, падет.
Но ты во юности бессмертной процветешь,
незыблемый среди сражения стихиев,
развалин вещества, миров всех разрушенья [5].
Зайцово

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнишнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе; но беседы наши, хотя не часты, были, однако же, откровенны. Г Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую. По несчастию его, и в статской службе не избегнул того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он на себя принять сего звания, но, помыслив несколько, сказал он мне: – Мой друг, какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моя душа! какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, которой столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы, и да не узрит их оплошная слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи. О мой друг! исполнением моя должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо. Но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Колико мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая заключения или обвинения прощением или разрешением от уз.

С таковыми мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке.

– Я думал, мой друг, – говорил мне г. Крестьянкин, – что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моя должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают послаблением или непопозволенною поновкою. Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имения, чести, жизни, начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или на обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезающими, яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получали почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаяся причин, оные производивших. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти виновных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни. Не возмогши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, которой за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворных служб, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в Герольдию, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертые своея пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард, то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лаватеровою проницательностию, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставлю вещать их деяния, кои всегда истинные суть черты душевного образования.

Г. асессор, произошел из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога истекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости мясину. Если которой казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожем или кошками, смотря по мере лености; за действительные преступления, как-то кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалось, будто хотел в деревне своею возобновить нравы древнего Лакедемона или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявля правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян что-нибудь украл у него, то он сек как за леность или за дерзкой или остроумной ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы мог я тебе рассказать его мудрых распоряжений; но сего довольно для познания моего ироя. Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать. Во дворе людей было один мальчик, купленной им в Москве, парикмахер дочернин, да повариха старуха. Кучера у них не было, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетью или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили. Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я приметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сие самое и случилось с асессором. Случай к тому подал неистовой и беспутной или, лучше сказать, зверской поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну асессора, которой употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха, по введному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господской двор и понес повенечные два пуда меду к своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своея страсти. Взял с собою обоих своих братьев и, вызвав невесту чрез постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скарредное чудовище начинал исполнением

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор и, увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел ко клетке. Какое зрелище представило ему! При его приближении затворилась клетка; но совокупные силы двух братьев немощны были удержать стремления разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскоча в клетку, ударил вдоль спины хищника своей невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил. Сии злодеи, желая отомстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что увидя жених ее начал их бить, будучи вспомагаем своим отцом. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев – так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим им пред него, первой вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказав все происшествие. – Как ты дерзнул, – говорил старой ассессор, – поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоей свадьбы, то ты ему за то должен быть благодарен. Ты на ней не женишься; она у меня останется в доме, а вы будете наказаны. – По таковом решении, жениха велел он сечь кошками немилосердо, отдав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские люди хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он ее из рук ее похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они его настигать начали, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, ассессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после признались. В самое то время случи лося ехать тут исправнику той округи, с командою. Он был частью очевидным свидетелем сему происшествию. Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признавались, в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оного сам убитой ассессор? Если в арифметике из двух данных чисел третье следует непрекословно, то и в сем происшествии следствие было необходимо. Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идушу мне, нападёт на меня злодей и, вознесши над главою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, – убийцею ли я почтуса, если я предупреду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну? Если нынешнего века скосырь, привлекий должное на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить и, встретясь со мною в уединенном месте, вынув шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или, по крайней мере, да узвист меня, – виновен ли я буду, если, извлеки мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствие его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассмотрении сего дела. С обыкновенной) откровенностию сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопило против меня единым гласом. Мягкосердие и человеколюбие почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства; называли меня сообщником убийцев. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может ли он видеть веления его исполняемы? Если ослушники

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
воли господина своего, а паче его убийцы, невинными признаваемы будут, то повинование прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком; поселяне, не имея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и разыдутся. Города почувствуют властодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию достойную адския кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорам всех, до кого слух о сем деле доходил. – Председателю нашему, – вещали они, – сродно защищать убийство крестьян. Спросите, какого он происхождения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы, дабы тем уравнивать с нами свое происхождение. – Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не удовольствовались. Говорили, что я приял мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою их в работу, и что сия-то истинная была причина странным и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще оскорбляющим. Немысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оногo меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем совести.

Мздоимство мое основали они на том, что асессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имени, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и ко мне. На прощение за убийение ее мужа я с ней был согласен, но разнствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет, а я уверял ее, что, оправдывая убийцев ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственно.

Скоро наместник известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начинали колебаться в своих рассуждениях, – к чему, однако же, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги асессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претя мщением не повинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мнения. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвильным, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

Наместник наш, превратив мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностию, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественной, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответственвал я равнодушием и спокойствием, власти – непоколебимостию, доводам – доводами и долго говорил хладнокровно. Но, наконец, содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождения в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
сице: – Человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом – становится гражданином. Какая же ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, – скажет рассудок; для своей пользы, – скажет внутреннее чувство; для своей пользы, – скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто восхощет его лишиться пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он защиты и мщенья ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенной крестьянами ассессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию, – тогда закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, неотъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие зверского ассессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдывает, опираясь на доводах рассудка, и смерть ассессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убийцев в злобе дух испустившего ассессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имея довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную. – Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала ярость бессилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отвращали от меня свои очи. Казалось, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалились они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смешения гордыни с низайшею подлостью, я удалился из сего собрания льстецов.

Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями. – Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону.–

Сей день путешествие мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались поминутно; наконец, спускался с небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я далее ехать не мог. – Пешком ходить мне в привычку. Взяв посошок, отправился я вперед к почтовому стану. Но прогулка по большой дороге не очень приятна для петербургского жителя, не похожа на гулянье в Летнем саду или в Баба, скоро она меня утомила, и я принужден был сесть.

Между тем как я, сидя на камне, чертил на песке фигуры кой-какие, нередко кривобокие и кривоугольные, думал я и то и сё, скачет мимо меня коляска. Сидящий в ней, увидев меня, велел остановиться, – и я в нем узнал моего знакомого. – Что ты делаешь? – сказал он мне. – Думаю думаю. Времени довольно мне на размышление: ось переломилась. Что нового? – Старая дрянь. Погода по ветру, то слякоть, то ведро. А!.. Вот новенькое, Дурындин женился. – Неправда.

Ему уже лет с восемьдесят. – Точно так. Да вот к тебе письмо... читай на досуге; а мне нужно поспешать. Прости, – и расстались.

Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными и сдержал слово. Между тем к кибитке моей подделали новую ось, которая, по счастью, была в запасе. Едучи, я читал:

Петербург.

Любезный мой!

На сих днях совершился здесь брак между 78-летним молодцом и 62-летней молодкою. Причину толь престарелому спарению отгадать тебе трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой друг, и услышишь. – Госпожа Ш... – витязь в своем роде не последний, 62 лет, вдова с 25-летнего своего возраста. Была замужем за купцом, неудачно торговавшим; лицом смазлива; оставшись после мужа бедною сиротою и ведая о жестокосердии собратий своего мужа, не захотела прибегнуть к прошению надменной милостыни, но за благо рассудила кормиться своими трудами. Доколе красота юности водилась на ее лице, во всегдашней была работе и щедрую получала от охотников плату. Но сколь скоро заметила, что красота ее начинала увядать и любовные заботы уступили место скучливому одиночеству, то взялась она за ум и, не находя больше покупателей на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые если не всегда имели достоинство красоты, имели хотя достоинство новости. Сим способом нажив себе несколько тысяч, она с честью изъясилась из презрительного общества сводень и начала в рост отдавать деньги, своим и чужим бесстыдством нажитые. По времени забыто прежнее ее ремесло, и бывшая сводня стала нужная в обществе мотов тварь. Прожив покойно до 62 лет, нелегкое надоумило ее собраться замуж. Все ее знакомые тому дивятся. Приятельница ее ближняя Н... приехала к ней. – Слух носится, душа моя, – говорит она поседелой невесте, – что ты собралась замуж. Мне кажется, солгано. Какой-нибудь насмешник выдумал сию басню.

Ш. Правда совершенная. Завтра сговор, приезжай пировать с нами.

Н. Ты с ума сошла. Неужели старая кровь разыгралась? неужели какой молокосос подбил к тебе под крылошко?

Ш. Ах, матка моя! не к стати ты меня наравне с молодыми считаешь ветреницами. Я мужа беру по себе...

Н. Да то я знаю, что придет по тебе. Но вспомни, что уже нас любить нельзя и не для чего, разве для денег.

Ш. Я такого не возьму, которой бы мне мог изменить. Жених мой меня старше 16 годами.

Н. Ты шутишь!

Ш. По чести правда: барон Дурындин.

Н. Нельзя этому статься.

Ш. Приезжай завтра ввечеру: ты увидишь, что лгать не люблю.

Н. А хотя и так, веть он не на тебе женится, но на твоих деньгах.

Ш. А кто ему их даст? Я в первую ночь так не обезумев, чтобы ему отдать все мое имение: уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряные и другая дрянь, оставшаяся у меня в закладе, которой с рук нельзя сбыть. Вот весь барыш любезного моего женишка. А если он неугомонно спит, то сгоню с постели.

Н. Ему хоть табакерочка перепадет, а тебе в нем что проку?

Ш. Как, матка? Сверх того, что в нынешние времена не худо иметь хороший чин, что меня называть будут: ваше высокородие, а кто поглупее – ваше превосходительство, но будет-таки кто-нибудь, с кем в долгие зимние вечера можно хоть поиграть в бирюльки. А ныне сиди, сиди, все одна; да и того удовольствия не имею, когда чхну, чтоб кто говорил: здравствуй. А как муж будет свой, то какой бы насморк ни был, все слышать буду: здравствуй, мой свет, здравствуй, моя душенька.

Н. Прости, матушка.

Ш. Завтра сговор, а через неделю свадьба.

Н. (Уходит).

Ш. (Чхает). Небожь не воротится. То ли дело, как муж свой будет!

Не дивись, мой друг! на свете все колесом вертится. Сегодня умное, завтра глупое в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь дурындиных. Если не женитьбою всегда они отличаются, то другим чем-либо. А без дурындиных свет не простоял бы трех дней.

Крестыцы

В Крестыцах был я свидетелем расставания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро, может быть, с детьми расставаться буду. Несчастной предрассудок дворянского звания велит им идти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость или, правильнее сказать, два в дряхлые их, хотя нестарые лета становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имение и проч... – Смотря иногда на большого моего сына и размышляя, что он скоро войдет в службу, или, другими сказать словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы; но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу. – Иной скажет: а кто таких молокососов толкает в шею? – Кто? Пример общий. Штаб-офицер семнадцати лет; полковник двадцатилетний; генерал двадцатилетний; камергер, сенатор, наместник, начальник войск. И какому отцу не захочется, чтобы дети его, хотя в малолетстве, были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь и разум. – Смотря на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем, ничего не мысля, таскаться по девкам или врать чепуху барыням. Каким-то образом фортуна, вертясь на курьей ножке, приголубила его; и сынок мой, не брея еще бороды, стал знатным боярином. Возмечтал он о себе, что умнее всех на свете. Чего доброго ожидать от такого полководца или градоначальника? – Скажи по истине, отец чадолюбивый, скажи, о истинный гражданин! не захочется ли тебе сына твоего лучше удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатной боярин, презирает заслуги и достоинства, для того что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезной с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев.

Крестицкой дворянин, казалось мне, был лет пятидесяти. Редкие седины едва пробивались сквозь светло-русые волосы главы его. Правильные черты лица его знаменовали души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рожденного, изрыла ланиты его ямками, в женщинах столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату, где он сидел, были устремлены на двух его сыновей. Очи его, очи благорастворенного рассудка, казались подернуты легкою пленю печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноши, возраста почти равного, единым годом во времени рождения, но не в шестии разума и сердца они разнились между собою. Ибо горячность родителя ускоряла во младшем развержение ума, а любовь братня умеряла успех в науках во старшем. Понятия о вещах были в них равные, правила жизни знали они равно, но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно. В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих. – На отца своего взирали они с несвойственною им робостию, от горести предстоящей разлуки происходящую, а не от чувствования над собою власти или начальства. – Редкие капли слез точились из их очей. – Друзья мои, – сказал отец, – сегодня мы расстанемся, – и, обняв их, прижал возрыдавших к перси своей. – Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне: – Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне пред светом, сколь тяжело сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая детей моих от бдящего родительского ока, единственное к тому имею побуждение, да приобретут опытности, да познают человека из его деяний и, наскучив гремлением мирского жития, да оставят его с радостию; но да имут отишие в гонении и хлеб насыщенный в скудости. А для сего-то остаюсь я на ниве моей. Не даждь, владыко всещедрый, не даждь им скитаться за милостынею вельмож и обретати

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
в них утешителя! Да будет соболезнуя о них их сердце; да будет им творяя
благодетелью их рассудок. – Восстайте и внимайте моему слову, еже пребывать во
внутренности душ ваших долженствует. – Еще повторю вам, сегодня мы разлучимся. –
С неизреченным услаждением зрю слезы ваши, орошающие ланиты вашего лица. Да
отнесет сие души вашей зыбление совет мой во святая ея, да восколеблется она при
моем воспоминании и да буду отсутствен оградю вам от зол и печалей.

Прияв вас даже от чрева материя в объятии мои, не восхотел николи, чтобы
кто-либо был рачителем в исполнениях, до вас касающихся. Никогда наемная
рачительница не касалась телеси вашего, и никогда наемый наставник не коснулся
вашего сердца и разума. Неусыпное око моя горячности бдело над вами
денно-ночно, да не приблизится вас оскорбление; и блажен нарицаюся, доведши вас
до разлучения со мною. Но не воображайте себе, чтобы я хотел исторгнуть из уст
ваших благодарности за мое о вас попечение или же признание, хотя слабое, ради
вас мною соделанного. Воздаем собственныя корысти побуждением, предпринятое на
вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услаждение. И так изжените из
мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в
рассудке, а меньше еще в законе, хошу искати твердости союза нашего. Он оснуется
на вашем сердце. Горе вам, если его в забвении оставите! Образ мой, преследуя
нарушителю союза нашей дружбы, поженет его в сокровенности его и устроит ему
казнь несносную, дондеже не возвратится к союзу. Еще вещаю вам: вы мне ничем не
должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко
мне ощутит некую нежную склонность, то проживем в дружбе, в сем наивеличайшем на
земли благоденствии. – Если же оно без ощущения пребудет – да забвении будем друг
друга, яко же нам не родиться. Дажь, всещедрый, сего да не узрю, отошед в недра
твоя сие предваряя! Не должны вы мне ни за вскармление, ни за наставление, а
меньше всего за рождение. – За рождение? – Участники были ли вы в нем?
Вопрошаемы были ли, да рождени будете? На пользу ли вашу родиться имели или во
вред? Известен ли отец и мать, рождая сына своего, блажен будет в житии или
злополучен? Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и
потомках; а если имел сие намерение, то блаженства ли их ради произвести их
желал или же на сохранение своего имени? Как желать добра тому, кого не знаю, и
что сие? Добром назваться может ли желание неопределенное, помаваемое
неизвестностию? – Побуждение к супруеству покажет и вину рождения. Прельщенный
душевною паче добротою матери вашей, нежели лепотою лица, я употребил способ
верный на взаимную горячность – любовь искреннюю. Я получил мать вашу себе в
супруги. Но какое было побуждение нашей любви? Взаимное услаждение; услаждение
плоти и духа. Вкушая веселие, природой повеленное, о вас мы не мыслили. Рождение
ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение самого себя льстило
тщеславию, рождение ваше было новый и чувственный, так сказать, союз, союз
сердец подтверждающий. Он есть источник начальной горячности родителей к сынам
своим; подкрепляется он привычкою, ощущением своея власти, отражением похвал
сыновних к отцу. – Мать ваша равного со мною была мнения о ничтожности
должностей ваших, от рождения проистекающих. Не гордилася она пред вами, что
носила вас во чреве своем, не требовала признательности, питая вас своею кровию;
не хотела почтения за болезни рождения, ни за скуку вскармления сосцами своими.
Она тщилася благою вам дать душу, яко же и сама имела, и в ней хотела насадить
дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновение. Не допустил ея
рок зрети плодов ея насаждений. Она нас оставила, с твердостью хотя духа, но
кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподоблялся ей,
мы совсем ее не потеряем. Она проживет с нами, доколе к ней не отыдем. Ведаете,
что любезнейшая моя с вами беседа есть беседовати о родшей вас. Тогда, мнится,
душа ее беседует с нами, тогда становится она нам присутственна, тогда в нас она
является, тогда она еще жива. – И отирал вещающий капли задержанных в душе слез.
– Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за вскармление.
Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу,
лижущему мою десницу, – их ли ради сие делаю? – Отраду, увеселение или пользу в
том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят вскармление
детей. Родившись в свет, вы стали граждане общества, в коем живете. Мой был долг
вас вскармить; ибо, если бы допустил до вас кончину безвременную, был бы
убийца. Если я рачительнее был в вскармлении вашем, нежели бывают многие, то
следовал чувствованию моего сердца. Власть моя – да пекуся о вскармлении вашем
или небрежу о нем; да сохраню дни ваши или расточителем в них буду; оставляю вас
живых или дам умерети завременно, – есть ясное доказательство, что вы мне не
обязаны в том, что живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие
умирают, мщение закона меня бы не преследовало. – Но, скажут, обязаны вы мне за
учение и наставление. – Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете.
Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
вашему, распростираясь на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят. Что успел бы я, если бы вы вдалися пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея? Не только сострадатель был бы я в вашем косвенном хождении, но жертва, может быть, вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюся, отлучая вас от себя; разум прям, сердце ваше крепко, и я живу в нем. О друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многие имел я должности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ишу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся при кончине, оставляя вас навеки, ибо поживу на памяти вашей.

Но, если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познайте вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, не ощущали, однако же, николи ее направления. Деяния ваши были предузнаты и предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш, нетерпящ веления безрассудного, кроток к совету дружества. Но если, младенцам вам сущим, находил я, что уклонялися от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда останавливал я ваше шествие или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свои берега.

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалось, не рачил об охранении вас от неприязненности стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебели пребудете в возрасте совершенном. И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали на отдохновение на скамии или на камени. Не меньше старался я удалить вас от убийственной пищи и питья. Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем. Воспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне, нам неизвестной, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенской!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого восшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеаетесь не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваєте не утомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтесь, что вы скакате не умеете как скomorохи. Ведайте, что лучшее плясание ничего не представляет величественного; и если некогда тронуты будете зрением оногo, то любострастие будет тому корень, все же другое оному постороннее. – Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума. – Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. – Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечем. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наглыми; ибо вы твердой имеете дух и обиду не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом. – Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите или зажаренной вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал памяти вашей излишними предметами. Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор как начали разума своего ощущати силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как то говорят по пословице, как сорока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
внутренности сердца моего, что всецелому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигается, но что они сами возносятся к началному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оногo сказано многими. Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчию, и с радостию видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственной, да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. Аглинскогo язык, а потом латинскогo, старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но, если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдетельнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!., душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления.

Ныне настало то время, что чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание, или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю свойственным для них стремлениям. Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели были страшного волнения страстей, превысивших брега своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулись. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Егид, охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты, но яко свет, отдалялся от предмета, менее его освещает, тако и вы, отринувенны моего присутствия, слабое ощутите согрение моего дружбы. И для того преподам вам правила единопития и общепития, дабы по усмирении страстей не возгнушались деяний, во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

Правила единопития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное укрепит их не истощая и послужит ко здравью вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах, вам известных. Совершенствование в оных иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприязненное счастье отымет у вас все, что оно вам дало, – богаты пребудете во умеренности желаний, кормясь делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо изнуряя тело невоздержностию изнуряет и крепость духа. Употребление же сил укрепит тело, а с ним и дух. Если почувствуешь отвращение к яствам и болезнь постучится у дверей, воспрями тогда от одра твоего, на нем же лелеешь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержи себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия и не возможешь возобновить сил разумных и телесных, – беги из чертогов твоих и, утомив члены до усталости, возляги на одре твоем и почиешь во здравие.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте, ибо чистота служит ко здравью, а неопрятность и смрадность тела нередко отверзает неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упавшего; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижину уничижения; утайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторю, того страшного времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще на их обуздание. Ибо чаша рассудка без опытности на весах воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно долу. И так к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь телом: страсти ваши не столь сильные будут иметь волнение; трудитесь сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувствительности, соболезновании, щедроте, отпущении, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитесь разумом, упражняясь в чтении, размышлении, разыскании истины или происшествий, и разум управлять будет вашею волею и страстями. Но не возмните в восторге рассудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсем бесстрастну. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою. Когда чувства наши, внешние и внутренние, ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они благу в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы он в бездействии. Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, невозможная ни благого, ни злого. Не достоинство есть воздержаться от худых помыслов, не могли их сотворить. Безрукой не может уязвить никого; но не может подать помощи утопающему, ни удержати на бреге падающего в пучину моря. – И так умеренность во страсти есть благо; шествие во стезе средою есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; бесстрастие есть нравственная смерть. Яко же шественник, отдаляясь среды стези, вдается опасности ввергнуться в тот или другой ров, таково бывает шествие во нравственности. Но буде страсти ваши опытностию, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия, не сокращай их полета; мета их будет всегда величие; на нем едином остановиться они умеют.

Но, если я вас побуждаю не быть бесстрастными, паче всего потребно в юности вашей умеренность любовных страсти. Она природою насаждена в сердце нашем ко блаженству нашему. И так в возрождении своем никогда ошибиться не может, но в своем предмете и неумеренности. И так блюдитесь, да не ошибетесь в предмете любви вашей и да не почтете взаимною горячностью оный образ. С благим же предметом любви неумеренность страсти сея будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает. Разуму вашему, едва шествие свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, вспомните о родней вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимные лобызания и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что оно есть? Познаете со временем; а днесь довольны будьте оною ощущением.

Приступим ныне вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы, колико возможно, менее ошибаться, при всяком начинании вопросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу в юности, не ошибетесь, если сердце имеете благое. Но следовати возмнивший рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности.

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святая в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не держай николи нарушения ее прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будешь во внешности, но блажен николи.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую доверенность,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию.

Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И, если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает; тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов.

Но если бы закон, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной непоколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незублем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и, если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благородным слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушишь ее уважения ради какового, завтра нарушение ее казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоём и исказит черты непорочности в душе и на лице твоём.

Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнавание, и корень всегда их благ. Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит останавливаться в исполнении их. Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. В спасшем Курции отечество свое от пагубоносных язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнью, но ироря. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Упражняйтесь всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни. – Старайтесь паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои вовнутрь себя, не токмо не могли бы вы раскисляться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

Следуя сему правилу, удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай. Посещать в праздничные дни по утрам знатных особ – обычай скарёдой, ничего не значащий, показующий в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности и слабой рассудок. У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то есть снискание или обхождение; а оттуда и любочестие названо амбицио, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научались, то сомневаюсь, чтобы цель в обычае сем всегда непорочно сохранилась. В наши же времена, посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства. Итак, да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания своего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострастием, в душе своей тебя, хотя с негодованием, но от нее отличит.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете, и, юны еще, восхитят вас страсти из стези рассудка, – то не отчаевайтесь, согляда иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младых летах ваших вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимался более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатой рассудок. Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь, но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

Во младом человеке не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru
почти дурачество. Если же наикраснейшими деяниями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщение, зверство, – то хотя ослепите современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зеркало истины, не мните, однако же, затмить взоры прозорливости. – Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чувственница увядать станет прикосновением твоим, не мгновенно, но стрелы ее издали язвить тебя станут и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей; днесь при сопутном ветре отчалите от берега чуждыя опытности ладью вашу; стремитесь по валам жития человеческого, да научитесь управлять сами собою. Блажени, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, его же жаждем. Будьте счастливы во плавании вашем. Се искренное мое желание. Естественные силы мои, истошав движением и жизнью, изнемогут и угаснут; оставляю вас навеки: но се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, – тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. – Умри. – В наследие вам оставляю слово умирающего Катона. – Но если во добродетели умрети можешь, умеи умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле. – Если, забыв мои наставления, поспешать будешь на злые дела, обыкшая душа добродетели востревожится; явлюся тебе в мечте. – Воспряни от ложа твоего, преследуй душевно моему видению. – Если тогда источится слеза из очей твоих, то усни паки; пробудишься на исправление. Но если среди злых твоих начинаний, вспомяная обо мне, душа твоя не зыбнется и око пребудет сухо... Се сталь, се отравя. – Избавь меня скорби; избавь землю поносная тяжести. – Будь мой еще сын. – Умри на добродетель.

Вещавшу сие старцу, юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом. – Он облобызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего расставания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; он руки свои простирал вслед за отъезжающими; казалось, будто желает остановить стремление коней. Юноши, узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветер доносил жалостной их стон до слуха нашего. Они простирали так же руки к отцу своему; и казалось, будто его к себе звали. Не мог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия. Между тем пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; пришед в себя, старец стал на колени и возвел руки и взоры на небо. – Господи, – возопил он, – молю тебя, да укрепишь их в стезях добродетели, молю, блажени да будут. Веси, николи не утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко благ еси и правосуден. Любезнейшее тебе в нас есть добродетель; деяния чистого сердца суть наилучшая для тебя жертва... Отлучил я ныне от себя сынов моих... Господи, да будет на них воля твоя. – Смущен, но тверд в надеянии своем, отъехал он в свое жилище.

Слово крестницкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев и неопытность – совершенство, то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною. Если союз между отцом и сыном не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, не тверд; и будет не тверд, вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой... Отец обязан сына воскормить и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто ничего не насадил. Сын же вправе требовати от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен и малолетен; но в совершеннолети естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда уроды. Ребенок любит своего отца, мать или наставника, доколе любление его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый; естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет, вспомяная, что и сын сына твоего

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
возлюбил отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет
обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения
достойн. – В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

Яжелбицы

Сей день определен мне был судьбою на испытание. Я отец, имею нежное сердце к
моим детям. Для того-то слово крестического дворянина меня столь тронуло. Но
потрясши меня до внутренности, излило некое усладительное чувство надежды,
что блаженство наше в отношении детей наших зависит много от нас самих. Но в
Яжелбицах определено мне было быть зрителем позорища, которое глубокий корень
печали оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление. О юность! услыши
мою повесть; познай свое заблуждение; воздержись от произвольнаги гибели и
пресеки путь к будущему раскаянию.

Я проезжал мимо кладбища. Необыкновенной вопль терзающего на себе власы человека
понудил меня остановиться. Приблизясь, увидел я, что там совершалось погребение.
Надлежало уже гроб опускать в могилу, но тот, которого я издали зрел терзающего
на себе власы, повергся на гроб и, ухватясь за оной весьма крепко, не позволял
оной опускать в землю. С великим трудом отвлекли его от гроба и, опустя оной в
могилу, зарыли ее поспешно. Тут страждущий вещал к предстоящим: – Почто вы меня
его лишили, почто меня с ним не погребли живого и не скончали моей скорби и
раскаяния? Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного моего сына, его же
мертва предали земле. Не дивитесь сему. Я не прекратил жизни его ни мечем, ни
отравою. Нет, я более сего сделал. Я смерть его уготовал до рождения его, дав
жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много, но есмь убийца лютейший
других. Убийца сына моего до рождения его. Я, я един прекратил дни его, изливав
томный яд в начало его. Он воспретил укрепиться силам тела его. Во все время
жития своего не наслаждался он здравием ни дня единого; и томящегося в силах
своих разверстие яда пресекло течение жизни. Никто, никто меня не накажет за мое
злodeяние! – Отчаяние ознаменовалось на лице его, и бездыханна почти отнесли его
с сего места...

Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалось мне, я слышал мое
осуждение. Воспоманул дни распутныя моего юности. Привел на память все случаи,
когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая
мздоимную участницу любовныя утехы истинным предметом горячности. Воспоманул,
что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь. О, если
бы не далее она корень свой испускала! О, если бы она с утолнением любострастия
прерывалася! Прияв отраву сию в веселии, не токмо согреваем ее в недрах наших,
но даем ее в наследие нашему потомству. – О друзья мои возлюбленные, о чада души
моей! Не ведаете вы, колико согреших пред вами. Бледное ваше чело есть мое
осуждение. Страшусь возвестить вам о болезни, иногда вами ощущаемой.
Возненавидите, может быть, меня и в ненависти вашей будете справедливой. Кто
уверит вас и меня, что вы не носите в крови вашей сокровенного жала,
определенного, да скончает дни ваши безвременно? Прияв сей смрадный яд в тело
мое в совершенном возрасте, затверделость моих членов противилася его
распространению и борется с его смертоносностию. Но вы, прияв его от рождения
вашего, нося его в себе, как нужную часть сложения, – как воспротивитесь
разрушительному его сожжению? Все ваши болезни суть следствия сея отравы. О
возлюбленные мои! плачьте о заблуждении моего юношества, призовите на помощь
врачебное искусство и, если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отверзается очам моим все пространство сего любострастного злodeяния.
Согрешил предо мною, навлекши себе безвременную старость и дряхлость в юношеских
еще летах. Согрешил пред вами, отравив жизненные ваши соки до рождения вашего, и
тем уготовил вам томное здравие и безвременную, может быть, смерть. Согрешил, и
сие да будет мне в казнь, согрешил в горячности моей, взяв в супружество мать
вашу. Кто мне порукою в том, что не я был причиною ее кончины? Смертоносный яд,
источался в веселии, преселился в чистое ее тело и отравил непорочные ее члены.
Тем смертоноснее он был, чем был сокровеннее. Ложная стыдливость воспретила мне
ее в том предостеречь; она же не остерегалася отравителя своего в горячности
своей к нему. Воспаление, ей приключившееся, есть плод, может быть, уделенной ей
мною отравы... О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидеть!

Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь
великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая
дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство? Оно, позволяя распутство
мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
граждан. Публичные женщины находят защитников и в некоторых государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовных страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийство нередко бы источник свой имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ. – И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите, скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Бойтся оно даже посторонния тревоги. Желало бы, чтоб везде одинако с ним мыслили, дабы надежно лелеяться в величестве и утопать в любострастии... Я не удивляюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство чье-либо тягчит их разум и дух.

Валдай

Новой сей городок, сказывают, населен при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разурмяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия. Сравнивая нравы жителей сея в города произведенныя деревни со нравами других российских городов, подумаешь, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ее древнего построения. Но как немного более ста лет, как она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые ее жители.

Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят, совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли сие, но то правда, что наглость валдайских девок сократилася. И хотя они не откажутся и ныне удовлетворить желаниям путешественника, но прежней наглости в них не видно.

Валдайское озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется в повествованиях жертвовавшего монаха жизнь свою ради своей любовницы. В полуторе версте от города, среди озера, на острове находится Иверской монастырь, славным Никоном-патриархом построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдай, влюбился в дочь одного валдайского жителя. Скоро любовь их стала взаимною, скоро стремились они к совершению ее. Единожды насладившись ее веселием, не в силах они были противиться ее стремлению. Но состояние их полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто из монастыря своего; любовнице нельзя было посещать кельи своего любовника. Но горячность их все преодолела; из любострастного монаха она сделала неустрашимого мужа и дала ему силы почти чрезвычайные. Сей новый Леандр, дабы наслаждаться веселием ежедневно в объятиях своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровом все зримое, выходил тихо из своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывал озеро до противуположного берега, где восприемлем был в объятия своей любезной. Баня и в ней утехы любовные для него были готовы, и он забывал в них опасность и трудность преплывания и боязнь, если бы отлучка его стала известна. За несколько часов до рассвета возвращался он в свою келью. Тако препроводил он долгое время в сих опасных преплываниях, награждая веселием ночным скуку дневного заключения. Но судьба положила конец его любовным подвигам. В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился чрез валы на зрение своей любезной, внезапно восстал ветер, ему противной, будущу ему на среде пути его. Все силы его немощны были на преодоление разъяренных вод. Тщетно он утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышал глас свой, да услышан будет в опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамерился он возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутной ветер, тем легче оно достигнуть. Но едва обратил он шествие свое, как валы, осилив его утомленные мышцы, затопили его в пучине. Наутрие тело его найдено на отдаленном берегу. Если бы я писал поэму на сие, то бы читателю моему

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru представил любовницу его в отчаянии. Но сие было бы здесь излишнее. Всяк знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно узнать о кончине любезного. Не ведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро или же в следующую ночь паки топила баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали... разве в больнице. Нравы валдайские переселились и в близлежащий почтовой стан, Зимногорье. Тут для путешественника такая же бывает встреча, как и в Валдаях. Прежде всего представляются взорам разбурянные девки с баранками. Но как молодые мои лета уже прошли, то я поспешно расстался с мазаными валдайскими и зимно-горскими сиренами.

Едрово

Доехав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги над водою стояло много баб и девок. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ее стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц. Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, заглубевшие хотя от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечной; а от него виден становился ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждой день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте с которою из них вы хотите рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало... болезни... боюсь сказать какой: хотя не закраснеетесь, но рассердитесь. – Разве я говорю неправду? – Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилась. – А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук не выхаживал, а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому. А за стариком-то жить нехудо, своя воля; только бы быть замужем, дети все его. Ревнив он будет, тем лучше: более удовольствия в украденных утехах; с первой ночи приучить его можно не следовать глупой старой моде с женою спать вместе.–

И не приметил, как вы, мои любезные городские сватьяшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы, право, того не стоите. У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа. Все равно, румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. Правда, есть между ими на вас похожие, но есть такие, каковых в городах слухом не слыхано и видом не видано. Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вам смешно, что у них ступни в пять вершков, а может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковой твоею ножкою, стань с ними рядом и бегите взапуски; кто скорее достигнет высокой березы, по конец луга стоящей? А-а – это не твое дело. – А ты, сестрица моя голубушка, с трехчетвертным своим станом в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло. Постой, моя голубушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уж десятой месяц замужем, и уж трехчетвертной твой стан изуродовался. А как то дойдет до родов, запоешь другим голосом. Но дай бог, чтобы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнураванья бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повиытаскал, но уже поздно. Сросшихся твоих накриво составов тем не спрямит. – Плачь, мой любезной зять, плачь. Мать наша, следуя плачевной и смертию разрешающихся от бремени жен ознаменованной моде, уготовала за многие лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и, если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилось, то благодари и его, коли хочешь. – Но я еще с городскими боярыньками. – Вот что привычка делает; отвязаться от них не хочется. И, право, с вами бы не расстался, если бы мог довести вас до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте.–

Покуда я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала. Я

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
намерялся идти за нею вслед, как одна девка, по виду лет двадцати, а, конечно, не более семнадцати, положила мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поравнявшись с ней, начал я с нею разговор. – Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать не знаю. – Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить. – К чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебе худова не желаю. – Спасибо, спасибо: часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою. – Анютушка, я, право, не таков, как я тебе кажуся, и не таков, как те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем; но я хотя бы тебя поцеловал, то, конечно бы, так, как сестру мою родную. – Не подъезжай, пожалуй; рассказы таковые я слыхала; а коли ты худова не мыслишь, чего же ты от меня хочешь? – Душа моя Аннушка, я хотел знать, есть ли у тебя отец и мать, как ты живешь, богато ли или убого, весело ли, есть ли у тебя жених? – А на что это тебе, барин? Отроду в первой раз такие слышу речи. – Из сего судить можешь, Анюта, что я не негодяй, не хочу тебя обругать или обесчестить. Я люблю женщин для того, что они соответственное имеют сложение моей нежности; а более люблю сельских женщин, или крестьянок, для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворной любви, а когда любят, то любят от всего сердца и искренно... – Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвластными их велениям. В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия нежлива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин доброй и человеколюбивой, но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших. Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодей сей спасен. Блажен, если близкой взор смерти образ мыслей его переменял и дал жизненным его сокам другое течение. – Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того захочет...

– Если, барин, ты не шутишь, – сказала мне Анюта, – то вот что я тебе скажу: у меня отца нет, он умер уже года с два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы. Есть и мелкого скота и птиц довольно; но нет в доме работника. Меня было сватали в богатой дом за парня десятилетнего, но я не захотела. Что мне в таком ребенке: я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состарюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось идти к нему в семью. Я хочу себе ровню. Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том не сомневаюсь. Гулять с молодцами не люблю, а замуж, барин, хочется. Да знаешь ли для чего? – говорила Анюта, потупя глаза. – Скажи, душа моя, Анютушка, не стыдись; все слова в устах невинности непорочны. – Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда в посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчанья родила ему сына. Всякой вечер она выходит пестовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто и паренек-то матушку свою уж любит. Как она скажет ему: агу, агу – он и засмеется. Мне то до слез всякой день; мне бы уж хотелось самой иметь такова же паренька... – Я не мог тут вытерпеть и, обняв Анюту, поцеловал ее от всего моего сердца. – Смотри, барин, какой ты обманщик, ты уж играешь со мною. Поди, сударь, прочь от меня, оставь бедную сироту, – сказала Анюта, заплакав. – Кабы батюшка жив был и это видел, то бы даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею. – Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка, не оскорбляйся, поцелуй мой не осквернит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй мой есть знак моего к тебе почтения и был исторгнут восхищением глубоко тронутая души. Не бойся меня, любезная Анюта, не подобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни во что вменяют. Если бы я знал, что поцелуй мой тебя оскорбит, то клянусь тебе богом, что бы не дерзнул на него. – Рассуди сам, барин, как не осердиться за поцелуй, когда все они уж посулены другому. Они заранее все уж отданы, и я в них не властен. – Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умешь. Ты нашла сердцу своему другое, ему соответствующее. Ты будешь блаженна. Ничто не развратит союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, в сети

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

пагубы уловить тебя стрегущими. Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом, на нарушение его к тебе верности призывающим. Но почто же, моя любезная Аня, ты лишена удовольствия наслаждаться счастьем в объятиях твоего милого друга? – Ах, барин, для того, что его не отдают к нам в дом. Просят ста рублей. А матушка меня не отдает: я у ней одна работница. – Да любит ли он тебя? – Как же не так. Он приходит по вечерам к нашему дому, и мы вместе смотрим на паренька моей подруги... Ему хочется такова же паренька. Грустно мне будет; но быть терпеть. Ванюха мой хочет идти на барках в Питер в работу и не воротится, покуда не выработает ста рублей для своего выкупа. – Не пускай его, любезная Аня, не пускай его; он идет на свою гибель. Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего он и тебя любить перестанет. – Ах, барин, не страшай меня, – сказала Аня, почти заплакав. – А тем скорее, Аня, если ему случится служить в дворянском доме. Господской пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Пример есть истинная чума; кто что видит, тот то и делает. – Да как же быть? Так мне и век за ним не бывать замужем. Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдают к нему в дом; то высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя... – Сие говорила она, проливая горькие слезы. – Нет, моя любезная Аня, ты завтра же будешь за ним. Поведи меня к своей матери. – Да вот наш двор, – сказала она, остановясь. – Проходи мимо, матушка меня увидит и худое подумает. А хотя она меня и не бьет, но одно ее слово мне тяжелее всяких побоев. – Нет, моя Аня, я пойду с тобою... – и, не дожидаясь ее ответа, вошел в ворота и прямо пошел на лестницу в избу. Аня мне кричала вслед: – Пстой, барин, пстой. – Но я ей не внимал. В избе я нашел Анянину мать, которая квашню месила; подле нее на лавке сидел ее будущий зять. Я без дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле. – Спасибо, барин, – сказала старуха, – в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь пришед сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба. – Пускай же посуленное от меня будет Аняте в приданое. – И на том спасибо. Приданова бояре девкам даром не дают. Если ты над моей Аней что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспутство; а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают. – Я не мог надивиться, нашед толико благородства в образе мыслей у сельских жителей. Аня между тем вошла в избу и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал: – У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу. – Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке. Едущу мне из Едрова, Аня из мысли моей не выходила. Невинная ее откровенность мне нравилась безмерно. Благородной поступок ее матери меня пленил. Я сию почтенную мать с засученными рукавами за квашню или с подойником подле коровы сравнивал с городскими матерями. Крестьянка не хотела у меня взять непорочных, благоумышленных ста рублей, которые в соразмерности состояний должны быть для полковницы, советницы, майорши, генеральши пять, десять, пятнадцать тысяч или более; если же госпоже полковнице, майорше, советнице или генеральше... (в соразмерности моего посула едровской ямщицихе), у которой дочка лицом недурна или только что непорочна, и того уже довольно, знатной боярин, семидесятой или, чего боже сохрани, семьдесят второй пробы, посулит пять, десять, пятнадцать тысяч, или глухо знатное приданое, или съест ного жениха, или выпросит в почетные девицы, – то я вас вопрошаю, городские матушки, не ёкнет ли у вас сердечко? не захочется ли видеть дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею, если она ходит пешком, или едущую цугом, вместо двух заморенных кляч, которые ее таскают? Я согласен в том с вами, что бы вы обряд и благочиние сохранили и не так легко сдались, как феатральные девки. Нет, мои голубушки, я вам даю сроку на месяц или на два, но не более. А если доле заставите вздыхать первостатейного бесплодно, то он, будучи занят делами государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценнейшего времени, которое он лучше употребить может на пользу общественную. – Тысяча голосов на меня поднимаются; ругают меня всякими мерзкими названиями: мошенник, плут, кан... бес... и пр., и пр. – Голубушки мои, успокойтесь, я вашей чести не поношу. Ужели все таковы? Поглядитесь в сие зеркало; кто из вас себя в нем узнает, та брани меня без всякого милосердия. Жалобницы и на ту я не подам, суда по форме говорить с ней не стану. –

Аня, Аня, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первой мой в жизни поцелуй

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru не был тот, которой я на щеке твоей прилепил в душевном восхищении? Отражение твоея жизнненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избегнул скаредностей, житие мое исполнивших. Я бы удалился от смрадных наемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, не нарушил бы союза родства моею плотскою несытостью; девственность была бы для меня святая святых, и ее коснуться не дерзнул бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностию. Уверен, что обратишь на путь доброделания начинающего с одного совращатися и укрепишь в нем к совращению наклонного. Не встревожся, если закоренелый в развратности, посевший в объятиях бесстыдства, мимо тебя пройдет и тебя презрит; не тщишься воспретить его шествию услаждением твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинныя добродетели положить на нем глубокия черты. Конец ее скользнет по поверхности гладко затверделого порока. Блюди, да о нее острее твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лепоты прелестями облеченного; улови его в твои сети. Он горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ кажется. Но сердце его уступит твоему впечатлению и отвернется на восприятие твоего благотворного примера. – Анюта, я с тобой не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатой столп от тебя.–

Но что такое за обыкновение, о котором мне Анюта сказывала? Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка. Кто мог такой союз дозволить? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искоренение толикого злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство, в гражданском – соглашение или договор. Какой священнослужитель может неравной брак благословить или какой судия может его вписать в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака быть не может. Сие запрещают правила естественности, яко вещь, бесполезную для человека; сие запрещать долженствовал бы закон гражданский, яко вредное для общества. Муж и жена в обществе суть два гражданина, делающие договор, в законе утвержденной, которым обещаются прежде всего на взаимное чувств услаждение (да не дерзнет здесь никто оспорить первейшего закона сожития и основания брачного союза, начало любви непорочнейшия и твердый камень основания супружнего согласия), обещаются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своея горячности и, дабы жить мирно, друг друга не уязвлять. При неравенстве лет можно ли сохранить условие сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то бывает часто во крестьянстве; или если муж пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лет, как то бывает во дворянстве, – может ли быть взаимное чувств услаждение? Скажите вы мне, мужья-старички, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь огонь любовной, не в состоянии его утушить. Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; то может ли положительной закон быть тверд, если основания не имеет в естественности? Скажем яснее: он и не существует. – Возвращать плоды взаимной горячности. – Но может ли тут быть взаимность, где с одной стороны пламя, а с другой нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное древо лишается благодетельного дождя и питающия росы? А если плод когда и будет, но будет он тощ, невзрачен и скорому подвержен тлению. – Не уязвлять друг друга. – Се правило предвечное, верное; буде счастливою в супругах симпатиею чувства их равномерно услаждаются, то союз брачный будет благополучен; малые домашние волнения скоро утихают при нашествии веселия. И, когда мраз старости подернет чувственное веселие непроницаемою корою, тогда напоминовение прежних утех успокоит брюзгливую древность лет. – Одно условие брачного договора может и в неравенстве быть исполняемо: жить вместе. – Но будет ли в том взаимность? Один будет начальник самовластный, имея в руках силу, другой будет слабый подданнык и раб совершенный, веление господя своего исполнять только могущий. – Вот, Анюта, благие мысли, тобою мне внушенные. Прости, любезная моя Анютушка, поучения твои вечно пребудут в сердце моем впечатленны, и сыны сынов моих наследят в них.

Хотилловской ям был уже в виду, а я еще размышлял о едровской девке и в восторге души моея воскликнул громко: – О Анюта! Анюта! – Дорога была негладка, лошади шли шагом; повозчик мой вслушался в мою речь, оглянувшись на меня, – Видно, барин, – говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, – что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье. Ну... брат Ванька счастлив. – Иван брат тебе? – Брат двоюродной. Да веть и парень! Трое вдруг молодцов стали около Анютки свататься; но Иван всех отбаярил. Они и тем и сем, но не тут-та. А Ванюха тотчас и подцепил... (Мы уже въезжали в околицу...) То-то, барин! Всяк пляшет, да не как скоморох. – И к почтовому двору подъехал.

– Всяк пляшет, да не как скоморох, – твердил я, вылезая из кибитки... – Всяк пляшет, да не как скоморох, – повторил я, наклонялся и подняв, развертывая...

Хотил

Проект в будущем

Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайшей совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий, вольно распростирая свое крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений. Под державным его покровом свободно и сердце наше, в молитвах ко всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказати можем, что отечество наше есть приятное божество обиталище; ибо сложение его не на предвзвешанном и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носясь над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховной власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений не дозволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока, и всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклось о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждаясь внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, – неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братия и оставим в глазах наших на всегдешнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братии возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассирии, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и, ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумного времяточия, сохранили его нерушимо даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцов ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвижаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но державные их подвиги утщетились известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиновостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впавшим, дворянством наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданския неволи. Не токмо они не могли исполнить своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиновостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих, со слезами, может быть, сердечными, сожимающих узы и отягчающих оковы наиболее полезных в обществе сочленов. Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. Служители божества предвечного, подвижаемые ко благу общества и ко блаженству человека, единомыслием с нами изъясняли вам в поучениях своих во имя всещедрого бога, ими проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе и сердце нашем почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Еще глас их торжественно во храмах живого бога вопиет громко: опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые; разрушите оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении

Но если служители божества представили взорам вашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред оной в обществе и неправильность оною в отношении гражданина. Излишне, казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любопытства изыскивать или поновлять доводы о существенном человеков, а потому и граждан, равенство Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами благородства, а не предрассуждениями, доказательством о первенственном равенстве суть движения его сердца обыкновенные. Но се несчастье смертного на земли: заблудати среди света и не зрети того, что прямо взорам его предстоит.

В училищах, юным вам сущим, преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человек, мысленно вне общества, принявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всем между собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человек, променявших беспредельную свободу на мирное оная употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон; ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступить в общество и полагати произвольныя пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо. Мы в обществе живем, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запомнили мы начальное оною положение. Но воззрите на все новые народы и на все общества естества, если так сказать можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един злодей или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалилися мы от цели общественной, колико отстоим еще вершины блаженства общественного далеко. Все сказанное нами вам есть обычно, и правила таковыя иссосали вы со млеком матерним. Един предрассудок мгновения, единая корысть (да не уязвится нашими изречениями), единая корысть отъемлет у нас взор и в темноте беснующим нас уподобляет. Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! Кормилец наша тощеты, насытител нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распорядити ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делют поросшую злаком землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто ее вспахать возможет, не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому, удел в ниве будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветр класов на ней не возвеет. Если она бесполезна делателю ее, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного. Следственно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального общественного положения относительно владения! У нас тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чуждую, зрит пропитание свое, зависящее от власти другого! Просвещенным вашим разума истины сии не могут быть непонятны, но деяния ваши в исполнении сих истин препинаемы, сказали уже мы, предрассуждением и корыстию. Неужели сердца ваши, любовь человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце улаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии.

Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские властителей правила, яко же их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градах гордые воздымаются зданием. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнениями других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Просторный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их. Единое веление, единое руки мановение начальника движет весь стан и движет его стройно. Но можем ли назвать воинов блаженными? Превращенные точностию воинского повиновения в куклы, отъемлетя у них даже движения воля, толико живым веществам свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Совекупны, возмогут вся, но разделены и на едине, пасутся, яко скоты, амо же пастырь пожелает. Устройство на счет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. – Сто невольников, пригвожденных ко скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину; но и ту им оспорируют. Конец страдания их есть блаженство; а блаженство неволе не сродно, и потому они живы. И так да и не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны.

Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. Запустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую. Злак, на тучных лугах выроставший и иссыхавший бесплодно, почувствовал былые свое, острием косы подсекаемо. Валяются на горах гордые деревья, издревле вершины их осенявшие. Леса бесплодные и горькие дебри претворяются в нивы плодоносные и покрываются стовидными произращениями, единой Америке свойственными или удачно в оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человеком определяемым. Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индийцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнovidными. Назовем блаженною страню, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведений! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: «премени имя, повесть о тебе вещает». Мы дивимся и ныне еще огромности египетских зданий. Неуподобительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего сии столь нелепые кучи камней были уготованы? На погребение надменных фараонов. Кичливые сии властители, жадая бессмертия, и по кончине хотели отличествовати внешностию своею от народа своего. И так огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было «я», а не «мы», находим остатки великолепных царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое: выбор наш не будет затруднителен.

Но что обретаем в самой славе завоеваний? Звук, гремление, надутость и истощение. Я таковую славу применю к шарам, в 18-м столетии изобретенным: из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горячим воздухом и взлетают с быстротою звука до выпрених пределов эфира. Но то, что их составляло силу, источается из среды тончайшими скважинами непрестанно: тяжесть, горе вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу; и то, что месяцы целые сооружалось со трудом, тщанием и иждивением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей.

Но вопросы, чего жаждет завоеватель, чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного, – но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях. «О афиняне! – вещал он, – колико стоит мне быть хвалиму

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru вами». Несмысленной! возри на шествие твое. Крутой вихрь твоего полета, преносся чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей ее и, влача силу государства во своем стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый вепрь, что, опустошая землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь, тебя услаждающего. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрываются будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селитьбы, если другие населения тем соделал пустыми? Если же приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности твоей возненавидевшие; не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго воспрिया готовы; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет, – не льсти себе, – убийство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомков; казниться будешь, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои и от тебя кончины твоя просят.

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледелателей понятиям, колико вредным его находим мы для общества. Вредно оно в размножении произрастений и народа, вредно примером своим и опасно в неспокойствии своем. Человек, в начинаниях своих двигаемый корыстию, предприимлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальновидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвигаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледелателей в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод оныя им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво, и не радеют о том, не запустеет ли среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем на тощее прокормление делателю. Не жалеет сей о трудах своих, ее ради предпринимаемых. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость времени он одолевает бодрственно; часы, на упокоение определенные, проводит в трудах; во дни, на веселие определенные, оного чуждается. Зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя. И так нива его даст ему плод сугубый; и так все плоды трудов земледелателей мертвеют или паче не возрождаются, они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своя цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, не будет; умрут от истощения. Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда с ужасом узришь возникшее губительство неволи, которое тем только различествует от побед и завоеваний, что не дает тому родиться, что победа посекает. Но от нее вреда больше. Легко всяк усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно; другая губит долговременно и всегда; одна, когда преидет полет ее, скончаеет свое свирепство; другая там только начнется, где сия кончится, и прменится не может, разве опасным всегда потрясением всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой – робость. Тут никакой не может быть связи, разве насилие. И сие, собирався в малую среду, властнодержавное свое действие простирает всюду тяжко. Но не только поборники неволи суть власть и острие в руках имеющие, – сами ключимые во узах наияростнейшие оныя бывают проповедники. Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любити свою пагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение первого человека. – Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища, иссосающего пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы поползнулися, может быть, на действия самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились, но поступок наш державный полезности своею оправдаться не может. И так ныне молим вас отпущения нашего неумышленного дерзновения.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

Но ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободою мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувство. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно. Таковы суть братия наши, во устах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и светочу. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невестстве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщенья, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь.

Но если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в поспрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство? Ведая сердце ваших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в исчислениях корыстолюбивого благоразумия, а менее еще в опасности. Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашу участию, соболезуя о подобных нам, дознав ваше равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренно.

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите, возлюбленные мои. Время летит; дни наши преходят в недействии. Да не скончаем жизни наша, возымев только мысль благую и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего и с презрением о нас да не скажет: они были.

Вот что я прочел в замаранной грязию бумаге, которую поднял я перед почтовою избюю, вылезая из кибитки моей.

Вошед в избю, я спрашивал, кто были проезжие незадолго передо мною. – Последний из проезжающих, – говорил мне почталион, – был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним вслед посылаю. – Я попросил почталиона, чтобы он дал мне сии бумаги посмотреть, и, развернув их, узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. Рассматривая их, узнал, что они принадлежали искреннему моему другу, а потому не почел я их приобретение кражею. Он их от меня доселе не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая доставшиеся мне бумаги. Множество нашел я подобных той, которую читал. Везде я обретал расположения человеколюбивого сердца, везде видел гражданина будущих времен. Более всего видно было, что друг мой поражен был несоразмерностью гражданских чиновосостояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцов в России. Я здесь покажу шестие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь собственностию; ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его оного да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда, – Исчезни варварское обыкновение, разрушь власть тигров! – вещает наш законодатель... За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была нехотима нынешним временам и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду; и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном – нежели заниматься тем, что не существует.

Вышний Волочок

Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Первой, которому на мысль пришло уподобиться природе в ее благодеяниях и сделать реку рукodelьную, дабы все концы единыя области в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываются будут ужи, змеи и жабы, – любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле. Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия.

Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без обделки нескоро заровняются.

Немало увеселительным было для меня зрелищем вышневолоцкой канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными и приготавливающимися к прохождению сквозь шлюз для дальнейшего плавания до Петербурга. Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледельца; тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний – корыстолюбие. Но если при первом взгляде разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование. Ибо вспомянул, что в России многие земледельцы не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей. Удовольствие мое переменялось в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие ее произражения, как-то: сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании.

– Вообрази себе, – говорил мне некогда мой друг, – что кофе, налитой в твоей чашке, и сахар, распущенной в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стонаний, казни и поругания; дерзай, жестокосердой, усладить гортань твою. – Вид прещения, сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах, или на дружеском пиру, или наедине, когда рука ваша вознесет первой кусок хлеба, определенной на ваше насыщение, остановитесь и помыслите. Не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки. Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оной возрос. Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из класов, родившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере на ниве, оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна, лежавшего в житнице дворянской. На нем почил скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие всевышнего, егда во гневе своем рек:

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
проклята земля в делах своих. Блюдитесь, да не отравлены будете вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищего тяжко на ней возлегает. Отрините ее от уст ваших; поститесь, се истинное и полезное может быть пощение.

Повествование о некотором помещике докажет, что человек корысти ради своей забывает человечество в подобных ему и что за примером жестокосердия не имеем нужды ходить в дальние страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очю совершаются.

Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастья или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибитка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидеиствительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обработыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своим орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудю, устремляющимся на бой грудю, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели он отнял у них малой удел пашни и санных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а, по обыкновению лакедемонян, пировали вместе на господском дворе, употребляя, для соблюдения желудка, в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилась также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таких узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таком заведении неудивительно, что земледелие в деревне г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам-четверть; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десять и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и, поступая с ними равно как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стеньящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

Варвар! недостойн ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты? чтобы один благословлял правительество, а не тысячи? Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания. И суть люди, которые, взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к такому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером.

Выдропуск

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. В руки мне попало начертание положения о уничтожении придворных чинов.

Проект в будущем

Вводя нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши не последним способом почли к тому умаление прав дворянства. Полезно государству в начале своем личными своими заслугами, ослабело оно в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

подвигах своих наел едственностью, и, сладкий при насаждении, его корень произнес наконец плод горький. На месте мужества водворилась надменность и самолюбие, на месте благородства души и щедроты посеялися раболепие и самонедоверение, истинные скряги на великое. Жительствуя среди столь тесных душ и подвигаемые на малости ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возмнили, что они суть боги и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло. Тако и быть долженствует в деяниях наших, но токмо на пользу общую. В таковой дремоте величания власти возмечтали цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарности; что блеск царский, преломлялся, так сказать, в сих новых отсветках, многочисленнее является и с сильнейшим отражением. На таковой блуждения мысли воздвигли цари придворных истуканов, кои, истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещотке. Пройдем степени придворных чинов и с улыбкою сожаления отвратим взоры наши от кичащихся служением своим, но возрыдаем, видя их предпочитаемых заслуге. Дворецкой мой, конюший и даже конюх и кучер, повар, крайчий, птицелов с подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тот, кто меня бреет, тот, кто чешет власы главы моея, тот, кто пыль и грязь оттирает с обуви моея, о многих других не упоминая, равняются или председательствуют служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не щадя ради отечества ни здоровья своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства. Какая вам в том польза, что в доме моем господствуют чистота и опрятность? Сытее ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено и в сосудах моих лиется вино изо всех концов вселенныя? Укроетесь ли в шествии вашем от неприязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучший ли даст нива вам плод, луга ваши больше ли позеленеют, буде потопчутся на ловитве зверей, в мое увеселение? Вы улыбнетесь с чувствованием жалости. Но нередкой в справедливом негодовании своем скажет нам: тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений сочетает с хладною вязкостью северных туков для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого твоего вкуса; тот, кто воспеняет в сосуде твоём сладкий сок африканского винограда; тот, кто умащает окружие твоей колесницы, кормит и напоет коней твоих; тот, кто во имя твое кровавую битву ведет со зверями дубравными и птицами небесными, – все сии тунеядцы, все сии лелеятели, как и многие другие, твоя надменности, высятся надо мною: над источившим потоки кровей на ратном поле, над потерявшим нужнейшие члены тела моего, защищая грады твои и чертоги, в них же соккрытая твоя робость завесою величавости мужеством казалася; над провождающим дни веселей, юности и утех во сбережении малейшия полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налогов; над нерачившим о имени своем, трудяся деннонощно в снискании средств к достижению блаженств общественных; над попирающим родство, приязнь, союз сердца и крови, вещая правду на суде во имя твое, да возлюблен будеши. Власы белеют в подвигах наших, силы истощеваются в подъемлемых нами трудах, и при воскраии гроба едва возмогаем удостоиться твоего благоволения; а сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем.

Тако и более еще по справедливости возглаголют от вас многие. Что дадим мы, владыки сил, в ответ? Прикроем бесчувствием унижение наше, и видится воспаленна ярость в очах наших на вещающих сице. Таковы бывают нередко ответы наши вещаниям истины. И никто да не дивится сему, когда наилучший между нами дерзает таковая: он живет с ласкателями, беседует с ласкателями, спит в лести, хождает в лести.

И лесь и ласкательство со делают его глуха, слепа и неосязательна.

Но да не падет на нас таковая укоризна. С младенчества нашего возненавидев ласкательство, мы соблюли сердце наше от ядовитой его сладости, даже до сего дня; и ныне новый опыт в любви нашей к вам и преданности явен да будет. Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с военным и гражданским. Истребися на памяти обыкновение, во стыд наш толико лет существовавшее. Истинные заслуги и достоинства, рачение о пользе общей да получают награду в трудах своих и едины да отличаются.

Сложив с сердца нашего столь несносное бремя, долговременно нас теснившее, мы явим вам наши побуждения на уничтожение толь оскорбительных для заслуги и достоинства чинов. – Вещают вам, и предки наши тех же были мыслей, что царский престол, коего сила во мнении граждан коренится, отличествовати долженствует внешним блеском, дабы мнение о его величестве было всегда всецело и ненарушимо. Оттуда пышная внешность властителей народов, оттуда стадо рабов, их окружающих.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

Согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать может. Но чем народ просвещеннее, то есть чем более особенников в просвещении, тем внешность менее действовать может. Нума мог грубых еще римлян уверить, что нимфа Егерия наставляла его в его законоположениях. Слабые перуанцы охотно верили Манко Капаку, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить скитающихся аравитян своими бреднями. Все они употребляли внешность, даже Моисей принял скривали заповедей на горе среди блеску молнии. Но ныне, буде кто прельстите восхощет, не блистательная нужна ему внешность, но внешность доводов, если так сказать можно, внешность убеждений. Кто бы восхощет ныне послание свое утвердить свыше, тот употребит более наружность полезности, и тою все тронутся. Мы же, устремляя все силы наши на пользу всех и каждого, почто нам блеск внешности? не полезностию ли наших постановлений, ко благу государства текущую, облистает наше лице? Всяк, взирающий на нас, узрит наше благомыслие, узрит в подвиге нашем свою пользу и того ради нам поклонится, не яко во ужасе шествующему, но сидящему во благости. Если бы древние персы управлялися всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману, или ненавистному началу зла. Но если пышная внешность нам бесполезна, колико вредны в государстве быть могут ее оберегатели. Единственную должность во служении своем имея угождение нам, колико изыскательны будут они во всем том, что нам нравиться может. Желание наше будет предупреждено; но не токмо желанию не допустят возродиться в нас, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетворение. Воззрите со ужасом на действие таковых угождений. Наитвердейшая душа во правилах своих позыбнется, приклонит ухо ласкательному сладкопению, уснет. И се сладостные чары обыдут разум и сердце. Горесть и обида чуждые едва покажутся нам преходящими недугами; скорбети о них почтем или неприличным, или же противным и воспретим даже жаловаться о них. Язвительнейшие скорби и раны и самая смерть покажутся нам необходимыми действиями течения вещей и, являясь нам позади непрозрачных завесы, едва возмогут ли в нас произвести то мгновенное движение, какое производят в нас феатральные представления. Зане стрела болезни и жало зла не в нас дрожит вонзенное.

Се слабая картина всех пагубных следствий пышного царей действия. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться от возмущения благонамерений наших? Не блаженны ли, если и заразе примера положили преграду? Надежны в благосердии нашем, надежны не в разврате со вне, надежны во умеренности наших желаний, возблагоденствуем снова и будем примером позднему потомству, како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу.

Торжок

Здесь, на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволения не нужно, ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в ценсуре, и вот его о том размышлении.

Типографии у нас всем иметь дозволено, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным дозволением частным людям; и для того, что в вольных типографиях ложные могут печатаны быть пропуски, удерживались от общего добра и полезного установления. Теперь свободно иметь всякому орудии печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Ценсура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, отчего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка, без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной ценсуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера.

«Наилучший способ поощрять доброе есть непрепятствие, дозволение, свобода в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но поделка святой инквизиции; часто изуродованной, сеченной батожем с кляпом во рту узник, а раб всегда.. В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решений и не должна; не может того правительство, менее еще его ценсор, в клобуке ли он или с темляком. В царстве истины он не судия, но ответчик, как и сочинитель. Исправление может только совершиться просвещением; без главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога... Чем

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позабыться и стрястися от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний, а от нее под конец прибыль, конечно, будет истине. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Явной муж, творяй правду и твердый в правилах своих, допустит о себе глагол всякий. Хождает он во дни и на пользу себе строит клевету своих злодеев. Откупы в помышлениях вредны... Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог объяти мнения всех и оные в государстве своем дозволять, просвещать и наклонять к общему добру: оттого-то истинно великие государи столь редки».

Правительство, дознав полезность книгопечатания, оное дозволило всем; но, паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщетит благое намерение вольности книгопечатания, поручило цензуру или присмотр за изданиями управе благочиния. Долг же ее в отношении сего может быть только тот, чтобы воспрещать продажу язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шестии разума: запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя автору, говоря о любви, назвал ее лукавым богом. Мундирной цензор, исполненный духа благоговения, сие выражение почернил, говоря: «неприлично божество называть лукавым». Кто чего не разумеет, тот в то да не мешается. Если хочешь благорастворенного воздуха, удали от себя коптильню; если хочешь света, удали затмение; если хочешь, чтобы дитя не было застенчиво, то выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там служители пьяницы, воры и того еще хуже[6].

Пускай печатают все, кому что на ум ни взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не всегда суть деяния, размышлении же не преступления. Се правила наказа о новом уложении. Но брань на словах и в печати всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Не токмо не может быть вреда, но польза; польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

Обыкновенные правила цензуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонравию, устройству и тишине общей. Рассмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем, не токмо в сердце, но громким гласом речет: «несть бога», в устах всех безумных раздастся громкое и поспешное эхо: «несть бога, несть бога». Но что ж из того? Эхо – звук; ударит в воздух, позабнет его и исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; на сердце же никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем и не верующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится, – урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст. Возгнушается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнушается колеблющий сердца из-за пределов вселенной дать мстити за себя и самому царю, мечтающему быти его на земли преемником. – Кто ж может быть судиею в обиде отца предвечного? – Тот его обижает, кто мнит: возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним.

Отступники откровенной религии более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты. Таковых у нас мало, ибо мало у нас еще думают о метафизике. Афеист заблуждает в метафизике, а раскольник в трех пальцах. Раскольниками называем мы всех россиян, отступающих в чем-либо от общего учения греческия церкви. Их в России много, и для того служение им дозволяется. Но для чего не дозволять всякому заблуждению быть явному? Явнее оно будет – скорее сокрушится. Гонении делали мучеников; жестокость была подпорою самого христианского закона. Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их. Проповедаются они примером. Уничтожь пример. От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Евины дети.

Но, запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей. Кто в часы безумия не щадит бога, тот в часы

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru памяти и рассудка не пощадит незаконной власти. Не боясь громов всесильного смеется виселице. Для того-то вольность мыслей правительствам страшна. До внутренности потрясенный вольнодумец прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров и обнажит ее состав. Всяк узрит бранные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Но если власть не на тумане мнений восседает, если престол ее на искренности и истинной любви общего блага возник, – не утвердится ли паче, когда основание его будет явно, не возлюбится ли любящий искренно? Взаимность есть чувствование природы, и стремление сие почил в естестве. Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания: в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если позыбнется оно от ветхости, тогда только побочные тверди ему нужны. Правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны; тогда все плевелы, тогда все изблевания смрадность свою возвратят на извергателя их; а истина пребудет всегда чиста и беловидна. Кто возмущает словом (да назовем так в угодность власти все твердые размышления, на истине основанные, власти противные), есть такой же безумец, как и хулу глаголяй на бога. Буде власть шествует стезею, ей назначенной, то не возмутится от пустого звука клеветы, яко же господь сил не тревожится хулением. Но горе ей, если в жадности своей ломит правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожит; глагол истины ее сокрушит, деяние мужества ее развеет.

Личность, но язвительная личность, есть обида. Личность в истине столь же позволительна, как и самая истина. Если ослепленный судия судит в неправду и защитник невинности издаст в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сие личность, но дозволенная; если он его назовет судиею наемным, ложным, глупым, – есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станет наименованиями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сие есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства дело вступаться за судию, хотя бы он поносился и в правом деле. Не судия да будет в том истец, но оскорбленное лицо. Судия же пред светом и пред поставившим его судиею да оправдится едиными делами[7]. Тако долженствует судить о личности. Она наказания достойна, но в печатании более пользы устроит, а вреда мало. Когда все будет в порядке, когда решения всегда будут в законе, когда закон основан будет на истине и заклеплется удручение, тогда разве, тогда личность может сделать разврат. Скажем нечто о благонравии и сколько слова ему вредят.

Сочинения любострастные, наполненные похотливыми начертаниями, дышущие развратом, коего все листы и строки стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и незрелых чувств. Распламеняя воспаленное воображение, тревожа спящие чувства и возбуждая покоящееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юные чувства в Твердости их и заготовляя им дряхлость. Таковые сочинения могут быть вредны; но не они разврату корень. Если, читая их, юноши пристрастятся к крайнему услаждению любовной страсти, то не могли бы того произвести в действие, не бы были торгующие своею красотю. В России таковых сочинений в печати еще нет, а на каждой улице в обеих столицах видим раскрашенных любовниц. Действие более развратит, нежели слово, и пример паче всего. Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торга наддателю, тысячу юношей заразят язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга не давала еще болезни. И так цензура да останется на торговых девках, до произведений же, развратного хотя разума, ей дела нет.

Заключу сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки. Равно как ободрение феатральному сочинению дает публика, а не директор феатра, так и выпускаемому в мир сочинению цензор ни славы не даст, ни бесславия. Завеса поднялась, взоры всех устремились к действованию; нравится – плещут, не нравится – стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения общего; оно тысящу найдет ценсоров. Настрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика. Один раз им воньмут, потом умрут они и не воскреснут вовеки. Но если мы признали бесполезность ценсуры или паче ее вред в царстве науки, то познаем обширную и беспредельную пользу вольности печатания.

Доказательства сему, кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всем беспрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, избретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся, ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. Вострепещет судия, подписывая несправедный

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru приговор, и его раздерет. Устыдится власть имеющий употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежем, прикрытое убийство – убийством. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет. Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод.

Прощаясь со мною, порицатель цензуры дал мне небольшую тетрадку. Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо.

Краткое повествование о происхождении цензуры

Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что цензура с инквизициею принадлежат к одному корню; что учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака протекших времен извлечем, вдобавок многим другим, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми отягчался в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылие, да не обратит полет свой к величию и свободе.

Проходя протекшие времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину, иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями возбужденный, писания Протагоры запретил, велел все списки оных собрать и сжечь. Не он ли, в безумии своем, предал смерти, на неизгладимое вовеки себе поношение, вочеловеченную истину – Сократа. В Риме находим мы больше примеров такого свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случалось, что книги гадательные велено было относить к претору. Светоний повествует, что кесарь Август таких книг велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несообразности человеческого разума! Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? Каждому в особенности своей воспрещали прибегнуть к гаданию, совершаемому нередко на обуздание токмо мгновенное грызущей скорби; оставляли явные и государственные гадания авгуров и аруспициев. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедующие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда вид ее один есть наижесточайший бич на заблуждение?

Но кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения: он велел сжечь книги Тита Лабиеция. «Злодеи его, – говорит Сенека ритор, – изобрели для него сие нового рода наказание. Неслыханное дело и необычайное – казнь извлекать из учения. Но, по счастью государства, сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что быть бы могло, если бы троеначальники за благо положили осудить разум Цицерона?» Но мучитель скоро отмстил за Лабиеция тому, кто исходатайствовал сожжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню[8]. «Не злomu какому примеру тут следовано, – говорит Сенека, – его собственному»[9]. Даждь небо, чтобы зло всегда обращалось на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение на мысль зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщение когда-либо извинительно быть может, то разве сие.

Во времена народного правления в Риме гонение такого рода обращалось только на суеверие, но при императорах простерлось оно на все твердые мысли. Кремуций Корд в истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмеять мучительство Августово на Лабиеиевы сочинения, последним римлянином. Римский сенат, ползая пред Тиверием, велел во угождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. «Тем паче, – говорит Тацит, – смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминание следующего поколения. Хотя власть бешенствует на казнь рассудка, но свирепствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им славу».

Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Епифане, царе Сирском. Равной с ними подвержены были участи сочинения христиан. Император Деоклитиан книги священного писания велел предать сожжению. Но христианский закон, одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей и ныне остается во свидетельстве неложное, что гонение на мысли и мнения не токмо не в силах оные истребить, но укореняет их и распространяет. Арнобий справедливо восстает противу такого гонения и мучительства. «Иные вещают, – говорит он, – полезно для государства,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
чтобы сенат истребить велел писания, в доказательство христианского исповедания служащие, которые важность опровергают древняя религии. Но запрещать писания и обнародованное хотеть истребить не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствования». Но по распространении христианского исповедания священнослужители оно толико же стали злобны против писаний, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. Греческие императоры, занимался более церковными прениями, нежели делами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигали гонение на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы понимал с ними различно. Такое гонение распростерлось и на произведение рассудка и разума. Уже мучитель Константин, Великим названный, следуя решению Никейского собора, предавшему Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на сожжение, а того, кто оные книги иметь будет, – на смерть. Император Феодосии II проклятые книги Нестория велел все собрать и предать огню. На Халкидонском соборе то же положено о писаниях Евтихия. В Пандектах Юстиниановых сохранены некоторые таковые решения. Несмысленные! не ведали, что, истребляя превратное или глупое истолкование христианского учения и запрещая разуму трудиться в исследовании каких-либо мнений, они останавливали его шествие; у истины отнимали сильную опору, различие мнений, прения и невозбранное мышление своих изречение. Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лутера и, если бы вселенские соборы не были созваны, что бы Декарт родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!

По разрушении Римския империи монахи в Европе были хранители учености и науки. Но никто у них не оспаривал свободы писать, что они желали. В 768 году Амвросий Оперт, монах бенедиктинской, посылая толкование свое на Апокалипсис к папе Стефану III и прося дозволения о продолжении своего труда и о издании его в свет, говорит, что он первый из писателей просит такового дозволения. «Но да не исчезнет, – продолжает он, – свобода в писании для того, что уничтожение поклонилось не принужденно». Собор Санский в 1140 году осудил мнения Абелардовы, а папа сочинения его велел сжечь.

Но ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: у меня просите дозволения, если уста ваши отверзать хотите на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение, и все, что без нашего клейма явится в свет, объявляем заранее глупым, мерзким, негодным. Такое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству, и цензура была современна инквизиции.

Нередко, проходя историю, находим разум суеверию, изобретения наиболее полезные современниками грубейшему невежеству. В то время как боязливое недоверие к вещи утверждаемой побудило монахов учредить цензуру и мысль истреблять в ее рождении, в то самое время дерзал Колумб в неизвестность морей на искание Америки; Кеплер предузнавал бытие притяжательной в природе силы, Ньютоном доказанной; в то же время родился начертавший в пространстве путь небесным телесам Коперник. Но к вящему сожалению о жребии человеческого умствования скажем, что мысль великая рождала иногда невежество. Книгопечатание родило цензуру; разум философский в XVIII столетии произвел иллуминатов.

В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозволение на печатание книги. На конце книги под заглавием: «Знай сам себя», печатанной в 1480 году, присоединено следующее: «Мы, Матфей Жирардо, божиим милосердием патриарх Венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышеписанных господ, свидетельствующих о вышеписанном творении, и по таковому же оного заключению и присоединенному доверению так же свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива». Древнейший монумент цензуры, но не древнейший безумия!

Древнейшее о цензуре узаконение, доселе известное, находим в 1486 году, изданное в самом том городе, где изобретено книгопечатание. Предузнавали монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общего рассудка, и могущество, на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения.

Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке без

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
предварительного ученых удостоения 1486 года[10].

«Бертольд, божию милостию святыя Майнцкия епархии архиепископ, в Германии архиканцлер и курфирст. Хотя для приобретения человеческого учения чрез божественное печатания искусство возможно с избытком и свободнее получать книги, до разных наук касающиеся, но до сведения нашего дошло, что некоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желанием, искусство сие употребляют во зло и данное для научения в житии человеческом обращают на пагубу и злоречие.

Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкой язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обращающиеся; что ж сказать наконец о предписаниях святыя правил и законоположений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе толико затруднительна, что красноречивейшего и ученейшего человека едва на оную достаточна целая жизнь.

Некоторые глупые, дерзновенные и невежды попускаются переводить на общий язык таковые книги. Многие ученые люди, читая переводы сии, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребления слов они непонятнее подлинников. Что же скажем о сочинениях, до других наук касающихся, в которые часто вмешивают ложное, надписывают ложными названиями и тем паче славнейшим писателям приписывают свои вымыслы, чем более находится покушников.

Да вещают таковые переводчики, если возлюбляют истину, с каким бы намерением то ни делали, с добрым или худым, до того нет нужды; да вещают, немецкий язык удобен ли к преложению на оной того, что греческие и латинские изящные писатели о вышних размышлениях христианского исповедания и о науках писали точнее и разумнейше? Признаться надлежит, скудости ради своей, язык наш на сказанное недостаточен весьма, и нужно для того, чтобы они неизвестные имена вещам в мозгу своем сооружали; или, если употребят древние, то испортят истинный смысл, чего наипаче опасаемся в писаниях священных в рассуждении их важности. Ибо грубым и неученым людям и женскому полу, в руки которых попадутся книги священные, кто покажет истинный смысл? Рассмотрим святого Евангелия строки или Послания апостола Павла, всяк разумный признается, что много в них прибавлений и исправлений писцовых.

Сказанное нами довольно известно. Что же помыслим о том, что в писаниях католическия церкви находится зависящее от строжайшего рассмотрения? Многое в пример поставить можем, но для сего намерения довольно уже нами сказанного.

Понеже начало сего искусства в славном нашем граде Майнце, скажем истинным словом, божественно явилось и ныне в оном исправленно и обогащено пребывает, то справедливо, чтобы мы в защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранить святыя писания в нерастлениой непорочности. Сказав таким образом о заблуждениях и о про дерзостях людей наглых и злодеев, желая, елико нам возможно, пособием господним, о котором дело здесь, предупредить и наложить узду всем и каждому, церковным и светским нашей области подданным и вне пределов оныя торгующим, какого бы они звания и состояния ни были, – сим каждому повелеваем, чтобы никакое сочинение, в какой бы науке, художестве или знании ни было, с греческого, латинского или другого языка переводимо не было на немецкой язык или уже переведенное, с переменою токмо заглавия или чего другого, не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или посторонним образом, если до печатания или после печати до издания в свет не будет иметь отверстого дозволения на печатание или издание в свет от любезных нам светлейших и благородных докторов и магистров университетских, а именно: во граде нашем Майнце – от Иоганна Бертрама де Наумбурха в касающемся до богословии, от Александра Дидриха в законоучении, от Феодорика де Мешедя во врачебной науке, от Андрея Елера во словесности, избранных для сего в городе нашем Эрфурте докторов и магистров. В городе же Франкфурте, если таковые на продажу изданные книги не будут смотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии магистром и одним или двумя докторами и лиценциатами, которые от думы оного города на годовом жалованье содержимы быть имеют.

Если кто сие наше попечительное постановление презрит или против такового нашего указа подаст совет, помощь или благоприятство своим лицом или посторонним, – тем самым подвергает себя осуждению на проклятие, да сверх того лишен быть имеет тех

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru книг и заплатит сто золотых гульденов пени в казну нашу. И сего решения никто без особого повеления да нарушить не дерзает. Дано в замке С. Мартына, во граде нашем Майнце, с приложением печати нашей. Месяца януаря, в четвертый день 1486 года».

Его же о предыдущем, каким образом отправлять цензуру: «Лета 1486 Бертольд и пр. Почтеннейшим, ученейшим и любезнейшим нам во Христе И. Бертраму богословии, А. Дидриху законоучения, Ф. де Мешедо врачевания докторам и А. Елеру словесности магистру здравие и к нижеписанному прилежание.

Известившись о соблазнах и подлогах, от некоторых в науках переводчиков и книгопечатников происшедших, и желая оным предварить и заградить путь по возможности, повелеваем, да никто в епархии и области нашей не дерзает переводить книги на немецкой язык, печатать или печатные раздавать, доколе таковые сочинения или книги в городе нашем Майнце не будут рассмотрены вами и, касательно до самой вещи, доколе не будут в переводе и для продажи вами утверждены, согласно с вышеобъявленным указом.

Надеясь твердо на ваше благоразумие и осторожность, мы вам поручаем: когда назначаемые к переводу, печатанию или продаже сочинения или книги к вам принесены будут, то вы рассмотрите их содержание и, если нелегко можно дать им истинной смысл, или могут возродить заблуждения и соблазны, или оскорбить целомудрие, то оные отвергните; те, которые вы отпустите свободными, имеете вы подписать своеручно и именно на конце двое от вас, дабы тем виднее было, что те книги вами смотрены и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Дан в замке С. Мартына. 10 януаря 1486 года».

Рассматривая сие новое по тогдашнему времени законоположение, находим, что оно клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве. На сочинения, на латинском языке писанные, цензура, кажется, не распространялася. Ибо те, которые были сведущи в языке латинском, казалось, были уже ограждены от заблуждения, ему неприступны и, что читали, понимали ясно и некриво[11]. И так священники хотели, чтобы одни причастники их власти были просвещены, чтобы народ науку почитал божественного происхождения, превыше его понятия, и не смел бы оная коснуться. И так изобретенное на заключение истины и просвещения в теснейшие пределы, изобретенное недоверяющею властью ко своему могуществу, изобретенное на продолжение невежества и мрака, ныне во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему пути суеверия, когда истина блистает столично паче и паче, когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества, когда старания правительств стремятся на истребление заблуждений и на отверстие беспреткновенных путей рассудку к истине, – постыдное монашеское изобретение трепещущей власти принято ныне повсеместно, укоренено и благо приемлется преградю блуждению. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратности дать истине опору, вы заблуждением хотите просвещать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. Какая вам польза, что властвовать будете над невеждами, тем паче загрубелыми, что не от недостатка пособий к просвещению невежды пребыли в невежестве природы или паче в естественной простоте, но, сделав уже шаг к просвещению, остановлены в шестивы и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая в том вам польза бороться самим с собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о сем священство. Вы заранее уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, – если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного.

По счастью, однако же, общества, что не изгнали из областей ваших книгопечатание. Яко древо, во всегдашней весне насажденное, не теряет своя зелени, тако орудия книгопечатания остановлены могут быть в действии, но не разрушены.

Папы, уразумевав опасность их власти, от свободы печатания родиться могущей, не укоснили законоположить о цензуре, и сие положение прияло силу общего закона на бывшем вскоре потом соборе в Риме. Священный Тиверий, папа Александр VI, первый из пап законоположил о цензуре в 1501 году. Сам согбенный под всеми злодеяниями, не устыдился пещися о непорочности исповедания христианского. Но власть когда краснела! Буллу свою начинает он жалобю на диавола, который куколь сеет во пшенице, и говорит: «Узнав, что посредством сказанного искусства многие книги и сочинения в разных частях света, наипаче в Кельне, Майнце, Триере, Магдебурге напечатанные, содержат в себе разные заблуждения, учения пагубные, христианскому

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru закону враждебные, и ныне еще в некоторых местах печатаются, желая без отлагательства предварить сей ненавистной язвы, всем и каждому сказанного искусства печатникам и к ним принадлежащим и всем, кто в печатном деле обращается в помянутых областях, под наказанием проклятия и денежных пени, определяемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, Кельнским, Майнцким, Триерским и Магдебургским архиепископами или их наместниками в областях их, в пользу апостольской камеры, апостольскою властью наистрожайше запрещаем, чтобы не дерзали книг, сочинений или писаний печатать или отдавать в печать без доклада вышесказанным архиепископам или наместникам и без их особого и точного безденежно испрошенного дозволения; их же совесть обременяем, да прежде, нежели дадут таковое дозволение, назначенное к печатанию прилежно рассмотрят или чрез ученых и православных велят рассмотреть и да прилежно пекутся, чтобы не было печатано противного вере православной, безбожное и соблазн производящего». А дабы прежние книги не сделали более несчастий, то велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые что-либо содержали противное католическому исповеданию, те сжечь.

О! вы, цензуру учреждающие, вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь.

В 1515 году Латеранский собор о цензуре положил, чтобы никакая книга не была печатана без утверждения священства.

Из предыдущего видели мы, что цензура изобретена священством и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, справедливо в тогдешнее время казаться могла ужасною нарушителю изданных о ней законоположений. Но опровержение Лутером власти папской, отделение разных исповеданий от римской церкви, прения различных властей в продолжение Тридцатилетней войны произвели много книг, которые явились в свет без обыкновенного клейма цензуры. Везде, однако же, духовенство присвоило себе право производить цензуру над изданиями; и когда в 1650 году учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословской факультет Парижского университета новому установлению противуречил, ссылаясь, что двести лет он пользовался сим правом.

Скоро по введении[12] книгопечатания в Англии учреждена цензура. Звездная палата, не меньше ужасная в свое время в Англии, как в Испании инквизиция или в России Тайная канцелярия, определила число печатников и печатных станков; учредила освобождателя, без дозволения которого ничего печатать не смели. Жестокости ее против писавших о правительстве несчетны, и история ее оными наполнена. Итак, если в Англии суеверие духовное не в силах было наложить на разум тяжкую узду цензуры, возложена она суеверием политическим. Но то и другое пеклись, да власть будет всецела, да очи просвещения покрыты всегда пребудут туманом обаяния и да насилие царствует на счет рассудка.

Со смертью графа Страфорда рушилась Звездная палата; но ни уничтожение сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгой парламент возобновил прежние положения, против ее сделанные. При Карле II и при Якове II они паки возобновлены. Даже по совершении премены в 1692 году узаконение сие подтверждено, но на два только года. Скончавшись в 1694 году, вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув в последний раз, издохла[13].

Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область в основательном своем законоположении, в главе 1, в предложительном объявлении прав жителей пенсильванских, в 12 статье говорит: «народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема». В главе 2, о образе правления, в отделении 35: «печатание да будет свободно для всех, кто хочет исследовать положения законодательного собрания или другой отрасли правления». В проекте о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном, дабы жители оно могли сообщать свои примечания, в 1776 году, в июле, отделение 35: «Свобода печатания отверста да будет всем, желающим исследовать законодательное правительство, и общее собрание да не коснется оныя никаким положением. Никакой книгопечатник да не потребует к суду за то, что издал в свет примечания, ценения, наблюдения о поступках общего собрания, о разных частях правления, о делах общих или о поведении служащих, поколику оное касается до исполнения их должностей». Дел аварское государство в объявлении изъяснительном прав, в 23 статье, говорит:

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
«Свобода печатания да сохраняема будет ненарушимо». Мариландское государство в 38 статье теми же словами объясняется. Виргинское в 14 статье говорит теми же словами: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатание до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо не было, как в сем государстве. Стоглазый Арг, сторучный Бриарей, парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Бастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие охудать хищность министров и их распутство. Если бы язык французский не был толико употребителен в Европе, не был бы всеобщим, то Франция, стена под бичем цензуры, не достигла бы до того величия в мыслях, какое явили многие ее писатели. Но общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Тако сила, кичаясь своими мышцами, осмеяна была и не ужасна; тако свирепства пенящиеся челюсти праздны оставались, и слово твердое ускользало от них непоглощено.

Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, – да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! – мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще хождаеть близ Бастильских пропастей.

Размножение книгопечатниц в Немецкой земле, сокрывая от власти орудия оных, отъемлет у нее возможность свирепствовать против рассудка и просвещения. Малые немецкие правления хотя вольности книгопечатания стараются положить преграду, но безуспешно. Векерлин хотя мстящею властью посажен был под стражу, но «Седое чудовище» осталось у всех в руках. Покойной Фридрих II, король прусской, в землях своих печатание сделал почти свободным, – не каким-либо законоположением, но дозволением токмо и образом своих мыслей. Чему дивиться, что он не уничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие. Но воздержись от смеха. – Он узнал, что указы, им изданные, некто намерен был, собрав, напечатать. Он и к оным приставил двух цензоров или, правильнее сказать, браковщиков. О властвование! о всесилие! ты мышцам своим не доверяешь. Ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не заушила! – Но какое добро сии насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вред. Скрыли они от глаз потомства нелепое какое-либо законоположение, которое на суд будущий власть оставить стыдилась, которое, оставшись явным, было бы, может быть, уздою власти, да не дерзает на уродливое. Император Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в Австрийских наследных владениях, в царствование Марии-Терезии, тяготила рассудок; но не мог он стрясти с себя бремени предрассуждения и предлинное издал о цензуре наставление. Если должно его хвалить за то, что не возбранял опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки и таковыя порицания издавать в печати, но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!.. [14] Чему дивиться, скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?

В России... Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. А теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь.

Медное

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли»... Хоровод молодых баб и девок – пляшут – подойдем поближе, – говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. – Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалию, и радостный глас нехитрого веселия до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru приемлется. – Публикуется: «Сего... дня пополудни в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под №... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале, где она производится, стоят неподвижны на продажу осужденные. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцом господина своего он был в Крымском походе при фельдмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унес на плечах из строя. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером. – Старуха 80 лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своя ничего у господ своих не утратила, ничем не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим правдушием. – Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И доднесь чувствует она еще к нему некоторую нежность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были его воспитательницы. Они с ним расстаются, как с сыном. – Молодица 18 лет, дочь ее и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмощи прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни утратить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобой гнушалась. Она узнала обман твой. Венчанной с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став твоея утехы, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоя воли, держа руки ее и ноги... но сего не окончаем. На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцево зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного. – Младенец... Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателем слова божия сочетание их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаньями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прел юбо действ и растлений совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей при его свидетелях, недостойных своего сана. – Детина лет в 25, венчанной ее муж, спутник и наперсник своего господина. Зверство и мщение в его глазах. Раскаивается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно... Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнет вью твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь – все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонись и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертию. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию. – Правосудие! – где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться. – Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук и четверо несчастных узнали свою участь, – слезы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! почто бесплодное соблезнование! О квакеры! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложились и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу. – Жив многие лета в объятиях одного другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон, иль, лучше сказать, обычай варварской, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденной. Закон его освобождает. Постойте, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О счастье! почто ты так обидело меня в твоём разделе? Днес жажду вкусити прелестного твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству. – Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru встретился мне один чужестранец, мой друг. – Что тебе сделалось? ты плачешь! – Возвратись, – сказал я ему, – не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварской в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, – повторил я, – не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседа с ними о наших нравах. – Не могу сему я верить, – сказал мне мой друг, – невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение. – Не дивись, – сказал я ему, – установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

Тверь

– Стихотворство у нас, – говорил товарищ мой трактирного обеда, – в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтаны. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастю, случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов предложил Иова или псаломпевца дактилями или если бы Сумароков «Семиру» или «Димитрия» написал хореем, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами опричь ямбов, и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани собственным эпосом стихосложением. Не дивлюсь, что древний трюх на Виргилия надет ломоносовским покровом; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, ексамтрам, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неумолимой возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Телемахидою». Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядкою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредиаковского вырост из поросшей мхом забвения могилы, в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык, гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы некраесловны хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ одним духом и с толикою поворотливостию языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой-чего имел на защищение ямбов и всех тех, которые ими писали.

– Я и сам, – продолжал он, – заразительному последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне; да и оставшаяся та же ожидает участь, как и сосестр ее постигшая. В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург просить о издании ее в свет, ласкаясь, яко нежной отец своего дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать не хотели, снисходительно воззрят на первую. Если вам не в тягость будет прочесть некоторые строфы, – сказал он мне, подавая бумагу. – Я ее развернул и читал следующее: – Вольность... Ода... – За одно название отказали мне издание сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «Вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместно.

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

Сию строфу обвинили для двух причин; за стих «во свет рабства тьму претвори». Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных букв, «бства тьму претв.» – на десять согласных три гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на италианском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия. Но вот другой: «да смятутся от гласа твоего цари». Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла; следовательно... Но я не хочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, признаюсь, из них были справедливы. Позвольте, чтобы я вашим был чтецом.

2

Я в свет исшел, и ты со мною..
Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержанье: Человек во всем от рождения свободен...

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, –
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:

«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество.

и пр.; изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя;
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду, и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав.
Земные власти попирает,
Главою неба досязает.
Его отчизна там, – гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою,
И всюду вея ползкий яд...
Изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность,
влекущее его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облекшее:

Бояться истины велел...

Власть называет оное изветом божества; рассудок – обманом.

9

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства...
В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок щится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, – рекут.

10

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
И все злые следствия рабства, как-то: беспечность, леность, коварство, голод и пр.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, – рек, – щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно – все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

12

И мы внимаем хладнокровно...
как алчной змии, ругаясь всем, отравляет дни веселия и утех. Но, хотя вокруг
твоего престола все стоят преклонше колена, – трепещи, се мститель грядет,
прорицая вольность...

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя.

14

И ночи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?

15

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупредить,
Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями...
дал способ к приобретению богатств и благоденствия. Желал я, чтобы земледелец не
был пленник на своей ниве и тебя бы благословлял...

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я,
Мечем мои расторг уставы;
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

19

Кровавым потом доставая

Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?
20

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы упившись в Афинах:
Ирой! – зевав, могли сказать.
21

Злодей, злодеев всех лютейший...
Ты все совокупил злодеяния и жало свое в меня устремил...

Умри! умри же ты стократ!» –
Народ вещал...

22
Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.
23

И се глас вольности раздается во все концы.

На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителей, как сам есть бог!
24

В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы и действия ее; то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...

34
Но страсти, изощряя злобу...
превращают спокойствие граждан в пагубу...

Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
и все следствия безмерного желания властвовать...

35, 36, 37
Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобии. Гражданская брань. Марий,
Сулла, Август...

Тревожну вольность усыпил.
Чугунный скиптр обвил цветами...
Следствие того – порабощение...

38, 39

Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...

40

На что сему дивиться, – и человек родится на то, чтобы умереть...

Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжелой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность...

49

Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развееется в одно мгновенье.

О день, избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла.

– Вот и конец, – сказал мне новомодной стихотворец.

Я очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может быть, неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса, когда он с норовом.

Городня

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутской набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: – Любезное мое дитетко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительской? Поля наши порастут травой, мохом – наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери, сырой земле? Кто придет вспомнить меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той.

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она так же вопила: – Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милой друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение.

Парень им говорил: – Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. – Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близстоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест

– Услышал господь молитву мою, – вещал он. – Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батошьем наказан не буду!

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он отвечал: – Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, преплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертью, под батошьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастью их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратий, дворян.

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурой кафтан со бритым лбом. Но, желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи толь низкого состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

– Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве: сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованьем, ни позова не сделают свистом. Старой мой барин, человек добросердечной, разумной и добродетельной, нередко рыдавший над участию своих рабов, хотел за долговременные заслуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти не было, разве только то, что он на кафтане носил сукно моего потоне. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставления нам во всем были одинаковы, и без хвастовства скажу, что во многом я лучше успел своего молодого господина.

– Ванюша, – говорил мне старой барин, – счастье твое зависит совсем от тебя. Ты более к учености и нравственности имеешь побуждений, нежели мой сын. Он по мне будет богат и нужды не узнает, а ты с рождения с нею познакомился. Итак, старайся быть достоин моего о тебе попечения. – На семнадцатом году возраста молодого моего барина отправлен был он и я в чужие край с надзирателем, коему предписано было меня почитать спутником, а не слугою. Отправляя меня, старой мой барин сказал мне: – Надеюсь, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возвратясь же в оное, уз, рождением твоим на тебя наложенных, ты не обрящешь. – Мы отсутственны были пять лет и возвращались в Россию; молодой мой барин в радости видеть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы моего отечества. И поистине предчувствие его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я приведен в отчаяние. Ибо все мои старания приобрести дружбу и доверенность молодого моего барина всегда были тщетны. Он не только меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной, но ненавидел.

Приметив мое смятение, известием о смерти его отца произведенное, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне сие сказать, ибо, получив свободу смертью своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают.

Чрез неделю после нашего в Москву приезда бывший мой господин влюбился в изрядную лицом девицу, но которая с красотою телесною соединяла скареднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличностию почитала только внешность, знатность, богатство. Чрез

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
два месяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени я не чувствовал перемены в моем состоянии, жил в доме господина моего как его сотоварищ. Хотя он мне ничего не приказывал, но я предупреждал его иногда желании, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дому, в котором она определялась начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первой вечер по свадьбе и следующий день, в которой я ей представлен был супругом ее как его сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдном собрании пришли все к столу и сели за первый ужин у новобрачных, и я, по обыкновению моему, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оной не сажал. Он, взглянув на меня и движим уже ею, прислал ко мне сказать, чтобы я из-за стола вышел и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, колико чувствительно мне было сие уничижение. Я, скрыв, однако же, исступаящие из глаз моих слезы, удалился. На другой день не смел я показаться. Не наведываясь обо мне, принесли мне обед мой и ужин. То же было и в следующие дни. Чрез неделю после свадьбы, в один день, после обеда, новая госпожа, осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилище, зашла в мои комнаты. Они для меня уготованы были старым моим баринком. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказали ее приказ, что мне отведен угол в нижнем этаже, с холостыми официантами, где моя постель, сундук с платьем и бельем уже поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но дабы не занимать вас излишним, может быть, повествованием, госпожа моя, вступив в управление дома и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела на меня ливрею. Малейшее мнимое упущение сего должности влекло за собою пощечины, батошье, кошки. О государь мой, лучше бы мне не родиться! Колико крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есмь человек, всем другим равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной мне жизни, если бы не удерживало прещение вышнего над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил не токмо уязвления телесные, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего обета и не отъял у себя томные остатки плачевного жития при случившемся новом души уязвлении.

Племянник моей барыни, молодец осмнадцати лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков, влюбился в горнишную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностью, сделал ее матерью. Сколь он ни решителен был в своих любовных делах, но при сем происшествии несколько смутился. Ибо тетушка его, узнав о сем, запретила вход к себе своей горнишной, а племянника побранила слегка. По обыкновению милосердых господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха замуж. Но как все они были уже женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня из всех служителей не нашла. И о сем госпожа моя в присутствии своего супруга мне возвестила яко отменную мне милость. Не мог я более терпеть поругания. – Бесчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; говорите вы, что законы дают вам над нами сие право. Я и сему мало верю; но то твердо знаю, что вступать в брак никто принужден быть не может. – Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратись потом к супругу ее: – Неблагодарный сын человеколюбивого родителя, забыл ты его завещание, забыл и свое изречение; но не доводи до отчаяния души, твоя благороднейшей, страшись! – Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи моей отведен был на конюшню и сечен нещадно кошками. На другой день едва я мог встать от побоев с постели; и паки приведен был пред госпожу мою. – Я тебе прощу, – говорила она, – твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке, она тебя просит, и я, любя ее в самом ее преступлении, хочу это для нее сделать. – Мой ответ, – сказал я ей, – вы слышали вчера, другого не имею. Присовокуплю только то, что просить на вас буду начальство в принуждении меня к тому, к чему не имеете права. – Ну, так пора в солдаты, – вскричала яростно моя госпожа... – Потерявший путешественник в страшной пустыне свою стезю меньше обрадуется, сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышав сии слова. – В солдаты, – повторила она, и на другой день то было исполнено. – Несмысленная! она думала, что так, как и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне было то отрада, и как скоро мне vybrили лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновились. Разум и дух паки начали действовать. О! надежда, сладостное несчастному чувство, пребуди во мне. – Слеза тяжкая, но не

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
слеза горести и отчаяния исступила из очей его. – Я прижал его к сердцу моему. Лице его новым озарилось веселием. – Не все еще исчезло, ты вооружаешь душу мою, – вещал он мне, – против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно...

От сего несчастного я подошел к толпе, среди которой увидел трех скованных человек крепчайшими железам. – Удивления достойно, – сказал я сам себе, взирая на сих узников, – теперь унылы, томны, робки, не токмо не желают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но, обыкнув в сем тяжком во исполнении звании, становятся бодры, предприимчивы, гнушаяся даже прежнего своего состояния. – Я спросил у одного близстоящего, которой по одежде своей приказным служителем быть казался: – Конечно, бояся их побегу, заключили их в толь тяжкие оковы? – Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, которому зандобилися деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам.

Я. Мой друг, ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могут своей братии.

Он. Не продажу оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они, будто по желанию, приписываются в государственные крестьяне к той волости, которая за них платила деньги, а волость по общему приговору отдает их в солдаты. Их везут теперь с отпускными для приписания в нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются как скоты! О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге! Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашу обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. – Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие. – С негодованием отошел я от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, ущетили бы удручительные помыслы своих тиранов... Возвратимся... – Друзья мои, – сказал я пленникам в отечестве своем, – ведаете ли вы, что, если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может. – Перестань, барин, шутить над горькими людьми. И без твоей шутки больно было расставаться одному с дряхлым отцом, другому с малолетними сестрами, третьему с молодою женою. Мы знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей. – Если вы до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут; что вам от барина дана отпускная; и что вас покупщики ваши хотят приписать в свою волость, будто по вашей воле. – О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди. – Прибавьте к тому, что вас продал ваш господин не в указное время и что отдают вас насильным образом[15]. – Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрянув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великие хлопоты; отдатчики рекрутские, вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили: – Барин, не в свое мешаешься дело, отойди, пока сух, – и сопротивляющегося начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностию принужден был удалиться от сея толпы.

Подходя к почтовому двору, нашел я еще собрание поселян, окружающих человека в разодранном сюртуке, несколько, казалось, пьяного, кривляющегося на предстоящих, которые, глядя на него, хохотали до слез. – Что тут за чудо, – спросил я у одного мальчика, – чему вы смеетесь? – А вот рекрут иноземец, по-русски не умеет пикнуть. – Из редких слов, им изреченных, узнал я, что он был француз. Любопытство мое паче возбудилось, и желал узнать, как иностранец мог отдаваем быть в рекруты крестьянами? Я спросил его на сродном ему языке: – Мой друг, какими судьбами ты здесь находишься?

Фран. Судьбе так захотелось: где хорошо, тут и жить должно.

Я. Да как ты попался в рекруты?

фран. Я люблю воинскую жизнь, мне она уже известна, я сам захотел.

Я. Но как то случилось, что тебя отдают из деревни в рекруты? Из деревень берут в солдаты обыкновенно одних крестьян, и русских, а ты, я вижу, не мужик и не русской.

фран. А вот как. Я в Париже с ребячества учился перукумахерству. Выехал в Россию с одним господином. Чесал ему волосы в Петербурге целой год. Ему мне заплатить было нечем. Я, оставив его, не нашед места, чуть не умер с голоду. По счастью, мог попасть в матрозы на корабль, идущий под российским флагом. Прежде отправления в море приведен я к присяге как российской подданной и отправился в Любек. На море часто корабельщик бил меня линьком за то, что был ленив. По неосторожности моей упал с вантов на палубу и выломил себе три пальца, что меня навсегда сделало неспособным управлять гребнем. Приехав в Любек, попался прусским наборщикам и служил в разных полках. Нередко за леность и пьянство бит был палками. Заколов, будучи пьяной, своего товарища, ушел из Мемеля, где я находился в гарнизоне. Вспомнил, что я обязан в России присягою; и, яко верной сын отечества, отправился в Ригу с двумя талерами в кармане. Дорогою питался милостынею. В Риге счастье и искусство мое мне послужили; выиграл в шинке рублей с двадцать и, купив себе за десять изрядной кафтан, отправился лакеем с казанским купцом в Казань. Но, проезжая Москву, встретился на улице с двумя моими земляками, которые советовали мне оставить хозяина и искать в Москве учительского места. Я им сказал, что худо читать умею. Но они мне отвечали: – Ты говоришь по-французски, то и того довольно. – Хозяин мой не видал, как я на улице от него удалился, он продолжал путь свой, а я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учительское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахару, пуд кафе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета. Но жить надлежало в деревне. Тем лучше. Там целой год не знали, что я писать не умею. Но какой-то сват того господина, у которого я жил, открыл ему мою тайну, и меня свезли в Москву обратно. Не нашед другого подобного сему дурака, не могли отправлять мое ремесло с изломанными пальцами и боясь умереть с голоду, я продал себя за двести рублей. Меня записали в крестьяне и отдают в рекруты. Надеюсь, – говорил он важным видом, – что сколь скоро будет война, то дослужуся до генеральского чина; а не будет войны, то набью карман (коли можно) и, увенчан лаврами, отъеду на покой в мое отечество.

Пожал я плечами не один раз, слушав сего бродягу, и с уязвленным сердцем лег в кибитку, отправился в путь.

Завидово

Лошади были уже впряжены в кибитку, и я приготавливался к отъезду, как вдруг сделался на улице великой шум. Люди начали бегать из края в край по деревне. На улице видел я воина в гранодерской шапке, гордо расхаживающего и, держа поднятую плеть, кричащего: – Лошадей скорее; где староста? его превосходительство будет здесь чрез минуту; подай мне старосту... – Сняв шляпу за сто шагов, староста бежал во всю прыть на сделанной ему позыв. – Лошадей скорее. – Тотчас, батюшка: пожалуйста подорожную. – На. Да скорее же, а то я тебя... – говорил он, подняв плеть над головою дрожащего старосты. Недоконченная сия речь столь же была выражения исполнена, как у Вергилия в «Энеиде» речь Эола к ветрам: – «Я вас!..» – и, сокращенной видом плети властновелительного гранодера, староста столь же живо ощущал мощь десницы грозящего воина, как бунтующие ветры ощущали над собою власть сильной Эоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорил: – Его превосходительству с честною его фамилиею потребно пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать налицо, другие в разгоне. – Роди, старой черт. А не будет лошадей, то тебя изуродую. – Да где же их взять, коли взять негде. – Разговорился еще... А вот лошади у меня будут... – и, схватя старика за бороду, начал его бить по плечам плетью нещадно. – Полно ли с тебя? Да вот три свежие, – говорил строгий судья ямского стана, указывая на впряженных в мою повозку. – Выпряги их для нас. – Коли барин-та их отдаст. – Как бы он не отдал. У меня и ему то же достанется. Да кто он таков? – Невесть какой-то... – как он меня величал, того не знаю.

Между тем я, вышед на улицу, воспретил храброму предтече его превосходительства исполнить его намерение и, выпрягая из повозки моей лошадей, меня заставить ночевать в почтовой избе.

Спор мой с гвардейским Полканом прерван был приездом его превосходительства. Еще

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес подымающею пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, аки громовой тучи, ямщиков. Дон-Кишот, конечно, нечто чудесное бы тут увидел; ибо несущееся пыльное облако под знатною его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобным.

От приезде моего на почтовой стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целой час. Но повозки его превосходительства запряжены были не более как в четверть часа... и поскакали они на крылах ветра. А мои клячи, хотя лучше казались тех, кои удостоились везти превосходительную особу, но, не бояся гранодерского кнута, бежали посредственно рысью.

Блаженны в единовластных правлениях вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им повинуется. Даже несмысленные скоты угождают их желаниям и, дабы им в путешествии зева не наскучил ось, скачут они, не жалея ни ног, ни легкого, и нередко от натуги околевают. Блаженны, повторю я, имеющие внешность, к благоговению всех влекущую. Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется; что ему ни А... ни О... во всю жизнь свою сказать не удалось[16]; что он одолжен, и сказать стыдно кому, своим возвышением; что в душе своей он скареднейшее есть существо; что обман, вероломство, предательство, блуд, отравление, татьство, грабеж, убийство не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиты его никогда от стыда не краснели, разве от гнева или пощечины; что он друг всякого придворного истопника и раб едва-едва при дворе нечто значащего. Но властелин и презирающ не ведающих его низкости и ползущества. Знатность без истинного достоинства подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они чрезвычайные повелители. Над ними сии обманщики властвуют по своей воле. А коль скоро в толпу, их боготворящую, завернется мало кто грубейшего невежества отчуждавшийся, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцов они не терпят в том месте, где они творят чудеса. Равно берегись и тот, кто посмеет обнаружить колдовство вельмож.

Но где мне гнаться за его превосходительством. Он поднял пыль столбом, которая по полете его исчезла, и я, приехав в Клин, нашел даже память его погибшую с шумом.

Клин

– Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам-князь... – Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем Божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженной толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримо, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусной хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, пронизал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели возвращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинской певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежесекундно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось испускающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролились по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взвизывая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела спутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложной знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественной возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. – О! природа, – возопил я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику как будто бы награду за его труд. Он принимал все денешки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождаемая благодарностью свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горсти. И сие уязвило мое сердце. – Колико приятнее ему, – вещал я сам себе, – подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. – О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу! – Не пятак ли? – сказал он, обращая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово. – Нет, дедушка, рублевик, – сказал близстоящий его мальчик. – Почто такая милостыня? – сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалось, мысленно вообразити себе то, что в горсти его лежало. – Почто она не могущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолял бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению. Полушку немного прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, доброй господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. – О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну. – Возьми его назад, мне, право, он не надобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы еще в бодрых моих летах лишен был я вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин, на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. – Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

– Прими свой праздничной пирог, дедушка, – говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти. – С каким восторгом он принял его обеими руками. – Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой; может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот чего не позабывает она каждой день и каждой праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господа; за ним никогда ничто не пропадает.

– Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, – сказал я ему, – и одно мое отвергнешь подавание? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. – Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественной казнию, – говорил старец, – не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подавания; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно...

Холодная у нас была весна, у меня болело горло, – платчишка не было чем повязать шею – бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею, горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нищего. – Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним.

Возвращаясь чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел, заболел перед смертию, на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне

Пешки

Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод – не свой брат, – принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мною ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальних походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашу приготовленного для меня кофею и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка подослала ко мне маленькова мальчика попросить кусочек сего боярского кушанья. – Почему боярское? – сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара, – неужели и ты его употреблять не можешь? – Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы. – Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать? – Не все, но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы? – Говоря сие, показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несаяной муки. – Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже. Что ж вам, бояре, в том прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть, потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит. – И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. – Четыре стены, до половины покрытые, так как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутой пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякой день есть пустые шти!). Деревянная чашка и крушки, тарелками называемые; стол, топором срубленной, которой скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода. – Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их шароховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. – Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, – воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. – Закон запрещает отъяти у него жизнь, – но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны – почти всесилие, с другой – немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребии заклепанного во узы, се жребии заключенного в смрадной темнице, се жребии вола во ярме... Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? не ты ли родших их в болезни и горести обложил свех всех полевых работ оброком? Не ты ли несотканное еще полотно определяешь себе в пользу? На что тебе смрадное рубище, которое к неге привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужит оно на отирание служащего тебе скота. Ты собираешь и то, что тебе не надобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение будет. Если здесь нет на тебя суда, – но пред судиею, не ведающим лицепрятия, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего развратной твоей рассудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездием. Неусыпной сей деяний твоих страж уловит тебя наедине, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебе и подвластны тебе на пользу... О! если бы человек, входя почасту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния. Претворенный в столп неподвижный громopodobным ее гласом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительствы, опустошения... и пр. и пр. и пр.

Черная Грязь

Здесь я видел также изрядной опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властью господина своего влекутся на казнь – к олтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий, зиждителя истинного блаженства, творца вселенных. И служитель его примет исторгнутую властью клятву и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!.. Почто удивляться сему? Благословляет брак наемник; градодержатель, для охранения закона определенный, – дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первой ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества управлять себе подобным самовластно. – О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих...

я тебе, читатель, позабыл сказать, что парнасской судья, с которым я в Твери обедал в трактире, мне сделал подарок. Голова его над многим чем испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди сам, а мне скажи на ушко, каково тебе покажется. Если, читая, тебе захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для бессонницы.

Слово о Ломоносове

Приятность вечера после жаркого летнего дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невской монастырь и долго гулял в роще, позади его лежащей[17]. Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи едва-едва ли на синем своде была чувствительна[18]. Возвращаясь домой, я шел мимо Невского кладбища. Ворота были отверсты. Я вошел.. На сем месте вечного молчания, где наитвердшее чело поморщится несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов, на месте незыблемого спокойствия и равнодушия непоколебимого, могло ли бы, казалось, совместно быть кичение, тщеславие и надменность. Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные человеческия гордыни, но знаки желанья его жити вечно. Но се ли вечность, которая человек толико жаждущ?.. Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширных России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества, – но доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умрети. Но если кто умеет исчислить меру сего продолжения, если перст гадания назначит предел твоему имени, то не се ли вечность?.. Сие изрек я в восторге, остановясь пред столпом, над тлением Ломоносова воздвигнутым. – Нет, не хладный камень сей повествует, что ты жил на славу имени российского, не может он сказать, что ты был. Творения твои да повествуют нам о том, житие твое да скажет, почто ты славен.

Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Прииди беседовати со мною о великом муже. Прииди, да соплетем венец насадителю российского слова. Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу.

Михайло Васильевич Ломоносов родился в Холмогорах... Рожденной от человека, которой не мог дать ему воспитания, дабы посредством одного понятие его изострилось и украсилось полезными и приятными знаниями; определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленная области не далее их ремесла простирается; сужденный делить время свое между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда, – разум молодого Ломоносова не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрел, трудясь в испытании природы, ни глас его – той сладости, которую он имел от обхождения чистых мусс. От воспитания в родительском доме он принял мало важное, но ключ учения – знание читать и писать, а от природы – любопытство. И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою в души наши, стремится к познанию вещей; а кипящее сердце славоблием не может терпеть пут, его стесняющих. Ревет оно, клокочет, стонет и, махом прерывая узы, летит стремглав (нет преткновения)

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
к предлогу своему. Забыто все, один предлог в уме; им дышим, им живем.

Не выпуская из очей своих вожденного предмета, юноша собирает познание вещей в слабейших ручьях протекшего наук источника до низайших степеней общества. Чуждый руководства, столь нужного для ускорения в познаниях, он первую силу разума своего, память, острит и украшает тем, что бы рассудок его острить долженствовало. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа, но паче возжгла в юноше непреодолимое к учению стремление. Блажен! что в возрасте, когда волнение страстей изводит нас впервые из нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремление его обратилось к познанию вещей.

Подстрекаем науки алчбою, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию.

Преддверие учености есть познание языков; но представляется яко поле, тернием насажденное, и яко гора, строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника – покойныя гладости на отдохновение, ни зеленящего убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящего из нее воздуха утомляется, и язык, новообразно извиваться принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, рассудок без действия ослабевает, воображение теряет свое крылие; единая память бдит и острится и все излучины и отверстия свои наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков и усвоив чуждые произношения, не откроются потом приятнейшие предметы, то неуловительно, восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь. Но, превзошед сии трудности, коликократно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами тоя области, где он употребляется, собеседуем с жившими за многие тысячи веков, усвоаем их понятия; и всех народов, и всех веков изобретения и мысли сочetoваем и приводим в единую связь.

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слепец, от чрева материя света не зревший, когда искусною глазорачевателя рукою воссияет для него величество дневного светила, – быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разновидности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живете обькших всегда во зрении очей чувствует ее изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломоносов, получивши сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъяслять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж вдворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явились в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гонящегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем, но частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетворение. Он ученик стал славного Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика – верные делать заключения и убеждаться единою очевидностию; метафизика преподала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть ради изящности силы воображения, прилежал отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему ее таинства; металлургия и минералогия, яко последственницы предыдущих, привлекли на себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познать правила, в оных науках руководствующие.

Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на таковые, в коих был

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
недостаток. Сие произвело торговлю. Великие в меновном торгу затруднения побудили мыслить о знаках, всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены деньги. Злато и серебро, яко драгоценнейшие по совершенству своему металлы и доселе украшением служившие, преобразены стали в знаки, всякое стяжание представляющие. И тогда только поистине, тогда возгорелась в сердце человеческом ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая, яко пламень, вся пожирающий, усиливается, получая пищу. Тогда, оставив первобытную свою простоту и природное свое упражнение – земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам или, презрев глад и зной пустынный, претекал чрез оные в неведомые страны для снискания богатств и сокровищ. Тогда, презрев свет солнечный, живой нисходил в могилу и, расторгнув недра земная, прорывал себе нору, подобен земному гаду, ищущему в ноши свою пищу. Тако человек, сокрываясь в пропастях земных, искал блестящих металлов и сокращал пределы своей жизни наполовину, питаясь ядовитым дыханием паров, из земли исходящих. Но как и самая отравка, став иногда привычкою, бывает необходимою человеку в употреблении, так и добывание металлов, сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своей смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшим образом большее число металлов по возможности.

Сего-то хотел познать Ломоносов деятельно и для исполнения своего намерения отправился в Фрейберх. Мне мнится, зрю его пришедшего к отверстию, чрез которое истекает исторгнутый из недр земных металл. Приемлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи досязать не могут николи. Исполнил первый шаг; – что делаешь? – вопиет ему рассудок. – Неужели отличила тебя природа своими дарованиями для того только, чтобы ты употреблял их на пагубу своя собратий. Что мыслишь, нисходя в сию пропасть? Желает ли снискать вящее искусство извлекати серебро и злато? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки?.. Но нет, нисходи, познай подземные ухищрения человека и, возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа подать совет зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи в животе сущий погребаются.

Трепещущ нисходит в отверстие и скоро теряет из виду живоносное светило. Желал бы я последовать ему в подземном его путешествии, собрать его размышления и представить их в той связи и тем порядком, какими они в разуме его возрождались. Картина его мыслей была бы для нас увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источник всякого прозябения, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими, отличающимся от других паче всего своею плодоносною силою. Заключал, может быть, из того, что поверхность сия земная не из чего иного составлена, как из тления животных и прозябений; что плодородие ее, сила питательная и возобновительная, начало свое имеет в неразрушимых и первенственных частях всяческого бытия, которые, не переменяя своего существа, переменяют вид только свой, из сложения случайного рождающийся. Проходя далее, подземный путешественник зрел землю всегда расположенную слоями. В слоях находил иногда остатки животных, в морях живущих, находил остатки растений и заключать мог, что слоистое расположение земли начало свое имеет в наплавном положении вод и что воды, переселяясь из одного края земного шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет. Сие единовидное слоев расположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему смешение многих разнородных слоев. Заключал из того, что свирепая стихия, огонь, проникнув в недра земные и встретив противоборствующую себе влагу, ярьась, мучила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тшилося своим противодействием. Смутив и смешав разнородные, знойным своим дохновением возбудила и в первобытностях металлов силу притяжательную и их соединила. Там узрел Ломоносов сии мертвые по себе сокровища в природном их виде, вспомянул алчбу и бедствие человеков и с сокрушенным сердцем оставил сие мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражнялся в познании природы, он не оставил возлюбленного своего учения стихотворства. Еще в отечестве своем случай показал ему, что природа назначила его к величию; что в обыкновенной стезе шестива человеческого он скитаться не будет. Псалтирь, Симеоном Полоцким в стихи преложенная, ему открыла о нем таинство природы, показала, что и он стихотворец. Беседея с Горацием, Вергилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их, и так он вознамерился сделать опыт сочинения новообразными стихами, поставив сперва российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные. Сие исполнил он,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru написав оду на победу, одержанную российскими войсками над турками и татарами, и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышущие, изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути в доказательство с другими купно послужило, что, когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг. Сила воображения и живое чувствование не отвергают разыскания подробностей. Ломоносов, давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах, языку свойственных. Восхотел их извлечь из самого слова, не забывая, однако же, что обычай первой всегда подает в сочетании слов пример, и речении, из правила исходящие, обычаем становятся правильными. Раздробляя все части речи и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила русского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще яко благороднейшем по разуму даровании, данному человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; итак, слово есть изображение наших мыслей, посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называются буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои опричь образовательного различия голоса различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательные части слова. Сии изображают или вещь, или ее деяние. Изображение словесное вещи называется имя; изображение деяния – глагол. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи служат другие части слова. Но первые суть необходимы и называться могут главными частями слова, а прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое располагается по времени; отсюда и глаголы расположены по временам, для изображения деяния, в какое время оно происходит. Наконец Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предпослав такое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила русского слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум водим был в грамматических терниях светильником остроумия? Не гнушайся, великой муж, сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о русском слове суть многообразны; и ты почитаешься в малоприятельном сем своем труде яко первым основателем истинных правил языка нашего и яко разыскателем естественного расположения всяческого слова. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоя риторика, а та и другая – руководительницы для осязания красот изречения творений твоих. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим в стезях тернистых Геликона, показав им путь к красноречию, начертывая правила риторики и поэзии. Но краткость его жизни допустила его из подъятого труда совершить одну только половину.

Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народная. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения – в их чувствах, сила доводов – в их остроумии. Удивлялся толико отменным в слове мужам и раздробляя их речи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями. Сие есть начало риторики. Ломоносов, следуя, не замечая того, своему воображению, исправившемуся беседою с древними писателями, думал также, что может сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший. И хотя он тщетный в сем предприял труд, но примеры, приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут несомненно руководствовать пускающемуся вслед славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетной его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить, – Ломоносов надежнейшие любящим российское слово

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости Цицерононы и Демосфеновы растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слоге, – почто не могу сказать: при каждой букве, – слышен стройной и согласной звон столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Прияв от природы право не оцененное действовать на своих современников, прияв от нее силу творения, поверженный в среду народныя толщи, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое во все точки окружности, деятельность свою присну везде соделовают. Тако и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразные отверзал общему уму стези на познании. Повлекши его за собою вослед, расплетая запутанный язык на велеречие и благогласие, не оставил его при тощем без мыслей источнике словесности. Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. И се паки гремевшая на Олимпийских играх Пиндарова труба возгласила хвалу всевышнего вослед псалмопевца. На ней возвестил Ломоносов величие предвечного, восседающего на крыле ветренней, предшествуемого громом и молниєю и в солнце являя смертным свою существовательность, жизнь. Умеряя глас трубы Пиндаровой, на ней же он воспел брэнность человека и близкой предел его понятий. В бездне миров беспредельной, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде, не тающем николи, искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тончайший, что есть разум человеческий? – Се ты, о Ломоносов, одежда моя тебя не сокроет.

Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалю в стихах Елисавете. И если бы можно было без уязвления истины и потомства, простил бы я то тебе ради признательныя твоя души ко благодеяниям. Но позавидует не могущий вослед тебе идти писатель оды, позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения; позавидует бесчисленным красотам твоего слова; и если удастся когда-либо достигнуть непрерывного твоего в стихах благогласия, но доселе не удалось еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопением, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, неизбыточен в существовательности твоих стихов!.. Но возри: в пространном ристалище, коего конца око не досязает, среди толпящейся многочисленности, на возглавии, впереди всех, се врата отверзающ к ристалищу, – се ты. Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому всеильному нельзя отъять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы, доселе бесплодно трудившиеся над познанием существовательности души и как сия действует на телеснрсть нашу, се трудная вам предлежит задача на испытание. Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновение. Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великого мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великого мужа, – и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова.

Но если действие стихов Ломоносова могло размахистой сделать шаг в образовании стихотворческого понятия его современников, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало. Цветы, собранные им в Афинах и в Риме и столь удачно в словах его пресажденные, сила выражения Демосфенова, сладкоречие Цицероново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущего. И кто? он же, пресытившись обильным велеречьем похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие или близко, блудящий взор, скитаяся в неизвестности грядущего, не находит подножия остановиться. Но если мы непосредственного от витийства Ломоносова не находим отродия, действие его благогласия и звонкого препинания бесстопной речи было, однако же, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданском, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, – действие его прозы будет всем внятно.

Но не заблуждаем ли мы в нашем заключении? Задолго до Ломоносова находим в России красноречивых пастырей церкви, которые, возвещая слово божие пастве своей, ее учили и сами словом своим славились. Правда, они были; но слог их не

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru был слог российской. Они писали, как можно было писать до нашествия татар, до сообщения россиян с народами европейскими. Они писали языком славенским. Но ты, зревший самого Ломоносова и в творениях его поучаясь, может быть, велеречию, забвен мною не будешь. Когда российское воинство, поражая гордых оттоманов, превысило чаяние всех, на подвиги его взирающих оком равнодушным или завистливым, ты, призванный на торжественное благодарение богу браней, богу сил, о! ты, в восторге души твоей к Петру взывавший над гробницею его, да придет зрети плода своего насаждения: «Восстани, Петр, восстани»; когда очарованное тобою ухо очаровало по чреде око, когда казалось всем, что, приспевый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышею одаренный, – тогда бы и я вещал к Ломоносову: зри, зри, и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить... В Платоне душа Платона, и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце.

Чужды раболепствования не токмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и в люблении нашем, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмним быти ему богом всезизждущим, не посвятим его истуканом на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо предрассуждения или ложного заключения. Истина есть высшее для нас божество, и если бы всеильный восхотел изменить ее образ, являясь не в ней, лице наше будет от него отвращенно.

Следуя истине, не будем в Ломоносове искать великого дееписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся в химии. Если сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его было шествие последователя. Он скитался путями проложенными, и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейшия былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставим его близ удостоившегося наилестнейшия надписи, которую человек низ изображения своего зреть может? Надпись, начертанная не ласкательством, но истиною, держащую на силу: «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей». За то ли Ломоносова близ его поставим, что преследовал электрической силе в ее действиях; что не отвращен был от исследования о ней, видя силою ее учителя своего пораженного смертно. Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел.

Но если Ломоносов не достиг великости в испытаниях природы, он действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятнм. И хотя мы не находим в творениях его, до естественныя науки касающихся, изящного учителя естественности, найдем, однако же, учителя в слове и всегда достойный пример на последование.

И так, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарность, мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал: или только, распложая неистовое слово, вождаемся исступлением и пристрастием. Цель наша не сия. Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первой виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский не достоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всеилие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова для того, что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпоее, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда пронизателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и вся терялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия не было, не было начала. И се рука всемогущая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце воссияло, луна прияла свет, и телеса крутящиеся горе образовались. Первый мах в творении всеилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом. В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно.

Но, любезной читатель, я с тобою закалялся... Вот уже Всесвятское... Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути. Теперь прости. – Ямщик, погоняй.

Москва! Москва!!!..
С дозволения Управы благочиния.

Проза
Отрывок путешествия в *** И*** Т****

Глава XIV

По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречался со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломой хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъясляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня Разоренная поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломой. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я Фіе видал ни одного человека. День тогда был жаркий, я ехал в открытой коляске, пыль и жар столько беспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучший во всей деревне и что хозяин одного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя взвезена была на грязный двор, намощенный соломой, ежели оною намостить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настезь дверями. Заразительный дух от всякой нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломой; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни, ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошел к третьему, я увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но, однако ж, сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были, поправил солому, которую он, борхотаясь, ногами взбил; замолчал и этот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойствие! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги, приносит ли он о том жалобы? – Нет, он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? – Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, сказал я, проливая слезы, произнесите жалобы свои, наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве; когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее, призири на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед к своей коляске, упал я без чувства во оную. Приключившийся мне обморок был непродолжителен, я опомнился, спрашивал холодной воды, извозчик мой принес ее из колодезя, но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой, но во ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помещики, сказал я, вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома; извозчик отвечал, что все крестьяне и крестьянки в поле, прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время за задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян, что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. Они скоро придут, сказал извозчик, я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься и что ты пожуешь им на лапти. Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застрашены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: «Не бойтесь, он вас не убьет, он боярин добрый, он пожалует вам на лапти». Ребятишки, подведены будучи были близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: «Ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас!» Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясуясь от страха, говорил: «Да! чего испужались... ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... это, никак, наш барин... он нас засечет». Вот плоды жестокости и страха, о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей. «Не бойся, друг мой, – сказал я испуженному красным кафтаном мальчику, – я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег». Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял денег, поклонился в ноги и, оборотясь, кричал другим: «Ступайте сюда, ребята, это не наш барин, этот барин добрый, он дает деньги и не дерется!» Ребятишки тотчас все ко мне прибежали; я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: «У меня деньги! у меня пирог!» Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневный жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем богачи, любимцы Плутовы, препроводя весь день в веселии и пированиях, к новым приготавливались увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худый судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег [19] для свиданья. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроив лице свое различными хитростями, торжествовали восхождение престарелая луны, своя благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготавливались обманывать и разорять богатых протячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед во двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: «Не прогневайся, господин доброй, что нас никого не прилучилось дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесной дал нам ведро, и мы торопимся

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
убрать жниво, покуда дожди не захватили. По сёсь день господень все-таки у нас, родимой, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились, авось-таки милостливой Спас поддержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашего боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярской убираем, а с своим-то, де, изволит баять, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб-от наш и пропадет. Дай ему бог здоровья! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорей Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю». – «Подите, друзья мои, – сказал я им, – отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше». – «И, родимой! – сказал крестьянин, – как не работать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за работу приниматься, кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и работать было! Ведь мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют». После чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополуночи.

На другой день, поговоря с хозяином[20], я отправился во свой путь, горя нетерпеливостью увидеть жителей Благополучных деревни: хозяин мой столько наскзал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

<О самодержавстве>*

Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственная сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать должны неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природная власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от наша обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества.

Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего*

Санктпетербург,

8 августа 1782-го года.

Вчера происходило здесь с великолепием посвящение монумента, Петру Первому в честь воздвигнутого: то есть открытие его статуи, работы г. Фальконета. Любезной друг, побеседуем о сем в отсутствии. Пребывая в отдаленном отечества нашего краю, отлученный от твоих ближних, среди людей не известных тебе ни со стороны качеств разума и сердца; не нашед еще, может быть, в краткое время твоего пребывания, не токмо друга, но ниже приятеля, с коим бы ты мог сетовать во дни печали и скорби и радоваться в часы веселия и утех: ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселие часами, утех же мгновением, – ты охотно, думаю, употребишь час, хотя единый, отдохновения твоего на беседование с делившим некогда с тобою горесть и радовавшимся о твоей радости, с кем ты юношеские провел дни свои.

Вокруг места, где сооружался сокровенно через 15-ть лет образ изваянный императора Петра, воздвигнута была рисованная на полотне заслона, а хоромина, бывшая над ним, неприметно сломана, и место вокруг все очищено.

В день, назначенный для торжества, во втором уже часу пополудни, толпы народа стекались к тому месту, где зреть желали лице обновителя своего и просветителя. Полки гвардии Преображенский и Семеновский, бывшие некогда сотоварищи опасностей Петровых и его побед, также и другие полки гвардии, тут бывшие, под предводительством начальников своих окружили места позорища, артиллерия, кирасирской Новотроицкой полк и Киевской пехотной заняли места на близлежащих улицах. Все было готово, тысящи зрителей на сделанных для того возвышениях и толпа народа, рассеянного по всем близлежащим местам и кровлям, ожидали с нетерпением зрети образ того, которого предки их в живых ненавидели, а по смерти оплакивали. Истинно бо есть и непреложно: достоинство заслуги и добродетель

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru привлекают ненависть нередко и самих тех, кои причины не имеют их ненавидеть; когда же вина и предлог ненависти исчезает, то и она не отрицает им должного, и слава великого мужа утверждается по смерти. Сооружившая монумент славы Петра императрица Екатерина, сев на суда у летнего своего дома, прибыла к пристани; вышед на берег, шествовала на уготованное при сенате ей место, между строя воев своих. Едва вступить она успела на оное, как бывшая вокруг статуи заслона, помалу и неприметно как, опустилася. И се явился, паки взорам нашим, сидящ на коне борзом в древней отцов своих одежде, муж, основание града сего положивший, и первый, которой на невских и финских водах воздвиг российский флаг, доселе не существовавший. Явился он взорам любезных чад своих сто лет спустя, когда впервые трепещущая его рука, младенцу ему сушу, прияла скипетр обширных России, пределы коея он расширил столь славно.

– Благословенно да будет явление твое, – речет преемница престола его и дел и преклоняет главу. Все следуют ее примеру. И се слезы радости орошают лани ды. О Петр! – Когда громкие дела твои возбуждали удивление и почтение к тебе, из тысячи удивлявшихся великости твоего духа и разума был ли хотя один, кто от чистоты сердца тебя возносил? Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидели и дела твои порицали, другие, объемлемые ужасом беспредельно самодержавных власти, раболепно пред блеском твоея славы опускали зеницы своих очей. Тогда был ты жив, царь, всесилен. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыханен, когда ты меньше силен, нежели последние из твоих воинов, шестьдесят лет по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность нелестна. Но колико крат более признание наше было живее и тебя достойнее, когда бы оно не следовало примеру твоея преемницы, достойному хотя примеру, но примеру того, кто смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет. Признание наше было бы свободнее, и чин открытия изваянного твоего образа превратился бы в чин благодарственного молебствия, каковое в радости своей народ воссылает к предвечному отцу.

Из тысящей бывших тут зрителей, известных было три человека, кои Петра I видели. Но неприметно было, ощутили ли они при явлении его образа то благоговение, которое ощущаем, увидев мужа славна, нам известного. – Действие продолжалось. Пушечная пальба со стоящих на реке судов, с крепости и адмиралтейства и троекратной беглой огонь возвещали отсутственным явлении образа, приведшего силы пространные России в действие. – Стоявшие в строю полки ударили поход, отдавая честь, и с преклонными знаменами шли мимо подавшего им первый пример слепого повиновения воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудов, при продолжающейся военных судов пальбе, которые Сардамскому плотнику в честь украсились многочисленными флагами. Сей день ознаменован прощением разных преступников и медалию, сделанною в честь обновителя России.

Статуя представляет мощного всадника, на коне борзом, стремящемся на гору крутую, коея вершины он уже достиг, раздавив змею, в пути лежащую и жалом своим быстрое ристание коня и всадника остановить покусившуюся. Узда простая, звериная кожа вместо седла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадник без стремян, в полукафтанье, кушаком препоясан, облеченной багряницею, имеющ главу, лаврами венчанную, и десницу простертую. Из сего довольно можешь усмотреть мысли изваятеля. Если б ты здесь был, любезной друг, если бы ты сам видел сей образ, ты, зная и правила искусства, ты, упражняясь сам в искусстве сему обратном, ты лучше бы мог судить о нем. Но позволь отгадать мне мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действие свои намерения; змея, в пути лежащая, – коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашел в народе, которой он преобразовать вознамерился; глава, лаврами венчанная, победитель бо был прежде, нежели законодатель; вид мужественной и мощной и крепость преобразователя, простертая рука, покровительствующая, как ее называет Дидеро, и взор веселый, – суть внутреннее уверение, достигшее цели, и рука простертая являет, что крепкие, муж, преодолев все стремление его противившиеся пороки, покров свой дает всем, чадами его называющимся. Вот, любезной друг, слабое изображение того, что, взирая на образ Петров, я чувствую. Прости, буде я ошибаюсь в моих суждениях о искусстве, коего правила мне мало известны. Надпись сделана на камне самая простая:

ПЕТРУ ПЕРВОМУ

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

ЛЕТА 1782–ГО

Петр по общему признанию наречен Великим, а Сенатом – отцом отечества. Но за что он может великим назваться? Александр, разоритель полусвета, назван великим; Константин, омытый в крови сыновней, назван великим; Карл первой, возобновитель Римския империи, назван великим; Лев, папа римский, покровитель наук и художеств, назван великим; Козма Медицис, герцог Тосканский, назван великим; Генрих, доброй Генрих IV, король французский, назван великим; Людвиг XIV, тщеславный и кичливый Людвиг, король французский, назван великим; Фридрих II, король прусский, еще при жизни своей назван великим. Все сии владетели, о множестве других не упоминая, коих ласкательство великими называет, получили сие название для того, что исступили из числа людей обыкновенных услугами к отечеству, хотя великие имели пороки. Частной человек гораздо скорее может получить название великого, отличаясь какой-либо добродетелию или качеством, но правителю народов мало для приобретения сего лестного названия иметь добродетели или качества частных людей. Предметы, над коими разум и дух его обращается, суть многочисленны. – Посредственной царь исполнением одной из должностей своего сана был бы, может быть, великий муж в частном положении; но он будет худой государь, если для одной пренебрежет многия добродетели. Итак, вопреки женовскому гражданину, познаем в Петре мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно.

И хотя бы Петр не отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися, хотя бы он не был победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться, что дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия. – Да не унижуся в мысли твоей, любезной друг, превознося хвалами столь властного самодержавца, которой истребил последние признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстити не можно! И я скажу, что мог бы Петр славней быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана; то нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своего власти, сядя на престоле[21].

Житие Федора Васильевича Ушакова*
с приобщением некоторых его сочинений

Часть первая
Житие Федора Васильевича Ушакова
Алексею Михайловичу Кутузову

Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, воспоминаешь иногда о днях юности своея; о времени, когда все страсти, пробуждаясь в первый раз, производили в новой душе не стройное хотя волнение, но дни блаженнейшие всея жизни соделывали. Беззаботный дух и разум неопытностью не претили в веселии распространяться чувствам, чуждым скорбного еще нервов содрогания. Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проникая начальную его твердость, когда нередко наиплачевнейший день скончался веселия исступлением. Отвлеки мысленно невинную часто порочность из деяний юности, найдешь, что после первых восторгов веселия подобных в жизни своей не чувствовал. Первое веселие назвать можно вершиною блаженства, и потому только, что оно первое; последующее уже есть повторение, и нечаянности приятность его не живит. Не с удовольствием ли, мой друг, повторю я, вспоманешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ, составляющем ныне мое утешение во дни скорби, и надеяние мое для дней успокоения. Не возрадуешься ли, если узришь паки подавшего некогда нам пример мужества, узришь учителя моего по крайней мере в твердости. Воспомани, о мой друг! Федора Васильевича, сгораема внутренним огнем, кончину свою слышавшего из уст нельстивого своего врача и к тебе, мой друг, к тебе прибегающего на скончание своего мучения... Воспомани сию картину и скажи, что делалось тогда в душе твоей. Пьющий Сократ отраву пред друзьями своими наилучшее преподавал им учение, какого во всем житии своем не возмог.

Таковые размышления побудили меня описать житие сотоварища нашего Федора Васильевича Ушакова. Я ишу в том собственного моего удовольствия; а тебе, любезнейшему моему другу, хочу отверзти последние излучины моего сердца. Ибо

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru
нередко в изображениях умершего найдешь черты в живых еще сущего.

Первые годы жизни Федора Васильевича мало мне известны; и хотя бы охотно и с удовольствием их я начертал, находя в первейших детских и отроческих деяниях начальное образование души его, находя в пятилетнем Ушакове семена твердости, душу его возвышавшей в возмужалых летах, но лучше признаюсь в неведении моем, нежели поставлю что-либо гадательное вместо истины, и единственного да не отыму побуждения ко чтению сего повествования во истине.

Но не гадательным предположением назвать можно, если скажу, что воспитанием своим в Сухопутном кадетском корпусе положил он основательное образование прекрасная своя душа. Ибо в душе своей более предупредить мог, нежели в разуме, скончав жизнь свою тогда, когда юношескою крепостию мозга представления, воображения и мысли, проницая друг друга, первые полагают украшения верховного нашего члена, главы; когда разум, хотя собрав посредством чувств много понятий, не имел еще довольно времени устроить их в порядок, дабы и последнее возбуждало первое, преходя все между стоящее.

Успехи Федора Васильевича в науках побудили тогда тайного советника Теплова взять его к себе в должность секретаря, с чином титулярного советника. По издании Рижского торгового устава, при составлении которого он много трудился, получил он чин коллежского асессора. Люди, ослепляющиеся внешностью и чтущие в человеке чин, а не человека, завидуя ему и преуказуя его возвышение, обучались уже его почитать заранее; но сколь не равных с ними он сам о себе был мыслей, доказал то самым делом.

Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу государства, восхотела, чтобы между людьми, в делах судебных или судопроизводных обращающимися, было некоторое число судей, имеющих понятие, каким образом отличившиеся законоположением своим народы оное сообразовали с деяниями граждан на суде. На сей конец определила послать в Лейпцигской университет двенадцать юношей для обучения юриспруденции и другим к оной относящимся наукам. Будучи извещен о сем благом намерении императрицы, Федор Васильевич прибегнул просьбою к начальнику своему, да участвует в приобретении знаний, сотовариществуя юношам, избранным для отправления в Лейпцигской университет.

Узнав о его предприятии, многие из его друзей увещевали его, да останется при своем месте, и да не предпочтет неверную стезю к почестям, ученость, покровительству своего начальника, и да не подроеет тем основания своего возвышения. В делах житейских, говорили они ему, все зависит от расчета и уловки. Кто в них следует единому рассудку и добродетели, тот небрежет о себе. Благоразумие, а иногда один расторопный поступок далее возводят стяжающего почестей, нежели все добродетели и дарования совокупно. Положим, что государь истинное достоинство только награждает и пристрастен не бывает николи; но если бы возможно было ему, хотя одному, быть беспристрастному в своем государстве, все другие начальствующие в его образе таковы не будут; ибо если он возможет чужд быть родству, приятни, дружбе, любви, хотя потому, что равного себе не имеет, то кого найдешь ему подобного. Сверх же того, он малою токмо числа отечеству, или ему служащих, сам по себе знает истинные заслуги, о всех других судит по слуху, награждает того, кого назначают вельможи, казнит нередко того, кто им не нравится. Из нескольких миллионов ему подвластных едва единое сто служат ему; все другие (источая кровавые слезы, признаться в том должно), – все другие служат вельможам. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающих в чины; кто чин, или место, или награждение какого бы рода ни было получит, обязанным себя, да и справедливо, почитает благодарить за то вельможей. Одного благодарит за то, что его рекомендовал государю, другого за то, что не был ему противен, третьего, чтобы вперед не говорил о нем худо. Государь нередко бывает в сем случае не что иное, как корабль, направляемый тем ветром, который других превозмогает. Итак, оставь пустую мысль и тщетное намерение быть известным государю, в низком состоянии следуй начатому пути и преуспеешь.

Положим, что ты пребыванием своим в училище приобретешь знания превосходнейшие, что достоин будешь управлять не токмо важным отделением, но достоин будешь венца; неужели думаешь, что тебя государь поставит на первую по себе степень? Тщетная мечта юного воображения! По возвращении твоим имя твое будет забыто. Вместо того, что ты известен ныне чрез твоего начальника, о тебе тогда и не вспомнят, ибо не удостоит тебя государь, может быть, воззрения, отвлеченный от

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru того или правления заботою, или надменностию сана своего, или завистию вельможей, которые, осаждая непрестанно престол царский, претят проникнуть до него достоинству. А если истекает на него награждение, то уделают его всегда в виде милости, а не должным за заслуги воздаянием. – Ты поместишься в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почестья могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души и самую мерзость. Возненавиден будешь ими; поженут тебя, да оставишь ристание им свободно. А если тогда начальник твой будет таковых же качеств, как и раболепствующие ему, берегись, гибель твоя неизбежна.

Таковыми ужасными представлениями друзья Федора Васильевича старались отвратить его от его предприятия. Начальник его, хотя другими доводами, то же имел намерение, но все старания их были тщетны. Полагался твердо на правосудие своего государя и алкая науки, Федор Васильевич пребыл непоколебим в своем намерении и учения ради сложил с себя мужественный возраст, что степень почестей ему уже давало в обществе, стал неопытный юноша или паче дитя, преклоняясь в управление наставнику, управляв уже собою несколько лет в разных жизни обращениях.

Описывая житие столь близкого сердцу моему человека, как то был Федор Васильевич, я не скрою, однако же, и того, чего разум его не мог еще в нем исправить и к чему обращение в большом свете приучило юные его чувства. Сие-то предвременное познание большого общества, где с дядькою казаться уже стыдно, навлекло ему болезнь в летах крепости и смерть безвременную.

Вышед из кадетского корпуса, Федор Васильевич стал управлять сам собою. Семнадцатилетний юноша, наперсник вельможи, коего тогдашний доступ до государя всем был известен, не мог он обойтись без искушения, и сии были различного рода. Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается, и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как-то к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят. Таковые же ласкательства, угождения и бог весть что употреблено было от просителей на снисkanie благоволения Федора Васильевича. Богач сулил злато, но не успевал и долженствовал возвращаться с негодованием. Но если благорасположенная душа его отметала мздоимство, не могла она отметать всегда вида приязни. Трудившись во весь день, охотно ездил он по вечерам в собрания малые и большие, на балы, маскарады, ужины, где нередко просиживал за карточной) игрою до полуночи, а иногда и гораздо позже. Возвращаясь домой, нередко вместо возобновления сил благотворным сном принужден бывал приниматься паки за работу, и светило дневное, восходя на освещение блаженства и несчастья, заставляло его согбенного над трудом, не вкушавшего еще сладости успокоения.

В числе множественных просителей бывали иногда женщины, женщины молодые, которые, в жару доводов о справедливой или неправильной их просьбе, забывали иногда, чем были должны целомудрию, а иные, помня леты того, к кому шли на прошение, умышленно употребляли чары красоты своея на приобретение благосклонности Федора Васильевича. Такого рода приключение он сам рассказывал. Се повесть его:

Пробыв гораздо за полночь в веселой беседе с людьми, обыкновенно друзьями называющимися, приехав домой, работал он до пятого часа утра и, утомившись веселием и работою, заснул крепко. Беззаботливая юность не беспокоилась еще колючим тернием опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселия, как и бдение. Ему снилось, что лежал он в объятиях прекрасной жены, упоенный сладострастием, столь державно над юными чувствами властвующим, и среди прелестных сея мечты отлетел сон от очей его. Но что же представилось просиявшему его взору? Стократ любезнее виденной им во сне зрел он отроковицу почти, сидящую подле одра его, тщательно отгоняющую крылатых насекомых с лица его и распростертым опахалом умеряющую зной солнца, проникшего уже лучом своим в его спальню. Лето было, и час уже десятый. Не вдруг поверил он, что проснулся. Зря его пробудившегося и устремляя взоры пламенного желанья, с улыбкой страсти и гласом сирены – «Извините меня, государь мой, – сказала просительница, – что я прервала ваш сон и лишила вас, может быть, приятных мечты возлюбленной». И пронизала вещающая жарким своим взором всю его внутренность. Если бы я писал

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
любовную повесть, колико обильная предлежала бы начертанию жатва. Чувственность была в Федоре Васильевиче при начале своего возникновения, просительница жила в разводе со старым мужем, имела нужду в предстательстве Федора Васильевича, провидела его горячее телодвижение, пришла на уловление его и преуспела.

О, если бы и мое пробуждение могло быть иногда таково же, если бы я паки имел не более двадцати лет! Мой друг, желей, если хочешь, о моей слабости, но се истина.

Сими и сим подобными случаями подсек Федор Васильевич корень своего здоровья и, не отъезжая еще в Лейпциг, почувствовал в теле своем болезнь, неизбежное следствие неумеренности и злоупотребления телесных наслаждений.

Как со времени начатия нашего путешествия повествование о Федоре Васильевиче сопряжено с повествованием об общем нашем пребывании в Лейпциге, то не удивляйся, мой друг, если оно коснется вообще положения, в котором мы находились, и если найдешь здесь некоторые черты расположения твоих мыслей в тогдашнее время. Ибо забыть того нельзя, колико единомыслие между нами царствовало.

В продолжение нашего пути Федор Васильевич навлек на себя ненависть путеводителя нашего, и самое то качество, которое ему приобрело нашу приверженность, самое то было причиною, что Бокум его возненавидел. Твердость мыслей и вольное оных изречение были в нем противны, и с первого раза, когда они в нем явны стали, начал путеводитель наш помышлять, как бы погубить его. Но дивиться не должно, что противоречие в подчиненном, справедливое хотя противоречие, или, лучше сказать, единое напоминание справедливости, произвело здесь со стороны сильного негодование и прещение. Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно. Пример самовластия государя, не имеющего закона на последование, ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частью, как тот в общем. И сие столь справедливо, что нередко правилом приемлется, что противоречие власти начальника[22] есть оскорбление верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящих отечество граждан заключающая в темницу и предающая их смерти, теснящая дух и разум и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство, под личиною устройства и покоя! Да сие иначе и быть не может по сродному человеку стремлению к самовластии, и Гельвециево о сем мнение ежечасно подтверждается.

Привлекши на себя ненависть путеводителя нашего, Федор Васильевич не возмутился сею мыслию, ибо что вещал ему, то была истина. Бокум рачил более о своей прибыли, нежели о вверенных ему. Федор Васильевич имел более опытности, нежели другие его сотоварищи: довольные причины для приведения корыстолюбца на злобу.

Первой случай к несогласию нашему с нашим путеводителем и первая причина его злобствования против Федора Васильевича было само в себе малозначащее происшествие, но великое имело действие на расположение наше к начальнику нашему. Мы все воспитаны были по русскому обряду и в привычке хотя не сладко есть, но до насыщения. Обыкли мы обедать и ужинать. После великолепного обеда в день нашего выезда ужин наш был гораздо тощ и состоял в хлебе с маслом и старом мясе, ломтями резанном. Таковое кушанье, для немецких желудков весьма обыкновенное, встревожило русские, привыкшие более ко штям и пирогам. И если захочешь без предубеждения внять вине нашего неудовольствия, к несчастию нашему потом обратившегося, то найдешь корень оного в первом нашем ужине. Покажется иному смешно, иному низко, иному нелепо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидеть за такую малость; но самого умереннейшего человека заставь поговорить неделю, то нетерпение в нем скоро будет заметно. Если сладость наскучить может, колыми паче голод. Худая по большей части пища и великая неопрятность в приуготовлении оной произвели в нас справедливое негодование. Федор Васильевич взялся изъяснить оное пред нашим начальником. Умеренное его представление принято почти с презрением, а особливо женою Бокума, которую можно было почитать истинным нашим гофмейстером. Сие произвело словопрение, и кончилось тем, что Федор Васильевич возненавижен стал обоими супругами.

Но не знал наш путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненных требование и что высшая власть сокрушалась иногда от безвременной упругости и безрассудной строгости.

Мы стали отважнее в наших поступках, дерзновеннее в требованиях и от повторяемых оскорблений стали, наконец, презирать его власть. Если бы желание учения не останавливало нас в поступках наших и не умеряло нашего негодования, то Бокум на дороге бы испытал, koliko безрассудно даже детей доводить до крайности. Во всех сих зыблених боязни и отваги младшие предводительствуемы были старшими. Из сих первый был Федор Васильевич. Но если его кто почтет или сварливым, или злобным, или пронырливым, или коварным, или вспльчивым, тот, конечно, ошибется. Единое негодование на неправду бунтовало в его душе и зыбь свою сообщало нашим, немощным еще тогда самим собою воздыматься на опровержение неправды. Таковыми происшествиями уготовлялися мы к одной из знаменитейших, по моему мнению, эпох нашей жизни. Я говорю о содержании нашем в Лейпциге под стражею.

Ничто, сказывают, толико не сопрягает людей, как несчастье. Сия истина подкрепляется и нашим примером. Худые с нами поступки нашего гофмейстера толико нас сделали единомысленными, что, исключая некоторых из нас, могли бы мы поистине один за другого жертвовать всем на свете. Да сие иначе быть не может, ибо дружба в юном сердце есть, как и все оногo чувствования, стремительна. Краткое пребывание наше в Митаве, воззрение неизвестных нам доселе нравов, обрядов, языка загладило в душе Федора Васильевича угрызение печали. Ежедневные оскорбления начинали было производить в нем раскаяние о предпринятом путешествии, но новые предметы отвлекли душу его от горестных мыслей и соделали ее на некоторое время к оскорблениям бесчувственною. Но если новые предметы удобны были загладить в душе Федора Васильевича изрытие печали, то не имел он, однако же, довольно опытности, так сказать, в учении, дабы из путешествия своего извлечь всю возможную пользу. Примечания достойно: человек, достигнув возмужалых лет, когда начинает испытывать силы разума, устремляемый бодростию душевных сил, обращает проницательность свою всегда на вещи, вне зримой округи лежащие, возносится на крыльях воображения за пределы естественности и нередко теряется в неосязаемом, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Все почти юноши, мыслить начинающие, любят метафизику; с другой же стороны, все, чувствовать начинающие, придерживаются правил, народным правлениям приличных. И так Федор Васильевич мысли свои обращал более к умственным предметам и не знал еще, какую полезность извлечь можно из путешествия.

Между людьми, получившими воспитание разного рода, понятия о священных вещах долженствовали быть и были разные. Если бы возможно было определить, какое каждый из нас имел тогда понятие о боге и о должном ему почитании, то бы описание сие показалось взятым из какого-либо путешествия, в коем описывается исповедание веры неизвестных народов.

Иной почитал бога не иначе как палача, орудием кары вооруженного, и боялся думать о нем, столь застрашен был силою его прещения. Другому казался он вскруженным толпою младенцев, – азбучной учитель, которого дразнить ни во что вменяется, ибо уловкою какою-нибудь можно избегнуть его розги и скоро с ним опять поладить. Иной думал, что не токмо дразнить его можно, но делать все ему на смех и вопреки его велениям. Все мы, однако же, воспитаны были в греческом исповедании, и для сохранения нас в православии отправлен с нами был монах, которому в должность предписано было наставлять нас в христианском законе, отправлять для нас службу церковную и быть нашим духовником.

Отец Павел был в своем роде человек полуученый, знал по-латыне, по-гречески и несколько по-еврейски. В семинарии прошел все нижние и вышние философские и богословские классы и был учителем риторики. Но если ему известны были правила красноречия, древними авторами преподанного, если знал он, что есть метафора, антитезис и прочие риторические фигуры, то никто столь мало не был красноречив, как наш отец Павел. Добродушие было первое в нем качество, другими он не отличался и более способствовал к возродившемуся в нас в то время непочтению к свяственным вещам, нежели удобен был дать наставление в священном законе. Судить можно из следующего.

Исправление наше (ибо при первом нашем свидании он почел нас богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни один из нас в то время ниже повести не читывал о афеистах) – исправление наше начал он тем, что заставил нас при утренних и вечерних на молитве собраниях петь. Если вспомнишь, мой друг, сколь нестройной, несогласной и шумной у нас был всегда концерт, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянул очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чресчур кудряво, и, наконец, устроенное на приучение ко благоговению превратилось постепенно в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru
шутку и посмеялище.

Отец Павел, если припомнишь, гораздо был смешлив, и если случалось ему во время богослужения видеть что-либо смешное, то, забыв важность своего действия, начинал смеяться, как то случилось ему в Лейпциге, увидев одного из нас, а именно князя Трубецкого, поющего на крылосе, искривив лицо для высокого напева. Для сей-то причины он отправлял богослужение, большую часть зажмурившись.

В Риге на молитве случилось весьма смешное происшествие. Отец Павел, опасаясь увидеть что-либо пред глазами, могущее подвигнуть его на смех, зажмурился, начиная пение. Сим Михаил Ушаков, человек шутливой и проказливой, захотел воспользоваться, дабы рассмешить нашего отца Павла.

Икона, пред коей совершался наш молитвенный напев, стояла вверху довольно просторного стола, на ротором раекладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Пред столом стоял отец Павел, зажмурившись. М. Ушаков, взяв легонько одну из перчаток, на столе лежавших, и, согнув персты ее образом смешного кукиша, положил оную возвышенно прямо пред поющего нашего духовника. При делании поясных поклонов растворил зажмурившиеся глаза свои, и первое представилась ему сложенная перчатка. Не мог он воздержаться, захохотал громко, и мы все за ним.

Отец Павел, не привыкнув еще к нашим проказам, обретал в них более, нежели простые и юношеские шутки. Оборотясь, наименовал он нас богоотступниками, непотребными и другими в приложении юношества смешными названиями; сделавшего же вину смеха называл неграмматикально, может быть, мошенником, да и того хуже. При первых уже словах М. Ушаков, будучи весьма вспыльчив, восколебался, и столь же смешным деянием, как сей неприличными словами, представили нам позорище, какого ни на каком феатре за рубль купить не можно. М. Ушаков, схватив висящую на стене шпагу и привесив ее к бедре своей, бодро приступил к чернецу; показывая ему ефес с темляком, говорил ему, немного заикаясь от природы: «Забыл разве, батюшка, что я кирасирской офицер». В таком вкусе было продолжение сего действия, которое для нас кончилось смехом, для М. Ушакова мнимую победою, а для отца Павла отъитием с негодованием в свою комнату.

Сие и подобные сему происшествия умалили в нас почтение к духовной над нами власти, так как шутки над нашим гофмейстером некоторого проезжавшего российского гвардии офицера, о чем я скажу после, возбудили к нему в нас совершенное пренебрежение.

Еще о красноречии отца Павла: следуя, не ведаю, данному предписанию или по собственному своему побуждению, он каждое воскресение по совершении литургии становился пред царскими дверьми за налоем и преподавал нам толкование о чтенном того дня Евангелии. Вследствие сего обряда в некакой праздник, во Благовещение, если хорошо помню, он объяснить нам старался, что в Священном писании разумеется под ангелом Божиим. «Ангел есть слуга господень, которого он посылал для посылок; он то же, что у государя курьер, как то г. Гуляев». Тогда был в Лейпциге приехавший из Петербурга, с некоторыми приказаниями, курьер кабинета и был с нами присутствен на литургии. При изречении сего забыли мы должное к церкви благоговение, забыли ангела, видели действительного курьера, и все захохотали громко. Отец Павел засмеялся за нами вслед, зажмурил глаза, потом заплакал и сказал: «Аминь».

Приехав в Лейпциг, забыл Федор Васильевич все обиды и притеснения своего начальника и вдался учению с наивеличайшим рвением, но как не окоренел еще в трудолюбии сего рода, то на время от оногo отвлечен был случившимся с нами неприятным происшествием, которое для всех нас было деятельною наукою нравственности во многих отношениях.

Если иные в повествовании сем найдут что-либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая, что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи со действительный всего, обрящешь в нем истину.

Имея власть в руке своей и деньги, забыл гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов, возмнил, что он не для нас с нами; что власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотел он употребить на приведение нас к молчанию о его поступках. Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темницы, узы и самая смерть

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего-то притеснители частные и общие, по счастью человечества, не разумеют и, простирая повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодрственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человека мглюю. Не ведают мучители, и даждь, господи, да в неведении своем пребудут ослепленны навсегда, не ведают, что составляющее несносную печаль сему, другому не причиняет ниже единого скорбного мгновения, да и в оборот то, что в одном сердце ни малейшего не произведет содрогания, во сте других родит отчаяние и исступление. Пребуди благое неведение всецело, пребуди нерушимо до скончания века, в тебе почил сохранность страждущего общества. Да не дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчезнет помышляя о сем и умрет в семени до рождения своего.

Первое, с чем Бокум по приезде в Лейпциг начал правление свое, было сокращение издержек относительно нас, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною: что он отчислял от нашего содержания, то удвоил во своем, и принужден был лишать нас даже нужнейших вещей на содержание наше. О сем те, кои из нас были постарее, и в числе оных первой был Федор Васильевич, делали ему весьма краткие представления гораздо кротче, нежели когда-либо парижский парламент дельвал французскому королю. Но как таковые представления были частные, как то бывают и парламентские, а не от всех, то Бокум отвергал их толико же самовластно, как и король французской, говоря своему народу: «В том состоит наше удовольствие».

Наскучив представлениями, Бокум захотел их пресечь вдруг, показав пространство своей власти. Придравшись к маловажному проступку князя Трубецкого, он посадил его под стражу, отлучив его от обхождения с нами, и приставил у дверей комнаты, в которую он был посажен, часового с полным оружием, выпросив нарочно для того трех человек солдат. Не довольствуясь таким наглым поступком, он грозил посаженному под стражу, и нам за ним, если не уйдемся, то, по данной ему власти, он будет нас наказывать фуктелем, как то называют, или ударами обнаженного тесака по спине. Сие произвело в нас противное действие тому, которое он ожидал. Ведали мы, что власти таковой ему дано не было, и всякому известно было, что мягкосердие начинало в России писать законы, оставя все изветы лютости прежних, хотя поистине душесильных времен. Негодование в нас возросло до исступления; но мы не забыли еще умеренности, и хотя скопом и заговором, но для ребят довольно правильно и благопристойно, пришли все просить его об отпущении вины князя Трубецкого и об освобождении его из-под стражи. Вместо того, чтобы воспользоваться кротким расположением душ наших и привлечь к себе нашу признательность отпущением вины сотоварища нашего в уважение нашея просьбы, он ее нагло отвергнул и выслал нас с презрением. Сие уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько помышлять начали о нашем учении, как о способах освободиться от толико несносного ига.

Подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начиналися сходбища, частые советования, предприятия и все, что при заговорах бывает, взаимные о вспомоществовании обещания, неумеренность в изречениях; тут отважность была похваляема; а робость молчала, но скоро единомыслие протекло всех души, и отчаяние ждало на воспаление случая.

Бокум оного не удалял. Причина нашего неудовольствия была недостаток иногда в нужных для нашего содержания вещах, то есть в пище, одежде и прочем. Вторая зима по приезде нашем в Лейпциг была жесточее обыкновенных, и с худыми предосторожностями холод чувствительнее для нас был, нежели в самой России при тридцати градусах стужи.

Домостроительство Бокума простиралось и на дрова, и мы более в сем случае терпели недостатка, нежели в чем другом. Хотя запрещено было, как то нам сказывали, присылать к нам деньги из домов наших, но мы, неизвестны будучи о сем запрещении и охотны, особливо на случай нужды, преступить сие повеление, имели при отъезде нашем из России по несколько собственных денег. Кто их имел, не только удовлетворял необходимым своим нуждам, но снабжал и товарищей своих. Словом, во все продолжение нашего пребывания, кто имел свои деньги, тот употреблял их не токмо на необходимые нужды, как-то на дрова, одежду, пищу, но даже и на учение, на покупку книг; не утаю и того, что деньги, нами из домов получаемые, послужили к нашему в любострастии невоздержанию; но не они к возрождению оного в нас были причиною или случаем. Нерадение о нас нашего

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
начальника и малое за юношами в развратном обществе смотрение были оного корень,
как то оно есть и везде, в чем всякий человек без предубеждения признается.

Один из нашего общества, Насакин, не получал из дому своего ни копейки и для того претерпевал более других нужду. В помянутую зиму не в силах более терпеть холода ради болезненного расположения тела, решился сделать гофмейстеру представление. Бокума он нашел играющим на биллиарде с неким из его единоземцев и главным подстрекателем[23] его надменности. Насакин объявил ему о своем недостатке, прося дать приказание истопить его горницу. За день сего Бокум посадил под стражу князя Трубецкого, который был комнатный товарищ Насакина. На отказ, сделанный Бокумом, Насакин сделал возражение, а Бокум, не хотя оного слушать, а особливо при напоминателе о его власти, оставив свою игру, начал пришедшего толкать неучтиво; а как сей тому противился и, к нему обернувшись, говорил, что требование его о сем справедливо, то Бокум, и паче того раздраженный, ударил Насакина по щеке. Сей мнимый отчасти знак бесчестия столь сильно обезоружил Насакина, что он, не сказав более начальнику нашему ни слова, поклонился и вышел вон.

Отрада несчастному есть убежище на лоне дружбы, беседование о скорби своей. И возвестил нам обиженный о происшедшем с ним. Презрение к начальнику нашему было первое душ наших движение, но скоро к тому присовокупилось и негодование. Всяк боялся такой же участи; иной мечтал уже следствие своего отчаяния в таком случае, другой, изумленный предварительно таковою мыслию, находился в нерешимости, что должно будет ему сделать, если на него падет жребий, равный с Насакиным. Но все единогласно положили, что Бокум, сделав поступок противный не только добрым нравам, но и благопристойности, долженствовал сделать Насакину удовлетворение за обиду. В общежитии, говорил нам Федор Васильевич, если таковой случай произойдет, то оный не иначе заглажен быть может, как кровию. Сие говорил он из опытов и подкреплял примерами, но ни он, ни мы не понимали еще всей гнусности поединков в благоустроенном обществе и, вождаемые примерами, судили, что настоял бы и теперь к оному случай, если бы дело должно было иметь с посторонним человеком, а не с начальником нашим.

Мы в то время начали только слушать преподавания права естественного и, не объяв еще всю оного связь, остановились при первых движениях, производимых в человеке оскорблением. Не имея в шестии своем ни малеиша преграды, человек в естественном положении при совершении оскорбления, влекомый чувствованием сохранности своей, пробуждается на отражение оскорбления. От сего рождается мщение, или древний закон «око за око»; закон, ощущаемый человеком всечасно, но загражденный и умеряемый законом гражданским. Несовершенное еще расположение мыслей представило уму нашему в естественном нас положении в отношении нашего начальника, и мы заключили, что Насакин долженствовал возвратить Бокуму полученную им пощечину.

Заключительной и общий наш приговор был таков, что Насакин должен идти к Бокуму и в присутствии нашем требовать от него в обиде своей удовлетворения. Если же он не восхочет того исполнить, то надлежит ему пощечину Бокуму возвратить. Долго Насакин размышлял, колебался, не мог решиться на сей поступок; но мы приговор наш подкрепили тем, что если он сего не исполнит, то лишен будет нашей приязни и обхождения с нами. Ничто столь сильного и столь скорого не могло произвести действия в душе оскорбленной Насакина, как наша угроза. Если бы приговор наш был в противную сторону, то он, да и всякий из нас, и кто бы то ни было, в равном токмо с нами положении, терпеливо бы принял еще десять пощечин, нежели бы захотел прийти в презрение у своих сотоварищей.

Собравшись и условившись, каким образом долженствовал Насакин требовать от Бокума удовольствия в обиде ему сделанной, мы пошли к нему, исключая князя Трубецкого, который сидел под стражею.

В комнате, где бывала обыкновенная наша трапеза, дожидались мы его, послав его известить, что мы желаем его видеть. Едва он вошел в комнату, как началось действие, которое при первом шаге нашего жития могло бы превратным жребием ввергнуть нас в совершенную гибель. Столь юность без советов дружества сама себе губительна! Но провидение бдело над нами, ибо превратности в сердце нашем не зрело; и для того щит его носится всегда над неопытностью и блюдет ее в самой пропасти.

Вследствие сделанного между нами положения Насакин, подступив к Бокуму, просил

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
от него удовлетворения в обиде. Приятнее, может быть, будет читателю, приятнее тебе, мой любезный друг, если я употреблю здесь самые почти те слова, которые в то время были изречены; они были кратки, как и действие было мгновенно.

Насакин. Вы меня обидели, и теперь пришел я требовать от вас удовольствия.

Бокум. За какую обиду и какое удовольствие?

Н. Вы мне дали пощечину.

Б. Неправда, извольте идти вон.

Н. А если не так, то вот она, и другая.

Сие говоря, Насакин Бокума ударил и повторил удар.

Опасаясь дальнейшего следствия, Бокум вышел из горницы. Писарь Бокумов, бывший тогда с нами, вообразив себе, что Насакин хочет господина его заколоть, ибо имел при себе шпагу, оторвал у него ее с бедра, за что он был наказан только тем, что М. Ушаков снял с него парик. Но причина, для коей Насакин имел при себе шпагу, была иная; он был в гостях и пришед не имел времени раздеться, и на сражение пришел со шляпою и шпагою; но Бокум в обвинении своем не пропустил сего обстоятельства и сказал, что мы, а паче Насакин, покушались на его жизнь и сей вынул уже шпагу из ножен до половины, но он нас, как ребят, разогнал и раскидал. Итак, в самой клевете, не забывая он хвастовства и никогда не признался, что Насакин возвратил пощечину с лихвою.

Но если бы вздумали располагать великость вины по оружию, которое кто имел, то никого не надлежало обвинить более других, как меня. Ибо у меня были в то время карманные пистолеты, заряженные с дробью, которые я, купив за день пред сим происшествием, зарядил и хотел идти испытать оных действие в определенном к тому месте, но, по счастью, меня тогда не обыскали. Из сего глупая юности происшествия могло бы произойти, признаюсь охотно, что-либо слезное и несмешное, если бы Бокум имел кого-либо при себе, опричь старого своего писаря; и если бы, вождаем мыслию, что мы умышляли убить его, стал бы на нас наступать. В жару исступления чего не могло бы случиться, но, к счастью, М. Ушаков двери запер, и на крик старого писаря никто войти не мог.

По совершении нашего приступа мы, почитая его правильным поступком, заявили о нем университетскому ректору. Возвратясь от него, души наши покойны не были. Мы чувствовали наш проступок, но чувствовали и тягость нашего положения, и на весах правосудия мы осуждены бы быть не могли. Но всякий судия есть человек, нередко вождается внешностию.

Я ныне еще трепещу, вспоминая о намерении нашем при сем происшествии. Мы рассуждали, что наш поступок, конечно, не одобряют, что Бокум расцветит его тусклыми красками клеветы, что, если посадил под стражу за маловажный поступок, может сделать над нами еще более, и мы возвращены будем в Россию для наказания, а более того на посмеяние; и для того многие из нас намерение положили оставить тайно Лейпциг, пробраться в Голландию или Англию, а оттуда, сыскав случай, ехать в Ост-Индию или Америку. Таковы могли быть следствия безрассудной строгости начальника и неопытной юности. Но Бокум предупредил умышленному нами побегу, и не прошло получаса, как он, испросив от тамошнего военного начальника солдат вооруженных, посадил нас под стражу каждого в своей комнате.

В сем тягчительном для нас положении мы прибегнули к российскому в Дрездене министру, описав ему случившееся во всей подробности; но письмо наше до него не дошло, как то мы после того узнали, ибо Бокум тамошнему правительству сказал ложно, что ему велено было все наши письма останавливать и не прежде отправлять в Россию, как он уведомлен будет о их содержании. Таким образом, ни министр нашего двора в Дрездене, ни в Петербурге не могли быть известны о истинном нашем положении, сколько мы о том ни писали. Когда же нашелся человек, нас довольно любящий, из сожаления единственно и на своем иждивении отправившийся в Россию для извещения, кого должно, о происшедшем с нами, то о всем было от министра нашего по представлениям Бокума предварено, и жалобе нашей не внято.

Но я могу тебе наскучить, мой любезный друг, рассказывая о том, что тебе столь же известно, как мне; и для того заключу повествование о сем неприятном тогда

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
для нас происшествии, но, по истине сказать, преподавшем нам много нравоучения деятельно. Намерение мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники в употреблении своей власти и коликой вред причиняют безвременною и безрассудною строгостию. Если бы мы исполнили наше намерение и ушли бы из Лейпцига, вообрази, колико горести навлекли бы мы нашим родителям, друзьям, да и всем сердцам, юность возлюбляющим. Если бы государство изгнанием добровольным десяти граждан ничего, казалось, не потеряло, но отечество потеряло бы, конечно, искренно любящих его сынов. Бude кто захочет на сие доказательство, то не дам никакого; но тебе только, мой друг, вспомяну о возвращении нашем в Россию. Вспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, вспомни о восторге нашем, когда мы узрели между, Россию от Курляндии отделяющую. Если кто бесстрашный ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марасть бумаги; но если кто, понимая, что есть иступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого. Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том же признаешься, что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило. О вы, управляющие умами и волею народов властители, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквас, воздымающий сердце юности. Единожды смилив его, нередко навеки соделаете калекую.

Под стражею содержимы были мы как государственные преступники или отчаянные убийцы. Не токмо отобраны были у нас шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили нам кушанье, то оно было нарезано кусками, ибо не было при оном ни ножей, ни вилок. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверстие на возобновление воздуха, часовой сидел у нас в предспальной комнате и мог видеть нас лежащих на постеле, ибо дверь в спальную нашу была вынута.

Невзирая на все предосторожности, чтобы воспретить нам между собою сообщение и чтобы мы не могли известить министра нашего о нашем положении, ибо сие и была причина строгого нашего содержания под стражею, мы написали письмо и подписали его все своеручно. Никого к нам не допускали, сидели мы по двое вместе, и потому странно покажется, что все могли подписать письмо. Способ мы к тому употребили особый, и да знают удручители, что не редко строгость их бывает осмеяна в самом том, в чем они усугубляют оную.

Дом, в котором мы жительствоваали, был в два жилья и имел четыре отделения вверху и четыре внизу, в каждом отделении было по две комнаты, и мы жили по двое вместе. Шестеро из нас жили вверху и четверо внизу, прочие комнаты занимали учителя наши. Письмо написано было Федором Васильевичем. Привязав его на длинную нитку, выпускали его за окно; способный ветер приносил его к отверстию другого окна, в которое оно было приемлемо, и по подписании тем же способом доставляли его в другую комнату; таким образом, мы умели на пользу нашу употребить самые силы естества. На почту относимы письма наши были одним из наших учителей, который из единого человеколюбия жертвовал всем своим тогдашним счастьем и отправился в Россию для нашего защищения, взяв от нас на дорогу одни карманные часы, в чем состояло все тогдашнее наше богатство; но в предприятии своем не успел, как то я сказал уже прежде. Великодушный муж! Никто из нас не мог тебе за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда в наших сердцах.

Не довольствуясь тем, что посадил нас под стражу, Бокум испросил от совета университетского, чтобы над нами произвели суд. К допросам возили нас скрытным образом, и судопроизводство было похоже на то, какое бывало в инквизициях или в тайной канцелярии, исключая телесные наказания. Решение сего суда было, что ты и я, Янов и Рубановский были освобождены, а прочие, между которыми был Федор Васильевич, остались еще под стражею, но скоро были освобождены по повелению нашего министра. Конец сему полусмешному и полуплачевному делу был тот, что министр, приехав в Лейпциг, нас с Бокумом помирил, и с того времени жили мы с ним почти как ему не подвластные; он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два.

Случилось во время нашего пребывания в Лейпциге проезжать чрез оный генерал-поручику и бывшему потом сенатором Н. Е. Муравьеву с супругою своею. Сотовариществовал ему в путешествии шурин его, гвардии офицер, человек молодой, любящий шутку безвредную, и охотно смеялся насчет глупцов. Совершенно такового нашел он в нашем гофмейстере. Он, пользуясь пристрастием его к хвастовству,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru вывел его, по пословице, на свежую воду. До того времени не ведали мы, что гофмейстер наш за похвалу себе вменял прослыть богатырем, и если ему не было случая на подвиги, с Бовою равные, то были удалства другого рода, достойные помещения в Дон-Кишотовых странствованиях.

Помянутой гвардии офицер, подстрекая самолюбие Бокума, довел его до того, что он для доказательства своих телесных сил выпивал по его приказанию одним разом по нескольку бутылок воды или пива, давал себя толкать многим лакеям вдруг, упираясь против их усилия совлещи его с места, а сим приказано было не жалеть своих толчков, дивясь о своем против его малосилии, но сего не довольно было. Он его заставил ворочать всякие тяжести, подымать стулья, столы, платя ему за то, не умеряя и не скрывая своего смеха: «Ну, Бокум!»

Примечания достойно, до коликой степени слабость сия в человеке возрасти может, и нередко она в общежитии бывает разными нечаянными случаями поддерживаема и возвышаема. Бокум доведен был до того, что согласился вытерпливать удары довольно сильного электрического орудия. Сперва удары электрической силы были умеренны, и дабы его убедить самого в превосходстве его сил, удары производимы были над многими вдруг. Все по предварительному условию, будто от жестокости удара, падали на землю, он один оставался непоколебим, торжествуя въявь над падающими. Уверив таким образом его самого в превосходстве его сил, удары электрического орудия становились сильнее, он выдерживал их, не показывая, сколь они для него болезненны; сила ударов столь, наконец, была велика, что едва его с ног не сшибала.

Таковые подвиги производились ежедневно во все время пребывания сказанных путешественников в Лейпциге. Мы были непрестанные оных зрители, и презрение наше к Бокуму с того времени стало совершенное.

Отправление российских морских сил в Архипелаг, в последнюю войну между Россией и Турцией, доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию и оттуда в Россию. Некто (имя его утаю, дабы не произвести в лице его краски стыда или бледности раскаяния), некто в проезд свой чрез Лейпциг оказывал отличное уважение Федору Васильевичу и снискать хотел его дружбу. Последствие показало, сколь мало она была искренна и продолжалась не более, как пребывание в Лейпциге сего мечтанного покровителя учености. Ни одного дня не проходило, скажу охотно, ни одного почти часа во дни, чтобы Федор Васильевич не был с Ф..., вместе упражняясь в рассуждениях большею частию метафизических. Он делал ему уверения, что извлечет его из руки отягощения, обещая ему мощное свое покровительство. Вняв лестному гласу дружбы, Федор Васильевич отверз ему свое сердце. Луч надежды, казалось, обновился в нем, но скоро сбылася с ним французская пословица: «отсутствующие всегда виноваты». Едва сказанной покровитель уехал из Лейпцига, как забыл Федора Васильевича и деланные ему обещания, да и столь совершенно, что на все письма его не отвечивал ему ни слова. Или ему низко было вступать в переписку с неравным ему состоянием; или благодарить надлежит за то наукам, что среди обиталища их различие состояний нечувствительно и взоров природного равенства не тягчит, и для того в Лейпциге Ф... обходился с Федором Васильевичем как с равным себе. И поистине равен он был тебе, мразная душа, силами разума, но далеко превышал тебя добротою сердца.

Сие происшествие оставило в душе Федора Васильевича некую мрачность, которая пребыла с ним до кончины его; посеяло в душе его справедливую недоверчивость к обещаниям, наипаче знатных, и понудило его вдаваться еще более учению, от коего единственная ожидал он себе отрады; в чем он и не ошибался. Ибо желание науки, хотя не навсегда, но паки развеяло темноту грусти, и истина светом своим награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежит, что Ф... присутствием своим в Лейпциге и обхождением с нами возбудил как в Федоре Васильевиче, так и во всех нас великое желание к чтению, дав нам случай узнать книгу Гельвециеву «О разуме». Ф... толикое пристрастие имел к сему сочинению, что почитал его выше всех других, да других, может быть, и не знал. По его совету Федор Васильевич и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием, и в оной мыслить научились. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невежды, но Гельвеций, конечно, равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить^[24] училось. В сем отношении сочинение его немалую может всегда приносить пользу.

Предоставленный сам себе и полагая единственное упование на правосудие государя

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
своего, восчувствовал Федор Васильевич к предстателям мерзение. Он устремил все силы свои и помышления на снискание науки, и в том было единственное его почти упражнение. Сие упорное прилежание к учению ускорило, может быть, его кончину. За год пред смертию приключилась ему болезнь, которая была, можно сказать, преддверием другой, введшей его во гроб. Употребляя действительные и мощные лекарства, он не покидал, вопреки совету своего врача, упражняться денноночно в чтении и в сие время начал писать о книге Гельвециевой письма, коих найдены после него только касающиеся до начала первой книги сочинения «О разуме». Упорным своим к учению прилежанием он остановил в крови своей смертоносной болезни жало, которое следующей весною, воссвирепствовав снова, отверзло ему врата смерти.

Сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскутит чтением сего, не нашед в повествовании моем ни одного происшествия, достойного памятника и, ради мерзости своей или изящности ради, равно блистающего. Ибо равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемьяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин, – все славны, все живут на памяти потомства и не возмущаются тем, что о них мыслят. Не тревожился бы и всяк любящий человечество, если бы добрая или худая слава по смерти во что-либо вменялась; но по несчастию всех, имея власть в руках мало рачит о том, что о нем скажут живу ему сушу, и не помышляет нимало о том, что скажут о нем по смерти. Он ищет токмо ободрения своего самолюбия и стяжания своей пользы. Не тревожился Юлий Кесарь о том, что прослывет государственным татем, когда похищал общественную казну, не тревожился Ла, что прослывет общественным злодеем, вводя во Францию мнимое богатство, которое, существовав одно мгновение, повергло часть государства в нищету; не тревожился Лудвиг XIV в величании своем, оставит ли потомство ему титул великого, которое в живых ему прилагало ласкательство; не боятся правители народов прослыть грабителями, налагая на сограждан своих отяготительные подати, ни прослыть убийцами своей собратий и разбойниками в отношении тех, которых неприятелями именуют, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воинов.

Сказав сие, может быть, некстати, я возвращусь к умершему нашему другу и постараюсь отыскать в его деяниях то, что привлекательно быть может не для ищущих блестящих подвигов в повествованиях и с равным вкусом читающих Квинта Курция и Серванта, но для тех, коих души отверсты на любление юности.

Нам предписано было учиться всем частям философии и правам, присовокупя к оным учение нужных языков, но Федор Васильевич думал, что не излишне для него будет иметь понятие и о других частях учености, и для того имел он в разных частях учителей, платя им за преподавание их собственные свои деньги. При сих способах для приобретения разных знаний он надежнейшим всегда почитал прилежное чтение книг.

Сие располагал он всегда соответственно тому, что преподаваемо нам было в коллегиях[25]. Итак, когда, по общему школьному обыкновению, начали нас учить прежде всего логике, то Федор Васильевич читал Арново искусство мыслить и основания философии Стравезанда и, соображая их мнения со мнениями своего учителя, старался отыскать истину в среде различия оных.

Между разными упражнениями, к приобретению знаний относящимися, Федор Васильевич отменно прилежал к- латинскому языку. Сверх обыкновенных лекций имел он особые. Солнце, восходя на освещение трудов земнородных, нередко заставало его беседующего с римлянами. Наиболее всего привлекала его в латинском языке сила выражений. Исполненные духа вольности, сии властители царей упругость своя души изъявили в своем речении. Не льстец Августов и не лизорук Меценатов прельщали его, но Цицерон, гремящий против Каталины, и колкой сатирик, не щадящий Нерона. Если бы смерть тебя не восхитила из среды друзей твоих, ты, конечно, о бодрственная душа, прилепился бы к языку сих гордых островитян, кои некогда, прельщенные наихитрейшим из властителей, царю своему жизнь отъяти покусились судебным порядком; кои для утверждения благосостояния общественного изгнали наследного своего царя, избрав на управление постороннего; кои при наивеличайшей развратности нравов, возмеря вся на весах корысти, и ныне нередко за величайшую честь себе вменяют противоборствовать державной власти и оную побеждать законно.

Между разными науками, коих основания алчная Федора Васильевича душа пожрать, так сказать, хотела вдруг, отменно прилепился он к мафематике. Сходствуя с расположением его разума, точность сей науки услаждала его рассудок. С какою

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
жадностью он проходил все части сей в началах своих столь отвратительных, так сказать, науки, но столь общепользительной в ее употреблении! Свойственно душе Федора Васильевича было мыслить, что огромнейшие в мире телеса, наиотдаленнейшие от нашего обиталища, коих единое наше зрение, сие наивластительнейшее и великолепнейшее из чувств наших, может постигать при вспоможениях, человеком изобретенных, что сии малейшие точки во зрении, необъятные в действительности громады, повинуются в течении своем исчислению. И как не возгордиться человеку во бренности своей, подчиняя власти своей звук, свет, гром, молнию, лучи солнечные, двигая тяжести необъятные, досягая дальнейших пределов вселенных, постигая и предузнавая будущее. Таковые размышления побудили некогда сказать Архимеда: если бы возможно было иметь вне земли опору неподвижную, то бы он землю превратил в ее течение. «Дай мне вещество и движение, и мир созижду», – вещал Декарт. Таковые размышления составили все системы о мире, все правдоподобия о нем и все нелепости.

За счастье почесть можно, если удостоишься в течение жития своего беседовать с мужем, в мире прославившимся; удовольствием почитаем, если видим и отличившегося злодея, но отличным счастьем почесть должно, если сопричастен будешь беседе добродетелию славимого. Таковым счастьем пользовались мы, хотя не долгое время, в Лейпциге, наслаждаясь преподаваниями в словесных науках известного Геллерта. Ты не позабыл, мой друг, что Федор Васильевич из всех нас был любезнейший Геллертов ученик и что удостоился в сочинениях своих поправляем быть сим славным мужем. Малое знание тогда немецкого языка лишило нас пользоваться его наставлениями самым действием; ибо хотя мы слушателями были его преподаваний, но недостаток в знании немецкого языка препятствовал нам равняться с Федором Васильевичем.

Вращаясь всечасно между разными предметами разумения человеческого, невозможно было, чтобы в учении разум Федора Васильевича пребыл всегда, так сказать, страдательным, упражняясь только в исследовании мнений чуждых. Но в сем-то и состоит различие обыкновенных умов от изящных. Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные. Деятельность есть знаменующая их отличность, и в них-то сродное человеку беспокойствие становится явно. Беспокойствие, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до пределов даже невозможного и непонятного, возродившее вольность и рабство, веселие и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихии, родившее мечтание и истину, ад, рай, сатану, бога.

Федор Васильевич, упражняясь в размышлениях о вещах, видел возрождающиеся в разуме его мысли, отличные новостию своею от обретаемых им на пути учености, и для того не мог оставаться в бездействии. Скоро подан был ему случай испытать свои силы в изображении связи своих мыслей. Ежегодно бывал нам экзамен, или испытание о приобретениях наших в учении. Сколь много все таковые испытания имеют смешного и цели, для коей они установлены, не достигающего, всяк, ведающий о них до прями, признается. Нередко тот, кто более всех знает, почитается невеждою и ленивым, хотя трудится наиприлежнейше и с успехом. Но тем экзамены полезны, что возбуждают тщеславие и устремляют учащегося отличиться пред сотоварищами своими; но дабы и в сем случае не возбуждать тщеславия безуспешно, то нужно, чтобы таковые испытания не были редки, дабы возникшая страсть в обыкновенных душах не угасала. Для назначенных же перстом всевечным к бессмертию в посторонних подстреканиях любочестия нужды нет. Они сами в себе довольно имеют ко стяжанию славы побуждения, и хотя оные небескорыстны, но умовенны всегда в благом источнике.

По прошествии трех лет обязаны мы были к наступившему для нас времени на испытание показать наши успехи в учении, представя письменно связь мыслей о какой-либо материи. Федор Васильевич избрал для сего наиважнейшие предметы, до человека касающиеся в гражданском его отношении.

Человек, живущий в обществе под сению законов для своего спокойствия, зрит мгновенно силу общую, донесь ему покровительствовавшую, возникающую на его погубление. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные, становятся его враги, преследуют ему, и рука сильного подавляет слабого, томит его в оковах и темнице, отдает его на поругание и смерть. Что может оправдать таковое свирепство? Сие-то намерен показать Федор Васильевич в сочинении своем, разыскав следующие задачи:

1. На чем основано право наказания?
2. Кому оно принадлежит?
3. Смертная казнь нужна и полезна ли в государстве?

Цель, для коей он писал сие, не позволяла ему распространиться, но все, что можно сказать в оправдание несчастного права казни, и все, что может ее представить вероятно справедливою, того Федор Васильевич не проронил. Связь его мыслей есть следующая.

Показав, что человек, ощущая себя слабым на удовлетворение своих недостатков в единственном положении, следуя чувствительному своему сложению, для сохранности своей вступает в общество. Дабы общество направляемо было всегда ко благому концу, условием изъявительным или предполагаемым поставляется власть, могущая сие производить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть обществу. Лице, власть сию имеющее, именуют государем в единственном и соборном лице. Следственно, тот, кто долг имеет пешися о благе общества, имеет право не дозволять и препятствовать вредить ему; следственно, что тот, что поставляет власть для своего блага, согласуется повиноваться и ее прещению, когда деянии его от благой цели устраняются. Показав, что при определении наказаний иной цели иметь не можно, как исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления, Федор Васильевич доказывает ясными доводами, что смертная казнь в обществе не токмо не нужна, но и бесполезна. Сие, ныне почти общеприемлемое правило, утверждает он примером России. Я не намерен преследовать Федору Васильевичу в рассуждениях его. Изображая их здесь, могу или отъять силу его доводов, или только оные распространить без нужды. Тому и другому предварить можно, читая его сочинение, которое ясностию мыслей, краткостию слога и твердостью доводов заставит всякого потужить о безвременной кончине сочинителя на двадцать третьем году его возраста.

Опрочь малого сочинения о любви и писем о Гельвецевой книге «О разуме», ничего более не найдено в бумагах Федора Васильевича. Выписки из многих книг, хотя без связи, доказывают, что он располагал свое чтение со вниманием. Кто может определить, что с ним потеряло общество? Определить могу я, что потерял друга; но если судьба позавидовала тогда моему блаженству, наградила она меня с избытком, дав мне, мой друг, тебя.

Последнее время жития своего среди терзания болезни и грусти, от нее рождающейся, Федор Васильевич не забыл учения, и разве истощение сил отвлекало его от упражнения в науке. Наконец наступило время, когда почувствовал он совершенное сил своих изнеможение. За неделю еще пред кончиною своею ходил он с нами на гулянье и наслаждался еще беседою любящих его, но силы его, ослабев, принудили лечь в постелью. Надежда, сие утешительное чувство в человеке, не покидала его; но за три дни до кончины своя почувствовал он во внутренности своей болезнь несказанную, конечное разрушение тела его предвещающую. Не хотел он пребыть в неведении, призвав своего врача, на искусство коего он справедливо во всем полагался, просил его прилежно, да объявит ему истину, есть ли еще возможность дать ему облегчение, и да не льстит ему напрасною надеждою исцеления, буде само естество положило уже тому преграду. «Не мни, – вещал зрящий кончину своего шествия, томным хотя гласом, но мужественно, – не мни, что, возвещая мне смерть, востревожишь меня безвременно или дух мой приведешь в трепет. Умереть нам должно; днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечностию!»

Долго человеколюбивый врач колебался в мыслях своих, откроет ли ему грозную тайну, ведая, что утешение страждущего есть надежда и что она не покидает человека до последнего издыхания. Но, видя упорное желание в больном ведать истину о своей болезни и понимая его нетрепетность, возвестил ему, что силы его не более одних суток противиться возмогут свирепости болезни, что завтра он жизни не пребудет уже причастен.

Случается, и много имеем примеров в повествованиях, что человек, коему возвещают, что умереть ему должно, с презрением и нетрепетно взирает на шествующую к нему смерть на сретение. Много видали и видим людей, отъемлющих самих у себя жизнь мужественно. И поистине нужна неробость и крепость душевных сил, дабы взирати твердым оком на разрушение свое. Но страсть, действовавшая в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
умирающим без болезни, пред кончиною его живет в нем до последняя минуты и крепит дух. Нередко таковой зрит и за предел гроба и чаёт возродиться. Когда же в человеке истощением сил телесных истощаются и душевные, сколь трудно укрепить дух противу страха кончины, а тем паче тому, кто, нисходя во гроб, за оным ничего не видит. Сравни умирающего на лобном месте или отъемлющего у себя жизнь насильственно с умирающим нетрепетно по долговременной болезни на одре своем и скажи, кто мужественнее был, испуская дух бодрственно?

Услыша приговор свой из уст врача, Федор Васильевич не востревожился нимало, но, взяв руку его, «нелицемерной твоей ответ, – сказал он ему, – почитаю истинным знаком твоея дружбы. Прости в последний раз и оставь меня».

Удостоверенный в близкой кончине своей, Федор Васильевич велел нас всех позвать к себе, да последнюю совершит с нами беседу. «Друзья мои, – вещал он нам, стоящим около его постели, – час приспел, да расстанемся: простите, но простите навеки». Рыдающих облобызал и, не хотев более о сем грустити, выслал всех вон.

Осьмнадцать лет уже совершилось, как мы лишились Федора Васильевича, но, мой друг, сколь скоро вспомню о нем, то последнее его с нами свидание столь живо существует в моем воображении, что то же и днес чувствую, что чувствовал тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбию, что впоследствии ни исступление радости и утех, ни величайшая печаль потеряннем возлюбленной супруги не истребило чувствование прежняя печали.

Спустя несколько времени он призвал меня к себе и вручил мне все свои бумаги. «Употреби их, – говорил он мне, – как тебе захочется. Прости теперь в последний раз; помни, что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть твердо в мыслях, дабы умирать бестрепетно». Слезы и рыдание были ему в ответ, но слова его громко раздалися в моей душе и неизгладимую чертою ознаменовали на памяти. Поживут они всецелы, доколе дыхание в груди моей не исчезнет и не охладет в жилах кровь. Даждь небо, да мысль присутственна мне будет в преддверии гроба, и да возмогу важное сынам моим оставить наследие, последнее завещание умирающего вождя моего юности, и живого да оставлю им в вожди друга любезнейшего, друга моего сердца, тебя.

Что после сего последовало, тебе, мой друг, более известно, нежели кому другому. Ты последние часы был при нем безотлучен, ты был свидетелем последнелить смысл понятия о наказании. Я под оным разумею зло, соделываемое начальником преступнику закона. Дав таковое изъяснение, мне надлежит, кажется, рассмотреть человека, каков он произведен природою, не коснувшись общества, дабы яснее определить, на чем основывается право наказания. Сие-то я и намерен разыскать столь кратко, сколько то возможно по существу самой вещи и по намерению сего сочинения.

Если мы вообразим первенственное состояние человека, состояние равенства и независимости, то узрим его самовластным судиею своих определений. Если мы рассмотрим его существо, то найдем его одаренного понятием (то есть свойством составлять идеи и оные сравнивать) и физическою или телесною чувствительностию. Понятие делает его удобным ко блаженству, то есть определять хотение свое сходственно со своим благосостоянием; телесная чувствительность повещает ему о его надобностях и показывает ему способы, удобнейшие к удовлетворению оным. Любовь самого себя или своего благосостояния есть основание всех человеческих деяний. Сие чувство, природою в нас впечатленное, есть всеобщее и для того не требовало бы доводов, но случается, что наипростейшие и яснейшие истины подвергаются иногда сомнениям. Для того я дам оному доказательство, на самом существе нашего понятия основанное.

Всякое понятием одаренное существо имеет чувство о своем существовании, ибо кто чувствует, тот не может быть бесчувствен. Следственно, он может предпочесть состояние пребывания другому состоянию пребывания, то есть почитать одно счастливее другого; но предпочитать одно состояние другому есть то же, что определять свое хотение и избирать состояние пребывания, счастливейшим почитаемое, – суть одинаковые вещи. Из сего следует, что все права и должности человека из сего проистекают начала и все оному без изъятия суть подчинены. Оттуда право защищать себя или отвращая обиду, или награждая ущерб, или предупреждая своего злодея, если случится быть в грозящей опасности или уверенному о злодейском намерении своего противника. Ибо имеющий право к цели имеет неотменно право к способам позволительным; итак, старание о своей

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
сохранности, будучи средством необходимым для пребывания в благосостоянии, есть право нераздельное от человека. Доселе понятие о наказании исчезло для того, что оно предполагает начальника, истребляет понятие естественной свободы, а потому и равенства. Но сие состояние независимости и равенства, столь прекрасное в воображении, не могло продлиться вследствие несовершенства человека. Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человека к самовластию, непрестанная боязнь, да не подвергнется насилиям могущественнейших, – словом, препятствия, сохранности каждого в естественном состоянии вредящие, превзошел своим сопротивлением силы, употребляемые каждым для пребывания в сем состоянии, люди принуждены стали применить внешнее состояние их жития. Но как они не могли произвести новых сил, а совокупить и соединить токмо имевшие, то надлежало установить общество, где каждый подвергался верховному вождению государя и менял свою природную свободу, силами каждого ограниченную, на свободу гражданскую, в житии по законам состоящую. Рассмотрим теперь человека в сем новом положении и начнем объяснением существа государств.

Народ есть общество людей, соединившихся для снискания своих выгод и своей сохранности соединенными силами, подчиненное власти, в нем находящейся; но как все люди от природы суть свободны и никто не имеет права у них отнять сея свободы, следовательно, учреждение обществ предполагает всегда действительное или безмолвное согласие. Оно сем иные сомневаются, почитая народ собранием единственников. Но оно представляет нравственную особу, общим понятием и хотением одаренную и для того права и обязанности имеет могущую; следовательно, можно ей сделать обиду.

Общество, так сложенное, должно было помышлять о таком средстве, которое бы положило всем оно членам необходимость направлять все их деяния сходственно с общим благом; для того-то люди, применяя образ своего бытия, не применяют своей природы, и злодеяния, принудившие их составить общество, не истребились бы, беспорядок остался бы, и разрушение государства последовало бы непременно. Но как скорбь и отвращение от зла и притяжательность веселия суть равно всеобщие, то ясно следует, что наидействительнейшее средство подчинить частное хотение хотению всеобщему и принудить граждан поступать только сходственно с намерениями законоположника, есть учреждение наградений и наказаний. Я пред сим доказал, что общество не может быть разве действительным или безмолвным согласием всех единственников. А как установление наказаний есть средство, необходимое для содержания порядка и для направления деяний каждого, сходственно с общим благом, то ясно, что начало права наказаний основывается на их согласии, ибо кто желает цели, тот желает и средства.

Некто возразить может: определяя волю свою к цели блаженства, возможно ли, чтоб человек условился на предосудительное своему благосостоянию? Ответствую: 1) вступая в общество, никто не мнит о себе, что будет нарушитель закона, а тем общественный злодей; но каждый, обязуясь жить по законам, никто из оных не исключен, и сие никому не предосудительно. 2) Всяк властен вдать опасности не токмо несколько своих прав, но и самую жизнь для сохранения оной. В таком деянии человека выбор стремится к цели своей выгоды, ибо меняет он зло действительное и настоящее на зло будущее, от коего он легко уклониться может. Сии рассуждения влекут заключение, что человек, обязуясь терпеть зло, начальником его ему соделываемое за преступление закона, ничего не терпит, но паче выигрывает: следственно, действие сие, стремящееся единственно к его сохранности, есть законно и твердо.

Положив основание праву наказания, я могу приступить к решению второго моего вопроса, то есть, кому принадлежит право наказания. А понеже сия задача есть дальнее токмо следствие первой, то довольно будет, если утвержу оную одним простым доводом, не входя в дальнейшее рассмотрение.

Состав каждого правления требует государя, или вождя, который бывает нераздельною или соборною особою, одаренною верховною властью для направления всех единственных волей и сил к общественному благу. А как сохранность народа и содержание доброго порядка суть первые предметы его попечения, чего без учреждения наказаний и наградений приобрести не можно, то ясно следует, что право наказания принадлежит единому токмо государю, право, которое он может вручить нижним властям. Но они суть токмо исполнители вышних воли государя, законами определенной и пересуду не подверженной.

Я приступлю теперь к последней задаче. Вопрошается: смертное наказание полезно

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
ли и нужно ли в обществе? Для решения сего надлежит рассмотреть цель наказания вообще.

Цель законодателя при учреждении наказаний есть сохранность граждан, утверждение законного владения их имений, предвращение природной склонности человека присвоить все, что может взять невозмездно, наконец, приведение к должностям уклонившихся от оных. Отсюда истекает примерное наказание, стремящееся к отвращению от незаконных и злых дел всех, ведающих о болезнях, злодеями претерпеваемых. Иные отмечают исправление, которое не что иное есть, как средство к приведению преступника в самого себя истязанием; средство к произведению в душе истинного раскаяния и отвращения от злых дел. Другие мнят быти возмездием, состоящему в соделании зла за зло. Сомневаюсь, чтоб те были правы, а докажу, что сии, конечно, ошибаются.

Представим себе государство нравственною особою, а граждан оною ее членами. То можно ли подумать, что человек, раздробивши себе ногу, восхотел бы воздать зло за зло и преломить себе другую. Положение государства есть сему подобно. Все действия государства должны стремиться к благосостоянию оною: а награждать злом за зло есть то же, что невозвратное зло себе соделать. Желать себе зла противно существу общества, и таковое действие предполагает безумие, но безумие права не составляет. Следовательно, таковое действие не есть законно, ни полезно, а потому и невозможно; да и полагающие возмездие, кажется, похожи на последователей системы беспристрастной свободы, которые, утверждая, что хотение есть хотение и что хочу, для того что хочу, приемлют, очевидно, действие без причины.

Отмечающие исправление основываются на невозможности судить об оном и определить время, когда преступник придет в себя. Суд, говорят они, объемлет внешние токмо действия; никто не судит о намерении, и законодатель не может пешихся о исправлении.

Дабы ответствовать с точностию на сие заключение, надлежит сперва разыскать, может ли человек исправиться? Для сего рассмотрим его в себе самом и вопросим природу. Человек рождается ни добр, ни зол. Утверждая противное того и другого, надлежит утверждать врожденные понятия, небытие коих доказано с очевидностию. Следственно, злодеянии не суть природны человеку; следственно, люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся, а опыты нас удостоверяют, что многие люди повинувались несчастному соитию странных приключений. Если же человек случайно бывает преступником, то всяк может исправиться. Если он повинуется предметам, его окружающим, и если соитие внешних причин приводит его в заблуждение, то ясно, что, отъемля причину, другие воспоследуют действия. Сверх же того, дабы доказать, что исправление невозможно, надлежало бы определить силу злости, потребной в преступнике для соделания действия, запрещенного законами. А как может оное быть? Творец действия иногда не ведает сам побуждений, его влекущих, то есть, что он неясно видит соитие обстоятельств, побудивших его к действию. Если же невозможно положить явного предела исправлению, если же, напротив того, очевидно, что человек может исправиться и что люди разнятся токмо в количестве, то не справедливо ли будет в сем случае клониться к большей вероятности. Сие-то я и намерен рассмотреть, восходя от действия ко причинам.

Представим себе человека, на несколько степеней страсть имеющего и совсем к добродетели равнодушного: добродетелию я называю навык действий, полезных общественному благу. Таковой человек столь же непременно впадает в злодеяние, как брошенный камень падает на землю. Решить должно, можно ли сего человека исправить? Злодеяние в человеке рождается от притяжения веселия и от глупая надежды безвозмездия, от чего должно воздерживать его болезнию. Злодей, уличенный в своем злодеянии, осуждается на потеряние своа свободы. Утрата невозвратимая, все превосходящая, а паче для человека просвещенного. Вринутый в глубокую темницу и в снесь скуке, отчаяние объемлет его душу; за оным следует ярость на свое непроворство. Ибо трудно неистовству признаться виновным, но немощь соделати зло превращает, так сказать, естество его хотения, равно как невозможность удовлетворить желанию оное истребляет. Дошед до сея степени, он себя рассматривает; а рассуждение человека о известных обстоятельствах всегда бывает справедливо, если разум его не ослеплен страстию. Здесь все его страсти утихли или настоящим страданием, или воображением отсутствия всех веселий. Он познает свое злодеяние. И можно ли, чтоб он его не познал? Если человек накрепчайший колеблется, если Катон, если Брут, сии строгие стоики, возмogli подвигнуться и пременили намерение, то какой смертный не пременится? К тому же

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
мы охотно последуем в рассуждениях другим людям, дабы избавиться трудности исследования, угождая природному человеку недействию или повинуюсь общественному рассуждению. Тако преступник, зря себя покрыта бесчестьем и срамотою, у всех в презрении, един среди всех и преданный себе самому, прибегает к раскаянию, яко к единой несчастных отраде, которая поистине сильнее, нежели думают.

Но преступник, скажут мне, может затвердеть во злодеянии, он может даже нечувствителен быть к болезни, которую ощущает. Сие невразумительно; но раскаяние, кое неизбежно, производит непременно отвращение к действиям, приведшим в раскаяние, а телесная болезнь делает оные ужасными. Несчастный, чрез долгое время навывший с ужасом взирать на прошедшие свои дела, отвращается от злодейства, а впечатление сие, всегда и непрерывно пребывающее, столь привычно ему станет, что от единыя мысли злодеяния вострепещет. Если все люди имеют свойство соединять с одинаковыми предметами одинаковые мысли и воображать нераздельными идеи, кои они в одно имели время, так что одна не может возбудиться без другой; если привычка другая есть природа, коли не первая, как то думает Гельвеций, и если чувствование скорби сильнее по себе оставляет впечатление, нежели чувствование, мысленным воображением познаваемое, то я могу утверждать, что в человеке степени порока пременяются в десять лет во столько же степеней добродетели. Дабы смертная казнь производила свое действие, нужно, чтобы преступления были всечасны; ибо каждое примерное наказание предполагает вновь сделанное преступление; желать сего есть то же, что хотеть, чтоб самая та же вещь была сама по себе купно и другая вещь в одно время, следовательно, желать противоречия.

Но, скажет некто, если телесные болезни, смерти предшествующие, сильнее всего в человеке действуют, то надлежит прибегнуть к изысканным казням? Признаюсь, что они весьма чувствительно и сильно действуют; но и то известно, что они преходящие токмо доставляют выгоды, и сие-то, думаю, доказывает их бесполезность. Какое зверство, какой ужасный вымысел в казнях при Калигуле, Нероне, Диоклитиане! Какое, напротив того, наблюдение в сохранении жизни граждан во время республики. Различие в сии времена во нравах относится всегда к похвале народного правления. Сие и доказывает, что не жестокость казни удерживает преступника или предваряет преступление, но мудрое законоположение и соединение общей корысти с частными корыстями, поелику то возможно. Свирепость наказаний показывает всегда народное повреждение и причиняет избежание казни, а надежда укрыться от оныя умаляет ее действие и воспрещает жертвовать злодейским, но настоящим веселием. Владычество привычки есть всеобщее над человеком, и яко веселие исчезает продолжением, тако поражение теряет свою силу частым повторением. Избраннейшая казнь теряет свое действие и становится, наконец, бесплодною; как же соразмерить наказание преступлению? В телесном и нравственном мире все имеет свои пределы, естество человеческое имеет также свой предел во зле и благе; то ясно, что, полагая изысканные казни, надлежит на чем-нибудь остановиться. Тут будет несоразмерность наказания с преступлением; будет сие не правосудно, а потому сумасбродно.

Понеже ясно, что смертная казнь никогда долговременного не производит впечатления и, поражая сильно и мгновенно души, бывает тем недействительною; понеже жестокость казни становится вредною, непременно ради следствия своея бесполезности, то я могу заключить, что смертное наказание не может быть ни полезно, ни нужно в государстве.

Положив сие начальное правило и устремляя внимательное око на сложение государств и на обряд уголовных дел, я покажу два опасных следствия смертная казни. Образ всякого правления влечет за собою неравенство имений. Монархическое тем и существует, аристократическое оного отвергнуть не может, в демократическом хотя бы надлежало быть равенству имений, но, судя с точностию, не может быть истинной демократии, и сие правление, приличествуя токмо весьма малым и бедным государствам, не может, и по мнению г. Руссо, сделать народа счастливым, по склонности своей к возмущениям. Опыты всех веков и настоящее государство состояние доказывают невозможность равенства имений. А неравенство оных производит с одной стороны нищету, а с другой роскошь; сего ради могу я сделать положение, что в двадцати миллионах жителей найдется, по самой крайней мере, двести, в крайнее убожество поверженных: едва возмогут они добыта дневную пищу, и жизнь непременно будет им в отягощение. Они восхотят оной лишиться; закон им доставит сие благодеяние, которого удостоятся они злодействами: и се уже двести преступников, укрепленных мгновением казни и надеждою нескольких годов услаждения.

Второе следствие, ужаснее первого, истекает из обряда уголовных дел. Люди определяют наиважнейшие действия своей жизни по нравственной ясности; следственно, и знаки, преступление утверждающие, на оной же должны основываться: но и, по мнению самого творца книги «О преступлениях и наказаниях», нравственная ясность не что иное есть, как наивеличайшая вероятность; а как нет вероятности, коея бы противоположность не была возможна, то заключаю, что со всеми осторожностями в осуждении преступления можно ошибиться и осудить невинного и что бывают случаи, коих истина едва чрез долгое течение времени отверзается. Ибо какой человек почтется преступителем не могущим? Невежество судии введет его в погрешность, сребролюбие повредит его правоту, отеческая нежность, любовь сыновняя, предстательство вельмож, долговременное дружество и многие малые, сим подобные, причины не возмогут ли его обольстить, и не преступит ли он власти своей на судилище?

Рассмотрим свидетельство. Хотя и говорят, что вера ко свидетелю возрастает по мере умаления его корысти, но можно ли назначить предел, где корысть исчезает; может ли кто проникнуть в тайные излучины сердца человеческого? Или нет уже более душ низких и подлых, всегда личиною прикрытых и тем наименованием честных людей приобретенных, прельщенных или обоязненных и того ради на ложное свидетельство готовых? Из сего заключаю, что приговор, на свидетельстве основанный, подвержен заблуждению. Признаюсь, что таковые случаи суть редки, но единая их возможность приведет в ужас сердце праведное и от вопля невинного в бедствии содрогатися обыкшее; а если бывают случаи, в коих можно предположить, что невинность разве чрез долгое течение времени открывается, и если опыты доказывают, что часто невинные сопреступниками вменялися и казнены смертью, то благоразумно и праведно иметь готовое всегда средство скончавати мучения невинных жертвы, а смертная казнь не есть средство таковое.

Сии причины, царствование императрицы Елисаветы Петровны и опыты всех времен, доказующие, како смертное наказание не послужило к удобрению человека, побуждают меня заключить, что установление сей казни совсем в государстве бесполезно, да и казнить смертью для примера надлежит только того, кого без опасности сохранить невозможно. Я тем более подвизаюсь на сие рассуждение, что известно, что люди располагают свои деяния по повторяемому действию зол, им известных, а не по действию зол, им неведомых.

Сим образом исправленный и высшим правосудием освобожденный чувствует преисполненна себя благодарностию; но живо чувствующий благодеяние старается явить признание о нем; всяк хочет быть почитаем и скорбит, зря себя в презрении. Итак, желание почтения и скорбь презрения произведут в преступнике стремление ознаменитися, да будет общественного почтения достоин, да воздаст, так сказать, за худые свои дела, и да погрузятся они в вечное забвение. Тако во Греции воины, избавившиися смерти бегством, храброму мужу всегда постыдным, но срамом и стыдом покрытые, бывали всегда в последующее время наизнаменитейшие; следственно, бывает предел довольно известный, где виновный почестся может обратившимся к должности своей, то не достойно ли о сем наистрожайше исследовать? Сердце мудрого законодателя не источит ли кровь, наказуя невинного. Ибо наказание исправившегося преступника есть заклятие невинных жертвы.

Я не намерен распространять силу сего заключения на убийцов. Жребий нарушителю договора и общественному злодею есть смерть гражданская. Ибо несть свято, несть ненарушимо паче жизни гражданина.

Я думаю, однако же, что по оному заключению могу судить о воровствах и о других меньших преступлениях, назначая токмо некоторые пределы, да не войду в скучные подробности. Если бедность, столь всегда близко преступления, ввела человека в заблуждение; если стремление страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой, вринуло его в преступление, то не побудит ли сие мыслить благосклонно о преступнике? Следовательно, кажется, не можно с основанием исключить исправление из намерений законодателя.

Мы видели, что предметы установления наказаний суть или средства воспретить преступнику впредь вредить обществу, или пример для других, да отвратятся от соделания подобных злодеяний, или, наконец, исправление. Дабы решить теперь, полезно ли и нужно ли в государстве учреждение смертных казни, рассмотрим каждый из сих предметов особо.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

1. Я уже показал, что исправление неотменно входит в расположение законодателя, понеже совершенное разрушение вещи истребляет понятие о исправлении; ибо отъемляй жизнь у преступника разрушает его бытие, его истребляет, то заключаю, что в сем случае смертная казнь предосудительна.

2. Предварить, чтобы преступник впредь не вредил обществу, для сего надлежит сделать его только немощным. Темница для сего избыточна. Следует, что в сем случае смертная казнь не нужна.

3. Наказание для примера отвратить от подобных преступлений согражданина виновного; для сего надлежит изыскать наказание, которое бы сильнее, действительнее и продолжительнее душу поражало. Обыкновенно думают, что законная смерть оставляет по себе впечатление наисильнейшее, или действительнейшее, или долговременнее пребывающее. О сем я сомневаюсь, и вот тому вина.

Смерти всегда предшествует болезнь, жизни сопутствуют всегда какие-нибудь веселия. К жизни мы, следовательно, прилепляемся ради страха болезней и вожделения веселий. Чем жизнь блаженнее, тем страшнее оную оставить. Оттуда ужас в смертный час в довольствии живущих. Напротив того, чем жизнь несчастнее, тем меньше жалеют лишиться оной. Оттуда нечувствительность нищего в ожидании последнего часа. А если любление бытия основано на страхе болезни и вожделении веселия, то следует, что желание быть счастливым сильнее в нас, нежели желание быть. Следует, что пренебрежение жизни есть заключение исчисления, доказующего нам самим, что лучше не быть, нежели быть несчастным. Сей довод не есть воображение умозрительства, но токмо обществование происшествий, на опытах людей мудрых и людей мало просвещенных основанное, что и доказывает оно общественность. Не с охотою ли Катон отъял у себя жизнь из любви к отечеству? Сцевола, влекомый корыстию общего блага, не подвергался ли не токмо смерти, но и острейшей муке? Не терпел ли Регул наихудших мучений, да исполнит свое обязательство? Я не могу сравнить с сими великими людьми сих злодеев, сих извергов природы, суеверием упоенных и обагривших руки свои в крови царей своих, и толико же безумных убийцов. Сие доказательство, довольно кажется заключительное, утверждает, что смертная казнь не с наибольшею действительностью поражает разум и что впечатления ее не наисильнейшие суть; по крайней мере, они не во всех равны бывают, а потому, не будучи наисильнейшие, да и всегда мгновенные, не могут, конечно, быть действительными.

Но положим, что оные впечатления суть наисильнейшие, как то они суть в самом деле во всех не имеющих великих страстей ни к добру, ни ко злу, коих число, конечно, в каждом государстве велико, то утверждаю, что тем самым они и вредны: ибо чем поражение сильнее, тем кратче оно бывает. Правда, что оно объемлет все наши душевные силы, но они подобны изящной музыке; ее действие мгновенно нас восхищает, мгновенно и исчезает. Тогда престаёт соображение, и человек в совершенное погружается забвение. Смертная казнь удивляет, но не исправляет; она укрепляет, но не трогает; но впечатление медленное и продолжительное оставляет человеку полную власть над собою. Он соображает, сравнивает; следовательно, сие впечатление по существу своему есть действительнее и тем полезнее. А если продолжительное впечатление глубокие в сердце человеческом оставляет черты, то должно следовать, что оно действует на человека сильнее. В таких обстоятельствах был Александр Великий в рассуждении Филота, единого из первейших своих полководцев, ближайшего своего друга и сына Парменионова, великим войском тогда предводительствовавшего; таков же был случай Генриха IV в рассуждении Бирона. Обличенные оба в оскорблении величества (то есть в наивеличайшем преступлении, ибо великость одного измеряется всегда вредом, государству от того происходящим), но оба могущественны, не можно было, по мнению моему, их сохранить без опасности. Сие может быть единое изъятие, а изъятие правила точность оно доказует. Присовокупим к сему: дабы наказание было справедливо, надлежит оному иметь токмо достаточную силу для отвращения людей от злодеяний. Но какой человек восхочет променять потерянное совершенное и невозвратное своей свободы на злодеяние, какия бы он ни ожидал от него выгоды. Из сего следует, что действие наказания вечныя неволи достаточно для отвращения от преступления наотважнейшую душу.

Я не войду в раздробление преимущества такого положения, ибо оно всякому благоразумному читателю представится очевидно, потому что нет злодея, кой бы к чему-либо не был пригоден, что самой природе совместно. Если соделаешь зло обществу, возмездится за оное злом, то есть принужденною работою, сверх же того ясно, что вечная неволя тем и предпочтительна, что действию ее, в глазах народа

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
всегда обретающиеся, суть поразительнее и долговременнее. Теперь рассмотрим: вечная неволя не жесточее ли самая смерти? Конечно, жесточее в глазах общества, но не для терпящегося. Общество судит по своей чувствительности о сердце, привычкою закоренелом, а несчастный утешается отсутствием болезней злее тех, кои он ощущает; раскаяние приходит к нему на помощь, и труды его облегчаются упражнением. А как чувствительность в человеке возрастает по мере крепости его рассудка, нежности телосложения или перемены его состояния, то я заключаю: чем человек будет просвещеннее, тем положение сие будет для него несноснее; чем более он мог жить в довольствии, тем более сие состояние его скорбеть будет. Тем более заслуживает он облегчения, ибо хотя злодей он, но человек. Сего требует правосудие, ибо наказание должно всегда быть соразмерно преступлению. А как весьма редко, чтобы одинаковые предметы одинаковые на разных людей имели действия, к тому же ясно, что человек с разумом или человек, сладострастное житие имевший, гораздо наказание живее восчувствует, нежели невежда или телосильный и крепкий, к нужде и нищете привыкший, – то заключаю: если таковые люди за одинаковые преступления одинаково накажутся, один наказан будет жесточее другого, и казнь вине не будет соразмерна.

О любви

Любовь есть чувство природою в нас впечатленное, которое один пол имеет к другому. Все одушевленные твари чувствуют приятность, горячность, силу и ярость оныя. Но различное сложение тела, следовательно, больше или меньше раздражительности в нервах, различное соитие обстоятельств, воображение воспламеняющих, – словом, различное соитие внешних предметов, на нас действующих, должно неотменно производить различное чувствование. Рассматривая любовь при ее источнике, увидим, что сие чувствование равно сродно ленивому ослу и разъяренному льву; португальцу, крепкими напитками и пряным зельем воспаленному, и лопарю, утомленному холодом и трудами. Сие чувствование, следовательно, есть необходимое, для того что оно в нашем природном сложении имеет свое начало. Любовь все употребляет средства к удовлетворению ее служащие, преобразует еленей в тигров, умножается от предстоящих препятствий, удовлетворению ее претящих, умаляется, превзошел препоны. Федер справедливо примечает, что любовь в естественном состоянии человека ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по восстановлении общества она должна была сделаться ужасною, как то она и есть. Самолюбие, со всем себя в сравнение ставящее и себе всегда преимущество дающее, должно неотменно озлоблять самолюбие другого. Оно рождено зависть, а зависть ненависть, и так умножались все наши страсти. Они столь много произвели божественных дел и столько зла сотворили, что их вообще ни хвалить, ни оуждать не надлежит. Нравоучители, противу страстей восстающие, рассуждают о человеках вообще по человеку, в их воображении сотворенному, или, углубясь в отдаленнейшую метафизику, доказывают весьма велегласными словами, что все, не сходствующее с совершеннейшею совершенностию (которую не объясняют) и с существенным порядком вещей, которого не знают, есть противудобродетель, порок и зло; итак, мы постараемся отступить от понятия отделенного и будем наблюдать действительные отношения. Назовем добродетелию то, что удовольствие и благосостояние всех (а как сие невозможно), по крайней мере многих людей соделывает, и рассмотрим, полезна ли любовь или вредна?

Человек есть хамелеон, принимающий на себя цвет предметов, его окружающих; живущий с мусульманами – мусульманин, с куклами – кукла общества, в коем мы обращаемся. Общежитие вселяет в нас род своих мыслей и побуждает нас то называть добрым, что оно добрым почитает. Мы усвоим помалу страсти, в обществе господствующие; наипаче мы склонны к восприятию того, что нас прельщает, а все, что нам веселие доставляет или обещает, прельщает нас столь действительно, что объемлет все наши душевные силы. Всяк довольно, хотя и не весьма ясно, понимает, что мы благосклонность других людей приобретаем сходствием наших мыслей и деянием с их мыслями и действием, а сие подтверждается опытами. Из того очевидно следует, что двое влюбленных единого составляют человека, единую имеют волю и одинаковые поступки, ибо привычка преобразует природу. Случай, имеющий в общежитии свое начало, восхотел, чтобы мужчины были, что женщины суть, на коих они свои взоры обращают, а не женщины то, что суть мужчины.

Итак, любовь, в обществе не на телесных токмо и чувственных основывающаяся чувствованиях, но тысячу чувствованиями производимая, любовь сия, зависящая от предрассуждений, от обыкновений и от состояния, не имеет в себе ничего непозволительного и ничего наказания достойного. Она становится добродетелию или пороком, располагался по воспитанию женщин, тот или другой вид приемлющему. У

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
греков, у коих мать слезы проливала, когда сын ее без лавр возвращался, где дева прославившемуся сердце свое дарила, и везде, где благоразумный законоположник женщин Определил вперять в сердца юношей ревность к добродетельным и отвращение от порочных поступков, заслуживают они уважение, почтение и любовь; но в нашем веке, где красота, которая ужаснее стихии, ее родившей, воспитывается в играх и забавах, где вся разума ее округа внешним ограничивается блеском, где свобода в убранстве, где прелесть поступи и несколько наизусть выученных модных слов заступают место мыслей и изгоняют природное чувство, где она принуждена ежечасно притворяться и сокрывать свои невиннейшие склонности, где она злословна для того, что неведуща, честолюбива для того, что не имеет должного к себе почтения, и коварна для того, что живет всегда в принуждении и беспрестанно бездельями упражняется; где она неограниченно обожателями своими управлять желает, – достойна ли она, чтобы быть ее жертвою, в угождение ей наполнять голову свою замысловатыми бездельцами, оставить любовь истины, дабы ей понравиться, посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна? В наблюдении бесчисленного множества вещей, кои по рассмотрении найдем бездельцами, но трудными бездельцами, может ли кто без внутреннего отвращения видеть старого, впрочем заслуженного и испытанного министра, которой от чрезмерной нежности невинного осудил на смерть, дабы пощадить злодея, отца своя обладательницы. Кто не возропщет на него! кто столь сильно объят любовью, что разум его никогда не в состоянии покойно наблюдать вещи, а сердце всегда в движении, и кто своими приобретенными знаниями мог бы свету быть полезен? Но кто может противиться сим голубым глазам, сему томящемуся и восхитительному взору, сему пронизательному и привлекающему гласу? Кто может облобызывать белую сию и нежную руку, на коей поцелуй впечатлеается, и не потерять своего сердца? Кто может видеть сию непринужденную походку, сию величественную осанку, воровские глазки и, что всего больше, слышать и видеть добродетельные предупреждения и не восхититься и не воспалиться? Тот, кто в младости к тому приуготовлен, кто старается познать истинное определение человека, кто украшает разум свой полезными и приятными знаниями, кто питается противными сим страстями, кто величайшее услаждение находит в том, чтобы быть отечеству полезным и быть известным свету.

Письмы, касающиеся до первой книги Гельвециева сочинения «О разуме»

Письмо 1

Милостивой мой государь. Я намерен с вами беседовать о вещи, весьма важной и многим трудностям подверженной; ласкаю себя, что вы мне на сие дадите дозволение, ведая довольно, что глубочайшие размышления не токмо вам не наскучат, но возбудят разве ваше любопытство. Вещь сия есть важная, ибо непосредственно касается до человека; трудная, ибо познание сердца человеческого и побуждений к действию и недействию весьма запутано. Сие превзойдет, может быть, мои силы: но самое сие побуждает меня прибегнуть к вашему просвещению, которое, по счастью моему, я узнал и почитаю. Я ищу наставления, следовательно, я сомневаюсь. Но как нерешительность для разума, истину возлюбляющего, есть несноснейшее состояние, то и прошу я вашей помощи. Но не отважно ли сие? И поистине сей мой поступок, от чрезмерного желания познаний происходящий, был бы непростителен, если бы я менее уверен был в милости вашей ко мне; если бы вы, во время пребывания вашего в Лейпциге, не удостоили меня дружеского обхождения и если бы вы мне не дали полезного для меня дозволения прибегать к вам во всем, что до меня касаться может. Я осмеливаюсь почитать себя воспитанником вашим, ибо все, нас наставляющие или дающие нам способы к наставлению, по справедливости истинными родителями почитаться могут. Но сие есть наималейшее из одолжений ваших. Вы извлекли душу мою из бездействия и уныния, в коих она погрязла, и, по несчастю, не без причины. Вы возвратили ей всю ее деятельность, отъемля причину, ее угнетавшую. Вы вселили в меня неутомимое рвение к исследованию всех полезных истин и отвращение непреоборимое ко всем системам, имеющим основание в необузданном воображении их творцов, и мерзение к путанице высокопарных и звонких слов, коими прежде сего я отягощал память мою. Но сколь велика долженствует быть, наконец, моя признательность за то, что от вас познал я удивления достойного сочинителя, коего книгу вы благоволили прочесть со мною? После того я три раза читал ее со всевозможным вниманием и для того только воздерживаюсь хвалить его, что я уверен совершенно, что хвалить такого мужа, как есть сей, должен только тот, кто сам заслужил уже похвалу.

Скажу только то, что, удивляясь его пронизательности, ясности и изящности его слова, нередко сожалею о его краткости. Из него-то почерпну содержание сих писем, которые заключать будут сокращение сочинения «О разуме» или, по крайней мере, оного первыя и третия книги. Но исполнение сего предприятия весьма

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
трудное, требует напряжения разума и довольного времени; да и тем паче, что не всегда я с автором одного мнения, по крайней мере, в помянутых двух книгах. Для объяснения моих сомнений в великие нужно войти подробности; и я за нужное почел прежде всего предложить вам со всевозможною краткостью стезю, которою он шествовал во утверждении своих основательных мнений и во извлечении следствий. Цель моя была двойка при сем маловажном труде. Первая, чтобы тот, кто читал сию книгу и о ней уже размышлял, мог бы себе посредством сей выписки мгновенно представить всю цепь мыслей сочинителя; вторая, чтобы начинающий, имея сию выписку пред собою, не был бы от главного предмета отвлекаем окольными и прекрасными побочными разглагольствованиями сочинителя и не проронил нить умствования его, запутавшись во множестве деяний, им приводимых, где по действию заключается о причине. Вы можете судить, достигнул ли я моего предмета; мне же должно ожидать вашего суждения с почтением пребывания чрез всю жизнь мою наичувствительнейшею благодарностию

есмы и проч.

Письмо 2

Сочинитель рассматривает разум, яко способность мыслить, которая посему и долженствует быть качеством какого-либо существа, духовного или вещественного, ибо другие роды нам неизвестны. Сия задача, не решенная до сего времени, не может иметь о себе доказательства; тем паче, что сочинитель, полагая все действию нашего разума в чувствовании, сие равно с тем и с другим предположением согласуется. Но сие-то и требует, мне кажется, доказательства. Почитая душу вещественную, рассмотрим, может ли она чувствовать. Я прежде всего замечу, что вещество и тело суть два слова равного значения; ибо сказать можно, что всякое вещество есть тело и всякое тело есть вещество. А понеже пространство, заключающее в себе понятие неразделимости, непроницательность, производящая, что два тела не могут в одно время занимать одного места, бездеятельность – качество тел, посредством которого они тщатся пребывать в настоящем положении, и следствии неперменное самой их непроницательности, суть три свойства тел необходимые; понеже тело заключает в себе понятие общее и поелику то, что прилагаем роду, прилагаем всем единственностям, к нему принадлежащим, то следует, что все единственности, поелику суть тела, заключают в себе вышесказанные три качества. Следует, если бы начало чувствующее было телесно, то было бы протяженно и делимо. Следует, что бы понимать можно было треть и четверть чувствования, что противоречит опытам.

В теле примечаем мы только движение, что не иное есть, как перемена места, быстротечность и направление. Но равное ли видим в нашей душе? И для того-то в каждом ударе чувств две вещи различать надлежит: телесную, или ударение в мозге; духовную, или понятие, в душе от того рождающееся. Кто захочет о сем сделать на самом себе примечание, познает оно неперменно. Когда разум напряженно рассматривает некоторые предметы и рассуждает о понятиях, оными производимых, то он не замечает нимало о ударе некоторых предметов на орудие слуха, хотя равное бывает их действие с теми, кои производят звук, и хотя орудие здраво. Причина же тому есть, что душа оному не внимает. Но сочинитель думает, что откровение таковой силы, какова, например, сила притяжения, не долженствует ли побуждать мыслить, что тела имеют еще некоторые свойства неизвестные, как-то: свойство чувствовать. В первом письме моем я намерен разыскать сие выражение.

есмы и проч.

Письмо 3

Все согласуются, что есть во всех телах небесных всеобщая тяжесть; что качество сие, очевидное в магните притяжением железа и стали и, по мнению утвердителей тяжести, свойственное всякому телу, осязательно становится только в весьма больших телах, в малых же совсем не ощутительно. Истинная же причина, оную производящая, нам неизвестна, и философы доселе в оном несогласны. Одни утверждают с вероятностью, что некое тонкое и невидимое вещество действует на тела, и их одного к другому устремляет, и они называются устремителями. Другие говорят, что есть в телах сила, скрытая и сокровенная, между ими притягательность производящая. Оные присносущность утверждают на всемогуществе божием и называются притягателями. Но если бы притягательность была действие всемогущества божия непосредственное, в существе тел не утвержденное, то можно бы сказать столь же справедливо, что бог тела движет непосредственно, что и было бы непрестанное чудо.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

Если мы вообразим два тела без движения и среди их совершенную пустоту, то нелепо будет утверждать, что они могут сблизиться или притянуть одно другое; ибо тела вследствие своей существенности тщатся пребывать в настоящем положении. Не можно приступить к противоположному мнению для того, что понимать не удобно причины, для чего тело недвижимое будет двигаться в ту, а не в другую сторону; еще же неудобопонятнее, что движущееся тело престаёт двигаться или пременяет направление или скорость. Итак, если достоверно, что всякое тело по существу своему сохраняет свое положение и что перемена в оном происходит токмо вследствие его непроницательности, то ясно, что тяжественность, то есть сила, тело к центру направляющая, хотя нам неизвестная, не есть свойство в телах присносущее. Да и по мнению тех, которые притяжательность почитают силою в веществе вкорененною, сила сия не в теле, над коим действует. Следует, поелику известны нам силы только двух родов, силы телесные, из непроницательности тел приистекающие, и силы духовные, существующие токмо в животных, то притяжательность долженствовала бы принадлежать к третьему роду сил, но ни к телесным, ни к духовным. Но дабы утверждать сие, то надлежит непрекословно доказать бытие сих сил и что сила притяжения не происходит из тонкого вещества, тело окружающего. Если бы единожды возможно было, чтобы два тела притягивать могли друг друга и расстояние между ними не было бы наполнено тончайшим веществом, то существенность притяжательности была бы неоспорима. Но как сие невозможно, то можно в том сомневаться или совсем отрицать.

Если же довольную имеем причину отменить силу притяжательную, то с лучшим основанием отрицать можем в вещественности свойство чувствовать. Но если верно, что вещественность чувствовать может, где найдем мы чувствующую соединенность и неразделимость? Присвоим ли оную каждой вещества частице или соборным телам? Или присвоим сию соединенность жидкостям и твердостям в сложных и в началах? Говорят: в природе нет опричь единственностей; но каковы они? Единственностью ли назовем камень или сложением единственностей? Чувствительное ли он вещество или содержит столько оных, сколько в нем песчинок? Если каждая начальная порошинка (атом) есть вещество чувственное, то как вообразить сие тесное сообщение, от которого один чувствует себя в другом, и столь совершенно, что оба суть один? Части чувствующие суть протяженны, но существо чувственное неразделимо, одно, всецело или же ничто. Сии непреоборимые трудности с предыдущими причинами совокупно утверждают меня во мнении, что, познав вещественность протяженною и делимою, надлежит удостовериться, что она чувствовать не может, ибо, утверждая противное, станешь присвоять одному существу свойства, одно другое исключаящие.

есмы и проч.

Письмо 4

Сочинитель полагает быть в человеке двум силам страдательным, которых он признает производящими наш разум причинами. Первая – свойство принимать ударения внешних предметов, и сия есть телесная чувствительность. Другая – свойство хранить сделанное на чувствах ударение – называется память. Память, по мнению сочинителя, есть не что иное, как единое от орудий телесной чувствительности и чувствование продолженное, но ослабшее. То, что в нас чувствует, говорит он, то непременно и воспоминает. Се доказательство его.

Когда я воспоминаю образ дуба, тогда внутренние мои органы находятся почти точно в таком же положении, в каком они были, когда дуб сей представлялся моему зрению. Таковое положение органов производит чувствование. Следовательно, воспоминать есть чувствовать. Сие заключение для меня не кажется убедительным, и здесь доказательство основано на том, что в задаче. Положим, что, вспоминая образ дуба, внутренние мои органы в равном положении находятся с тем, в каком они были, видя сей дуб; однако же сим вопросом не удовлетворится, для чего и как, и довод недостаточен; ибо ясно, что здесь не заключает сочинитель одинаковых действий на одинаковые причины, ибо действия суть разны. Когда дуб находился пред моими глазами, тогда внутренние мои органы, позабытые лучами, исходящими от дуба, образ его начертавали в глубине моего глаза на нервной сети, совокупляющейся с зрящим (оптическим) нервом, которой есть продолжение мозга, и чрез него зыбление доходило до мозга, где душа извлекала понятие. Но, удаленный внешнего предмета, что действует на мои органы? И если бы при воспоминании внутренние мои органы были в таком же положении, как при ударе предметов на чувства, то, не имея ничего пред глазами, я видел бы солнце. Следовательно, понятие напоминовенное совершенно разнится от понятия, возбуждаемого предстоящим предметом. Изъяснение памяти, что она есть

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
чувствование продолженное, но ослабшее, для меня не удовлетворительно. Ибо или чувствование продолжается безостановочно, или когда-либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало первое, то бы понятия нам были присутственны непрестанно, чего, однако же, нет; ибо тщетно иногда стараемся возобновить иные понятия, которые мы имели прежде; иногда же совсем их позабываем, но обыкновенно забываем их наполовину. Если бы ударение терялось совсем, как то случается, как бы вещественность могла вспоминать, что было на нее ударение в то время, когда оно на нее бывает вновь? Говоря, что память не что иное есть, как чувствование продолженное, но ослабшее, все присвоим чувствительности, но чувствительность производится движением нервов. Сие движение может умножиться и уменьшиться по мере ударения сильного или слабого всех частей предмета; следовало бы, что когда вспоминаю о солнце, то же было бы, что я вижу луну, коея свет 200000 раз слабее света солнечного. Но видеть луну теперь и вспоминать только о солнце суть две совсем разные вещи. А потому ясно, что понятия чувственные представляются нам посредством чувств; воспоминаемые же производим мы сами по образу понятий чувственных, поелику мы об оных воспоминаем. Понимаю я довольно ясно, что понятия, памятию произведенные, суть таковые же, как и настоящие, но сие относится к душе. Что же касается до тела, то всякое настоящее памятью сопряжено с некоторым движением в мозгу, чего не бывает с произведенным памятью.

Признаться надлежит, что истинной источник памяти от нас скрыт совершенно. Ведаем мы, что и тело в оном участвует; но и то верно, что возобновление понятий есть собственное действие души.

Письмо сие окончу я различием, сделанным в воспоминании. Оно двояко. 1) Сила сохранять на несколько времени понятие настоящее. Локк сие называет рассмотрением. 2) Сила возобновлять и оживлять в разуме понятия, которые, родясь в оном, исчезли и из оного совсем удалились. Сие собственно назвать можно памятью.

есмы и проч.

Письмо 5

Сочинитель, разыскивая прилежно действия разума человеческого, ограничивает их на способность замечать сходствия и различия, приличность и разнообразность предметов между собою. Слова всех языков, которые почестъ можно собранием всех мыслей человеческих, подтверждают сию истину для того, что они представляют нам одни токмо образы внешних предметов, отношений их одного к другому и отношение их к нам. Разум человеческий превыше познания сих отношений не возносится и черты сея не преступает. Но и суждение не что иное есть, как самое сие усмотрение или изъявление оногo: то и следует, что все действия разума суть токмо суждения. Но и судить есть не что иное, как усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность наших чувствований и понятий. Следственно, сила сия не что иное есть, как телесная чувствительность, то и судить есть чувствовать; следственно, все действия разума суть чувствовании.

Рассуждение сие нахожу я весьма заключительным. Все предложения в оном ясны и основаны на истине и опытах, одно исключая, то есть, что способность сравнивать понятия наши и чувствовании есть телесная чувствительность. Сие требует рассмотрения, и поелику оно есть главное его предложение, то позвольте мне оное раздробить.

Я за доказанное приемлю, что все действия нашего разума состоят в способности усматривать сходствия и несходствия, принадлежности и разнообразия в предметах. Теперь доказать должно, что для сея способности нужна только телесная чувствительность.

Нет ни малого в том сомнения относительно познания различий между предметами. Получив два чувствования или два понятия, не могу не чувствовать, что то, что чувствую в одном, в другом того не чувствую; или сказать яснее, что одно ударение иначе душу возбуждает, нежели другое. Чувствуя сие, чувствую их различие. Следует, что для усмотрения различия между предметами нужно токмо чувствовать. Но можно ли то же сказать о их сходствии? Определим, что значит сие слово. Что назовем сходствие одного предмета с другим? Сходствие существенное или случайное бывает, когда части, один предмет составляющие, равнородны или равнообразны другому; или когда части одного предмета суть во всем одинаковы с частями другого предмета. Если сие верно, то для познания сего нужна одна

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
чувствительность телесная. Ибо имея два чувствования, разуму присутственные, усматриваю непременно, как они ударяют на мои чувства, одинаким ли образом или разнообразно; следует, оное усмотреть есть чувствовать.

Принадлежностью называем, когда один предмет к другому пристоеен, приятен, полезен или нужен или когда таковым нам кажется (в дальнейшее изъяснение сих названий я не вхожу, дабы вместо объяснения их не затмить). Но опыты доказывают, что разные чувствования разнообразно на душу действуют. Иные рассматривает она с удовольствием, на другие взирает с отвращением; и посредством того же опыта мы можем определить принадлежность или разность между предметами. Я из того заключаю, что судить есть то же, что чувствовать.

Для изъяснения сего рассуждения я постараюсь отдалить все возражения, которые против него сделать можно.

1) Если душа есть существо страдательное, то или каждый предмет она чувствовать будет отдельно, или будет чувствовать целый предмет, хотя сложной. Но, не имея силы их сблизить, она сравнения между ними сделать не может, не может о них судить. Что значит весь сей вздор? Каждой предмет будет она чувствовать особенно, то есть, что одно чувствование не будет другое или что одно чувствование не существует в другом, равно как одно тело не может занимать одного места с другим в одно время. Весь предмет будет чувствуем, то есть оба чувствования присутственны будут разуму. Следует, что душа не будет иметь силы их сравнить и что не может судить о их смежности. Но из сказанного мною можно заключить совсем противное и сказать: следовательно, не будет ей нужды их сблизжать, следовательно, она будет судить об отношениях двух чувствований или иметь их присутственными разуму, то есть будет их чувствовать; но то и другое равно, как то доказано прежде. Но говоря, что душа не имеет силы сблизжать чувствования одного с другим, если разумеем, что душа не властна устремлять или отвращать своего внимания, продолжать или окончать своего размышления, тогда задача становится важнее и касается до следующей: свободны ли мы или нет? О сем я с вами в особом письме беседовать буду.

2) Понятия уравнильные: больший, меньший; понятия числительные: один, два; понятия отвлеченные: добродетель, красота – конечно, не суть чувствования, хотя разум производит их тогда, когда я чувствую. Дабы удостовериться о слабости сего рассуждения, войдем в некоторые подробности. Что может быть простее понятия, что отношение не что иное есть, как чувствование или выражение чувствования, произведенного во мне рассмотрением двух предметов. Я сооружаю понятие великого; но оно не само по себе, а уравнильное; следственно, кто имеет понятие великого, тот неминуемо имеет понятие малого. Следует, если имею понятие о большой палке и о малой вдруг, то такое нужно сравнение, дабы чувствовать, что большая палка больше маленькой. Но как получил я понятие о большом и малом? Получив два разные ударения и примечая или чувствуя, что один предмет имеет больше частей, нежели другой, я назвал один большим, а другой малым, хотя бы назвал их иначе, вещь в самом деле не переменялась бы. Но как составляем мы численные понятия? Замечая различия чувствований. Например, цветок ударяет на орудие моего обоняния, я чувствую сие ударение и сохраняю его посредством памяти. Другой цветок производит равное ударение; я и оное чувствую. Но, сохранив прежнее ударение, теперь чувствую не токмо ударение настоящее, но чувствую также, что чувствовал подобное. Чувствовать, что было во мне подобное чувствование, есть то же, что иметь понятие о двух чувствованиях; и так далее. Разум следует той же стезе при составлении общих понятий. Ибо очевидно, если ударение разных предметов на мои чувства одинаково, то невозможно мне не чувствовать, что чувствование мое при воззрении какого-либо предмета есть подобное тому, которое имел, видя другой предмет. Но изображение сего чувствования есть составление понятия общего или отвлеченного, которое существовать будет токмо в моей голове и которое, однако же, чувствовал я в самом деле.

3) Если бы в употреблении наших чувств мы были токмо страдательны, то не было бы между нами никакого сообщения, не можно было мне знать, что тело, которое я осязаю, и тело, которое вижу, есть то же. Или мы ничего вне себя чувствовать не будем, или будем чувствовать всегда пять существ отделенно, коих единственности нам приметить невозможно. Возражение сие весьма сильно, в том признаюсь. Но приняв, что в употреблении наших чувств мы действующие (хотя сие мне кажется нелепым, ибо не быть в употреблении чувств страдательным есть то же, чтобы быть властну не чувствовать того, что чувствую), легче ли можем понять сообщение

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
между чувств и как душа замечает единственность понятия. Представь себе слепого, узнавшего опытами, каким образом шар и угольник ударяют на его осязание. Слепой сей, получив зрение, не возможет, конечно, посредством одного различить шар от угольника; ибо, если чувства ударяемы, например, шаром известным образом, не следует из того, чтобы глаза его ударяемы были равномерно.

Следственно, опыты нас тому учат, следственно, рассуждение, следственно, и сие есть чувствовать. Хотя совершенного уверения о единственности вещи в нас нет, но для чего тому удивляться, если доводам идеалистов мы опричь брани ничего противопоставить не можем.

4) Наконец, последнее возражение есть сие: если бы суждение об отношениях было простое чувствование и происходило бы единственно от предмета, то суждения мои никогда не были бы ложны, ибо то не ложно, что когда чувствую, то чувствую. Но на сие буду ответствовать в следующем письме, следуя стезям сочинителя, которой доказывает, что все наши заблуждения от наших страстей и от неведения происходят. И если сие последнее возражение достаточно будет опровергнуто, то излишнее будет, да и нелепо утверждать, что сила суждений не есть свойство чувствовать.

есмы и проч.

Примечание. Сочинения Федора Васильевича суть токмо в переводе. Первое и последнее из оных писал он на французском языке, прочее же на немецком.

Дневник одной недели*

Суббота

Уехали они, уехали друзья души моей в одиннадцать часов поутру... Я вслед за отдаляющеюся каретою устремлял падающие против воли моей к земле взоры. Быстро вертящиеся колеса тащили меня своим вихрем вслед за собою, – для чего, для чего я с ними не поехал?

По обыкновению моему, пошел я к отправлению моей должности. В суете и заботе, не помышляя о себе самом, я пребыл в забвении, и отсутствие друзей моих мне было нечувствительно. Второй уже час, я возвращаюсь домой; сердце бьется от радости; облобызаю возлюбленных. Двери отворяются, – никто навстречу ко мне не выходит. О возлюбленные мои! вы меня оставили. – Везде пусто – усладительная тишина! вожденное уединение! у вас я некогда искал убежища; в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны! –

Не мог я быть один, побежал стремглав из дома и, скитаясь долго по городу без всякого намерения, наконец возвратился домой в поту и усталости. – Я поспешно лег в постель, и – о, блаженная бесчувственность! едва сон сомкнул мои очи, – друзья мои представились моим взорам, и, хотя спящ, я счастлив был во всю ночь: ибо беседовал с вами.

Воскресение

Утро прошло в обыкновенной суете.

Я еду со двора, еду в дом, где обыкновенно бываю с друзьями моими. Но – и тут я один. Грусть моя, преследуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное приветствие благопристойности, делала меня почти глухим и немым. С тягостию, несказанною себе самому и тем, с коими беседовал, препроводил я время обеда; спешу домой. – Домой? Ты паки один будешь, – пускай один, но сердце мое не пусто, и я живу не одною жизнью, живу в душе друзей моих, живу стократно.

Мысль сия меня ободрила, и я возвращался домой с веселым духом.

Но я один, – блаженство мое, воспоминание друзей моих было мгновенно, блаженство мое было мечта. Друзей моих нет со мною, где они? Почто отъехали? Конечно, жар дружбы их и любви столь мал был, что могли меня оставить! – Несчастной! что ты произрек? Страхись! Се глагол грома, се смерть благоденствия твоего, се смерть твоей надежды! – я убоялся сам себя – и пошел искать мгновенного хотя

Понедельник

День ото дня беспокойствие мое усугубляется. На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно. – Ужели человек толико раб своей чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно встревожится? О гордое насекомое! дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготы. Гордись своим рассудком, но прежде воспряни, чтобы острие тебя не язвило и сладость тебе не была приятна.

Но где искать мне утешения хотя мгновенного моей скорби? Где? Рассудок вещает: в тебе самом. Нет, нет, тут-то я и нахожу пагубу, тут скорбь, тут ад; пойдём. – Стопы мои становятся тише, шествие плавнее, – войдем в сад, общее гульбище, – беги, беги, несчастный, все скорбь твою на челе твоём узрят. – Пускай; –но какая в том польза? Они соболезновать с тобою не будут. Те, коих сердца сочувствуют твоему, от тебя отсутственны. – Пойдем мимо.–

Собрание карет – позорище, карают Беверлея, – войдем. Пролием слезы над несчастным. Может быть, моя скорбь умалится. – Зачем я здесь?.. Но представление привлекло мое внимание и прервало нить моих мыслей.

Беверлей в темнице – о! koliko тяжко быть обмануту теми, в которых полагаем всю надежду! – он пьет яд – что тебе до того? – Но он сам причина своему бедствию, – кто же поручится мне, что я сам себе злодей не буду?[26] Исчислил ли кто, сколько в мире западней? Измерил ли кто пропасти хитрости и пронырства?.. Он умирает... но он бы мог быть счастлив;–о! беги, беги. – По счастью моему, запутавшиеся лошади среди улицы принудили меня оставить тропину, по которой я шел, разбили мои мысли. – Возвратился домой; жаркой день, утомив меня до чрезвычайности, произвел во мне крепкой сон.

Вторник

Спал я очень долго, – здоровье мое почти расстроилось. Насилу мог встать с постели, – лег опять, – заснул, спал почти до половины дня, – пробудился, едва голову мог приподнять, – должность требует моего выезда, – невозможно, но от оногo зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан, – напрасно. Я в такой почти был бесчувственности, что если бы мне пришли возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся. – Пора обедать, – нечаянной приехал гость. – Присутствие его меня выводило почти из терпения. Он просидел у меня вплоть до вечера... и, подивитесь, скука разогнала несколько мою грусть, – сбылася со мною сей день пословица русская: выбивать клин клином.

Среда

Волнение в крови моей уменьшилось, – я целое утро просидел дома. Был весел, читал, – какая нечаянная перемена! что тому причиною? О возлюбленные мои! я читал живое изображение того, что ежечасно, ежесекундно происходит, когда вы со мною. – О мечта, о очарование! почто ты не продолжительно? – Зовут обедать – мне обедать? С кем? одному! – нет – оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки – оставь меня. Я хочу поститься. Я им принесу в жертву... почто ты лжешь сам себе? Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не требует, – пойдём, – едва в целый день мог я совершить столько пути, сколько в другое время совершаю в один час, – возвратимся, – я лежу в постеле, – бьет полночь. О успокоитель сокрушений человеческих! где ты? Почто я казнясь? Почто лишен тебя? – Едва заснул на рассвете.

Четверток

Благая мысль, – исполним ее, – зашел в лавочку, купил два апельсина и крендель, – пойдём: куда, несчастной? В Волкову деревню.–

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно, – я сел на надгробном камне, вынул свой запасной обед и ел с совершенным души спокойствием; приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть, – нечаянный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. – Се конец страданию, – готов... мне умирать? – Да не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине? Не ты ли сие мгновение хотел ознакомиться?.. мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни!.. Друзья мои! вы, может быть, уже возвратились, вы меня ждете; вы сетуете о моем отсутствии, – и мне желать смерти? Нет, обманчивое чувство, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив. – Спешу домой, – бегу, – но нет никого, никто меня не ждет. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь...

Пятница

Велел себя возить, – обедал безо вкуса. –

Ничто не помогает, – уныние, беспокойствие, скорбь, о, как близко отчаяние! но на что толико грустить? еще два дни, – и они, они будут со мною, – два дни, – о ты, что можешь разлуку с друзьями души моей исчислить временем, о ты, злодей, варвар, змий лютый! Прочь толикое хладнокровие, – во мне сердце чувствует, а ты рассуждаешь. –

Едва я уснул... О возлюбленные мои! Я вас вижу, – вы все со мною, сомневаться мне в том не должно, прижмите меня к своему сердцу, почувствуйте, как мое бьется, – но что! вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души. – Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга.. Пойдите.. мучители удалились, – пробудился. Вон беги, удаляйся, – се разверста пропасть, – они, они меня в нее ввергают, – оставили, – оставь их, будь мужествен. – Кого? друзей моих? Оставить? Несчастной! они в твоей душе.

Суббота

Утро прекрасное, – кажется, природа обновилась, – все твари веселее, – да веселье возрождается в душе моей. Возлюбленные мои возвратятся завтра, – завтра! год целой. Изготовим для них обед, – тут они сядут. Я сяду с ними, о веселие! о надежда! – но их еще здесь нет. Завтра будут они, завтра сердце мое не одно будет биться, – а если не возвратятся – вся кровь останавливается, – какое сомнение! Прочь, прочь, я счастлив быть хочу, я хочу быть блажен, о, нетерпение! о, колико солнце путь свой лениво совершает, – ускорим его шествие, осмеем его завистливость, уснем, – я лег в постелью до заката, заснул; и пробудился.

Воскресение

До восхождения солнца, – о вожденный день, о день блаженный! скончалось заранее мое терзание. Настал приятный час. Друзья мои! сегодня, сегодня я вас облобызаю.

Пообедал я немного, – ускорим свидание наше, – ускорим, – о, если им толико же скучно, как мне? О, если бы они могли иметь отзвон моего терзания в душах своих, колико приятно будет для них зреть меня несколько часов прежде, – поедем им навстречу, – чем скорее поеду, тем скорее их увижу; в сей льстящей надежде не видал я, как доехал до почтового стана. –

Девятый час, – они еще не едут, может быть, какое препятствие, – подождем. Никто не едет. – Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Все миновалось, ниспал обаятельный покров утех и веселий; оставлен. Кем? Друзьями моими, друзьями души моей! Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман? – что изрек? несчастной! А если какая непреоборимая причина положила на сей день препятствие свиданию вашему? какое хуление! страшись, чтобы не исполнилось! о горечь! о разлука! почто, почто я с ними расстался? Если они меня забыли, забыли друга своего, – о смерть! приди, вожденная, – как можно человеку быть одному, быть пустынно в природе!

Но они не едут, – оставим их, – пускай приезжают, когда хотят! приму сие равнодушно, за холодность их заплачу холодностию, за отсутствие отсутствием, – возвратимся в город;–несчастной, ты будешь один;–пускай один;–но кто за мною едет вослед? Они, – нет, их окаменелые сердца чувствительность потеряли; забыли они свое обещание сегодня возвратиться; забыли, что я им поеду во сретение; забыли меня. – Пускай забывают; я их забуду...

Понедельник

Их нет, и я один! кого нет? Друзей... друзей моих? Нет друзей на свете более, коли они друзьями моими быть не захотели; чего их ждать? – Уедем в другой город – пускай они меня ждут;– но сегодня поздно, – исполним завтра.

Вторник

Простите, вероломные, простите, бесчувственные, – простите... Куда едешь, несчастной? Где может быть блаженство, если в своем доме его не обретаешь? – Но я оставлен, – но я один, один – один!

Карета остановилась, – выходят, – о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..

Памятник дактилохореическому витязю*
или Драматикоповествовательные беседы юноши с пестуном его, описанные составом нестихословных речи отрывками из ироическая пиимы славного в ученом свете мужа NN поборником его знаменитого творения

Предисловие, предуведомление, предъизъяснение, пред... и все тому подобное
Для дополнения стихотворного отделения моей библиотеки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купил «Тилемахиду»; развернул ее некогда (для отдохновения от чтения торжественных песней), перебирал я в ней листы, – и нашел, к удивлению моему, нашел в ней несколько стихов посредственных, множество великое стихов нестерпимо дурных... нашел – подивитесь теперь и вы – нашел стихи хорошие, но мало, очень мало. В сию минуту вошел ко мне знакомый мой N... Он держал в руках «Жизнь моего отца» сочинения Коцебу. Мысль сверкнула в уме моем, и я предпринял, наподобие сказанной книги или несколько на нее похожее, начертать что-либо в честь впадшего в столь уничижительное презрение творца «Тилемахиды»; попросил я моего знакомого взять перо и писать то, что я ему сказывать буду, – а я, перебирая сначала листы сея тяжеловесная пиимы, следующие произнес слова:

1. Вступление, «Тилемахида» на что-нибудь годится, ни на что не годится. 2. Дядька, буря, мельничная плотина, виноград в бочонке, поля, хрустальная лавка. 3. Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурной и бурой, небесная планисфера, огненный змей, Никола Подкопай, наряды московские, алая телогрея, закусил язык, околица, фалелеюшка, мой батюшка, овин, пророк валаам. 4. Портрет Цымбалды, охота к женитьбе, сечь лозою, Дон-Кишот, страшная пещера, подземная держава, кузница, как дураков дразнят, грязь, группа, дрянь, Лукерья, Енкалад, провались вставши, конец. 5. Время, силлогизм in barbara, комментарии, с маху, ирой пчелы, странствование, надворный советник, глава и голова, петух, брысь, Зевес, узел, черти, Овидий, стал в пень и аминь. 6. Заключение, или Апология «Тилемахиды» и шестистопов.

Вместив все сии слова в VI номеров, или отделений, повествованием, из «Тилемахиды» извлеченным, дав всему некоторую связь и сделав несколько примечаний о шестистопных стихах российских, большим поэмам приличных, я составил следующую диссертацию, разыскание, разглагольствие, или... нечто, дрянь... или памятник. – Читатель! если ты раз хотя один улыбнешься, то цели моей я уже достиг.

1

Вступление

«Тилемахида» на что-нибудь годится, ни на что не годится.

Разговор Б. и П.

Б. Предубеждение твое против творца «Тилемахиды» чрез меру велико. Если ты рассудишь, что вымысел сей книги не его, что он отвечать не должен ни за ненужное и к ироической песни неприличное, ни за места слабые или растянутые... то о нем должно судить разве как о человеке, полюбившем страстно Фенелонова Телемака, захотевшем одеть его в русской кафтан, но, будучи худой закройщик, он не умел ему дать модного вида и для прикрасы обвесил его колокольчиками.

П. Но его нелепые стихи, переставление речи столь странное, столь глупое, столь смешное. – Невозможно подумать, чтоб книга сия на иное что годилася, как на завивальные бумажки или – на что пожелаешь.

Б. Согласен во всем том, что ты сказал, – да читал ли ты «Тилемахиду»?

П. Читал ли? Можно ли не ради смеха сделать такой вопрос? Или думаешь, что я хочу занемочь?

Б. Занемочь? Разве «Тилемахида» не может служить вместо сиденгамова жидкого лаудана?

П. Нет, конечно. Она ни на что не годна, ниже от бессонницы. Правда, многие российские творения (а паче стихи) могут служить вместо усыпительного зелья, но не «Тилемахида».

Б. Могу и в том согласен быть с тобою. Но ты не читал ее и для того воздержись от решительного приговора и сентенции ее не подписывай, ибо (так говорит какой-то славной писатель), что нет столь худого сочинения, в котором бы не нашлось чего-либо хорошего.

П. Что может быть в «Тилемахиде» хорошее? И тому я не верю, чтобы ты в самом деле противное моему имел о ней мнение.

Б. Я истинно думаю, что она не вовсе бесполезна, – а если можно убедить, что она годится на что-нибудь такое, что доставить может удовольствие, если творец «Тилемахиды» заставит тебя улыбнуться, то венец ему уже готов.

П. Верить не могу, чтобы возможность была заставить с «Тилемахидою» улыбаться. Зевать заставишь, зевать до ушей.

Б. Зевать нас многие заставляют; но иная зевота бывает впору, кстати, иногда похожа быть может на улыбку, – но прочти следующее, потом станем опять говорить о «Тилемахиде».

2

Дядька, язык французский и чухонский, бирюльки, дичь, сказка, буря, роскошная жизнь, мельничная плотина, столпы и кумиры, виноград в бочонке, поля, хрустальная лавка, то есть лавка, где продают хрустальную посуду, зеленая постеля.

Летописи повествуют, что у Митрофана Простякова был меньший брат, не по росту, не по уму, но по рождению меньший, именем Фалелей; что матушка его, видя неудачу в воспитании большого своего сына, вместо няни Еремевны приставила к меньшему дядьку, которого назовем мы именем славнейшего из всех дядек – Цымбалдою; и что госпожа Простякова выгнала предварительно из дома своего всех учителей: Кутейкина для того, что он не знал гражданских письмен и что Цымбалда сам мог фал елея учить грамоте; Цыфиркина для того, что нужды нет нималой тому в арифметике, кто умеет считать на счетах; Вральмана (выгнали даже Вральмана!) для того, что сыну ее был случай учиться с меньшим иждивением всем наукам и языкам иностранным, хотя не по-французски, но все равно, языку древнего финского народа у пастора лютеранской церкви, где крестьяне Простякова были прихожаны.

Зане ведать надлежит, что Простяковы, избавлялся опеки (под которую отданы были за лютость поступков своих с подчиненными их людьми властью правительства, о чем с «Недорослем» справиться можно), истребовали дозволения продать деревни и на вырученные за то деньги купили в Копорье мызу Наренгоф, где крестьян было

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
половина русских, половина финнов, или чухонцев. И так, известные лютым своим обхождением с крепостными своими в одном углу Российского пространного государства, жили как добрые люди в другом углу, и, сравнивая обряды новые, которым они учились у своих соседей, с обрядами тех мест, где они жили, они находили (по мнению своему), что они оглашены в жестокостях несправедливо.

Фалелей был избалован, но не столько, как его большой брат. В куклы уже играть перестал, боялся лозы и своей матушки, которой родительская любовь не отымала еще охоту в нем к учению, не сделала его еще болваном совершенным, или, сказать точнее, не поставила его еще на стезе быть дураком или повесою. Цымбалда был дворовой человек г. Простякова, доставшийся ему по наследству. Он когда-то учился грамоте, не пил ни вина, ни водки... но лучшее в нем качество было его простодушие. Пренный его барин был также грамотей, имел несколько книг, которые читывал только в праздное время, занят будучи всегдашнею карточною игрою, но, незадолго перед своею смертию, все книги он проиграл, почитая за ненужное их взять с собою, опричь двух томов «Тилемахиды», которую ни в какой цене разыгрывать не хотели, боясь, что принесет – к тому, кому она достанется, – в дом скуку несносную: столь велико было предубеждение к сему великому Творению. И так, «Тилемахида» досталась Цымбалде. Он в доме Простяковых был доселе без должности (зане присмотр за певчими птицами и очищение их клеток важным именем должности нарицать нельзя, хотя и то правда, что рачение о чижах и щеглятах доставило ему звание Фалелеева дядьки); без должности Цымбалда, и в скуке почти, читал и перечитывал «Тилемахиду», выучил ее столь твердо наизусть, что если бы цензура строгость свою на нее простерла и чтение ее запретила, то он бы, как Кремуций Корд во время Тиверия-Кесаря, сказать мог: «Запрети и меня».

Цымбалда читать мог то только хорошо и твердо, что читывал много раз, что, затвердивши, мог читать без книги; писать не иначе мог он как по линейкам, не иначе как имея всегда пропись пред глазами. Будучи пожалован в дядьки и профессору к Фалелею, обязан будучи учить его чему-нибудь и не зная ничего, опричь «Тилемахиды», он вознамерился преподавать наставления своему воспитаннику так, как то дельвали некоторые древние философы в Афинах, то есть преподавать учение в разговорах во время прогулки. Встретившись, таким образом, мыслию с Руссо и Базедовом, относительно изящности чувственного учения, он с новоманерным своим Эмилем ходил в ясные дни мая и июня гулять вдаль от дома, или когда ненастливая погода не позволяла им делать эмилеподобные представления по лесам, лугам и нивам, то комната их превращалась в «Филантропину», где недоставало только Вольке и Базедова с их начальною или стихийною книгою и нужных для нее картин, а то бы мыза Наренгоф столь же прославилась в Европе, как и заведенное в Германии училище семи славными педагогами.

Некогда в один осенний день дождливый Фалелей с дядькою не выходил из комнаты своей никуда, и, наскучив играть долго в бирюльки (как употреблять должно бирюльки при чувственном воспитании, о том Цымбалда обещал издать в свет описание), Фалелей и Цымбалда легли спать ранее обыкновенного.

Полежав гораздо долго, повертевшись с боку на бок, Фалелей сказал:

– Дядька, а дядька!

Цымбалда

Что ты, батюшка, почивать не изволишь? Завтра, кажется, день будет сухой, и дождь перестал; мы утром встанем пораньше и пойдем в рошу.

Фалелей

Не спится, дядька, как ты хочешь. Дичь такая в голову лезет – скажи, пожалуй, мне сказку. Няня Еремевна брата Митрофана всегда усыпляла сказками: какое-то финисно ясно перышко, фомка, Тимона, Бова... Дядька! ты ведь читать умеешь. Пожалуй, расскажи, я засну скорее.

(В бумагах сочинителя не нашлось начала повести дядькиной. [27])

Фалелей

Нет, дядька, в Москве вертепы носят деревянные. Помнишь, мы видели о святках?

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Куды как хорошо!..

Цымбалда

«Стены одеты младым виноградом, распускающим всюду гибкие свои отрасли...»

Фалелей (вскочив, сел на постели)

Дядька! попроси завтра у матушки винограда, я видел – привезли ей из Москвы целый бочонок; но мне она ныне не дает ничего, говоря: избалуешься так же, как Митрофан.

Цымбалда (продолжав)

«Животворны Зефиры блюли от солнечна зноя нежну прохладу. Тихо журча, текли ручьи по полям цветоносным и представляли струи вод чистых, как кристалы».

Фалелей

Помнишь ли, дядька, как мы были в хрустальной лавке, но воды хрустальной я там не видел.

Цымбалда (с нетерпением)

Спи, Фалелей. (Говорит поспешно.) «Множество разных цветов распещряло зелены постели...»

Фалелей

Знаю, дядька, знаю: у матушки есть приданая штофная зеленая постель.

Цымбалда

Спи, или я перестану. (Говорит очень скоро.) «В рощу лучи солнца не могли проникнуть. Слышно было в ней пение птичек и шум быстра потока, который устремлял свой бег с верхов многопенисто и, по лугам пресмыкался, вдаль убежал».

Цымбалда, приметив, что Фалелей заснул, прервал речь свою. Правду сказать, он не знал, как взяться за рассказы, и для того связи в речах его мало было. Доволен тем, что усыпил Фалелея, он лег. Маковые пары, исторгшиеся из «Тилемахиды», скоро обременили его вежди, и он захрапел столь же звонко, как храпит стих Тредьяковского или... чей еще, то скажем в другое время.

З

Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурной и бурой, небесная планисфера, огненной змей, наряды московские, алая телогрея, закусил язык, околица, Фалелеюшка, мой батюшка, овин, пророк Валаам.

Наутрие... Цымбалда, пробудившись, был смутен. Он видел сон, и сон его беспокоил. Лучшие в историях и сказках ирои смущались сновидениями, – жаль, что нет предомню теперь всеобщей какой истории. Лежат на столе моем Расин, Шекеспир и пресловутая «Россияда». Из них возьмем примеры. У Расина, встревоженная виденным ею во сне образом юного Иоаза Афаля, смущенная чрез целый день, не может подкрепить духа своего доводами не верующего в чудо деяния разума. «Ужель, – вещает она, – мне верить сновидению?» Но дух в ней трепещет. У Шекеспира злобной Ричард, убояся сонных мечты, воспрянул от ложа своего. «Коня, коня!» – вещает. Ему зрится Ричмонд, и он предузнает свою кончину, В «Россиаде»... Теперь довольно, а о сновидениях «Россияды» в другое время.

Цымбалда, смущенный духом от сновидения...

Вопрос: Да что же он видел?

Ответ: Подожди немного: Фалелей еще спит – но вижу, что начинает шевелиться и потягиваться; надежда есть, что скоро проснуться изволит. Итак, подожди, ибо Цымбалда не для нас отверзает велеречивые свои уста, не для нас, но для Фалелея,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
дитяти в семнадцать лет. Ведомо всем да будет только то, что Цымбалда верил снам, почитал тех людей, которые сны толковать умели, и сам выучился немного определять их смысл и значение по печатному соннику. Дарование не малое! которое не иначе приобрести можно, как за двадцать алтын с гривною или же за целый рубль от Гл...ва или Со...ва, у коих в телячьих, златом и разными шарами испещренных ризах хранятся творения Ч..., «Лирическое (в целой том) послание» Н..., «Земледелие» Р..., «Поваренной словарь», «Стихотворения» К... (между которыми прекрасного перевода его «А – ы» печатать, видно, не дозволено), «Тилемахида», «Иерихон» К...ча и пр. и пр.

Фалелей (сперва потянулся, потом отвержая глаза)

Дядька! ты меня так напугал вчера бурей или тучей, что мне она и приснилась.

Цымбалда

Сон? Сон? сударь! – С нами крестная сила! и тебе, батюшка, грезилось?..

Фалелей

Дядька! что ты глаза так выпялил? Я видел точно такую бурю во сне, как ты мне рассказывал.

Цымбалда

Не томи меня, дитятко, расскажи поскорее...

Мы уже читателей наших предварили, что Фалелей не столь был болвановат, как брат его Митрофан; рассуждения его, конечно, не были остроумны, но он имел память. Сколько людей, известных нам, которые, выучив только наизусть «Помилуй мя, боже» или... что другое, не последними почитаются в свете. Итак, Фалелей, забрав в память несколько Тилемахида-дядькиных выражений, начал сон свой рассказывать, как то следует ниже сего:

«Я сидел на хорошем корабле или судне...» – Дядька! что такое корабль или судно? Нет ли чего на них похожего у батюшки в амбаре?

Цымбалда

Корабль есть... корабль; он похож... сам на себя. А судно... продолжай, Фалелеюшка, когда будешь в Петербурге, то увидишь и корабли и суда. У нас и в песне про суда поют: «По той ли по матушке Камышенке-реке плывут, выплывают два суденышка».

Фалелей

[28] «Ветр надувал парусы наши...» – Дядька! а что ж такое парусы? Я знаю, у матушки девки носят парусинные юбки, у Тараса-кучера есть парусинный балахон; как он сядет на козлы, то ветер его развеивает... Вчера я видел, как ветер надувал юбку у Лукерьи. – Дядька! которой ей год? – Она такая хорошенькая! всегда со мной играет.

Цымбалда (про себя)

Как не верить снам!.. (Громко.) что нам до Лукерьи. Рассказывай, что тебе во сне виделось.

Фалелей

«Гора уже нам хохолком малым являлась». – Дядька! какие на горах хохлы бывают? я не видывал. У Митрофановых голубей есть хохлы, у Еремевниных куриц есть также хохлы; в Москве на головах у каретных лошадей хохлы ставят...

Цымбалда

Не хохолком изволь говорить, но холмиком... хер, он, – хо; люди, мыслете, иже, –

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
лми, холми; како, он, – ко, холмико; мыслете, ер – мь, холмиком; а холмик –
маленькая горка.

Фалелей

«Всякая мышь...» Дядька! сыщи, пожалуй, кошку, мыши у меня съели кусок миндального пирога, что матушка мне пожаловала.

Цымбалда

Не мышь, сударь, а мыс.

Фалелей

Дядька! я не знаю, что такое мыс, ну так: «Всякой мыс и все берега от очей исчезали» (Фалелей, перервав речь свою, поет тихонько.) «Очи ясны, уста красны, личико беленько». (Помолчав немного.) Се... се ж. Дядька! что такое «се»?

Цымбалда (важно)

Слово, есть – «се».

Фалелей

Знаю, дядька, се же. «Се вдруг бурой свистун омрачил синее небо». Как это, дядька, быть может бурой свистун? Семка-повар – свистун великой; а бурой – жеребец, что батюшка купил на ярмонке для завода.

Цымбалда

Не бурой, а бурной...

Фалелей (перерывая речь его поспешно)

Дядька! бывал ли кто на небе?.. Как туда ездят?

Цымбалда

Как туда ездят, не знаю (извините, если Цымбалда не припомнил о воздушных путешествиях, позабыл Икара, Монгольфьеров, Бланшарда и прочих или их не знал), но посмотри в календарь, там говорят о небе, как будто туда ездили.

Фалелей

И подлинно чудеса! Ты мне, дядька, рассказывал про ту картину, которая осталась в московском нашем доме после жильца.

Цымбалда

Помню, подписана «небесная планисфера», а что такое, не знаю. На ней были всякие звери, медведи, змеи...

Фалелей

Матушка иногда рассказывает, как змеи огненные летают по небу.

Цымбалда

А сон мы забыли?

Фалелей

Изволь: «Возмутилась морская вода; день переменился в ночь – смерть предстала...» Видал я, дядька, смерть, сперва написанную, а после видел настоящую смерть у того же московского жильца, который оставил картину. Ах, дядька, как она страшна! Одне ребра, ноги как спицы, руки висят, как плети, голова плешивая, глаза две дыры, нос также, рот страшнее всего, до самых ушей; зубы все наружи; батюшка и матушка так испугались, что матушку вынесли без памяти, а батюшка

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru ушел, боялся, чтобы не съела. То-то страху было! Ну, за то жильца матушка сослала со двора на другой же день; теперь еще мороз по коже подирает. (Задумался.) Дядька! смерть отбила у меня память, и я сон забыл.

Цымбалда

Изволь вставать с постельки, пора покушать...

Сон не выходил из головы у дядьки. Ему приснилась Лукерья, которая отняла у него Фалелея и с ним исчезла. Цымбалда боялся, не берет ли его воспитанника охота жениться, как то бывало с Митрофаном, и для того он испытать захотел его. В таком намерении, позавтракав немного, повел его гулять вокруг деревни.

Фалелей (идучи)

Дядька! что ж ты молчишь? Расскажи что-нибудь.

Цымбалда (не спуская с него взоров)

[29] «Мы приплыли на остров Кипр, посвященный богине Афродите».

Фалелей

Дядька! как мы домой придем, сыщи мне в святцах, в которой день ей празднуют.

Цымбалда (не прерывая речи)

«Сшед на остров, почувствовали воздух тихий, вдыхающ нрав веселой и игривой. Поля были плодоносны, прекрасны, но везде впусте, столь все жители были трудам неприятели. Жены и девы, нарядно одетые, шли в ликах, Афродите хвалы воспевая. Шли в ее храм, посвящать ей свои сердца. На лице их красота, приятность, миловидность, но притворны они были; их старание, их мысли всегдашние были токмо о нарядах; заплетенные их космы по хребту распущенны; власы завитые возвышались рядами, переменные рясны в одеждах пестротой блестели цветов».

Фалелей

Ты что-то хорошо рассказываешь; а кто ж такие нарядные барыни?

Цымбалда

Нарядные все живут в Москве, а в деревне на крестьянках сарафаны, на дворовых телогреи.

Цымбалда заметил, что Фалелей против своего обыкновения речи его мало перерывал вопросами, глаза его сверкали, дыхание было скорое. Цымбалда хотя был не любомудр, но практическая философия свойственна может быть самому простому человеку; он видел в питомце своем необыкновенную перемену, ясно видел, что хотения начинали тревожить если не его душу, то по крайней мере чувства. Подумав немного, он стал продолжать свое повествование:

[30] «На Евхарите одежда Артемиды-богини...»

Фалелей

Не Артемида, дядька, а Артемий.

Цымбалда (не возражая ничего)

«Одежды придавали ей приятности новы...»

Фалелей (прерывая)

Ах, дядька, в праздничный день нарядится в алую телогрею и на голову повяжет

Цымбалда закусил язык и умолк; Фалелей сколько ни просил его, чтобы он ему рассказал еще что-нибудь, но все бесплодно. Дядька сурово на него изредка поглядывал и молчал.

Между тем дошли они до ворот околицы. День был воскресный; деревенские девки в праздничных нарядах, стоя кучкою, пели песни.

Фалелей

Остановимся послушать песни, я знаю, что ты охотник до них, – иногда, слышал, поешь: «Горе мне, грешнику сущу».

Но дядька, не ответствуя ни слова, шел мимо. Ему предстоял другой удар, паче прежнего. Фалелей воззрился, как гончий вылец, что в толпе девичьей была его любимая Лукерья, пустился к ней на всех парусах; обнял ее, хотел целовать; но девка, вырвавшись, побежала, прыгнула через забор; Фалелей за ней в угонку; дядька кричал ему вслед: «Фалелеюшка, мой батюшка! (Старые его ноги бегать уже разучились.) Куда изволишь? Постой!..» Но Фалелей летит на крыльях ветра; он и девка скрылись от его взоров; чрез малое время видит он их на задворье, на огороде, бегут стремительно, только слышно ему было, что Лукерья смеялась громко, видно, что часто оглядывалась на Фалелея. Уже он ее угоняет; дядька в восторге негодования воздымает руки свои горе...; как некогда лжепророк Валаам, видя спасшийся народ иудейский, воздел руки на небо, да проречет на него проклятие и он да гибнет, тако дядька стоял с простертыми вверх руками, и прещение или проклятие готово излететь из уст его. Он видит Фалелея, настигающая бегущую девку, – и се, он уж ее почти настиг; бегут по гумну и в вертеп, или в пещеру, тут в виде овина стоящую, скрылись. Тут дядька, новый Валаам, не в силах изрещи прещения, возопил гласом велиим: «Помогай бог!»

4

Портрет Цымбалды, охота к женитьбе, кузница, или вход в подземное царство, как дураков дразнят, смерть с косою, грязь, группа, или мала куча, провалитесь вставши, конец.

Цымбалда наш был древен[31], имел главу, власов обнаженну, чело с морщинами; долгая даже за перси брада седая висела; стан его высок, величествен, цвет в лице свеж и румян, проницательны очи; голос тих, слова просты, приятны; благоразумием зрел, будущее прозревал глубиною мудрости своею, знал людей и к чему они преклонны, снисходителен, весел; юность сама толико не имеет приятности, как он в старых летах любил молодых людей,

Скоро возлюбил Фалелея, звал его чадом, а сей ему почасту говаривал: «Отче мой дражайший! Бог даровал мне тебя».

[32] Он открылся ему, не медля нимало, о склонности сердца. «Будешь бранить меня, – говорил Фалелей, – что склонностям я подвергаюсь. Но непрестанно бы сердце меня укоряло, если б я от тебя утаил, что люблю Лукерью и не льщуся, что мысли наши сретались и сердце весть подало сердцу. Нет, страсть сия не слепая, имени ее не могу произнести, чтоб сердцем и духом глубоко не возмутиться. Время и отсутствие не загладят ее в памяти, ибо не пристрастна любовь моя. О, коль счастлив бы я был, провождая всю жизнь с нею! Ежели мне родители избрать жену попустят, то она супруга моя будет. Нравится мне в ней молчание, скромность, уединение и к трудам прилежность, радение о доме родителя, после как мать ее скончалась, презрение к суетным вссн уборам и незнание красоты своей; счастлив тот человек, кто сопряжется с ней. Буду любить ее, доколе жив буду. Если другому она достанется, то пребуду всегда в горькой печали. Я не хочу говорить о моей любви ни ей самой, ни родителям моим, но тебе единому». Цымбалда дивился, откуда взялось красноречие Фалелеево, не хотел его огорчить, видя, что страсть его была столь уже сильна; но думал, что лучше сделает, если, не противореча ему, а паче потакая, он, делав ему препятствия другого рода и отдаляя о том объявлять отцу его и матери, он успеет, может быть, и отвратить намерение его жениться на Лушке. И для того, вместо угроз или упреков, он начал хвалить Лукерью,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
превозносит ее до небес, желая видеть, какое действие чрезмерная похвала произведет над Фалелеем. Итак, Цымбалда ему ответил: «О Фалелей! я не прекословлю: смиренномудра Гликерия твоя; руки ее трудов, конечно, не презирают; умеет молчать; всякий час в упражнении; в родительском доме добрый порядок, и тем более красится, нежели красотой. В деревне всеми любима, ибо в ней нет никакого пристрастия, ни упрямства, ни легкомыслия, ни своенравия; взором одним дает себя разуть. Правда твоя, Фалелей, Лукерья есть сокровище и достойна женихов достойнейших. Не величается украшением; мысли ее быстры, но воздержны: не говорит она кроме того, что нужно и должно, а когда отверзает уста к вещанию, то из них лиется непритворная и сладкая приятность. Так Лукерья без власти и даже не красотой, но будет владеть сердцем супруга. Я повторяю, Фалелей, любовь твоя к ней праведна; но должно ждать, да родители твои на то согласятся».

Доколе Цымбалда продолжал речь свою, радость живо изображалась на лице Фалелея, и он неоднократно, вспрыгнув на шею к дядьке своему, его целовал от всего своего сердца, но слыша, что, после всего одобрения, дядька сказал, что на то надлежит иметь согласие г. Простякова и его супруги, то он гораздо пригорюнился, бояся, когда о сем скажут любезной его матушке, что она, конечно, изволит его высечь лозой, как дитя, и, может быть, очень больно, а Лушку куда-нибудь ушлет или отдаст замуж в дальнее место, от таких мыслей Фалелей повесил голову и шел задумавшись. На пути своем нашли они кузницу, где слышен был стук молотов и искры пламенные возлетали из горна высоко на воздух. Цымбалда, начитавшись много тех книг, которые ему достались после барина, хотя не таков был, как Дон-Кихот, начитавшись рыцарских романов, и не совершалось то в очью его, что находилось только в его воображении, и при всяком случае, где он малейшее находил сходство того, что было пред его глазами, с тем, чего читался, он читал то сходное место из книги, имея на старости память довольно острую. Итак, увидев кузницу еще издали, он возгласил:

[33] «Самая страшная тут находилась пещера[34]. Из пещеры исходил дым черный и густой и делал ночь посреди дня[35]. Серная мгла дышала непрестанно чрез отверстие то, весь воздух вокруг заражало. Окрест не росло ни былинки, ни травочки...»

Фалелей (в грусти идет и с досадой вдруг прерывает речь дядьки)

Врешь ты, Цымбалда, видишь – около кузницы трава.

Цымбалда (рад тому, что Фалелей стал заниматься его рассказами, продолжал)

[36] «Прибыв ко входу пещеры, услышал подземную державу, грозно рычащую. Вся земля тряслась под его стопами».

Фалелей

Дядька! я не слышу, кто рычит, нет тут ни телят, ни коров; я не чувствую, чтоб земля дрожала, но я только дрожу: становится холодно, зайдём в кузницу и погреемся.

Цымбалда

«Дым густой, бывший при входе в пещеру, когда приблизились, исчез, и дух ядовитый престал, вошел один...»

Между тем как Цымбалда сие говорил, Фалелей подошел ко дверям кузницы, когда дядька говорил: «вошел один». Он впрыгнул в кузницу и (половина шуткою, половина, будучи достойное, хоть не совсем, дитя своей матушки, ради мщения за последние слова дядькины) дверь затворил и запер крюком, говоря: «Дядька, ты сказал: „вошел один“, – я один и вошел, а ты там стой и мерзни (полегоньку), мерзни, старой черт!»

Цымбалда (приложив рот к щелке на дверях, продолжает, и голос его, проходя сквозь щелку звончее, был свистоват и завывал)

[37] «Сидел на престоле из черного дерева, бледен и суров, сверкающи очи и

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
впадшие; чело браздисто и грозно».

Фалелей оглянулся назад и видит кузнеца, сидевшего на наковальне, между тем как железо калилось в горну. Слышит дядькины слова, и душа в нем дрогнула.

Цымбалда, желая немного проучить своего питомца, зная его трусливой нрав, говорил в щелку вполкрика хриплым голосом:

[38] «Внизу на престоле стояла смерть бледная (прибавляя голоса до конца речи, как то в музыке крещендо), чудовище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо, в руках имело преострую косу...»

Фалелей уже дрожал, слыша дядькины речи, от дверей не отходил и давно уже покушался отворить дверь, но, затворив ее с размаха, то не легко было, а в ту минуту, как Цымбалда говорил: «в руках имело косу», – кузнец вынул каленый железный прут, разогревшийся в горну, махнул им поспешно и, положи на наковальню (в то самое время, как Фалелей оглянулся), ударил молотком по железу; каленые искры посыпались и полетели, и одна попала Фалелею на лицо. Он, завизжав от боли и ужаса, размахнул двери, разбил дядьке нос до крови, сам упал чрез порог в бывшую тут грязную лужу почти без чувства. Кузнец, видя барского сына в грязи, дядьку, стоящего в оцепенелости окровавленным, бросил железо в воду и сунулся на помощь к барину. Фалелей, слыша близь ушей клокот и шипенье горячего в воде железа и стремящегося к нему, наклонившись, кузнеца, которого он считал в сию минуту по крайней мере сатаню, а с другой стороны дядьку, наклонившегося с окровавленную рожею, также чтобы поднять его из грязи, кричал кузнецу: «Помилуй, не буду больше, помилуй, не буду!» – вертелся в грязи и барахтался, не даваясь кузнецу или черту в руки. Но, помня свою досаду за прежние речи, протянутую выю дядьки обнял руками крепко и, приблизясь к его лицу, будто приподымается, укусил его столь больно за нос, приговаривая: «Вот тебе, старой черт, за давешнее», что бедный старик упал без памяти, окровавлен еще больше, упал и сшиб с ног наклонившегося кузнеца, и все трое лежали крест-накрест: Фалелей внизу, кузнец на нем, а Цымбалда наверху. Прекраснейшая группа, которой ниже тени никогда ни Новерр, ни Анджелини не могли произвести в прекрасных своих балетах, и столпообразный Лаокоон, гордясь своею лепотою в чертогах Ватиканских, был в сравнении сея группы дрянь. Для дополнения сея картины, достойной момической кисти Гогарта, явилась тут из-за угла прекрасная Лукерья с кувшином. Созонт, кузнец, был ее отец, и она ему несла квасу. Вообразите Фалелея, барахтающегося в грязной луже под тяжестью кузнеца и дядьки, – вымаранная рожа, руки и платье, вообразите положение его души, видя чудесное нашествие его любовницы. Лукерья, едва увидела сию неоцененную группу, захохотала и вскричала: «Мала куча!» Фалелей, раздраженный сею колкою насмешкою, поворотился под своею тяжестью паче древнего Енклада, который мог только заставить Этно, на груди его лежащую, изрыгнуть огонь, дым, камни, пепел и лаву, – Фалелей поворотился сильно, свергнул бремя, в грязи его давившее, и, вскочив, помчался домой, вымаранный в грязи, как черт, без шляпы; Цымбалда, опомнившись, с кровавым лицом и откушенным носом, поспешал, бежал шагом за ним вслед, с обыкновенным своим припевом: «Постой, Фалелеюшка, постой, батюшка!» – а кузнец, вставши, плюнул с негодованием вполсмеха: «Провалитесь вы вставши!»; Лукерья еще усмехнулась, а мы? – Мы скажем: конец.

Апология «Тилемахиды» и Шестистопов

П. Согласен в том, что «Тилемахида» может быть поводом к чему-нибудь смешному, но чтобы в ней что-нибудь было хорошее – нет, нельзя.

Б. Да ты ее не читал.

П. Что нужды в том, что я ее не читал от доски до доски; но разверни ее где хочешь, то везде найдешь нелепость.

Б. А я ее читал, правда случайно, и вот что я о ней думаю. Поелику Тредьяковский отвечает только за стихи, то надлежит сказать, во-первых, что, по несчастью его, он писал русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей сам понесся путем непроложенным, где ему вождало остроумие, – словом, прежде, нежели он показал истинное свойство языка российского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучиваться. Тредьяковский разумел очень хорошо, что такое стихосложение, и, поняв нестройность стихов

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Симеона Полоцкого и Кантемира, писал стихами такими, какими писали греки и римляне, то есть для российского слуха совсем новыми; но, зная лучше язык Виргилиев, нежели свой, он думал, что и преношения в российском языке можно делать такие, как в латинском. Несчастье его было то, что он, будучи муж ученой, вкуса не имел. Он столь упитан был чтением правил стихосложных, употребляемых древними, и столь знал красоты их благогласия, что явственно тому подражал, и в «Тилемахиде» много стихов...

П. Апология – защищение, по речению какого-то автора, и омег можно заглушить медом; ты шутишь, защищая нелепости первого нумера.

Б. Не шучу, и в доказательство разогнем «Тилемахи ду»:

«Но на ближних горах зеленели кусты виноградны,
Коих листвия, как венки и цепочки, висели,
Грозды красней багреца не могли под листом укрыться».

П. Правда, стихи изрядные.

Б. Такие, каких очень мало и в лучших сочинениях.

«Пристань и вся земля убежать созади нас казались».

П. Стих посредственной.

Б. Изрядной, если бы не было галлицизма: убежать казались.

П. Хорош.

Б. Не только хорош, но и очень хорош, ибо препинание стиха первое после слова разлука, другое и скорое затем после мне, а потом непрерывно два дактиля, долгая, ударяя или запиная, совсем на у в Пёрунна, за у повторительное и глухое нна, и за ними привскакивающее краткое у, и наконец падающее, раздающееся в слухе да, с окончанием ра, делают сей стих хорошим; поставь его в другое место, а не в «Тилемахиду», то всяк скажет: хорош.

П. Неужели ты сие говоришь не в шутку?

Б. Не шутка, конечно: повтори чтение, читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток, то есть следующим образом:

И если разыщешь сей стих еще больше и раздробишь его, то найдешь, что, сверх числительных звонкости, в нем есть еще сие изящное уподобительное благогласие, коего столь изобильные примеры находятся в Омире, в Виргилии и во всех великих стихотворцах.

П. Это не стихи.

Б. Первый, хотя стих, но очень походит на прозу, для того что в нем меры времен (rithme) не суть стихотворны. Ибо стопы слов, в их последовании одна за другою, не суть благогласны, а особливо после долгого ждут читать пока хореом. Если же будешь его читать спондеем, а й призовут не дактилем, а триврахиом, что также очень ловко, то стих будет гораздо лучше. Читай сии стихи по сделанным отделениям и поставленным ударениям, то они покажутся благогласнее. Сказать ли тебе мое истинное мнение? У нас разумеют, что есть дактилий, а не шестистоп дактилохореической и дактилоспондеической (да простят мне все школьные учителя и все стиходетели употребляемое мною здесь наименование!) и шестистоп дактилотриврахийской, а из шестистопов сих трех названий может быть истинный шестистоп российской, которой можно употреблять с успехом. Читая «Тилемахиду», всегда ищут в ней дактилий и читают ее всегда дактилием. Клопшток сие запрещает именно; и если его «Мессию» читать так же станешь, то вместо его благогласных стихов выйдут скачущие и жесткие дактилохореи. Но читая по стопам слов, то находишь в них благогласие непрерывное, стих в ухе не звенит, и его гармония есть точно та, какую в стихах искали греки и римляне.

П. Я никогда не воображал себе, чтобы в «Тилемахиде» мог быть стих порядочный. Его смерть и Кервер суть смехотворны:

«Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо;
Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и лаей».

Б. Конечно так; но отчего? Не от дактилия и не от шестистопа, но от нелепых слов: дивище мозгло, ибо то и другое в поэму не годится. И Тредьяковский не дактилиями смешон, но для того, что не имел вкуса; он сделал дактилий смешными, он стихотворец, но не пиит, в чем есть великая разница. Если растряхнуть котомки иных наших славящихся Парнасских рыцарей, то не лучше что из них вылетит, как что излетело из Пандориной коробки, но не зло, не болезни и не недуги, но стихи нелепые дерут слухи и достойны поместиться в «Тилемахиде». Но дабы никого не оскорбить, мы воздержимся от примеров. Знаешь ли верное средство узнать, стихотворен ли стих (если так изъясниться можно)? Сделай из него предложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу благосклонную. Если в предложении твоём останется поэзия, то стих есть истинный стих, напр.:

«О ты, что в горести напрасно» и пр.

Преложи его как хочешь, перенося, но грамматикально, слова сей строфы, то и в прозе будет поэзия. Преложи многие строфы из оды к Фелице, а особливо, где мурза описывает сам себя, без стихов останется почти тоже поэзия, но преложи... и без предубеждения скажи, что вышло? Но мы «Тилемахиду» забыли, а я вижу, ты ее сложил. Разогни опять, и продолжим. Читай здесь:

П. Какой нелепый стих!

Б. Нелеп совершенно. Но чем же?

П. Да тем, что сказать то же можно лучше:

И се поток багров течет из ран глубоких,
Едва он жив, едва он дышит.

И се поток багровый вдруг хлынул из ран издыхавша.

Б. Согласен. Твое предложение сделано с разборчивостью и со вкусом. Но Тредьяковского стих более картина, но без вкуса; а если бы он у него был, то бы стих его был бы, может, следующий:

«Я не имел уже и утехи бедныя – выбрать
Кое-нибудь одно, меж рабством и смертию в горе;
Надобно стало быть рабом и сносить терпеливо» и пр.
П. Стихи очень слабые!

Б. Не только стихи слабые, но и слабая проза, чего везде довольно. Теперь будь уверен в том, что, читая иначе стихи «Тилемахиды», много найдешь стихов слабых и стихов посредственных, ибо и сама мысль преложить Телемака в стихи есть неудачное нечто. Но теперь постараемся найти стихов, хотя несколько, хороших, где много гармонии; ибо мимоходом заметим, что в «Тилемахиде» есть стихов много нелепых, но благогласных. Вот пример стихов негладких, где благогласия очень много:

«Гор посредине крутых буераки столь преглубоки,
Что едва осиять глубь может солнце лучами».
Но выслушай следующее:

Читая первое отделение спондеем, второе хореем, третье полудолгими, если так их назвать можно, кратко-долгими или долгократкими, то есть как просодия нашего языка требует, и ударяя сильно на последнем слоге сего отделения, читаешь в последнем две кратких и хорей. Сколь от сего произношения, то есть читая стопами по Клогаптокову наставлению, стих хорош, столь он дурен, если читаем его размером хореев и дактилий.

Как хорошо в первом стихе, после начальных спондеев и долгого ударения на конце третьего отделения, следуют четыре одинаково краткие в колеблется и полудлинные спондеи в страшно.

Во втором: в первом отделении дактиль и хорей, во втором столь поспешные пять почти равно кратких и в окончательном три долгие, из коих первая долга, но две

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
последних посредством глухого о от ъ, за ним стоящего, столь же, кажется,
тяжелы, как хребет горной.

Какой стих! я уверен, что и сам Ломоносов его бы похвалил. Не только в нем
числительная красота, красота мерная времени, но и самая изразительная гармония,
происходящая от повторения букв е и ъ с д и п, сперва в запинательной стопе
слова превознесется кратко-долгими, потом ямб с анапестом в окончательном
отделении. Я знаю, что, кто бы более имел вкуса, не сказал бы: звезды
поднебесные.

«[Коя] приводит в лед всю кровь, текущую в жилах».
Не порицай, пожалуй, слабого приводит вместо превращает: ибо первое тянется,
мерзнет; а другое, с повторительными р после гласной, скорей сходствует с
кипением воды на огне, нежели с охлаждением крови в жилах.

«И к воздержанию всех стремлений юности резвой».

Нет, кажется, уже нужды замечать красоту от повторений е и ъ, и и ю, соединенно
со скоростью слов воздержание, а паче стремлений, в середине стоящего.

Как томно! Или:

Какая легкость!

Четыре хороших стиха; после двух хореев, составляющих первое отделение, и
запинание легкого спондея (помните, что я говорю о стопах, а не о стихе) второго
отделения, шесть кратких, меж которых только три долгие; одну и первую из них
произнести надлежит кратко, на вторую чуть опереться и сделать ударение на
третье, при помощи повторительных сначала о, а на конце я, и и е, кажется,
слышно песни не соловья, не снегиря и не малиновки или пеночки, но чечета,
квеста, а может, и дикого чижа и щегленка. Раздробите второй стих и найдете, что
его красота происходит от длинного первого отделения, где гласные а, о, о, ый
льются, так сказать, в слове благовоинный, преломляемые мягкими только
согласными, и препинаются плавно на слове дух; потом, прешед тихо дрожание
второго отделения, окончивают точно так, что выражают. В третьем стихе
посмотрите, сколь изразительны три первые отделения, а в четвертом два первые
отделения, где посредством слогов: журч. чис. руч., которые один за одним
следуют, не слышится ли то, что автор описывает? А в последнем отделении в
словах, звучностию похожих, и с ними гласное одинаковое па, да, ща, ка, мня,
выражают будто падающие воды на камень.

П. Изъяснение твое изрядно, но или я ничего в сих стихах не слышу, или
препятствует тому великое предубеждение.

Б. Вероятно последнее.

«[И] воздымало волны, катя огромны, что горы».
Если б не было нелепого что, то стих был бы очень хорош.

«Издали гор и холмов верхи пред взором мелькали».
Но таких примеров очень много, и, повторяя их, можно наскучить.

П. Еще немного.

Б. Выслушай следующий стих и особливо первую столь изразительную половину стиха:

«Дыбом подняв лев свою косматую гриву».
А все сие происходит от повторенного звука дыб – ом – под – няв – лев.

«Зев отворяет сухой и пылко пышущий жаром;
Ярки лучи его верхи гор всех позлащали.
Гора Ливана, коея верх, сквозь облаки,
звезд достигнуть стремится.
Вечный лед чело ея покрывает, не тая».

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Сии два стиха, следуя один за одним и изображая две картины одного и того же предмета, суть хороший пример изразительных гармоний:

«В нем не находишь теперь кроме печальных останков
От величия, уже грозяща падением громким».
Вот три стиха, в которых повторение гласной и делает один изящным, а два дурными:

«И мы видели там все страхи близкия смерти.
Книга, держима им, была собрание имнов,
Яви стези итти премудрости за светом».
Отчего же так первый хорош, а два другие дурны? Кажется, всё чародейство изразительной гармонии состоит в повторении единозвучной гласной, но с разными согласными. Во втором стихе в начале има, им и на конце ние, им несносную делают какофонию, так, как и в третьем стези итти... сти.

«Тайна и тиха мною всем овладела расслаба,
Я возлюбил яд лестный, лился что из жилы в другую».
Какая сладость при дурном выборе слов; или какая легкость в следующем:

«Зрилась сия колесница лететь по наверхности водной».
А еще легче действительно, как нечто легкое, виющееся по ветру:

«И трепетались играньми ветра, вьясь, извиваясь».
Сказанного мною кажется уже довольно для доказательства, что в «Тилемахиде» находятся несколько стихов превосходных, несколько хороших, много посредственных и слабых, а нелепых столько, что счесть хотя их можно, но никто не возьмется оное сделать. Итак, скажем: «Тилемахида» есть творение человека, ученого в стихотворстве, но не имевшего о вкусе нималого понятия.

Поэзия
Песня*

Ужасный в сердце ад,
Любовь меня терзает;
Твой взгляд
Для сердца лютый яд,
Веселье исчезает,
Надежда погасает,
Твой взгляд,
Ах, лютый яд.
Несчастный, позабудь...
Ах, если только можно,
Забудь,
Что ты когда-нибудь
Любил ее неложно;
И сердцу коль возможно,
Забудь
Когда-нибудь.
Нет, я ее люблю,
Любить вовеки буду;
Люблю,
Терзанья все стерплю,
[Ее не позабуду]
И верен ей пребуду;
Терплю,
А всё люблю.
Ах, может быть, пройдет
Терзанье и мученье;
Пройдет,
Когда любви предмет,
Узнав мое терпенье,
Скончав мое мученье,
Придет,
Люви предмет.
Люви моей венец
Хоть будет лишь презренье,
Венец

Сей жизни будь конец;
Скончаю я терпенье,
Прерву мое мученье;
Конец
Мой будь венец.
Ах, как я счастлив был,
Как счастлив я казался;
Я мнил,
В твоей душе я жил,
Любовью наслаждался,
Я ею величался
И мнил,
Что счастлив был.
Всё было как во сне,
Мечта уж миновалась,
Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая, смеялась,
В любви притворялась
Ко мне,
Как бы во сне.
Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
Рукой
Моей, перед тобой,
Меч остр во грудь вонзится.
Моей кровь претворится
Рукой
Тебе в яд злой.
Первая половина 1770-х годов (?)

Творение мира*
Песнословие

Хор

Тако предвечная мысль, осеняясь собою
И своего всемогущества во глубине,
Тако вещала, егда все покрытые мглою
Первенственны семена, опочив в тишине,
Действия чужды и жизни восторга лежали,
Времени круга миры когда не измеряли.
Бог

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
Един везде вся исполняя,
Себя в себе я заключая,
Днесь всё во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог?
И в недрах божества забуду
То, что б начати я возмог?
Или любовь моя блаженна
Во мне пребудет невозженна,
Безгласна, томна, лишь во мне
Всевечно жар ее пылая,
Ужель, бесплодно истлевая,
Пребудет божества во дне?
Расширим себе пределы,
Тьмой умножим божество,
Совершим совета меры,
Да явится вещество.
Хор

Вострепещи днесь, упругое древле ничто!
Ветхий се деньми грядет во могуществе стройном,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Да сокрушит навсегда смерть во царстве покойном,
Всюду да будет жизнь, радость, утехи.
БОГ

Но что
Начнем?
Речем:
Возлюбленное слово,
О первенец меня!
Ты искони готово
Во мне, я ты, ты я.
Тебе я навсегда вручаю
Владычество и власть мою,
В тебе любовь я заключаю,
Тобою мир да сотворю.
Исполнь божественны обеты,
Яви твореньем божество,
Исполнь премудрости советы,
Твори жизнь, силу, вещество.
Тобою я прославлюсь,
Бездействия избавлюсь,
Ты то явишь, что я возмог,
А я в себе почию, бог.
Хор

Мертвые днесь развевайтесь сени,
Жизни начало зиждитель дает;
В жизни всегдашней не будет премены,
Мрачна пустыня познает, что свет.
Слово

Начнем творить – что медлю я?
Иль воля вечного бессильна?
Иль мысль его не изобильна?
Иль зрит препону власть моя?
Часть хора

Нежная любовь тревожит
Бесконечные судьбы,
И гаданье скорби множит
Мира будужи беды.
Часть хора

Отверзись, мрачная пучина,
Грядущего пади покров,
Явися, будужа судьбина,
Предел тебе положит бог!
Хор

Се исчезает пред взором всезрящим
Века не суца еще темнота,
Се знаменуют рок словом горящим
Мира грядуща всевечны уста.
БОГ

Единым взором всё объемля,
Что было, есть и может быть,
Закону моему не внемля –
Во страхе господа ходить,
Я зрю, что тварь не пожелает;
Кичася гордостью, взмечтает,
Что всей она природы царь.
О бренна и немощна тварь!
Почто против отца дерзаешь?
Или, ослушна, быти чаешь
Блаженною сама собой?
Я мог бы днесь, предупреждая
И мысль мою переменяя,

Быть твари повелеть иной.
Не ярый слабостей я мститель,
Отец всещедрый и зиждитель:
Любовию к тебе горю.
Чуждаться будешь совершенства,
Но корень твоего блаженства
В тебе нетленен сотворю.
Часть хора

О любовь несказанна,
Прежде века избранна,
В тебе жизнь и начало
В мире всё восприяло.
Хор

Взора пространства пустыни все с трепетом вечна
В сретенье радостным ликом грядут,
Бездну безвещия зыблет днесь мочь бесконечна,
Мертвые жизнь семена с нетерпением ждут.
Часть хора

Божественна утроба рдеет,
Клубя в рожденье вещество,
Любовь начально семя греет,
Твореньем узришь божество.
Слово

Мысль благая, совершайся,
И превечно исполняйся
Отца мудрости совет,
Да окрепнет в твердь пучина,
Неизмерима равнина,
Где пространство днесь живет.
Оживись, телесно семя,
Приими начало, время,
И движенье, вещество,
Твердость телом,
Жизнь движеньем, –
Се вещает божество.
1779–1782 (?)

Эпитафия*

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить, –
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавистный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.
Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утешь тем супруга...
1783

Вольность*
Ода

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,

О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седей во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет твоих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несусь, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой – воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, –
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седей,
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество судей.
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую, –
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
Его отчизна там, – гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий», – царь вещает;
«Обман святой, – мудрец взывает, –
Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одна сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится,
На пользу общую, – рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где всё ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там неспоручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшавый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, – рек, – щажу злодея;

Я власть могу дарить;
Где я смеюсь, там всё смеется;
Нахмурюсь грозно – всё смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».
13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаясь всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет яд.
Вокруг престола все надменна
Стоят колена преклоненна.
Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорекая, –
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.
14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя!
15

И ночи се завесу лживой
Со треском мощно разодрал,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?
16

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцом ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.
17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
«Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой».
18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;

Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно всё;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.
19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все права,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.
20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающую чести!
Иль злато богом ты признал?
21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
«Ирой!» – зевав, могли сказать.
22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты стократ!»
23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

Ниспал призрак, и мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действе распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых, –
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.
25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод, –
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителей, как сам есть бог!
26

Сломив опор духовной власти
И твердой мщения рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трегубый затмевая
И жезл священный преломляя,
Проклятий молний утушил;
Смеясь мнимого прощенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землю небо помирил.
27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг – и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша, древню смесь спокоил;
Стихиями он всё устроил
И солнцу жизнь давать велел.
28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит:
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.
29

Так дух свободы, разоря
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,

Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.
30

Под древом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг, новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится;
Нечуждый вождь брежет свое, –
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.
31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.
32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменна
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал, –
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.
33

Он любит, и любим он ею;
Труды – веселье, пот – роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всещедры боги к простоте.
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что корчит в наготе.
34

Воззри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груды правильно стремится, –
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь – свобода, Вашингтон.
35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,

Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает,
Свободы зрится тут держава, –
Награда тут – едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.
36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность,
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.
37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой.
Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся,
Мир до края вознесется
И славой новой облечется:
Предмет его суть мы, не я.
38

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник трясут,
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроит казнь.
39

Крутяся вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Разя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая –
Се меч, се злато: избирай –
И, сев на камни ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.
40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили – правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою, –
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, валясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенства,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна,
Лежала вольность попорана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;

Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен –
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.
47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».
48

И будет, вслед гремящей славы
Направля бодрственно полет,
На запад, юг и веток державы
Своей ширить предел, но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое, отечество драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.
49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь,
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабеваает,
Ползущего глотает ночь.
50

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Сдрогаясь внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце нов даст свет.
51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, –
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.
52

Но не приспе еще година.
Не совершились судьбы;

Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вскатясь горе, потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол – и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развееется в одно мгновенье.
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине – Рекл...
яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.
1783 (?)

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?...»*

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
□□□□В острог Илимский еду.
Начало 1791 (?) г.

«Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится...»*

– Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится,
Почто безвременно печалью дух крушится?
Ты бедствен не один! Иной среди утех
Всесчастлив кажется, но знает ли, что смех?
Улыбка на устах его воссесть не может,
Змия раскаянья преступно сердце гложет, –
Властитель мира, царь, он носит в сердце ад.
– Мне пользует ли то? Лишен друзей и чад,
Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
Претящей властью отвсюду окруженный,
На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?
– Воспомни прежни дни, когда ты был любезен
Всем знающим тебя, соотчикам, друзьям,
Когда во лъстящей мгле являлось всё очам,
Когда во власти был веселий на престоле;
Когда рок следовал твоей, казалось, воле,
Когда один твой взор счастливых сделать мог.
– Блаженством всё сие я почитать не мог.
Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
В одежде дружества злодеи предстояли;
Вслед честолюбию забот собранье шло;

Злодейство правый суд и судию кляю;
Злоречие, нося бесстрастия личину,
И непорочнейшим делам моим причину
Коварну, смрадную старалось приписать
И добродетели порочный вид придать.
Благодеянию возмездьем огорченье.
– Среди превратности что ж было в утешенье?
– Душа незлобная и сердце непорочно.
– Скончай же жалобы, подъятые бессрочно.
Или в пороки впал и гнусность возлюбил,
Или чувствительность из сердца истребил?
– Душа моя во мне, я тот же, что я был.
– Дела твои с тобой, душа твоя с тобою.
Престань стенать. Кто мог всесильною рукою
И сердце любяще, и душу нежну дать,
К утехам может тот тебя опять воззвать.
А если твоего сна совесть не тревожит
И память прежних дел печаль твою не множит,
То верь, что всем бедам уж близок стал конец.
Закон незыблемый поставил всеотец,
Чтоб обновление из недр премен рождалось,
Чтоб всё крушением в природе обновлялось,
Чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала смерть, –
То шествие судьбы возможно ли претерпеть?
На восходящую воззри теперь денницу,
На лучезарную ее зри колесницу:
Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь земле несет она.
– Се живоносное светило возблистало
И утренни мечты от глаз моих прогнало,
Приятный тихий сон телесность обновил,
И в сердце паки я надежду ощутил.
– Подобно ей печаль в веселье претворится,
Оружьем радости вся горесть низложится,
На крыльях радости умчится скорбь твоя,
Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я.
Начало 1791 (?) г.

Молитва*

Тебя, о боже мой, тебя не признают, –
Тебя, что твари все повсюду возвещают,
Внемли последний глас: я если прегрешил,
Закон я твой искал, в душе тебя любил;
Не колебаясь на вечность я взираю;
Но ты меня родил, и я не понимаю,
Что бог, кем в дни мои блаженства луч
Когда прервется жизнь, навек меня терзал.
1792 (?)

Песнь историческая*

Не красна изба углами,

Но красна лишь пирогами.

Пословица

Громы, гряньте, потрясися
Ось земная в основанья,
Время быстро, ты исчезни, –
Книга вечности разверзлась.
Я не в будущем читаю,
Не пророк я, не волшебник,
Не дельфийская пифия,
Но я время зрю протекше.
Се явился предо мною
Муж ума и духа сильна,
Что, народ спасая божий,

Море Чермное претекши,
Во пустыни среди глада,
Среди смерти мог устроить
Народ шаткий, легковерный.
Моисей во имя бога
Чудеса творил; законы
Дал израильску народу.
И по истине, возмогший
Управлять толпой народной,
Не быв призван на то ею,
Не имея пред собою
Предрассудка порожденья,
Может, может сказать смело,
Что посланник есть всевышня.
Моисей во имя бога
Жезлом правит, и законы
Среди молний, среди грома
Он со неба получает.
Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем
(Магомет коварством многим
Быть хотел законодавцем,
Умы пламенны восхитив
Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
Во объятых дев небесных;
Ученик его столь храбрый
Воин был непобедимый.
Он пошел струею быстрой
На победы, пред собою
Он народам удивленным
Возвестил: се избирайте
Алкоран иль смертоносный
Меч, – и света половина
Пала пред его законом).
Се идет Семирамида,
Она кудри свои черны
Прикрывает златым шлемом;
Своим мужеством на брани,
Своим разумом в советах,
Твердостью во время смутно
Всех сердца, умы пленивши,
Она память истребила,
Что убийственной рукою
Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходоносора,
Несяй бурно пламя браней
В стены нового Салема,
Сокрушил их, в прах развеял,
Разорил храм Иеговы,
И повлек он иудеев
В плен, неволю, в преселенье.
Седяй гордо на престоле,
Златом хитро изваянном,
Он зрит образ свой во храмах
Ко богам причтен; курятся
Ароматы драгоценны
В честь ему и днем и ночью.
Но се мгла густая зверства
На верх гордый налетает.
Царь царей теряет разум.
Он стал скот, в лесах дремучих,
В блатах, дебрях ищет пищи...
Так надменности на троне
Писал суд предвечный в небе.
Троя, Тир, Сидон, Карфага,
Древни хины и индейцы
И неведомы народы

Шествуют, покрыты мглою
Неизвестности; но блещет
Во среде столетий мрака
Слава мудрых, яко в туче
Молния в сверканьи светлом.
Зри, воспетые Омиром,
Ахиллес, Парид иль Гектор...
Зри, во пурпурных хламидах
Жители Сидона, Тира,
Алчбой злата устремленны,
На крылах несутся ветра
Во страны дальнейши мира.
Зри, потомки их в Карфаге
Накопляют преизбытки
Остроумною торговлей.
Ганнибал, о вождь предивный...
Но зуб времени железный
Сокрушил их град и славу...
Се потомки мудрых брамов,
Узники злодеев наглых,
По чреде хранят священной
Свой закон в Езурведаме
Буквой древнего самскрита –
Древней славы их останка
И свидетеля их срама!!..
О Конфуций, о муж дивный,
Твое слово лучезарно
В среде страшной бури, браней,
На развалинах отчизны
Восседало всегда в блеске
И чрез целые столетьи
Во парении высоком
Возносилось и летало...
Се идет твой современник
Зороастр; он во Персиде
Учреждает поклоненье
Духа жизни во вселенной
И на жертвеннике светлом
Огонь возжег, что пламенеет
Еще ныне в жертву богу.
Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомстве,
Пребывает лучезарна
И живет, живет на вечность.
Се Кир старший, учредитель
Царства древния Персиды.
Но чему о нем мне верить:
Или повести правдивой,
Иль Рамзею в слоге красном?
Царь царей и царь великий,
Погибающий рукою
Томириды; отсеченна
Глава Кира всплывает
В крови; слышу, глас вещает:
«Пей, тиран, досыта крови,
Коей в жизни столь был жаждущ!»
Се Эллада в блеске солнца;
Там ирои в лучезарных
Подвигах, будто светила,
На крылах стремятся ветров
Похитить руно златое.
Зри, Язон в стране волшебной
Превозмог в Колхиде страхи
Чаровании и отравы,
И с руном он у Медеи
Сердце нежное похитил.
Зри, Алкид как сокрушает
Выи дерзких и строптивых;

Разве богу то возможно,
Что он силою десницы
Мог исполнить в жизни краткой.
Странственных он избавитель,
Предал смерти Бузирида;
Он дал в снедь коням, обыкшим
Поядать дымящи мяса
Потребленных чужестранцев,
Во Фракии Диомида;
Вепря злого в Эриманте
Обуздать мог вервью лютость;
Стрелой легкою пернатой
Он чудовищ тех пернатых,
Что в Стимфалии гнездились,
Сокрушил и предал смерти.
Не возмог никто противен
Быть ему на брани сильной.
В Лерне гидру он стоглаву
Поразил; в лесу Немейском
Льва ужасного исторгнул
Жизнь с дыханием мгновенно,
И во знак своей победы
Его кожу он космату
Возложил на тверды плечи.
Медяногу, златорогу,
Легкую в бегу он серну
Мог настичь; и даже бога
В струях живша Архелоя
Он, во образе свирепа
Тельца сильна, он, поправши,
Рог исторг во знак победы.
Победитель он чудовищ,
Победитель он гигантов;
Сильна в мышцах он Анфия
Удушил в объятях крепких.
Перед ним кентавры дерзки
Как лист легкий возметались.
И те храбры жены древле,
Ненавистницы супругов,
Амазонки побежденны
И примером Ипполиты,
Своей красныя царицы,
Что Алкид Фисею отдал,
Научились жить с мужьями.
Он, предерзка Промифея,
Что с небес похитил пламя,
От злой казни избавляя,
Убил врана, что терзает
На Кавказе его перси;
И, пришед к пределам мира,
Океан где облегает
Шар земной, он столп высокий
Силой крепкия десницы
Подавил и вдруг раздвинул.
Две горы тут вознеслися,
Калпе, Абила, подножьем
Двух столпов, где начертанно
Сие дело баснословно,
Се предел, и море с шумом
Покатилось волнами
Во среду земель и весей.
Он, наполнив весь мир славой,
Нисшел в царствие Плутона
И, привратника тризевна,
Обуздал он пса Кервера.
Но, платя он долг природе,
Полубог, ирой, был слабый
Во объятях Омфалы

Смертный; палицу иройску
Гнусной пряслицей со делал.
Но и в слабостях божествен,
Сын царя миров предвечна,
Десять он супруг имевши,
Был отец потомства славна,
Многочисленна; исполнил
Наконец чудесный подвиг,
Быв единою он ночью
Дев пятидесяти юных
Супруг нежный и в срок точно
Пятьдесят сынов родивши.
Подвигов двенадцать дивных
Совершил, себя прославив;
Быв ироем в жизни краткой,
Полубог он стал по смерти.
Но, склонясь от баснословных
Подвигов иройских в Греции,
Зри, живот как презирает
Кодр в спасение Афинам.
Он не злато, не гремушку
Мздой поставил дел иройских,
Но мечту, мечту любезну,
Образ отчества драгого;
В нем жить рай, но с ним разлука
Есть геенна, ад ужасный.
Кодр, сей мыслию исполнен
И предвестию поверя,
Что потеря драгоценной
Вещи для Афин спасенье,
Счел, что драгоценней в мире
Вещи нет, как нарь правдивый,
И, себя таким считая,
Смерть вкусил к спасенью царства.
Афиняне в знак почтенья
К подвигу толику славну
И считая невозможным
Заменить его на троне,
Имя царско истребили.
Признавая невозможность
Без законов быть правленью,
Афиняне восхотели,
Да Дракон, муж твердый, строгий,
Начертал бы им законы.
Но он каждо преступленью,
Маловажно иль велико,
Омывал афинян кровью.
Мало время поступали
По словам его кровавым, –
И Солон законы новы
Предписал тогда Афинам.
Страсти бурны обуздавши,
Он законы дал бессильны
Аттике замысловатой.
Зря законов власть погранну
Властолюбным Пизистратом,
Презрил град он и тирана,
Град оставил, удалился.
Но чему дивиться должно:
Иль законам его слабым,
Иль тому, что он направил
Народ шаткий, остроумный,
На стезю побед и славы,
На рожденье мужей дивных?
Се исходит предо мною
И очам моим явился
Муж божественный, муж дивный,
Что, умом своим объявши

Всю народного связь тела,
Умел души всех устроить
К пользе общей и единой,
Подчиняя ум и сердце
Всех отечеству любезну.
О Ликург, твоим законом
Ты нагнувши выи горды,
Воспитанием спартанцев
Им отечество соделал
Всего выше и милее.
Времена настали страшны
Для свободы всей Эллады.
Как стада несметны вранов,
Так полки персидски строим
На Элладу налетели;
Но афиняне, спартане
Против их несчетных воев
Ставили мужей лишь славных.
Милтиад, спаситель Греции,
Победитель Марафонский,
Жизнь скончал в темнице срамной.
Леонид, царь Спарты смелый,
Иссосав любовь к отчизне
С млеком матери любезной,
Жизнь ему принес на жертву,
И с ним триста юнош храбрых
Дни скончали в Фермопилах.
Аристид се правосудный,
Что себе начертывает
Суд изгнанья остракизмом;
Но он зависти знал жало,
Быв соперник Фемистокла.
Победитель славный персов
В Саламине зрит всех греков,
Стекшихся к играм в Олимпе,
Перед ним вдруг восстающих.
О, награда паче злата,
Паче всех венцов лавровых!
Но достоин был неложно
Сея чести тот, кто Грецию
Спас победой в Саламине:
Для спасения отчизны
Презрел он вождя надменна
И вознесшему жезл буйно,
Да ударит, отвечает:
«Поражай, но токмо слушай».
Се Перикл, кой умел хитро
Взять кормило во Афинах,
И народом, возлюбившим
Своевольность до безумья,
Он по воле своей правил.
Друг Фидия, изваявша
Образ дивной Афинеи,
Друг Аспазии любезной,
Что Сократ (иль добродетель
Воплощенна) в честь вменяет
За учителя имети
Себе славу Аспазию;
Он друг был Анаксагора,
Кой, сотрясши предрассудок,
Тяжко бремя мглы священной,
И светильником рассудка
Сонмы всех богов развеяв,
Первый стал среди вселенной,
Он дерзнул ее началу
Дать вину несусеверну.
Алкивиад, муж любезный,
Богат, статен, умен, знатен,

Дарований он великих
И пороков преисполнен.
Добродетелен, но редко,
Разве следуя советам
Друга своего любезна
И учителя Сократа;
В страстях пылок, рдян и буйствен;
Облекаясь он, однако ж,
В виды, нравы, обычаи,
Кои нужны на то время,
Чтоб достичь желанной цели, –
Он злой дух и бич Эллады
Был и пал сраженной жертвой
Любочества и разврата.
Но пройдем мы быстрым оком
Ту страну, страну предивну,
Где Ликурговы законы
Царствуют сильнее природы.
Там жена не знала страсти
Ко супругу нежну, разве
Он достоин был награды
За свою любовь ко Спарте.
Там мать в радости ликует,
Когда сын ее, сражаясь,
Жертвой пал при фермопилах.
Ты познал то, о Павсаний,
Что любовь ко Спарте выше
В сердце родшей тебя в Спарте,
Нежели к тебе. Развратность
Твоих нравов она прежде
Всех других в тебе накажет.
Ты есть враг Лакедемона;
И се, зри, несет уж камень,
Чем во храм вход заградится,
Где предательна свершится
Твоя жизнь во мщенье Спарты.
Агесилай, воин мудрый,
Ты достоин еще древней
Славы отчества, погасшей
В роскоши, в развратных нравах.
О, сколь мил ты простотою,
Когда, чад своих забава,
Ты, конем жезл сотворивши,
Рыскал с ними на их пользу.
О Лизандер, о муж славный!
Воин мудрый, ты б достоин
Был отчества любезна,
Если б ты родился прежде.
Ты в делах твоих иройских
Не коварством бы вождаем,
Не предатель был бы хитрый,
Почитавший меч свой средством
Быть всегда со всеми правым.
Но разврат, пусть свой корень
Сердца в глубь лакедемонян,
Испроверг святы уставы,
Что Ликург поставить тщился
На подножии незыбком
Простоты и бескорыстья
Воспитанием суровым,
И когда рукою смелой
Юный Агии, взревновавший,
Восхотел к началу древню
Обратить спартански нравы,
То плачевною пал жертвой
Сребролюбия, разврата.
Дух величья, разливаясь
В концы дальние Эллады,

Возблистал вдруг между фивян;
Хоть Пиндар своей трубою
Во отечественном граде
Колебал тупые слухи,
Но, взгнездившись во Фивах,
Грубость их во всей Элладе
Отличалась пред другими.
И се два велики мужа,
Лаврами главы венчая,
Возмогли на высшу степень
Возвести свою отчизну.
Пелопид, мудрец и воин,
Муж великий, избавитель
Фив от ига, наложена
Гордой Спартою во счастье.
Но его блестяща слава
Уступала его другу
Эпаминонду, что первым
Цицерон назвал из греков,
Он про коего вещает:
Знал всех больше, а глагоlal
Меньше всех. Он, высший в Фивах,
Нищ был, злато презирая.
Горду Спарту низлагая,
Победитель пал сраженный,
И, чад вместо, он оставил
Только Левктры, Мантинею.
Се Филипп сплетает узы
Или сети хитротканны,
Где он вольность всей Эллады
Уловил и сделал прахом.
Учредитель стройна войска,
Устроением фаланги
Он кровавы приготовил
Узы тяжки полусвету.
О Филипп, тебе возможно
Во ярем нагнуть все выи;
Но кто может Демосфена
Наклонить велику душу?
Тебе тело и труп срамный
Демосфенов в корысть будет,
Но не дух его свободный.
Александр, употребляя
Себе в пользу то, что сделал
Филипп хитрый, Филипп мудрый,
Вихрь порывистый понесся,
В бурном духе урагана,
Сокрушая все преграды,
От смиренной Пеллы даже
До берегов счастливых Ганга.
Друга своего убийца,
Пал сражен болезнью в пьянстве.
Необъятные корысти
По его достались смерти
Вождям войск его надменным,
И солдаты Александра
Цари стали его смертью.
Хоть по смерти Александра
Воссиял дух древний паки
И союз ахейн видел
Возрождающую вольность,
Но то искра была слаба.
Ни Арат не мог восставить
Падшую Эллады вольность,
Ни ты, смертный, столь достойный
Нарещись последним греком,
Филопеман пал, и вольность,
В древней Греции сиявша,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Век потухла невозвратно.

* * *

Се сонм светлый мужей славных,
Се сенат, се народ римский,
Полк царей и их превыше,
Се властители народов.
Изыдите и предстаньте
Моим взорам обаянным!
Вы краса и удивленья
Человеческого рода,
Вы изящну добродетель
Вознесли на верх возможный;
Но вдруг впали в гнусность, мерзость
И затмили злобой, зверством
Все народы нам известны.
Ромул Риму основанье
Дал, устроя свое царство.
Нума нимфу Эгерю
Призывал давать законы
И единый против войска
Стал врагов своих строптивых.
До Тарквиния старались
Все цари пределы Рима
Расширять елико можно.
Но Тарквиний скиптр железный
Простер к буйному народу;
Смерть Лукреции воздвигла
На него беды ужасны:
Он был изгнан – и навеки.
Се Брут первый, обагранный
Кровью сына и тиранов,
Положил угольный камень
Зданью римския свободы.
Се Коклес, с мечом единый
Спасший Рим и его славу;
Жертва Деций общей пользы,
Ищет смерти он ужасной.
Суеверною любовью
Ко отечеству пылая,
Курций в хлябь земну разверсту
Летит, жизни не жалея,
Для спасения народа.
Зри, се Сцевола, на жертву
Принося свою десницу,
В безопасность юна Рима,
Не содрогшись возлагает
На горящи ее угли.
Боль несносна не тревожит
Души твердой и незыбкой.
О Менений бескорыстный!
Пред тобой богатство, злато,
Как лист в осень, увядают,
Постыженны твоим взором.
Нищ ты был, сеяя в сенате,
И по смерти не оставил,
Чем бы заступ мог наемный
Ископать тебе могилу.
Но граждане веледушны,
Чувствием сердец водимы,
Несут в место свое злато,
В честь твою взник столп надгробный!
Брозду тяжку прорывая
Силою волов яремных,
Цинцинат от шумна света
В селе малом обитает.
Но блестяща добродетель
Утаиться не возможет:
Возведен на высшу степень

Он в дни смутные средь Рима,
Своей твердостью и лаской
Рушщийся порядок строит;
Уже взводится в четверты
На первейшее он место;
Врагов Рима победивши,
Он нисходит в чин простого
Гражданина; и приемлет
Паки он свое орудье,
Чем взорется его нива.
Столь же ты велик, муж дивный,
Идя вслед сохе на ниве
И бичом скота яремна
Понуждая ко работе,
Велик столь же, как пред войском
В прах попрали ты врагов Рима.
О Камиллий, о муж славный
Столь же дивен и единствен
Ты во счастья благоспешном,
Как в превратностях и в бедстве.
Изгнанный коварством хитрым
(Ах! бывало ль, или будет,
Чтоб изящна добродетель
Не рождала зависть бледну
И была б не ненавистна
Злобну гнусному пороку),
Ты, к отечеству любовью
Рдея, строишь во изгнаныи
Помощь Риму во злосчастьи.
И се Бренн, вождь храбрый, смелый
Галлов диких и свирепых,
Победитель римских воев,
Всюду ужас простирает,
Он в бестрепетное сердце
Римлян страхи поселяет;
Но Рим в бедствах паче счастья
Был велик и тверд и дивен.
Его стены опустели;
Жены, старцы и младенцы
Лишь одни остались в граде
Зреть победу галлов лютых.
Но Камилл жив – и спасенны.
Лишь отсутствен он от Рима,
Паки бедства возродились,
И, наскучивши в осаде,
Римляне купить хотели
Мир у галлов весом злата.
Но Камилл внезапно входит
В град, поникший от печали;
Зрит поносное он злато
На весах, и коромысло
(Вес не полн) горе восходит.
Меч извлек и, в легку чашу
Возложивши: «Се, – вещает, –
Чем нам галлам платить должно,
А не златом сим поносным».
Одно слово, и дух прежний
Возродился в сердце римлян,
Рим свободен, побежденны
Галлы, – зри, что может слово;
Но се слово мужа тверда,
Как то древле слово жизни
Во творении явилось,
Было слово се Камилла.
Мужи славны, украшенья
Вы отечества во Риме;
Вы, к нему любовью рдея,
Всё на жертву приносили,

Самую забыв природу.
Манлий сына осуждает
Вкусить смерть, да подчиненность
В войске будет сохраненна;
Деций, видя робость в войске,
Дав себя в обет подземным
Богам, ринулся с размаху
Во врагов, – погиб, но славно,
Бодрость в души влиял римлян
И доставил им победу.
Се твой сын, тебя достойный,
Уподобясь тебе в славе,
То ж творит и погибает.
Се и вы предстали взорам,
О презрители богатства.
О ты, Курий! что вещавший
Ко самнитам, приносящим
Злато: «Лучше я желаю
Повелитель быть над теми,
Кто имеет много злата,
Нежели иметь сам злато».
Ах! возможно ль его блеском
Льстить того, кого, пришедши
На прошение, посланцы
Целого народа видят
На деревянном блюде яствы
Поядающа. – Явился
Муж, презритель сребра, злата,
Добродетельный фабриций;
Удивленье врагов Рима,
Ты достойный был воссести
И в том граде и в том сонме,
Где Киней, дивясь, мудрый:
«Рим, – вещает, – есть храм божий,
А сенат – царей собранье».
Пирр, со златом посрамленный,
Не возмогши добродетель
Повредить твою, рек тако:
«Нет, удобнее возможно
Совратить с теченья солнце,
Нежели со стези правды,
Добродетели и чести
Совратить тебя, фабриций».
Кто сей зрится весь покрытый
Ранами, муж строга вида?..
Регул, зная пытки, муки,
Что его ждут во Карфаге:
«Вам война, не мир довлеет,
О сенат, о народ римский!» –
И кровавая пал жертва
Он совета сего мудра.
Но возник тебе на гибель
Ганнибал, сей муж предивный,
Коим Рим едва не свержен
Во полете своей славы,
Если б зависть не претила
Во парении ирою.
Фабий медленностью мудрой
Если б бег твой не умерил,
То, поверженный во прахе,
Во развалинах дымился б
Рим, глава земного круга;
Там бы зрелися потомки
Тех мужей, достойных неба,
В поругании злосрамном;
На том месте, где венчались
Славою их предки дивны,
Не воссели б в славе, в блеске

На престоле всего мира.
Ганнибал, ирой премудрый,
Что тебе противустанет?
Коль природа не возможет
Во походе твоём дивном
Положить тебе преграды,
Воздвигая верхи льдяны
Выше облак, грома, молний;
Коль струя шумящей Роны,
Эридан или потоки,
Звонкошумно ниц звенящи
С верхних Альп на камни строги,
Заградить твой путь не могут,
То Требия, Тразимена
Суть лишь следствия неложны
Твоих мудрых начертаний.
Но се Фабий, скала тверда,
Где твоё стремленье буйно
Загради лось и препятю.
Ах! тобою Рим спасенный
Чуть не зрел свою погибель
В Каннах, как Варрон надменный,
Сей клевет безумный Павла,
Падшего в спасенье Рима
С воинами, что умели
Жизнь скончати за отчизну, –
Безрассудный вождь, возмнивши
Состязаться с Ганнибалом.
Уж молва трубою громкой
Возвещает гибель Рима;
Но напасть его спасенье
Устраивает средь развалин;
Он воздвиг свой верх ужасный
Бедства край, всех восторгало
Мужество вновь возродилось;
Рим спасен, и что возможет
Ганнибал един пред Римом?
Его счастье отлетело
Перед юным Сципионом.
Победитель Ганнибала
Видел зависть, видел злобу,
Устремленную на славу
Его подвигов великих;
Обвинен перед народом,
Добродетельный муж, твердый,
Над врагами Рима скажет
Свои славные победы,
И, клевет всех в посрамленье:
«Народ римский! – он воскликнет. –
В сей, в сей день блаженный, с вами
Победил я Ганнибала;
Отдадим хвалу всевышним», –
И, се паки торжествуя,
Всем народом провождаем,
В Капитолью он восходит,
Оставляя площадь римску
С клеветой, в стыде шипящей.
Славы, имени преемник
Сципионов, разрушитель
Состязательницы Рима...
Ах! се ль слава, се ль иройство? –
Разрушать единым мигом,
Что столетия создали!
Вопль и крик и скрежетанье
Умиравших булатом
Победителя во гневе...
Пламя, всюду разлианно,
Как река, сломив оплоты...

Плод изящности – в обломках...
Разума твореньи – в щепках...
И грабеж, насильство, наглость,
Все неистовства, все зверства, –
Со бесчувственностью стали
Слышать визг и корчи смерти –
Се иройство, слава! – можно ль
Сердцу, чувствовать обыкшу,
И уму, судить умевшу,
Поступить на таковая?
Нет, рассудок претит мыслить,
Что Эмилия сын славный,
Лелья друг, и друг Полибья,
И любитель муз Эллады,
Мог решить погибель зверску
Пышной, гордая Карфаги.
Нет, веленье се неисто
Властолюбия сурова,
Ненасытна духа власти,
Духа сильна, Рим воздвигша,
Из устен что излетело
Древня строгого Катона:
«Да разрушится Карфага!»
Но ты паки разрушитель,
Ты Нуманции несчастной.
Иль припев, или прозванье
Над тобой толико сильны,
Что ты сладость ощущаешь
Разрушителем быть только?
Но, алкая сильной власти
Ты диктатора, стал жертвой
Властолюбья непомерна.
И се в Риме, удивленном
Своей властью и богатством,
Возникают страсти бурны
И грозят уже паденьем.
Асия, Коринф и греки
Повергают свои выи
Во ярем народа римска.
Но во мзду рабства сим мира
Повелителям надменным
С золотом, с серебром, с богатством
Изрыгают в Рим все страсти,
Что затмят в нем добродетель
И созиждут ему гибель.
Грахи, Грахи, украшенье
Матери своя мудрой,
Вы напрасно восхотели
Возродить в превратном Риме
Нравы древни и равенство.
Добродетель не защита
Для коварства, буйства, силы.
Пали жертвы вы достойны
Упадающей свободы.
Се возник тот муж суровый,
Ненавистник рода знатна,
Ненавистник наук, знаний,
Храбр, и мужествен, и дерзок,
Вождь великий, воин смелый
И спаситель Рима, Марий;
Горд, суров, алкая власти,
Все пути к ее снисканью
Были благи; но изгнанный
И в побеге, утопая
Близ Минтурны в блате жидком,
Он вещает ко несущу
К нему смерть наемну войну:
«Се, я Марий, коль дерзаешь!»

Но сей взор велика духа,
И велика среди бедствий,
Заградил взнесенно жало,
И в убийце своем Марий
Обретает себе друга;
«Странник бедствен, укрываясь,
Конец жизни нося тяжелой,
Зри картину счастья шатка;
Зри величественный образ
Мария победоносна,
Марья первого во Риме
Здесь сидящего (вещает)
На развалинах Карфаги!
О стяжатель власти, чести,
Зри там Марья – содрогнися».
Колесо, всегда вертящесь,
Превратилося Фортуны,
Марий паки в Капитольи;
Сердце, бедством изъязвлено,
Стало жестче стали крепкой,
И суровый сей велитель
Рим исполнил смерти, казни.
День румяный воссиявший
Освещал потоки дымны
Восструившейся по стогам
Крови римской, – и свершался,
Зря в мерцаньи кровь и гибель.
Но сей варвар ненасытный
Трепетал, вспомя Суллу.
Чтоб забыть тот страх, опасность,
Он предался гнусну пьянству
И в хмелю скончал жизнь срамну.
Се совместник Марьев, Сулла,
Се мучитель с сердцем нежным,
Се счастливым нареченный,
Рода знатна и украшен
Дарованьями различны;
Ум словесностью устроен,
В обхожденьи мил и гибок,
Но снедаем алчбой славы
И снедаем властолюбьем;
Храбр, деятелен, вождь мудрый,
Победитель Мифридата.
Мифридат, ирой, царь славный,
О пример ты зыбка счастья!
Враг он римлян, ненавистник
Сих тягчателей народов;
С юных лет он чует славу
Противстать струе сей, рвущей
Все оплоты; бодрый разум,
Возвышенны чувства сердца,
Крепость духа, храбрость, смелость,
Мужество, в трудах возросше,
Закаленное во славе,
Он дал бег душе отважной,
Властолюбия алкавшей,
На великая возмогшей.
Победитель он Асии,
Победитель он Эллады,
Уступить был принужденный
Счастью Рима, счастью Суллы.
Но иссунул меч кровавый
Паки на погибель Рима,
Тридцать лет сопротивлялся
Он грабителям вселенной,
Римлянам: но в тяжки лета,
Зря восставшего Фарнаса,
Сына, наущенна Римом,

Он мечом свою жизнь славно
Ненадежную исторгнул,
Не возмогши ее кончить
Жалом острым яда сильна:
Зане жизнь его, в смятеньи
Провождается, успела
Притупить всю едкость яда.
Мифридата победивши,
Испровергнувши Афины,
Победивши всех ахеев,
Всех союзников и римлян,
Сулла меч свой, обагренный
Кровию доселе чуждой,
Он простер во сердце Рима.
Заградив на жалость сердце,
Хладнокровный был убийца
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члены
Погубленных граждан Рима
Его были услаждение.
Нет, ничто не уравниется
Ему в люлости толикой,
Робеспьер дней наших разве.
Ах, во дни сии ужасны,
Где отец сыновней крови,
Где сыны отцовой жаждут,
Господу где раб предатель,
Средь разврата нагла нравов
Может разве самодержец,
Властью венчан всеильной,
Дать устройство, мир – неволи, –
Пусть неволи, но отдохнет
Человечество от тяжких Ран.
Стал Сулла всевелитель,
Учредил благоустройство
Во мятежном сердце Рима.
И се муж, кровей столь жаждущ,
Погубитель граждан, воинов,
Грады, селы испровергший,
Наносивший смертны раны
Во сердцах семейств толиких,
Возгнушался своей властью
И дерзнул сойти с престола.
Он конец своея жизни
Провел мирно и в утехах
Сладострастья, неги, хмеля.
О властители народов!..
Или паче, сердца смертных
О загадка, нерешима
Ниже Сфинксу! Будто только
Всевластителю угодно
Было кровию упиться
И возлечь на ложе мирно,
Среди Вакха, мусс и Лелы.
Истина непостижима,
Но то истина, что может
Во душе, к люблению нежной
При вождении рассудка,
Привитать и люто зверство.
Где ты, Рим, где ты, отчизна
Простоты, смиренья, чести!
Добродетели опоры,
Потрясенные страстями,
Утопилися в ассийской
Роскоши; но се явленье,
Удивления достойно
Всех веков, всея вселенной:
Муж богатства неисчетна,

Пышностию превзошедший,
Роскошью и велелепьем
Всех царей роскошна Востока,
И среди распутства, буйства,
Наглостей, презренья явна
Добродетели, законов,
Возмужался, явил свету
Сердце чистое и разум,
Всей изящностью украшен.
Воин храбрый и вождь мудрый,
Гражданин среди разврата;
Ненавистник ухищрений,
Скопов, козней, заговоров;
Не алкая властолюбьем,
Победитель Мифридата
Торжеством шел в Капитолий.
Сердце, руки непорочны,
Судия всегда правдивый,
Истина из уст нельстивых
Лукулла роскошна, пышна
Исходила непорочна.
Сын, отец и брат он нежный,
Господь щедрый, друг несчастных,
Он бы мог стать всех превыше,
Кесаря или Помпея,
Но иль мало он отважен,
Иль не дерзок, иль почтил он
Мир, покой средь мусс и неги.
Марий, проложив кровавый
Путь ко власти высшей в Риме,
Сулла, воинов купивши,
Показали, что возможно
Силой царствовать в Риме;
Рим, владыко всех народов,
Уж настала та минута,
Что ты выю свою горду
Под ярем насильства склонишь.
Если муж продерзкий, буйный,
Вихрь неистовый страстями,
Смелый ум, отважно сердце,
Сластолюбец, злодей гнусный...
(Зри, ступил, ушел и, в бегстве
Вырвавшись, мечом дерзает...
Но, сражен, он, озираясь,
Грозит взором и скрежещет
Во отмщение зубами) –
Если вольность Катилина
Не возможет испровергнуть,
То, спасенный Цицероном,
В мрежи ты падешь Помпея.
Властолюбец, не терпевший
Себе равного во Риме,
Жажду царствия прикрывши
Добродетельной личиной,
Он умеренности видом
Привлекал сердца и души;
Торжества исторгши почесть,
Еще юн, не хотел больше,
Чтоб его затмил кто в Риме:
Победитель и во власти
В Рим вступает гражданином,
Но он хитростью то будет,
Чего силой не желает.
Его честь и добродетель
На лице токмо сияли,
Но душа была бесстыдна.
Расширитель он пределов
Рима Ассию до сердца,

Он неистово гордился,
Презрил Юлия, вещая:
«Я воздвигну легионы,
Ударяя ногой в землю».
Во Фарсальских он долинах
Испытал превратность счастья,
И предательной десницы
Стал он жертвою плачевной.
Тако зданье, соруженно
Хитростью и расточеньем,
Властию, умом, стрясется
И падет единым махом,
Коль найдет во преткновенье
Буйнее себя и дерзче.
Се возник тот муж предивный,
Удивленье веков поздних,
В юности распутен, жаждущ
Лишь веселья и утех,
Дорогими ароматы
Нося кудри умощенны
И рача лишь о наряде, –
Сей вознесся, да преломит
Твердый щит свободы Рима,
Но в котором еще Сулла
Марьев многих прорицает.
Юлий встал – и всё поникло.
Ах! что может стать противу,
Когда Юлий в селе малом
Первым быть желает лучше,
Нежели вторым во Риме?
Алчба власти необъятна,
Совождается рассудком
Твердым, быстрым, и глубокий
Ум блестящий, и украшен
Всею учености цветами.
Слово нежно и приятно,
Но и сильно, пылко, стройно,
Убеждать равно удобно
Душу, сердце жены, война.
Предприимчив, смел, отважен,
Жив, деятелен; чудесны
Он намеренья родивши,
Исполнял их устремленно;
Храбр и мужествен в сраженьи,
Мудр, разумен он в советах,
Милосерд, прощать обиды
Он готов всегда злодеям,
Как возможно, чтобы вольность
Устоять могла, шатнувшись,
Против Юлья? Муж чудесный,
Он все качества изящны
Ссредоточил, недостатка
Ни едина не имевши,
Но пороков тьму; рожденный
К управленью, где бы ни был,
Победитель был бы тамо,
Где б случилось вождасть войско.
Вольности умыслив гибель,
В достиженьи сея цели
Бдетелен был, трезв, незыблен,
Всегда к брани он готовый,
Рукой дерзкой и обильной
Рассыпал несчетно злато,
Покупал наемны души
И клеветов своих бранных
Делал Крезами, коль нужно.
Путь направля ко престолу,
Преткновений став превыше,

Он себе позволил всё – и,
Свято было ль что, не ведал.
Так, Помпея победивши,
Изливал щедроты всюду
И явился царь премудрый.
Но, или неосторожно,
Или гордостью своею
Оскорбив любящих вольность,
Сей вождь славный, муж великий
Пал, сражен друзей рукою,
Пал, ненужная ты жертва
Сокрушенныя свободы.
И – неслыханное чудо! –
Тиран мертв, но где свобода?
Во служение поникший
Рима дух парить не может.
А ты, муж красноречивый,
Цицерон, прияв кормило,
Не возмог ты Римом править.
Ах, Катон, почто исторгнул
Жизнь свою ты столь некстате?
Ты бы участь зыбку Рима
Укрепить мог духом твердым.
Стань, сравнись со Цицероном:
Монтескье о вас да судит.
Цицерон – муж качеств дивных,
Но вторым быть, а не первым
Был удобен: ум прекрасный,
Но душа нередко низка.
В Цицероне добродетель
Есть побочность, а в Катоне
Она верх, подпора ж славы.
На себя всегда взор первый
Витий славный обращает,
А Катон себя не видит;
Рим спасти Катон желает,
Зане любит он свободу,
А муж слова сладка хочет
Рим спасти из чванства разве;
И сей муж неосторожный
И тщеславный, ненавидя
Марк Антония, восставил
Юлия в Октавиане.
Но, обманутый младенцем
Почти, пал, опасна жертва
Кровожадных триумвиров.
Тут воскрес, восстал от гроба
Ненасытец граждан крови,
Сулла: меч носился в Риме,
Пожиная всех, кто немил
Иль опасен триумвирам.
Так, валясь везде на части,
Римска вольность исчезала.
Брут и Кассий, побежденны
В Греции, свой меч вонзают
В грудь свою без пользы Риму;
Только слава им осталась
Римляне последни зваться.
Потом, Марка победивши
Октавьян в Акцьи, трусливый,
Царь он стал огромна Рима.
И так сей злодей неистый,
Без законов и без правил,
Хитр, бесстыден, подл и алчен,
Благодарности чужд сердцем,
Сластолюбец и бездельник,
Кровожаждущ, но с насмешкой,
Воевода трус и робкий,

Но возлюбленный воинством,
Рим исполнивши насильства,
Грабежа, бесстыдства, крови
И насытившись надменно
Сладострастием позорным,
Стал превыше он всех в Риме.
Он, в любовь к народу вкравшись,
Льстя его свободы видом
(Ах, достоин ли свободы
Ты, который лишь желаешь
Хлеба, хлеба, игр на цирке?),
Основал престол железный,
Где воссядет злодеянье
И с ним гнусные пороки.
Тако хитрый сей мучитель,
Безмятежным правя царством
Долго, был и щедр и кроток
И, кончину видя близку,
С твердостью вещал стоящим:
«Се конец игры, плещите!»
Но потомство не обманешь,
О неистовый счастливец!
Блеском своея державы
Одолжен ты Меценату,
Иль Ливьи, иль Агриппе,
Иль льстецам твоим наемным,
Иль Горацью, иль Марону.
О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев?
Как струя, в своем стремленьи
Препинаема оплотом,
Роет тихо в основаньи
Связь подножья его крепка,
Но подрыв и отняв силу
У претяжия плотины,
Ломит махом все преграды
И, разлившись с буйным ливом
По лугам, долинам, нивам,
Жатвы где блюлись и злаки,
Всё покрыла волной мутной, –
Так при Августе власть высша
Подрывала столб свободы,
Что Тиверий сринул махом.
Тиран мрачный, он подернул
Покрывалом тяжким скорби
Рим; тогда не злодеянье
В злодеяние вменялось,
Но злодей – кого Тиверий
Ненавидел или думал,
Что опасен он быть может.
Действие, невинна шутка,
Одно слово, знак иль мысли –
Всё могло быть преступленьем.
Там донос, ночное жало,
В бритву ядом изощренно,
Носят нагло днем во Риме.
Сын отцу и отец сыну,
Брату брат, супруг супруге,
Господину раб, друг другу
Чужды стали и опасны.
Оком рыси соглядая,
Лютость рыскала по стогнам
И с улыбкою змеиной
То чело знаменовала,

Что падет при восходе солнца
Иль увянет при закате.
Ах, исчезли те сердечны
Излиянья меж друзьями,
Что всю сладость составляли
Бесед тихих, но свободных,
Со пиршеств непринужденно
Отлетело уж веселье,
Скрыв чело блестяще, ало
Под покров густой печали;
И доверенность в семействах,
И в рабах, хоть редка, верность
Искаженны превратились
В недоверчивость, подобну
Стражу люту, что отъемлет
У несчастных услажденье
В бедстве томном – сон и слово.
Дружба там почлась не лучше
Скалы скрытой и подводной,
Где корабль при дуновеньи
Тихого зефира будет
В корысть Сцилле иль Харибде.
Откровенность и вид правды
Поставлялися безумьем.
И сама, ах! добродетель
Почиталася личиной,
Но опасной для тирана,
Зане вид ее любезный
Мог исторгнуть бы из груди
Воздыханье о блаженстве
Времен прежних и родилась
Мысль, что Рим мог быть иначе.
Так вещает муж бессмертный
Монтескье, что нет тиранства
Злей, лютей, когда ходжает
Под благой сенью законов
И прикрытое шарами
Правосудия; подобно,
Как бы жалость всю презревши,
Отымать спасавшу доску
Претерпевших сокрушенье
Корабля, да гибнут в бездне.
Се лишь слабая картина
Царствия Тиверья мрачна.
Сей тиран согбенна Рима,
Возгнушавшись его лестью
Иль боясь, чтоб не воздвигло
В нем отчаянье десницу
На карание правдиво
Всех его мучительств темных,
Отдалился во Капрею,
Где, когортами стрегомый,
Сластям гнусным предавался,
Коиx образ даже срамный
Иль одно напоминанье
Омерзенье возбуждают.
Тамо отроков во сонме
Наслаждался он утехой,
Новы сласти вымышляя
И названия им новы;
Там, откуда его смрачны
Слуги, рыская повсюду,
Новых жертв всегда искали
Его мерзку любострастью;
Отрок нежный, возвращенный
В целомудрии, в смиреньи,
Исторгался из объятий
Отца, матери иль брата.

Ах, почто, почто и память
Сих всех гнусностей позорных
Едко время пощадило!
Время, в царствии драгое,
Истошая в сих утехах,
Исполнение своей власти
Злой тиран отдал Сеяну.
Сей, орудье его зверства,
Шел во власти и в тиранстве
Наравне с каприйским богом.
Погубив его семейство,
Он уж смелую десницу
На трепещуща тирана
К поражению возносит, –
Но сам пал, и тиран лютый
Злей, лютее стал, дотоле,
Что, несчастный, избегая
Не кончины неизбежной,
Но терзаний, муки, пытки,
Жизнь заранее преторгши,
Извлекал из уст тирана
Слово зверское: «Он спасся».
Сам Тиверий смертью лютой
Жизнь скончал свою поносну.
Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высококу вью,
То что нужды, кто им правит?
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль, – на мгновенье,
А потом он, усугубя
Ярость люлости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.
Кай Калигула таков был:
Милосерд, но лишь вначале;
Он был щедр – разве в тиранстве.
Юнош тихий и покорный
Был, доколе высшей власти
Не имел в своей деснице;
Потом тигр всех паче лютый.
И достойно назывался
Рабом лучшим во всем Риме,
Господином злей всех паче.
Он, лаская толпе черной,
На безумные издержки
Истошил несчетно злато.
И се светлое начало
Пременилось скоро, скоро.
Сверженно всё и погранно
С наглостью; досель невинный,
Нравы, разум и законы,
Человечество и честность
Подавив пятою тяжкой,
Кай омылся в кровях Рима;
Он, мучитель до безумства,
Сожалел о том лишь только,
Что народ, народ весь римский
Не одну главу имеет,
Да, сраженна одним махом,
Ниспадет ему в утеху.
Пьян, величием надменен,
Он царей всех чтит рабами,

Храм создал себе, как богу,
И велел обильны жертвы
Приносить себе, как Зевсу.
Блестел молнией, метал грома.
Удивиться тому должно,
Как мог Рим повиноваться
Дурака сего неиста
Бешенству толико яру;
Любодейца со сестрами,
Нагл, насилен и бесстыдно
Осрамлял супружне ложе.
Лишь стыдился, что Агриппа
Его дед был, и вещает:
«Мать мою родивша Юлья
Зачала в объятых отчих
Бога Августа». – Безумный!
Нет, лишь смех ты возбуждаешь.
Но чему дивимся боле:
Иль надменности безумной,
Или зверству его яру?
Глад, иль мор, или пожары,
Или бедствия народны
Ему были услажденьем.
Но дотоль он презрил римлян
Или был безумен столько,
Что коня в своих чертогах
Угощал, как мужа славна.
Он нарек его первейшим
Во священниках и мыслил
Нарещи его в сенате
Консулом, – Но полно, полно,
Замолчим... Он жизнь столь гнусну
Острием скончал Херея.
Ах! пребудет удивленьем
Во все веки, во все роды...
Как Рим гордый возмужавший,
Жив столетия во бранях
Непрестанных, источая
Кровь граждан и кровь противных,
Истребляя иль присвоя
Царствия, народы, веси,
Явив свету мужей дивных
В добродетелях, в ироистве,
Совершивши дел толико
И великих и блестящих,
Быв толико мудр в правленьи,
Мудр во бранях и в победах
Мужествен, тверд, постоянен,
Во опасностях незыблем;
И поставив от начала
Присвоение вселенной,
И намеренье блестяще
Столь умыслив остроумно,
Столь исполнив постоянно
И окончив столь счастливо...
Но на что ж?.. Дабы злодеев,
Извергов, чудовищ пять-шесть
Наслаждались всем буйно...
Иль се жребий есть всеобщий,
Чтоб возвышенная сила,
Власть, могущество, блеск славы
Упадали, были гнусны?
И рачащие о власти
Для того ее лишь множат,
Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?
Во всех повестях народов
Зрим премены непонятны.

Сенат римский, гордый, смелый,
Сонм князей, владык державных,
Пресмыкается и гнусен...
О властители вселенной,
О цари, цари правдивы!
Власть, вам данная от неба,
Есть отрада миллионов,
Коль вы правите народом,
Как отцы своим семейством.
Но Калигулы, Нероны,
Люты варвары и гнусны,
Суть бичи небес во гневе,
И их память пренесется
В дальни веки для проклятий
И для ужаса народам!
Кай сражен, сражен Хереем,
Что возмнил восставить паки
Истукан свободы в Риме.
И се, кроясь во страхе
В углу дальном царска дома,
Клавдий обретен трепещущ.
«Буди царь!» – вещают войны.
О Рим, Рим! кто царь твой ныне?
Старец дряхлый, но младенец
Он умом: ум слабый, глупый;
Человек едва ль, зародыш,
По названью его родшей.
Мягкосерд, но что в том пользы?
Раб жены поносной, срамной,
Стряшей стыд, раб Мессалины,
Коей имя ввек позорно
Нарицанием осталось
Жен презрительных, бесстыдных.
Он, игралищем став гнусным
Отпущенников, злодеев,
Иль Нарцисса, иль Палладья,
Омывался в крови римлян.
В Риме тот был жив, здрав, знатен,
Кто их друг был иль наемник.
Кто с глупейшим из тиранов,
С Клавдием сравниться может?
Недовольная, упившись
Мессалина сласти гнусной,
Пред очами она Клавдья
Во супружество вступает
Со возлюбленным ей Сильем.
Но что пользы в том, что смерти
Предаст Нарцисс Мессалину?
Клавдий слышал и трепещет:
«Я ль еще владыка Рима?»
Се вопрос тирана слаба.
Се жена распутна паки
Воцарилась Агриппина;
Но, боясь конца насильна,
Ко Локусте прибегает, –
И отравя отомщает
Падший Рим кончиной Клавдья.
Ах, погибли пораженны
Все останки умов твердых.
Зри, жена иройска духа
Осужденному к злой смерти
Милому рекла супругу,
Да рукою своей твердой
Предварит он казнь поносну,
Но Пет медлит и робеет.
И се Ария сталь остру
В грудь свою вонзает смело:
«Прими, мой Пет любезный,

Нет, не больно...» Пет, мужаясь,
Грудь пронзил и пал с супругой.
Но се тот уж воцарился,
Коего счастливую юность
Управлял Сенека, Буррий;
Но который, сняв личину,
Каждый день своей жизни
Или каждый шаг свой зверский
Начертал убивством лютым;
Тот, чье имя ввек осталось
Всех поноснее и гнусней
В нарицание тиранам,
Имя Нерон, зверь венчанный.
Во неистовых утехах
Провождая дни и ночи,
Он в позорищах являлся
Иль возницей, или гистрий
В посмеянье был народу,
Но палач он, всем грозящий.
Он убийственную руку
Простирал на всех ближайших:
Мать, наставники, супруга –
Всё сраженно упало
Под мечом сего тирана,
Столь мертвить людей умевша;
Насыщался ежедневно
Или сластью прегнусной,
Или кровью умовенный,
Его Рим зрел посягавша
Во жены Пифагораса,
И среди затей безумных,
В кровях плавая гражданских
И в хмелю утех неистых,
Он возмнил себе представить
Пожар, гибель древней Трои,
И для сей утехи злобной
Велел Рим возжечь отвеюду...
Се довольно, мы скончаем
Сию повесть, где лишь видно
Иль неистовство, иль зверство.
Убоясь попасть в руки
Своей страже вероломной
Иль сената, погибает
Смертью, красной для тирана:
Он мечом сам грудь пронзает, –
И погиб, последняя отрасль
Дому Юлия велика.
Гальба, Отон и Вителлий,
Появившись на престоле,
Смертию своей поносной
Уступили Веспасьяну,
Избранному в цари войском,
Трон, омытый своей кровью.
Некогда ласкатель гнусный
Он Нарцисса и Нерона,
Веспасьян явил на троне
Добродетель: и Рим гибший
Отдохнул – хоть ненадолго.
Далек пышности и спеси
И трудясь во управленьи,
Воздвигал погибше царство,
Где чредою скиптр держали
Злы тираны, равно гнусны,
Равно злобны, или глупы,
Или бешены, иль паче
Расточительны безумно.
Услажденье рода смертных,
Тит, почто прешел ты скоро?

Или для того, чтоб знали,
Что считал ты свое царство
Излиянным только благом,
Нарицая днем погибшим,
Когда счастья не мог сделать
Никому? Но век твой красен
Жизнью Плиния Старейша...
Заклученный в недрах утлых
Огнь в Везувии, яряся,
Всклокотал и хлябь разинул,
Разорвав ее холм высший.
Огнь, камень, дым и пепел –
Всё летит превыше облак,
Затмевая день и солнце.
Там рекой струится лава,
И всё гибнет, вся окрестность
Погребенною сокрыта
В пепле жарком и ниспадшем.
Геркуланум и Помпея
Низошли совсем в могилу;
Бедство, смерть, опустошенья
Распростерлися далеко.
Тут, вождаемый алчбою
Сведения и науки,
Погибает Старший Плиний.
Но ты царствуешь, о сладость
Римского народа! – Тит, зри,
Как течет ко всем на помощь:
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует уж Титом.
Но, скончав свою жизнь кратку,
Тит престол оставил Рима
Иль чудовищу, иль брату.
Домитьян, тиран сей новый,
Он тиранов всех предшедших
Злее был и не смягчался
Николи в своей он злобе,
Зане робок был, застенчив.
И столь гнусно было время, –
Тацит тако возвещает, –
Ниже молвить, ниже слышать;
Рим стал нем, пропало слово,
И погибла б даже память,
Если б можно было смертным
Терять память во молчаньи.
Но мучитель робкий слова,
Всех в стенанье приводивший,
Пал супруги наущеньем.
Но и дни сии столь гнусны
Красились, имея мужа,
Жить родившагось достойным
В лучших днях Афин и Спарты.
Се Агрикола с тобою,
Домитиан, жил на то лишь,
Чтоб ты паче посрамленный
Пред потомками явился;
Зане истинно и верно,
Если сонмы людей славных
Могут красить дни счастливы
Царя мудра или щедра,
То один лишь муж великий,
В дни родившийся тирана,
Его паче лишь унизит
Ярым блеском своей славы.
Тогда паки воссияло
Солнце теплое для Рима:
По чреде там зрели мудрость,
Славу, мужество во власти

И венчанну добродетель.
Нерва, избранный на царство,
Был правитель мудр, но слабый
И согбен лет тяготою;
Но он дал себе опору
И устроил счастье Рима,
В сыны взяв себе Траяна.
Его смерть была бы в Риме
Бедствие, когда б не знали,
Что Траян его преемник.
Ожил Рим с царем толиким;
Судия и воин мудрый,
Он имел, что было нужно
Быть царем. Алкая славы,
Он свой меч победоносный
В Дакию простер; воздвигнул
На Дунае мост тот славный,
Удивлявший столько древних;
И оружия славой, блеском
Ослеплен, понесся в дальню
Покорение народов.
Но хотя излишня слава
Победительные лавры
Затмевает, хотя жертвы
Сладострастия неиста
И возлития обильны
Хмельну Вакху прикрывают
Черной тению картину
Подвигов, равно блестящих,
Царя в брани или в мире, –
Вопреки злоречья колка
Навсегда Траян пребудет
Пример светлый всем владыкам.
И тому дивися больше,
Что он, разума не красив
Благолепными цветами
Иль познаний, иль науки,
Мог царем он быть столь мудрым.
В том как можно усумниться,
Когда дни его златые
Зрели Тацита и Плинья,
Ювенала и Плутарха.
Когда Тацит, сей достойный
Муж дней Рима непорочных,
Со восторгом мог воскликнуть:
«Век счастливый наш, где можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
И вещать, что ты помыслишь».
Ах, сколь трудно, восседа
Выше всех и не имея
Никаких препон в желаньях,
Усидеть на пышном троне
Без похмелья и без чаду.
И тот царь почтен достойно,
Ускользнуть когда возможен
Обуяния неиста
Страстей буйных души смертных.
Адриан, на трон вступивший,
Строил счастье в римском царстве,
И хотя сравниться может
В добродетелях Траяну,
Но надменность и жестокость
Были в нем души пороки.
Гнусной страстью к Антиною
Тлея, в честь ему он строил
Храмы, грады; но всю гнусность
Страсти срамной и пороков
Он прикрыл раченьем к царству,

Путешествием всегдашним
В областях пространных Рима.
Не пустое любопытство
В страны дальны направляло
Его путь, но цель всегдашня
Путешествий столько дальных
Была польза и блаженство
Градов, областей, народа.
Устремляя взоры быстры
В управление подвластных,
Мститель был законов строгий
В лице всех, дерзнувших данну
Власть свою во зло направить.
Велелепные и пышны
Грады, зданья он воздвигнул,
Но не с тягостью народа,
Зае многие налоги
Облегчал и уничтожил.
Хоть достойный сей царь Рима,
Злой болезнью одержимый,
Жизнь свою прервать не могли,
Обратил свою всю лютость
На казнь, может быть не нужну,
Многих; но ему простили
Всё за то, что себе избрал
Он в преемники на царство
Антонина. Хотя помним
Слово мудра Фаворина,
Состязавшась с Адрианом:
«Нет, кто тридцать легионов, –
Так мудрец друзьям вещает, –
Может двигнуть одним словом,
Ошибаться тот не может».
Но его дни безмятежны
Возрастили Арриана
И учителя во нравах
Строга, мудра Эпиктита.
Испытав превратность счастья,
Он всю мудрость заключает
В двух словах: «Сноси с терпением,
Будь умерен в наслажденью), –
Словеса много блаженны,
От источника исшедши,
Кажется, излишне строга,
Но соделавшие счастье
Рима, дав ему на царство
Всех владык его изящных.
Кажется, напрягши мышцы
Во изящность, вся природа
Возникла в человеке,
Когда мысль образовала
Столь достойну удивленья
Веков дальных и потомства,
Мысль изящную Зенона.
И хотя б другой заслуги
Мудрование столь чудно
Не имело, – не оно ли
Риму в счастье даровало
Антонина, Марк Аврелья?
Дни блаженные для Рима
Уже паки воссияли.
Се восходит на трон света,
Коего любезно имя
Целый век за честь вменяли
Носить римские владыки.
Мудрец истинный, украшен
Добродетели чертами,
И порока ни едина.

Антонин течение жизни
Посвящал народу благу:
Гражданин, не царь, во граде,
Се отец благий не титлом,
Коим красились венчанны
И злодеи и юроды,
Но отец он истым делом.
Ах, тот мог ли быть превратен,
Кто несчастием ужасным
Почитал, когда бы быть мог
Ненавидимым во Риме;
Собственность кто презирая,
Расточал свое богатство,
Что наследил, соблюдая
Он сокровища народны?
«Нет, Фавстина, – он вещает, –
Я, владыкою став Рима,
Собственности всей лишился».
Он уснул, и Рим восплакал,
И Антонин мог забвен быть
Тем лишь, избрал что на царство
По себе в Рим Марк Аврелья.
Имя сладостно и славно!
Се премудрость восседает
На престоле цела света.
Но он смертный был. Блаженство
Рима вянет с Марк Аврельем;
И столетия с стремленьем
Протекли за ним уж многи;
Но на поприще обширном,
На ристалище вселенной
Всяка слава и блистанье
Всех царей, владык прешедших
Перед ним суть разве слабый
Блеск светильника, горяща
В полдень ясный, в свете солнца;
Перед ним вся лучезарность
Подвигов в сверканьи славы
Суть лишь мрак, и тьма, и тени.
Когда взор наш изумленный
Обращаем на владыку
На всесильного, который
Столь смирен был во порфире,
То во внутренности духа
Мы таинственно веселье
Ощущаем, и не можно
Без сердечна умиленья
Вспомнить жизнь его премудру.
Слеза радости исступит,
Сердце, в радости омывшись,
Вострепещет, утешаясь.
Но... смолчим, в душе сокроем,
Ах, всю скорбь и тяжело чувство,
Что по сладости во сердце,
Вспоминая Марк Аврелья,
Восстает и жмет в нас душу.
Нет, не жди, чтоб мы дерзнули
Начертать его течение.
Всё, что скажем, будет слабо
И сравниться не возможет
С той чертой предвечна света,
Чем его живописала
Всех веков и всех народов
Образ дивный благодарность.
Его жизни описанье
Действо то вливает в душу,
Что изящнее возникнут
О себе самих в нас мысли

И равно изящны мысли
О превратном смертных роде.
Но надолго ли? – О участь,
Участь горька рода смертных!
Марк Аврелий уж скончался,
Счастье Рима с ним исчезло
И благие помышленья
О блаженстве рода смертных.
Се торжественно и тихо,
Спровождается всех воплем,
Шествие его кончины
Отправлялось во Риме;
Но шаг каждый препинаем
Был слезами иль восторгом
Всего римского народа:
«Се наш друг – ах, паче друга,
Се родитель, се кормилец, –
Се отец, – се бог всещедрый...»
Скорбно в слухи ударяли
Слова сии нельстивы
Того, кто вменит за тягость
Все благие помышленья.
И се во броне одеян
Коммод грозно потрясает
Копьем, и всё умолкло.
Шествие идет в молчаньи.
Ах, тогда уже познали,
Что сокрылось во гробе
Счастье Рима с Марк Аврельем.
1795–1796 (?)

«Час преблаженный...»*

Час преблаженный,
День возделенный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!
Середина января 1797 г.

Журавли*
Басня

Осень листья ощипала с дерев,
Иней седой на траву упал,
Стадо тогда журавлей собралось,
Чтоб прелететь в теплу, дальну страну,
За море жить. Один бедный журавль,
Нем и уныл, пригорюнясь сидел:
Ногу стрелой перешиб ему ловчий.
Радостный крик журавлей он не множит;
Бодрые братья смеялись над ним.
«Я не виновен, что я охромел,
Нашему царству, как вы, помогал.
Вам надо мной хохотать бы не должно,
Ни презирать, видя бедство мое.
Как мне лететь? Отымают возможность,
Мужество, силу претяжка болезнь.
Волны, несчастному, будут мне гробом.
Ах, для чего не пресек моей жизни
Ярый ловец!» – Между тем веет ветер,
Стадо взвилось и скорым полетом
За море вмиг прелететь спешает.
Бедный больной назади остается;
Часто на листьях, плывущих в водах,
Он отдыхает, горюет и стонет;
Грусть и болезнь в нем всё сердце снедают.

Мешкав он много, летя помаленьку,
Землю узрел, вожделенну душою,
Ясное небо и тихую пристань.
Тут всемогущий болезнь излечил.
Дал жить в блаженстве в награду трудов, –
Многи ж насмешники в воду упали.
О вы, стнящие под тяжкою рукою
□□□□Злосчастия и бед!
□□□□Исполнены тоскою,
□□□□Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он-пол поспешайте:
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.
Между 1797 и 1800 гг.

Идиллия*

Краснопевая овсянка,
На смородинном кусточке
Сидя, громко распевала
И не видит пропасть адску,
Поглотить ее разверсту.
Она скачет и порхает, –
Прыг на ветку – и попала
Не в бездонну она пропасть,
Но в силок. А для овсянки
Силок, петля – зла неволя;
Силок дело не велико, –
Но лишение свободы!..
Всё равно: силок, оковы,
Тьма кромешна, плен иль стража, –
Коль не можешь того делать,
Чего хочешь, то выходит,
Что железные оковы
И силок из конской гривы –
Всё равно, равно и тяжки:
Одно нам, другое птичке.
Но ее свободы хищник
Не наездник был алжирский,
Но Милон, красивый парень,
Душа нежна, любовь в сердце.
«Не тужи, моя овсянка! –
Говорит ей молодой пастырь. –
Не злодею ты досталась,
И хоть будешь ты в неволе,
Но я с участью твоею
С радостью готов меняться!»
Говоря, он птичку вынул
Из силка и, сделав клетку
Из своих он двух ладоней,
Бежит в радости великой
К тому месту, где от зноя
В роще темной и сенистой
Лежа стадо отдыхало.
Тут своей широкой шляпой,
Посадив в траву легонько,
Накрывает краснопеву
Пленницу; бежит поспешно
К кустам гибким он таловым.
«Не тужи, мила овсянка,
Я из прутиков таловых
Соплету красивый домик
И тебя, моя певица,
Отнесу в подарок Хлое.
За тебя, любезна птичка,
За твои кудрявы песни

Себе мзду у милой Хлои,
Поцелуй просить я буду;
Поцелуй ее сладки!
Хлоя в том мне не откажет,
Она цену тебе знает;
В ней есть ум и сердце нежно.
Только лишь бы мне добраться...
То за первым поцелуем
я у ней другой украду,
Там и третий и четвертый;
А быть может, и захочет
Мне в прибавок дать и пятый.
Ах, когда бы твоя клетка
уж теперь была готова!..»
Так вещая, пук лоз гибких
наломав, бежит поспешно,
к своему бежит он стаду
или, лучше, к своей шляпе,
где сидит в неволе птичка;
Но... злой рок, о рок ты лютый...
Остра грусть пронзает сердце:
ветр предательный, ветер бурный
своротил широку шляпу,
птичка порх – и улетела,
и все с нею поцелуй.
На песке кто дом построит,
так пословица вещает,
с ног свалит того ветер скоро.
Между 1797 и 1800 гг.

Ода к другу моему*

1

Летит, мой друг, крылатый век,
в бездонну вечность всё валится,
уж день сей, час и миг протек,
и вспять ничто не возвратится
□□□□Никогда.
Краса и молодость увяли,
покрылись белизной волосы, –
где ныне сладостны часы,
что дух и тело чаровали
□□□□Завсегда?

2

Твой поступь был непреткновен,
гордящаяся глава вздымалась;
в желаньях ты не пречерчен,
твоим скорбь взором развевалась,
□□□□Яко прах.
Согбенный лет днесь тяготою,
потупил в землю тусклый взор;
скопленный дряхлостей собор
едва пренес с своей клюкою
□□□□Один шаг.

3

Таков всему на свете рок:
не вечно на кусту прельщает
мастистый розовый цветок,
и солнце днем лишь просияет,
□□□□Но не в ночь.
Мольбу напрасно мы возводим,
да прелесть юных добрых лет
калечна старость не женет:
нигде от едкой не уходим
□□□□Смерти прочь.

4

Разверстой медной хляби зев,
Что смерть вокруг тебя рыгает,
Ту с визгом сунув махом в бег,
Щадя, в тебя не попадает
□□□□На сей раз.
Когда на влажистой долине
Верхи седые ветр взмутит,
Как вал, ярясь, в корабль стучит –
Преплыл не поглощен в пучине
□□□□ты в сей час.

5

Не мни, чтоб смерть своей косою
Тебя в полете миновала;
Нет в мире тверди никакой,
Против ее чтоб устояла,
□□□□Как придет.
Оставишь дом, друзей, супругу,
Богатства, чести, что стяжал:
Увы! последний час настал,
Тебя который в ночь упругу
□□□□Повлечет.

6

Кончины узрим все чертог,
Объят кровавыми струями;
Пред веком смерть судил нам бог –
Ее вершится всё устами
□□□□В мире сем.
Ты мертв; но дом не опустеет,
Взовет преемник смехи твой;
Веселой попирать ногой,
Не думая, твой прах умеет,
□□□□Ни о чем.

7

Почто стенати под пятой
Сует, желаний и заботы?
Поверь, вперять нам ум весь свой
В безмерны жизни обороты
□□□□Нужды нет.
Спокойным оком я взираю
На бурны замыслы царей;
Для пользы кратких, тихих дней,
Крушась всечасно, не собираю
□□□□Златых бед.

8

Костисту лапу сокрушим,
Печаль котору в нас вонзила;
Мы жало скуки преломим,
Прошед что в нас с чела до тыла,
□□□□Душу ест.
Бедру весельем препояшем,
Исполним радости сосуд,
Да вслед идет любовь нам тут;
Богине бодрственно воспляшем
□□□□Нежных мест.
Между 1797 и 1800 гг.

Бова*

Повесть богатырская стихами

План богатырской повести Бовы

При тихом плавании Бова поет песню, соответственную своей горькой участи. Вдруг восстает буря; все, струся, молятся богу, всякий своим манером. Бова сидит один

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
пригорюнясь, что раздражило матросов; они его бросают в море. Буря утихает, как будто нужно было для утишения ее, чтоб он был брошен. Бова между тем выкинут на берег; лежал долго, встал, идет и видит (описание острова похотливости). Игры, смехи, забавы стараются его целую неделю заводить в любовные сети, но он удерживает свое целомудрие, не ради чего, как по своей новости. Чрез неделю вся прелесть острова пропадает, и он превратился в пустыню; он ходит, находит костер зажженный, на котором горит зажженная змеиная кожа; он ее вынимает, но едва он сие сделал, как день померк, гром восстал; и он видит при сверкании молнии, видит ужасных чудовищ и проч. и между ими идущую жену прекрасную, но взору сурового. Несчастный, ты сохранил мою лютую злодейку, и я тебе всегда буду мстить. Ее угрозы: не властна я в твоём теле, но в сердце твоём; я им тебя накажу. – Между тем видит он из-за горизонта восходящую будто зарю; мрак исчезать начинает, с ним и призраки и вид жены строго-взорой; свет множится. Он видит летящую колесницу, везомую лебедями; опустилась, нисходит жена вида величественного, приятного; благодарит, что он ее кожу спас и возобновил ее юность. Повествует о духах, как они властвуют над человеком, а сами подвержены, чтоб умножаться, чрез семь дней обращаться в змий, и если их кожу кто унесет, то они становятся человеки, подверженные всем немощам людским и, по долговременной и дряхлой жизни, может быть, и смерти. Люба украла ее кожу и уже сто лет ее держала, но он ее спас; в благодарность она ему обещает блаженство: силой и красотой одарила тебя природа, но берегись моей совместницы и лесь не принимай за любовь истинную. А чтоб то тебе познавать, вот тебе зеркало: когда, в страсти будучи, ты в него взглянешь и оно чисто, то любим нелицемерно, ежели же тускло, то любовь плотская, и соперница моя близка. Когда же что захочешь от меня, то помысли, и в зеркале увидишь, что тебе делать. Сказав, исчезла; остров и всё из глаз пропало, и Бова очутился на том же песчаном берегу, где, мы позабыли сказать, что, утомленный плаванием в буре, он заснул. Дивится сновидению своему, но еще больше дивится, видя близ себя малое зеркальце. Не ведает, сон ли то или мечта. Идет, встречает старца, который ему очень рад. Он его отводит домой, где его все принимают с радостью, дивятся ему, его омывают, наряжают в белое платье и объявляют ему, что он невольник по законам. Он им рассказал свою повесть, скрыв только свой чин. Плачет: из погибели в неволю.

На другой день его выводят на торжище, где его продают садовнику царскому. Сей отводит его в сад; он живет, работает и поет свою песню. Услышала царица, велела привести его к себе и, увидя его столь юна и широкоплеча, влюбилась. Начала к нему приступать. Идет в баню, куда и его зовут; он не соглашается. Его в комнатные наряжают, он стоит за ее стулом. Тут его увидела царевна, влюбляется, не знает, что чувствует, но они сходятся в саду и, зная, что худо делают, исполняют волю любви. Недолго они тем наслаждались; царица, гуляя в саду, их застаёт; ее ревность, бешенство, отчаяние; велит царевну запереть в терем, а его сослала на конюшню. Тоска его, отчаяние.

Между тем помышляет царь отдать дочь свою замуж, боясь следствий свидания с Бовою; клич кличут, чтобы все цари, царевичи и сильны богатыри съезжались на турнир, и кто всех победит, то будет ему зять. В назначенный день собираются на ратное место многие царевичи и богатыри; приходит царь с царицей, и приводят царевну. Унылость ее делала ее привлекательнее и черты ее опаснее. Сражаются.

Между тем Бова, горя о своем жребии, имея всегдашнее желание видеть царевну, вспомнил о своем зеркале, которое всегда носил на шее, взглянул в него и видит себя в нем в богатырском уборе на коне; внизу сии слова: ступай на поприще и там увидишь. Пошел в конюшню царскую, седлает одного из коней, подле коего находит сбрую ратную богатырскую: латы, шлем пернатый, меч и копие. Наряжается и, опустив зрельницу, едет за город на место поприща. Уже все рыцари побились, и один остался над всеми победителем, разъезжает гордо; громко возглашает, вызывая на бой. Бова въезжает, пускают его; пускаются, копыта их летят вдребезги, вынимают мечи и, наскочав, ударяют друг друга; у Бовы меч переломился; соперник его хочет с размаху в зрельницу ударить, но он, уклонясь, спрыгивает с коня и, прискочив, сдергивает всадника с коня и меч его, вырвав, отбрасывает. Схватываются бороться, и Бова, одолев его, повергает на землю, ставит колено на грудь, снимает шлем и принуждает признать себя побежденным. Тут к нему подступают все и ведут его торжественно; а соперник его скрылся от стыда, яростен и желая мщения; сей был Лукопер, сын Хана Болгарского. Бова венчается царевною; она взлагает на него венец, говорит: будь счастлив, но не со мною. – Ах, прекрасная, ужели Бова недостойн стал тебя или твоя любовь переменялась? Но, хотя победитель, ведаю, что не могу еще быть твоим супругом. Дай мне слово не быть ничьею. – Клянусь, – вещала царевна. Он снял шлем и подошел к царю и

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

царице; сия, увидя его, возгорелась паче любовью, но, дабы положить преграду женьтебе, причла ему в вину, что, не будучи рыцарь, он смел сражаться, и хотя он победитель, но должен сперва заслужить свою вину. И так Бову велели судить, и судьи мудрые присудили сделать Бову рыцарем и велеть ему ехать искать живой воды, которая, по сказанию верных людей, нянь и мамок, течет из горы за тридевять земель в тридесятом царстве. Его посвятили рыцарем, и он надел черные доспехи в знак своей печали, пустился. Выхав за город... – иной спросит: для чего он не послушался? Нельзя: кто знает, сколь строги законы чести, тот знает, что рыцарских правил послушаться было нельзя. Да и ныне, когда свинья тебя толкает рылом, то тяни вон шпагу и колись: так честь повелевает. Но преслушался он в том, что захотел видеть царевну, и вынул зеркало, посмотрел, видит себя одетого в старушечье платье цыганкою, и слова: иди к терему. Остановился, видит, у дороги лежит одежда, одевается, идет, поет: кто хочет знать свою судьбу, давай тот денег, и узнаешь; кто чае быть царем, ходи тот к нам, и дам ответ; кто хочет знать, что мило сердцу, будет ли то его иль нет, бери от нас совет, и грусть его пройдет! – Старуху, хоть сердце и свербит, но любопытство! зовут цыганку! он поет и велит царевне плакать. Открывается, живет у нее, спит с нею и позабыл про живую воду. Жил у нее четыре месяца, видит в одну ночь, что он упал с терема и зеркало разбил; он было в утехах про него и позабыл, пробудился, глядит, видит, зеркало тускло, и едва читает сии слова: лживый рыцарь, не сохраняешь клятву, ты недостойн обещанного блаженства. Спеши обет исполнить, а в наказанье, что послушал своей страсти, зеркало у тебя отъемлетя, доколе не исправиться. Едва он сие прочесть успел, зеркало исчезло, а он себя нашел лежащ на земли в доспехах богатырских у ног своего коня и без зеркала. Дивится, но сел и поехал.

Уже проехал он многие земли и царства, путь продолжая на восток, презирая непогоды, зной, холод, жажду, глад, достиг наконец подошвы Тавра. Утомленный долгим путем, он слез, коня расседлал и пустил, а сам снял шлем и лег на мураве; и видит едущего с горы; показался ему исполин, сидя на коне исполином, но, ближе подъехав, увидел, что то был человек сверху, а внизу конь, испужался, но, кликнув к себе коня, надел шлем и поехал. Издали кричал ему чудовище: как смеешь, молокосос, сесть при мне на коня; я Полкан, сын Бреда, сила моя известна в свете; покорись или умрешь, даю тебе время на размышление, погляди на меня поближе. – Бова видит вверху человеческое, но зверообразное, мохнатое лицо, нос красно-синий, глаза как угли раскаленные, по пояс был весь мохнат, а ниже пояса конь сильный, у которого недоставало только шеи и головы; на плече держал палицу дубовую, или, лучше сказать, дубовое бревно. Бова не утешился и в ответ ему сказал только: разъезжайся, и поскачем. – Ударились. У Бовы копье разлетелось, ниже оцарапало Полкана, но удар столь был силен, что Полкан упал на колена, а он Бову столь ударил сильно, что Бова слетел с лошади; но, вынув меч, пошел опять против чудовища. Сей ему говорит: ты первый, кто мог мне дать такой удар и проч. Твой меч будет безуспешен, ибо я определен умереть от когтей львиных, я их много поражал, но конца своего еще не знаю. Будем друзья, твое мужество мне нравится. Поедем. – Бова ему сказал, куда послан. – Ах! неистовая царица желает твоей смерти, я был в их воле; отец ее за мое озорничество обманом зарыл меня в землю, и кормили меня только хлебом и водою, и меня с тем выпустили, чтобы я тебя убил за то, что про тебя сказали, что обесчестил царевну и бой рыцарский, будучи раб купленный; на погибель твою, – сказал Полкан, – я бы туда поехал и тебе пособил, но тот, в чьей области сия вода, мне брат. – Так сделай же доброе дело, поезжай, освободи мою супругу. – Полкан дал слово, и расстались.

Полкан возвратился и сказал царице, что он не нашел Бову, а ночью, украв царевну, увез ее и поехал; хотел убить мать Бовину и царевну там посадить, чтобы ждала Бовы. Уже они достигли до пределов того государства, но стали отдохнуть, царевна уснула, а проснувшись, увидела Полкана мертва и подле него льва издыхающа, у которого разорваны были лапы. Она утешилась, пошла в город и нанялась в работницы; родила двойни.

Между тем царица, пылая мщением, призвала чародея и сказала, что ей хочется погубить Бову. – Погубить его нельзя, судьбы тому противны, но можно его свергнуть в несчастье, отняв у него сбрую ратную и коня. – Ступай, – сказала царица. Чародей вмиг догнал Бову, который оставался близ града Испгани. Пустил коня. Но чародей прежде вошел в город и солгал царю Салтану, что Бова приехал воевать его государство. И так царь выслал против него много рати, но Бова их прогнал и поехал мимо. А чародей оделся в монашеское дервишское платье, сел на распуты. День очень был жарок; Бова, ехав, увидел старца, под деревом пиющего, попросил у него, тот ему подал, и Бова захотел спать. Лег, а чернец снял с него

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
доспехи и, взяв меч и копье, сел на коня его и ускакал, сказав в Испани, что Бова обезоружен; пришли, взяли его и посадили его в тюрьму. Бова горюет, готовят ему казнь. Ибо тут был царем тот самый Лукопер, которого он победил на поприще. В ту ночь, когда ему было идти на казнь, он, ходя по темнице, ощупал в углу меч, обрадовался; то меч был богатыря, которого царь уморил с голоду, зарыв в темнице. Как пришли его братья, то он стал убивать тех, которые к нему приближались, наконец отбил всех и, вышед, пошел вон из города; никто не смел его тронуть. Лукопер, узнав, сам поскакал за ним, но Бова, отвернувшись от его копья, ударил мечом наотмашь и свалил его. Взял его коня и поехал, а рать Лукоперова за него не вступилась.

Наконец достиг Бова той горы и, сражавшись с привидениями и страстями, наконец почерпнул воды, напился ее и в новой силе поехал в обратный путь. Приезжая назад, увидел, что царевна увезена Полканом, а чародей, возвратясь в его доспехах, убил царя с царицей и стал царем. Тогда скоро в цари попадали. Узнав также, что она поехала с Полканом к матери Бовы, он с ратью ходил на то царство, короля убил изменою, а жена его умерла прежде; но дань наложить на царство не мог, ибо там вельможа один начальником был, а царевны не нашел. Бова туда поехал, нашел охотника, принят был, ибо вельможа был его дядька Цымбалда. Бова услышал, что Полкан был умерщвлен львом, и думал, что и царевна также, то по совету дядьки хотел жениться. Он прежде воевал чародея и, убив его, покорило его царство. Все уже готово было, как он, объезжая свое царство, близ маленького отдаленного городка увидел двух мальчиков, из коих один, шед, играл на арфе, а другой пел его любимую песню, что он певал в несчастьи; спросил у них, кто они, и, пошед с ними, нашел царевну.

Бова
O che caso! che sventura![39]

Вступление
Из среды туманов серых
Времен бывших и протекших,
Из среды времен волшебных,
Где предметы все и лица,
Чародейной мглой прикрыты,
Окруженны нам казались
Блеском славы и сияньем;
Где являются все вещи
Исполинны и иройски,
Как то в камере-обскуре, –
Я из сих времен желал бы
Рассказать старинну повесть
И представить бы картину
Мнений, нравов, обычаев
Лет тех рыцарских преславных,
Где кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко – ко престолу;
Где с венцом всегда лавровым
Венец миртовый сплетался,
Где сражались за славу
И любили постоянство.
Хоть грешки кой-какие
Попадались, но их в строку
Невозможно было ставить,
Зане юности проступок,
Неопытности погрешность
Есть удел детей Адамлих,
Есть лишь следствие всегдашне
Неизбежное чувств наших.
Но грехов распутства умна,
Грехов хитрого софисма
Там не знали. – Да еще же
Я намерен рассказать вам,
Как то свойственно и нужно,
Чуть не вымолвил я – должно
Для того, кто в гости ездил
Во страны пустынные, дальные,

Во леса дремучи, темны,
Во ущелья – ко медведям.
Итак, только расскажу вам
То, что льстить лишь будет слуху,
Что гораздо слаще меда
Для тщеславья и гордыни;
А всё то, что чуть не гладко,
То скорее мы поставим
В кладовую или в погреб
И проклятие положим,
Если дерзкой кто рукою,
Сняв покров прелыщенья наша,
Обнажит протекше время.
Мы проклятье налагаем,
Хоть из моды оно вышло,
Но мы в силах наших скудны;
А когда б властитель мира
Я Тиверий был иль Клавдий,
Тогда б всякий дерзновенный,
Кто подумать смел, что дважды
Два четыре иль пять пальцев
Ему в каждую дал бог руку,
Тот бы пал под гневом нашим.
А как не дал нам бог власти,
Как корове рог бодливой,
То мы к дерзкому воскликнем:
«Отойди, пожалуй, дале,
Поди вон ты, оглашенный»;
Мне здесь нужно суеверье;
Обольщен я, но желаю
Обольщен быть... и от скуки
Я потешуся с Бовою.
Я вам сказку тех лет древних
Расскажу, котору слышал
От старинного я дядьки
Моего, Сумы любезна.
Петр Сума, приди на помощь
И струю речи сладкой
Оживи мою ты повесть.
Без складов она, без рифмы
Вслед пойдет творцу «Тавриды»,
Но с ним может ли сравниться!!
О Вольтер, о муж преславный!
Если б можно Бове было
Быть похожу и кое-как
На Жанету, девку храбру,
Что воспел ты, хоть мизинца
Ее стоять, если б можно,
Чтоб сказали: Бова только
Тоща тень ее, – довольно, –
То бы тень была Вольтера,
И мой образ изваянный
Возгнезвился б в Пантеоне.
Но боюсь, твоя участь
Будет равная с Жанлисой –
По передням волочиться.
Вы Бову хотя видали,
Но в старинном то кафтане,
Во рассказах няни, мамы,
Иль печатного... но дядькин
Бова нового покроя,
Зане дядька мой любезный
Человек был просвещенный,
Чесал волосы гребенкой,
В голове он не искался,
Он ходил в полукафтанье,
Борода, усы обриты,
Табак нюхал и в картишки

Играть мастер, – еще в чем же
Недостаток, чтобы в свете
Прослыть славным стихотворцем
Ироической поэмы,
Или оды, или драмы?..
Я пою Бову с Сумою!
Возбрянчи, моя ты арфа, –
Ныне лира уж не в моде, –
Иль вы, гусли звончатые,
Загудите, заиграйте;
Я пою – а вас послушать,
О возлюбленны граждане,
К себе в гости призываю.
На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны далеки,
В те я области обширны,
Что Понт Черный облегают,
Протеку страны и веси,
Где стояло сильно царство
Славна древле Мифридата,
Где Тигран царил в Арменьи;
Загляну я во Колхиду,
Землю страшну и волшебну,
Где Ясон, обняв Медею,
Укротил сурово сердце
Сей волшебницы ужасной.
О любовь, о лесть пресладка,
Можно ль в свете отыскать, где
Тебе сердце непокорно?
Посещу я и Тавриду,
Где столь много всегда было
Превращений, оборотов,
Где кувыркались чредою
Скифы, греки, гемуэцы,
Где последний из Гиреев
Проплясал неловкий танец;
Чатырдаг, гора высока,
На тебя, во что ни станет,
Я вскарабкаюсь; с собою
Возьму плащ я для тумана,
А Боброва в услажденье.
Из Тавриды в Таман прямо,
А с Тамана чрез Кавказски
Горы съеду я на Волгу,
Во Болгарах спою песню;
Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы
Был блажен и где оставил
Души нежной половину.
Воздохну, что нет уж силы,
О Ермак, душа велика,
Петь дела твои!.. Я с Волги
Перейду на Дон, где древле
(Так, как ныне) коней быстрых
Табуны паслися многи,
Где отечество удалых
Молодцов, что мы издавна
Называли козаками.
Сошед с Дона, к Ворисфену
Мы стопы свои направим.
Там Владимир, страны многи
Покорив своей державе,
В граде Киеве престольном
Княжил в блеске пышна сана

Над обширным царством русским,
Окружен всегда толпою
Славных рыцарей российских;
Он для памяти потомства
Живет в Несторе и в сказках.
О, блажен, блажен сугубо!
Со Днепра пойдем к Дунаю;
На могиле древней мшистой
Мы несчастного Назона
Слезу жаркую изроним.
От Дуная морем Черным
Поплывем ко Геллеспонту
И покажем ту дорогу,
По которой пльвши смело
Войны росские возмогут,
Византии стен достигши,
На них твердо водрузити
Орлом славно росско знамя.
Но то скоро ли свершится?
Будто время уж настало,
Мне то снилось недавно –
Хотя снилось, но не знаю,
Когда будет, – не пророк я,
Но то знаю – оно будет.
Я к Бове теперь отправлюсь.
А ты, милый друг читатель,
Если лучшее познанье
О странах сих иметь хочешь,
Читай Бишинга – от скуки.
Песнь первая
Ветр попутный веет тихо
В белый парус корабельный.
Там на палубе летяща
Корабля, что волны зыбки
Рассекал на влажном поле,
Бова сидя, песнь унылу
Пел и в гусли златострунны
Бряцал легкими перстами.
Пел, стенал, бряцал и плакал,
Лил потоки слез горючих.
«Что возможет, ах, сравниться
С лютой горестью моею,
Кто быть может столько бедствен,
Столько бедствен, как Бова?
Лишь светило дня блестяще
Мои очи озарило,
Грусти, горе и печали
Мне достались в удел.
Желчь сосал я вместо пищи
Из сосцов змеиных лютых,
Колыбель мою качали
Скорбь угрюмая и злость.
Сирота унылый, горький!
Мой злодей мне мать родная!
Она жизнь мою хотела
Чуть расцветшую прервать.
Я один меж всей природы,
Я во всей вселенной странник
И пустынный между тварей,
Всех родившихся в любви.
Ах, уныло мое сердце,
Не знай лютой сея страсти:
Ей горят сердца преступны,
А ты будь всегда ей враг».
Песнь скончал, поставил гусли;
Пригорюнясь, взор ко брегу,
Что вдали едва синеет,
Обратил и, вздохнувши

Тяжело, вещал он тако:
«Ты прости, страна родная,
Ты прости, прости навеки.
Мать жестока, мать сурова,
О тебе я не жалею».
Слыша речи столь унылы,
Слыша песни столь плачевны,
Подошла к Бове старуха,
Что в артели корабельной
Должность важну отправляла
Метрдоителя, иль – стряпухи.
Хоть всю жизнь на синем море
Провела она с лет юных
В шайке лютых и свирепых,
Ко серебру и злату алчных,
Сих варягов и норманов,
Коим прозвище в дни наши
Не разбойники морские,
Не наездники, не воры,
Сохрани нас бог, помилуй,
Чтоб их назвали столь мерзко,
Не арабы марокански,
Не алжирцы, не тунисцы,
Но те люди благородны,
Что без страха разъезжают
В те суровые години,
Как яр Позвизд с Чернобогом,
Пеня волны, окропляют
Их верхи людскою кровью;
Грабят всех – без наказанья.
Хотя выросла старуха
Среди шума волн и ветров,
При воззрении всегдашнем
На жестокости Арея,
Средь стенаний, вопля, крика
Умиравших злой смертью,
Или злее самой смерти
Во оковах срамных, тяжких
Иль железных неволи,
Иль рабства насилья дерзка, –
Но была старуха наша
Мягка сердцем и душою
И с седым своим затылком
Равнодушно не взирала,
Как молоденький детинка
Проливал горючи слезы.
Была ль то одна в ней жалость,
Иль в старухе кровь играла,
Того повесть, хотя верна,
Не оставила на память.
Наша повесть только пишет,
Что, подшед к Бове поближе,
Она руки распростерла
И к иссохшей своей груди
Прижимала Бову крепко.
«Столь ты юн, но столь ты бедствен! –
Возгласила стара ведьма
(Ведьма добра, мягкосерда,
Не как киевские ведьмы,
Что к чертям с визитом ездят
На ухвате без уздечки). –
Ты открой свое мне сердце,
Забудь горе на минуту.
Моя власть хоть невелика,
Хоть у всех я здесь служанка,
Но мои старанья нежны
Облегчат твою судьбину».
Говоря сие, отводит

Бову в малую каюту,
Где старуха наша нежна
Обед братьям всем готовит.
Тут, согрев и накормивши,
Бову нежно обнимает,
Очи мокры от слез горьких
Оттирает поцелуем.
«Скажи мне, – она вещает, –
Скажи мне свою кручину,
Свою участь мне сурову!»
Бова нежно имел сердце,
В первый раз чрез многи годы
Ощущает он отраду,
Сладость ласки, сладость дружбы.
Ах! какое в грусти сердце,
Сердце сиротное, одиноко,
Не внушит приязни гласу
И не сдастся на ласканье
Хоть столетняя старухи?
Если витязь Роберт славный
Мог, ступив ногой на нежность,
Обнять старую хрычовку
И в объятьях ее мразных
Совершить победу жарку,
Восхитив цветок иссохший, –
Роберт был в любви ученый,
И задачу брачна ложа
Мог решить он без поверки:
Нос зажал, глаза зажмурил
И, как витязь македонский,
Узел Гордыев рассек махом, –
То Бове равно прилично
Обнимать старуху дряхлу:
Бова, знаем, парень новый,
Он не видит преткновенья,
Ласке лаской отвечает
И лобзанию лобзаньем;
Ему ж не было задачи,
Как Роберту на решенье,
Ложась с ведьмой спать на ложе.
Старушонку Бова мило
И столь крепко обнимает,
Что напомнил ей то время,
Как ей было лет лишь двадцать.
Не на ложе возлегают,
Но на печку лезут греться,
Зане холодно уж было.
Тут Бова, собрав все силы,
Тут Бова, вздохнув глубоко,
Вынимает из кармана
Платок белый, для запаса,
Чем утрет ее он слезы.
Зане знал Бова заране,
Сколь его плачевна повесть
И что тронет через меру
Сердце добрая старухи.
Еще раз вздохнул, рек тако:
«Я Бова, Бова-царевич...
Ты дивишься тому, вижу, –
Но верь совести неживой.
Я бы мог в том побожиться,
Но божиться не умею
И божиться не охотник.
Город, в коем я родился,
Есть столица сильна царства,
Где, пред сим венчанная властью,
Держал скипетр царь премудрый,
Царь Кирбит, сын Версаулов,

Славен мужеством на брани,
Славен разумом в советах,
Милосерд, и щедр, и кроток,
И любим своим народом.
Ему дочь была родная
Всех прекраснее из женщин,
Мелетриса ее имя.
Слух о царствии Кирбита,
О его правленьи мудром
И о прелестях царевны
Молва громкая повсюду
До дальнейших мест промчала.
Двор Кирбитов был собранье
Всех красавиц в государстве;
Но меж всеми, яко солнце
Среди звезд эфирна свода,
Красотой своей блистала
Мелетриса, дочь царева.
В красоте она совместниц
Не имела, и не можно
Было чувствовать к ней зависть, –
Зане столь была всех краше,
Столь добра, мила, приятна,
Что вблизи ее не смела
Зависть яд пускать свой черный
И ее ехидны люты,
Мелетрису зря, немели.
Красота толико дивна
Привлекала всех вниманье,
И чувствительность сердечна
Ей платила долг природы,
Воспылав огнем любовным
В груди рыцарей надменных,
В груди рыцарей влюбленных.
Все ей нравиться старались,
Всем хотелось полюбиться
И во юном ее сердце
Воспалить любовный пламень.
Но меж многими другими
Отличались перед всеми
Своим мужеством, красою,
Своим нежным угожденьем,
Своей силой и богатством
Два царевича приезжих.
Один горд, спесив, надменен,
Взоры пылки, взоры страстны,
На лице черты Алкида,
Но Алкида в летах юных;
Рост и стан его, и взрачность,
И осанка величава,
Лицо смугло длинновато,
Черны кудри по раменам,
И густой брады начало,
Длань широка, персты толсты
Всем довольно возвещали
Его мужество и силу.
Он наездник в ратном поле,
Богатырь, и вождь, и воин,
Дадон сильный – ему имя.
Но не только в ратном поле
Подвизался он с успехом:
Столь же славен он у женщин;
А хотя в любви он страстен,
Но подвластен ей он не был,
И с Алкидом чтоб сравниться,
Лишь ему недоставало
Десяти жен и дев красных,
Пятьдесят дочерей Фиспия,

И одной лишь только ночки,
Чтоб ему отцом быть нежным
Пятьдесят раз вдруг в семействе.
Славному рыцарю толико,
Нет, нельзя не полюбиться
Мелетрисе, страстной, пылкой;
А тем больше, как лишь вспомнит,
Что объятья, повторенны
В пятьдесят раз нераздельно,
Каждую ночь возобновятся.
Пусть бессонница всегдашня
(Столь ужасная больному)
Ее мучит на постеле
(Но сам-друг) и жизнь преторгнет:
Так Рафаэль из Урбина,
В свете славный живописец,
Душу выслал вон из тела.
Другой рыцарь вежлив, скромн;
Сердце, душу имел нежны,
Очи быстры голубые,
Лицо бело и румяно,
По плечам златые кудри,
Вид, осанка Адонида.
Но он храбр; счастливый рыцарь,
На бою проворен, меток,
Всегда разумом вождаем,
Зрел опасность твердым оком
И в бою смерть хладнокровно.
Он всегда венцы Лавровы
Пожиал на ратном поле,
Но не силою десницы,
Не удачей, не коварством
И не крепостью доспехов
Побеждал Гвидон противных.
Правды, истины поборник,
Меч его победоносный
Никогда не обагрался
Кровью слабых иль невинных.
Он защитник утесненных,
Разрешитель уз и плена,
Непорочности спаситель,
И его смиренн сердце,
Душа нежна, душа тиха
Воспалялась гневом львиным,
Когда видел он коварство,
Ложь, строптивость и насилье,
Угнетающих бессильных;
Тогда воин милый, тихий
Бывал враг непримиримый,
Бывал бич неукротимый
Злобе, буйству и прельщению.
В таковых душах царевна
Любовь сильну воспалила.
И хотя со перва взгляда
Мелетриса подарила
Свое сердце всё Дадону,
Объявить того не смела,
И надежда в ней исчезла
Быть его женой когда бы, –
Зане мноюю услугою
Гвидон юный украшался,
Спасав царство и Кирбита
От насильств вождей хозарских.
Царь Кирбит за то в награду
Назначал его в супруги
Своей дочери, Мелетрисе,
В том признанием вождаем,
Пользой царства и рассудком.

Заключение неложно,
что спасителю народа
Управлять его браздами
Других паче всех довлеет.
Гвидон был едиnorodный
Сын на троне старца мудра
и ближайша во соседстве.
Во дни красны, безмятежны,
По скончаньи бедств военных,
Царь Кирбит во утешенье
Своей дочери прекрасной
Игры рыцарски затеял
и глашатаям повсюду
Повелел трубою бранной
Созывать на состязанье
Витязей из царствий разных.
Он хотел при их собраньи
дать наследника престолу,
дать супруга Мелетрисе
Храбра милого Гвидона;
Зане там, как прежде в францыи,
Скиптр не мог никак достаться
В руки, пряслицей что правят
или швейною иголкой.
Уж из дальних и из ближних
Стран слетаются стадами,
Как вороны на гумнице,
Славны рыцари в доспехах,
Молодые, пожилые,
Средних лет и с сединами.
Иной едет повидаться
Со красавицей своею,
Распестрив свое оружие
Поперек и вдоль, крест-накрест
Тем любимым из всех цветом,
что понравился пред всеми
Обладательнице милой
Его чувств, души и сердца.
Другой едет, чтоб прославить
Силы крепкой своей мышцы
и прибавить хоть листочек
Во венец, уже столь тяжкий
От побед в кровавых битвах
Иль на славных поединках.
А иной, кружась по свету,
Ко кирбиту в гости едет,
Как в гостиницу обедать.
Воружась иной от темя
До пяты, и даже зубы
Воружив булатом, сталью,
Смело, борзо выступает,
Объявляя всем надменно,
Всем, про то кто ведать хочет
Иль не хочет, написавши
На своем щиту огромном
Золотыми всё словами:
«Не терплю ни с кем сравненья», –
А там выйдет на поверку,
что наш рыцарь пресловутый
Позевать приехал только,
и к несчастью случилось,
что его десница страшна
Онемела, заболела,
Паралич ее ударил,
А то б он единым взглядом
Повалил всех, опрокинул,
Разогнал, развеял прахом.
Что же прибыли? Игры все

Стали б вовсе в пень. – Нет, лучше,
что болезнь, ему случившись,
всех оставила в порядке.
Были рыцари не хуже
Славна в свете Дон-Кишота.
В рог охотничий, в валторну
всем трубили громко в уши:
«Дульцинея Тобозийска
всех прекраснее на свете».
А как воззришься в красотку,
то увидишь под личиной
всех белил, румян и мушек
Обезьяну, или кошку,
Иль московску щеголиху.
За такую прелесть дивну
Он, однако ж, снарядился
на помол отдать все кости.
Но нет нужды знать причину,
для чего они дерутся,
мы лишь скажем одним словом,
что их съехалось отсюда
столько – столько – что нет сметы.
Поле ратно, окруженно
со всех стран, амфитеатром
возвышалось. Тут дубовы
скамьи были все покрыты
рытым бархатом, парчами,
алтабасом изошвенным.
Везде видно серебро, золото
и каменья дорогие;
хитрость зодчества, ваянья
превышала тут богатство;
и художество в союзе
с драгоценностями земными
вид изящности давали
несказанной всему зданью;
но искусство свои силы
истощило под престолом,
уготованным царице
с ее дочерью прекрасной.
на столпах кристальных твердых,
на сафир во всем похожих,
что огнем искусство хитро
из сожженна в пепел древа,
из песка иль камня бела,
Зной сугубя, сотворило,
возвышался свод порфирный,
испещренный весь цветами,
где, природе подражая,
рука мастера искусна
изваяла их из злата.
Перлы светлы и жемчужны
внизу свода, меж столпами
вкруг висели ожерельем.
вверху свода образ светлый
возвышался в виде буйном
той богини, вслед которой
праотцы славян издревле
вихрем бурь носились всюду.
«лучезарная богиня,
слава, дщерь мечты, призраков!
на престоле мглы блестящей,
звезд превыше и Олимпа,
из-за облака золотого
кажешь ты венцы лавровы.
но лицо твое кто узрит?
кто существенность постигнет
твою? – легкой ты завесой

Паров утренних, прозрачных
Прикрываешь черты шатки,
И тебя сквозь их лишь видит
Пылкий взор воображенья.
Лишь оно тебя рисует
И такими лишь шарами,
Как ему угодно только».
Посреди широка поля
Жертвенник из твердой стали
Блещет зеркальным сияньем;
Фимиам тут не курится,
Брус стланцова черна камня
Тут лежит на изощренье
Копия, меча, булата,
Чем обильны всегда жертвы
Славе в честь приносит воин.
Ибо нет попов с причетом,
Ни жрецов у ней священных.
Кто грудь смелую имеет,
Твердый дух в бедах на брани,
Кто храбр, мужествен, отважен,
Тот есть жрец сея богини.
День настал уже тот грозный,
Равно скучный и веселый,
Где богиня лучезарна
Уделит своего блеска
Гордым всем своим любимцам
Иль покроет грязью срама
Всех тех, коим она кажет
Свой затылок безволосый.
Зане так же, как Фортуна,
Сестра Славы, легконога;
У ней волосы тупеем
Растут спереди косою,
А затылок весь плешивый.
Они моде сей учились
(Мы здесь скажем мимоходом
Для того, кто не читает
Путешествиев всемирных)
У мунгалов иль китайцев,
Иль в Тибете, иль Бутане,
В той стране благословенной,
Где живет тот царь священный,
На востоке столько чтимый;
Его бабка повивальна
Рассказала, и все верят,
Что он выше всех на свете,
Никогда не умирает;
Его смерть не есть кончина,
Его смерть есть прерожденье;
Что в мгновенье то ужасно,
Как дух жизни непостижный
Обветшалое жилище,
Мертвый труп наш, оставляет,
Божество сие двуножно
Преселяется в младенца
Или в юноша любезна,
Чтоб счастливым правоверным
Опять в знак щедрот небесных
Рассылать (но на закуску
Для десерта в день торжествен)
Своих сладких яств останки,
Что в священных его недрах
Благодатная природа
В млеко жизни претворила.
Вещество сие изящно,
В чем алхимик остроумный
Парацельс, иль Авицена,

Или Бехер, иль Альберты
Злата чистого искали;
В чем счастливый Брант и Кункель,
Светоносный луч открывши,
Пред очами изумленных
Возжигали (без огнива)
Огонь в трубках и курили
Траву пьяну некоцьянску,
Табакотом что называют.
Но где меньше их счастливцы
Все отеческо наследство,
Накопленно и стяжанно
Кровью, потом и трудами,
Иль грабительством, мздоимством,
Иль другим путем превратным,
Пережгли, передвоили.
О, сколь счастлив был бы смертный,
Если б все богатства в свете,
Злостяжанные неправдой,
Обращались чудесно
В вещество сие изящно,
Далаи-лама которо
Всем в подарок правоверным
Для десерту рассылат;
Если б в нем фосфор блестящий
Раз сверкнул и превратился б
В пары светлы, исчезая, –
И, исчезнув, бы оставил
Лишь уханье амвросийно,
Столь известное в природе, –
Дабы знали, сколь есть смрадно
Злостяжанное богатство,
Хотя блещет лучезарно.
Еще в Зничеву коляску
Перстоалая Зимцерла
Коней светлых не впрягала,
И клячки огнебурны
На конюшне Аполлона
Овес кушали эфирный,
Как прекрасна Мелетриса,
Не смыкая своих веждей,
Ложе скучно, ложе девства,
Ложе томно одиночества,
Свое ложе оставляет
Прежде, нежели петел громкий
Запинательным напевом
Не воспел нам час полночный.
«О! несчастная всех больше! –
Мелетриса так вещает, –
Почто в свете я родилась?
Почто зреть мне светло солнце,
Если жизнь влачить плачевну
Осужденна я не с милым?
Или щедрая природа
Моему лицу румяну
Дала прелести опасны
Для того, чтоб в горькой доле
Я потоком слез горючих
Их цветы весенни ярки
На рассвете сорывала!»
Так завыв, царица наша
Распускает длинны космы
По раменам обнаженным.
Она, вставши со постели
В одной тоненькой рубашке,
Ни юбочки, ни мантильи,
Ни капота, ниже шали
На себя не надевала

И, по горницам без свечки,
В темноте густыя ночи,
Всюду ходя, выла волком.
«Нет, не думай, чтоб досталась
я в объятия Гвидону!
Пусть скорее ненавистна
Горька жизнь моя прервется,
А тебе, мучитель брачный,
Лишь достанется в укору
Мое тело бездыханно!..»
Без ума почти, в потемках
Она ходит, везде ищет
Вожденного орудья
Безнадежному в злом горе
На скончанье скорой смертью
Жизни, ставшей ненавистной.
Со мгновенья на мгновенье
В ней отчаяние, томно
Сперва, стало уж лютее:
Не нашла себе в отраду
Ни ножа, ниже иголки,
Ни копья булатна крепка,
Ни меча, ни сабли острой,
Ниже шпаги – хотя б бердыш,
Или ножик перочинный,
Или вертел ей попался...
Но злой рок был столь завистлив,
Что все вещи смертоносны
От нее как в воду спрятал.
Ей так подлинно казалось.
Но мы в том не обвиняем
Ни судьбы, ни чародейства,
Чтоб царевне в злу насмешку,
Чтоб от горькой Мелетрисы
Они сталь, булат, железо,
Всё попрятали в колодезь.
Одно было тут волшебство,
То всегдашнее волшебство,
Что в подлунной совершает
Земли суточно течение;
То волшебство несказанно,
Где, с подмогой воображенья,
Видим мы весь ад разверстый,
Домового, черта, ведьму,
Или рай, или – что хочешь;
То волшебство, одним словом,
Было тут простерто всюду,
Была – ночь, и было темно,
Глаза выколи хоть оба.
Говорят, сопротивленьем
Всяка страсть в нас коренеет,
Всяка страсть ярится с силой.
Как вихрь бурный дует в пламя,
Иль мехов насосных сотня
В горн (сложенные все вместе)
Верзят воздух, в них стесненный,
Клубоомутной струею;
Вдруг зажженный уголь рдеет,
Зной палит в нем черно сердце,
Угль горит, со треском искры,
Как пращом, в окрестность мещет,
Дым клубится, вихрем вьется,
Жар и зной уж всё объемлют,
И одно, одно мгновенье
В горне видишь огонь геенны...
Так царевна, не нашедши
Ни меча, ни остра шила,
Злу отчаянью вдается.

Лбом стучит во всяку стену,
Бросясь на пол, бьет затылком.
Но предательны помосты,
Покровенные коврами
Шелку мягка шамаханска,
Ее гневу лишь смеются.
На них вместо смерти лютой
Она волосы ерошит.
Но, опомнясь, воспрянула,
Как младая легконога
Серна скачет с холму на холм;
Воспрянула, луч надежды
Протекает ее сердце.
«Нет, сложась стихии вместе
Не возмогут тряхнуть душу,
На погибель устремленну.
Тот умрет, кто жить не хочет», –
Так воскликнула царевна.
Она бросилась поспешно
К тому месту, где спит мама,
Ее мама дорогая;
Карга – имя ей в истории;
Над постелей Карги-мамы
Был вколочен гвоздь претолстый,
Большой гвоздь и деревянный,
Он длиной в аршин иль больше,
На который Карга-мама
По ночам треух соболий
Свой обykle всегда вешать.
На гвозде сем умышляет
Скончать жизнь свою царевна...»
«Как! – вскричала тут старуха,
Прервав речь Бовы поспешно. –
Скончать жизнь таким же средством,
Каким девы Вавилонски
Жизнь давать учились древле!!
Или в честь священна фала
У вас жертва не курится?
Или образ его дивный
Вы не носите на выях?
О, народ, народ про дерзкий!
Презреть фала, фала сильна,
Что жизнь красну дает в мире!
Кем живет всё, веселится,
Без чего бы и вселенна,
Забыв стройное теченье,
Стала б дном вверх, кувырнулась.
Зане фал есть ось та дивна,
На которой мир вертится.
Фал – утеха Афродиты,
Фал – то яблоко златое,
За которо три богини
Пощипались на Олимпе,
Вцепясь бодро в божьи кудри». –
Бова слушал в изумленье
Свою дряхлую подругу.
Видит, жаром необычным
Засверкали ее очи,
Вздохи вздохами теснятся,
Воздымают грудь иссохшу.
Потягота во всех членах,
Жар гортанью ее пышет,
Во рту скрип зубных остатков.
Но вдруг взоры ее меркнут,
Млеют члены и слабеют,
Стары ноги протянула,
Сомкнув вежди, испустила
Тяжкий вздох и покатилаь,

Чуть-чуть с печки не упала.
Бова старую подругу
Подхватил в объятья нежны.
Он уж думал, черна немочь
Ее дряхлу жизнь скончала
И последняя отрады
Навсегда его лишила;
Но с веселием он видит,
Что в старухе сердце бьется,
Что в ней кровь не охладела.
Очи томны отверзает
И, вздохнув она легонько:
«Ах! любезный мой, – вещает, –
(Зри, сколь фала почитаю)
Зри его священный образ,
Что скудельничьей рукою
Изваян из глины хитро:
Се утеха моей жизни,
Се надежда мне по смерти.
Голод, жажду утоляет.
Нектар он и амвросия!..»
Бова видит – ужаснулся:
Образ фала у старухи;
Он дивится... Кто не знает,
Не читал кто во истории
Древней повести народов,
Тому слог наш непонятен.
А Бова хотя и видит,
Но что видит, он не знает.
Так во глазе сетка чувствий,
Ослабев иль уязвленна,
Жизнь, чувствительность теряет.
И то чудно, велелепно,
То божественное чувство,
Чувство зрения изящно,
Чем все вещи для нас в свете
Оживляются шарами
Преломленных лучей солнца,
Вдруг померкнет, тмится, гаснет,
И предметы ярка света
Погружаются в тьму мрака.
День прошел и сочetalся
С ночью, или ночь настала
Во очах, ночь непрестанна.
Словом, слеп кто, тот не видит.
Так, истории не знавши,
Не узнал Бова наш фала
И был слеп в своих познаниях.
А старуха, то приметя:
«Продолжай, – она вещает, –
Свою повесть ты плачевну».
Бова, вынув платок белый,
Оттирает чело старо
Своей нежны подруги,
У которой пот горохом
В исступленьи показался.
Пот проймет и не старуху,
Когда корча нервы тянет,
Когда мышцы все трепещут,
Грудь вздымается от вздохов
И упруго сердце бьется
Так, как древняя пифия
На треножнике священном
Дрожит, рдеет, стонет, воет...
Ах! всегда в сие мгновенье,
Когда жизнь в избытке льется,
Бог нас некий оживляет!
Конец первой песни

1799–1802 (?)

Сафические строфы*

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
□□□□Тополы белы.
Ты клялася верною быть вовеки,
Мне богиню ночи дала порукой;
Север холодный дунул один раз крепче, –
□□□□Клятва исчезла.
Ах! почто быть клятвопреступной!..
Лучше Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
□□□□Ввергла в погибель.
Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной,
Будь блаженна, если ты можешь только
□□□□Быть без любви.
<1801>

Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам*
Тогда пукает 10 соколов на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди песнь
пояше...

Песнь па поход Игоря на половцев. Стр. 3.
Песни древние

Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего в гrome парящая слава
быстро пронеслась до Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас,
соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников, возложи,
Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны, ниспошли
ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана
торжество поешь ироев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздастся
во всех краях, населяемых потомками колен славянских.

* * *

Велик был день у славянского народа, день, посвященный первейшим их божествам,
сильному Перуну, благодетельным Святovidу и Велесу, буйным Стрию и Позвизду, Нию
и Чернобогу грозным, благой Ладе, Лелю и Полелю и всещедрому Дажьдбогу. От всех
колен славянских, от Ильменя и Новаграда, с холмистых берегов Клязьмы, от Галича
и Дуная, с Помория и Моравы, с вершин Альпийских и с моря Адриатического
сбиралися для общего торжества к великому Киеву старейшины, князи, бояре и
гости, и тьмы народа бесчисленного. Вели они с собою сладкогласных песнопевцев,
да в оный день великий прославят в песнях своих богов и витязей, и слава языка
славянского да промчится во все концы известного тогда мира.

Утром рано в день торжества, едва первая стрела лучезарная излетела от
молниенного убруса жаркого Знича, как сильные гласы труб, цевниц, бубнов и
тимпанов возбуждали всех стекшихся на злачные долины, пестроцветною муравою
покрытые, где Днепр, пробив пороги с шумом и пеною, тихую в Лиман течет струею.
Князи, песнопевцы, витязи и все начальники вступают во златые стремена, шествуют
стройно на конях своих бодрых; идут стязи пред ними, хоругви возвеваются по
воздуху; священники в одеждах белых льняных, багряными поясами одержимых, ведут
жертвы, украшенные цветами юных дней нежнодышащего мая. За ними вслед резвою
толпою идут лики юношей и дев, сонм жен в соборе радостном и народ создади, в
одеждах мирных, шествуют медленно.

И се лиется уже кровь тельцов, юниц и агнцев. Лики общую возгласили песнь. Ветр
препнул свое дыхание, дым курения ароматного и всесождения восходил серым
столбом за облаки. Десять избранных песнопевцев от различных племян славянских
стали строем на берегу древнего Ворисфена; каждый из них несет на правой руке
своей сокола быстроокого, в левой держит звонкие гусли. Издалеча возникли шумные
гласы труб, цевниц и тимпанов, возбудили вздремавших по утренней пище лебедей на
струях Днепровских. Зане обычай был таков, что сокол, поражающий лебедея,
назначал чреду в песнопении, и чей был первый, тот первую воспевал песнь, и все

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
другие по чреде своих соколов.

Возлетают лебеди, высоко вьются под легкими утренними облаками. И се, яко стрелы от звенящих тетивы, твердым луком напряженные, летят стремительно десять соколов, пущенных с рук десяти песнопевцев, пришедших на состязание издалека, – состязание, достойное игр Олимпийских в счастливые времена Эллады, – Летят соколы – и чей первый настиг лебеда? Се твой сокол, о Всеглас, житель юный берегов Ильменя, он ударил лебеда в белую грудь; возлетают пух и перья по воздуху; кровь капала дождем из-за облака; священники тщатся воспринять ее в чаши золотые, зане таинственно вещают. Лебедь упал мертвым к стопам коней княжих, а сокол-победитель летит на десницу Всегласа. Глас труб и цевниц возвестил чреду первую.

Сокол второй. Он твой, о Крутосвист, житель ближайших гор Тмутараканя; поразил лебеда полумертвым, и сам, возвышися под облаком высоко, упал вниз стремглав и воссел на десницу вождя своего торжествующ.

Сокол третий слетел с руки Хохта от устья Дуная; ударил лебеда, но тщетно, и в третий раз мог только его повергнуть на землю бездыханна.

Сокол четвертый рожден на вершинах гор, близких моря Адриатического, Черными горами именуемых. Принес его Звен, потомок славных спутников Пирра, мечтавшего завоевать вселенную.

Пятый сокол – Тиховоя, коего предки, оставив Кипр, преселилися сперва в Гесперию, потом прешли жить в Поморие и принесли с собою обряды служения благотворных Лад. Он, лебеда тихо поражая, но часто, пригнал его утомленна и жива к стопам своего господина.

Пять последние соколов, хотя не столь знаменитые победители, но не отпустили своя добычи, и утомленны пали с нею на землю.

И се воссели десять песнопевцев по чреде побед своих соколов на уготованных для них зеленых одрах; за ними стали лики юнош и дев разделенно. Священники воскурили фимиам...

Настроя звонкие свои гусли, тако воспел

Всеглас
Перун, о бог всеильный,
Зиждатель мира, царь
Всего того, что видим!
Не слово ли твое всеильно,
Что слышно нам во звуках грома,
Что гор сердца кремнисты,
Творению событийных, современных,
Упругой зыбию колеблет,
Не слово ли твое
Возвало в бытие
Всё то, что око наше зрит,
Или всё то, что мыслию постигнуть можем?
Се ты, о боже сил!
Се шествуешь, хламой звездною одеян,
Носимой духом бурь и ветров.
Восток, Юг, Север и Стрий буйный сам
Твои суть слуги,
Земля подножие твое,
А дальный эфир, дальный,
Превыспренный твой одр.
Венчан стихийным светом,
Рождающей одеян теплотою
И творчей силой препоясан,
Воссел, о ты, непостижимый!
В пространстве, в пустоте,
Среди смешения, среди хаоса,
Средь ночи древняя и всюду мрак.
Воссел, да зиждешь и творишь,
И образы да дар твой будут.

Се там, престолу твоему,
Где молния не знала крыл своих,
Крыл огненных, в полете быстрых,
Где гром еще молчал, немея,
Где свет, где сушь, где влага,
Вскормленны вечности сосцами,
Росты бездейственны хранили
И где движенье, жизнь в тебе едином,
О бог! лелеясь, были, –
Се там предстали и явились
Престолу твоему
Твои все слуги, твои силы:
Знич светлый, жаркий, жизнодатель,
Велес, отец сей будущих животных,
И Позвизд и Купало,
Скрывавшие в своих огромных недрах
Всемирный океан,
И реки, и озера;
И Ний, отец земли, и крущ, и камней,
И мать рожденья Лада,
Всесочетающей любви бог.
Воссел, и тихое
Благоговейное молчанье
(Торжественный предтеча
Зиждительного слова)
Повсюду было, ко бытию готова вся...
Се творчее изыде слово...
Уже начало восприяли
Движенье, жизнь и бытие...
И ты, не ведомый,
Не мыслимый никем,
О бог, отец, зиждитель,
Стал чувствуем, стал ощущаем.
И чадо юное твое,
Руки твоей творенье,
Подъяло край завесы древней,
Завесы вечности – и ты стал бог:
Зане, что ты, когда тебя
Никто не мог постигнуть,
Иль чувствовать, иль видеть?
Се знич и Лада с сыном,
Велениям твоим послушны,
Живят и греют, сочетают...
Всё движется, приявши жизнь.
Чудесности исполнилась вселенна!
Но все творенья суть
Лишь слова твоего...
Нет, мысли лишь одной,
Твоей лишь мысли необъятной.
Зри: там, в пространстве неба и эфира,
Тела вращаются велики, светлы,
В согласьи стройном, дивном,
В гармонии чудесной.
Что там? Или кто там живет?
То ты один лишь знаешь
Или твои лишь слуги сильны.
Здесь, виждь, велел ты
Нию сушу вздвигнуть,
На ней горам взнести
Свои верхи крутые, льдяны,
Иль пропасть, разинув хляби,
Вмещать в широки недра земны
Или блестящие крущы,
Или сверкающи кристаллы.
Уж Позвизд махом своего трезубца
Возбрызнул океан на сушу,
И влага, напоив всю землю
Потопа общего раз литьем,

Раздвинуто лицо свое превыше гор
В моря, в озера, в реки собрала.
Познал свои пределы понт,
И реки буйно восшумели
Чрез каменны скалы,
Через бугры кремнисты,
Крутясь, стремясь иль извиваясь
Меж нив, полей, лугов;
Текут они прозрачны, тихи
Во чрево обще вод,
В понт синий, в понт глубокий.
Уж знич со Ладюю в союзе
Взлегли на одр супружний, одр туманный,
И тепла мгла в парах прозрачных
Взлетела и взвилась высоко.
Се, зри, туманы серы там,
Собравшись, сгустившись выше,
Вступили облака горами,
И Стрий налег на их рамена;
Юг, Север вниз и вверх бунтуют,
Оставши буйны чада
Истлевшего хаоса,
И перва буря роет волны.
Летит дождь теплый вниз на нивы,
Где вслед всезигдущим твоим веленьям
Велес на свет извел вола
И всех зверей дубравных,
Где даждь благой и щедрый
Родил древа и злаки.
Но ты, отец, с улыбкою рожденья
Возвел свои зеницы светлы
На юный мир, на юну землю;
Ты, видя счастье, блаженство,
Повсюду в блеске расширенно,
Добро ты видя всюду,
Еще помыслил ты.
Се паки сильно твое слово,
Беременно еще твореньем,
Явилось в мир,
Явилось облеченно в персти.
Се образ твой, о сильный!
Се образ дивный, возникновенный;
Се дух твой, или слово,
Живущее в жене и в муже...
О человек, творение чудесно!
Творенье бренное, о царь земли!
Ты слаб, ты червь, ты мал,
Пылинка ты в сравнении всего,
Но силен, но велик умом,
Ты мыслию божествен,
Зиждатель и творец!
Велик, велик ты, о Перун!
Когда разверзишь длань свою широку,
Из коей льются изобильно
Благодеяния щедроты,
И мир, и тишина, и счастье;
Когда ущедрит нас
Посланник благ твоих великих,
Посланник твой даждьбог.
Велик ты также и ужасен,
В ночи несясь туч синих, черных,
Когда преступны человеки,
Твой образ исказив пороком гнусным,
Сзывают гром твой с небеси! –
Твой гром губительный, карающ
И стрелы молнии твоей крылатой.
Тогда твоя десница сильна, рдяна,
Вращая огонь, удар вознесши вверх,

Превыше всех верхов холмистого Олимпа,
Низвержет молнию и гром,
И звук и треск, и смерть и ужас...
Бегут животные, трепещут
Пред взором твоего лица паляща
И кроются в вертепах темных;
Сердца сотрясши всех строптивых,
Не смерть ты шлешь, но знак благословенья:
Ты паки стрелу сизу молнии светлой
Верг махом в дол,
И гром твой глухоутлозвонный
Ударил с треском в верх сосны ветвистой
И раздробил ее в обломки малы.
Но ты тут не ужасен, о Перун!
Тебе сосна была та посвященна;
Под ней покоился любимец твой Седглав,
Седглав, твой жрец верховный, прорицатель,
Принесший жертвы, о Перун! тебе обильны:
И сто тельцов и сто волов, овнов толико ж;
Любезна первенца лобзает,
И юношу сего любезна,
И сына сердца и души,
Он в дальний путь готовит, устрояет,
И пред лицом твоим
Он отчее ему дал наставленье:
«Ты юн еще, о сын мой милый!
О Велеслав, ты юн;
Но был уже свидетелем злосчастий
И бедствий пагубных войны...
Уже прошло тому и год и больше,
Как многолюдные колена кельтски,
Сложив свои все силы
Во ополчение едино,
От мыса, в дальном море вон торчаща,
Иль от конца земли,
Чрез Северный Улин, и Тул, и Морвен,
И острова Гебридски,
И все берега обширной Скандинавьи
До самых тех берегов
И низких и болотных,
Где тихая Нева
Свои глубоки волны
Из Ладоги влечет
И томною своей струей, почти прямою,
Весь сонм своих валов бесшумных
Исхлынула в Варяжско море; там,
Где мглой всегда котлин покрытый
Косой иссунулся далеко в море.
Сердца, глубоко уязвлены,
Что племена славянски сильны,
Ступая во следы широки, звучны
Своих усопших предков,
Оставивших свои
Пылающие веси
На берегах бушуйной Адрьи,
Эпир, Иллирик и Панонью
Губителям вселенной в Риме,
Простерли меч победоносный
За многоводную струю Дуная,
За Днестр, за Буг, за Вислу,
За славный Ворисфен
И даже до берегов камышиста Ильменя,
Откуда Волхов извлекает
Обильное соборище вод желтых
И чрез пороги между скал гранитных
Мчит их в сожитие
Вод Ладоги пространной;
Восстали,

Покрыли
Варяжски
Пучины
Несметной тьмой ладей,
Прошли они
И Рюген,
И Даго,
И Езель,
Прошли они Котлин
И устье тройственны Невы.
Тут, сняв с судов высоки щеглы,
Подобны лесу темну,
Без листвия, опустошенну
И молнией и бурей,
Веслами воды рассекая,
Шли в верх Невы, шли Ладогой,
Вошли во устье Волхова
И плыли до его порогов.
Оставив тут суда,
Пошли во строе ратном,
Простерли ужас и беды,
Смерть, пламя и оковы мыча
По нивам, по холмам.
Восплакали славянски девы,
Рабыни став врага;
Взрыдали жены, дети,
Лишась супругов и отцов.
Уже кельтско ополченье
До того достигло места,
Где твой славный дед, отец мой,
Где великий Ратомир
Новагорода начатки
Близ Ильменя положил.
Уж дымятся, пламенея,
Верхи новы и высоки,
Кровь ручьями льется всюду.
Мала стража городская
Скоро смерть мечом вкусила,
И сто юных, храбрых воинов,
Врата града защищавших,
Копием сражаясь, пали,
Жертва силы превосходной,
Предпочтив поносну плену
Смерть. Вломившись в наши стены,
Простер враг насильство всюду.
Ты тому свидетель сам был,
О мой юный друг, друг милый!
Как их меч, носясь по стогнам,
Не щадил славенской крови,
Как младенцы, жены, старцы
Погибали беззащитны.
Вихрем буйным рыщут всюду,
Огонь, и гибель, и крушенье
Везде сеют, простирают,
И смерть бледна воспарила
Над главами всех, готова
К извержению кончины
Общей всем, что живо было.
Ах! почто, почто, несчастный,
Не погиб, плачевна жертва
Я их лютоисти и зверства.
В среде зеленой кущи,
Рукой моею насажденной,
Сидела мать твоя и та,
Которую рука моя вскормила,
Душа моя дала которой душу
И сердце мое – сердце;
Которую Перун, и я, и мать твоя,

И сам ты, друг мой юный, нарицал
Возлюбленной уже подругой,
Твоей подругою навек.
Тогда под сень смиренну нашу
Бегут, как алчны львы, рыкая,
С мечом, с огнем в руках
Враги победоносны.
«Кто ты? – Кто ты?» –
Вещает им Ингвар суровый.
Он вождь полков был кельтских;
Высок, дебел и смугл, а очи малы
Как уголь сверкали раскаленный
Из-под бровей навислых и широких;
Власы его кудрявы, желты, густы,
Покрытые огромнейшим шеломом,
Всклокоченно лежали длинны
Врознь по его атлантовым раменам.
Рука его была как ветвь претолста
И суковата ветвь огромна дуба;
Увесиста, широка длань.
Был глас его подобен
Рычанию вола свирепа,
Когда, смертельно уязвленный,
Несется он по дебрям, по долинам:
«Кто вы?» – вещает паки к изумленным
Он диким и суровым гласом.
«Первосвященника Перунова супруга
У ног твоих». – «Восстань, иди со мной». .
А мы?.. А я с тобой, – вещал
Седглав, тут проливая
Обильные потоки слез, –
Отсутственны мы были и ходили
В соседственный Холмград.
Там мы с тобою
На сделанном берегу высоком,
Где столп Перунов возвышался,
Курили фимиам.
И се вопль наш слух пронзает;
Мы по стогнам зрим Холмграда:
Бегут, мычутся в боязни
Жены, девы и младенцы,
Кои, жизнь спасая бегством,
Утекли из Новаграда.
«Мы погибли, – восклицают, –
Погиб Новый град и в пепел
Превращен, не существует». .
Уж воинственные трубы
Вострубили, уж стекались
Все полки славянски; строим
Все идут ко Новуграду.
Сердце наше предвещало
Бедство нам и скорбь и слезы;
Мы, полки все предваряя,
На коней воссели легких,
Скачем быстро и несемся.
Но, о зрелище ужасно!
Рабынь наших мы сретаем, –
И несут уж хладно тело
Твоей матери Препеты;
«Поспешай, – тебе вещала
Мать твоя чуть слышным гласом, –
Поспешай, коли возможно.
Чаромила унесенна
Вождем кельтским в ладью..»
Хлад и смерть вдруг распростерлись,
Очи меркнут – прервалось
Ее томное дыханье,
И – душа вон излетела...»

Старец умолк – и, очи поникши, стоял неподвижен,
Будто на казнь осужденный. Протекие скорби предстали
Живы уму его, силою воображенья. Хладеет
Кровь в его жилах; колена трепещут; дыханье стесненно
Грудь воздымало его. – Восседает. – Юноша, к старцу
Очи, исполнены слез, обративши, тако вещает:

«Мы шли с воинством поспешно...

Я, с друзьями тут моими
Отделясь от всех далеко,
Вниз по Волхову неслися.
Но, увы! уж поздно было.
Погрузив корысти многи,
Сребро, злато и каменья,
Рухлядь мягкую богату –
Хладна Севера избытки,
Жен и дев восхитив многих,
Враги наши плыли скоро,
Плыли вниз, едва лишь видны.

Не вдаваясь напрасну
Мы отчаянью, обратно
Мы помчались к Новуграду.
Тут, встречаясь с ополчением
Сих врагов неистозлобных,
Мы карали их измену,
Гнали, били и мертвили,
И во Новгород вступили
По телам сих лютых воев.
Но возможно ли вспомнить
Те минуты равнодушно,
Те минуты преужасны,
Как мы в Новгород вступили?

По стогнам летала
Смерть люта и бледна,
Широко простерши
Чугунные крылья.
Уж воинство кельтско,
Досель разлиянно
В домах и по стогнам
Велика Новграда,
Стекалось в едино,
Внушая веленью
Вождей своих лютых.

Мы, ударив
На них строем,
Опровергли
Их, попрали
И достигли
Скоро, скоро
Того места,
Где на вече
Собирался
Народ мирный.
Тут Ингвар, сей
Вождь суровый
И вождь лютый,
Связав руки
Верьвью тяжелой
Ста дев, вел их
В плен, в неволю.
Увидев ужасно
Сие посрамленье,
Как львы возревели
Мы ярости гневом
И буйны стремились
На воинство кельтско,
Старались отнять весь
Их плен и добычу.
Сталь сверкнула,

Смерть взлетела.
Мы разили
Врагов сильно;
И удары
От них страшны
Мы терпели,
Но вломились
Все мы строим
В полки кельтски.
Наконец их
Опрокинув,
Смерть им в сердце
Наносили
И, стараясь
Дать свободу
Девам пленным,
Тьмы врагов мы
Истребили
И их души
Вероломны,
В крови черной
Источенны,
Отослали
В царство Ния.
Но, ах, пагубна победа!
Враги наши, стерженны
Поражением толиким,
В грудь пронзали всех дев пленных.
А хотя мы извлекали
В грудь вонзенну харолугу,
Но душа, душа томленна
Излетала вслед за сталью
И лилася в крови дымной.
Ингвар, зря тут
Неудачу,
Отступает,
В строй поставя
Все останки
Своих воев;
Отступает
Во порядке,
В строю дивном
К струям желтым,
Он в ладьи тут
Восседает;
Он увез трех
Дев с собою,
Дев прекрасней
Всех во граде, –
И, ах, с ними
Чаромилу!»
«О, друг мой юный! – глас возвыся,
Седглав тут рек. –
Настал уж день и час отмщенья;
Зри, многие полки славянски
Уже стекаются отвеюду;
Услыши радостны их клики:
Се смерть, – гласят, – се пагуба врагам!
Бесчисленны ладьи готовы
Нести сих славных ратоборцев
Поверх валов Варяжска моря.
Народ славянский, помня все заслуги
Отцов твоих, отцов моих
И ведая, сколь мне
Перун всеильный благодворен,
Сколь мил ему первейший его жрец,
Тебя единым гласом все колена
Вождем своим уж нарекли.

Гряди, гряди на брань
И смело подвизайся,
Карай, рази врага, им отомщая
Все раны, кои он нанес
Тебе и мне и нашему языку;
Неси ты бурный огонь в селенья кельтски;
Лей кровь... ах! для чего
Бессильные мои рамена
Поднять не могут брони тяжкой,
Я был бы вождь полков славянских
И, мщеньем ярости
Непримиримыя пылая,
Вращал бы меч мой обоюдный
В груди и недрах сопостатов,
Отмщая смерть моей супруги;
Из трупов бы врагов, поправных долу,
Престол воздвигнувши высокий,
Тебе, Перун, тебе я сердце,
Из груди вражьей извлеченно,
Тебе бы в жертву я принес.
О! бог, всесильный бог! –
Вещал Седглав тут в исступленьи, –
Отверзи очи ты души моей,
И книга будущих судеб
Да предо мною разогнется!»
Тут юноша простерся долу
В благоговении сердечном;
Воздел на небо руки жрец.
Вихри сильны вдруг взвились,
Буйны ветры тут завывли,
С тучей буря налетела,
Сиза молния сверкнула,
Гром ударил с треском сильным,
Поразил сосну священну,
И сосны верх возгорелся.
В исступленьи необъятном
Жрец, стрясаем богом сильным,
Громким гласом восклицает:
«О! род ненавистный
Славянску языку!
Се смерть, сто разинув,
Сто челюстей черных,
Прострет свою лютость
В твою грудь и сердце!
Восплачешь, взрыдаешь:
Не будет спасенья
Тебе ниоткуда...
Но... увы! мы только мщенье,
Мщенье сладостное вкусим!..
А враг наш не истребитя...
Долго, долго, род строптивый,
Ты противен нам пребудешь...
Но се мгла мне взор объемлет,
Скрылось будущее время...
Зрю еще, – о сын любезный,
Ты по странствиях далеких
Наконец обрящешь живу
Ты любезну Чаромилу, –
Но я того уже не узрю...»
И се удар громовый повторился,
Земля трясется; жрец воскликнул:
«Иди, мой сын, иди,
Иди, о друг мой юный.
Се слава в облаке златом
Плетет тебе венец лавровый.
Зри, там чертог божественный отверст,
Он ждет тебя и восприимет,
Когда увянешь, не дожив

Блаженных поздних дней;
Но если смерть в полете своем быстром
Тебя на ратном поле дальном
Щадить не перестанет
И лютая ее коса
Тебя минует и допустит
Главу твою покрыться
Сребристыми космами,
Тогда блаженны дни твои пребудут
В объятиях супруги милой,
В среде любезного семейства,
Семейства многолюдна.
Спеш; се зрю, полки славянски идут,
Несут булатны свои копья,
Несут, как лес густой, –
О, радость мщенья, играй,
Играй ты в томном моем сердце;
Сие последнее да будет
Мне, старцу, утешенье,
Вознесшему уж ногу в гроб,
Иди, спеш, о сын любезный!
Победы лавр пожни блестящей;
Тебя еще да узрят мои очи,
Сим лавром увенчанна».
Жрец умолк и лобызает
Своего любезна сына;
Строй идет, и звонки трубы
В путь зовут всех ратоборцев.
Вспламененный отчим словом,
Буйный юноша в восторге
Тяжку броню воздевает,
Шлем взложил на верх свой гордый,
Меч висит у бедр тяжелый,
Щит, копье в его руках:
«Прости, отче!» – он отходит.
Вой радостны воспели
Песни яру Чернобогу.
Жрец возвысил глас свой громкий,
Рек пророческое слово:
«О Перун, о бог всеильный!
Буди им поборник в бранях,
Буди в бедствиях защита;
О народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным
Удивленье всей вселенной;
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят – природу даже,
И пред их могущим взором,
Пред лицом их, озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства.
О потомки!..» – но гром грянул,
Жрец умолк – он ощущает,
Что шествует в величьи тихом бог.
1801–1802

Осьмнадцатое столетие*

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.

Но знаменито веки своею кровавой струей
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови – в твоей колыбели, припевание – громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслись скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени созади, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяный хребет, теремьясь;
Так и они – се воля господня – исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный что зиждет, всё то рушится, будет всё прах.
Но ты творец было мысли: они ж суть творения бога,
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеяв,
Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальной воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнью небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молнией крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь.
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысящный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенный браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
Зри их спутников черных! – ужасны!., идут – ах! идут, зри:
(Яко ночные мечты) лютоисти, буйства, глад, мор! –
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся, бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всеильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
Солнца на восходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойный..
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...
1801–1802

О человеке, о его смертности и бессмертии*
Le temps present est gros de Pavenir.

Leibnitz[40]

Книга первая
Начато 1792 года генваря 15. Илимск.

Друзьям моим

Нечаянное мое преселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные мои, отъемля почти надежду видетсья когда-либо с вами, побудило меня обратить мысль мою на будущее состояние моего существа, на то состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувствование, – словом, на то состояние, в котором человек находится будет, или может находиться по смерти. Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу в страну неведомую и устремляюся в область гаданий, предположений, систем; вы, вы тому единственную виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видетсья с вами, я уловить хочу пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие или же токмо единую возможность, что некогда, и где – не ведаю, облобызаю паки друзей моих, и скажу им (каким языком – теперь не понимаю): люблю вас по-прежнему\ А если бы волшебная некая сила пренесла меня в сие мгновение в обитаемую вами храмину, я бы прижал вас к моему сердцу; тогда все будущее и самая вечность исчезли бы, как сон.

Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или, лучше сказать, наша единственность, сие столь чувствуемое я продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! – Будем?... Помедлим заключением, любезные мои! сердце в восторге нередко ввергало разум в заблуждение.

Прежде нежели (как будто новый некий провидец) я прореку человеку, что он будет или быть может по разрушении тела его, я скажу, что человек был до его рождения. Изведши его на свет, я провлеку его полегоньку чрез терние житейское и, дыхание потом исторгнув, ввергну в вечность. Где был ты, доколе члены твои не образовались; прежде нежели ты узрел светило дневное? что был ты, существо, всесилю и всеведению сопричастное, в бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? или, пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь в бездне вещества? – Вопросы дерзновенные, возлюбленные мои! но вопросы, подлежащие моему слову.

Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся, во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности. Не во внутренность ее проникнуть настоит нам возможность, но разве уловить малую нить, для руководства в постижении постепенного ее шествия, оставляя существам, человека превышающим, созерцать ее внутренность и понимать всю связь ее деяний. Но сколь шествие в испытании природы ни препинаемо препятствиями разнородными, разыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует или, как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, разыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неявственные сопряжения их с другими вещами, деяниями или действиями; сблизит факты однородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и, раздробляя паки προϊстекающие из того следствия, он, поступаая от одного следствия к другому, достигнет и вознесетсся до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к

Поищем таковых в природе фактов, до предрождественного существования человека касающихся, и обратим внимание наше на них.

Человек зачинается во чреве жены. Сие есть естественное происшествие. Он зачинается во чреве жены; в нем растет; и, дозрев, по девятимесячном в утробе матерней пребывании исходит на свет, снабженный всеми органами чувств, глагола и разума, которые усовершенствования достигать могут постепенно; сие всем известно. Но деяние пророждения, то есть образ, как зародыш делается, растет, совершенствуется, есть и пребывает доселе таинством, от пронизательнейших очей сокровенным. Любопытство наше в познании сего таинства удовлетворяем по возможности и не токмо могли видеть, как постепенно животное растет по зачатию своим, но счастливые случаи, любопытством неутомимым соглядаемые, послужили наукам в пользу, и в России имеем прекрасное собрание растущих зародышей от первого почти дня зачатия даже до рождения. Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остается еще вопросом, которой в одних токмо догадках доселе имел решение. Но при сем, во мраке погруженном, деянии естественном можем провидеть нечто поучительное и луч слабый на испытание изливающее. Мы видим, что семя, от которого зародыш зачинается, в некоторых животных существует в матери до плододояния; но для развержения, для рождения бессильно. Сие в животных пернатых видим ясно. Яйцо есть сие семя и до плододояния содержит в себе те же, существенность его составляющие, части – белок и желток. Но если мы обратим взоры наши на существа, единую степень на лестнице творений от животных отстоящие; если мы рассмотрим земную собратию нашу, растения, отличающуюся от животных лишением местоменяющейся способности и следствием может быть оной способности чувствований, – то мы увидим ясно, что для произведения высочайшего кедра, сосны или дуба равно нужно зерно или семя, как для произведения малейшей травы, на дерне стелющейся, или на голом камени растущего мха.

Итак, о растениях и о птицах можно не токмо сказать с вероятностию, но почти с убедительною ясностию, что семя существует не токмо до зачатия, но и до плододояния. Сие, однако же, для тех и для других необходимо, и самка без самца[41] семя дает бесплодное. Заключение вывода по правилу сходственности, сказать можно то же о всех животных и о самом человеке. Итак, заключим, что человек преджил до зачатия своего, или, сказать правильнее, семя, содержащее будущего человека, существовало, но жизни, то есть способности расти и образоваться, лишено. Следует, что нужна причина, которая воззовет его к жизни и к бытию действительному; ибо бытие без жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менее почти смерти.

Восходя таким образом от факта известного до вероятного, можно почти безошибочно сказать, что человек существует в жене до зачатия своего, но в полуничтожном своем виде; и нужна необходимо плододоятельная влажность мужская, чтобы воззвать семя от бездеятельности к деянию, от полуничтожества к жизни.

Семя мужское есть средство, коим семя жены становится зародыш, как то из предыдущего следует: оно дает жизнь. И если нужно, чтобы бездейственная вещественность для получения движения имела начальное ударение, то для даяния жизни нужно также ударение пло до деятельного сока. Если мы рассмотрим сопутствующие деянию зарождения обстоятельства в животных (даже в растениях сие приметно, хотя не столь явственно), а паче в человеке, то ударение, которое мужеский пло до деятельный сок впечатлевает семени, не может почесться простым или единственно механическим. Сверх того, что сок сей имеет свойство весьма подстрекающее и способное возбуждать раздраженность семени женского, что он его пронизает, кормит и образует, – но воззри, до коликой степени возвышенна раздраженность и чувственность во время плотского соития; воззри, колико живоносным веселием оно сопутствуемо; измерь, если можешь, на весах естественности и сие веселие, и притяжение плотское, и любовь. Или сия так же естественна и в естественности имеет свое начало; но как пища, поглощенная желудком, превратясь в питательное млеко, или хил, умножа груду крови в животном, протекает неисчислимыми и неудобозримыми ходами и, очищаясь в нечисленных железах, достигает самого мозга, возобновляет состав его и, протекши и прешед тончайшие его каналы, производит нервную жидкость, едва понимаемую, но никогда незрющую. Но сего мало. Кусок хлеба, тобою поглощенный, превратится в орган твоея мысли. Тако любовь, прияв начало в телесности, в действии своем столь же далеко отстоит от начала своего, как кусок снедаемый от действия мозга в мысленной силе. О ты, вкушавший в объятиях возлюбленная супруги кратчайшее, но

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
величайшее веселие на земли, на тебя ссылаюся; вещай, не казалось ли тебе, что се конец бывает твоя жизнь! Я не сладострастную здесь картину начертать намерен, но действие. Раздраженность всех частей тела, ею одаренных, чувствительность тех, коим она свойственна[42], возвышаются в сию минуту до такой степени, что, кажется, тут предел бывает жизни. И действительно, были примеры, что люди в соитии жизни лишались[43]. Иначе быть тому нельзя; се настает прехождение от ничтожества к бытию, се жизнь сообщается. Не удивительно, что после соития слабость приметна в животном: он уделил жизни своя, коея нужное количество для своего состава он паки приобретет пищею, извлекая жизнь из того, чем питается: ибо все, его питающее, есть живо.

Но в сем безжизненном состоянии человека, когда он не есть еще зародыш, но семя или зерно, может ли он почестся человеком, может ли причтен быть к тварям разумным? Вопрос самой пустой и не стоящий ответа, если бы за ним не следовал другой, более казистой и вид сомнения имеющий. Что есть человек и где он есть до произведения семени, из коего родиться имеет? Ибо, если можем понять, что семя предсуществует зачатую, то оно предсуществует в самке известной; но где оно было, доколе в ней не образовалось в виде семени?

Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но воззри на свое сложение: ты едва от земли отделен, и, если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение твое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды досягающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллионов раз увеличивающими, – что узришь ты? Что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, невзирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. И узришь хотя часть органа, мысль тебе дающего, – но какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлежит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела; ибо ты она, все прочее догадка.

Но дадим ответ на предыдущие вопросы, сколь нелепы они бы ни были. Если не достоверно, но хотя вероятно, что человек предсуществовал зачатую в семени, то суть две возможности, где существовало сие семя, опричь той вероятности, что оно в жене начиналось; а сие есть вероятнейшее других предположение. Но скажем хотя слово о них. Или семя со держал ося одно в другом, из разверзшихся прежде его в бытие, и содержит в себе все семена, сколько их быть может, одно в другом до бесконечности. Или семя сие есть часть прежнего, которое было часть другого, прежде его к жизни возванного, и может делиться паки на столько частей или новых семян, сколько то быть должно и может; равномерно и отделенные от него части паки делимы быть имеют до бесконечности. Бесконечность... о, безумные мы! все, чего измерить не можем, для нас есть бесконечно; все, чему в продолжении не умеем назначить предела, вечно. Но для чего не утверждать, как то сказали мы выше, что семя образуется в жене? Ибо, если чувствительность, мысль и все свойства человека (не говоря о животных и растениях) образуются в нем постепенно и совершенствуют, то для чего не сказать, что и жизнь, которая в семени, яко в хранилище, пребывать имеет[44], доколе не изведет на развержение, образуется в органах человека. Ибо всякая сила, не токмо действующая в человеке, но в вселенной вообще, действует органом; по крайней мере, мы иначе никакой силы постигать не можем. Когда всесильный восхотел, чтоб движение и жизнь нам явны быть могли, он поставил солнце; вот чувственный его орган! Почто же дивиться, что смертные его боготворили?

Преждем к другому вопросу. Семя до зачатия, или человек в предрождественном своем состоянии, мог ли почестся тварью разумною, или, другими словами, сопряжена ли была душа с семенем, доколе не прешло семя в зародыш? Какое слабое удовлетворение твоему высокомерию, если и согласимся дать семени душу! но что сия душа? свойство ее жизни или в совершенном возрасте человека есть чувствовать и мыслить; а понеже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнью тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок; что нервы толико тупеть могут, что суть иногда в болезненном состоянии тела почти бесчувственны; если же общий закон природы есть, что сила не иначе действует (для нас по крайней мере), как органом или орудием, то скажем не обинуясь, что до рождения, а паче до зачатия своего человек есть семя и не может быть что-либо иное. Бесчувствен, нем, не ощущая, как может быть разумною тварью? И хотя бы

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru (согласимся и на то), хотя бы душа жила в семени до начатия веков; но когда она начинает действовать и мыслить, того не знает, не вспоминает, что она когда-либо была жива. А поелику не помнит о своем предрождественном состоянии, то человек настоящий, я настоящее, я, отличающееся от всех других обратных мне существ, не есть то л, что было; а хотя бы я нынешнее то же я было, которое было в предрождественном состоянии, – но что в том мне пользы? Нет тождественности души в двух состояниях, то есть в нынешнем и предрождественном[45]; не все ли равно, что она не существовала до зачатия или рождения.

Но нет ли какой-либо возможности, что душа может существовать с семенем сопряженка до зачатия зародыша? Вы видели, мои возлюбленные, что все предыдущие умствования суть предположительные или паче гадательные, то и сие мнение о предрождественном существовании души, поелику противоречия в себе не заключает, есть возможно. А если к тому присовокупим, что поелику всякая сила действует свойственным ей органом и семя есть орган, для действия души определенный, но не разверженный, то можно сказать, что сила живет в органе и душа в семени; ибо если орган или семя не разверженно и не устроено, то из того не следует, чтобы оно было мертво; ибо смерть есть разрушение, или паче, как то увидим далее, смерть не существует в природе, но существует разрушение, а следствие одно токмо преобразование. Присовокупим к сему предварительно, что как из опытов знаем, что по разрушении каждая частица отходит к своей стихии или началу, да паки в сложение преидет, то сила жизни не отойдет ли к своему началу или стихии; и поелику стихия каждая одинакова, то частица оной может пребывать семени совокупна.

Вот что возможно сказать о предрождественном состоянии человека; но и тут, как видите, друзья мои, много предположений, систем, догадок. Таково есть положение наше, что мы едва ли можем удостоверены быть о том токмо, что предлежит нашим чувствам. Сведение о вещах внутризрительное несть свойство нашего разума. Если чего не ощущаем, то заключаем по сходствию. И дабы вам сие изъяснить примером: мы по сходствию токмо заключаем, что рождены и смертны есмы. Итак, о прошедшем и будущем своем состоянии человек судит по сходствию. Блажен, если жребий его не есть блуждение!

Се настал час бытия и жизни! О всесильный! отпусти дерзновение мое; я умствованием одним угадать тебя тщуся, доколе не воззван к жизни! Но я живу и тебя чувствую. О всесильный! в том нет дерзновения!

Представим себе мужа и жену в цветущих силою летах, горящих взаимною любовью; представим себе невинные их лобзания, преддверие веселия. Представим их на непорочном ложе вкушающих его приятности, ужели думаешь, что восторг, исступление, забвение самого себя (во время соития) суть напрасны и должны существовать без намерения? Когда есть цель малейшему микроскопическому зверку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселие не имеет оной? И можно ли в ней ошибиться! Намерение есть чувствование, цель – жизнь.

Уже жена зачала во чреве; уже зародыш жив. Сердце, сей источник крови и вьемлище ее, в нем биет даже с первого дня соития. Началось кормление[46], рощение. Уже мало-помалу члены его образуются. Каждое волокно ищет своих подруг, с коими согрудится[47], и составляют мышцы. Но паче всего образуется голова, растет больше и величает. В ней пребывание чувствий и умственных сил! – Пребыв во чреве жены предопределенные девять месяцев, зародыш стал дитя[48]. Орудии движения, чувствия, голоса и жизни получили свое дополнение; основание уже положено разумным силам, орган их уже готов, как гладкая таблица готова на восприятие впечатлений. Упругость, содрогательность существуют уже в образованном, да некогда произведут страсти, притяжение и отвращение. И се рождается дитя – человек да будет.

Итак, исшел на свет совершеннейший из тварей, венец сложений вещественных, царь земли, но единоутробный сродственник, брат всему на земле живущему, не токмо зверю, птице, рыбе, насекомому, черепокожному, полипу, но растению, грибу, мху, плесне, металлу, стеклу, камню, земле. Ибо, сколь ни искусственно его сложение, начальные части его следуют одному закону с родящимся под землею. Если кристалл, металл или другой какой-либо камень образуется вследствие закона смежности, то и части, человека составляющие, тому же следуют правилу. Если он зарождается и растет во чреве матернем, прилежное разыскание покажет (хотя еще внимания на то не обращено), что для образования чего-либо и в царстве ископаемом нужна матка; и если в животных то издревле известно, что матка без мужского сообщения

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
бесплодна, то ныне явно уже о растениях и о подземных вероятно [49]. Но если кристаллизация, если руденение далеко отстоят от зачатия, питания и рождения, не образование ли есть цель того и другого? Образование есть видимое действие; – но причина? не сомневайся! то же начало, которое жизнь тебе дает, действует и в законе смежности.

Мы не унижаем человека, находя сходственности в его сложении с другими тварями, показуя, что он в существенности следует одинаковым с ними законам. И как иначе то быть может? не веществен ли он? Но намерение наше, показав его в вещественности и единообразности, показать его отличие; и тогда не узрим ли мы сопричастность его высшему порядку существ, которых можно токмо угадать бытие, но ни ощущать чувствами, ни понимать существенного сложения невозможно.

Человек, сходствуя с подземными, наипаче сходствует с растениями. Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение; ибо хотя в обоих находятся великие сходства, но разность между ими неизмерима. В растении находим мы жилы, питательный сок, в оных обращающийся; находим различие полов, матку, плододение мужское, семя, зачатие, рождение, детство, мужественные лета, произведение, старость, смерть; следовательно, растение есть существо живое, а может быть – и чувствительное (да не остановимся при словах!), – но чувствительность сия есть другого рода, может быть, одна токмо раздражительность. А паче всего вертикальное положение растений сходственно единому человеку. Хотя в растениях чувствительность не явна (и самая чувственница из сего не исключается), но согласиться нельзя, чтобы обращение соков действовало в них по простым гидростатическим правилам. В них существует истинная жизнь. Они на земли не для обновления токмо родов своих, но служат в пищу высшей степени существам. Сие есть одна простая догадка: но поелику органическое тело сохраниться может токмо пищею, то каждый род органических веществ питается веществами органическими же в разных их видах и сложениях; а питаясь сходствующими с органами его веществами, не жизнь ли он принимает в пищу, которая, почерпаясь из нижнего рода веществ, протекши и процежаясь, так сказать, сквозь бесчисленные каналы, единообразуется той, которая органы его движет.

Паче всего сходственность человека примечательна с животными. Равно как и они, он отличается от растений тем, что имеет уста. Растение, стоя в нижней степени существ земных, есть все уста, по выражению одного известного писателя. Сок из земли корнями, росу же небесную сосет оно листьями. Человек уже отличается, как и другие животные, от насекомых; ибо и сии, как гниды, суть токмо рот, желудок и его продолжение. Все органы, коими одарен человек, имеют и животные, разумея в назначенной их постепенности. Слух, обоняние, вкус, осязание, взор – все они имеют. Побуждение к пище равно терзательно и усладительно для всех живущих на лице земли, не исключая и растений. Исторгни его из недр земного или замкни токмо источники небесные, цвет увянет, иссохнет корень, отпадет листовое, и вместо красящегося зеленостию листов и всеми цветами раздробленного луча солнечного в цвету своем, узришь его поросшее мхом и плеснию подернутое, преходящее в разрушение. Равномерно, отыми яства от животного и человека, возбуди алчбу и жажду в недрах его, лиша его всего того, что обновляет в нем кровь, дыхание и жизнь, ты скоро узришь страшные признаки смерти, окрест его летающие. Шестиве будет токмо доколе не изменеет. Взоры поникли, коими жизнь, кажется, помалу исступает, глаза въямившиеся, тело все обвисло морщинами; но вскоре остатки жизни превращаются в болезни лютые, в нестерпимые корчи и судороги, и будто жизнь, сие неведомое нами существо, в каждой фибре, в каждой нерве заключенное и растворенное, так сказать, во всех соках и твердых частях телес животных, жизнь начнет отделяться сперва с великим возбуждением чувственности, раздражительность вникает при конечном расслаблении, чувствительность живет при исчезании, и жизнь, сей безвещественный огонь, дав животному вздохнуть в последние, излетает. Труп хладеет, кровь, лимфа и водяность приходят в согнительное воскипение, все члены распадаются, каждое начало отходит к своей стихии, каменородная часть животного, кости противятся несколько времени проникшему в него тлению; но скоро могущественность воздуха, разрушив известное их сложение, разделит их на составляющие их части и, иссовав в воздухообразном виде содержащуюся в них кислоту, остатки предаст земле.

Человек, сходствуя в побуждении к питанию с животными, равно сходствует он с ними и растениями в плодородии. С большими и многими малыми животными он даже сходственные имеет уды детородные. Они все отстоят от главы в отдаленности, а вследствие возничного положения человека они лежат в нижней его половине. Напротив того, они суть глава растений и их краса. Цветок, – о ты, возмощий

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
проницательности твоею узреть сие таинство природы, бессмертный Линней, не возгнушайся жертвоприношением желающего тебя постигнуть! – цветок есть одр любовный, ложе брачное, на коем совершается таинство порождения, – Хотя многие животные, как то все птицы, разнятся от человека в порождении, но сходятся с ним все живорождающие. Многие самки носят девять месяцев; родят обыкновенно одного и дитя своего вскармливают сосцами своими.

Внутренность человека равномерно сходствует со внутренностью животных. Кости суть основание тела; мышцы – орудия произвольного движения; нервы – причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий ее жир, наконец, мозг и зависящие от него деяния: понятие, память, рассудок. Не унизит ли человека, если скажем, что звери имеют способность размышлять. Тот, кто их одарил чувствительностию, дал им мысль, склонности и страсти; и нет в человеке, может быть, ни единых склонности, ни единых добродетели, коих бы сходственности в животных не находилось.

Нашед многочисленные сходственности между животными и человеком, нужно нам видеть и то, чем он отличается от всех других животных, живущих на земле. Возниченный его образ отличает его внешность приметным образом и есть ему одному на земле свойствен. Хотя медведь становится на задние лапы, а обезьяны ходят и бегают на них, но сложение ног человеческих доказывает, что ему одному прямо ходить должно. Хотя сие хождение есть следствие искусственнейшего учения, хотя были примеры, что человек имел четвероножное шествие[50], но из того не следует, что оно ему свойственно вследствие его сложения. Широкая его ступня, большой у ноги палец и положение других с движущими ступню мышцами суть явное доказательство, что человек не пресмыкаться должен по земле, а смотреть за ее пределы. Но сие-то и есть паче всего человека отличающее качество, что совершенствовать он может, равно и развиваться; пределы тому и другому еще неизвестны. Но какое животное толико успевать может в добром и худом, как человек? Речь его и все оныя следствия, зверство его неограниченное, убивая братию свою хладнокровно, повинуюся власти, которую сам создал; и какой зверь сдает себе подобного из лакомства, разве не он? Напротив, какое великодушие, отречение самого себя; но о сем говорить еще не место.

Оставя теперь все следствия возниченного положения человека, мы находим, что сложение его паче всех животных беззащитнейшее, а хотя нежнейший имеет состав, но твердейшее имеет здравие. Все звери или паче животные живут в свойственном для них климате. Слон живет под жарким поясом, медведь белый на льдинах Северного океана; но человек рассеян во всех климатах. Гладкая и бесшерстная, но твердая его кожа противостоит всем непогодам и водворяется во всех странах света. Но самая сия беззащитность родила вымысел, и человек облекся в одежду. Но не от единых нагости восприял он свой покров. Если она была к тому побуждением в холодном климате, живучи под равноденственным кругом не токмо казалася не нужна одежда, но тягостен и малейший на теле покров. Однако ж мы противное тому видим. Жители Гвинеи, Сенегала, Нигера, Конго носят опоясье. Сколь чувствования народов сих ни притуплены, но стыдливость есть корень сего обыкновения. Сие суждение не есть произвольное или догадка; когда самки некоторых зверей дубравных чувствуют сие движение, когда многих родов самки ждут прислуги самца и обуздывают, так сказать, свою похотливость, то ужели самке человеческой стыд будет чужд? Возниченное положение, открывая детородные части в человеке, влечет, кажется, за собою неминуемое следствие – опояску.

Паче всего кажется человек к силам умственным образован[51]. Горизонтальное положение всех зверей, обращая зрение их, обоняние и вкус книзу, кажется, наипаче определяет их блаженствовать в насыщении желудка; ибо и другое чувственное блаженство, соитие, всем зверям есть временно[52]. Самую обезьяну, и совершеннейшую из них и наиболее на человека похожую, орангутанга, из сего исключать не должно. Руки ее и ноги не сходятся с человеческими, так, как и вся почти внешность. Сколь некоторые роды людей, например, эскимы и другие, внешностию ни уродливы (если можно разнообразие природы почесть уродством), но члены их соразмернее обезьяны. Бюффон называет род обезьян животным четвероруким; но, невзирая на слабое сходствие очертаний у них с человеком, причтем и их к четвероногим; ибо по их сложению не имеют они той точки равновесия, которая, воздымая человека от земли, шествие его делает возниченным и вид приятным. Череп его круглеет, лоб воздымается, нос становится острее, две

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
ровные губы составляют уста, где обитает улыбка.

Казалось бы, что понеже человек наипаче к мысленным действиям определенный, иметь долженствовал отменное во всем образование головного мозга, в котором, как то всякому чувствуемо, обитает мысль; и хотя находятся некоторые в нем отмены против мозга других животных, но доселе сие различие столь найдено по-видимому маловажно, что нельзя сказать, в чем точно состоит преимущественная отмена в сложении мозга человеческого против мозга больших животных. Сверх же того, анатомия не была еще руководительницею к познанию, от чего в мозгу зависит память, воображение, рассудок и другие умственные силы. Сколь на сей конец опыты Галлеровы ни были многочисленны, но света действия умственных человеческих главы не распростерли. Доселе оно кажется трудно, а может быть, совсем невозможно, если рассудишь, что действие разума есть неразделимо. И хотя толкователи сих действий решат оные неким (ими вымышленным) движением малейших фибр мозговых, но где находится среда, в которую все сии движения стекаются, никто не видал, ибо пинеальная железа, мозольное тело суть ли истинное пребывание души, о том только прежде сего гадали, а ныне молчат. Распространение просвещения и общий разум показали, что опыты суть основание всего естественного познания. Итак, может быть одно соразмерное сложение мозга, изящнейшее его положение, так, как приятная внешность человека, суть истинное отличие человеческого мозга в его образовании.

Некоторые писатели, представив себе мысленные линии, по человеческому образу проведенные, находили в большем или меньшем углу, от пресечения сих линий происходящем, различие человека от других животных, даже различие между народами; а известный Лафатер, в угле, также мысленно начертанном, не токмо находил различие разумов между людьми, но оное выдавал за непреложное правило. Но оставим правила вероятной, но далеко распростертой и от того бессущественной его физиогномии; скажем нечто о других. Кампер проводит линию чрез утлость уха до основания носа и другую линию с верхнего края лобных кости до наиболее иссунувшейся части бороды. В угле, где пересекаются сии линии, он находит различие животных от человека, а наипаче различие народов и определение их красоты. Птицы начертает, говорит Кампер, самый малейший угол. Чем более угол сей расширяется, тем животное сходственнее становится в образе своем человеку. Обезьяны имеют в образе своем сей угол от 42 до 50 степеней; сия последняя степень уже человекообразна. Европейцы 80, а греческая воображаемая красота от 90 степеней восходит до 100. Гер дер, стараясь показать естественную сему причину, говорит, что она состоит в отношении животного к его горизонтальному или перпендикулярному строению и таковому положению его главы, от которого зависит счастливое положение головного мозга и красота и соразмерность всех личных частей. Протяни, говорит он, линии от последней шейной кости, первую до точки, где кончится затылок, другую до высоты темя, третью до самого переда лба и линию до окончания бороды, то явно будет не токмо различие в образовании головы, но и самая причина оная; то есть, что все зависит от строения и направления сих частей к горизонтальному или перпендикулярному шествию.

Вот как человек пресмыкается в стезе, когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам; воображает себе движение, тяжественность, притяжение, когда истолковать хочет ее силы; делит время годами, днями, часами, когда хочет изразить ее шествие, или свой шаг ставит мерою ее всеобъемлющему пространству. Но мера ее не шаг есть и не миллионы миллионов шагов, а беспредельность; время есть не ее, но человеческое; силы же ее и образы суть токмо всеобщая жизнь.

Гельвеций не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму. И поистине, чему одолжен он изобретением всех художеств, всех рукоделий, всех пособий, для наук нужных? Но сие в человеке изящнейшее чувство осязания не ограничено на единые персты рук. Примеры видели удивительнейшие, что возмощет человек, лишенный сих нужных для него членов. Если чувство его осязания не столь изошренно, как осязания паука, то нет ему в том нужды; оно бы было ему бесполезно, ибо несоразмерно бы было другим его чувствам и самому понятию его. Равным образом, отделяясь от лица земли, вследствие своего строения, чувство обоняния и вкуса в нем притупели; ибо прокормление не стало быть его первейшею целию. А хотя оно ему необходимо, то рука его, вооруженная искусством, заменяет стократно недостаток его в изящности помянутых двух чувств. Но и тут с лучшим правдоподобием сказать можно, что вкус и обоняние суть в человеке изящнее, нежели в прочих животных. Если он не равняется обонянием со псом, следы зверя оным угадывающего, то сколь изыскателен он в благовонии следов. Сравни

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
сладострастного сибарита или жителя пышных столиц в действиях вкуса и обоняния с действием тех же чувств в животных и скажи, где будет перевес.

Человек равно преимуществует пред другими животными в чувствах зрения и слуха. Какое ухо ощущает благогласие звуков паче человеческого? Если оно в других животных (пускай слух и был бы в них изящнейший) служит токмо на отдаление опасности, на открытие удовлетворительного в пище, в человеке звук имеет тайное сопряжение с его внутренностию. Одни, может быть, певчие птицы могут быть причастны чувствованию благогласия[53]. Птица поет, извлекает звуки из гортани своей, но ощущает ли она, как человек, все страсти, которые он един токмо на земле удобен ощущать при размерном сложении звуков? О вы, душу в исступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайден, о вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара, неужели вы не разнствуете с чижом или соловьем? Не птицы благопевчие были учителя человека в музыке; то было его собственное ухо, коего вглубленное перед другими животными в голове положение[54] всякий звук, с мыслию сопряженной, несет прямо в душу.

Орел, паря превыше облаков, зрит с высоты своего возлетения кроющуюся под травным листием свою снедь. Человек не столь имеет чувствие зрения дальновидно, как он; миллионы животных ускользают от его взора своею малостию; но кто паче его возмог вооружить свое зрение? Он его расширил почти до беспредельности. С одного конца досязает туда, куда прежде единою мыслию достигать мог; с другого превышает почти и самое воображение. Кто может сравниться с Левенгуком, с Гершелем?

Но изящность зрения человеческого наипаче состоит в созерцании соразмерностей в образах естественных. Не изящность ли зрения, изощренного искусством, произвела Аполлона Бельведерского, Венеру Медицейскую, картину Преображения, Пантеон и церковь св. Петра в Риме и все памятники живописи и ваяния?

Но все сии преимущества обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностию, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немые. Он един имеет нужные для речи органы. Хотя многие животные звуки гортанию производят, хотя птицы паче других в органах голоса сходятся с человеком и некоторые изучиться могут произносить слова человеческия речи; но сорока, скворец или попугай не что иное суть в сем случае, как обезьяны, человеку подражающие в его телодвижениях. Но если попугай может подражать в произношении некоторых слов человеку, если снегирь или канарейка подражают своим пением пению человеческому, то человек в подражании всех звуков пения превышает всех животных; и справедливо его один английский писатель назвал насмешником между всеми земными тварями.

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучных речи было томно и пресмыкающееся! О ты[55], возмогий речию одарить немого, ты, соделавший чудо, многие превышающее, не возмог бы ты ничего, если бы сам был безгласен, когда бы речь в тебе силы разума твоего не изошрила! Если немый, тобою наставленный, может причастен быть в твоих размышлениях, невероятно, чтобы разум его воспарил до изобретений речию одаренного. Хотя и то истинно, что лишение одного чувства укрепляет какое-либо другое; но вообще разум лишенного речи более изощряться будет подражанием, нежели собственною своею силою; не имеющий слуха коликих внутренних чувствований будет лишен, и, кажется, изъявления оных ему мало быть могут свойственны. – Итак, речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всемогущия.

Осмотрев таким образом человека во внешности его и внутренности, посмотрим, каковы суть действия его сложения, и не найдем ли, наконец, чего-либо в них, что может дать вероятность бессмертия или что, обнаружив какое-либо противоречие, идею вторых жизни покажет нелепостию. Если заблуждение предлежит нам в стезе нашей, источник истины, всеотче! прости луч на разумение наше! желание наше в познании нелицемерно и не тщеславию вождается, но любвию.

Из внешнего сложения человека видели мы, что менее всех других животных он

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru способен к хищности. Пальцы его не вооружены острыми когтями для раздиранья своей снеди, как у тигра; нет у него серпообразных клыков на отъятие жизни; напротив того, зубы его суть, кажется, доказательство, что пища овощная сходственнее его сложению, нежели мясная; да когда он и сию вкушает, то прежде изменит ее сущность варением. Итак, человек не есть животное хищное. С другой стороны, сложение его рук препятствует ему укрываться там, где могут животные, когти имеющие. Стоящее его положение препятствует ему избегать опасности бегством; но искусственные его персты доставляют ему оборону издали. Итак, человек, вследствие телесного своего сложения, рожден, кажется, к тишине и миролюбию. О, как он удаляется от своей цели! Железом и огнем вооружив руки свои, на произведение искусственных действий сложенные, он воссвирепел паче льва и тигра; он убивает не в снесь себе, но на увеселение, не голодом в отчаяние приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнейшая из всех земнородных! на то ли тебе даны нервы?

Уже у некоторых животных примечается опрятность и благопристойность. Птица ощипывает носом своим перья, зверь лижет шерсть свою языком, а более всех других человек любит соблюдение своего благообразия. Хотя нередко страсти и неумеренность его обезображивают, но примеры единственные не отвергают правила общего. Я преиду здесь охоту, примеченную во всех диких народах, к украшению своего тела; умолчу о той степени, на которой она находится в ученейших народах; не скажу ничего, сколь все украшения уродуют тело вместо усугубления его красоты; но что человеку благолепие сродно, то, с одной стороны, вообразим, что когда он изящнейшие черты изобразить хочет, он изображает нагость. Облеки в одежду Медицейскую Венеру, она не что иное будет, как развратная жеманка европейских столиц; левая рука ее целомудреннее всех вообразимых одежд. С другой стороны, представь себе вид безобразный: волосы растерзанные, лице, испещренное жжением, колонию и краскою, уши или нос дырявые, губы разрезанные и зубы непокровенны, шея и чрево задавленные, ноги и персты сжатые. Привычка нас заставляет находить украшением то, что сами с некоторою отменою почитаем безобразностию. Итак, свойственная человеку опрятность и благопристойность учили бы его сохранению своего образа в природном его виде, если бы превратность не учила другому. А ты, о превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о законодавец тигр! почто дерзаешь уродовать благообразие человека? Он хотя преступник, но тот же человек. Вникни в его естественность, увидишь, что благообразие ему дано тем, кто жизнь ему дал. Ты уничижаешь его паче всякия твари, отъемля у него образование. И какая в том польза?

Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в сложении фибров человек паче всех есть существо соучаствующее. Соучастование такое в животных уже примечается; звери стекаются к испускающему жизнь брату их. Но паче всех одарен им человек. Жаль видеть обезображение даже неодушевленного. Вздохнешь, видя великолепные развалины; вздохнешь, видя следы опустошения, когда огонь и сталь распростирают смерть по лугам и нивам. Преселись на место, где позыбнулись земли до основания. Хотя бы животные избегли бедствий естественных и гнева стихий, но глубокопроницающая печаль обойдет твое сердце, и ты, если не камень, потрясешься и восплачешь.

Наипаче такое чувство возбуждается в нас, взирая на скорбь и терзание животного. Стрела болезни пройдет душу, и она содрогнется. Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует. Все чувство такое, проникающее нас посредством органов глазных, производит в нас страх и ужас. Но томящееся журчание, но воздыхание, но стон, крик, визг, хрипение, выводит нас из нас самих, возбуждает исступление. Чувствование предваряет рассудок, или, паче, человек во мгновение сие становится весь чувствование, рассудок молчит и страдает естественность. Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится. Войдя во храмину, где веселие распростерло жизнедательную масть свою в сердце, где около торжествующих все блещет радостью, где руки плещут и ноги сопутствуют восторгу, а паче грудь, исполненная утех, образует глас в радование, вздыхает от нежности или испускает крик веселостей; когда сердце и душа, исполняясь блаженства, являть хочет свое наслаждение и гортань поет; скажи, если ты не Альцест или не Тимон, не воспоешь ли с поющими, не умножишь ли хоровода пляшущих? Когда разве дряхлость отъяла силу движения в ногах и лишила голос твой приятности, то не будешь участвовать в веселии общем. Но знай, что ты не токмо существо, соучаствующее всему чувствующему, но ты есть существо подражательное. Если можешь с безумными обезуметь, то там, где тирс Ваххов вооружен блистает, как не быть тебе вакхантом?

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Сие соучаствование человеку толико сосущественно, что на нем основал он свое увеселение, к немалой чести изобретению разума человеческого служащее. Скажи, не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаокоона? Не увядает ли твое сердце, когда смотришь на Маврикия, занесшего ногу во гроб? Скажи, что чувствуешь, видя произведение Корреджия или Альбана, и что возбуждает в тебе кисть Ангелики Кауфман? Исследовал ли ты все, что в тебе происходит, когда на позорище видишь бессмертные произведения Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазия, Мольера и многих других, не исключая и нашего Сумарокова? – Не тебе ли Меропа, вознесши руку, вонзить хочет в грудь кинжал? Не ты ли Зопир, когда исступленный Сеид, вооруженный сталию, на злодеяние несется? Не трепещет ли дух в тебе, когда востреженный сновидением Ричард требует лошади? «Нет у него детей!» – размышляет во мрачных тучах Макбет; что мыслишь, когда он сие произносит? О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блажен, тобою стражду!

Я не намерен здесь распространяться примерами о том, что каждому известно; но представьте себе и очарованное око театральным украшением, и ухо, отсылающее дрожание в состав нервов и фибров, возбужденное благогласием; представьте себе игру, природе совершенно подражающую, и слово, сладости несравненных исполненное; представьте все сие себе – и кто сказать может, что человек не превыше всего на земле поставлен? Увеселение юных дней моих! к которому сердце мое столь было прилеплено, в коем никогда не почерпал развратности, от коего отходил всегда паче и паче удобренный, будь утешением чад моих! Да прилепятся они к тебе более других утех! Будь им истинным упражнением, а не тратою драгоценного времени!

Мы сказали, что человек есть существо подражательное, и сие его свойство есть не что иное, как последование предыдущего или, лучше сказать, есть отрасль соучаствования. Я не разыскивал того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существует механизм в подражании и соучаствовании, как образ, вне нас лежащий, как звук, посторонним существом произнесенный, образуют внутренность нашу? Происходит ли то в первом случае какими-либо лучами, отражающимися от внешних тел, как будто электрическое вещество, исходящее заострениями, и несущими образ на сеть глазную посредством светильного вещества; производит ли, в другом случае, звук, раздающийся в ухе нашем и тимпан оного ударяющий, производит ли в нервах дрожание, струнному орудию подобное (что вероятно); или нервенный сок, прияв в себя внешние образы, внутреннюю чувственную им сходственность соделывает. Я уже сказал, в познаниях сих многие суть догадки; и мы, прешед причины, ибо нам они неизвестны, не скажем, как то происходит, ибо того не ведаем, но скажем: оно есть. Давно всем известно, что человек, живучи с другими, приемлет их привычки, походки и проч., даже самые склонности.

В семейственной жизни сие наиболее приметно бывает. Не токмо дети имеют иногда привычки своих родителей или наставников, но имеют нередко их страсти. Примеры сему не токмо из истории почерпнуть бы можно было, но можно иметь их из ежедневного общежития. И неудивительно уже, что частое долговременное повторение одинакового действия, всегда имея пред собою, может в привычку преобразиться; но подражательность столь свойственна человеку, что единое мгновение оную приводит в действительность. На сем свойстве человека основывали многие управление толпы многочисленныя. Первый Сципион, обвиняемый пред народом в злоупотреблении своею властью во время предводительствования римскими войсками: «Народ! – воскликнул он, – сей день вождием моим вы победили неприятеля, воздадим благодарение богам!» – и, не ждав нимало, пошел в Капитолию, народ ему последовал, и обвинитель его посрамлен остался. Ужели думаете, что убежденный благорассуждением народ римский шествовал за Сципионом? Нимало! ни десятой доле бывшим в собрании не было слышно его изречение. Он пошел, друзья его за ним, и все машинально ему следовали. В магнетизме Месмеров видели самое явное доказательство подражательности непреоборимой. Сидящие около его чана едва одного из среды своей зрели в содрогании, все приходили в таковое же. Воображение ли над ними действовало или что другое, до того нет нам нужды; но что все чувствовали в нервенной системе потрясение, то истинно. И сей нового рода врач, основав искусство свое на сем естественном подражании, приводил сим простым способом в движение, казалось, силу неизвестную. Но если бы помыслили, что буде в собрании, где наипаче объемлет скука, один зевнет, то все зевают, то бы Месмерово чудо таковым не казалось.

Различие полов, как то мы прежде уже видели, есть постановление природы повсеместное, на котором она основала сохранение родов не токмо животных, но

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru растений, а может быть, и ископаемых. Постановив различие (полов), она, может быть, столь же общим законом, возродила в них одного к другому побуждение; и можем ли ведать, что сила притяжения, действующая в химических смежностях, не действует и в телах органических? Животное иначе живет, нежели растение; но кто отвергнет, что растение не живо? Чем более вникают в деяния природы, тем видима наиболее становится простота законов, коим следует она в своих деяниях. Итак, на различии полов основала она в человеке склонность к общежитию, из коея паки приистекают различные человеческие склонности и страсти. Но последуем ее постепенности.

Из различия полов следует склонность их одного к другому, склонность непреоборимая, столь сладостная в сердце добродетельном, столь зверская в развратном. Толико могущественно, толико глубоко положила природа корень сей склонности, что единое произвольно кажущееся движение в растениях относится к ней. Я говорю здесь о так называемом сне растений.

В животных склонность сия временное имеет действие, но в человеке всегдашнее. В нем склонность сия хотя столь же почти необходима, как и в животных, но подчинена очарованиям приятности и оставлена его управлению, выбору, произволу и умеренности. В человеке склонность сия хотя в младости разверзается, но позже нежели во всех других животных, а по тому самому может быть она в нем и продолжительнее. Она в человеке отличает тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно и свободно, нередко на целый их век. Кто из животных, разве не человеческие супруги, могут сказать: мы два плоть едина, мы душа единая! – О сладостный союз природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродован?

От любви супружней приистекает любовь матерняя. Зачав во чреве своем, родив в болезни, питая своими сосцами[56], дитя есть, поистине, отпрыск матери, отрасль совершенная, не по уподоблению токмо, но в самой существенности. Союз их есть почти механический. Да не унизим его таковым изречением; он есть органический и будет нравственный и духовный, когда вскармливание разверзет все новорожденного силы и образует его внутренность и внешность. О чувствования преизящные! в вас лежит корень всякия добродетели. Наилютейшее чудовище смягчится семейственною любовью. Преторгла ею природа скитание зверообразного человека, обуздала его нежностью, и первое общество возникло в доме отеческом. Продолжительное младенчество, продолжительная в неопытности юность приучает его к общежитию неприметно. Сопутник неотлучный матери, лежа у сосцов ее и пресмыкаяся на земле, он, воспрянув на ноги отвесно, бежит вослед отцу, естественному своему учителю. Малолетство его подчиняет его родителям в рассуждении его слабости; юность то же производит неопытностью. Привычка, благодарность, уважение, почтение делают сей союз наитвердейшим. Вот первое общество, вот первое начальство и царство первое. Человек рожден для общежития. Поздое его совершеннолетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери. О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная![57]

Человеку, и, может быть, животному вообще, кажется быть свойственно, вследствие его чувственного состава, внутреннее ощущение правого и неправого. Не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось, если не есть правило, из сложения чувствительного человека приистекающее, то разве начертанное в нас перстом всевечного. Все превратности, все лжи, все неправды, злобы, убивства не в силах опровергнуть сего чувствования. Возникшая страсть запирает глас чувствительности, но ужели нет ее, когда лежит попанна?

Единому человеку между всех земных тварей удалось познать, что существует всеотец, всему начало, источник всех сил. Я здесь не буду говорить, что он доходит до сего познания силою разума, возносясь от действий к причинам и, наконец, к высшей из всех причин; не разыщу, что познание бога приистекло от ужаса или радости и благодарности; понятие о всевышнем существе в нем есть; сам он его себе сложил или получил откуда, того мы не рассматриваем. Но то истинно, что когда разум, а паче сердце страстями незатменно, вся плоть, все кости ощущают над собою власть, их превышающую. Называй сие кто как хочет; но Гоббес, но Спиноза ее ощущали; и если ты не изверг, о человек! то отца своего ты чувствовать должен, ибо он повсюду; он в тебе живет, и что ты чувствуешь, есть дар вселюбящего.

Итак, познание бога может приистекать из единия нашей чувствительности, и познание сие есть ее упражнение; упражнение, ведущее к вершине земного

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru
блаженства, внутреннего удовольствия, добродетели.

О смертный, познавай бога! утешься, если страждешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. Он жив, и ты дышишь; он жив будет вовеки, в тебе живет надежда, что и ты причастен будешь бессмертию. О смертный! Отверзи очи твои, и узришь всеотца во свете. [58]

Обозрев человека в его чувствованиях и действиях, оттуда проистекаемых, порядок требовал бы, чтобы мы показали его во всей его славе, возносящегося превыше всего творения, постигающего начертание создания и сим возвышающим его дарованием, разумом, божеству уподобляющегося. Но для постижения, колико человек велик, нужно токмо воззреть на все его изобретения, на все вымыслы и творения. Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земли поставлен. Но, рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникающее незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует, заблуждает; да и столь заблуждение ему почти сродно, что прежде, нежели истины достичь может, бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все, однако же, заблуждения человека и нелепости суть доказательства мыслящего его существа и что мысль есть наисвойственнейшее качество его.

Второе, что при рассмотрении умственных сил человека явно становится, есть то, что многие его умственные силы следуют законам естественности. Что сила воображения, например, зависит от климата и что люди совсем бы иначе нам предъявлялись, если бы естественное житие, правление, законы, нравы и обычаи не делали его совсем от того, как рожден, отменным. Одна теплая хранина климат преобразует, и какие из того последствия? Не из того ли проистекают и несообразности, которые видны часто в людских нравах и законоположениях?

Третье, что при рассмотрении умственных сил человека явственно становится, есть различие, в оных примечаемое, не токмо у одного народа с другим, но у человека с человеком. Но сколь один народ от другого ни отличается, однако, воображая возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может он быть равен другому, что индейцы, древние греки, европейцы суть посреде на стезе совершенствования; из чего заключить можно, что развержение народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств. Но совсем иначе судить должно о различии разумов между единственными человеками, и сколь Гельвеций ни остроумен, доказательства его о единосии разумов суть слабы.

Четвертое, что замечается при рассмотрении разумных сил человека, есть то, что силы сии ничто при рождении, разверзаются, укрепляются, совершенствуют, потом тупеют, ослабевают, немеют и исчезают; что сия постепенность следует постепенности в развержении и уничтожении сил телесных и что тесное есть сопряжение между плододетельного сока и человеческих умственных сил. Свидетельствуют тому брада или безумие, следствие несчастного саморастления. Но прежде всего скажем нечто о умственных силах человека, о действовании оных и о чудесности их.

Человек имеет силу быть о вещах сведому. Следует, что он имеет силу познания, которая может существовать и тогда, когда человек не познает. Следует, что бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе.

Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первое называем опыт, второе рассуждение. Опыт бывает двоякий: 1-е, поелику сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в оной происходящая, – чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы воспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведение о испытанном чувствовании называем представление.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытав от них перемены в силе понятия нашего. Сие назвали мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт.

Вот краткое изображение сил умственных в человеке; но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима.

Однако ж, раздробляя, так сказать, силу познания или, паче, прилагая ее к разным предметам, ей надлежащим, человек воздвиг пространное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенной, куда бы смелый его рассудок не устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосязаемом; беспредельному и вечному дал меру; исчислил неприступное; преследовал жизнь и творение и дерзнул объять мыслью самого творца. Часто человек ниспадал во глубину блуждения и животворил мечтания, но и на косвенной стезе своей велик и богу подражающ. О смертный! воспряни от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо она есть искра божества!

Сколько есть способов познавать вещи, толико же путей и к заблуждению. Мы видели, что познание человеческое есть двояко: 1-е опыт, 2-е рассуждение. Если в первом случае, – мы ложно познаем перемены, происходящие в чувственности нашей; ибо заблуждение сего рода всегда происходит не от вещи и не от действия ее над нашими чувствами (поелику внешние вещи всегда действуют на нас соразмерно отношению, в котором они с нами находятся), но от расположения нашей чувственности. Например: болящему желтухою все предметы представляются желтее; что белое для него было прежде, то ныне желтое; что было желтое, то кирпичного цвета, и так далее. Правда, что раздробление луча солнечного есть седмилично, как и прежде, и болящему желтухою от рождения различие цветов будет равное со всяким другим; но тот, кто видел предметы в другом виде, тот может судить о сем. – Например: колокол бьет; глухой, не чувствуя перемены в ухе своем, понятия иметь не будет о звуке, но другой скажет: слышу звон! И если звон колокола есть знак какого-либо сборища, то слышащий пойдет, а глухой скажет: мне не повещали, – и чувства его обманут. Постепенность в таковых заблуждениях и все следствия оных, бывающие новыми заблуждениями по чреде своей, суть неудобопределяемы и многочисленны.

Если знаем ложно отношение вещей между собою, то опять заблуждаем. Отношение вещей между собою есть непременно, но ложность существует в познании нашем. Например: два предмета предстоят глазам моим, но не в равном расстоянии. Естественно, вследствие законов перспективы, что ближайший предмет должен казаться больше, а отдаленнейший меньше; но необыкшим очам они покажутся равны, и сравнение их будет ложно; ибо величина не есть сама по себе, но понятие относительное и от сравнения проистекающее. Число сих заблуждений, из познания отношения вещей проистекающих, происходит от рассуждения, и нередко заключая в себе оба рода предыдущих, тем сильнее бывает их действие, тем оно продолжительнее и преодоление их тем труднее, чем они далее отстоят от своего начала.

К рассуждению требуются две вещи, кои достоверными предполагаются: 1, союз, вследствие коего мы судим, и 2, вещь, из союза коея познать должно вещи, не подлежащие опыту. Сии предположения называются посылки, а познание, из оных проистекающее, – заключение. Но как все посылки суть предложения опытов и из оных извлечения или заключения, то заключения из посылок, или рассуждение, есть токмо прибавление опыта; следственно, познаем таким образом вещи, коих бытие познано опытом.

Из сего судить можем, коликократно могут быть заблуждения человеческие и нигде столь часты, как на стезе рассуждения. Ибо, сверх того, что и чувственность обмануть нас может и что худо познать можем союзы вещей или их отношение, ничего легче нет, как ложно извлекаемое из посылок заключение и рассуждение превратное. Тысячи тысячей вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка. Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмещая в среду рассуждения посторонние предметы, столь часто рождают нелепости, сколь часты шаги нашего в житии шествия. Когда рассматриваешь действия разумных сил и определяешь правила, коим они следуют, то кажется:

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва изгладил ты стезю своему рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблущееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения. Единая леность и нерадение толикое множество производят ложных рассуждений, что число их ознаменовать трудно, а следствия исторгают слезы.

Сверх прямо извлекаемого рассуждения из предпосылаемых посылок, на опытах основанных, человек имеет два рода рассуждения, которые, возводя его к светлейшим и предвечным истинам, паки к неисчислимым и смешнейшим заблуждениям бывают случаем. Сии суть: уравниение и сходственность. Они основаны на двух непреложных (сами в себе) правилах, а именно: 1-е, равные и одинаковые вещи состоят в равном или одинаковом союзе или отношении; 2-е, сходственные вещи имеют сходственное отношение или в сходственном состоят союзе. Сколь правила сии изобильны истинами, сколь много все науки им одолжены своим распространением, столь обильны они были заблуждениями. Кто не знает, что мы наипаче убеждаемся сходственностью, что наши обыкновеннейшие суждения ее имеют основанием; что мы о важнейших вещах иначе судить не можем, как вследствие сходственности, и если надобен вам пример, то войдем во внутренность нашу на одно мгновение. Кто может, чувствуя токмо себя, рассматривая токмо себя, сказать: состав мой разрушиться имеет, я буду мертв! Напротив того, продолжению чувствования или жизни мы меры в себе не имеем и могли бы заключить, что сложение наше бессмертно есть. Но, видя окрест нас разрушение всеобщее, видя смерть нам подобных, мы заключаем, что и мы той же участи подвержены и умереть должны. Итак, заблуждение стоит воскрай истине, и как возможно, чтобы человек не заблуждал! Если бы познание его было нутрозрительное, то и рассуждение наше имело бы не достоверность, но ясность; ибо противоположность была бы во всяком рассуждении невозможна. В таковом положении человек не заблуждал бы никогда, был бы бог. Итак, вздохнем о заблуждениях человеческих, но почерпнем из того высшее стремление к познанию истины и ограждению рассудка от превратности.

Мы видели, что заблуждения наши основание свое нередко имеют в чувственности нашей; но если мы покажем, что разумные наши силы определяются внешностью, то заблуждения человека суть почти неизбежны, и будем иметь вящее побуждение снисходительно взирать не токмо на все заблуждения рода человеческого, но и на самые его дурачества. Блаженны, если можем за словом нашим на месте строгости суждения возродить соболезнование и человеколюбие.

Все действует на человека. Пища его и питье, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий к дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих его частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем. Влияние звезд, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо. Что могут лучи солнечных или их отсутствие, тому доказательством служат негры и эскимы. Что может луна, то явствует из периодического женского истечения и видно над многими ума лишенными. Хижина, поставленная над блатом и топью, дебрию или на горе вознесенная, различие производят в нас, и местоположение жилища нашего хотя не есть образователь единственный человека, но к образованию его много способствует. Все, что взоры наши ударяет, что колеблет слух, что колет язык или что ему льстит, все приятное и отвратительное обонянию, все образует чувства. Наконец, образователи осязания столь многочисленны, сколь различно бывает положение человека.

Из сего можно судить, сколь с чувственностью нашею и мысленность превращениям подвержена. Она следует в иных местах и случаях телесности приметным образом. Одним примером сие объяснить возможно. В Каире, даже в Марсели, когда подует известный ветер, то нападает на человека некая леность и изнеможение; силы телесные худо движутся, и душа расслабевает, тогда и мыслить тягостно. Вот пример действия внешней причины. Дадим примеры внутренних. Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что-либо сочинять. Живя многие годы с немцами, я приметил, что многие из ученых людей не могли вдаваться упражнениям без трубки табаку; отними ее у них из рта, разум их стоит, как часы, от коих маетник отъят. Кто не знает, что Ломоносов наш не мог писать стихов, не напиваясь почти вполпьяна водкою виноградною? Кто не имел над собою опытов, что в один день разум его действует живее, в другой слабее! А от чего зависит сие? Нередко от худого варения желудка. Если бы мы действие сего прилежнее отыскивали в истории, то с ужасом усмотрели бы, что бедствия целых земель и народов часто зависели от худого действия внутренности и желудка.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода. Одни действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми, как то из предыдущих примеров очевидно. Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами. Хотя смеялся над славным Монтескье, что он мнение свое о действии климата основал на замороженном телячьем языке, но если вникнем, что климат действует на все тела без различия, а паче на все жидкости, на воздух, лучи солнечные и проч.; что роза, пресаженная из одной страны в другую, теряет свою красоту; что человек, хотя везде человек, но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно, и что оно человека погубляет, так сказать, неприметно и без явного принуждения. Возьми в пример европейцев, переселяющихся в Индию, Африку и Америку, какая в них ужасная перемена! Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и habeas corpus; он паче всякого индейского набоба.

Наипаче действие естественности явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале своем всегда внешним влияниям. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из «Гюлистаны» Саадиева, из европейских и арабских, мне известных, стихотворцев, что-либо из Омара и Оссиана. Различные областей, где они живали, всякому явно бы стало; увидели бы, что воображение их образовалось всегда окрест их лежащую природу. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся саду, Оссианово несется на утлом древе, поверх валов. А если кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то, сколь воображение каждого образовалось внешностию, никто не усумнится. Индейские боги купаются в водах млечных и сахарных; Один пьет пиво из черепа низложенного врага.

Но если климат и вообще естественность на умственность человека столь сильно действует, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель. Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно; пускай была то Церера или Триптолем, или согнанный с пажити своя скотоводитель подражать стал природе сеянием злаков для питания своего скота и после, возревновав его обилию, насадил хлеб. Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! – он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу и, облекши его багряницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но, наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрали обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий.

Животное, нагбенное к земле, следует своему стремлению в насыщении себя и в продолжении своего рода. Примеченный в нем слабый луч рассудка ограничивается токмо на два сказанные побуждения, и в удовлетворении оных состоит его блаженство, если можно назвать блаженством тупое услаждение своей потребности. Животное исполняет сие, направляемо к тому непреборимым стремлением. Но возникновенным образованием своим человек, слабый в своем сложении, имея многочисленные недостатки, нудяся к изобретению способов на свое сохранение, свободен в своем действии; стремление его и все склонности подчинены рассудку. И хотя сей, для определения своего, имеет побуждения, но оные возвесить может всегда и избирать. Таким образом, он есть единое существо на земле, ведающее худое и злое, могущее избирать и способное к добродетели и пороку, к бедствию и блаженству. Свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом с женою, а с семейственную жизнь перешел он в общественную, подчинил себя закону, власти, ибо способен приять награду и наказание; и став на пути просвещения помощью общественного жития, сцепляя действия с причинами за пределы зримого и незримого мира, то, что прежде мог токмо чувствовать, тут познал силой умствования, что есть бог.

Различие, примечаемое в разумных силах человека, тем явственнее становится, чем доле одно поколение отстоит от другого. Общественный разум единственно зависит

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru от воспитания, а хотя разница в силах умственных велика между человека и человека и кажется быть от природы происходящая, но воспитание делает все. В сем случае мысль наша разнится от Гельвециевой; и как здесь не место говорить о сем пространно, то, сократя по приличности слово наше, мы постараемся предложить мысли наши с возможною ясностию.

Изящнейший учитель о воспитании, Ж.-Ж. Руссо, разделяет его на три рода. «Первое – воспитание природы, то есть развержение внутреннее наших сил и органов. Второе – воспитание человека, то есть наставление, как употреблять сие развержение сил и органов. Третье – воспитание вещей, то есть приобретение нашей собственной опытности над предметами, нас окружающими. Первое от нас независимо вовсе; третье зависит от нас в некоторых только отношениях; второе состоит в нашей воле, но и то токмо предположительно, ибо как можно надеяться направить совершенно речи и деяния всех, дитя окружающих?»

Сколь Гельвеций ни старался доказывать, что человек разумом своим никогда природе не обязан, однако же для доказательства противного положения мы сошлемся на опытность каждого. Нет никого, кто с малым хотя вниманием примечал развержение разумных сил в человеке, нет никого, кто б не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто обращался с детьми, тот ясно понимает, что поелику побуждения в каждом человеке различествуют, поелику различны в людях темпераменты, поелику, вследствие неравного сложения в нервах и фибрах, человек разнится от другого в раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы умственные должны различествовать в каждом человеке неминуемо. Итак, не токмо развержение сил умственных будет в каждом человеке особо, но и самые силы сии разные должны иметь степени. Возьмем в пример память: посмотри, сколь один человек превосходит другого сим дарованием. Все примеры, приводимые в доказательство, что память может быть приобретенная, не опровергнут, что она есть дар природы. Войдем в первое училище и в самый первый класс, где побуждения к учению суть весьма ограничены; сделай один токмо вопрос, и увидишь в том, что природа бывает иногда нежною матерью, иногда мачехою завистливою. Но нет; да отделимся хуления! Природа всегда едина, и действия ее всегда одинаковы. – Что различие между умственными силами в человеках явны бывают даже от младенчества, то неоспоримо; но тот, который степению или многими степенями отстоит от своего товарища в учении, вследствие шестивия естественности и законов ее, сотовариществовать бы ему не долженствовал; ибо семя, от него же рожденное, не могло достигнуть равной с тем организации, с коим оно сравнивается; ибо человек к совершенству доходит не одним поколением, но многими. Парадоксом сего почитать не должно; ибо кому не известно, что шестивие природы есть тихо, неприметно, и постепенно. Но и то нередко бывает, что наченшееся развержение останавливается, и сие бывает на счет рассудка. Если бы в то время, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и преселен на острова Южного океана, возмог ли бы он быть то, что был. Конечно, нет. Ты скажешь: он лучшую бы изобрел ладью на преплытие ярящихся валов, и в Новой Зеландии он был бы Ньютон. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова и сравни их с понявшим и начертавшим путь телесам небесным и доказавшим их взаимное притяжение, и вещай!

Сие наипаче явственно, когда поставишь в сравнение один народ с другим или пройдеши историю умообразия одного народа чрез несколько веков. Кажется, что сему можно бы было дать доказательства, на естественности человека основанные. Но здесь тому не место и далеко отвело бы нас от предмета нашего. Случалось, и сей опыт повторять можно довольно часто, что взятому иногда во младенчестве дикому европейцы старались дать сходственное со своим воспитание; но оно не бывало удачно. Я здесь многих видал тунгузов, воспитанных в русских домах; но на возрасте тунгуз в силах умственных всегда почти далеко отстоял от русского. Кажется, из сего заключить можно, что надобно природе несколько поколений, чтобы уравнивать в человеках силы умственные. Органы оных будут нежнее и тончее; кровь, лимфа, а особливо нервная, лучше преработанные, преидут от отца в зародыш; и поелику есть в природе всеобщая постепенность, то и в сем случае она вероятна.

Как в постепенности таковой отстоит народ от народа, равно может отстоять человек от человека. Первый имел воспитание естественное и нравственное лучше своего отца; сыну своему мог дать лучшее своего; третий того же семейства, вероятно, изощреннее и понятнее будет первых двух.

Таким-то образом воспитание в поколениях может остановиться. Один произойдет постепенно и непрерывно, пользуясь всеми воспитания выгодами, другой, которого

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
воспитание не было окончено, остановится на пути. Могут ли они быть равны? Природа содействует в сем случае человеку. Возьмем пример животных, коих водворить хотим в другом климате. Перемещенное едва ли к нему привыкнет, но родившееся от него будет с оным согласнее, а третьего по происхождению можно почитать истинным той страны уроженцем, где дед его почитался странником.

Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все нас окружающее.

Приступим теперь к постепенности, которая примечается в природе, и обозрим ее в развержении сил умственных в человеке, которые, сказали мы, следуют во всем силам телесным. Будем восприемниками новорожденному, не оставим его ни на единое мгновение чрез все течение его жизни и, когда дойдем с ним до меты его, пребудем ему неотступны до последнего его вздыхания.

Четыре или пять месяцев после зачатия зародыш движется; сердце и глава образовались уже прежде и исполняли свое назначение. До девяти месяцев и до самого того мгновения, когда дитя исходит на свет, члены его и органы разверзаются и совершенствуют, и, достигнув степени, превыше коей дальнейшее развержение и совершенствование невозможно в матерней утробе, он лучшая требует пищи, свободнейшего движения, лучшей жизни. Легкое проникается воздухом атмосферы, уста приемлют пищу, глаза приучаются к блеску и уши к звуку; но дитя едва ли в сии минуты может равняться с растением. Чувства его ударяемы внешними предметами, все жизненные соки обращаются, он уже чувствует. Нельзя, чтобы мозг был без действительности; но он еще токмо источник чувственности, а не орган мысленный. – Итак, дитя не мыслит; болезнь учит его, что он существует, но сие чувствование едва может сравниться с движением чувственности. Болезнь, а потом голод нудят его изъяслять их криком. – Помалу члены его укрепляются, движения его становятся сильнее, потребности величают; тогда делаются приметными в младенце побуждения. Он кричит сильнее и тем старается изъяслять свое желание. Если не удовольствован, то приходит в ярость, и сия страсть первее всех поселяется в сердце. Все внешние предметы действуют на органы чувственные младенца неотступно, и приметно становится в нем начальное образование умственных сил. Он начинает познавать различие между вещей; знает, что вкусу его льстит и что ему противно; глаза его учатся размеру, слух привыкает ко звукам; он начинает распознавать вещи едиными наименованиями; знает уже свое имя, следовательно, орган памяти также разверзся. Но хотя во всех сих случаях видна умственность, но сколь слаба она, сколь недостаточна и хуже звериного стремления. Иначе быть нельзя; он еще пресмыкается, ползает, четвероножен есть. Но уже восстает он от земли. Он зрит на выпренность; измерение ему становится свойственнее, слух тончает, прилепление к дающей ему пищу становится сильнее. Он уже изучился изъяслять свою радостю; изъясление скорби было первое его движение. Улыбка его преходит в смех, ярость становится нетерпелива, все побуждения стремительнее. Память его расширяется, приметно становится суждение, но весьма недостаточно. И язык его, произносивший доселе неясственные токмо звуки, начинает произносить слова. С того времени, как младенец научается говорить, развержение его умственных сил становится все приметнее; ибо он может изъяслять все, что чувствует, и все, чего желает, словом, все, что доселе мог обнаруживать токмо криком и слезами; самые слезы проливает он реже, и помалу младенец становится дитя. Силы телесные его укрепились, а с ними и умственные; он уже превышает оными других животных во многом, но точности в суждениях его нет. Понятия его становятся отвлеченны, хотя следует наипаче чувственности и примеру: сей образует его более всего. Страсти в нем разверзаются; рассудок начинает снискивать опору или в слышанном, или в испытанном, и дитя становится отрок. Силы телесные укрепились; отрок обык уже употреблению своих членов, чувств и органов; умственные его силы острятся; он испытал уже свободу, уже дерзает рассуждать, но опытность его мала, и рассуждения превратны и косвенны. Блажен, как то вещает Руссо, если отрок ничего еще не мыслил, не знал ничего, был чужд рассудку. Он удален ложных понятий, предрассуждений, превратности мнений и склонностей! И все члены его достигли уже своего совершенства, все сосуды исполнены влажностей, начинают уже избыточествовать. В юноше возникает новое некое чувствование. Грудь его вздымается чаще и сильнее, весь состав его ощущает необычайное движение, чувственность его потеряла свою плавность, она зыблется и недоумеает; тихая грусть обходит его; разум, начинавший действовать, затмевается; нижняя половина лица его покрывается власами; у женщин же является временное истечение; человек уже готов для пророждения. О любовь! о

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
чувствование, паче всех сладчайшее! Кто возможет стремлению твоему противиться?
Не безумно ли бы было таковое сопротивление? Природа влияла тебя во всю нашу
чувственность на наше услаждение и на соблюдение рода человеческого.

Едва познал он вину необычайного движения своей чувственности, как старается
прилепить ее к достойному предмету, и не успокоится, доколе его не сыщут. Тогда
самая сия чувственность, тогда родившаяся страсть начинает напрягать силы
умственные. Они получают новую от страсти упругость и, как лучи света,
изливаются от среды своей во все точки круга, в котором действуют. Вот
возмужалость, вот время страстей, укрепление сил умственных и возвышение их до
степени для них возможной. Вот время достижения величайших истин и заблуждений;
время, в которое человек уподобляется всевышнему или ниспадает ниже низжайшей
степени животных.

Как трение стончеваает пружины, так и силы телесные притупляются употреблением.
Человек начинает расслабевать в силах своих телесных; душевные следуют за ними.
Страсти исчезают, а с ними и рвение к познаниям. И хотя рассудок еще не ослабел,
но вновь не делает приобретений. Новое его не движет, ибо чувства его притупели;
память ослабла, и воображение потеряло крылья. И так рассудок вращается над
постигнутыми истинами, но оные уже стоят все на высшем круге и не для него.
Настает старость. Сия истинная зима человеческого тела и разума, сия безнадежная
зима обвеснования, простирая мразь свою во весь состав человека, полагает предел
всем силам его. Гибкие доселе члены начинают цепенеть; око померкло, ухо уже не
слышит, не обоняет нос, и вкус остается на пряные и колющие язык яства;
осязательность почти уже увяла; раздражительность фибров онемела и ярость свою
потеряла; чувствительность притупела и ослабела; жизненные соки иссякли в
источнике их, сердце бьет слабее, мозг твердеет; силы умственные угасают,
понятие померкло, память совсем исчезла, рассудок пресмыкается и наконец
истлевает совершенно. Телу для движения нужна оборона, разум нисшел до степени
младенчества. Но и нить жизни преторглася! Грудь перестает дышать, сердце не
бьет более, и светильник умственный потух.

Безумные! Почто слышу вопль ваш, почто стенания? Или вы хотите превратить
предвечный закон природы и шествие его остановить на мгновение едино? Рыдания
ваши и молитвы суть хуление. Вы мните, что всеотец вам подобен – вы скорбите, о
несмысленные! – Жизнь погасшая не есть уничтожение. Смерть есть разрушение,
превращение, возрождение. Ликуйте, о други! болезнь исчезла, терзание
миновалось; злосчастию, гонению нет уже места; тягостная старость увяла, состав
рушился, но возобновился. – В восторге алчные души вас видеть, едва не впал в
погрешность и заключение извлек, не дав ничего в доказательство.

Блажен, о человек! если смерть твоя была токмо естественная твоя кончина; если
силы твои телесные и умственные токмо изнемогли и умереть мог от единой старости.
Житие твое было мудрственно, и кончина – легкий сон! Но таковая кончина редко
бывает жребием человека. Восхищенный страстями, он носится по остриям;
неумеренность раздирает его тело, неумеренность лишает его рассудка;
состаревшись в бодрствующие свои лета, не ветхость дней замыкает ему очи;
болезни, внедрившиеся в его тело, преторгают его дыхание безвременно и
раскаивающегося на одре смертном подавляют отчаянно. Во младости неумеренность
любивных страсти, в различных ее видах, расслабляет силы телесные и умственные.
О юноша! читай Тиссо об онанизме и ужаснися. О юноша! войди в бедственное жилище
скорбящих от неумеренности любострастия; воззри на черты лиц страждущих – се
смерть летает окрест их. – Где разум, где рассудок, когда терзается
чувственность? Они возникают, но мгновенно и едва блещут в простершемся мраке.
Или думаешь, что орган умственный цел пребудет, когда органы жизни нарушены?

Но единая ли сия болезнь неумеренности сдает человека в силах его телесных и
умственных! Посмотри на болящего огневицею, воззри на того, у коего повредился
орган умственный. – Где ты, о дар божественный? О рассудок! где ты?..

Конец первой книги.

Книга вторая

Итак, достигли мы, странствуя чрез житие человеческое, до того часа, когда
прерывается мера шествию, когда время и продолжение превращаются для него и
настает вечность. Но остановим на мгновение отходящего к ней, заградим врата ее
надеждою и воззрим на нее оком беспристрастным. Да не улыбнется кто-либо при сем
изречении! Сколько возможно иметь пристрастия к вещественности, равно возможно и

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
к единой мысленности, хотя бы она не что иное была, как мечта. Воззри на описание рая, или жилища душ, во всех известных религиях; разыщи побуждение страдавших за исповедание; устреми взор твой на веселящегося Катона, когда не оставалось ему ни вольности, ни убежища от победоносного Юлиева оружия: увидишь, что и желание вечности равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями.

Надежда, бывшая неотступною спутницею намерений в человеке, не оставляет занесшего уже ногу во гроб. Надежда путеводительствует его рассудку, и вот его заключение: «Я жив, не можно мне умереть! я жив и вечно жить буду!» Се глас чувствования внутреннего и надежды вопреки всех других доводов. Кто может убедиться, если убеждение свое захочет основать единственно на внутреннем чувствовании, что он мертв быть может? Чувствовать и бесчувственно быть, жизнь и смерть суть противоречия, и если бы, как то мы видели, не имели мы основанием к рассуждению правила сходственности, то сего заключения нам сделать бы было невозможно, ибо познания не суть нутрозрительны. Но я зрю, что все, окрест меня существующее, изменяется: цвет блекнет и валится, трава иссыхает, животные теряют движение, дыхание, телесность их разрушается; то же вижу и в подобных мне существах. Я зрю везде смерть, то есть разрушение; из того заключаю, что и я существовать престану. И кажется, если бы удалено было от мысленности нашей понятие о смерти, то живой ее бы не понимал; но смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия.

Представим себе теперь человека, удостоверенного, что состав его разрушиться должен, что он должен умереть. Прилепленный к бытию своему накрепчайшими узами, разрушение кажется ему всегда ужасным. Колеблется, мятется, стонет, когда, приблизившись к отверстию гроба, он зрит свое разрушение. Ты есть!.. Час бьет, нить дней твоих прервется, ты будешь мертв, бездыханен, бесчувствен, ты будешь ничто! – Ужасное превращение! чувства содрогаются, колеблется разум! трепещуща от страха и неизвестности мысль истлевающая носится во всех концах возможного, ловит тень, ловит подобие и, если удалось ей ухватить какое-либо волокно, где она уцепиться может, не размышляя, вещественность ли то или воображение, прицепляется и виснет. И возможно ли человеку быть жития своего ненавистником? Когда вознесу ногу, да первый шаг исполню в вечность, я взоры обращаю вспять. «Постой, помедли на одну минуту! О ты, составляющий блаженство дней моих, куда идешь?..» О глас разительнее грома! Се глас любви, дружбы! мой друг, вся мысль мятется! я умираю, оставляя жену, детей! – Свершайся, жестокое решение, я лишаюсь друга! Не малодушие, возлюбленнейший мой, заставит меня вздохнуть при скончании течения дней моих. Если я равнодушно не терплю отсутствия твоего, каково будет мое лишение, если то будет в вечность.

Имея толикие побуждения к продолжению жития своего, но не находя способа к продолжению оного, гонимый с лица земли печалию, грустию, прещением, болезнию, скорбию, человек взоры свои отвращает от тления, устремляет за пределы дней своих, и паки надежда возникает в изнемогающем сердце. Он опять прибегает к своему внутреннему чувствованию и его вопрошает, и луч таинственный проникает его рассудок. Водимый чувствованием и надеждою, имея опору в рассудке, а может быть, и в воображении, он прелетает неприметную черту, жизнь от смерти отделяющую, и первый шаг его был в вечность. Едва ощутил он или, лучше сказать, едва возмог вообразить, что смерть и разрушение тела не суть его кончина, что он по смерти жить может, воскреснет в жизнь новую, он восторжествовал и, попирая тление свое, отделился от него бодрственно и начал презирать все скорби, печали, мучительства. Болезнь лютая исчезла, как дым, пред твердою и бессмертия коснувшеюся его душою; неволя, заточение, пытки, казнь, все душевные и телесные огорчения легче легчайших паров отлетели от духа его, обновившегося и ощутившего вечность.

Таковы были, вероятно, побуждения человека, да возникнет в разуме и сердце его понятие будущия жизни. Многие ее чают быть; иные следуют в том единственно исступлению; другие, и сии суть многочисленны, уверению своему имеют основанием единое предубеждение и наследованное мнение; многие же мнение свое и уверение основывают на доводах. Но каково бы ни было основание сего мнения, все вообразительные возможности будущего человеческого бытия не ускользнули от ловственного его проникания. Но были и суть многие, которые, отметая свое чувственное уверение и надежду и оспаривая у человека будущее его бытие, старались находить доводы, что смерть в человеке есть его последняя и совершенная кончина; что он, совершивши течение дней своих, умрет навсегда и не возможет восстать, существовать, быть ни в какой вообразительной возможности.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

Доводы их суть блестящи и, может быть, убедительны. Возвесья, по силе нашей, обе противоположности, я вам оставлю избирать, любезные мои, те, кои наиболее имеют правдоподобия или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный вас, о друзья мои, последую мнению, утешение вливающему в душу скорбящую.

Доселе почитали быть в природе два рода возможных существ. Все, к первому роду относящиеся, называют тела, а общее, или отвлеченное, о них понятие назвали вещество, материя. Вещество есть само в себе неизвестно человеку; но некоторые его качества подлежат его чувствам, и на познании оных лежит все его о веществе мудрование. К другому роду относящиеся существа чувствам нашим не подлежат, но некоторые феномены в мире были поводом, что оные почли не действием вещественности, но существ другого рода, коих качества казались быть качествами вещественности противоречащими. Таковые существа назвали духи. При первом шаге в область неосязательную находим мы суждение произвольное; ибо если дух чувствам нашим не подлежит, если познания наши не суть нутрозрительные, то заключение наше о бытии духов не иначе может быть, как вероятное, а не достоверное, а менее того ясное и очевидное. Кто вникал в деяния природы, тот знает, что она действует всегда единовременно или вдруг, и в сложениях, ею производимых, мы не находим черты, отличающей составляющую часть от другой, но всегда совокупность. Например, человек назвал противоречащими качествами тепло и стужу, находя действия их противоречащими; но природа и то, что тепло производит, и то, что производит стужу, вместила в единое смешение и, положив закон действованию их непрменяющийся, явление оных таковым же учинила. Поистине, в природе меньше существует противоположных действий, нежели думали прежде; и то, что мы таковыми назвали, существует нередко токмо в нашем воображении.

Различие духа и вещественности произошло, может быть, от того, что мысль свойственна одной главе, а не ноге или руке. Различие таковое есть самопроизвольно; ибо, не ведая, ни что есть дух, ни что вещественность, долженствовали ль бы их поставлять различными существами, да и столь различными, что если бы сложение человека не убеждало очевидно, что качества, приписанные духу и вещественности, в нем находятся совокупны, то бы сказали, что дух не может быть там, где тело, и наоборот. Но как сопряжение таковое очевидно, то вместо того, чтобы сказать: существо человеческое имеет следующие качества, напр., мыслить, переменять место, чувствовать, пророждать и проч., – вместо того сказали: человек состоит из двух существ, и каждому из них назначена своя область для дейования; вместо того, чтобы сказать, что то, из чего сложен мир (а кто исчислил все существа, оный составляющие?), имеет те и те свойства, сказали, что в нем находятся существа разнородные. О умствователи! неужели не видите, что вы малейшую токмо частицу разнородности их ощутили, но что они все в един гнездятся состав. Ведаешь издревле, сколь луч солнечный далеко отстоит от простыл глины или песка; ведал, что луч солнечный тебя греет и освещает, что глина дает тебе сосуд на пищу; а ныне ведаешь, что они находиться могут в одном составе существенно. Ты ведаешь, что мысль находится в твоей главе; но ведаешь ли, с чем она еще может быть сопряжена? Тот, кто силою своего слова мог вселить ее в мозг твой, ужели бессилен был вместить ее в другое что-либо oprичь тебя? О, надменность!

Но обозрим быстротечно свойства, присвоенные вещественности, и свойства мысленности, и что в них может быть противоречное; или нет ли следа, что они одинакородному существу свойственны быть могут? Свойствами вещественности вообще почитаются следующие: непроницательность, протяженность, образ, делимость, твердость, бездействие. Свойствами духовных существ почитаются: мысль, чувственность, жизнь. Но сии свойства, духовным существам присвоаемые, поелику являются нам посредством вещественности, почитаются токмо видимыми действиями или феноменами, происходящими от духовного существа, которое может само по себе иметь сии свойства и чувствам не подлежать. Итак, вопрос настоять будет: может ли вещественность иметь жизнь, чувствовать и мыслить или духовное существо иметь пространство, образ, делимость, твердость, бездействие? В обоих случаях произведение будет одинаково. Если сие доказать возможно, то разделение существ на вещественные и духовные исчезнет; если же доводы будут недостаточны и найдутся доводы, противное сему доказывающие, то нужно, и нужно необходимо, поставлять бытие двух существ разнородных, духа[59] и вещественности.

Вещественностию называют то существо, которое есть предмет наших чувств, разумя: есть или быть может предметом наших чувств. Ибо если оно им не подлежит теперь, то происходит оно от малости или тонкости своей, а не вследствие своего естества. Поступим теперь к изъяснению свойств вещественности.

Непроницательностию разумеем то, что две частицы вещественности, или два тела, не могут существовать в одном месте в одно время. – Сие есть аксиома, ибо противное предложение есть противоречие. – Или что неразделимая частица вещественности, или атом, встретившаяся на пути другой такой же частицы, сия последняя не может продолжать своего пути, доколе первая не уступит ей места. Протяженность есть то свойство вещественности, вследствие коего она занимает место в пространстве; а поелику протяженность имеет предел, то всякую ограниченную протяженность называют образом. В отношении определенности говорят, что протяженность имеет образ. Итак, непроницательность, протяженность и образ суть свойства нераздельные всякого существа, чувствам нашим подлежащего. Образ дает вещественности определенность, протяженность – место, а непроницательность – отделенность.

Химические опыты доказывают чрезмерную делимость вещественности. Но естествослывы разумеют, что есть возможность, чтоб малейшая частица вещественности разделена была до бесконечности достаточною на то силою. Ибо, воображая вещественность протяженною, сколь бы частица оная мала ни была, разум себе представить может частицы еще того меньше до бесконечности, разумея, что будет достаточная сила на их разделение.

Но как сие разделение существует токмо в возможности и что нет естественных силы на разделение начал вещественности, то в рассуждении сего приписуют ей свойство твердости.

Бездействие в отношении вещественности есть двояко. 1-е, вещественность в состоянии покоя пребывает в нем или может пребыть вечно, доколе какая-либо причина не даст ей действия. Заметим заранее, что сие свойство не есть качество существенное вещественности, но относительное, поелику ее почитать можно лишнюю движения. 2-е, понятие о вещественности есть частица вещественности, в движение приведенная, которая продолжит движение свое с одинакою скоростью и в одинаковом направлении вечно, доколе что-либо не воспретит сему продолжению или оное не преобразит.

Движение есть свойство менять место. Иные говорят, что свойство сие вещественности существенно и от нее неотделимо. Другие почитают, что причина движения в вещественности не существует; а некоторые утверждают, что причина движения, для продолжения оного, должна быть присносущна и происходит от существ, отличных от существа, имеющего непроницательность, протяжение, образ, делимость и твердость; словом, что причина движения в вещественности не существует и быть в ней не может.

Тяжесть есть свойство, вследствие которого тело падает к середине земли и частицы вещественности стремятся к их средоточию. Последствиями оная почитают притяжение и отражение.

Притяжение есть свойство, вследствие которого тела или частицы вещественности сближаются одна с другою. Отражение есть свойство сему противоположное и вследствие которого тела или частицы одна от другой отдаляются.

Те, которые делают движение вещественности сосущественным, те оной не отрицают ни тяжести, ни притяжения, ни отражения. Но другие почитают сии свойства не свойствами, но явлениями и действиями причин, вне вещественности находящихся и ей несущественных.

Рассмотрим поодиночке сии, вещественности приписываемые свойства; побудим себя умствовать над сими остатками древнего учения, которое распространившиеся опыты, и с ними лучшее познание естественности, опровергнут неминуемо. Свойства веществ столь разнородны, начала оных столь разнородны, смежность же их, посредственная по крайней мере, столь размножена и может быть всеобщая, что рассуждения об общих свойствах, вещественности приписуемых, основанных на отвлеченных понятиях, вероятно, порастут мхом забвения и презрения, как ныне Аристотелевы категории и сокровенные качества алхимистов. Ибо вопросы каждого беспристрастного: что есть вещественность? Ответ будет: не ведаю! А если к сему присовокупим, что химия доказует, что начала первенственных веществ суть весьма различных свойств, и хотя она еще держится древнего разделения стихий, но то, что мы называем земля, вода, огонь, воздух, суть сложности. Стихийной земли никто еще не видал, и надежда некоторых видеть ее в алмазе исчезла с того времени, как опыты доказали,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
что он сгорает и взлетается. Кто возжигал огонь стихийный? Луч солнечный, раздробленный призмой, не есть одинаковороден[60]. Самая электрическая искра, пременяя цвет подсолнечной окраски, серный ее запах, не суть ли доказательство ее сложности, и нет ли вероятности, что удачные опыты отделят когда-либо свет от теплоты? Опыты одного доктора Пристлея, не говоря о последующих, показали, сколь вещество, нами вдыхаемое, есть сложно и что то вещество, которому можно оставить имя воздуха, не самую большую часть составляет воздуха атмосферического. Кто скажет ныне с прежним убеждением, что упругость есть свойство воздуха собственно, а не другого какого вещества воздухообразного? Не говоря о водяных частицах, в воздухе содержащихся, не говоря о веществах обонятельных и всех других, из тел истлеваемых испаряющихся, а наипаче алкалических, ныне ведают, что так называемая кислотность или твердый воздух, кислотность селитренная, воздух горячий[61] разделенны плавают в воздухе атмосферическом, ибо их можно из него извлечь; и что они суть его части существенные, ибо отдели их от него – воздух уже изменился. Что такое есть вода, ныне стало известно. Отсутствие из нее огня делает ее твердую, так нельзя ли сказать, что она, по существу своему, тело твердое? Отреши давящие ее столпы воздуха, увидишь, что она растянется, увеличится, воспарится и сама представится в виде воздуха. Вообрази себе пустоту вместо атмосферы окрест земного шара, видимый опытами, ты землю узришь безводну и иссякшую, все, на ней живущее, исчезнет, растущее увянет и сгорит, распадется самая кристаллизация, и все явления, вслед действиям воды идущие, минуют. О ты, основание земли, гранит, громада необъятная! Ты рассядешься, и шар земной воспылится.

Но обратимся к свойствам вещественности и прежде всего посмотрим, столь ли приписуемые ей непроницательность и твердость ей нужны и необходимо истекают из понятия о вещественности. Если в понятии непроницательности заключается только то, что два тела, или атома, или две частицы того, что составляет вещественность, не могут находиться в одно время на одном месте, то сие можно разуметь не токмо о вещественности, но и о всяком существе, какого бы рода оно ни было. Ибо, поелику чувственностию имеем мы представление о вещах, а разумом получаем понятия, то есть познания их отношений; и поелику общее всех представлений есть пространство, общее всех понятий есть время, а общайшее сих общих есть бытие, то что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что первое, что ему нужно, есть бытие, ибо без того не может существовать о нем и мысль; второе, что ему нужно, есть время, ибо все вещи в отношении или союзе своем понимаются или одновременны, или в последовавши одна за другою; третье, что ему нужно, есть пространство, ибо существенность всех являющихся нам существ состоит в том, что, действуя на нас, возбуждают они понятие о пространстве и непроницательности, и все, что ни действует на нашу чувственность, имеет место и производит в нас представление о протяжении посредством своего образа, равномерно производит в нас представление о непроницательности, поелику одна вещь, действуя на нас из места, дает нам чувствовать, что не есть другая, что заключает в себе понятие непроницательности; общее же понятие непроницательности и протяжения есть пространство. Итак, все, что имеет бытие во времени и пространстве, заключает в себе понятие непроницательности; ибо и познания наши состоят токмо в сведении бытия вещей, в пространстве и времени.

Одна первая причина всех вещей изъята из сего быть долженствует. Ибо поелику определенные и конечные существа сами в себе не имеют достаточной причины своего бытия, то должно быть существу неопределенному и бесконечному; поелику существенность являющихся существ состоит в том, что они, действуя на нас, производят понятие о пространстве и, существуя в нем, суть самым тем определенны и конечны, то существо бесконечное чувственностию понято быть не может и долженствует отличествовать от существ, которые мы познаваем в пространстве и времени. А поелику познание первья причины основано на рассуждении отвлечением от испытанного и доказывается правилом достаточности, поелику воспящено и невозможно конечным существам иметь удостоверение о безусловной необходимости высшего существа, ибо конечное от бесконечного отделенно и не одно есть, то понятие и сведение о необходимости бытия божия может иметь бог един. – Увы! мы должны ходить ощупью, как скоро вознесем выше чувственности.

Но понятие непроницательности заключает в себе и то свойство, которым означается, что одна вещь чрез другую проходить не может. Приложив сие к телам, едва ли сие свойство какому-либо приписать возможно; ибо опыты доказывают, что наитвердейшие проникаются воздухом и водою, а огню нет ничего непроницаемого. Если бы здесь было место приводить в доказательство опыты физические, то можно

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
бы показать было, сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение. Сверх того известно, что во всяком теле гораздо более находится пустоты, нежели согрудения. Сие особливо явствует из жидких тел, кои удивительно растягиваться и сжиматься могут, что и было поводом утверждать многим, что все твердое вещество, в системе солнечной содержащееся, можно вместить в одну ореховую шелуху: столь велика пустота в наигустейших телах в сравнении их твердых частей. Если же к сему рассудим, сколь, посредством химических смежностей, разные вещества сместиться могут и из таковых смешений происходят совсем новые вещества, то едва ли не вероятно, что непроницательность в последнем смысле есть токмо вымышленное, а не действительное свойство вещественности.

Что мы сказали о непроницательности, как могущем быть свойстве всякого вещества, то же можем сказать о протяженности и о образе, который есть определенность протяжения. Ибо сколь скоро какое-либо вещество занимает место в пространстве, то занимать его долженствует определенно; сколь скоро имеет место в пространстве определенное, то имеет уже образ, то есть протяженно, ибо образ есть определение протяжения. Сие понятие протяженности и образа столь свойственно нашему разуму, наиотвлеченнейшие свои понятия почерпавшему из веществ, чувствам подлежащих, что понятие, им противоположащее, он представляет себе токмо отрицательно.

Вследствие данного изъяснения, бесконечная делимость вещественности есть свойство токмо воображенное, а не существующее, в чем признаются сами те, кои ей оное приписывают, говоря, что оно ей существенно, поелику возможно, и если бы достаточная была сила на произведение сего разделения, то бы оно произошло действительно. Я не возьмусь опровергать возможности, ибо несуществующее есть токмо мечта и опровержения не заслуживает. Если бы кто захотел сию делимость распространить на самого бога, то стоил ли бы он единого на опровержение слова? – Улыбнемся безумию и замолчим.

Впрочем, можно сию делимость распространить и на умственное вещество; ибо поелику оно в протяжении заключено, а протяженность не токмо мыслию, но и действительно разделить можно, то для чего же неразделимым почитать вещество мыслящее, хотя действие оно неразделимо есть? Прейдем замысловатые бредни; ибо сколь ни замысловаты они, но все бред.

Твердость есть то свойство вещественности, которое препятствует ее бесконечной делимости. Нет силы в мире вещественном, говорят естествословы, которая бы возмогла разделить стихийные начала. Согласимся на сие охотно, ибо опыты благоприятствуют сему мнению и делают его аксиомою. Кто не видит теперь, что твердость есть свойство, делимости противоречащее, и что они в одном существе не могут быть совокупны. Ибо, с одной стороны, делимость представляет разрушение малейших частиц до бесконечности, то есть доколе разум себе ее вообразить может (возможно ли так заблуждать и воображение пустое делать бытием?), с другой стороны, твердость препятствует разделению и, содержа стихийные начала плотными, представляет разрушению оплоту непреоборимую (действие воображения и здесь явно), Скажите, о вы, у коих рассудок не затмился предубеждениями учебными и предрассудками школы, скажите ваше о сем решение!

Оставя теперь воображенное свойство, скажем нечто о действительном и посмотрим, твердость тел столь ли им свойственна и необходима, как то уверяют учителя.

Непрекословно, надеюсь, согласятся, что тело, занимающее место в пространстве, имея протяженность и непроницательность, имеет также образ; ибо образ есть не что иное, как определение протяженности. Но сей образ не может иначе существовать, как вследствие сцепления или притяжения взаимного частей, как то скажут физики; или вследствие законов смежности, как то назовут химики. Следственно, сила, содержащая части в тесном или в отдаленном сцеплении, нужна для того, чтобы части были вместе, и нужна необходимо, потому что если бы она не существовала, то не было бы и самая твердости; если сцепление уничтожится, то все развалится. Сколь далеко завести такое предположение, всяк понять может, и не довольно того, что разрушатся тела и перейдут в хаос; но в сем разрушении, где никакая сила не действует, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль! уродливое воображение!

Итак, нужна сила, чтобы какие-либо части вместе находились во взаимной проницательности или хотя просто одна близь другой. Все равно, где бы сила сия ни находилась, в самом ли веществе или действует снаружи, она действует, она

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
содержит в сцеплении, она дает образ; следовательно, образ без нее быть не может; уничтожается сцепление, и вещество исчезает; следовательно, сила сия всякому веществу сосущественна, и одного без другого вообразить не можно или не должно. Итак, твердость есть следствие какия-либо силы; следует, что сила сия есть причина, а существо – действие, от нее происходящее.

Сколь притяжение свойственно вещественности, столь свойственно ей и отражение. Опыты доказывают, сколь трудно, а может быть, и совсем невозможно привести два вещества в истинное прикосновение; и сия отраженность есть нечто, от твердого вещества совсем отменное, действующее даже в отдаленности от тела, к которому оно принадлежать имеет. Что делает, что наиплотнейшие тела и сильнейшим сцеплением стверженные столь пронизательны? Что производит упругость, сжимание и растяжение? До какой удивительной степени некоторые вещества растяжены суть или быть могут, кто не убежден опытом, тому не легко поверить может. От чего одно вещество в стеснении становится упружее? От чего другое в растяжении? Отражение существует везде, как и притяжение, и вещества, в соразмерности действия одной силы, ощущают действие и другой. Итак, некоторые справедливо заключают, что в самом деле в вещественности существуют токмо притяжения и отражения без всякой твердости. Ибо для чего предполагать твердое, если части его сплотиться не могут никогда? Заклучим, что есть место в пространстве, где каждая сила существует и откуда действительность ее простирается, составляя действию ее округу, могуществу ее соразмерную. Локк, или его истолкователь, желая изъяснить создание, говорит: вообразим себе пустое пространство, и всемогущество, вращающееся над ним, рекло; да разделится оно и отвердеет! – и се явилась непроницательность, протяженность, образ. – Дополним сию стихотворную и метафизическую картину и, вместо слова, явим мысль всемогущую. О дерзновение! изрекать словом, звуком, зыблением воздуха мысль предвечную! – Да будет сила в каждой точке пространства! и се действие началось. Притяжение и отражение простерлися из среды своей действием, явился образ и протяженность, вещественность приняла существо. Удел ли был в силах сих силы всемогущий, или новые созданы, тот знает, кто их явил; а мы, во тьме непроницаемой хождая, ловя мечту или блуждение, речем, как некогда Аякс Омиров: отреша мрак от очей моих, и узрю! – Удивительно, говорит Пристлей, путеводительствующий нам в сих суждениях, что поелику твердость столь мало, кажется, имеет места в системе сей, удивительно, что мудрствовавшие давно не рассудили, что она и совсем некстати.–

Друзья мои! раздробляя свойства вещественности, да не исчезнет она совсем и да не будем сами тень и мечта.

Бездействие, вследствие данного нами изъяснения, есть то состояние существа, из коего оно исступить не может, доколе что-либо его из оного не извлечет. После всего, нами сказанного, утверждать, что бездействие есть свойство природы, кажется нелепо. Безрассудный! когда зришь в превыспренняя и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысящи тысящей образах повсюду, ужели можешь сказать, что бездействие вещественности свойственно и движение ей несродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромнейшее подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изыметь вон? Если ты ничего не знаешь бездействующего, если все видишь в движении, то не суемудрие ли говорить о том, что не существует, и полагать не быть тому, что есть? На что нам знать, что до сложения мира было, и можно ли нам знать, как то было? Вещественность движется и живет; заклучим, что движение ей сродно, а бездействие есть вещество твоего воспаленного мозга, есть мгла и тень. Сияет солнце, а ты хочешь, чтоб свойство его была тьма; огонь жжет, а ты велишь ему быть мразом. Отступи со своим всесилием, оно смех токмо возбуждает.

Итак, показав неосновательность мнения о бездействии вещественности, мы самым тем показали, что движение от нее неотделимо. И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим: он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно.

Неужели после всего, что мы сказали о движении, притяжении и отражении, нужно еще говорить о тяжести, дабы показать, что свойство сие есть сосущественно вещественности? Сию всеобщую силу в природе (притяжение и отражение в ее понятии заключаются), предузнанную Кеплером и доказанную Ньютоном, ужели не свойством почтем естественности, потому только, что причина ее сокрывается от пронизания нашего, являя очам токмо свое действие? Но сила сия, действуя соразмерно

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

плотности или сгущению тел и отстоянию их, увеличиваясь по мере плотности и уменьшаясь по квадратам отстояния, да будет действие некоего упругого вещества, которое эфиром назвал Ньютон, или что другое, – мы скажем, что она есть и действует с вещественностью нераздельно, следовательно, она ей сосущественна. Да и самый эфир, сколь жидок, сколь тонок, сколь пронизателен он бы ни был, не вещественность ли он сам? Но Ньютон, делая его причиною, кажется, его к веществу не причел; ибо, будучи причиною, он не может иметь свойств того, что производит; ибо, кажется, нелепо сказать, что причина тяжести или притяжения сама имеет тяжесть и притяжательна. Но бытие эфира есть токмо предположенное, а не доказанное, изобретенное для объяснения гипотезы, хотя и блестящая, но ничего другого, как предположения без опытности. Если к сему прибавим, что есть тела (ибо и жидкости суть тела), осязанию подверженные, коих свойство есть не тяжесть, а сила средодалающаяся, как-то огонь, воздухообразные вещества, или газы, и самая вода; и кажется, что если они следуют иногда закону тяжести, то токмо в совокуплении своем и отвердении. Их свойство не есть тяжесть, не сцепление, но растяжение и взлетание, или, лучше сказать, они суть и то и другое вследствие законов смежности. Я с трепетом возражаю что-либо изобретению остроумия и, дерзая противоречить Ньютону, покажусь несмысленным; но как сказать можно, что огонь имеет тяжесть, и где притяжение воспаряющейся воды, лишенной воздуха и без давления атмосферы?

Сии-то суть общие свойства вещественности, предлог общего естествословия, или оно метафизическая часть. Видите, сколь ненадежны суждения человеческие, сколь противоречимы, сколь оспариваемы; ибо все в оных зависит от первого изъяснения. Часто спорящиеся друг друга не понимают оттого, что разные о вещи имеют понятия, а чаще того желание заслужить имя остроумного и великого ввергает нас в область воображения, а потому и блуждения. Случается, и очень часто, что, нашед на пути опытов своих или наблюдений один факт новый или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему; а поелику сие название стало несколько смешно, то изображаемым доводам дают имя теории, или умозрения. О умствователи! держитесь опытности и пользу свою почерпайте из нее. Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, к чему стремитесь, есть мысль всевышняя, а вы что? Ньютон, сопрягая изобретенную им тяжесть с измерением и исчислением, дал ей блестящее правдоподобие, и никто не смеет ему противоречить, ибо почтение к его изобретению иссосаем почти со млеком матерним. Тяжесть существует в природе, или паче притяжение неоспоримо; но тяжесть небесная системы и притяжение тел небесных, движущихся в направлении прямой линии, едва ли не рушится, столь же замысловатый, столь же дерзновенный разум сопряжет новые откровения воедино и тяжесть оспорить захочет. Если можно истину предчувствовать, то сие предчувствование вероятно.

Но обратимся к нашему предлогу и разыщем: свойства вещественности могут ли быть свойства разумного вещества, или человеческая душа? Мы не скажем, да и нелепо то было бы, что чувствование, мысль суть то же, что движение, притяжение или другое из описанных выше сего свойств вещественности. Но если мы покажем, что все они могут быть или суть поистине свойства вещества чувствующего и мыслящего, то не вправе ли будем сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ее же свойства, но поколику она образуется в телах органических, что суть силы в природе, чувствам нашим подлежащие токмо в их сопряжении с телами, от чего бывают явления; что вещество, коему силы сии суть свойственны, нам неизвестно; что жизнь, сие действие неизвестного также вещества, везде рассеяна и разнovidна; что она явственнее там становится, где наиболее разных сил сопряжено воедино; что там их более, где превосходнее является организация; что там, где лучшая бывает организация, начинается и чувствование, которое, восходя и совершенствуя постепенно, достигает мысленности, разума, рассудка; что все сии силы и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе как вещественности совокупны; что мысленность следует всегда за нею, и перемены, в ней примеченные, соответствуют переменам вещественности, – то заключим, что в видимом нами мире живет вещество одинакородное, различными свойствами одаренное; что силы в нем всегда существуют, следовательно, ему искони присвоены. Но как союз сей произведен, то нам неизвестно; ибо понятие наше вознестися может токмо до познания первыя причины, но тут и наш предел. И прежде всего, непроницательность сколь свойственна вещественности, равномерно и мысленности. Уже я зрю заранее толпы, на нас восстающие; улыбки презрения, осмеяние, – о, если бы было одно опровержение доводов! – Пребудем в стезе нашей, и да молва не отвратит нас от нашей цели. – Непроницательность, видели мы, есть то свойство какого-либо вещества, вследствие коего оно с другим не может находиться на одном месте в одно время. Если сие свойство приписано

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
вещественности, вот как оно разумеется или как можно разуместь о умственности.
Хотя здесь повторим прежние доводы, но из порядка, нами принятого, их исключить
нельзя.

Все, что существует, не может иначе иметь бытие, как находясь где-либо, ибо хотя пространство есть понятие отвлеченное, но в самом деле существующее не яко вещество, но как отбытие оно. А дабы убедиться в сем, то если неоспоримо, что нужна пустота (как может без нее быть движение?), то место или точка, где она есть, дать может понятие о пространстве, то есть о вместилище бытия. Следует, что мысленное вещество должно где-либо находиться. А поелику каждое из них есть вещество особенное, особым бытием снабженное, то два таковых вещества не могут быть на одном месте в одно время. Смейся, если лучше разумеешь, но воззри на себя и убедися. Где мысль твоя живет? Где ее источник? В главе твоей, в мозгу: сему учит опыт ежечасный, ежемгновенный, всеобщий. Но разум, но мысль стоящего близ тебя неужели в тебе, в мозгу твоём, для опровержения моих доводов? Всяк имеет свою главу, свою мысль, и мысль единого не есть мысль другого, и наоборот. Вы оба или мысленности ваши существуют не в одном месте, следовательно, непроницательны суть. Не возражай мне, что мозги ваши суть различны или органы мысленности суть непроницательны. Напрасно мысленность ваша такова. И если скажешь: мысленность наша отвлекает нас от телесности, и две особые мысленности могут быть совокупны относительно мыслению! – согласен; но осмотрим. Твое воображение клокочет и кипит, и где бы ты мысленно ни носился, пускай возницы твои легче звука и быстрее света, о тварь, се точка, и ты на ней!

Ступим шаг еще в изъяснении площадных наших доводов. Я скажу: мысленность твоя протяженна, мысленность твоя имеет образ. Вижу, вижу: смеешься, хохочешь, влечешь за собой меру и вопрошаешь: которой геометрической фигуре она подобна? Помедли и суди сам.

Протяженность есть то свойство вещества, вследствие коего оно занимает место в пространстве. Дадим еще оружие против себя. Протяженность есть то, что измерению подлежит. А поелику все, что измерению подлежит, имеет предел, то определенная протяженность или измеримость есть образ. Что мысленность твоя в мозгу заключена, о том, надеюсь, не будешь спорить; что она не извне на мозг действует, и то, кажется, уступишь мне без прекословия; но во всем ли она мозгу или в некоторой оно части, того сказать не можем. По вскрытии черепа головного нигде знаков пребывания ее не оказывалось. Но она в мозгу, и сие для нас довольно. Положим теперь, что кубическое содержание мозга есть сто дюймов, то мысленность твоя, в которой бы части ни была, сколь бы мала ни была, хотя бы была точка математическая, содержится во сто; ибо мозг измерить, свесить можно[62]. Если целое велико кажется, ставь дроби, ставь 1/100, 1/1000, 1/100000 до возможного; все будет известная для нее дробь и измеримая.

Дав протяженность мысленности твоей, дадим ей образ, сколь ни нелепо тебе то кажется; ибо, поелику образ есть определение протяженности, мозг есть протяжен, а потому и все, содержащееся в нем. Сверх того, мозг имеет сам по себе определенный образ, следует, что и содержащееся в нем образованно. Ваятель делает сперва глиняную форму, да образует своего Аполлона. Но каков может быть образ твоей мысленности, до того мне нужды нет, да и определить того не могу. Или изведем, что воздух и подобное ему вещество, да и всякое жидкое тело образуется по сосуду, в коем содержится. Если воздуха никто на сажень не мерил, то, кажется, для того, что содержащееся его количество в кубической сажени может содержаться равно в кубическом дюйме и растянуться на сто кубических сажень. Но если воздух неудобоизмерим, то взвесить его можно. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмен не положу. Сила электрическая, собранная в лейденской скляннице, взвешена. Кто знает протяжение и образ силы магнитной, кто взвешивал ее? Но кто отрицать станет, что она не вещественна?

О других свойствах вещественности, поелику они могут почитаться свойствами мысленности, нужды говорить не имеем; ибо 1-е, делимость есть свойство воображенное и несуществующее; 2-е, твердость есть свойство не столь ясно утвержденное, как то кажется при первом взгляде; 3-е, бездействие есть мечта; 4-е, движение, – мысленность один из его источников разнородных; 5-е, тяжесть, или паче притяжение и отражение. Имеет ли мысленность стремление к центру земли, того не ведаю; но питание, пророждение, жизнь, любовь и ненависть что суть?

Но если надобно кому-либо на сие доказательство, то не нужна ли сила притяжения на какое бы то сложение ни было? А если сила сия имеет точку, откуда действует,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
то что, паче мысленности, может быть действия средою? Оно таково в самом деле...

Если мы оком размышляющим проникнем действия природы и, собрав опыты, вознамеримся отыскать в веществах различия, то не будет нужды напрягать воображение, дабы иметь какое-либо понятие о том, что едва ли мысль постигать может. Не будем творители новых веществ, а паче, восстановив все на единой лестнице, мы явим неисчисленное вещественности разнообразие и могущество всеотца бесконечное.

Свойства вещественности, доселе предлогом нашего слова бывшие, суть токмо, так сказать, метафизические, заключались в отвлеченнейших понятиях. Но есть свойства вещественности, или паче веществ, поелику они нам известны, кои, проистекая от их коренного сложения, заимствуют свойства состоятельных или начальных частей веществ. Для познания такового нужно говорить о началах веществ, или стихиях, и о некоторых явлениях, первое место в природе занимающих.

Показав, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажем, поколику вероятно, что и мысленность есть вещественности свойство, и прежде всего спросим, какие суть свойства вещества мыслящего, не поколику мы оное предполагаем гадательно, но поколику мы оное познаем самым делом.

Свойства мысленного вещества или явления, кои к действию его относиться могут, суть: жизнь, чувствование, мышление. Сии свойства суть нечто более, нежели просто движение, притяжение и отражение, хотя сии силы в произведении сих свойств много участвуют, вероятно. Но поелику почитают, что движение и проч. не суть свойства веществ, чувствам нашим подлежащих, то да позволят мне удалиться от моего предмета и войти в некоторое рассмотрение о составлении тел вообще.

Начальные части всех тел называем мы стихии. Сии суть: земля, вода, воздух, огонь. Но в стихийном их состоянии мы их не знаем; мы видим их всегда в сопряжении одна с другою; да и все стихии, опричь земли, ускользали бы, может быть, от чувств наших, если бы земляных частиц в себе не содержали. Сколь стихии в чувственном их положении ни сложны, однако свойства имеют, отличающие их одни от других совсем; и если не дерзновенно будет оные определить, то скажем, что огонь, а может быть, воздух и вода суть начала движущие, а земля, или твердейшая из стихий, разумея все ее роды, есть движимое. Я не утверждаю, что вода, воздух и огонь, в самом их стихийном состоянии, суть вещества, движение производящие сами по себе, или суть токмо, так сказать, орудие другого вещества, деятельность им сообщающего; но они суть то самое, что в телах движение производит, что всякое сложение и разрушение без них существовать не могут и что они гораздо более места занимают, нежели твердая стихия земля; что в стихийном их состоянии, сколько то из опытов понимать можно, они чувствам нашим подлежать не могут и что земляная стихия есть единая, которой, поистине, и мы вещественности принадлежать можем.

Но опыты являют нам, что есть вещества, движение производящие или входящие в состав тел органических и других, кои, кажется, к веществам, стихиями называемым, не принадлежат. Например: свет, хотя он есть огню совокупен; сила электрическая, хотя и имеет свойство огня; сила магнитная; стихия соли, которая, кажется, есть всеобщий разделитель, а особливо соединялся с воздухом и водою; и, может быть, многие другие. Наблюдая их прилежно, найдешь, что они истинную имеют силу или энергию; но что она есть? То может быть ей одной известно или давшему ее стихиям.

Дабы показать, сколь разделение веществам, нами сделанное, на движущие и движимые, есть истинно и на опытах основано, войдем в некоторые подробности о стихиях и о их сложениях...

Говоря о стихиях и о некоторых явлениях, в природе примеченных, которые, кажется, принадлежат к действию веществ, от четырех признанных стихий отличающихся, мы видели, что они, совокупляясь одна с другою, столь естество свое изменяют, что почти кажутся быть совсем другими веществами. Вода становится земле подобна, огонь твердеет, становится осязателен, не жжет и не светит, а присутствие воздуха явно единою тяжестью. В других сложениях, а особливо сохраняя свою жидкость, они удерживают отчасти свои свойства, отчасти, изменяясь, паки представляют совсем новые явления.

Средства, употребляемые природою на сложение стихий, кажутся быть многочисленны

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru и различны, но часто в разнообразии своем, как нам известно, следуют одинаковым законам. Естественности, не входя в дальние рассмотрения, уобщая понятия и восходя от одной отвлеченности к другой, а паче сделав себе систему и возгнеждая в нее все известные факты, сказали, что общий закон, вследствие коего делаются все сложения, есть притяжение. Но хотя Бюффон и говорит, что образ производит великую разность, но кристаллизация или стеклование суть ли одно? То и другое производит сцепление, но сколь оно разнообразно, сколь разнообразно в действии! Говорят, что все тела находятся в сложении своем токмо вследствие сцепления, и для доказательства сего употребляют известный всем опыт двух весьма гладких поверхностей; но сие сцепление есть одно из слабейших, и, если не была другая сила, что удержало бы золото под молотом, что дало бы ему столь ужасное растяжение? Ужели сцепление в стекле сильнее золота?

Одно из главных средств, природою на сложение стихий и изменение их употребляемое, есть организация. В ней действуют все стихии совокупно; в ней и другие силы явственны. Анализис частей животного дает все стихии. Но тело органическое почесть можно химическою лабораториею, в коей происходят разного рода амальгамы, сложении, разделении и проч. и производят почти новые вещества. Не говоря ни о чем другом, воззрим на сложение мозга и на продолжение его нервов. А если и то истинно, что в них существует так названная нервная влажность, сколь отменное я существо от всего другого! Одно, что в ней сходственное примечается, есть то, что она похожа на силу электрическую и магнитную. Может быть и то, что сии оба вещества, всосанные в тело, в нем амальгамируются и передвояются и с другими стихиями составляют нервную жидкость.

Что сия существует в организации животных, вероятно, и разные на то отыскаться могут убедительные факты.

Мы сказали, что свойства мысленного вещества суть: жизнь, чувствование, мышление. Жизнь есть то действие явления, чрез которое семя разверзается, растет, получает совершенное дополнение всех своих сил, производит паки семя, подобное тому, из коего зачалось; потом начинает терять свои силы и приближаться к разрушению. Сия сила есть ли единственно простое произведение, из сложения стихий происходящее, то можно будет утверждать тогда, когда искусством можно будет производить тела органические. Жизнь свойственна не одним животным, но и растениям, а вероятно, и ископаемым, что побуждает заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною в разных сложениях. А поелику явное присутствие огня с действием жизни совокупно [63], то и не безрассудно заключать можно, что огонь есть одно из необходимых начал жизни, если он не есть самая она.

Раздраженность примечается в телах в их разделении, воскипании, Квас и все, что ферментацию называем, не есть начало раздраженности. Раздраженность примечательна уже в растениях, а паче в чувственнице. Есть ли она произведение силы электрической и какой другой, то неизвестно, но вероятно. Посмотри, как чувственница увядает от малейшего прикосновения.

Чувственность есть свойство ощущать. Опыты доказывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутствию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностию совокупна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание. Без жизни же и они бы нам не были известны. Итак, возможно, что жизнь, чувствование и мысль суть действие единого вещества, разнообразного в разнообразных сложениях, или же чувственность и мысль суть действие вещества отличного, в сложение которого, однако же, входит если не что другое, то сила электрическая или ей подобная. Итак, если мысленность мы там только обретаем, где обретаем чувственность, если чувственность неразлучна с жизнью, то не вправе ли мы сказать, что сии три явления тел суть действия единого вещества? Ибо, хотя жизнь находим мы без чувственности, а чувственность без мысли, однако кажется быть жизни спутницею раздраженности, что есть нижайшая токмо, может быть, степень чувственности, и если чувственность и мысль не спутницы всегдашние жизни, то по той токмо причине, что нет всегда свойственных им органов, нервов; ибо есть и таковые вещества, стоящие, так сказать, на смежности единых жизни и чувственности, которые для того кажутся быть мысли лишены, что не имеют ее органа, мозга.

Прибавим еще и то: понеже в существо жизни входит частию составительною и, кажется, необходимою огонь; понеже в чувственности примечать можно явления,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
электрической силе подобные, что она действует на наши нервы, как то и сила магнитная; понеже чувственность кажется быть продолжением токмо мысленности, ибо и понятия и мысли все происходят от чувственности и органы сея суть продолжение органа мысленного, – то не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательного, протяженного, образованного, твердого, и проч.; ибо огонь и сила электрическая и магнитная суть свойства того же вещества или оно само.

Присовокупим к сим общим рассуждениям о вещественности некоторые подробности, которые объяснят и дополнят все, что о сей материи сказать можно.

«Приписывать действию особого вещества то, что может принадлежать другому, в полном действовании веществу, есть совсем излишнее и ненужное. Давать телу человеческому душу, существа совсем от него отменного и непонятного, есть не только излишне, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душою, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные и не все еще испытанные. Если стихии толико могут изменяться в сложении своем, что совсем непохожи на свою первобытность, то почто заключать толико неосновательно и отрицать им действие того, где они части составительные? Успехи наук, а паче химии и физики, доказывают, что не невозможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу в ее творительном, производительном стану. И хотя бы чувственность и мысль были силы, от всех известных нам отличные, то как быть столь скорым в решениях наших и отрицать, что не вещественности они суть свойства и сей никак принадлежать не могут, ибо ей суть будто противоречущи?»

«Не удивительно, что те, которым природа, так сказать, чужда, кои никогда на нее не обращают ока внимательного, не удивительно, что возмечтали быть себя бессмертными. Не удивительно, что бедствием гонимые, преследуемые скорбью, болезнью, мучением ищут прибежища превыше жизни. Но то казаться будет всегда странным, что те, коих природа есть упражнение всегдешнее, те, кои наипаче проникли в ее сокровенности, те, кои в разыскании ее таинств находят свое увеселение, – что и те, когда дойдет до решения между конечныя смерти и возрождения, всегда к нему прилепляются. Столь слабость наша велика, столь возлюбляет человек бытие свое, столь боится разрушения! Сему и быть так должно, ибо во младенчестве, в детстве, в юности, во младости мы окружены всегда предметами, к жизни нас прилепляющими, окружены предубеждениями, о будущей жизни твердящими.

И когда настает возмужалые лета, то совершенство жизни затмевает разрушение и его или представляет почти невероятным, или отвлекает мысли от сих предметов. Да и те, которые убедятся в противном, приспев ко гробу и чувствуя нечто необычайное, вдруг обращаются к мыслям, приобретенным в лета безрассудительные. Тот, кто совершенно и беспрестанно был блажен, тому жаль расстаться с утешительною и веселия исполненною жизнью, и для того мнит продолжать ее бессмертием. Тот, который изнемогает под тяжестью превратного счастья, тот в кончине своей зрит оным конец и, вкушав утехы когда-либо, мнит, что и оные возродятся, и сердце, надеждою упоенное, отлетает в вечность».

«Но повторю: как отыскатели деяний природы могут ошибаться в ее действиях! Пройди всю жизнь человеческую от рождения его до кончины: чувственность и мысль следуют телесности в развержении ее, укреплении, совершенствовании, расслаблении, изнеможении, и когда рушится одна, престаёт действие и другия».

«Что мыслит родившийся, что чувствует он? Мысли совсем непричастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Оно укрепляется, и купно с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объемлют тело, скорбь мозжит его и сверлит, силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившего течение жизни: какая степень осталась в нем чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се одр твой, се покой тела твоего! все начала состава его притупились, и рушиться им должно. Почто же плачешь о неизбежном, почто убегаешь неминуемого? когда жизнь прервется, увянет и чувственность, иссякнет мысль, и всякое напоминание прелетит, яко легкий дым. Жалеешь о блаженстве своем, то ужели жалеешь и о бедствии и скорбях? Возвесь все минуты печали, болезни и превратностей, и противоположи им минуты радости, здравие и

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
благоденствие; увидишь, что чаша злосчастия всегда претянет чашу блаженства. То и другое суть удобоисчисляемы, и заключение верно. О чем же сетуешь? Воскликни: се час мой! скажи: прости! и отыди».

«Но прежде, нежели преступим к другим предметам, радования и надежды исполненным и отгоняющим отчаяние из сердца и разума, истощим все доводы и притупим, так сказать, тем самым стрелы, душу умерщвляющие».

«Защитники души безвещественныя, несложныя и потому бессмертныя, говорят: человек имеет два уха, два глаза; осязательность его рассеяна по всей поверхности его тела; но чувствование внутреннее, от разных чувств происходящее, но мысль, от чувств рождающаяся, есть неразделима, но сведение самого себя, столь живое, столь ясное, всегда едино, просто, неразделимо; а сие побуждает заключать, что вещество, к коему оно принадлежит, также есть простое и неразделимое. А поелику неразделимое разрушиться не может, то заключить должно, что душа, по разрушении тела, пребудет неразделима, следовательно, она есть безвещественна, а потому и бессмертна».

«Скажи, возражатель, неразделимость и вечность мечтающий, скажи и истолкуй мне: как вещество простое может действовать на сложное; как действует непротяженное на протяженное? И еще того непонятнее: как непротяженность заключается в протяженности; ибо ведаем, что понятие протяженности есть неразделимому противоречащее? Как безвещественная и непротяженная твоя душа заключена в протяженное твое влагилице, того я не знаю и молчу; да и ты не знаешь, и быти ей утверждаешь. Желая сделать душу, от тела твоего совсем отличную, простую, неразделимую, ты ее делаешь веществом совсем мысленным. Она уже не вещество, единственно отвлечение, точка математическая, следовательно, воображение, сон, мечта. Вещество неразделимое, простое, словом, душа твоя есть ничтожество, бессущественность, небытие; ибо кто видал, кто ощущал, если не в мечтании, что-либо несложное, простое, неразделимое? Да и как нам себе его представить? Когда хотим изобразить точку, то говорим, что она есть конец линии. Чему же душа твоя есть окончание? Мне кажется, о ты, бессущественность утверждающий! что житие, что услаждение телесные и мысленные тебе наскучили: оставь же нас и отыди в своя превыспренняя и веселися».

«Скажи, о отрицатель вещественныя души! скажи, отчего находишь столь невозможным согласное действие всех чувств твоих и всех органов? Все, что существует, имеет свою цель, и все его части, способности и силы суть к оной обращены. Не в мысленности ли ты существуешь? Для чего же ты думаешь, что чувства твои, что органы не для нее суть и она не от них? Или скажешь, что мусикийское благогласие невозможно, ибо звук единственный, нота мусикийская, неблагогласны суть? Из того, что пальцы твои на струнах скрипичных не умеют двигаться искусственно, ты заключаешь, что стройная звучность ей несвойственна. Не заключаешь ли, что поелику единственная частица воздуха не может производить звука, что он не есть произведение воздуха? или что синяя или красная отделенность луча неудобна на произведение света, что все семь отделенностей, составя луч, свет производить неудобны? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь в человеке есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрел! не завидую тебе, поистине, ни твоей мысленности. Кто рыщет в мечтании, недостаток, чтобы оно было отлучен. Чувственность местию не замедлит; воцанье твои крылия растают от ее жаркости и, новый Икар, залетевший, куда сам не ведаешь, падешь».

«Скажи, вопрошу паки, как могли в мозг твой войти сия чрезъестественная души твоей простота и неразделимость? Возьми столь художественно изобретенное орудие на показание и деление времени, ударь его о камень, где будет сей почти разумный времени указатель? Или в каждой части? Металл, из коего он сложен, не возмозет того без соразмерности в частях его, колесах и пружинах. Но ты паки говоришь, что душа твоя неразделима! Но звук, но благогласие разделимы ли суть? Орудия, оные производящие, суть разделимы, суть сложны; но не действие их, не произведение. Не от чувств ли ты мысль свою получаешь? мысль твоя неразделима; но неужели неразделимы твое ухо, око, нос? Итак, произведение твоих чувств неразделимо, и скажем твоими словами: душа твоя неразделима. Согласен, что из одной души нельзя сделать двух душ; но следует ли из того, что с разрушением твоих органов и душа разрушиться не может? Разрежь, говорит Пристлей, один шар на двое, выдут ли из того два шара? Выдут две половины, но шара не будет».

«Ужели так трудно тебе вообразить единственность чувствования и мысли и того, что ты душою называешь, не саму по себе единственную, простую и неразделимую, но

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
единственну и неразделиму яко действие твоих органов и твоего сложения? Вообрази себе сие нравственное, сие соборное вещество, которое мы называем общество; представь себе сенат римский или афинскую площадь. Колико частей! колико пружин! колико действий! но все идет к единой цели, все общественного жития стяжают, все мыслят одно, одного желают. Я пример тебе даю, уподобление представляю, а не сравнение. Но все твои усилия, чтоб отделить душу твою от тела, напрасны суть и бессильны».

«Не с телом ли растет душа, не с ним ли мужает и крепится, не с ним ли вянет и тупеет? Не от чувств ли ты получаешь все свои понятия и мысли? Если ты мне не веришь, прочти Локка. Он удивит тебя, что все мысли твои, и самые отвлеченнейшие, в чувствах твоих имеют свое начало [64]. Как же душа твоя без них может приобретать понятия, как мыслить? Почто бесплодно делать ее особым от чувственности веществом? Ты похож в сем случае на того, кто бы захотел дать душу носу твоему, дать душу уху, дать ее глазу, а в осязательности твоей было бы столько душ, сколько точек есть на поверхности твоего тела. Неужели на всякое деяние тела дадим ему душу? Гортань моя возгласит песнь, и я скажу, что есть во мне вещество поющее; отверзу уста и возглаголю, а ты скажешь, что есть во мне вещество говорящее, и только для того, чтобы от телесности отбыть. Странник! ты чуждаешься матери твоей, отрицаешь чувствам мысленности происхождение. Все познания твои приходят к тебе от чувств твоих, и ты хочешь, чтоб мысленность моя была им чужда, имела существо, им совсем противоречущее».

«Но откуда возмечтал ты, что душа твоя не есть действие твоих органов, что она бестелесна? Вниди в себя и воньми, колико телесностей на нее действуют. Все чувственные предметы, все страсти, болезнь, жар, стужа, пища, питье – всё душу твою изменяет. Всё телесно есть; она страждет, а не тело. Может ли знать душа твоя, сие высшая степени вещество, какая мысль в ней возродится чрез одно мгновение, чего она возжелает? Может ли она, если она тела твоего управитель, может ли знать, какое будет его движение чрез час един и какое язык его произнесет слово? Окруженная со всех сторон предметами, она есть то, что они ей быть определяют. Если бы они не извещали чувства твои, что ты существуешь, если бы ты чувств лишен был (но того ли ты и желаешь, желая бессмертия?), не известен бы ты был, что ты есть, что существуешь; ибо никакая мысль в тебе не могла бы возродиться».

«Не токмо внешность, но вся внутренность царствует над твоею душою. Когда страсти возжгут огонь в крови твоей, когда неведомое какое беспокойствие обьет всего тебя и ты, презирая все на свете и самую жизнь, течешь вослед предмету, страстию вожделенному, где тогда душа твоя? Где сей устроитель твоея телесности, сей судия твоих деяний, сей царь, где он? Иногда, иногда возвысит он глас, и мечта всемогущества думает страсть усмирить мановением единым, как Эол усмирят бунтующие ветры. Но сии непокорливые его подданныки, восстав с новою на него свирепостию, влекут его и, как новая Армида, заключают в цветящиеся и неощущаемые оковы».

«Но не токмо страсти умерщвляют твою душу; все потребности твои, все недостатки властвуют над нею произвольно. Ощущал ли ты когда-либо терзание глада? Ведаешь ли всю власть желудка твоего над твоею мысленностию? Когда он тощ, тело твое изнеможет, и душа расслабевает. Но ты скорее знаешь действие пресыщения. Когда избыточные соками питательными яства обильный хил влиют в твои жилы и естественность в тебе обновляться начнет, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя. Но вижу то, пресытился питием: обезображено лице, искажены взоры, язык коснеет, – или и душа твоя причаствовала в чаше Вакха? О, вещество бестелесное! если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары, конечно, сильно на тебя действуют. Когда ты, о любитель духовных веществ! усумнишься в своей вещественности, то войди в сонм пьяных. Верь мне, скоро, скоро убедишься, что с телом и душа пьянеет».

«Мне скучно становится собирать еще доводы на то, что столь ясно кажется. Но я еще обращаю взор твой на тебя самого. Если ты не убедился о своей вещественности тем, что видел душевные силы возрастаемы с телесными; что они расширены стали удобренным воспитанием; что воображение есть плод страны, где жительствуешь; что память твоя единственно зависит от твоего мозга, и когда он старится и твердеет, тогда и память теряет свою способность; что суть способы телесные на ее расширение и что внимание твое утомляется напряжением; если все сие не есть тебе доказательством, войдем со мною во храмину, уготовленную человеколюбием для страждущего человечества, в хранилище болезней. Не содрогается ли, не немеет ли

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
вождь твой духовный от сего зрелища? Если ты нетрепетно восходил на стены градские и презирал тысячи смертей, окрест тебя летавших, то здесь весь состав твой потрясется! Ты зришь свое разрушение, ты зришь конечную и неминуемую твою смертность. Не тужи о воспаленном огневицею, не жалея о лишенном ума: они варяют в мечтаниях. Верь, они нередко нас блаженнее. Болезни своей они не ведают, и душа веселящихся полна мечтаний. Но содрогнись на беснующегося, вострепещи, взирая на имеющего в мозгу чирей! О, душа, существо безвещественное! что ты и где ты? Если все доводы Эпикура, Лукреция и всех новых их последователей слабы будут на свержение твое с возмечтанного твоего престола, то желающий убедиться в истинном ничтожестве своем найдет их в первой больнице в великом изобилии».

«Если и сего тебе мало, то соглядай вседневное свое положение, когда утомленное твое тело ищет покоя. Воззри на сон. Если хочешь вообразить, что душа твоя есть раб твоего тела и каково будет состояние ее по смерти, то рассмотри, что есть сон, и познаешь. Первое, когда мечты исполняют главу твою, скажи, властен ли ты на их произведение? Сновидения твои столь же мало от тебя зависят, как и от твоего понятия. А если можно тому верить, что сновидение есть начало пробуждения и производится внешним чем-либо, то предварено твое возражение, когда хотел сновидение отнести к действованию твоей души. Но рассмотри себя, когда пары, подъемлющиеся от желудка твоего, не тревожат мозга, когда сон твой покоен и крепок: ты не токмо не чувствуешь, но и мысль твоя недействительна. А если и то тебя не убеждает, посмотри на тех, коим болезни дают сон долговременный; спроси у них, мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что в решении задач математических упражнялся? Впоследние скажу, воззри на объятую обмороком и чувств лишенного. Если когда-либо излишне испущенная кровь повергала тебя в таковое положение, то знаешь ты, что смерть есть и что душа твоя от жала ее не ускользнет. И как хочешь ты, чтоб я почел душу твою существенностию, от тела твоего отделенною, веществом особым и самим по себе, когда сон и обморок лишают ее того, что существо ее составляет». «Скажи, о ты, желающий жить по смерти, скажи, размышлял ли ты, что оно не токмо невероятно, но и невозможно? Вообрази себе на одно мгновение, что ты уже мертв, что тело твое разрушилось. Ты говоришь, что душа твоя жива. Но она лишена чувств, следовательно, лишена орудий мысли, следовательно, она не то, что была в живом твоем состоянии. И если состояние ее изменилось, то вероятно ли, что она ощущать и мыслить может, чувств лишена? А если душа будет в другом положении, то следует, что ты в душе своей будешь не тот человек, который был до смерти. Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? Помедлим немного при сем размышлении. Сие мгновение ты, посредством чувств, получаешь извещение о бытии твоем; в следующее мгновение то же чувствуешь; но дабы уверен ты был, что в протекшее мгновение чувствование происходило в том же человеке, в котором происходит в настоящее мгновение, то надлежит быть напоминовению; а если человек не был одарен памятью, то сверх того, что бы он не мог иметь никаких знаний, но не ведал бы, что он был не далее, как в протекшее мгновение. Если по смерти своей память твоя не будет души твоея свойство, то можно ли назвать тебя тем же человеком, который был в жизни? Все деяния твои будут новы и к прежним не будут относиться, то что успеешь, жил ли прежде или жив будешь по смерти? Жизни сии не суть единое продолжение; они прерываются. Жить вновь и не знать о том, что был, есть то же, что и не быть. Забвенное для нас не существовало. Что не можно душе твоей сохранить памяти, о том читай многочисленные и убедительные примеры в книгах врачебных. Памяти престол есть мозг; все ее действия зависят от него, и от него единственно; мозг есть вещественность, тело гниет, разрушается. Где же будет память твоя? Где будет прежний ты, где твоя особенность, где личность? Верь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнет».

«По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья».
Сенека, в трагедии «Троада».

«Итак, если мозг и глава нужны для мышления, нервы для чувствования, то как столь безрассудно мечтать, что без них душа действовать может? Как может она быть, когда она их произведение, а они к разрушению осуждены? Не токмо не можно вообразить себе, что есть такое вещество простое, неразделимое, дух; но и того вообразить нельзя, чтобы они были по разрушении, хотя бы и существовали».

«Ведай, что всякое состояние вещества, какого бы то ни было, естественно

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
предопределяется его предшедшим состоянием. Без того последующее состояние не имело бы причины к своему бытию. Итак, предрожденное состояние человека определяло его состояние в жизни, а жизненное его состояние определяет, что он будет по смерти. До зачатия своего человек был семя, коего определение было развержение. Состояние жизни приуготовляло распложение и разрушение. Когда же жизнь пройдет, почто мечтать, что она может продлиться? Человек вышел из семени, и состав его рассеменится по сложению стихий, его составлявших. И если по справедливости заключить можем из состояния человека до начатия его жизни о состоянии по скончании ее, то поелику он не имеет воспоминания, что существовал в семени, то не может иметь воспоминания по смерти о том, что был в жизни».

«Итак, о смертный! оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужно для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалася, скончалось для тебя время и настала вечность!» — — —

О ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный человеконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокостию твоею и зверством ты превышаешь Тиверия, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заграбляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению — всему есть предел непреоборимый, за которым земная власть есть ничто. Едва дух жизненный излетит из уязвленного и изможденного тела, как вся власть тиранов утщется, все могущество их исчезнет, раздробится сила; ярость тогда напрасна, зверство ничтожествовать принуждено, кичение смешно. Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропретекающего радования, не веселия бренного и скоро летящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести земные, свинец, и золото, и чугун. Жестокосердый! ты лишаешь даже надежды претертую злосчастием душу, и луч сей единственный, освещавший ее во тьме печалей, ты погашаешь. Лишенного на земле утех, не ожидающего веселия ни на мгновение уже едино, ты ограбляешь его надеяния возродиться на радость и на воздаяние добродетели; ты лишаешь его будущия жизни. Ужель гонители Сократа на равную с ним участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребий всех добродетельных и злосчастных? — Но откуда твое дерзновение, откуда власть твоя, откуда веселие, разрушающее покой мой и надеяние? Или не ведаешь, что может отчаяние человека, лишенного семейства, друзей и всякия утехи? Не скроют тебя от карающия руки ни вертепы, ни леса дремучие, ни пустыни! мщение тебя преследует, настигнет тебя, веселием упоенного, и, отъемля у тебя даже средства к утехе, радованию и упокою, исторгнет из сердца твоего более самую жизни. Я мысль даже в тебе претру надежды будущего, и вечность отлетит — но что успею я? О, тигр, ты ее не чаешь!

Конец второй [книги].

Книга третья

Доселе, возлюбленные мои, я, собирая все возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающие, старался дать им возможную ясность и поставить их во всей их блистательности и прелестности, дабы тем явнее могла быть их слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное суждение, если где оно возгнездилося. Обтекши всю мысленность и телесность человека и проникнув даже до незримых начал вещей, мы видели только то, что нужно было видеть, дабы снискать доказательство предложенной задачи. Теперь возвратимся паки по протекшему пути и соберем все, что найти можем на подкрепление противного мнения, и постараемся восстановить человечество в ту истинную лучезарность, для коей оно кажется быть создано. О истина! непреложный орган всевышнего! спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждение и тебя да узрю!

Желающему вникать в размышления о смертности и бессмертии человека я бы нелицемерный подал совет стараться быть часто на одре умирающих своей или насильственной смертию. А тому, кто сам находился в преддверии вечности, имея полный и ненарушимый рассудок, тому в совет бы я дал в суждениях своих о смертности и бессмертии человека быть гораздо осторожным. Первый научиться бы мог познавать, что есть смерть; другой, бывши ее близок, мог бы рассуждения свои сопровождать внутренним своим чувствованием; ибо, верьте, в касающемся до жизни и смерти чувствование наше может быть безобманчивее разума. А тот, кто ее не

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru предчувствовал николи, хотя и может иногда угадать то, что другой всею внутренностию ощущает, но чаще, основав убеждение свое на слышанном и изученном, он ему токмо изыскивать будет доказательства для убеждения других в том, в чем сам убежден был не чувствованием, не рассудком, а токмо, так сказать, наелышкою.

Я всегда с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на Праге вечности, и, соображая причину их кончины и побуждения, ими же вождаемы были, почерпал многое, что мне в другом месте находить не удавалось. Не разумею я здесь воображенные таковые положения, плод стихотворческого изобретения, но истинные таковые положения, в коих, по несчастью, человек случается нередко. Вы знаете единословие или монолог Гамлета Шекеспирова и единословие Катона Утиксского у Аддисона. Они прекрасны, но один в них порок – суть вымышленны.

Посторонний, а не вы, может меня спросить вследствие моего собственного положения: какое право имею я говорить о смерти человека? – Вопрос не лишний! и я ему скажу... Но, друзья мои, вы дадите за меня ответ вопрошающему, а я возвращусь к моему слову.

Вопросим паки, что есть смерть? – Смерть есть не что иное, как естественная перемена человеческого состояния. Перемене таковой не токмо причастны люди, но все животные, растения и другие вещества. Смерть на земле объемлет всю жизненную и нежизненную естественность. Знамение ее есть разрушение. Итак, куда бы мы очей своих ни обратили, везде обретаем смерть. Но вид ее угрюмый теряется пред видом жизни; стыдящаяся кроется под сень живущего, и жизнь зрится распростерта повсюду.

Но дабы в незыблемом паки утешении устремить взоры наши к неиссякаемому источнику жизни и к непрестанно обновляющемуся ее началу, отвратим око наше от жизни и прилепим его к тому, что свойство смертности составляет. В изъяснении, данном нами смерти, мы назвали ее переменою; и понеже смертная перемена есть общая в природе, то рассмотрим, что есть перемена вообще.

Вещь, говорим, переменяется, когда из двух противоположных определений, которые в ней произойти могут, одно перестает, другое же начинает быть действительным; например: темно и светло, легко и тяжело, порок и добродетель. Итак, перемена вообще есть прехождение от одного противоположного определения вещи к другому. Но из шестивия природы явствует, что во всех переменах, в оной случающихся, находится между противоположностями всегда посредство, так, что если в ней преходит что из одного состояния в другое, первому противоположное, то между сими двумя состояниями находится всегда третье, или состояние среды, которое не иное что быть кажется, как продолжение первого состояния и изменение вещи постепенное, доколе не дойдет она до состояния противоположного. Но и сие состояние, поелику есть токмо последствие из предыдущего, можно назвать продолжением. Итак, утвердительно сказать можем, что будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые. Если мы хотим сие представить себе чувственно, то вообразим что-либо начинающее свое движение колообразно, которое, двигаясь в одинаковом всегда от центра отдалении, движется до тех пор, пока, дошед до того места, откуда началось его движение, останавливается. Следственно, между первую точку, где началось движение, которую назовем настоящим состоянием вещи, до той точки, где движение ее скончалось, которую назовем состоянием противоположным, существует столько состояний, чрез которые вещь проходить имеет, сколько суть в окружности точек. Следовательно, когда движение вещи началось от одной точки и быть должно существует колообразно, то без препятствия особой силы движение вещи колообразно продолжится до точки последней, следовательно, последняя точка есть произведение первой. Или желаете другой пример. Возьмите яйцо; вы знаете, что оно посредством насижения может оживотвориться и быть птицею. Но виден ли в яйце цыпленок, хотя не сомневаемся, что он в нем содержится? А если захотим преследовать прехождение яйца в цыпленка и ежедневно будем наблюдать его, то увидим постепенное его приращение. Сперва окажется начало жизни – сердце, потом глава, потом стан и другие части тела постепенно до того часа, как чрез 21 день, созрев на исшествие, он проклюнет скорлупу яичную и, являясь пред создавшим свет живым уже существом, воскликнет аки бы: се аз на прославление твое! Из сего примера усматриваете, сколько состояний пройти имеет яйцо, дабы быть цыпленком. Из сего же видите, что все сии состояния суть непрерывны и выходят одно из другого естественно. Следственно, состоянием яйца и цыпленка суть простирающиеся одно от другого; следственно, насижением из яйца цыпленок выйдет, если в том что

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru не воспрепятствует. Таково есть шествие сил естественных, что они, прияв единожды свое начало, действуют непрестанно и производят перемены постепенные, которые нам по времени токмо видимы становятся.

Ничто не происходит скоком, говорит Лейбниц, все в ней постепенно.

Из всего предыдущего следует, что все переменяющееся не может быть непременно ни на единое мгновение. Ибо все переменяющееся (буде оно таково в самой вещи) иметь долженствует силу действовать или способность страдать; но, действуя или страдая, становится оно не то, что было. Итак, что может воспятить стремлению перемены? Кто может? Разве тот, кто дал природе силу, кто действие ей дал, движение и жизнь. Вообрази себе напряжение всего, вообрази глубоко насажденную в естественности действительность и вещай, что может ей противостать. Катится время беспрерывно, усталости не знает, шлет грядущее вослед претекшему, и все переменяющееся является нам в новый образ облеченно.

О мера течения, шествия премен и жизни! о время! помедли, помедли на мгновение хотя едино! – Се безрассудное желание многих, се желание внимающих гласу своих страстей и прихотей и отвращающих рассудок свой от познания вещей. Но время, не вмня глаголу безумия, течет в порядке непрерывном. Нет ни единого в нем мгновения, которое бы возможно было себе представить отделенно, и нет двух мгновений, коих бы предела ознаменовать возможно было. Не вслед текут они одно другому, но одно из другого рождается и все имеют предел един и общий. Наималейшее мгновение разделить можно на части, которые все свойству времени причастны будут; и нет двух мгновений, где бы третье возгнездить было невозможно. А поелику время есть мера деянию и шествию, то нет двух состояний вещи, между коими бы не можно было вообразить третье, или, паче сказать, нет двух состояний, между которыми бы назначить можно было предел; ибо едва одно скончалось, другое уже существует. И сие шествие столь стесненно, столь неразрывно, что мысль наша за ним идти может токмо вослед, а не одинаковою высотой; ибо вообрази себе мгновение и состояние вещи в нем, как оно уже претекло, и ты мыслишь уже в другом мгновении, и вещь найдется уже не в том, в коем о ней ты мыслить стал, и мгновение уже позади тебя.

Приложим сие понятие о перемене к смертности человека. Жизнь и смерть суть состояния противоположные, а умирание средовое, или то состояние, чрез которое скончается жизнь и бывает смерть. Мы видели, что во времени нет и быть не может отделения; мы видели, что и в состояниях вещи отделения существенного нет, и когда движение началось, то непрерывно есть, доколе не скончается. И поелику перемена есть прехождение из одного состояния в противоположное ему чрез состояния средние, одно из другого рождающиеся, то жизнь и смерть, поелику суть состояния противоположные, суть следствия одно другого, и можно сказать, когда природа человека производит, она ему готовит уже смерть. Сия есть следствие той, и следствие неминуемое. И если бы мы имели о вещах познания нутрозрительные, то бы сия великая перемена в одушевленном, как-то: прешествие от жизни к смерти – нам менее отделяющуюся казалася, нежели отделения дня от ночи[65], ибо и сии существуют для того, что не можем им преследовать. Но представь себя, текущего по поверхности земли к – западу ее, то есть в противную страну ее обращения; представь шествие свое шествию земли равно скорое, то, начавши течение свое во время, например, полуденное, пребудешь в полудни через целые сутки и, пришел паки на то место, откуда началось твое шествие, найдешь паки время полуденное. Из сего примера видим, что перемены суть токмо для нас столь отделенны в прехождениях своих, а не суть таковы по существу вещи. Итак, не безрассудны ли наши стенания и вопль при умирании человека, если мы знаем и если уверены, что, родившись единожды, умереть ему должно? Сколь справедливее было некогда обыкновение рыдать при рождении младенца, по смерти же радоваться и расстание с умершими препровождать в пиршествах и веселиях. Когда неумолимая смерть прострет на чело мое мразное свое покрывало и узрите меня бездыханна, не плачьте, о возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована была при рождестве, что она неизбежна, что яко бдение уготовляет сон, а сон уготовляет бдение, то почто не мыслить, что смерть, уготованная уготовляет паки жизнь? – Столь в мире все непрерывно. О возлюбленные мои! восторжествуйте над кончиною моею: она будет конец скорби и терзанию. Исторгнутый от ига предрассудков, помните, что бедствие не есть уже жребий умершего.

Поелику душа и тело находятся в теснейшем союзе, как то явствует из всех их взаимных деяний, то вероятно, что смерть или скончание жизни равно касается того и другого; и если смертию изменяется тело, что видим из простого наблюдения, то

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
должно думать, что изменяется и душа; а поелику телесности отторженная душа
чувствам нашим подлежать не будет, то, что ей последует по отделении ее от тела,
надлежит постигать единым рассудком.

Опыты нам показывают, что во всех органических телах суть три состояния или
время в их бытии. Первое, когда органическое тело начинает подлежать чувствам
нашим, то есть рождение его и жизнь; второе, когда чувства наши не ощущают в
теле органическом жизненных движений, то есть смерть; и третье, когда вид и
образ органического тела изменяются и от понятия чувств исчезают: сие называем
разрушение, согниение. Но сии состояния суть для чувств наших токмо отделенны, в
естественности же каждая из них есть токмо звено непрерывной цепи перемен, то
есть постепенные развержения и облечения одной и той же вещи в несчетные виды и
явления. Итак, повторим, что жизнь и смерть и даже разрушение в своей
существенности не столь разделенны, как то кажется нашим чувствам; они суть
токмо суждения наших чувств о переменах вещественных, а не состояния сами по
себе. Се первый луч надежды, о возлюбленные! да торжествуют несчастные! се
смерть им предстоит, се конец терзанию, се жизнь новая!

За смертью тела следует его разрушение. По разрушении же тела человеческого
части, его составлявшие, отходя к своим началам, как то мы сказали прежде,
действовать и страдать не престанут, ибо не исчезнут. Между бытия и небытия есть
посредство, вследствие того, что сказали выше; следовательно, одно не есть
следствие другого непосредственное; следовательно, после бытия небытие
существовать не может, и природа равно сама по себе не может ни дать бытия, ни в
небытие обратить вещь или ее уничтожить.

Душа, находясь в теснейшем союзе с телом, следует всем переменам, с телом
случающимся, и, участвовавши в веселиях его и печалях, в здравии его и болезни,
достигнет постепенно до того мгновения, когда тело умрет. Но умрет ли и душа с
телом и есть ли на сие возможность? Бude умереть она долженствует, то или все
силы ее и могущества, все действия ее и страдания перестанут вдруг, и она
исчезнет в одно мгновение; или, яко тело, подверженное тысяче перемен, испытает
она разные образования; и в сем последствии перемен будет эпоха, когда душа,
изменяясь совсем, не будет душа более и, яко тело, разделяясь на части, перейдет в
другие сложения. Третье кажется быть невозможным; ибо природа, как то мы видели,
ничего не уничтожает, и небытие или уничтожение есть напрасное слово и мысль
пустая.

Обеспокоенные в невозможности небытия, мы рассмотрим вероятность разрушения
души.

Если бы душа подвержена была всем переменам, которым подвержено тело, то бы, как
то мы сказали, можно было назначить мгновение, когда она совсем изменится, и,
яко тело, разрушался, не будет тело, та-ко и душа, теряя все свои силы помалу,
распадется и не будет более душа. Но когда имеет быть сие мгновение? Разве
тогда, когда не нужна она более телу, в коем испорченные органы, неспособные на
содержание жизни, отчуждятся и души, тогда разве душа исчезнет. Но мы видели, что
тело не исчезает, что нельзя почти сказать теперь: умирает животное; ибо видели,
что рождение его смерть уже ему уготовляло и разрушение. Итак, разве душа, теряя
помалу свои силы, с телом будет подвержена единому жребию. Когда тело здорово и в
крепости, равно и душа; тело изнемогло и заболело, равно и душа; тело умирает и
распадается на части, что же будет с душою? Орудия ее чувствования и мысли
разрушились, ей уже не принадлежат, весь состав уже разрушился; но ужели в ней
все опустеет, все пропадут в ней мысли, воображения, все желания, склонности,
все страсти, – все, и ни малейшего следа не останется? Не можно сего думать; ибо
не иное сие бы было, как совершенное ее уничтожение. Но поелику силы природные,
как то мы видели, на уничтожение не возмогают, то душа пребудет навсегда
неразрушима, вовеки не исчезнет. И поистине, как себе вообразить, как себе
представить части души и неминуемое их прехождение, преобразование (полагая, что
они суть)? Части тела разрушаются, разделяются на стихии, из коих составлены
были, которые паки преходят в другие составы. Части тела могут по чреде быть
земля, растение в снедь животному, которое будет в снедь человеку;
следовательно, человек, умерший за несколько лет прежде, будет частию
существовать в другом последующем человеке. Но что будет из частей души? какие
суть стихии ее сложения, если бы она сложена быть могла? Куда перейдут сии
стихии? – Не время еще ответствовать на сии вопросы; но можете видеть, сколь
ответы гадательны быть долженствуют.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Следствие всего предыдущего есть, что душа веки не разрушится, не исчезнет, что существовать будет веки; ибо, как бы далеко небытие от бытия ее ни отстояло, но таковое прехождение не может основываться ни в существе единых вещи, ни в существе сложенных. Но если душа веки жива пребудет, то будет ли она страдать и действовать? Страдать и действовать для души есть мыслить, желать и чувствовать; ибо сии суть действия и страдания мыслящего вещества. Но как возможно душе, от тела отделенной, чувствовать и мыслить; ибо орудий чувствования и мысли будет она лишена? Сие так кажется. Но понеже душа уничтожению не может быть причастна, то мысль свойственна ей пребудет, как и бытие; ибо, какое вещество то бы ни было, всякое действует вследствие своих сил и способностей, то неужели одна душа будет сил лишена и, яко первобытная вещественность, недвижима и недействующая?

В дополнение вышесказанного присоедините и следующее размышление. Что научает нас, что мы без чувственности не могли иметь понятий, что сии суть единственно произведения ее и что самые отвлеченнейшие понятия первое начало свое имеют в чувственности? Ответ на сие самый легкий и простой: учит тому нас опыт. Но какие же имеем мы опыты, чтобы заключать, что душа в отделенности от тела будет лишена чувствования и мысли? Никаких, поистине, не имеем и иметь не можем; то и заключение наше о сем неправильно будет, и мы отрицать станем силу в природе потому только, что она нам неизвестна. Точно бы так сие было, если бы житель Египта, видя всегда зыбкую поверхность Нила, заключал, что невозможно вообще, чтобы поверхность воды твердела. Сколь сие суждение нелепо, участвующим жаркого и мразного небесного пояса внятно. Но оно основано на существе вещей и понятий наших, от опытов происходящих. Так и мы, заключая о безмыслии души в отделении ее от телесности, заключим сходственно понятий наших, в опытности почерпнутых; но истинность заключения сего может равняться заключению жителя Египта о невозможности замерзания вод.

Из всего вышеписанного если не можно нам заключить с уверением, что душа бессмертна, если в доводах наших нет очевидности, то могло бы, может быть, для любящих добродетель найтись что-либо убедительное, дающее доводам перевес победоносный. Но из самых доводов рождаются возражения, которые, оставшись без ответа, могут почтены быть доказательствами противоположности того, что доказать стараемся. Если бы одна была возможность, что душа есть вещество само по себе, то убеждение из того последовало бы очевидное. Но доколе не опровергнутся, столь же вероятностию почтется и то, что душа или то, что мысленным существом называем, есть свойство искусно сложенного тела, подобно как здравие или жизнь суть свойства тел органических. И сие возражение тем сильнее кажется, что оно осязательно быть зрится, а потому требует прилежнейшего рассмотрения и опровержения яснейшего и ни малейшего по себе сомнения не оставляющего.

Что обретаем мы в сложенном? Не то ли, что вещи, которые в некотором находились отдалении, соблизятся? Не то ли, что вещи, которые находились в разделении, сообщаются, вступают в союз и составляют целое, сами становятся составительными его частями? Из сего сопряжения рождается: 1, некоторый порядок в образе сложения составительных частей; 2, силы и действительных частей чрез то изменяются; ибо в действии нового сложения то препинаемы, то споспешествуемы или переменяемы в направлении своем. Но может ли в целости сложенного явиться новая сила, которая начало не находилась бы в действительности составляющих его частей? Невозможно, поистине невозможно. Если бы все части, все начала, все стихии вещественности были бездействующи и в покое бы находились смертном, то сколь бы сложение их искусственно ни было, сколь бы ни изящно, погрязши в недействии и неподвижности, пребыли бы навсегда мертвы, не возмогая на произведение движения, отражения или какия-либо силы. И сие положение хуже было бы хаоса древнего, если было бы ему возможно; ношь вечная была бы ее сопутница, и смерть свойство первое.

Однако же примечаем мы в сложении целого благогласие или согласие, соразмерность, хотя в частях его нет ни того, ни другого. Например, звук одинаковый благогласия не имеет, но сложение многих нередко производит наивелелепнейшее. Стекланный колокол, на котором мокрый перст движется, едва ли, кажется, производит скрип; но кто слышал гармонику, тот ведает, колико внутренность вся от игры ее потрясается. Кирпич, камень, кусок мрамора и меди какую имеют правильность, какую соразмерность? Но взгляни на храм св. Петра в Риме, взгляни на Пантеон – и не почувствуешь ли, что и мысль твоя изящною соразмерностию сих зданий благоустроится? Но причина сего чувствования явствует из того, что уже сказали. Благогласие, соразмерность, порядок и все тому

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
подобное не могут без различия быть понимаемы; ибо они не что иное значат, как отношение разных чувствований между собою в том порядке, как они нам предлежали. Итак, к сим понятиям принадлежит сравнение разных чувствований, которые вообще составляют целое, частям особенно не принадлежат. Могло ли бы родиться благогласие, если бы каждый звук не оставлял по себе впечатления? Могла ли бы быть соразмерность, если бы каждая оная часть не действовала на орган глазной? Не можно сего и вообразить, ибо действительность в целом не может возродиться, если начало ее не в частях находится. Итак, во всяком сложном замечать нужно: 1, последование и порядок частей составительных в пространстве или времени; 2, сопряжение начальных сил и порядок, в котором они являются в их сложении. И хотя в сопряжении своем силы ограничиваются взаимно, изменяются, уничтожаются или паче препинаются, никогда из сложения, какое бы оно ни было, сила возродиться не может. Равно как бы кто, смешивая синюю краску с желтою, ожидал бы явления не зеленой, но красной. Частицы синие и желтые изменились, но в зеленом они суть присносущны; а красное явиться бы не могло, ибо красные частицы суть другого совсем существования.

Итак, заключение извлекая из предыдущего, сказать можно: если душа наша или мыслящая сила не есть вещество само по себе, но свойственность сложения, то оная происходит, подобно благогласию и соразмерности, из особого положения и поода частей или же как сила сложения, которая начало свое имеет в действительности частей, целое составляющих. Третьего, кажется, мыслить нельзя.

Благогласие, как то мы видели, проистекает из сравнения простых звуков, а соразмерность из сравнения разных неправильных частей; ибо не имеют ни одинаковые звуки благогласия, ни отделенные части соразмерности; следовательно, благогласие и соразмерность основание свое имеют в сравнении. Но где в природе существует оно, где может существовать, разве не в душе? Что есть оно, разве не действие мысленных сил, и может ли оно быть действие чего другого? Нигде всемерно; ибо звуки сами по себе следуют токмо один за другим; в строении камни лежат токмо один возле другого, существуя каждый в своей особенности, имея бытие отделенное; а благогласие и соразмерность суть принадлежности мысли, понятия отвлеченные и без мысли бытия не были бы причастны[66]. Но не токмо благогласие и соразмерность, но красота, изящность всякая и самая добродетель не иначе как в сравнении почерпают вещество свое и живут в мысли.

Скажите, можно ли из действия какой-либо вещи истолковать ее происхождение и может ли причина, вещь произведшая, понимаема быть из действия вещи или в нем существовать? Видя тень протяженную непрозрачного тела, можем ли что-либо заключить о причине, тело произведшей, или сказать, что она есть вина существованию тела? Так и все, что есть действие сравнения, не может почестся причиною, оное производящею. Если сказать можем, что насвист снегиря или песня канарейки родили канарейку и снегиря, то и соразмерность, порядок, красота суть сами по себе, а не произведения сравнения. Заключим, возлюбленные мои, не обинуясь, что поелику все вышесказанные свойства суть произведения сравнения, а сравнение предполагает суждение, а сие рассудок и мысль, то все, что есть произведение сравнения, не может иначе быть, как в силе мыслящей и в ней токмо одной; итак, все сложное, поколику к сравнению относится, начало свое имеет в мысленной силе. Засим возможно ли, чтобы мысленная сила, причина, вина и источник всяческого сравнения, возможно ли, чтобы она была действие самой себя, чтобы была как соразмерность или благогласие, чтобы ее целостность состояла из частей, лежащих одна вне другой? ибо все сие действие мысли предполагает и не иначе может приять действительность, как чрез нее. Итак, поелику всякое целое, состоящее из частей, одна вне другой находящихся, предполагает сих частей сравнение, поелику сравнение есть действие силы мысленной, то не можно силу сию приписывать целому, из частей состоящему; ибо сказать сие то же будет, если скажем, что вещь происходит от своего собственного действия. Нелепость сия столь велика, что дальнейшее о сем разложение не иное что, как скуку навлечь может.

Вторая и последняя возможность, что душа, или мыслящее существо, проистекает от сложения телесных органов, состоит, как то видели, в том, что она есть сила или действительность сложения. Дадим себе сие в задачу и рассмотрим оная существенность, а потому и истинность.

Действительность, или сила сложения, основание свое имеет в силах составляющих частей его. Например: шар Монгольфьеров имеет силу вознести человека превыше облаков, превыше области грома и молнии; но если бы оный не был наполнен веществом легче воздуха, нижнюю атмосферу наполняющего; если бы не был сделан из

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

ткани, для вещества сего непроницаемой; если бы количество его не было соразмерно подъемлемой им тяжести, то не мог бы он возвестись, не мог бы сделать то действительным, что до того времени едва ли возможным почитали. Следовательно, сила целого, или сложенного, проистекает из действительности частей его. Силы же частей, целое составляющих, или сходятся с силою целого, или с оною суть несходственны. Что такое силы частей, сходящиеся с силою целого, довольно ясно. Например: возьми светильник, сплетенный из десяти свечей, из коих каждая имеет светильню отделенную. В сложении своем светильник дает свет, но свет сей происходит от того, что каждая светильня горит. Раздели свечи; они дадут каждая свет; сложи их, дадут все свет совокупно, но он будет сильнее. Но здесь не рассуждается о усугублении великости сил, а о их сходственности. Взгляни на Кулибинский ревербер. Горит пред ним одна лампада, а вдавленная за ним поверхность отражает ее свет. Но сие отражение составлено из отражения всех зеркальных стекол, ревербер составляющих. Возьми одно из стекол: оно свет отразит; составь все вместе, они также свет отразят, но многочисленно: все будет свет, но ярче. Но мы рассуждаем, повторяю, о сходственности сил, а не о великости их. Итак, силы частей могут с силою целого быть сходственны, или же силы частей не сходятся с силою целого и суть от нее отличны. Пример благогласия, происходящего от единственных и по себе особых звуков и в особенности своей ничего опричь простого звука не производящих, может здесь быть в объяснение. Слыхали ли вы, любезные мои, роговую егерскую музыку, которая изобретатель у нас был обер-егермейстер Нарышкин и которая в действии своем с церковными органами столь может быть сходственна? Вам известно, что она исполняется посредством охотничьих рогов. Каждый рог производит один звук, и нередко звук весьма грубый; но искусством доведено, что хор роговой может играть разные музыкальные сочинения. И столь ясно действие, от общих роговых звуков происходящее, что буде находишься очень близко того места, где на них играют, то вместо благогласия слышны почти нестройные звуки. Удались от них, – зыбление воздуха, становясь плавнее в отдалении, отъемлет грубость роговых звуков, и благогласие явно. Сие может служить примером, поколику сила целого не сходитсвою может с силами частей. Сие правило может иметь сотичные приложения, и примеры оному могут быть многочисленны. Вследствие сего скажем: силы частей, из коих происходит сила мыслящая, суть с нею сходственны, то есть так же, как и она, суть силы мысленные; или же они с нею не сходятся, то есть, что силы частей, коих сила мысленная есть произведение, суть другого существа и не мысленны. Третье средство кажется быть невозможно. Но мы видели прежде, что всякое целое происходит от сравнения, от соображения мыслящего существа и существовать может только в нем; ибо части суть сами по себе, силы частей суть сами по себе, существуя в своей особенности, действуя каждая сама по себе, но в сложении изменяясь токмо и ограничиваясь взаимным действием, сохраняя, однако же, начальную свою свойственность. Упражняющимся в химии довольно известно, что соль кислая с солью щелоческою есть качества совсем отменного; произведи из них смешение, то выйдет из них совсем соль новая или соль средняя; и хотя действие соли средней не есть действие соли кислой, ни соли щелоческой, однако она сохраняет в смешении своем начальное свое происхождение, заимствуя свойства обеих солей. Итак, невозможно, чтобы сила новая в целом произошла единственно от действия взаимного сил частных. Но если таковая сила новая и от частных сил отличная должна понимаема быть в целом, то нужно, чтоб было мыслящее существо, которое оную составило из сравнения или соображения частных сил. Пример выше приведенный о смешении краски синей с желтою сие объяснит. Удивительное стекло показывает их особенными и в самом их смешении; но глаз в смешении сем зрит зеленость. Таковых примеров можно из чувственности нашей почерпнуть несчетное количество. Итак, поелику происхождение силы целого, не сходящейся с силами частей, предполагает сравнение или соображение, а сии предполагают существо мыслящее, то следует, что сила мысленная не может проистекать из частей, таковой же силы не имеющих; следует, что сила мыслящая в целом или сложенном должна проистекать из частей, силами равными одаренных, то есть из сил мыслящих. Сие будет предлог нашего разыскания.

Сие мнение, что мысленная сила, а потому и чувственная, есть произведение частей, с нею сходящихся, при первом взгляде покажется вероятным; ибо 1, пребывания чувств наших суть различны. Очи видят, уши слышат, язык вкушает, нос обоняет, осязание распростерто по всей поверхности тела. 2, Когда враждебное орудие уязвит руку, боль чувствую в руке; когда огонь приблизится ноге моей, в ней сжение чувствую; когда яства вкушаю, приятность оных чувствуюема в моей гортани; воздух благорастворенный, растягивая легкое без раздражения, дает чувствование приятное; любовное услаждение чувствуюема наипаче в органах, на даяние жизни устроенных. 3, Мы чувствуем, что мысль наша пребывание имеет в

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
голове, и опытами знаем, что расстроенный мозг рождает расстроенный рассудок; но мозг есть тело сложное, имеющее части, следовательно, и мысли могут находиться в нем частно. Вследствие сего опыт учит, что чувствие распространено по всем членам, а умствование скажет, что и мысль также распространена. Но рука, от туловища отделенная, нос, от главы отъятый, что чувствуют? Но были примеры, что и без руки рука была чувствуема. Не обоняем ли часто то, что от нас отдаленно? Воззри на предстоящий тебе предлог, зажмурь потом глаза, – не зришь ли его пред собою? Отделенный от вас, о возлюбленные мои, на целую четверть окружности земного шара, когда захочу вас видеть, воззову из внутренности мысленного хранилища образы ваши; я зрю вас пред собою, беседую с вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мне насаждена, и, отдаленный, я живу с вами.

Рассудим еще и сие. В душе нашей находится несчетное количество понятий, познаний, склонностей, страстей, которых беспрестанная деятельность упражняет нас беспрестанно. Где находятся они? В коих частях тела лежат рассеяны? Или находятся разделенны иные там, иные инде, воспрянув единожды и никогда не повторяемы; или же все они в единую часть собираются, сопрягаются и составляют связь? Одно из двух: или каждая часть тела имеет силу мыслящую, следовательно столько в человеке мыслящих сил, сколько в нем членов или паче стихийных начал; или же она есть единая. Если силы сии многочисленны, пускай каждая из них душа есть совершенная, то нужно, чтобы все сии рассеянные души свои понятия и чувствования относили в единую среду, дабы составлялось целое; а без того, рассеянные везде, одна к другой не будет принадлежать, мысль не будет следовать мысли, ни заключение из посылок; не возможем мы ни вспоминать, ни сравнивать, ни рассуждать; одни могут быть понятия, но и то всякое по себе, отдаленно, особенно, не входя ни в какую связь; и человек сего мгновения не будет ведать, тот ли он, что был за одно мгновение. Он не будет ныне то, что был вчера. Итак, нужно, чтобы для составления нашей единственности, нужно, чтобы была в нас единая мысленная сила и при том неразделимая, непротяженная, частей не имеющая; ибо если в ней подозреваемы хотя будут части, то паки выйдет разногласие частей, единую среду требующих; нужно паки прибегнуть к тому, нечто соображающему, соединяющему в едино, что частями производимо, действуемо, чувствуемо, мыслимо. Следовательно, стремясь в противную стезю, мы обрящем себя там, где были прежде. И что претит нам, да назовем сие существо, особенность нашу составляющее, сию силу нашей мысленности, сие могущество, соединяющее воедино наши понятия, склонности, желания, стремления, сие существо простое, несложное, непротяженное, сие существо, известное нам токмо жизнию, чувствованием, мыслию, что претит, да существо сие назовем душою?

Не можно, друзья мои, не можно после всего сказанного усумниться более, чтобы душа в человеке не была существо само по себе, от телесности отличное, дающее ему движение, жизнь, чувствование, мысль. Она такова и есть в самом деле: проста, непротяжена, неразделима, среда всех чувствований и мыслей, – словом, есть истинно душа, то есть существо, от вещественности отменное, и хотя между сими двумя и есть сходствия (действие их взаимное то доказывает), но силы, известные нам, одной суть от сил другой отличны. А хотя бы кто еще и хотел назвать душу вещественною, то сие будет напрасное слово: вещь сама в себе и то, что составляет мысль, что особенность каждого из нас составляет, наше внутреннее я пребудет ни сила магнитная, ни сила электрическая, ни сила притяжения, но нечто другое. А хотя бы она была в источнике своем с ними одинакова, то, проходя в теле органическом, в теле человека, проходя столь искусственные его органы, столь к усовершенствованию способна, что в соединении с телом она является силою лучше всех других известных сил, паче всех, лучше всех; а какова может быть усовершенствовавшись в телесности нашей, то едва нам понимать возможно. И как бы то ни было, всегда нужно мыслящее существо, чтобы было понимаемо протяженное и образованное; понимающее предшествует всегда понимаемому, мысленное идет вослед мыслящему; нужно мыслящее существо для составления целого; без мыслящего существа не было бы ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего; не было бы ни постепенности, ни продолжения; исчезло бы время, пресеклось бы движение, хаос возродился бы ветхий, и паки бы настала вечность.

Для ищущего истину нелицемерно доказательства о бессмертии души могут распложаться по мере желанья его познать сие таинство; ибо они рассеяны везде, и можно сказать, что вся природа свидетельствует о бессмертии человека. Но паче всего он в себе носит не токмо доводы и доказательства, что в смерти не есть его кончина; но он о истине сей имеет убеждение, убеждение столь сильное, что за слабостию умственных доказательств оно одно становится для него уверением. А хотя и не имеет он о бессмертии своем математическая ясности, но глас

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
внутреннего его чувствования, но столь явная его личность, столь единственное его я, от всего в нем отделенное и все в себя собирающее, едва ли о сем, столь многим распрям подверженном предложении, едва ли не рождает в нем очевидность.

Доселе доводы мои были просто метафизические, единственно умозрительные, основанные на общем рассмотрении веществ; и хотя для кого-либо из вас убедительными быть могут, для других они покажутся слабы. Я сам знаю, чувствую, что для убеждения в истине о бессмертии человека нужно нечто более, нежели доводы умственные; и, поистине, касающееся до чувствования чувствованием должно быть подкрепляемо. Когда человек действует, то ближайшая причина к деянию его никогда есть умозрительна, но в чувствовании имеет свое начало; ибо убеждение наше о чем-либо редко существует в голове нашей, но всегда в сердце. Итак, для произведения убеждения о бессмертии человека нужны чувственные и, так сказать, сердечные доводы, и тогда, уверив в истине сей разум и сердце, уверение наше о ней тем будет сильнее, тем будет тверже. Но прежде нежели мы обратим взоры наши на самих себя для отыскания доводов о бессмертии нашем, обозрим оком любопытным всю окрест нас лежащую природу; соберем рассеянные ее виды, о бессмертии человека уверяющие; потом, сошед во внутренность нашу, положим венец нашему рассуждению.

Воззри на все, окрест тебя живущее; прости любопытство твое и на то, что мы почитаем неодушевленным; от камня, где, кажется, явственна единая сила сцепления, где части, прилепленные одна к другой, существуют, как будто одна близ другой токмо положены, от камня до человека, коего состав столь искусствен, в коем стихии являются в толико различных сложениях, в коем все действователи, в природе известные, суть сложенные воедино, являют организацию превыше всего, чувствам нашим подлежащего; в коем явны кажутся быть силы, вещественность превышающие и деятельностью своею, скромностию и энергиею участвующие силе всезидущей; от камня до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственна сия лествица веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется, различествуют, что единого другому собратным почесть можно с уверением; лествица, на коей гранит, рубин и адамант, железо, ртуть и золото суть однородны алою, тюльпану, кедру, дубу; где по чреде сии суть братья мотыльку, змие, орлу, жаворонку, овце, слону, человеку; лествица, на коей кристаллизация и минерализация заимствуют уже силы растительной, на коей коралл, губа, мох различествуют токмо утробою, в ней же зарождаются; лествица, на коей сила растительная, расширяя в другом сложении свою энергию, переходит помалу в раздраженность, а из сея в чувствительность, где чувственница и полип содействуют; лествица, где чувствительность, распложаясь в чувственности, совокупляется с умственною силою; где орангутанг и пещери кажутся быть единоутробны, – потом все силы сии, теснясь воедино и расширив свою энергию, отверзают уста в человеке на глаголение и, влеча его насильственно в общественное сожитие, делают его способным постигать даже вселенная зиждителя. О смертный! воззри на свою телесность! ты еси земля, прах, сложение стихий, коего дивность толика же в камени, как и в тебе! труп твой, столь благолепный в жизни, жизненный искры лишенный, есть снесь червию и участок согнития и разрушения. Но воззри на разум свой всеобъемлющий, – олтарь тебе готовлю: ты бог еси! Итак, двух конечных свойств заимствуя, вознесися превыше всех твари, над нею же поставлен, но не мечтай на земли быти более, нежели еси. Но ты человек, есть в тебе надежда, и се степень к восхождению; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебе быть определено, гадай! Если сия постепенность, если сия лествица восхождения в веществах не есть пустой вымысел и напрасное воображение, то неминуемо надлежит предполагать вещества превыше человека и силы невидимые. От самого неодушевленного даже до человека образы организации возрастают, и по мере искусственнейшего образа многообразнее становятся в нем действующие силы; но далее человека, изящнее и искусственнее его сложения мы не знаем. Он кажется быть венец сложений на земли. Но сии сложения, сколь они ни кажутся быть различны, имеют сходственность удивительную. Во всех трех царствах ростение и соблюдение твари есть усвоение, да и самое питание в животных не что есть иное, как усвоение; во всех трех царствах различие полов кажется быть для распложения необходимым, и что сие различие в царстве ископаемых нужно, кажется зарождение селитры и металлов суть тому доказательства. Но сии сходственности вообще возрастают, так сказать, постепенно к совершенствованию от неодушевленного даже до человека; и если захочешь преследовать единую из начинающих сил и обработывание ее в различных организациях, то, взяв в пример единое усвоение, увидишь, что в ископаемых производит она охрустание, не говоря о других ее действиях, в растениях цветы

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
и плод, в животных органы чувственные, орган мысли, мозг. Вообрази же расстояние кристалла от органа разума и помысли, что может единая из сил естества.

Восхождение сие явно во всех сложениях. Чем сложение искусственнее, тем части, его составляющие, многообразнее, различнее и более заимствующие от нижних сложений. Все возможные силы, сколь нам они известны, соединены в человеке и действуют совокупно: в камени примечается простое усвоение; в растениях сила растущая и плодящаяся; в животных и то и другое, но паче чувствительность, мысль; а человек познает уже первую всему причину. Но неужели человек есть конец творению? Ужели сия удивления достойная постепенность, дошед до него, прерывается, останавливается, ничтожествует? Невозможно! и если бы других не было причин, то и для того только сие было бы невозможно, что человек телесностию своею столь много различествует от умственности своей, что, находя одной его половине сходственность с веществами нисходящую, нельзя не утверждать бытие восходящей сходственности с другою его половиною.

Уверение наше, что человек в настоящем своем виде не есть организации окончание, что он есть существо двуестественное, уверение сие, почерпнутое из постепенности видов организации, почерпнутое также из постепенности в сложении естественных сил, получит немалое подкрепление, если мы рассудим, вождаясь в том прилежным природы наблюдением, что 1, никакая в природе сила не действует без органа, без свойственного ей орудия; 2, что никакая сила в природе не может пропасть, исчезнуть; а если в том и в другом последовать может убеждение, то явственно будет, 1, что в человеке есть сила, которой тело его есть токмо орудие; 2, что сила сия и по разрушении тела не уничтожается, что может всегда существовать, может жить от тела отделенна, следовательно, что она есть бессмертна.

Что сила не есть орган и, наоборот, что сила не есть действие органа, что сила без орудия, ей свойственного, нам не может быть известна, что сила существует без органа, все сие доказывает опыт. Например: сила магнитная отлична от куска стали, чрез который явны нам ее действия; ибо соверши известные с оною силою опыты, выставь заостренное железо перпендикулярно, оно будет магнит; ударь по острию, магнитную силу имеющему, она в нем исчезает; три его паки в одинаковое направление, и паки приобщится к нему прежняя сила. Из сих опытов явствует, 1, что сила магнитная существует нам невидимо и в железе; 2, что она нам явна бывает токмо тогда, когда приходит в железо; следует 3, что железо есть орган силы магнитной, а не действие ее; следует 4, что сила магнитная есть сама по себе. То же можно сказать и о силе электрической и проч. И кажется, 1, что все силы естественные невидимы суть и нам явственны бывают токмо, действуя чрез свое орудие; 2, что они, нашед оное, к нему прилепляются.

Если же мы обратим взоры наши на силы, явственные в организациях, то более еще убедимся, что свойственный им орган нужен, да явственны будут, что они к органу своему прилепляются и что они оный устроят, да сами паки явятся во всем совершенстве. Когда зерно, разверженное теплотою, начнет расти, когда яйцо начнет образоваться в птицу насижением матки, когда животное зачнется во утробе самки, не можно ли сказать, что им сообщается теплота жизненная, как то железу сила магнитная? Но се и различие силы подчиненной, единственной, какова есть магнитная, от силы жизненной. Едва сия нашла свойственный ей орган, то, прилепяся к нему, усвоят себе все стихии, все силы подчиненные; разверзает или паче творит орган свой посредством усвоения совершеннее. Орган ее совершенствует, и она с ним могуществует и достигает той вершины совершенства, которое орган ее дать ей может. Что есть сила сия, жизнь дающая? Едва ли угадать можем, если скажем, что она есть свет, эфир или что-либо им подобное. Она ли есть посредство между души и тела? Она ли есть ее вожатой на образование тела? Что бы то ни было, силе нужен орган, да действует, да явится в деяниях своих; следует, что тело наше есть орган нашей души, в коем действия ее разнообразно являются. И положим, что душа наша есть вещественна; положим, что она не иначе действует, как и другие силы; положим и то (и сие вероятно), что они в теле посредством нервов чувствовать изучились, что посредством мозга изучились мыслить; положим и то, что она есть та же сила, которая является нам в других образах, например, в движении, в притяжении, в раздражительности; но может ли сила какая-либо пропасть, уничтожиться? ибо, что такое назовем силы уничтожение? Мы видели, что сложенное может токмо разрушиться, но остаются части; но как вообразить разрушение силы? Даже понятие о сем есть противоречие само в себе, более противоречие, нежели сказать, что нечто в ничто обратится. Что всеоживляющий, говорит Гердер, к жизни воззвал, живет; что действует единожды, действует вечно.

И понеже вообразить себе не можем, что сила какая-либо уничтожится, кольми паче нелепо есть воображать, что начало, в человеке действующее, что мыслящее его существо, что душа его уничтожится долженствует, когда есть сила, когда сила от органа отлична и не может быть его действие, то как вообразим ее уничтожение, уничтожение силы из всех на земли благолепнейшая, себя самую познающая, собою управляющая, в деяниях своих уподобляющаяся силе творчей? Она ли может уничтожиться, когда ни единая пылинка, атом единый не могут изыти из пределов творения! ибо что есть уничтожение? Изъятие из вселенной, претворение в ничто. То и другое суть пустые слова, и опровергать их будет токмо времени потеря бесплодная и невозвратная. Нет! не токмо сила, в человеке чувствующая и мыслящая, не исчезнет; но вследствие непрерывного шествия, в природе явного, она перейдет в другой вещи порядок. Ибо, если в природе явно, что нижняя организация служит для высшей; если грубые земные части в растениях претворяются в тончайшие; если сии суть снедь животным, а все служат человеку, по изречению одного автора, наивеличайшему убийце на земли; если в животных низшие и простые силы претворяются в сложнейшие и тончайшие; если сия элаборация столь приметна в нижней естественности, ужели она остановится при человеке? Если растения и самые животные служат человеку в снедь, к чему же нужен его мозг, и нервная влажность, и то, что раздраженность мышц делает? Все силы стремятся выше, да в человеке соединены будут; ужели силы, в нем усовершенствованные, ни к чему не послужат? Ужели наилучшая организация определена разрушиться, не оставляя по себе ни малейшего следа? или же все силы, теснившиеся в сложении человека, будут напрасны и токмо разойтись определены? Нет; столь безрассудно божество не определяло! тут не было бы цели, ни намерения, и мысль всесовершенная, всемогущая, предвечная была бы ненацеленна! Се хуление!

Нашед для нас самих, по крайней мере, в общем шествии естественности некоторое уверение, что душа наша, яко единая из сил естественных, исчезнуть не может по разрушении тела, к нему же здесь живет прилепленна, мы постараемся отыскать в нас самих чувственных доводов, которые бы водворять могли в душе нашей ближайшее убеждение о ее нетленности; дабы из того усмотреть, угадать или же предощутить токмо, хотя несовершенно, каково будет ее состояние по отделении ее от тела.

1. Сколь ни искусственны суть доводы Гельвециевы, что все деяния разума суть не что иное, как простое чувствование; что способность понимать, судить и заключать не что иное есть, как чувствовать способность; но хотя бы то так и было, из того следовать только может, что чувственность есть токмо орудие разумных сил, но не действует; что чувствовать (то есть получать на чувства наши ударения предметов) есть самая сила, чувствованиям и мысли действительность дающая. Но паче наблюдения чувствований наших учат нас, что мысль от чувств совсем есть нечто отделенное; ибо когда предмет какой-либо предстоит очам моим, каждое око видит его особенно; ибо зажмурь одно, видишь другим весь предмет неразделимо; открой другое и зажмурь первое, видишь тот же предмет и так же неразделим. Следует, что каждое око получает особое впечатление от одного предмета. Но когда я на предмет взираю обеими, то, хотя чувствования моих очей суть два, чувствование в душе есть одно; следовательно, чувствование очей не есть чувствование души: ибо в глазах два, в душе одно. Или же я вижу колокол, я слышу его звон; я получаю два понятия: образа и звука; я его осязаю, осязаю, что колокол есть тело твердое и протяженное. Итак, я три чувствования имею вдруг, совсем разные, ибо получены мною разными чувствами, но вдруг, в одно мгновение; но я себе из трех чувствований составляю единое понятие и, изрекши: колокол, – все три чувствования заключаю в нем. Итак, хотя все три чувствования различны, я вдруг их понимаю; и хотя понятие об образе, звуке, твердости и протяжении суть различные, но существуют в душе совокупно. Итак, чувствование или ударение предметов на чувства наши суть от понятий наша мысленная силы отличны. Если же отличны суть понятия от чувствования и деяния силы от органов чувственных отличны, то наипаче отличествуют от чувственных впечатлений наши суждения, а паче того еще заключения. Суждение есть сравнение двух понятий или познание отношений, существующих между вещей. Но вещи существуют сами по себе, каждая в своей особенности; познание же отношений их, сравнение оных предполагает сравнителя. А как вещи производят на чувства наши простые токмо ударения, то суждения от чувствований суть отличны. Не имею нужды расплывать слова о заключениях и рассуждениях, которые суть извлечения из суждений. И хотя все наши понятия, суждения и заключения, и самые отвлеченнейшие идеи, корень влекут от предметов чувственных, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственная? Они суть истинные произведения мысленных сил; и если бы она в нас не существовала, если бы она быть могла токмо следствие нашей чувственности, то

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
не токмо наука числ и измерения не могли бы возродиться, но исчезла бы вся нравственность; великодушие, честность, добродетель были бы слова без мысли и – о всеильный! погубилося бы твое всемогущество. Да не возразят нам примером отроковицы, обретенной в лесах Шампани; что я покоюся и сплю, из того следует ли, что уже руки мои не осязает и ноги ходить перестали? Когда бы сила умственная не была сила по себе, Ньютон был бы не лучше самоеда, и падшее на него яблоко расшибло бы ему токмо нос, и притяжение небесных тел осталось бы неугаданным.

2. Душа в человеке не токмо имеет могущество творить понятия, как то мы видели, но она есть истинный оных повелитель. Когда чувства отнесли ей собранные образа предметов, на них ударявших, когда память соблюла их в своем хранилище, кто может сам у себя отрицать силу воздавать соблюденную мысль в действительность? От сна аки бы воспрянув, велением моея души мысль облекается паки во образ свой и выходит на зрелище пред воззавшую ее. Но сего еще мало. Протекая все исполненные образами вещей хранилища памяти, сила умственная не токмо может их по желанию своему воззывать на действительность, но, аки новая Медея, рассекая на части все образы соблюденные, творит из смешения их образ совсем новый, прекраснейший. «Энеида», «Генриада» суть ли простые изречения чувствований? Законоположение Ликургово, паче всех земных законоположений согласнейшее во всех частях своих, есть ли произведение чувств? Иль ухо, или глаз, или нос были их творители? Когда ты читаешь картину лобзания первого мужа и жены в Эдеме; когда ты воззришь на изображение последнего суда и не почувствуешь, что сотворить могла их единая токмо сила, что сила их образовала во главе Мильтона и Михаила Анжела, то и я на то согласен, отрицаю во главе твоей быть силе; ты кукла Вокансонова.

3. Ничто, по мнению моему, толико не утверждает, что душа есть сила, и сила сама по себе, как могущество ее прилепляться по произволению своему к одной идее. Сие называем вниманием. И, поистине, когда возникнет в душе воля и велением ее воззовется от покоя идея на действительность, воззри, как душа ее обозревает, как она ее раздробляет, как все ее виды, стороны, отношения, следствия она обтекает. Все другие мысли воззываются только для того, чтобы та, на которую устремлено внимание, становилася яснее, блистательнее, лучезарнее. Сравни устремляющего на идею все свое внимание с тем, коего внимание в разные расторгено стороны. Один из них Эйлер, другой большого света стрекоза, расчесанный в кудри и ароматами умащенный щеголь. – Что душа мыслями повелевать может, доказательство тому имеем в состоянии сна и болезней, не исключая и самого безумия.

4. Сон есть то, худо еще познанное, ежедневно возобновляющееся состояние животного, в котором действие внешних предметов на все или некоторые его чувства ему бывает неизвестно. В сем положении мысленность его на приобретение новых понятий неспособна, ибо чувства внешние покоятся; но творительная ее сила не коснеет. Проходя хранилище своих мыслей, она отвлекает от сохранных понятий свойства по произволению своему и, сопрягая их, вследствие совсем новых правил, производит образы, коих единая возможность для бдящего есть неистощимая загадка. Нет для нее невозможного; свойства, которые противоречащими быть кажутся, для силы умственной, отвлеченной от чувств, суть сходственны; из неправильного она в сновидении творит правильное, из уродливого благолепное; то, что во бдении она едва ли подозревать быти возмозет, во сновидении воззывает в действительность. Происшествия целых столетий вмещает она в единую минуту; пределы пространства почти уничтожает своею быстротечностию; беспредельное она измеряет единым шагом и, преторгнув течение времени, объемлет вечность. О сон! брат смерти и смежность вечности! прости мрачный покров твой на томящееся сердце! да возникнут образы возлюбленных моих предо мною! Да лобжу их и блаженствую!

5. Если мысли сновидящего кажутся быть расстроены по той единственной, может быть, причине, что чрез меру живы суть, то с удивлением взирать должно на лунатиков, или ночных бродяг. Все известные о них примеры доказывают, что они в сонном своем хождении не токмо следуют правильному расположению мыслей, но что в сем положении власть мысленности над телесностию не исчезает; ибо лунатики имеют употребление своих членов подобно бдящим. Что они в сем состоянии предприимлют, поистине удивления достойно. Чужды всякого устрашения восходят на высоты, на которые во бдении с ужасом взирают. Сказать, как некоторый немецкий писатель, что они для того отважны, что не знают опасности, в которую вдаются, есть не что иное, как мнить, что можем всему назначить ясную причину. Конечно, лунатик, идущий по кровле высокого строения, не знает опасности; но опасность существует

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
ли для него, или кто его от нее блюдет? Если тот, кто по веревке ходить изучен, опасности в том не знает, то следует ли, что и другой оный отчужден? Опытность, искусство дают сему лучшее шествие. Лунатик, коего чувства внешние в бездействии, вождается источником чувствования и мысли – душою.

6. В состоянии сна, когда душа чувств лишена, тогда простая идея толико же жива, толико же явственна, как наживейшее чувствование. То же самое происходит и в некоторых болезнях. Отторженная насильственно, так сказать, от союза своего с телом болезнью его, она с вящею действительностью возвращается сама в себе. Наивидительнейшие тогда бывают явления, коими врачебные летописи изобилуют. А чтобы не искать дальнейшего примера, будучи я болен жестокою лихорадкою, бывали мгновения, в которые я со врачом, предпривышим тогда мое пользование от сея болезни, говорил латинским языком столько плавно и правильно, что когда по прошествии моей болезни о том мне сказывали, я дивился тому немало; ибо хотя я разумел язык древнего Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяснял на оном моих мыслей, и всегда мне стоило великого труда сложить период единый. Итак, посредством хотя мозга, но внутреннею своею силою, душа, в каком бы ни была состоянии, не может отчуждаться своей деятельности в творении мысли; и если не может творить что-либо правильное, творит хотя уroda, но творит, созидает, зиждет.

7. Воззри на лишенного рассудка, воззри на беснующегося. Ты скажешь, что душа ничтожествует в них, что нет ее, что орган мысли расстроенный равняет их скоту, зверю. Но наблюдай шествие его мысли. Пораженный единою идеею, он все относит к ней, все к ней прилепляет; он не так судит о вещах, как они ему представлялись, последование его мыслей не сходствует с чувствованиями, их родившими; он все сочетает новым порядком, все наклоняет под властвующую над ним мысль. Се беснование его! судит же сам; се вышняя токмо степень внимания; и для того, различныя ради хотя причины, по просторечию речем: юроде! ты еси человек божий!

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направлению следует сочетание наших идей? Приметили ли вы, как с детства душа ваша училась сравнивать, измерять, училась совершенно и посредством чувств? Но как можно сказать, что чувства наши чувствовать учились? Не они, но душа; ибо образ, в глазу начертанный, был с первого дня таковой же, как днесь. Но ведало ли дитя, что есть сей образ? Взвизывая на Ивана Великого, чувствует ли оно уродливую его соразмерность? Или: рассматривая Баженовы образцы зданий, понимает ли, что в зодчем сем присутствен дух Браманта? Когда бы я не имел убеждения ниоткуда, что сила душевная, что разум есть особое что-либо от телесности, то вообразил бы я себе Фридрика II в его детстве, взвизывающего на устройство войск принцем Ангальтским, и потом стоило бы мне токмо взглянуть на его размерение долины при Молвице. Там взор веселящегося куклами; здесь око орлиное, одушевленное славы алчбою. Там есть токмо простое чувствование; здесь мысль ироя, преходящая в действительность. О, если бы, великий муж! слава твоя не стоила толиких слез человечеству, толиких стенаний! –

9. Мне кажется, одно из сильнейших доказательств о бестелесности души можем мы почерпнуть из нашей речи. Она есть наилучший и, может быть, единственный устроитель нашей мысленности; без нее мы бы ничем от других животных не отличались, и сие доказывают жившие нечаянно от людей в отдалении совершенном. Кто сказать может, что речь есть нечто телесное? Тот разве, кто звук и слово почтет за одно. Но поелику различествуют сии, тако различествует и душа от тела. Звук знаменует слово, слово возбуждает идею; звук есть движение воздуха, ударяющего в тимпан органа слышания, но слово есть нечто живое, до тела нашего не касающееся; слово идет в душу; звук в ухе исчезает.

10. Чувственное расположение тела всякого животного уведомляет, что оно существует, что оно живет. Равно чувства напоминают человеку о его чувственности; но сие познание своего бытия в животном столь тупо, столь мрачно, так сказать, что с самопознанием человека ни в какое сравнение войти не может. Он один столь живо, столь ясно ощущает, и что он существует, и что он мыслит, и что мысль его принадлежит ему. Когда душа его возносится к познанию истины и он ее уловляет в ее святилище, тогда-то наипаче возрождается в нем яснейшее познание бытия своего, и сия ясность его особенности, столь живая, столь единственная, столь неразделимая, знаменует внутреннее его могущество, силу в нем живую.

Возражают утверждающим души бестелесность, а потому и бессмертие, что тело

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
действует на нее всемогущественно; но внимали ли вы когда, колико власть души над телом оное превышает? Мы видели, что мыслями она повелевает, что рождает она их; но она толико властвует или может властвовать над нашими желаниями; но не токмо над желаниями, но над самую болезнию телесною она владычествовать может, и не токмо владычествует над нею, но, яко сон, производит то невольным образом, человек может сложить с себя чувствительность самопроизвольно и жить бестелесен в самом теле. Рассмотрим все сие порознь и преидем потом к способности совершенствования в человеке, в которой мы обрящем корень будущия наша жизни.

1. Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностию столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует рука твоя? скажи, что движет твои ноги? в главе родится мысль и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? Конечно, и то другое или тому подобное. Но как бывает, что мысль, и всегда почти неясная, движет член? Ты скажешь: не ведаю; и я скажу то же. Но в том согласиться должен, что сколь бы махина ни была искусственна, какая бы из вещественных сил, опричь мысли, ей ни была дана, то никогда не произведет действия подобного твоему; ей будет нужен источник движения, который живет в тебе: она себе велеть не может. Толкни ее, она движется, а без того стоит; но движение твое принадлежит тебе: ты еси единый от источников оного. И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хочу, – и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действие; всесильный рек: да будет свет, – и бысть. И ты речешь себе: иди, – и шествуешь. О человек! В округе своей ты всесилен; ты еси сын мысли! ты сын божий!

2. Колико человек властен над своими мыслями, толико же он властен и над своими желаниями и страстями. Хотя мы видим, что большая часть людей предаются стремлению оных, но суть и были примеры, что люди страсти свои совсем попрали; и хотя оно безумием кажется и казаться может и нередко то быть может, но тут видима власть души над телом, и власть сия есть самодержавна. Протеки жизнь древних пустынножителей и скажи, что тело их было душе не подвластно. Если удивляешься воздержанию Сципиона, не хотевшего зреть своя прекрасная пленницы, то для чего же не дивишься воздержанию пустынножителей? Умерщвление страстей совершенное есть уродливо: ибо противоречит цели естественной; но есть явное и сильное доказательство власти души над телесностию. Если бы и душа была телесности действие и произведение организации, то примеры толикого безумия не могли быть никогда. И се видишь, что и в самом отчуждении рассудка душа действует, вследствие особых правил, и не телесно.

3. Но самые страсти, самые желания наши суть действия наша души, а не телесности. Хотя корень их веществен есть, хотя и цель оных нередко такова же; но что дает страсти в человеке толикую энергию и силу? Что силы дает ему на преодоление препятствий? Все, что делает тело, все вяло, все тяжело. Душа действию дает жизнь, и все легко. Воззри на влюбленного, воззри на сребролюбца, воззри на алчущего славы. Или думаешь, что одна телесность их вождает? И дабы менее усомниться, что не токмо душа дает страстям ту удивительную действительность, которая в них примечается, то возьмем в пример наителеснейшую из страстей, любовь. Кто не знает, что любовь платоническая на земле есть бред, что источник и цель любви суть телесны? Но вообрази себе все, что человек любви ради подымлет; пройди примеры многочисленные, где любовь, отделяясь своего начала, где, цель свою теряя из виду, дает душе влюбленной (ей! душа влюбленна есть) столь силу превосходную, энергию толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мысленна. А дабы убедиться, что страсть есть действие, и действие ее единственное, то сколь скоро тело становится части причастно, то страсть исчезает. Из сего судить можем, чем предмет страсти менее веществен есть, тем она живет быть может и продолжительнее; чем удовлетворение страсти бестелеснее, тем страсть продолжительнее. О дружба! о страсть души усладительная! если ты на земле бываешь надежнейшая отрада сердца, то что будешь ты, когда душа, отрешенная от чувств внешних, сосредоточивая сама в себе, вознесет действительность свою на превыспреннейшую возможность? Какое будет наше чувствование, когда усретимся за пределами мира сего? Где взять ему имя, когда едва ли мысль может его постигнуть? Пускай я брежу; но бред мой мое блаженство есть; и разве зависть, разве мучительство захочет прервать мое сновидение! не бойтесь; мгновение сие изъято из пределов мира, и кто за них возможен?

4. Что душа, или мысленность, властвует над болезнями тела, то может быть и бывает двояко. Болезнь возможен она дать телу и болезнь отъяти. Я не утверждаю,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
что все болезни в мысленности имеют свое начало; сие было бы нелепо и опытам противоречуще. Но если во множестве неисчисленных оных суть несколько, которые суть мысленности действие непосредственное, то утверждаемое мною уже более нежели вероятно; равно не утверждаю, что на все болезни лекарство существует в мысленности, или душе. Но если имеем примеры явные, что многие единственным и простым действием души были исцеляемы, то кажется, что бы и сии духовные лекарства достойны равно в диспесториях заслуживать место, как-то: хина, меркурий и весь прочий аптекарский припас. Если кто спросит у меня: каким образом душа дает болезнь телу и как она его лечит? Лечит она его, не щупая пульса и не смотря на язык; болезнь же дает, не отравляя. Более не скажу, ибо не знаю; но то, что всем известно быть может, на том основан будет мой довод.

О! вы, на коих печаль простирала свое жало, свидетельствуюся вами. Вас видел я в изнеможении телесном, вас бесчувственными я зрел, когда разящая весть блаженства вас лишенных объявляла. Или единое слово столь могущественно быть может, что угрожает жизни? Но что оно? Зыбление воздуха. Ужели он толико мгновенно может исполниться ядом и отравой, что шлет смерть и болезни? Какая зараза рассеет в нем мгновенно; какое вещество, какое химическое действие воздух жизненный может претворить в воздух горючий и смертоносный? – Но на что печали посредство зыблющегося воздуха, – да произведет в тебе болезнь, обморок, бесчувствие? Се лист, се хартия дается тебе в руку; черты изображения на ней произвольные. И се чело твое бледнеет, мутятся взоры, нем стал язык, мраз обтекает всю твою внутренность, и труп твой валится долу. Или паче ядовитого взора баснословного василиска хартия сия и черты отраву носят? Или же зелием паче мышьяка и сулемы они упитаны? Не манкательное ли се древо, мертвящее всех, под листвием его покоющихся? Но почто же один ты страдаешь? Почто электризуем ты один? – Возлюбленные мои! нет нужды нам искать решения задачи сей инде; она имеет корень в мысли. Слово, изреченное или начертанное, возбуждает волнение мысленности. Расстроенность произведет болезнь. Душа болит, душа страждет: от того болит и страждет тело. Когда источник отравлен, возможет ли истечение его быть здорово? Я прехожу здесь многочисленные и неисчетные примеры действия души над телом, коего конец была болезнь. Но дабы временно хотя улыбаться, говоря о страданиях человечества, мне помнится, где-то я читал, что женатый муж ощущал всегда страдание, когда жене его время приспевало разрешаться от беременности. Находят в сем примере иные отменно сходственное сложение нервов; но я признаюсь, сего истолкования не понимаю; другие же, разрешая узел, говорят: се вымышленное!

Преждем на мгновение к увеселительнейшим предметам и ощутим души над телом действия благотворного. На всех сослаться в том можно, да и кому того испытать не случилось, или быть свидетелем самому, или же слышать от свидетелей достоверных, сколь существительные иногда бывают действия души над телом. Кому не случилось быть больным и получить или же чувствовать хотя мгновенное облегчение при посещении возлюбленных нами? Древности сохранила нам пример (жаль, что история часто не что иное есть, как рассказы), сколь душа возможет дать болезнь гелу и сколь могущественно она его исцелить может.

Юноша в бодрственных и цветущих летах начал изнемогать во здравии своем; увяла лица его живость, твердость мышц его онемела, смертная бледность простерлась по челу его, и, лишенный сил, на одр возлег. Все врачебные средства, все лекарства были напрасны, и болезнь его ускользала от проницания врачующих; восседая при одре болящего, единый от них, совокупляя с искусством своим дух любомудрственный, столь редкий в сем соединении, приметил в юноше движение необычайное, когда приходила младая Стратоника, жена отца его, а его мачеха, к нему на посещение; кровь текла быстрее, взоры яснее становились, и юноша воззывался к жизни; когда же она отходила во свои чертоги, то паки истощевались его силы, и смертовещательная слабость обымала его паки, и каждый раз с вящим стремлением влекла его ко гробу. Удостоверясь в истине сей, он глас утешительного дружества простер во уши болящего и, возывая надежду в отчаявшееся блаженства сердце, извлек из стнящего сердца таинство, которое добродетель сама от себя скрывать тщилась под густейшим мраком. Краснеть, стыдиться уже немощен, вещает юноша ко утешающему врачу: кровь мерзнет, чувствую, и отлетает жизнь; се вожделенная смерть! Прииди, о жизни моей жизнь! услышь последнее прощание! твой взор остановит отлетающую душу; произнесу имя твое и умолкну навеки! – Подав надежду умирающему, врач уведомляет немедленно отца о испытанном таинстве. Любя жену, но, любя сына, любовь отца в хладном уже от старости теле превозмогла слабую, может быть, страсть, и тем паче, что он зрел, сколь любовь сына его была целомудренна и, сокровенна в едином его сердце, довела его до преддверия гроба. – Почто скрывал ты скорбь свою от отца своего? –

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
вещает старец. – Живи, если жить можешь, с Стратонику: она твоя! – О любовь! богов и человеков услаждение! ты к смерти юношу приблизила, ты паки ему жить повелеваешь. – Он стал здоров и, верный супруг возлюбленной Стратоники, был блажен. Если пример сей есть не что иное, как изобретение стихотворческое, то и тогда он истинен: ибо в пределах лежит естественности; есть не чрезмерный и не токмо возможный, но вероятный.

Множество есть примеров исцеления болезней без всякого врачебательного посредства. Те, кои рассудить не хотят или не умеют, находят в них всегда чудесность, и чем менее просвещения, тем чудес больше. Многие повести о таковых чудесах суть лживы, но многие могут быть вероятны; если то истинно, как то увидим, что мысль может человека лишать чувствительности, то для чего дивиться, что надежда излечения излечить может? Примеры таковые бывали и бывают, и, отложив все баснословное из происшествия излечившейся девки в Москве после сновидения, что она выздоровела без лекаря, то правда. Приписывают то непосредственному содействию божества, то есть противоестественному действию его могущества. О всевышний! уста мои заграждены на таковое существа твоего уничтожение! Действие то божественныя силы, то истинно; оно есть непосредственно или является чрез посредство какое-либо, того не ведаю; оно чудесно, ибо необыкновенно. Но как быть ему чрезестественну? Всеотче! Ты еси повсюду! Почто ищешь тебя, скитаяся? Ты во мне живешь; и если мы помыслим, то чудеса твои ежечасно возобновляются, но не исходя за пределы естественности; в ней нам ты явен, явен впоследствии непреложных и непременных ее законов, тобою положенных. Естественность твоя есть чувственность; что ты без нее, как ведать нам? 5. Что мысленность и телесность в тесном находятся сопряжении, то всяк ощущает; что действия их суть взаимные, то всякому известно; но что человек забывать может свою телесность и жить почти в своей душе или мы елейности, тому не все верят; да и не всяк толико властвующ над собою, чтобы таковую в себе отделенность производить мог. Возьмите все примеры древние и новейшие, в коих мысленность столь является блестяща и пренебрежена телесность; вспомните Курция, во хлябь разверстную низвергающегося; вспомните Опдама, Сакена, с кораблями своими возлетающих; приведите на память многочисленные примеры отторгнувших жизни и возлюбивших смерть; соберите все примеры отъявших у себя жизнь из единого оныя пресыщения, примеры, в Англии столь частые; болезнь сплин почитается тому причиною. Но что бы то ни было, везде явна власть души-над телом. И поистине, нужно великое, так сказать, сосредоточение себя самого, чтобы решиться отъять у себя жизнь, не имея иногда причины оную возненавидеть. Ужели скажут, что и тут действует единая телесность? Как может сгущение соков или другая какая-либо погрешность в жизненном строительстве произвести решимость к самоубийству, того, думаю, никто не понимает. Но когда душа вещает телу: ты узы мои! ты моя темница! ты мое терзание! я действовать хочу, ты мне воспящаешь! да рухнет союз наш, прости вовеки! – то, сколько бы жало смерти болезненно ни было, притуплено единою мыслию, сластнее, увеселительнее становится паче всех утех земных. Если покажется кому-либо, что лишит себя жизни не столь много требуется твердости духа, как кажется, ибо прехождение сие есть мгновенно, миг един, – то сомневающимся еще во власти души приведем в пример тех, которые не токмо смерть пренебрегли и равнодушно на нее взирали, но толико мысленностию отделялись от тела, что всякое мучение для них было легко и терзание нечувствительно. Вспомните Амвросия, умирающего под повторяемыми ударами разъяренной и суеверием подстрекаемой московской черни. – Господи! отпусти им! – был глагол праведного, не ведают бо, что творят! – Вспомните Корнелия де Вита, поющего Горациеву песнь среди бунтующей амстердамской черни, оранианскими общниками прельщенной. Примеры мучеников, примеры диких, смеющихся среди терзаний, вам известны; и если не власть души тут явна, то где ж она быть может? А если и сие не убедительно еще, то кто не знает, что Руссо многие из своих бессмертных сочинений написал среди болезни непрестанной. Мендельсон, страдавший от несказанной слабости нервов многие лета, мог терпением, напряжением мысли еще в старости своей вознестись паки на высоту своя юности. Гарве чрез долгое время не мог ни читать, ни писать, даже мышление его было ему тягостно, превозмог оное и написал потом изящные примечания свои на Цицерона; но се его слова: благословенна буди, – вещает он, – и самая немощь болезнующего тела, толико часто меня научавшая, сколь дух над телом возмощает! – Верьте, то ведаю от опыта моего, что напряжение духовныя силы может подкрепить расслабленное тело и до известныя степени дать ему жизнь новую. Также ведаю, когда душа покоится, то и волнуемая кровь тихое приемлет обращение, и востревоженные соки жизни смиряются; самая болезнь, если она не превышает меры, бежит от продолжающегося отпорствующая ей души терпения. Я своего примера дать по толиких не дерзаю; но то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю ее

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая
все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несется в страну
мысленную; время и пространство исчезают пред ним; он сокрушает все пределы, и
занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна.

Конец третьей книги.

Книга четвертая

Вот, мои возлюбленные, все, что вероятным образом в защищение бессмертия души
сказать можно. Доводы наши, как то вы видели, были троякие: первые почерпнуты
были из существа вещей и единственно метафизические. Они нам непрерывным
последствием посылок, одной из другой рождающихся, показали, что существо в нас
мыслящее есть простое и несложное, а потому неразрушимое, следовательно,
бессмертное, и что оно не может быть действие сложения нашего тела, сколь
искусственно оно ни есть; вторые, основываясь на явственной восходящей
постепенности всех известных нам существ, но возглавив сея постепенности, сея
лестницы, в творении зримой, явили нам человека совершеннее всех земных сложений
и организаций; в нем явны виделись нам все силы естественные, теснящиеся
воедино, но видели в нем силу, от всех сил естественных отличную. Из того
вероятным образом заключали, что человек по разрушении тела своего не может
ничтожествовать, ибо если невозможно и само по себе противуречущее, что
какая-либо сила в природе исчезала, то мысленность его, будучи всех сил
естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не может. Третьего рода
доводы, заимствованные из чувственности нашей, из нас самих извлеченные,
показали нам, что мысленная в нас сила от чувственности отлична, что она хотя
все свои понятия от чувств получит, но возмощает творить новые, сложные,
отвлеченные; что она властвует над понятиями нашими, воззывая их на
действительность или устремляясь к единой; что в отвлечении случайном от тела
мысленность не забывает творительную свою силу, как то бывает во сне или в
некоторых болезнях: что сочетание наших идей с детства, что речь наша, а паче
всего, что явственное наше о нас самих познание суть убедительные
доказательства, что мысленность наша не есть явление нашей телесности, ни
действие нашего сложения. Наконец, показали мы, дабы отразить зыблющееся хотя,
но казистое доказательство о всевластвовании тела нашего над душою, показали мы,
повторю, что власть души над телом оную гораздо превышает; и для сего привели
примеры из опытов ежедневных, утвердив неоспоримо, что вина и корень всех
движений телесных есть мысленность: ибо в ней есть источник движения, а потому
не можно ли сказать, что в ней есть и источник жизни; привели мы примеры, колико
человек мысленностию своею властвует над своими желаниями и страстями, что она
возмощает дать телу болезнь и здравие, и присовокупим, и самую смерть; что
напряжение мысленности отвлекает ее от телесности и делает человека способным на
преодоление трудов, болезней и всего, под чем тело изнемогает без содействия
души. Утвердив таким образом души неразрушимость, дерзнем подъята на самую
малейшую дробь тяжелую завесу будущего; постараясь предузнать, предчувствовать
хотя, что можем быть за пределами жизни. Пускай рассуждение наше воображению
будет смежно, но поспешим уловить его, потечем ему вослед в радовании; мечта ли
то будет или истинность; соблизиться с вами когда-либо мне есть рай. Лети, душа,
жаждущая видети друзей моих, лети во сретение и самому сновидению; в нем
блаженство твое, в нем жизнь.

Три суть возможности человеческого бытия по смерти: или я буду существо таковое
же, какое я есмь, то есть что душа моя по отделении ее от тела паки прейдет и
оживит тело другое; или же состояние души моея по отделении ее от тела будет
хуже, то есть что она прейдет и оживит нижнего рода существо, например, зверя,
птицу, насекомое или растение; или душа моя, отделенная смертью от тела, прейдет
в состояние лучшее, совершеннейшее. Одно из сих трех быть долженствует, ибо хотя
и суть вообразимые возможности иного бытия (чего не настроит воображение!), но
на поверку всегда выходить будет или то же, или хуже, или лучше, четвертого
вообразить не можно; но одному из трех быть должно, буде удостоверились, что
сила мыслящая в нас и чувствующая, что душа не исчезнет. Все сии возможности
имели и имеют последователей; все подкрепляемы доводами. Рассмотрим
основательность и вероятность оных и прилепимся к той, где вероятность родить
может если не очевидность, то хотя убеждение. Блаженны, если вступим в путь
истинный; сожаления будем достойны, но не наказания, если заблудим; ибо мы
вослед течем истине, мы ищем ее со рвением и нелицемерно.

Для удостоверения, что человек или кто-либо от человеков бывал уже человек, но
под образом другим, или же что кто-либо из человеков бывал зверем или чем

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru другим, но не человеком, нужно, кажется, ясное о том воспоминание; нужно, чтобы оно часто было повторяемо, чтобы было, так сказать, ощутительно; ибо пример единственный не может быть доводом или, лучше сказать, свидетельством того или другого доказательством не почтено, да хотя бы сто таких было свидетельств; для того, что могут быть причины такому свидетельству, основанные на предубеждениях или выгодах.

Хотя мнения сии не заслуживают почти опровержения, но взглянем на них любопытства ради и возвесим на весах беспристрастия. Древние гимнософисты и бракмань и нынешние брамины говорят, что человеческая душа в награждение за добрые дела, на земле соделанные, по отделении ее от тела смертию, преселяется в овцу, корову или слона белого; в возмездие же за дела злые преселяется в свинью, тигра или другого зверя. Древние египтяне также думали, что души их переходили в животных и растения и для того столь тщательно избегали убийства животных, дабы не убить отца своего или мать или не съест их в тюрьме.

Сию гипотезу можно наравне поставить со всеми другими вымышлениями для награждения добрых дел и для наказания худых. Тартар и поля Елисейские и гурии все одного суть свойства бредни. Древние кельты чаяли в раю пить пиво из черепов своих неприятелей. Спроси русского простолюдима: каков будет ад? – Язык немеет, – скажет он в ответ, – будем сидеть в кипячей в котле смоле. – Все таковые воображения суть одного рода; разница только та, что одна другой нелепее. Случалось вам видеть картину страшного суда, не Михаила Анжеля, но продаваемую в Москве на Спасском мосту? Посмотрите на нее и в заключении своем не ошибетесь: и смело распространяйте оно на все изобретения, представляющие состояние души хуже нынешнего, хуже, нежели в сопряжении с телом.

Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находят будто правдоподобие имеющие доводы. Великие мужи, говорят они, суть всегда редки; нужны целые столетия, да родится великий муж. Но то примечания достойно, что великий муж никогда не бывает один. Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки от мрака к бытию, как будто от сна восстают пробужденные, да воскреснут во множестве.

Если бы произведение великого мужа для природы было дело обыкновенное, то бы равно было для нее, да произведет его, когда бы то ни случилось, и тут и там, одного, двух. Но шествие ее не так бывает. Великий муж один не родится, но если обрели одного, должны быть уверены, что имеет многих сопутников. И кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда рождаются на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; рождаются на пробуждение разума, на оживление добродетели. Подобно, как то уверяют, что землетрясение есть нужное действие естественного строительства на возобновление усыпляющихся сил природы, так и великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оныя, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся уснувшие души качества и силы ее да воскреснут. Если же еще помыслим, что не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа, но он бывает таков от природы врожденным неким чувствованием или высшим будто вдохновением, то не подумал ли помыслить, что почти невозможно единого жития течения на произведение великого мужа, но нужны многие; ибо известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шествие наше в учении нашем, и распространение знаний не одним делается днем. Итак, можно вероятно заключить, что великий муж не есть новое произведение природы, но паки бытие, возрождение прежде бывшего, прежняя мысленность, в новые органы облегченная. Даже история сохранила примеры о воспоминавших о прежнем своем бытии. Пифагор помнил то ясно, Архий, Аполлоний Тианейский, и если б мнение таковое не было нашему веку посмеялищем, то можно подумать, что бы многие о таковом прежнего их бытия воспоминании дали бы знать свету, но паче сего можно сослаться на каждого собственное чувствование, если только кто захочет быть чистосердечен. Не имели ли мы все или многие из нас напоминовения о прежнем состоянии, которое не знаем где вклеить в течение жизни нашей? В начальные дни жития нашего случалось бывать на местах, видать людей, о коих поистине сказать бы могли, что они уже нам известны, хотя удостоверены, что их не знаем; откуда таковые напоминовения? Не из прежнего ли бытия, не прежняя ли жизни? Не для того ли они бывают иногда столь же сладостны, что уже были чувствуемы? Если всякой о сем вспоминать не может, то для того, что, прилепленный к телесности чрез меру, не может от нее отторгнуться. Но те, кои упражняются в смиренномудрии и мысленности, тем таковое напоминовение легко быть может; чему и дали пример Пифагор, Аполлоний и другие. Такими-то доводами, любезные мои, стараются дать вид правдоподобия нелепости и смехотворному дают важность.

Колембюся, нужно ли опровержение на таковые надутые доказательства; ибо известно, что нужно Пифагору было о себе сказать, что он был прежде Евфорбий, для того, что он утверждал преселение душ. Можно было и Аполлонию говорить то же; ибо если мог делать чудеса, всеми зримые, то верили ему, что он облечен уже в новой образ. Но ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние всевышнего могущества и что всякий чудодеец есть богохульник. Вот для чего Шведенборг почитается вралем, а Сен-Жермень, утверждавший бессмертность в теле своем, есть обманщик. Какое пустое доказательство, что для произведения великого мужа прерождение нужно, да и в чем состоит таковая прерождения необходимость! Тот, кто может произвести великого мужа, может его произвести в один раз, равно как и в два. История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции, Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические; как-то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа. Фридрих II не на престоле остался бы в толпе посредственных стихоплетчиков, и, может быть, ничего более,

Что многие великие мужи рождаются вдруг, то естественно есть и быть так долженствует. Изъятия тому есть, но редкие. Редко возмозает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих. Уготовлено да будет место на развержение; великие души влекутся издалека, и да явится Ньютон, надлежало, да предшествует Кеплер. Естественно, говорю, чтобы великие мужи являлись вдруг, а не поодиночке. Малейшая искра, падшая на горючее вещество, произведет пожар великий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва один возмоз, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согривается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепитися к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и яко вследствие законов движения, удар, данной единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим, в едином ли то направлении или раздельно, так и электр души, возродясь единожды, изливаются во все окрестности и стремятся, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравниности.

Сколь тоще, сколь пусто доказательство, взятое из напоминовения, когда виды, новые предметы, кажется, будто видим виденные! столь верно, что сие напоминовение происходит от виденных, но подобных, хотя не самых тех, сколь верно, что все наши понятия происходят от чувств наших. Сочетание мыслей наяву имеет то же шествие, как и во сне; разность только та, что рассудок останавливает уродливое сочетание; но если вдашься воображению своему, то все чудесности небывалого Эльдорады будут скоро действительны. Та же сила, которая напоинает при воззрении на новые предметы, будто они уже суть виденные, сочетая воедино виденного по частям, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря, и в «Потерянный рай» вместить все изящности и все нелепости. Кто наяву ссылается на воображение, находится в опасности, что скоро забредит.

Но если предыдущие две возможности о посмертном нашем бытии суть произведения детства, а может быть, и дряхлости рассуждения человеческого, – что столь же, кажется, нелепо думать, что я буду по кончине моей слон белый, как новой Чингис, Европы завоеватель, – возможность третья, то есть что состояние наше посмертное удобриться долженствует, во всем нами прежде сказанном многие имела доводы, и дабы ее утвердить паче и паче, войдем еще в некоторые подробности. Может быть, я заблуждаю, но блуждение сие меня утешает, подая надежду соединиться с вами: подобно, как будто привлекательное какое повествование, в истинности никакой основательности не имеющее, но живностию своих изображений, блеском картин и сходствием своих начертаний удаляя, отгоняя даже тень печального, влечет воображение, а за ним и сердце в царство хотя мечтаний, но в царство веселий и утех.

Мы видели и для нас по крайней мере доказанным почитаем, что в природе существует явная постепенность, что, восходя от единого существа к другому, мы

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru находим, что одно другого совершеннее или, сказать точнее, одно другого искусственнее в своем сложении; что в сем веществе порядке человек превышает всех других равно искусственнейшим своим сложением, совершеннейшею своею организацию, в которой толико явственно соединены многие силы воедино, а паче всего умственную свою способность; тщательное наблюдение человеческого воспитания показывает нам, сколь способности в нем углубляются, ширятся, совершенствуются; история учит, колико народы могут в общем разуме своем совершенствоваться.

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная. Мне кажется, все равно сказать, что всеотец научил нас говорить каким-либо посредством или, дав нам органы речи, он дал и способность говорить. Но, кажется, нелишнее будет рассмотреть, каким образом, поколику речь к усовершенствованию нашему способствует: ибо из того и явствовать будет, что водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная.

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша, но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъясняющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный, изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осозания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значущий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, – то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным: ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния – словом, все... – и ты, о всещедрый дарователь, и ты, о все сильный, не изъеми ем... – все преобразуем в малое движение воздуха, и аки неким волхованием звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внимайте произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно: ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общежитию из лесов и дубрей, в них бы скитались, аки звери дубровни, и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока и добродетель сотворил любезную? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладевшего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зноя и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенныя, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва все сильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию или мысль преобразил в чертоносное лепетание, – как будто окрест вращающегося среди густейших мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегии тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всемогуществом, разделило стихии и мир устроило. Если оно в человеке столь чудесно, столь чудодейственно, то что возможет речь предвечного? Какой ее орган, какое знамение, кто может то ведать?

Но сия божественность, нам присвоенная, сия степень к совершенству, сей толико блестящий дар всеотца, речь наша, столь сама в себе малосущественна, столь зыблющаяся, столь летуча, что несовершеннее средства к нашему устройению, что бранный союз между людьми почти себе нельзя представить. Конечно, и естественность наша здесь на земле толико несовершенна, что лучшее средство ее бы превышало, тяготило, – словом, выше бы было человечества; ибо рассуди: речь изражает токмо имена, а не вещи, а потому человеческий разум вещей не познает, но имеет о них токмо знаменья, которые начертывает словами. Итак, вся человеческая наука не что иное есть, как изображение знаменья вещей, есть роспись слов; да иначе и быть неможно. Внутреннее существо вещей нам неизвестно; что есть сила сама в себе, не знаем, как действием следует из причины, не знаем,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
да и не имеем чувств на постижение всего того. О человек! когда, возгордившись паче меры, ты возлетаешь в чувствовании твоём, помысли, что знание твое, что наука твоя есть плод твоя речи, или, паче, что она есть собрание различных звуков, помысли и усмирися.

Вот, возлюбленные мои, вот на чем основаны человеческие познания. Мысли наши суть токмо знаменья вещей, выражаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения или союза между мыслию и словом; ибо все равно было назвать дурака дураком или вашим <?>; в сем ни малейшего сомнения не может быть. Сколь скоро два языка кому известны, то сие явно. И се обильный источник наших заблуждений: ибо поелику во всех языках каждая вещь имеет уже название и все несложные мысли свои знаменья, то когда возродится мысль новая, то [67] дают ей знамение, сложенное из прежних. Если ты разумеешь под знаменем то, что я, то мы друг друга разумеем; если же ты понимаешь иначе, то и выходит разгласие, вздор. Равно, как бы один говорил по-еврейски, а другой по-русски. Таковы-то, однако же, суть большею частию все мнения философические, все исповедания. Один сказал: да, – другой разумел: нет, – а третий и то и другое; от чего случается, что от первого изрекшего знамение вещи оно хотя переходит в том же звуке заключенное чрез многие столетия, но мысль, с ним сопряженная, различествует от первой, как день от ночи. Таковы суть и были наипаче мнения человеческие о высшей силе. Люди называли ее богом, не имея о ней ясного понятия. Вот как разум человеческий бродит, ищет истину, но вся мудрость его, все глубокомыслие заключены в утлом звуке, из гортани его исходимом и на устах его умираемом.

Не место здесь говорить о письме, которое не что иное есть, как произвольно начертанные знаки, кои означают звук, нами произносимой, слово. Но да позволено нам будет следующее токмо рассуждение: поелику звук, выражающий знамение вещи, есть произвольный, то на место сего звучного выражения, слуху нашему внятного, поставь выражение произвольное, подлежащее другому чувству, – то будешь иметь речь, не гласом произнесенную, но зримую, но вкушаемую, но обоняемую, но осязаемую. И се понимать можем, как изобретены письмены, которые суть истинная речь для органа зрения. Примеры лишенных некоторых чувств доказывают ясно, что речь, или произвольное выражение знаменья вещей, может вместо звучных знаков вмещаться в знаки, другим чувствам подлежащие. Глухие, а потому и немые изъясняются знаками и мысли свои заключают в знаках, подлежащих зрению. Из сего понятна возможность изучить их разуметь речь писанную, что аббат де Л'Епе произвел в действо с удивительным остроумием, а может быть, взирая, каким образом немые изъясняют свои мысли, и видя, что они на место звучных знаков поставляют знаки зримые, изобретатель письмен внял, что им подражать можно, и начертал азбуку. А хотя он, по изречению одного славного немецкого сочинителя, действовал между людьми, яко бог, но, заключая летущий ум в букву, он был не первый, который изобрел речь зримую. Живописец прежде его беседовал уже с нашими взорами; начертание образов зримого, картина была первое зримое выражение, речь звучную заменяемое; живопись родила иероглифы, а сии гораздо уже позже – буквы.

Если бы другие наши чувства столь же удобны были на понимание речи, как ухо и глаз, то бы, конечно, можно было сделать азбуку обоняемую, вкушаемую или осязаемую. Хотя и видали примеры, что слепые могли различать цветы посредством осязания и, может быть, возможно было двух слепо- и неморожденных изучить сообщать друг другу свои мысли, но речь обоняемая, речь вкушаемая и даже речь осязаемая не могут быть толико совершенны, как речь зримая, а паче того речь звучная: ибо сия едина в произношении своем есть разнovidнейшая и соответствующая истинному органу слова. Но едва человек мог соединить речь звучную с речью зримую, то потек на изобретения, дерзнул на возможность и успел. Итак, сколь ни брэнна, сколь ни зыбиа есть речь наша, яко средство совершенствования, однако к оному была она одно из сильнейших. Подражание, речь, рассудок были руководители его к изобретению и расширению наук и художеств. Да и в самом диком состоянии человека, в первенственном его состоянии, в состоянии естественном сии руководители его не оставляют. Сила мысленности его столь же могущественна, как живущего в просвещеннейших государствах, ибо, что язык одного народа искусственнее, изглаженнее другого, что мысленная округа его расширеннее, пространнее, обильнее, из того не следует, что все особенники народа суть разумнее, в мысленности могущественнее наименее совершеннейших народов. Изобретал мысль един, другие же, яко пленники, к колеснице торжествователя сего пригвожденные, бредут ему вослед. Они говорят говоренное, мыслят в мысли другого и нередко не лучше суть младенца, лепечущего вослед своей няньки.

Итак, в каком бы то состоянии ни было, человек удобряет свою чувственность,
Страница 261

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
острит силы мысленные, укрепляет понятие, рассудок, ум, воображение и память. Он приобретает несчисленное количество понятий, и из сравнения его рождаются понятия о красоте, порядке, соразмерности, совершенстве. Побуждение его к сожитию ввело его в общественное житие, и се разверзаются в нем новые совершенства. Права и обязанности, в общежитии им изобретенные, возводят его на степень нравственности; се уже рождаются в нем понятия о честности, правосудии, чести, славе; уже из побуждений к сожитию рождается любовь к отечеству, к человечеству вообще, а за ними следуют тысячи добродетелей или паче сия из многих рождается; и сожалительность его претворилась в великодушие, щедроту, милосердие. Таким образом достигает он до вершины своего чувствования, до совершенства всех своих качеств, до высшего понятия о добродетели.

Хотя сказанное не на всех распространить можно, но различие между людьми состоит токмо в одной степени, а не в существенности. Да и тот, кто устраняется назначенного пути, устраняется, стремясь к совершенствованию, к блаженству: ибо все, что живет и мыслит, все стремится к расширению своих качеств, к совершенствованию; и сия есть мета мысленного существа. Хотите ли в том быть убеждены? Воззрите на то, что он на земли исполняет. На свет исходит, не имея никакой способности, ни умения, и является паче всех животных беззащитнее, беспомощнее, немощнее; и то природное стремление, которое другим животным столь явно руководствует, в человеке не существует. Но воззри на него, едва ощутил недостатки свои, едва возопил: немощствую, – уже вся природа стремится ему на вспомоществование. Чувства его изощряются, рассудок укрепляется; недостатки рожают склонности, речь ведет его беседовати с богом, и, рожденный слабее, немощнее, тленнее, словом, хуже всех других тварей, вследствие способности совершенствования человек возвышается выше всех существ на земли и явен становится ее властитель.

Итак, стремление к совершенствованию, приращение в совершенствовании кажется быть метою мысленного существа, и в сем заключается его блаженство; но сему стремлению к совершенствованию, сколь оно ни ограничено есть, предела и конца означить невозможно: ибо чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды. Подстрекаемый всегдашним стремлением, мета его есть шествие беспреостанное, почти бесконечно, и поелику мысленности существенно, то и сама вечность на достижения сея меты недостаточна. Оттуда все старания наши, все наши стремления беспредельны. Желание наше объемлет бесконечность, и вечностию его разве измерить можно, а не временем.

Склонности и страсти удовлетворений не знают, и чем более угобжаются, тем сильнее возрастают. Все благородные склонности и все скарედности едину носят на себе печать. Рвение к науке ненасытимо, возродясь единожды; любочестие всеалчно, желало всю землю зреть своим подножием; и даже мерзкое сребролюбие жажде своей к имению не знает ни конца, ни предела. Всякую мысль, всякую мечту мы тщимся поставить мер превыше; где мы обретаем предел и ограду, там будто чувствуем плен и неволю, и мысль наша летит за пределы вселенныя, за пределы пространства, в царство неиспытанного. Даже телесность наша тщится вослед мысли и жаждет беспредельного: ибо едва коснется пресыщения, то и наивеличайшее услаждение мерзит.

Поступим теперь к другому. Мы в предыдущем изъяснили, что понятия о красоте, благогласии, соразмерности, даже добродетели рождаются из сравнения: следовательно, не суть понятия сами по себе; мы видели, что сравнение есть деяние вещества мыслящего: следовательно, дабы что-либо поистине могло назваться прекрасным, изящным, нужно деяние умственное, да произойдет сравнение. А как без умственности сравнение быть не может, то не должны ли заключать, что бы и вся красота мира ничтожествовала; не бы были вещества мыслящие, разумные: следовательно, они в начертании сложения мира суть необходимы. Как же можно вообразить себе их уничтожение, а особливо тогда, когда деятельною мысленностию они усовершенствовали, следовательно, удобнее еще стали постигать все изящное, все превосходное, всю красоту.

Почерпая из сего новые еще доказательства о бессмертии души наша, мы также научиться из них можем, что цель, что мета человечества есть совершенствование и блаженство, которое есть следствие добродетели, единыя от совершенств. И неужели блаженство наше есть мечта, оболъщение? Ужели всеильный, всеблагий отец хотел сделать из нас игральщице куколок? – Таковыми бы мы почтены быть должны, если бы блаженство наше с жизнью нашею скончалося; ибо недостатки телесности наша претят, да может быть совершенно. Теперь время уже, возлюбленные мои, поспешать

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
к концу нашего предприятия и, удостоверившись всякими мерами, что душа наша бессмертна, что жить будет и не умрет, то есть не разрушится, – теперь надлежит сказать, что с душою останется, когда она от тела будет отделенна. Многие суть случаи в жизни нашей, в которых нам показывается сходственность с первою степенью кончины нашея. Как скоро жизнь прервется, то последует бесчувственность, забвение себя. Подобные сему состоянию суть: обморок, исступление, сон и множество других состояний; в таковых положениях человек забывает сам себя, теряет о себе сведение и лишается на время своя чувственности; итак, можно бы заключить, что, подобно как во сне, оъемлющем внешнюю нашу чувственность, остается в нас чувственность внутренняя, то есть мысленность, – подобно сему, говорю, и по смерти будем чувственности внешняя лишены, но сохраним мысленность. Но пребудет ли она такова в нас по смерти, как в состоянии сна? При первом взгляде сие таковым и покажется, и могло бы в нас произвести уверение, но оно противоречит нашему существу, противоречит мете нашего бытия, следственно, противоречит намерению творца в его творении. Постараемся отразить сие казистое доказательство и возвести мысленность нашу, по отлучении ее от тела, в то достоинство, на которое она кажется быть определена.

Из предыдущего видели мы, что мысленность человеку сосущественна, что она его составляет особенность, что человек и может по ней называться человек, а без нее равнялся бы скотам. Мы видели также, что совершенствование ее есть свойство неотделимое; а потому и мета наша на земли относится к устройению нашему, из чего следствие бывает блаженство. Вследствие сих предпосылок человек во время жития своего дает всем силам своим всю возможную расширенность. Способность мыслить, с кою рождается, бывает разум, чувства наши изощряются? научаются, искусствуют; склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственности принятые, претворяются в мысли, такои склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою расширенность, становятся добродетели или пороки. Побуждения наши, сосреждаясь, так сказать, в душе, яко в средоточии зажигательного зеркала, родив в нас волю, дают столь широкую, столь твердую подножность, что если бы она не в человеке пребыла, то казалася бы божественною. Мы видели потом, что печать беспредельности наложена всему, что человек предприимлет; в самых силах его видна бывает толика энергия, что предел им назначить было бы отважно. Хотите ли сему примеры: Скалигер Омира выучил наизусть в три недели и в четыре месяца всех греческих стихотворцев. Валлис извлекал в голове коренное число пятидесяти трех цифирей. И таковые примеры отменны энергии в силах умственных суть часты; незамеченны теряются, и для того не всяк о них знает. Из предшедших доказательств убедились, что мысленность наша, что сила наша разумная, что душа наша разрушиться не может: ибо, не яко тело, несложенна, следовательно, не пропадет, не исчезнет, не уничтожится, пребудет, поживет вовеки. Итак, из всего сказанного не ясно ли следует: 1. Поелику мысленность наша или душа не разрушится, то пребудет жива и по разрушении тела. 2. Поелику существенность ее состоит в непрестанном совершенствовании, то по отделении от тела душа ее сохранит, ибо если бы сия существенная ей способность изменилася, то бы она в худшее прешла состояние, не была бы душа, что также противно намерению, в сотворении человека явствующему. 3. Поелику же состояние сна лишает нас ясного о самих нас познания, а потому не столь есть состояние совершенное, как состояние бдения, то смерть уподобится сну относительно человека разве в том только, что обновит силы его душевные, как то сон обновляет телесные, а не в том, что лишит душу ясного о себе познания, в чем состоит преимущество человека пред другими животными. 4. Поелику в силах душевных является беспредельность и ограниченность ее происходит от ее телесности, то, отрешенная от нее, она в деятельности своей будет свободнее. И, наконец, 5. Поелику душа сохранит свою способность совершенствования, то паче и паче будет совершенствоваться. А если бы захотел ты иметь сему совершенствованию меру, то помысли, каков человек рождается и что он бывает в его возмужалости, помысли, что в совершенствовании не будет препинаем ни обстоятельствами, ни страстями, ни болезнями, ни всеми препонами, телесностию душе налагаемыми; помысли, сколь уже разум человеческий отстоит теперь от дикого, от грубого состояния человека, питающагося ловитвою; помысли и, начав от нынешнего совершенства, измеряй восхождение и знай, что не житием телесности то исполнять должно, но отрешая меру времени; помысли все сие и скажи: где есть предел совершенствования души? О человек! не ясно ли ты есть сын божества, не его ли в тебе живет сила беспредельная!

Как можно думать, чтобы состояние человека посмертное было сну подобное, чтобы человек стал лишен чувствования, самопознания и жил бы, так сказать, в непрестанном мечтании? Когда здешнее состояние человека цель имеет

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
совершенствование, когда в посмертное перейдем совершеннее, нежели рождены были, то как мыслить, чтобы будущее состояние было возвратно, ниже хуже теперешнего, как то непрестанное состояние сну подобное. Если то истинно, что всякое настоящее состояние предопределяет состояние следующее (ибо сие без того не имело бы достаточных причины к существованию), а наше состояние на земли есть состояние совершенствования, в чем состоит мета нашего здесь пребывания, то не следует ли из того, что состояние будущее человека, поелику определяемо совершенствованием, будет совершеннее? Следует, что противоречие бы было в мете нашего бытия, чтобы следующее состояние человека подобно было сну, забвению, когда теперешнее состояние, будущее определяющее, есть состояние совершенствования. Возьмем известное уподобление, на прехождении человека от одной жизни к другой приложенное; последуем хотя косвенно в сем употреблении умственному исполнуну, и да будет он нам опорю.

Лейбниц сохранение животного по смерти и прехождение человека уподобляет прерождению червяка в бабочку и сохранению будущего строения бабочки в настоящем червяке. Посмотрите, колико оно сходственно. Зри убо скаредного, на чреве своем пресмыкающегося червяка. Алчба его единственное побуждение; прилепленный к листьям, их пожирает и служит единой своей ненасытимоости; но се уже его кончина: смертная немощь объемлет его, сжимается, корчится, и се уже лежит бездыханен. Но сила, внутрь его живущая, не дремлет. Животное спит, покоится во смерти. И се происходит его прерождение. Ноги его растут, все члены претворяются; и едва новое его рождение достигло своего совершенства, то в жизни паки является, или паче пробужденный. Но какое превращение: вместо червяка является бабочка, простирает блестящие всеми цветами лучей солнечных крылья, возносится и, гнушаяся прежняя своея пищи, питается нежнейшею. Уже новое совсем имеет существо, другая его мета, другие побуждения. Червяк служил токмо своего чрева, а бабочка, вознесенна до общия меты животных, служит прерождению. Кто бы мог вообразить в червяке бабочку, что они суть единое животное и что превращение его есть токмо другое время его жизни? О умствователь! поставляй предел природе; она, смеясь бессилию твоему, в житие единое соцепляет многие миры.

Если худшее состояние человека по смерти противоречит его мете и его сущности, то паче противоречит оно намерению творца в его творении: ибо поелику мета его есть совершенствование, то состояние, оному возвратное, худшее, будучи оной противоречуще, противоречит и намерению творца потому, что в том и было его намерение, да совершенствуем.

Всемогущее существо в самом деле ни награждает, ни наказывает, но оно учредило порядок вещам непременный, от которого они удалиться не могут, разве изменя свою сущность.

Итак, добродетель имеет сама в себе возмездие, а пороки наказание. Что может быть сладостнее, как быть уверену, что пребыли всегда в стезе, нам назначенной? Что превышает удовольствие, как знать, что ничем мы сами себе упрекнуть не можем? Если бы вознялася легкая мгла, затмевающая зеркало совести добродетельного человека, напоминовение соделанного добра разгонит мгновенно. Напротив того, злые принужденны ежечасно упрекать себе свои злодеяния, терзаться, казнитья среди благоденствия. – Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно. Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременною постепенностию, но все суть единого рода; следовательно, и определение их, мета их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел налагают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дон деже не истребит в нем все преступное, все злое. Яко врачебное некое зелие, совесть есть лекарство злых дел, и если в жизни она нас не исцеляет, то, конечно, по смерти. Излеченных совестью ужели всеотец исключит из своих объятий? Почто мы бываем толико жестокосерды? Преступник не брат ли наш? И кто может столь сам пред собою оправдаться и сказать: никогда во мне ниже мысль злая не возникала? Если возможно, сцепляя многие истины, постигнуть, что совершенствование есть цель человека, не токмо цель его на земли, но и по смерти, то весьма трудно, дабы не сказать – невозможно, вообразить себе, каким образом продолжится совершенствование человека по смерти: ибо на земли была в том ему пособием телесность и его органы, то как то может быть без оной? Чувства его дали ему понятие, а без них их бы он не имел. То два средства: или вновь

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

понятия уже приобретать душа не будет, а действовать будет над прежними, или человек будет иметь новую организацию. Боннет старается доказать, что душа человеческая всегда будет сопряжена с телом, что, по смерти оставшихся семени сопряженна, человек из одного сопряжения родится паки двусуществен. Основывает он сие рассуждение на том, что поелику человек, как всякая тварь, содержится в семени до зачатия своего, то как оное семя кажется быть душе сосущественно, то она с ним навеки пребудет сопряженна. Если сие предположение невероятно, но возможно, – ибо то, что истинно кажется, как то мы видели в начале сего слова, что семя зачатием было предсущественно. Но запутание не совсем развязано: ибо семя, коему пред зачатием душа была союза, зачатием и рождением разверзлось и произвело новые семена, коих развержение новые произвело существа; но прежнее семя, семя отчее, уже разверженное, должно пребыть паки семя, что есть противоречие; то надлежит предполагать, что семя развержения произведет самого себя вновь. Вот круг, и затруднение не решено. – Таковы суть следствия семенного любомудрия, как то его называют; но сколь ни слабо сие рассуждение, оно имеет казистую сторону и находило последователей. Мне кажется, что все таковые системы суть плод стихотворного более воображения, нежели остроумного размышления. За таковое же изобретение выдаю и следующее предположение: приметно или паче явственно, что есть в природе вещество или сила, жизнь всему дающая. Чувствительность наша, электр и магнитная сила суть, может быть, ее токмо образования (modification), то не сие ли вещество, которое мы назвать не умеем, есть посредство, которым душа действует над телом? А поелику оно есть средство к действию души, то не вероятно ли, что, отступая от телосмертия, душа иметь будет то же посредство для своего действия? Но дабы действовать, нужны кажутся ей быть органы; а поелику душа в сожитии своем с телом стала совершеннее, то и органы нужны ей совершеннейшие. И для чего сего вероятно не почитать, когда и самая сила творчая явна токмо посредством вещественности, посредством органов? Какое противоречие мыслить, что может быть в сем же мире и может быть на земли другая организация, но нами не ощущаемая, нам неведомая, да и по той только причине, что она чувствам нашим не подлежит? А если бы чувства наши были изощреннее и совершеннее, то бы и сия нам неведомая организация была бы известна. Что чувства наши или, лучше сказать, что чувствительность может быть изощреннее, то доказывали примеры чувств, из соразмерности своей болезнию выведенные; дай глазу быть микроскопом или телескопом, какие новые миры ему откроются! И как сомневаться в возможности лучшей организации? Тот, кто мог дать человеку око на зрение красоты и соразмерности, ухо на слышание благогласия; тот, кто дал ему сердце на чувствование любви, дружбы; кто разум ему дал на постижение дателя; тот, кто огонь, воздух, землю и воду сплел воедино; тот, кто самую летучесть огня претворяет в твердость и свет вмещает в части составительные веществ, может, конечно, может произвести новые смешения; благость его к творению его не иссякнет, любовь к производству своему горячности своей не потеряет; и если единое его слово рождает чудесность, то оно и паки ее родить может. Или на что предполагать быть новому творению? Вся возможность прешла в действительном пред началом уже времен, и что будет, уже было в незыблемом порядке с того мгновения, как возблистало солнце и время отделилось от вечности.

Для чего предполагать невозможность быть другим организациям, опричь нами чувствуемых на самой земле, по той единственно причине, что они нам нечувствительны? Сколько веществ, ускользящих от наших чувств, иные своею малостию, иные своею прозрачностью или другими свойствами, чувствам нашим не подлежащими, и если мы в малостях видим, что пресыщение одной вещи не исключает приемлемость другой. Вода, насыщенная обыкновенною солью, и не приемля ее более, приемлет и растворяет другую. Истолкуй сию возможность, и если бы не опыт то доказывал, ты бы оному не верил.

Не так далеко, кажется, отстоять должно будущему состоянию человека от нынешнего, как то иногда воображают его, не за тридевять земель оно и не на тридесятом царстве.

Если должно верить сходственности аналогии (да не на ней ли основаны большая часть наших познаний и заключений?), если должно ей верить, то вероятно, что будущее положение человека, или же его будущая организация, проистекать будет из нашей нынешней, как то проистекает из прежних организаций. Поелику к сложению человека нужны были стихии; поелику движение ему было необходимо; поелику все силы вещественности в нем действовали совокупно; поелику по смерти его и разрушение тела стихии, вышед из их союза, пребудут те же, что были до вступления в сложение человека, сохраняя все свои свойства; потолику и силы,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
действовавшие в нем, отрешась от тела, отойдут в свое начало и действовать будут в других сложениях; поелику же неизвестно, что бывает с силою или стихиею чувствующею, мыслящею, то нельзя ли сказать, что она вступит в союз с другими стихиями по свойству, может быть, смежности, нам неизвестной, и новое произведет сложение? О возлюбленные мои, я чувствую, что несуся в область догадок, и, увы, догадка не есть действительность.

Повторим все сказанное краткими словами; человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушиться не может: ибо несложная есть; цель его на земли есть совершенствование, та же пребудет целию и по смерти; а из того следует, как средство совершенствования его было его организацией), то должно заключать, что он имеет будет другую, совершеннейшую и усовершенствованному его состоянию соразмерную.

Возвратной путь для него невозможен, и состояние его по смерти не может быть хуже настоящего; и для того вероятно или правдоподобно, что он сохранит свои мысли приобретенные, свои склонности, поелику они от телесности отделены быть могут; в новой своей организации он заблуждения свои исправит, склонности устремит к истине; поелику сохранит мысли, коих расширенность речь его имела началом, то будет одарен речию: ибо речь, яко составление произвольных знаков, знамение вещей означающее, и может внятна быть всякому чувству, то какая бы организация будущая ни была, если чувствительность будет сопричастна, то будет глаголом одаренна.

Положим конец нашим заключениям, да не зрится ищущими единственно мечтаний и чуждаемся истины. Но как бы то ни было, о человек, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя с телом разрушиться не определена. Блаженство твое, совершенствование твое есть твоя цель. Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло. Казнь живет сосмежна злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устраниться или нарушить невозможно; зло, тобою соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта. –

Избранные письма к А.Р. Воронцову*

1

Милостивый мой государь, граф Александр Романович.

Письмо вашего сиятельства чрез его превосходительство Алексея Андреевича и сделанные по приказанию вашему для меня вещи и остальные деньги от Ивана Ивановича Панаева я получил. Если в долговременное мое пребывание в команде вашего сиятельства известным сделалось вам мое сердце, то вы не усумнитесь в присной и живо существующей в нем признательности за все благодеяния ваши ко мне. Если бы и на меня еще не простиралися, но коснулись бы только моего несчастного семейства, то алтарь в душе моей тебе воздвигнут будет и восходить непрестанно наичистейшая жертва благодарности.

Пенять, ни сетовать мне не на кого совершенно, как то ваше сиятельство изволите примечать справедливо. Я сам себе устроил бедствие и стараюсь сносить казнь мою с терпением; но часто оно бывает недостаточно. Вооружуся надеждою и рассудком, но как скучно вспомнить, что я живу в разлучении от детей моих! Рассудка уже более во мне нет, и едва надежда не отлетает. Если кто знает, что действительным блаженством я полагал быть с ними, тот может себе вообразить, что скорбь моя должна быть беспредельна.

Вашему сиятельству угодно знать о моем положении относительно моего здоровья, то до приезда моего в Москву оно гораздо было хуже, нежели казалось. Выехав из Нижнего, я было занемог совершенно, но помощью лекарства, которым я запасся в Москве, я до приезда моего в Казань получил облегчение. Наступившая зима и морозы укрепили слабое мое телосложение, и я теперь, слава богу, здоров.

Касательно до душевного моего расположения, то я солгу, если скажу, что я покоен. Душа моя болит, и сердце страждет. Если бы не блистал луч надежды, хотя в отдаленности, если бы я не находил толикое соболезнование и человеколюбие от

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
начальства в проезд мой через разные губернии, то признаюсь, что лишился бы,
может быть, и совсем рассудка.

Разум мой старался упражняться, сколько возможно, то чтением, то примечаниями и наблюдениями естественности, и иногда удается мне разгонять черноту мыслей. Благоприятство отличное, которым я здесь пользуюсь, еще более скуку мою разгоняет. Уверенный, что семейство мое будет всегда под вашу защиту, уверенный, что и я забыт вами не буду, если могу только на месте моего пребывания найти всегдашнее упражнение, которое бы занимало не только силы разума, но и тела, – то надеяться могу, что, сделав к спокойствию первый шаг, время, великой целитель всех человеческих скорбей, совершит мое начинание, а тем скорее, если могу иметь утешительное удовольствие видеть на месте моего пребывания кого-либо из моего семейства.

Извините, ваше сиятельство, долготу моего письма. Изливаю скорбь свою пред сердцем чувствительным; душа от оной находит облегчение, и тем величайшее, что бдительное ваше благодеяние, призирая меня в отдаленности, подкрепляет и малополучное и бедственное мое семейство. Бог вам даст за благое; молитва моя к нему о вас может единственное от меня быть признание.

Есмь с глубочайшим почтением и преданностию нелицемерною вашего сиятельства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Александр Радищев.

22 ноября 1790 года

Пермск.

2

Милостивый государь.

Уже несколько дней мое сердце, израненное скорбью, если можно так сказать, как будто успокаивается и вновь раскрывается для радости; мой праздный бездейственный ум может, еще кажется, вернуть себе немного сил. Мой добрый друг, моя сестра, прибыла сюда 2-го числа сего месяца с двумя моими малютками в сопровождении моего брата. Видно, судьба хотела, чтобы, приведенный стечением обстоятельств, для меня самого почти необъяснимых, на край пропасти, что говорю я – на край! – низвергнутый в бездну, тем более ужасающую, что она угрожала мне утратой чувства, я внезапно оказался выплывшим из пучины и способным еще приблизиться к кумиру, общему для всех представителей рода человеческого – к счастью, облекаемому каждым в ту форму, которую его воображение на свой лад украшает цветами или окружает кинжалами или смертоносным зельем. Способен ли я к счастью? – Да, милостивый государь, способен. С тем меньшим честолюбием, что я, с большей жадной славы, с душой, приученной приходить в волнение лишь при приближении предметов, не отпугивающих чувства, неизвестный миру, окруженный дорогими мне существами, могу жить и быть довольным. Да, жить; да, я еще буду жить, я не стану прозябать. Такая неожиданная перемена во всем моем существе, новая, так сказать, счастливая жизнь – и кому я обязан этим? Единственно вам, ваше сиятельство. Вам угодно было осыпать благодеяниями человека, вся заслуга которого заключалась в том, что он стал несчастным по безрассудству, непростительному в его годы. Что же мне сказать вам? Какой признательности вы ожидаете? Если надобно лишь любить вас... обожать вас еще слишком мало... Слеза перед вашим портретом, который я принял из рук моей доброй подруги... поймите эту слезу, милостивый государь, это все, что вы можете получить от меня.

Последнее письмо, которое я имел честь написать вашему сиятельству, отправлено, как я об этом узнал, не с той оказией, о которой я в нем сообщаю, но с другой, такой же верной. После всего, что я услышал от моей сестры, боюсь, как бы оно не оказалось вам не по душе! О, как бы я хотел быть далеко от всего подобного. Браните меня, давайте мне порою, даже часто, советы друга, отца, ибо я клянусь вашему сиятельству, что я в них нуждаюсь более, чем когда-либо. Я взял на себя смелость попросить у вашего сиятельства Путешествие Лессепа. Я его получил из Москвы вместе с моими. Я просил, чтобы вы сообразовали обременить себя пересылкой физико-экономической библиотеки, находящейся среди моих книг, но узнал, что они увезены в Москву. Я очень прошу извинить меня за излишнее беспокойство, которое я мог причинить вашему сиятельству. Теперь я ограничиваю мою просьбу и прошу два альманаха, которые я имел обыкновение дарить моим

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
маленьким на новый год: один Готский на французском языке и один Геттингенский
или Берлинский – на немецком, оба с картинками.

После того, что вы, ваше сиятельство, сделали для меня и моих близких, вы еще сетуете на отказ моей свояченицы от того, что вы ей предложили перед отъездом. Вы считаете это ложно понятой щепетильностью с ее стороны. Вы не заставили меня краснеть, принимая ваши благодеяния. Но какой же вы человек? Вы желаете, чтобы вашей благосклонностью злоупотребляли, или, лучше сказать, вы утверждаете, что ею совершенно невозможно злоупотребить.

Что касается до моих двух старших, то я за них спокоен и буду спокоен; они будут жить под вашим покровительством. Мне прискорбно, что меня лишили их, когда я еще не мог закончить их воспитания. Оно, возможно, и имело погрешности в некоторых отношениях, но ведь только года через 4 или через 5 можно будет судить о правилах, которые лежали в его основе. Небу было угодно иначе, и, не будучи Панглоссом, скажу – может быть, это и к лучшему, ибо часто можно видеть, что самое тщательное воспитание производило чудовищ единственно по той причине, что слишком много было совершено ошибок или, скорее, мало обращалось внимания на обстоятельства, иногда и неприметные. Итак, я утешаюсь тем, что в возрасте, когда разум пробует покинуть костыли младенчества, они испытали горе – урок всегда замечательный, который возвращает человека к его первоначальному состоянию и из существа, возгордившегося условными почестями, делает существо скромное, а из существа падшего делает человека.

В часы досуга я предполагаю написать кое-что для образования моих старших, но так как я поклялся или дал слово вашему сиятельству, что равносильно, не делать ничего без вашего ведома, они получают это лишь из ваших рук, и вы окажете милость устранить оттуда все, что окажется несообразным.

С той поры, как приехали мои друзья, я стал большим домоседом и думаю, что поступаю правильно. Мы не сумеем уехать до весны; мне предлагают даже оставить меня здесь до будущей зимы, но в этом отношении я сделаю лишь так, как угодно будет вашему сиятельству. Хотя я отложил свое путешествие по причине усталости и потому, что мне хотелось получить известия о своих близких, но я действительно проболел в течение трех недель: катарральная лихорадка и сильное кровотечение из носа.

Соблаговолите, милостивый государь, сообщить мне о себе и будьте уверены, что я пребуду до конца моей жизни с чувством живейшей признательности и с глубочайшим почтением к вам, ваше сиятельство, милостивый государь, покорнейший и нижайший слуга

А. Радищев.

Тобольск,

8 марта 1791 г.

Мой брат уезжает сегодня обратно к себе домой, и это письмо я отсылаю с ним.

З

Милостивой государь мой, граф Александр Романович.

Получив в горести моей великую отраду приездом моих друзей, я чувствую, что существо мое обновляется. Разум, в недействие почти приведенный, испытывает паки свои силы, и сердце, обывшее повторительною печалию содрогаться ежечасно, трепещет еще, но от радости. О ты, виновник моего утешения! Прими паки слезу благодарности и не поскучай, когда повторительное слово изъявит тебе только то, что душа чувствует, изъявит, но слабо. Сердце обывкло во мне предварять рассудок. Нередко текут слезы, а язык нем.

Время моего здесь пребывания я, по возможности, стараюсь употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений. Если я столь счастлив могу назваться, что в глазах вашего сиятельства я почитаюсь зрителем без очков, то я и ныне тщуся все видеть обнаруженно, ни в микроскоп, ни в зрительную трубу. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда к достижению оной ведут одни только разногласные повествования, изречаемые обыкновенно пристрастием, огорчением и всеми другими страстями, сердце человеческое

Издавна не нравилось мне изречение, когда кто говорил: так водится в Сибири; то или другое имеют в Сибири – и все общие изречения о осьмидесятилетнем пространстве верст; теперь нахожу сие вовсе нелепым. Ибо как можно одинаково говорить о земле, которой физическое положение представляет толико разнообразностей, которой и нынешнее положение толико же по местам собою различествует, колико различны были перемены, нынешнее состояние ее основавшие; где и политическое положение, и нравственность жителей следуют неминуемо положению естественности; где подле дикости живет просвещение, подле зверства мягкосердие; где черты, пороки от ошибок и злость от остроумия отделяющие, теряются в неизмеримом земель пространстве и стуже за 30 градусов?

Уральские горы столь существенно различествуют в своей естественности от степи Барабинской, сколько жители оных от жителей степных. Крестьянин заводской есть совсем другой человек, нежели земледelec тарской и ишимской округи; и если Сургут, Туруханск изобилуют соболями, то почто дивиться, что в Ялуторовске их нет? А обыкновенно говорят: соболи рождаются в Сибири. Если березовский житель кормится от табуна оленей, а томской уездной крестьянин может только успевать в земледелии, то хотя они оба сибиряки, однако же во многих вещах они между собою толико же различествуют, как англичанин от француза, proportion gardees[68].

Перед глазами моими на стене прибита генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти 3/10 Хорошо знать политическое разделение государства; но если бы весьма учебно было бы в великой России сделать новое географическое разделение, следуя в том чертам, природою между народами назначенной, гораздо бы еще учебнее и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте, разумеется) на округи, естественностию означенные. Тогда бы из двух губерний вышла иногда одна, а из одной пять или шесть. Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы.

Город здешний или, лучше сказать, остатки погоревшего Тобольска стоят частью на прекрасном и здоровом, частью на выгодном, но нехорошем и вредном для здоровья месте. Часть, построенная на горе, возвышается над другою частью города, по крайней мере, на 20 сажен. Верхняя часть города стоит над по-верхностию Иртыша 26 сажен, когда нижняя часть разлитием оного иногда затопляется. Но близкость воды и проистекающие от того в домашнем быту удобства толико превешивают выгоды здорового воздуха во мнении здешних жителей, что дом, стоящий строителю 1000 р. под горою, продается за 2000 р., а построенный на горе за 2000 р. – за 1000 р. не скоро найдет купца.

Говоря о построении города, не могу не рассказать вашему сиятельству то, что слышал о бывшем здесь пожаре, которой истребил лучшие 4/5 частей города. Те, которые огнем лишились своих домов, лишились по большей части своего имения. Всех больше потерпел здешний губернатор. Счастливым себя почитал он тем, что осталась в доме его овчинная шуба, в которую кутали трех его детей при случившейся тогда холодной погоде. Но обстоятельства, тронувшего меня до слез, пропустить не могу. На другой день по пожаре в городе большая часть людей не только бедных, но посредственных, не имели хлеба. Народ здешний, хотя не столько, как иркутской, но столь же, как и в столицах, шаткой, скоро бы вышел из терпения. Но скоро увидели со всех сторон водою и сухим путем привозимые печеные хлебы, которые сельские жители голодным и неимущим посылали горожанам безденежно. И целую неделю ближайшие селения кормили город безденежно. Сия черта существенно означает доброту души сибирских многих округ поселян. Без внутреннего удовольствия сего слышать не можно. Но если сельские жители толикое соболезнование оказали к страждущим горожанам, о городском сего я и не слышал ни об одном. Если разум в городе острится, то сердце ослабевает.

Говоря о городе и деревнях, не могу не упомянуть вашему сиятельству об общем или почти общем желании возобновления китайского торгова. Пользы, от него проистекающие, велики, согласен. Но как я часто раскольник бывал во многих мнениях, то и в сем случае мне вред от пресечения торгова с Китаем не столь кажется повсеместным. Думаю, что есть и некоторая полезность. Но мысли мои о сем еще не зрелы, и я их не осмеливаюсь предложить вашему сиятельству.

Сего 10 марта окончалась славная во всей Сибири Ирбитская ярманка. Торг, или бывшая на ней мена, была внаклад сибирских купцов. Особливо много те потеряли,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
которые торговали соболями, да и вся мягкая рухлядь была в низкой цене, разумея в соразмерности закупной цены на месте. Многие иностранные товары здесь не дороже московского. Сахар покупали 15 руб. пуд; шелковые и шерстяные товары умеренной цены; вино изрядное посредственной дороговизны. Но водка французская продается от 40 до 60 р. анкерок; чай по 5 и 7 р. Если иногда малое количество товара делает его дороговизну, то нередко и больший одного расход держит его в высокой цене. Когда придешь в гости к сибиряку, то без 6 и 8 чашек чаю не выедешь, а без пуншу здесь дружеской нет беседы.

Как здесь, так и обыкновение есть на Ирбитской ярманке верить всем почти, не зная иногда человека. Алчность прибытка, сопряженная с простодушием, могут быть тому причиною. Сие на ярманке произвело один искусной обман, которой, как то должно, обратился во вред обманщика. Некто Дебональ назывался графом, набрав товаров, уехал из города. Имя его записано было у купцов. Как скоро его не увидели, то стали искать и нашли его уже за 200 верст от города. Нередко повсюду кафтан бросал пыли в глаза: чему дивиться, что и в Сибири то ж.

Но я примечаю, что я уже превысил пределы вашего сиятельства терпения, и, для того оканчивая, есмь, как и всегда, с наичувствительнейшею признательностию и глубочайшим почтением вашего сиятельства, милостивого моего государя, покорнейший слуга

Александр Радищев.

15 марта

1791 года.

Елисавета Васильевна и маленькие мои свидетельствуют вашему сиятельству свое почтение.

4

Милостивый государь.

В ожидании летней поры, чтобы продолжать наше путешествие и отправиться к месту моего назначения, я пытаюсь употребить мое время несколько по-иному, чем это было по моем приезде в этот город. Тяжелое состояние, в котором я находился и которое ваше сиятельство может себе представить по моим письмам, не позволяло мне заняться чем бы то ни было. Придя некоторым образом в себя, благодаря приезду моих друзей, я почувствовал, что даже в самом несчастье возможны счастливые минуты. Этим чувством я обязан вашему сиятельству, и куда бы я ни обратился, я всюду встречаю ваши благодеяния.

Утро (и так каждый день) я отдаю моим детям, а послеобеденное время и вечера – чтению. И чтобы дать о нем некоторое представление вашему сиятельству, сообщаю, что я прочел здесь новые книги: «Путешествие Лессеписа», которое действительно является произведением человека, странствующего на почтовых; «Воспоминания Вагнера», которые оказались во многом недостоверными. «Сорванные маски», мне кажется, написаны не участником действия, как он сам говорит о себе, но, по-видимому, и самое имя и некоторые события являются вымышленными. «Жизнь Вержена», написанная г-ном Мейером, возможно и правдива, но она была прочитана Людовиком XVI до ее напечатания. Она существенно отличается от «Портрета» этого знаменитого человека, который я читал год тому назад. Выпуски «Энциклопедического дневника» за 1789 г., которые мне одолжили для чтения, держат меня в курсе новостей французской литературы. Вместе с моей сестрой я прочитал Вольтера. В руки мои попал «Задиг, или Судьба». Ах, сказал я, у каждого своя судьба. Затем, – «Кандид». Панглосс говаривал, что мы живем в наилучшем из возможных миров. Но этот добрый философ после своего повешения был выкуплен с каторжной галеры. Я подумал о превратностях этого мира. Мужество, терпение!.. Прекрасный девиз! Я бы желал лишь одного: чтобы когда-нибудь настало счастье увидеть того, кому я обязан тем слабым дыханием, которое поддерживает мою жизнь.

Моя сестра больна дней 10, и по этому случаю я получил повод поблагодарить ваше сиятельство за лекарства, посланные вами. Моя сестра свидетельствует вам свое почтение, она вспоминает вас с радостью и благодарностью. О, разве можно без умиления думать о том, кто дарует жизнь! Если наше чувство пробуждает в нас мысль о существе, создавшем нас, и заставляет благословлять его, не должно ли оно также, пробуждая нашу благодарность, вызвать наши благословения к тому, кто

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru доставляет нам минуты счастья? Именно с этими чувствами я имею честь пребывать вашего сиятельства покорнейшим и нижайшим слугой.

А. Радищев.

Тобольск, 5 апреля 1791.

5

Милостивой мой государь, граф Александр Романович. Весна здешняя отличается, кажется, от весны, не токмо в полуденных странах бывающей, но и от той, к какой мы привыкли в России. Морозы по ночам продолжают, хотя солнце в полдень гораздо греет; ветер всегда холодный, но снегу таять не препятствует, – он весь уже почти сошел. Тура прошла, но Иртыш еще стоит. Если будут продолжаться морозы, то кажется, что он простоят нынешний год долее, нежели когда; ибо сказывают, что позже 23 апреля он не вскрывался. Третьего дня, т. е. в ночи 16 числа, морозу было 10 градусов; в следующую ночь 8 град., вчера к вечеру пошел снег и сегодня продолжается, но мокрый, и то же действие имеет, как в других местах дождь. Май здесь также бывает холоден, – выпадает снег на четверть аршина и мерзнет временем до 10 градусов. Кто здесь садит в огороде в половине мая, у того бывают лучшие овощи; кто же поторопится садить, у того все поспевает позже, ибо принужден бывает садить в другой раз. Когда здесь реки разливаются, то мне еще неизвестно.

Вот худое изображение тобольского климата. Лето здесь бывает мокрое и жаркое. Осень ясная, сухая, но холодная, зима без оттепели. Многие из здешних старожилов доживают до глубокой старости; но на здоровье, не привыкшее к суровости здешнего воздуха, оной неблагоприятное может иметь действие. Мы все то чувствуем. Я вашему сиятельству уже доносил, что сестра моя занемогла почти с ее сюда приезда. Она, слава богу, выздоровела. Я на прошедшей неделе столь сильно простудился, что кашель совсем лишил меня сна, и столь силен и упорен, что, думаю, принужден буду пустить кровь, дабы предупредить худшие следствия. Сын мой кашляет сильно, четвертая тому неделя. Из людей моих также трое больных, – две женщины и один мужчина.

Сколь мало здешние жители любят огородничество, я вашему сиятельству того описать не могу. Здесь никакого овощу купить не достанешь, – опричь огурцов и капусты в здешних огородах не найдешь ничего. Говорят, что у иных бывают годами дыни и арбузы. В двух местах есть спаржа, вероятно, что тарелки две в год; в двух огородах знают, что такое бобы турецкие. Парники здесь не в употреблении, а оранжереи нет ни одной. Не удивительно, что здешние коренные жители к сему не прилежат, полагая вершину своего блаженства в снискании прибытка; в час отдохновения пьют чай и спят, в какой бы час дни то ни было; веселье их и забавы составляют в лютнстве. На святой неделе три раза играли комедию: первой – «Мельника», второй – «О время!» и третий – «Немова»; но опричь райки зрителей по сложности из трех раз в один (если исключим губернаторскую ложу) было 12 человек, в райке было около 30-ти. Без качелей никакой российской город о святой неделе существовать не может, то вашему сиятельству известно. Сие веселие здесь отмены против других городов ни в чем не имеет. При качелях находятся и все другие принадлежности: вино, пиво, чай, сбитень, пряники, орехи, пироги, оладьи. Всяк по-своему, но без питья и пищи веселье на ум не идет.

Домашнее или семейное здешнее жилье у людей, причитающихся к дворянскому обществу, образуется по столицам, соразмерно способностям каждого. Но, если исключим одного или двух, то здесь никто не живет в долг, следовательно роскоши здесь не знают; да и спокойствия, в житии нашем необходимые, здесь до губернатора Чичерина совсем были неизвестны. До него люди между собою мало имели сообщения. Он здешних жителей силою, сказывают, возил к себе на собрания. До него судьи в присутствии езжали в тулупах и халатах (теперь еще некоторые из купцов тулуп носят вместо шубы сверх кафтана). Часовые стояли в балахонах. До приезде сюда известного Пушкина за столом все пивали из одной кружки и едали из одной чашки. Вообще сказать, все, что здесь входит в употребление, заимствуется от несчастных, сюда присылаемых на жительство, и с открытия наместничества – от помещенных приезжих из России в губернском штате. Но сих последних очень мало.

Я надеялся, что можно мне будет отправиться отсюда в начале мая месяца, но теперь вижу, что сие невозможно. Май уже близок, но дороги худы чрезмерно. Последняя почта пришла сюда пять дней позже обыкновенного.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Если ваше сиятельство не изволите поскучать, то я буду о моем здешнем пребывании частые давать уведомления. А теперь, пожелав вам непременно здоровья и ко мне продолжения вашей милости, есмь с глубочайшим почтением вашего сиятельства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Александр Радищев.

Тобольск,

апреля 19 дня 1791 года.

Сестра моя и дети свидетельствуют вашему сиятельству усерднейшее свое почтение.

б

Милостивой мой государь, граф Александр Романович. Письмо вашего сиятельства чрез здешнего вице-губернатора Ивана Осиповича я получил и с чувствительностью приемлю участие, которое оказывать изволите о моей болезни. Я в равном нахожусь положении, как и прежде; кашель мой хотя меньше, но не проходит. За холодную погоду здесь было тепла 21 градус, как то я вашему сиятельству имел честь доносить; сего же дня опять мерзнет. Но со всем тем погода здоровая, ибо частые ветры разгоняют влажность и туманы, которые здесь без того были бы часты. Реки здешние начинают наполняться водою, и разлитие их последует в половине сего месяца и продолжится почти до половины июня, чем дороги делаются здесь затруднительны, нередко и опасны. По стечению же вод нигде, сказывают, дороги таковы не бывают, как в Сибири, – ровны, гладки и безопасны. До прошедшего года неизвестно было, чтобы произошел по дороге разбой. В прошлом году разбита почта с деньгами. Говоря о деньгах, вашему сиятельству угодно было знать, довольно ли в Сибири медных денег. В Казани на пятирублевую ассигнацию трудно сыскать медных денег; напротив того, уже в Перми на сторурублевую дают медь охотно. Несомненно, чтобы нашлись предприимчивые люди, которые могли бы из Перми зимою и летом по Каме возить деньги для промену; но строгое смотрение в Казани, дабы не брали ажио[69], много тому препятствует. Здесь не только нет в медных деньгах недостатка, но на мелкие ассигнации дают промен. Что меня, однако же, удивляет, что здесь много обыкновенных медных денег, следственно, и изобилие оных происходит не от того, что здесь особая монета, но от того, что часть денег, в Екатеринбурге вытаскиваемых, обращается в Сибирь. Но сколько мог приметить, то здесь денег больше старого тиснения, а в Перми нового.

Хотя я вашему сиятельству и писал, что камней здесь нет, однако видел дикой камень, которой ломают за 15 верст отсюда. Как мне без повреждения здоровья моего опасности туда съездить будет можно, то оную осмотрю.

Из полученного мною вашего сиятельства письма из Иркутска я усматриваю, что, не преставая ко мне ваши благодеяния, вы изволили для меня еще переслать 500 рублей. Чем могу я вам за то воздать? Вы мне сохранили остатки томной жизни, и вы еще стараетесь, чтоб она мне была не в тягость! Верьте, что если бы и отъяли от меня благодетельную вашу руку, то не меньше я о вас напоминать буду с благоговением. С таковыми чувствованиями семья моя и я есмь и будем в глубочайшем почтении, именуясь вашего сиятельства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Александр Радищев.

Тобольск

мая 2 дня 1791 года,

Р. S. Какую же благодарность должен я принести вашему сиятельству за газеты; вы мне прислали разные, и хотя они зачастую говорят об одном и том же, но каждая делает это на свой лад и в одной частенько встречаются истории, которых нет в другой. Итак, я умоляю ваше сиятельство не отказать мне в этой милости и продолжать присылать все газеты, которые вы так благосклонно начали высылать мне, ибо я полагаю, что, прочитав газету, ваше сиятельство уже более не нуждаетесь в ней. «Меркурий» также доставил мне развлечение, а «Энциклопедический дневник» до октября 1790 г., который мне дали здесь для прочтения, привлекает меня своим разнообразием. Если большинство газет и обречено на недолговечность, они, по крайней мере, каждый раз дают хронологическую картину (если можно так выразиться) состояния литературы того

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru или иного народа, да и не только литературы, но поистине также и картину, часто отмеченную общим духом народа и его поступательным движением или отставанием в развитии различных отраслей человеческого знания. И если сблизить и сравнить эти картины духа различных народов, сколь отрадно видеть, как соперники по умственной деятельности, как бы выходя на арену, устремляются вперед на этом ристалище, с удвоенными силами, оспаривая первенство, стараясь обогнать и превзойти друг друга; и как в иных случаях начинают беспощадно блуждать и теряться в туманных умствованиях, думая достичь цели. И именно в этом по степени дерзновения познаешь характер гения различных народов и различные преграды, которыми часто замедляют стремительный бег этого неукротимого скакуна.

Надо признаться, что чтение периодических изданий наводит некоторую скуку из-за большого количества сообщений о произведениях и событиях, связанных с французскими делами. Один из этих листков, о котором упоминает гамбургский газетчик, замечателен по своему заглавию. Вот оно: «Папаша дю Шен – чертовский патриот». Это до последней степени забавно, но действующие лица часто того заслуживают. Шутка «Лондонского курьера», заимствованная из английского памфлетного издания под названием «Тайме», или «Время», хотя по-британски тяжеловесна, но достаточно в их духе. Там сказано, что Национальное собрание собирается издать закон, по которому левая рука отныне будет называться правой, потому что сердце помещается с левой стороны, а нельзя не считать правым то, где расположена благородная часть человеческого тела. Тем не менее есть и хорошие сочинения. Более всего внимания французы уделяют политике и законодательству. Сочинение Де Бросса «О способе упрощения сбора податей и отчетности», насколько можно судить по выписке, предлагает ясный метод и уточняет предметы, на которые следует обратить внимание. «Политическое положение Франции» Пейссонеля – сочинение, которое я читал еще в Петербурге, – хорошо написано, притом мастером своего дела. Но, поскольку политическое положение государства меняется почти с каждым правлением, подобные труды обречены через несколько лет лишь на то, чтобы занять свое место на книжных полках.

«Библиотека общественного человека», хотя повременное издание, отличается по подбору печатаемых сочинений, и одно имя Кондорсэ уже говорит в его пользу. Признаюсь, что мне бы очень хотелось прочесть творения Кондорсэ, а также его комментарии к книге англичанина Смита.

В 1790 г. появились частные записки двух знаменитых людей – герцога Ришелье и герцога Шуазеля. Когда в истории встречаешь такого человека, каким был герцог Ришелье, то возникает вопрос, почему такой легкомысленный человек становится столь знаменитым? Причины этого не трудно понять, но можно задать вопрос – каким образом человек вроде герцога Ришелье мог совершить деяния, которые кажутся великими. В Афинах Ришелье был бы вторым Алкивиадом, во Франции – он был в Бастилии и был маршалом. Воспоминания некоего фурьера де Совбефа могут быть интересны, потому что они касаются турок. Он находился в армии великого визиря в 1788 г.

Прочитав объявление о «Всемирной галерее великих людей», я подумал о собрании портретов, которые имеются у вашего сиятельства в Мурина. Мне кажется, вы когда-то также считали, что они могут быть гравированы. Ваш портрет был бы первым в этом собрании. Если бы мне поручено было сделать надпись, я написал бы: «Редкий начальник»... и позвольте мне хранить про себя все, что я не посмел бы написать здесь, чтобы не оскорбить скромность. Вот человек, кто с одного края земли протягивает руку помощи до другого края, поддерживая жизнь несчастного семейства. Верьте, что это не лесть!

Если бы я не боялся показаться бесстыдным в глазах вашего сиятельства, я бы покорнейше просил вас ознакомить меня со всем, что есть нового о литературе на различных языках, на которых я читаю. В Петербурге я получал немецкую газету из Берлина, «Берлинский ежемесячник» и каталоги ярмарок, «Месскаталог», для английского чтения – прошу английскую газету, которая у меня есть лишь за первый год; для французского – «Энциклопедический дневник»; для русского – уж не знаю что.

Я встретил здесь, благодаря рекомендациям вашего сиятельства, очень хороший прием у губернатора и вице-губернатора.

Поверьте, милостивый государь, что я буду стараться быть всегда достойным этого, и если в благополучии я добивался снискать лишь ваше одобрение, вам не трудно

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
будет представить себе, что в несчастье я не хотел бы потерять ваше
расположение.

Если податель сего, курьер, вскоре отправится обратно, благоволите, ваше
сиятельство, оказать мне честь и ответить мне письмом, которое я смогу получить
довольно скоро.

7

Милостивый государь. Когда это письмо отправится из Тобольска, я уже буду на
пути в Иркутск. Признаюсь вам откровенно, что я не могу не испытывать чувства
тоски при мысли о тех безлюдных пространствах, куда мне предстоит удалиться.
Причины этого чувства слишком сложны, и я не хочу наскучить вашему сиятельству
их разбором. Но почему же мне не вообразить себя путешественником, который,
руководствуясь двумя своими излюбленными страстями – любознательностью и
славолюбием, бесстрашно вступает на неизведанные тропы, углубляется в
непроходимые леса, переправляется через пропасти, подымается выше ледников и,
достигнув назначенного им предела, с удовлетворением созерцает все свои труды и
тяготы. О, почему же я не могу признаться в подобном чувстве? Отнесенный к
разряду тех, кого Стерн называет «путешественниками поневоле», не пользу
поставляю я целью моего путешествия, и эта мысль подавляет всякое побуждение,
какое бы могло пробудить во мне любопытство. Избегая быть надоедливым, я всё же
могу наскучить вашему сиятельству; итак, я прерываю мои иеремиады!

Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще
века; но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в
летописях мира! Когда непреодолимая сила, когда могущественная причина сообщит
коснеющим народам этих стран благодетельную предприимчивость, свет еще увидит,
как потомки товарищей Ермака станут искать и откроют себе проход сквозь льды
Ледовитого океана, считающиеся непроходимыми, и тем поставят Сибирь в
непосредственное общение с Европой, а тем выведут громадное сельское хозяйство
этой страны из состояния спячки, в котором оно находится! Ибо, по тем сведениям,
которые я получил об устье Оби, о заливе, называемом русскими «Карское море», и
о проливе Вайгач, в этих местах нетрудно проложить короткий и свободный ото
льдов путь. Если бы мне пришлось влачить существование в этой губернии, я бы
охотно предложил свои услуги для поисков этого пути, несмотря на все опасности,
обычные для предприятий такого рода!

Если до моего прибытия в Иркутск представится случай написать вашему
сиятельству, то я поставлю это себе долгом и не премину его исполнить, повинувшись
в этом и вашим приказаниям и чувству, милому моему сердцу, – ежечасно возносить
благодарность тому, кто не забывает, что и я некогда был чем-то. Соблаговолите
продолжить ваши милости и будьте уверены, что я всю жизнь остаюсь с глубочайшим
почтением и непоколебимой преданностью вашего сиятельства покорнейший слуга

Александр Радищев.

24 июля 1791.

Тобольск.

8

Милостивый государь.

Какой-нибудь шутник, может быть, и найдет, что мои письма к вашему сиятельству
начинаются с общего места; может быть, это нагоняет тоску и на вас, но чувство
благодарности стало столь привычным для моего сердца, чувством столь для него
милым, что вовсе не изъявлять вам мою благодарность было бы тягостно, а совсем
не говорить об этом стало бы для меня лишением. Декарт делал следующий вывод:
сомневаюсь, – следовательно, существую; а я бы сказал: наслаждаюсь еще счастьем
быть вместе с детьми, – следовательно, я отнюдь не забыт вами. Забыт! Вы
заботитесь о том, что до меня касается. На днях я открыл ящики с книгами,
которые вы, ваше сиятельство, мне прислали; мне показалось, что я сам был в
книжной лавке и выбрал их для себя! Ах, милостивый государь, в какой громадный
долг вы меня вводите! Как же мне расплатиться? Обычной данью... и более ничем!

Два дня тому назад мы уже отправили в Илимск водным путем почти все наши
пожитки, добавив к ним необходимые запасы. Мы же поедем только по санному пути,
потому что летом, если только не следовать по реке, дорога доступна лишь для

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
верховой езды. Я заказал приготовить несколько пар саней, по первому снегу мы тронемся в путь.

Иркутск расположен далеко не так красиво, как Тобольск. Кроме узкой долины, образуемой Ангарой и далеко протянувшейся, весь остальной горизонт довольно близко загражден лесистыми горами. Живописнее всего здесь река, огибающая город с двух сторон. Из всех рек, через которые мы переправлялись, не исключая даже Чусовую, текущую по Уралу, Ангара самая быстрая и по причине своей большой быстроты покрывается льдом весьма поздно. Не знаю, верить ли тому, что здесь рассказывают, как она покрывается льдом; утверждают, что на дне реки образуется нечто вроде снега или ледяной корки, которая затем поднимается на поверхность и превращается в лед. Это было бы совсем необычайным явлением, и объяснение его, на мой взгляд, было бы вовсе не так легко.

Я еще раз приношу вашему сиятельству мою нижайшую благодарность за все посылки, что вам угодно было мне отправить; прошу вас сохранить обо мне память и верить, что, пока дыхание жизни будет одушевлять мое тело, да и почему же мне не сказать, что и после моей смерти, я не перестану благословлять вас. Это – чувство моего сердца; и в тот миг, когда душа полна своим предметом, вычеркивая все условные выражения письменных заключений, я скажу: ваш сердцем и душою

А. Радищев.

Иркутск,

29 октября 1791 г.

9

Милостивый государь.

Я только что получил письмо от вашего сиятельства в ответ на одно из моих, написанных сразу же после моего прибытия в Иркутск, в котором вы говорите, что вам приятно было узнать о моей радости по поводу книг, которые ваше сиятельство сооблаговолили мне прислать. Да и как же мне не радоваться?

Если я не столб, не бесчувственная глыба, не деревянный чурбан, если хоть самая что ни на есть слабая искра чувствительности способна взволновать мои чувства, я не только должен быть (и в действительности это так) доволен, счастлив превыше меры, но когда я вспоминаю всё сделанное для меня вашим сиятельством, я не могу найти выражений, равносильных вашим благодеяниям, хотя бы и равносильных моей признательности.

Две недели тому назад я получил большую пачку книг, сундук, наполненный всем необходимым, чтобы одеться с головы до ног, а сейчас еще и деньги! Помилуйте, я уже получил тысячу рублей по приезде моем в Иркутск! Если я добавлю к этому, что вы сооблаговолили удовлетворить мои бессовестные просьбы о присылке книг, так неужто вы можете подумать, что меня совершенно невозможно заставить покраснеть? Я заверяю вас (нужно ли поклясться в этом?), что я не испытываю ни в чем недостатка, а как только откроется кяхтинский торг, – нам будет и того легче. С тех пор как я покинул родные места, я часто проливал слезы досады, горя, ярости; ах, сколько к тому было поводов и причин! Слезы льются из моих глаз и сейчас, когда я пишу вам – говорить ли вам, чем они вызваны? Нет! Льющиеся от полноты чувств, породивших их, да падут они на ваше великодушное сердце. Вы их поймете – это слезы моего сердца.

Мои малютки были вне себя от радости при виде маленьких календариков, которые ваше сиятельство изволили им прислать. Я не заставляю их самих писать вам о своей благодарности. Если я буду водить их рукой, то получится нечто принужденное, и в письме ребенка будет чувствоваться дух наставника; если же они станут писать сами, то выражения их, так же как и чувства, будут бледными и сбивчивыми. В обоих случаях они нагонят на вас только скуку. Настанет день, и они оценят того, кто спас их отца от отчаяния, Сердце их научит его ценить. Пока же им знакомо только его имя; тогда они узнают всё, чем обязаны ему.

К моим обычным занятиям присоединилось еще одно, зачастую тяжелое, но утешительное в своей основе, занятие если и не приятное, то милое моему сердцу: я сделался здешним лекарем и хирургом. Хотя я в сущности лишь невежда и знахарь, но моя добрая воля частично восполняет недостаток необходимых знаний, а ваши

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
благодения дали мне возможность удовлетворить мои стремления. Я почти не дотрагиваясь до ящика с лекарствами, а теперь частенько заглядываю в него, и так как не может быть следствия без достаточной к тому причины, подумайте только, что, благодаря вам, на далеком расстоянии, равном $1/7$ окружности всего земного шара, будут жить существа, если и не разумные, то, по крайней мере, чувствующие и страдающие, которые окажутся обязанными именно вам то сохранением какой-либо части тела, то возможностью пользоваться всеми своими членами, а иногда и продлением жизни, и которые были бы тем более счастливы, если бы в своей лесной глуши жили еще более неведомы миру. Ах, я сказал бы, что обширность знаний у просвещенных народов оторвала миллионы людей от первобытного счастья, от блаженства естественного состояния, если можно так выразиться, от жизни спокойной и простой, так как принудительный переход из одного состояния в другое, даже в лучшее, дает себя почувствовать с хорошей стороны часто лишь по прошествии столетий, и так же часто ярмо, наложенное изменением состояния, тяготее еще и на отдаленном поколении, вкушающем уже плоды этих изменений. Настолько естественный человек остается неизменным в человеке общественном.

Проживая в огромных сибирских лесах, среди диких зверей и племен, часто отличающихся от них лишь членораздельной речью, силу которой они даже не в состоянии оценить, я думаю, что и сам превращусь, в конце концов, в счастливое человека по Руссо и начну ходить на четвереньках. Этот г-н Руссо, как мне сейчас кажется, – опасный сочинитель для юношества, опасный отнюдь не своими правилами, как это обычно считают, но тем, что он весьма искусный руководитель в науке чувствительности, а это почтенное качество, которое следовало бы уважать даже в заблуждениях, ей-богу, не стоит подчас и ломаного гроша, так как обыкновенно идет в сочетании с тщеславием, и самого Руссо обвиняли в том, что он второй пес-Диоген. В конце концов, этот пес-Диоген просил даже у Александра только одного, чтобы тот шел своей дорогой и позволил ему свободно наслаждаться лучами солнца. По чести скажу, что этот пес стоил больше, чем красавец полосатый тигр: он совсем не кусался.

Неделю у нас стояли морозы более 30° , а теперь погода смягчилась, и морозы стали постепенно падать. Сначала 25, затем 20, затем 18 или 17; сейчас по ночам бывает не больше 15–16 градусов мороза, а в полдень от 0 до 6–8. Воздух чист, небо безоблачно. С тех пор, что мы здесь, было только два снеговых дня, но зато и ветра почти нет, а если и есть, так пустынный. Мы здесь как в погребе, если мы и хорошо защищены от ветров, то зато летом воздух должен быть чрезвычайно душным. Это мы увидим. Весна и лето обещают мне весьма приятные развлечения. Так как местность гористая, у меня будут широкие возможности заняться горными разведками. Я вошел во вкус этого занятия с тех пор, как впервые набрел на устричный слой на берегу Оки. Как я жалею теперь, что в дни моей юности я пренебрегал изучением естественных наук, особенно минералогии и ботаники. То небольшое, что я почерпнул впоследствии из книг, мне недостаточно, я это вижу. Я огорчен, что уехал из Иркутска, так и не повидав г-на Лаксмана, человека весьма знающего в этой области. Впрочем, мне кажется, что я найду здесь вещи, никому еще не известные. Мне хотелось даже употребить на пользу зиму и подняться на гору, примыкающую к Илимску, но не мог научиться ходить на лыжах. Несколько раз я глубоко увязал в снегу – и так и остановился на этом. И тут я опять прибегаю к вашему сиятельству и прошу соизволить послать мне при случае путешествия академиком, а именно путешествия Штеллера и Гмелина. Я знаком с произведениями других авторов и даже с книгой самого Гмелина, имеющейся на русском языке; однако те сочинения, которые я прошу, насколько мне известно, не переведены с немецкого подлинника, равно как и «Сибирская флора» Гмелина.

Илимск не оживится от торга с китайцами, как ваше сиятельство склонны были полагать. Вся его торговля пушниной, а другой здесь нет, ограничивается тем, чтобы продать оптом то, что покупается в розницу от промысла здешних охотников, то есть 30–40 тысяч беличьих шкурок самого низкого качества. Двое или трое из посадских людей, жительствоющих здесь, занимаются этой торговлей, да и то один из них состоит посредником иркутского купца. В ноябре и в конце мая сюда приезжают закупать всю добычу звериного промысла. Приезжие купцы привозят всякого рода мелочные товары, в которых простой народ испытывает нужду. Обозы пушнины, о которых ваше сиятельство говорите, идут на Енисейск и Москву из Якутска. Илимск представляет собою пристань, где грузят товары на суда и отправляют водою до самого Енисейска. Говорят, что в августе сюда пригоняют сразу от 300 до 400 лошадей, груженных пушниной, и что здесь они стоят 10–15 дней. Это будет время нашей ярмарки, наше горячее время, и я буду иметь удовольствие послать вашему сиятельству подробное о сем донесение.

Думаю, что уже время кончать мое бесконечное послание; но ваше сиятельство всегда так ободряете меня вашей снисходительностью, с которой вы выслушиваете мою болтовню, что я не в состоянии положить перо, не заполнив несколько страниц; кончаю тем, с чего начал: тем, что я глубоко тронут вашими милостями, что не нахожу слов, которые могли бы выразить мои чувства, и, наконец, я просто умолкаю, проклиная от всего сердца мое безрассудство, обрекшее меня на общество медведей, лосей и других диких зверей, лишившее общения с родными и с человеком, к которому я питаю почтение продуманное, уважение прочувствованное и душевную привязанность, – мое безрассудство... которое... об остальном и говорить не стоит! Поверьте, однако, что весел ли я или печален, говорю дельно или шутя, чувство мое к вам остается то же, неизменно то же. Если бы наши душевные движения могли претворяться в черты физические и удобопонятные, то после моей смерти, вскрыв мои останки, люди нашли бы ваш образ, запечатленный в моем сердце; кровь моя ожила бы еще на мгновение – и к тому были бы основания!

17 февраля 1792.

Илимск.

10

Милостивый государь.

Насколько благоприятно складывалось для нас начало этого года, настолько он мало радует нас теперь, и случай написать вашему сиятельству, хотя и страстно ожидаемый, представился лишь нынче. Итак, с 9 апреля, со дня отправки моего последнего письма, только сегодня я могу удовлетворить желание моего сердца и выразить вам мою неизменную признательность.

Хотя начало моего письма и может показаться старомодным, всё же скажу, как говаривали в старину наши деды: жив, и слава богу! Гораздо важнее другое: здоровье мое довольно сносно. От всей души желаю вашему сиятельству сказать о вашем здоровье: оно не только довольно сносно, но и отменно хорошо.

Мы проводим время в обычных занятиях и в летних развлечениях (если не упоминать о мошкаре), к которым иногда примешивается некоторое чувство боязни, нераздельно связанное с нашим ненадежным положением, страха, который, по выражению латинского поэта, сидит у нас за плечами. Погода в мае у нас стояла прекрасная для прогулок, крестьян же она приводила в отчаяние. Ночью подмораживало, а в полдень бывало до 20 градусов тепла; всё это и вызывало необыкновенную засуху. Июнь положил конец заморозкам, и место их заступила удушливая жара. Термометр постоянно показывал от 22 до 26 градусов в тени. На солнце он поднимался более чем до 40 градусов по Реомюру. Таким образом, все посева погибли; лишь огурцы обещают дать обильный урожай. Вот уже неделя, как непрерывно идут дожди.

Соблаговолите, ваше сиятельство, простить мне эти мало любопытные подробности. Но как садовник я прошу вашего снисхождения. Здесь новости по необходимости чрезвычайно скудны; после того как прошла охотничья пора, всё здесь в бездействии, прерываемом лишь щедрыми и частыми возлияниями Бахусу, которые, в свою очередь, определяют изобилием или скудостью минувшей охоты. Кажется, я уже говорил вашему сиятельству, что охота на белку – а она является здесь основной – была весьма неудачной, что и вызвало поднятие цен на нее превыше всякого ожидания. С другой стороны, китайские товары также вздорожали. Говорят, что в Иркутске всё подорожало. Этому никак не следует удивляться, ибо наличные деньги, которые из-за прекращения торговли с Кяхтой почти не доходили до этой губернии, внезапно вновь в изобилии хлынули сюда, и всё это, конечно, подняло цены. Особенно на извоз. Мне сказывали, что до Томска было плачено с пуда 3½ рубля, вместо 80–90 коп., как платили ранее.

Продолжая мои ведомости и пополняя их, я включаю сюда маленькое происшествие, случившееся со мной несколько дней тому назад. Само по себе ничего не значащее, оно среди тысячи других является доказательством лукавства здешнего народа. Впрочем, если при чтении вы почувствуете малейшее желание зевнуть, пропустите страницу и помилуйте пишущего.

В 50 верстах отсюда, вверх по Илимю, находится очень богатая, известная всем залежь железной руды, которой раньше имел обыкновение пользоваться илимский кузнец. Я раздобыл образчик руды и сгорал от желания увидеть залежь. На прошлой

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
неделе я поехал туда на лодке вместе с сыном; случаю было угодно, чтобы мы прибыли на место глубокой ночью. На следующий день, сообразуясь с моими данными, я осмотрел местоположение залежи, вернее холмик, в котором она находится. Покончив с этим, я захотел подняться на вершину холма, и, чтобы не заблудиться в лесу, покрывающем всю эту местность, я взял в проводники старосту деревни, где мы ночевали, расположенной в полуверсте. Мы с сыном отправились в путь. Однако наш проводник, вместо того чтобы привести нас на желаемое место, заставил нас взбираться сквозь чащу и заросли мокрой травы на весьма крутую гору. Мы поднялись на нее с мужеством, достойным аргонатов, и, достигнув вершины, оказались в лесной чаще, где не было ни единой тропинки. Тогда лукавый поселянин сделал вид, что ищет место разработки, и кончил тем, что сказал, будто не имеет никакого понятия об этой залежи. Пришлось вернуться, так и не повидав направления залежи, но утешая себя надеждой, что в другой раз мы найдем лучшего проводника.

Приключение само по себе весьма незначительное, но из него можно заключить: 1-е, что местный житель любит лукавить и обманывает сколько может даже в тех случаях, когда правильно понятая выгода заставила бы его предпочесть честное отношение. 2-е, что он отстраняет от себя и пытается уклониться от всякого новшества, от всякого соседства с людьми. Первое кажется ему тягостным бременем, второе досаждающим; он счастлив в своем логове, общество людей ему несносно. Он проводит часть своей жизни одиноко, живет отшельником и появляется среди себе подобных для того лишь, чтобы одурманить себя винными парами. Неограниченный хозяин своего скота и своих детей, – а последние подчиняются его воле если не с уважением, то по крайней мере с покорностью, превышающей уважение, – он желал бы жить и умереть никому не ведомым. Таков здешний житель. Таков он, может быть, и во многих других местах Сибири.

Общепризнанным свойством, присущим здесь даже простому люду, является сутяжничество, и если в России человек из народа мстит, прибегая к физической силе, то сибиряк, желая отомстить, скажет: я его доеду. Если его спросят, каким способом, он ответит: бумажкой. Другим весьма примечательным свойством является желание прихвастнуть, приукрасить всякий свой поступок, будь то самая ничтожная безделица. Не заложено ли в самой природе вещей, что охотник всегда лгун. Свойство, как говорят, столь присущее курляндским дворянам.

Виды здесь мало приятны: картины природы не отличаются разнообразием, так как горизонт везде ограничен довольно высокими горами. Однако во время моей поездки к рудной залежи я наткнулся на довольно красивый вид, казавшийся несколько нарочитым, вроде тех, которые видишь в английских парках или садах. От места против деревушки, находившейся почти прямо передо мной, открывался вид на узкую долину за деревушкой, эта долина терялась вдаль, а за ней виднелся дремучий лес. Напротив лежало возделанное поле, покрытое зеленеющими хлебами и заканчивающееся высоким лесистым холмом, стоящим особняком от горной цепи, идущей вправо. В сторону видно было более чем на пять верст. Там виднелась река, образующая изгиб и теряющаяся за омываемым ею островом и, хотя ее течение извилисто, от наблюдателя ее скрывали несколько рожиц, так что казалось, будто виден огромный, широко раскинувшийся луг, окаймленный цепью высоких гор, вследствие отдаленности казавшихся голубоватыми. Левая сторона заканчивалась лужайкой, небольшие размеры которой скрывали низкие кустарники. В середине пейзажа стоял хутор или деревенский дом, со всеми службами сына боярского. Это был лучший вид, которым мне пришлось любоваться впервые почти за два года, однако он ничто в сравнении с прекрасными местами в окрестностях Тобольска. Взор, следуя за извилистым течением Иртыша, видит как бы сады и рожицы. Так бы оно и было, не будь Сибирь почти безлюдной пустыней, а она еще долго будет пустыней, этого требует непреложный ход вещей. Обитатель этой пустыни, которого ваш голос вернул к жизни, живет здесь еще довольно весело со своей подружкой и двумя малютками.

Наша общая молитва, наша ежедневная молитва: господи, подай ему долголетия, подай ему благоденствия!

13 июля 1793 г.,

Илимск.

11

Милостивый государь.

Более трех с половиной месяцев протомился я, не получая ниоткуда никаких известий; наконец здешний священник, приехав из Иркутска, привез нам несколько писем. Но от вашего сиятельства ничего. Неужели вы забыли меня? Нет, не могу поверить – сердце мое отвергает мысль, которую оно сочло бы для себя преступлением.

Мы вели здесь жизнь довольно спокойную и настолько приятную, насколько позволяет наше бедственное положение. Душа моя была спокойна, и разум мог еще заниматься поисками истины. Но с недавнего времени я чувствую себя совсем иным. Всякое занятие мне надоедает; я не могу оградить себя от невольной тоски. От вас никаких известий. Дай бог, чтобы причиной этого была не болезнь. Отец мой сообщает, что он ослеп; дети мои в Петербурге одни, предоставленные самим себе на пороге юности. Ужасная истина, которую знаменитый поэт выразил в стихе, представляется уму во всей своей силе:

Как редки в старости безоблачные дни.

Тем не менее я пытаюсь рассеяться: брожу по окрестным горам, исследую их строение и стараюсь приобрести некоторые познания в минералогии. Несмотря на это, скорбь, по выражению латинского поэта, у нас за плечами. Но перейдем к другому. Если бы я был воспитан в суевериях старинного богословия или если бы, случайно, я мог поверить, будто мир населен множеством невидимых существ, которые управляют ходом событий и которым нравится руководить поступками людей, я должен был бы поверить, что некое благосклонное, но в то же время лукавое божество пожелало выполнять мои желания, быть может нескромные, высказанные в разное время.

С малолетства во мне жила страсть к дальним путешествиям; мне давно хотелось повидать Сибирь. Желание мое исполнилось, хотя и весьма жестоким путем. Чтение описаний великих явлений природы всегда приводило меня в восторг. Читая рассказы путешественников о Неаполе и Сицилии, я взбирался вместе с ними на Везувий и Этну. Сердце мое сжималось при повествовании о бедствиях Калабрии, но втайне я желал ощутить под собой колеблющуюся почву, и я покинул Иркутск весьма опечаленный, что не повидал там китайцев и ни разу не почувствовал, как под моими ногами колеблется земля. Последнее мое желание осуществилось, потому что 10 мая в 4 часа утра у нас было землетрясение. Я спал, когда внезапно был разбужен колебанием кровати. Она колебалась, как будто кто-то ее шатал. Спросонья я на самом деле подумал, что это делал мой сын, спавший в нише у моего изголовья. Я окликнул, но никто мне не отвечал. Толчки прекратились, затем через несколько минут возобновились, но уже гораздо слабее. По-видимому, они шли с запада и в направлении здешних гор, исходя, должно быть, от горной цепи вдоль Ангары. Землетрясение ощущалось по всему верховью Илима, но не у его устья. Погода была тихая и пасмурная, барометр показывал 27 дюймов 3 линии, и я не отметил никаких отклонений. Термометр показывал 4 градуса выше точки замерзания. Если бы по соседству с нами начал действовать вулкан, если бы я увидел поток пылающей лавы, все мои дерзкие пожелания исполнились бы, и я мог бы сказать: господи, ты отпускаешь меня, исполнив желание лучшей поры моей жизни! Но желания, наиболее милые моему сердцу и более поздние, останутся: желание увидеть вас снова, хотя бы один раз в жизни, желание увидеть моих престарелых родителей, друзей, детей. И если бы прежде я легко распростился с ними, чтобы помчаться, с опасностью для жизни, в дальний край смотреть на пылающий вулкан, то теперь я бы предоставил всем возможным вулканам производить опустошения, не удостоив их даже взглядом, и предпочел провести час в обществе дорогих мне людей, не испытывая желания наблюдать самые блестящие потрясения обновляющейся природы.

Если бы я не боялся быть чересчур многословным, я послал бы вашему сиятельству описание религиозного обряда тунгусов, который они выполнили по моей просьбе, стоя под Илимском. Этот обряд, называемый шаманством, простонародие полагает призыванием дьявола и обычно считает плутовством для обольщения доверчивых зрителей; я видел в этом только один из многих способов проявления чувства пред всемогуществом существа непознаваемого, чье величие проявляется в самых малых вещах.

Вознося к этому великому существу наши ежедневные молитвы о том, чтобы оно хранило вас, мы говорим вам – ах, вспоминайте иногда тех несчастных, которые только вами и дышат.

Илимск,

июнь 1794 г.

12

Милостивый государь. Со времени отправления моего последнего письма вашему сиятельству у нас здесь около трех недель стояли сильные морозы. Ртуть в термометре опустилась ниже 33 градусов, и стужа была тем ощутительнее, что дули ветры, а это редко бывает при сильных морозах. Вчера градусник стоял на нуле; а такую перемену переносить еще труднее, чем длительный, но умеренный мороз. Мороз до 20 градусов мы переносим довольно легко, но более сильный становится неприятным.

Смерть двух русских купцов, о чем ваше сиятельство соблаговолили уведомить меня в последнем письме, поистине большая утрата. Озеров, я полагаю, был единственным или почти единственным среди русских купцов, который вел крупную торговлю с иноземными странами и имел торговый дом в Швеции. Конечно, наследники не будут продолжать его дел. Будь сын его жив, всё было бы по-другому.

Беличий промысел этой осенью был весьма скудный, поэтому цена на белку повысилась. Илимск, когда-то поставлявший 30000 шкурок, на этот раз не дал и 5000. Здесь белку продают по 110 рублей за тысячу, а в Иркутске цена – 106 рублей. По такой дорогой цене белку здесь покупают скупщики, и даже самые осторожные из них платят по 100 рублей за тысячу. Когда я приехал сюда, ее продавали по 75–80 рублей за тысячу, зато и добыча в 1791 г. была богатой.

Я всё более и более укрепляюсь во мнении, что кяхтинский торг поднимает цену на некоторые товары только случайно, и это могло бы также явиться подтверждением моего суждения, противного общепринятому, которое я высказал в одном из писем к вашему сиятельству по поводу торговли с китайцами. Я обещал прислать пояснение, и вот уже более полугодя, как письмо мною написано; но, поскольку оно значительно превосходит размеры обычного письма, я полагал, что не должен затруднять ваше внимание кучей подробностей и мелочей, которые, приводя меня довольно часто, может быть, и к ложным заключениям, не могут не нагонять скуку. Тем не менее, желая выполнить свое обязательство, пусть с опозданием – и даже с большим! – я прилагаю к сему краткое содержание моего длинного и скучного письма и буду премного счастлив, если ваше сиятельство удостоите его взглядом.

Позвольте мне высказать здесь соображения о торговле с китайцами. Из всего, что я слышал (мое утверждение основано только на слухах, возможно и совершенно превратных, и за него я не ручаюсь), можно вывести, что способы этой торговли должны быть в некоторых отношениях преобразованы. Доверие и честность не только не лежат в основе сделок между русскими и китайскими купцами, но как те, так и другие делают всё на свете, чтобы лучше обмануть друг друга; и когда обман удается, обманщик потешается простотой обманутого, а обманутый называет счастьем преступную ловкость обманщика. Хорошо одно, никто этого в строку не ставит, и это не приводит к тяжбам.

Говорят, что китайцы всегда недобросовестны, но мне кажется, что мнение, будто торговый обман позволителен в какой бы то ни было стране, заключает в себе противоречие. Когда-то считали, что лакедемоняне были ворами по убеждению; затем от этого отказались. А нельзя ли подать китайцам пример торговой честности? Это было бы, несомненно, превосходно, если и не с политической точки зрения, то, по крайней мере, с точки зрения разума и добродетели. Не явится ли средством к достижению доверия сортовое клеймение товаров, продаваемых в тюках или связках. Это вызовет нарекания, в особенности со стороны сибиряков, – но кто же не знает их коварства!

На этом торге существует если не закон, то обычай, в силу которого все товары, продаваемые китайцам, подлежат оценке, и нарушение этого закона или обычая влечет за собою денежные штрафы, а иногда и недопущение к заключению сделок. Заметно с первого взгляда, что в стране, где торговле (по крайней мере, внутренней) не чинится помех или эти помехи являются косвенными, заметно, повторяю, что для купцов такое правило весьма стеснительно, и, следовательно, его стараются обойти, когда только это возможно, что, говорят, и бывало с первейшими купцами при возобновлении торга. Это правило возникло как бы в отместку за правило китайцев самим назначать твердые цены на все их товары; зависть русских купцов также в какой-то мере способствует этому, но является уже

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
причиной второстепенной. Возможно, я и ошибаюсь, но какое же неудобство может быть в том, чтобы предоставить полную свободу продавать свои товары по желаемой цене. Кто знает, не заставит ли это тех же китайцев переменить или вовсе отменить их твердые цены; хотя, по правде говоря, изменение простого обычая уже было бы для китайцев чем-то необыкновенным.

Ваше сиятельство спрашиваете меня в одном из писем, каково население Илимска. Во всем Илимске 45 домов, а тот, в котором я живу, 46-й и вместе с церковью и городской ратушей стоит посредине поселка. Дома расположены на месте старой крепости, или острога, от которого осталось только несколько башен, угрожающих падением. Кроме этих 45 домов, есть еще домов 15 пустых и необитаемых, из коих три на противоположном берегу реки, примерно в четверти версты от Илимска, и шесть в старом остроге, в версте от нас. Население состоит из мещан, казаков и крестьян и не превышает 250 душ обоего пола. Делами мещан ведает ратуша, состоящая из бургомистра и его помощника – старосты. У казаков начальником сотник, а крестьяне подчиняются волостной избе, находящейся в 200 верстах отсюда к верховью Илима. Кроме того, здесь есть один купец, служащий казенной палаты по части хлебного вина, которого здесь на складе в год бывает до 1000 ведер, идущих в продажу вдоль по Илиму на 400–500 верст для населения свыше 4000 душ обоего пола.

Позвольте мне иметь честь поздравить ваше сиятельство с новым годом, который наступает и уже наступит, когда это письмо дойдет до вас. Это приветствие – отнюдь не простая учтивость, но движение души чувствительной и благодарной. Да пребудете вы в счастье и в добром здравии! Я думаю, что это основа всех человеческих благ. Если бы только мне пришлось снова увидеть вас! Я почитал бы для себя несчастьем умереть, не повидав того, кто сохранил мне жизнь. Сестра моя тоже шлет вашему сиятельству новогодние поздравления, и, поскольку она является верным эхом моих чувств, ее пожелания не могут отличаться от моих.

Я осмеливаюсь обратиться к вашему сиятельству с довольно бессовестной просьбой: не соизволите ли прислать мне с благоприятной оказией каких-нибудь семян дыни. Я думаю, мне удастся вырастить их в парниках со слюдяными рамами, какие имеются в моем огороде. Пора закончить мою скучную литанию; обычно принятое заключение письма, когда уже порядком надоел, плохое оправдание, и каждый вправе сказать пишущему – эй, что же ты не кончишь как можно скорее словами: ваш... надоедливый слуга. Добавьте только к этому, что писать вам – наисчастливейшие минуты моей жизни.

<Конец 1794?>

13

Милостивый государь.

Пробыв в Москве четыре дня, не повидавшись ни с кем и сделав несколько необходимых покупок, я вот уже с неделю, как прибыл к себе домой. Ваше сиятельство не можете себе представить почти детскую радость, которую я испытал, увидев, что, наконец, достиг цели и что мое возвращение из ссылки осуществилось. Потому что, признаюсь в этом, может быть, и к стыду моему, всё время, пока я был в дороге и видел подле себя фельдъегеря, мне всё еще казалось, что я в Илимске. Воображение порою и теперь переносит меня туда; потрясенный, переставший быть, так сказать, самим собою, вследствие роковой утраты, постигшей меня в Тобольске, я продолжаю следовать за моими воспоминаниями, которые ведут меня по путям злосчастья, и питаться лишь печальными и бедственными предметами. Хорошая погода вызывает в моем воображении более веселые картины, но гроза и дождь, загоняя меня под кровлю и умеряя некоторым образом его полет, наполняет грустью всё мое существо.

О, как я хотел бы повидаться с моим престарелым отцом! Это – потребность сердца моего, но еще более это необходимо по моим домашним обстоятельствам. Если я получу милостивое разрешение съездить к нему, это будет такая же великая милость, как и разрешение вернуться из Илимска. Если нет, я пошлю к нему моего сына.

Пребывание в деревне во многих отношениях ново для меня. Люди здесь тоже для меня новы. Сходство с сибирским народом, которое я нахожу в них, – лукавство.

Я вызвал неудовольствие своих крестьян, запретив им женить малолетних, что

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru является здесь обычаем почти повсеместным и может быть причиною тому, что население вовсе не будет возрастать, как это должно было бы быть: это одна из причин, тому содействующих.

Я умоляю ваше сиятельство помнить о том, кто и в изгнании и на родине всегда неизменен.

А. Радищев.

24 июля <1797 г.>

Немцово.

14

Милостивый государь.

Мое последнее письмо к вашему сиятельству, если оно дошло до вас, могло вам показаться весьма мрачным, и я искренно прошу за это прощения. Сто раз я повторял себе, зачем писать столько лишнего, зачем нагонять на него тоску, хотя бы и на мгновение. Потому что, признайтесь, мое письмо таки нагнало ее на вас. Со своей стороны признаюсь, что мне невесело.

Однако я призываю к себе на помощь всю философию и риторiku; я обращаюсь к рассуждениям и силлогизмам всякого рода; я избавляю ваше сиятельство от их содержания, и, мужественно выдержав бой, чтобы рассеять тучи, омрачавшие мой разум и душу, ныне, как некогда феб, вышедший во всем блеске из лона Амфитриты, я радостно, выйдя, правда, только из бани с еще мокрой головой, берусь за перо, чтобы поблагодарить ваше сиятельство за письмо от 2 сентября, которое я получил 20 того же месяца. Согласитесь, что человек – существо весьма смешное, весьма забавное, весьма нелепое. Он плачет утром и смеется вечером, хотя ничего и не переменялось, а иногда он сам и с места не двинувшись, плотно усевшись в кресло в колпаке и в ночных туфлях. Да, я нахожу себя именно таким, как я это изобразил, наплакавшись поутру, прохихотав весь вечер, как безумный, а я ведь не смеялся, по крайней мере от души, с самого Тобольска, со времени разлуки с моей доброй подругой, хотя у меня как будто и есть все основания стать более веселым, благодаря великодушию нашего милостивого государя.

Ваше сиятельство желаете знать, что я поделяю и есть ли у меня соседи. Соседей хоть пруд пруди, но я никого не видел. Г-н Нарышкин Алексей Васильевич с семьей; он болен, живет в 8 верстах; затем... не хочу загружать письмо ненужными именами. Гончаров, мой дальний родственник, знаменитый своей парусиной, живет в 40 верстах; Калуга в 60 верстах; Янов в 150 за Москвой. Он писал мне дважды и приглашает приехать повидаться. Хотя мы и старые товарищи, но он живет уж слишком далеко от меня.

Что касается моих занятий, то я читаю мало, не пишу совсем ничего, эта мания уже давно прошла. Я брожу, гуляю в лесочке, что рядом с садом, в котором ничего и нет, кроме яблок; итак, я брожу в лесу, но не для того, чтобы размышлять или охотиться за дичью, которая здесь не водится, но, о! ваше сиятельство, конечно, не догадаетесь, я просто собираю грибы. Прибыв сюда, я только и делал, что глядел, и этим наслаждался. Я видел, как убирали рожь и яровые, я видел сенокос. Я наблюдал, но я запретил себе размышления; я часто повторял прекрасную оду Горация *Beatus ille*, которой я знаю только начало, и иногда мне казалось, что можно по-разному наслаждаться жизнью. По прибытии сюда я увидел поля серого и желтого цвета, ближе к осени серое превратилось в зеленое. Когда я приехал, поля были покрыты прекрасными хлебами, золотистые волны которых колебал ветер. Потом колосья упали под серпом жнецов; сухое жнивье покрывает поля, по которым бродят стада коров и овец, а рядом уже всходит зеленая надежда землепашца. Повторяю, я был совсем один, и я наслаждался. После окончания летних работ я видел целые толпы сельских жителей, которые, подобно стаям диких гусей и уток, проходили передо мной; они покидали свои жилища, чтобы отправиться на поиски пропитания, подобно тому, как птицы покидают север с приближением морозов. Сердце мое сжималось. Значит, есть для них край более богатый, более привольный, может быть, небо там чище и яснее и жизнь счастливее? Нет, простолюдин любит места, где он родился; только необходимость заставляет его покинуть свой дом и всё то, что человек покидает с сожалением. Но он вернется сюда, нагруженный данью, которую его ремесло приносит ему от людей еще более простых, чем он сам, и радость снова войдет в его дом. Горе тому, кто ее потревожит! Когда я вижу чужую

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
радость, мне самому становится весело, и это чувство я испытываю довольно часто. Я каждый день вижу солдат, которые возвращаются к родным и друзьям. Сколько радости! Сколько благословений тому, кто сему причина. Ах, когда же я увижу своих? Старший из моих гренадеров болен, и я думаю теперь, что в этом и кроется истинная причина, почему он хотел бы выйти в отставку. Он болен с тех пор, как приехал в Киев. Меньшой в лагере, там же поблизости. Они надеются приехать повидаться со мной. Какая радость! Обнимая меня, они будут благословлять того, кто вернул им отца, того, кто его сохранил для них. Они будут благословлять вас.

21 сентября 1797 г.

Мой адрес – Малый Ярославец, как я уже имел честь сообщить вашему сиятельству, в настоящее время безуездный город, и моя деревушка Немцово отстоит от него не более, чем в полутора верстах. Мы приписаны к Боровскому уезду.

15

Милостивый государь. В надежде, что ваше сиятельство находится уже в Москве, я пользуюсь этим случаем, чтобы отправить вам письмо. Это не просто поздравление, не общее место, которое я повторяю, говоря: поздравляю вас с наступающим Новым годом. Сердцу, умеющему чувствовать, чужды, пусть даже и удачные, обороты холодного себялюбца. Итак, я поздравляю ваше сиятельство с Новым годом от чистого сердца; живите долго на утешение несчастным, ибо, несмотря на Лейбница и Панглосса, мы не живем, увы, в наилучшем из возможных миров. У нас холодно. Нынешняя зима с тех пор, как установилось зимнее время, – это зима на сибирский лад, то есть без оттепелей. По термометру моего тела холод Сибири был не так силен, потому что я был к нему менее чувствителен, потому что это было 10 лет тому назад, потому что мне уже перевалило за 50. Земля вертится, время летит, еще несколько шагов – и кровь застынет и могила открыта. Не подумайте, что меня преследует меланхолия, нет. В эту минуту, когда я вам пишу, солнце поднимается во всем блеске славы, воздух чист, грудь легко дышит. Что же надобно еще для человека, страстно любящего природу? Но чего мне всегда недостает, так это видеть вас.

27 декабря <1799 г.>,

Немцово

Приложение
<Завещание>*

Совершилось.

Если завещание сие, о возлюбленные мои, возможет до вас дойти, то приникните душою вашею в словеса несчастного вашего отца и друга и внемлите.

Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть бог и что мы ни единого шага, ниже единыя мысли совершить не можем не под его всеильною рукою. Помните, что он правосуден и милосерд, что доброе дело без награды не оставляет, как и без наказания худое. И так всякое дело начинайте, призвав его к себе в помощь, и прибегайте к нему теплыми молитвами. О, коликое утешение в нем обряцете!

Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите в службу, почитайте исполнение вашей должности первейшею вашею добродетелью, без коей вы блаженны быть не можете. Будьте почтительны и послушны непрекословно к вашим начальникам, исполняйте всегда ревностно законы ее императорского величества. Любите, почитайте паче всего священную ее особу, и даже мысленно должны вы ей предстоять с благоговением. Старайтесь заслужить ее к себе милости повиновением и ревностию во исполнении на вас возложенного.

Будьте почтительны, о чада души моей, к вашим родным и ко всякому человеку, кто вас летами старше, и снисходительны к тем, кто вас моложе. Будьте милосерды к вашим служителям и снисходительны. Паче всего почитайте и не преступайте велений тех, которые служили вам вместо матери во младенчестве вашем. Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами вместо себя сестру свою и друга, тетку вашу Елисавету Васильевну, которую, доколе живы будете, матерью именуите.

А вы, о сотрудницы в вскармлении детей моих, коих безумие мое ввергло в скорбь, печаль и уныние, последуйте моему последнему совету.

Мызу, в которой жительствоет мать ваша, хотя принадлежит вам обще с детьми моими, оставьте в ее распоряжении до кончины ее. Дом в городе, в котором мы жительство имели, я вам советую продать, возвратив Стальцу полы, которые лежат на верху, за которые деньги не отданы. Выкупить вещи, заложенные в ломбарде, и их продать можно с выгодою. Доколе вы будете жить вместе, то не советую вам продавать дома в Миллионной и мызы, но на вырученные деньги продажею дома выкупить заложенной в банке. Но поставить на мере и определить заранее и ныне, что кому иметь должно. Завещаю детям моим быть довольным тем, что вы им дадите на удел их матери, ведая, что вы их не обидите. Если же вам вместе жить будет невозможно, то надобно будет продать или двор, или мызу.

Купленное мною место от Фридрихсовой вдовы я отдаю навсегда Елисавете Васильевне в придачу к тому, которое она имеет рядом от казенной палаты из платежа поземельных денег. А она отдаст его дочери моей Катерине после себя, если она то заслуживать будет.

Батюшку и матушку попросить, чтобы они не оставили моих детей и простили бы несчастному их сыну печаль, в которую он их повергает. Батюшку просить так же, чтобы всех моих людей отдал в распоряжение Елисаветы Васильевны; чтобы пожаловал отпускные за долговременную их и беспорочную службу при мне людям моим Петру Иванову и Давыду Фролову с женами их и отпускные отдал бы в распоряжение Елисаветы Васильевны. Уверен, что и они не оставят дома моего до возраста совершенного моих детей. Исходатайствовать отпускную Марье Дементьевой за заслуги умершего ее мужа. Елисавету Васильевну прошу девку ее Анну Дорофееву отпустить замуж по ее желанию.

Детей моих несчастных повергаю пред престол милосердия ее императорского величества.

У всех моих родственников просить за меня прощения, если я их чем-либо оскорбил.

За сим, о возлюбленные мои, прижмите меня к сердцу вашему и, если то возможно, забудьте несчастного.

А. Радищев.

В дополнение к моему завещанию

Если о детях моих ничего определено не будет, то прошу старшего по мне брата Моисея Николаевича взять на себя попечение о воспитании сыновей моих. Больших Василья и Николая отдать в пансион, а меньшого Павла в какое-либо училище или как он заблагорассудит. Дочь мою Катерину прошу оставить в распоряжении Елисаветы Васильевны, которая, надеюсь, от нее не отречется по завещанию ее матери.

Если же дети мои будут пристроены и имение моего покойного тестя разделено, то, любезныя мои сестры, послушайте моего совета. Если вы намерены будете жить вместе обе домом, то не имейте и не держите никого у себя в доме, ни под каким предлогом. Знаете сами, сколь много сия предосторожность удаляет всякие нарекания, неприятности и домашние раздоры и облегчает неминуемые издержки в доме. Если же вместе жить не будете, как то я думаю, то Дарье Васильевне советую идти замуж, стараясь избрать себе в мужья человека благонравного, с которым она может жить счастливо. Зная весьма чувствительное сердце Елисаветы Васильевны и худое ее здоровье, я такого же совета ей дать не смею. Время и обстоятельства, ее сердце могут ее наставить, идти ли ей замуж или нет.

Простите, мои возлюбленные! Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает? Душа страждет при сей мысли необычайно и ежечасно умирает. О, если бы я мог вас видеть хотя на одно мгновение, если бы мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших, о, если бы я слышать мог из уст ваших, что вы мне отпускаете мою вину... О мечта!..

Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастье, приди на услаждение страждущего сердца... О мечта возлюбленная! я с вами беседую; вас держу в объятиях моих. О друзья души моей, о дети моего сердца, вы со мною, голос ваш ударяет в мое слышание... Куда спешите, постойте, я...

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
я – отец ваш, я друг ваш... Увы, се мечта... О пробуждение, я их враг, от кого они скорбят? От меня... Несчастной!

<Положив непреборимую преграду...>*

Положив непреборимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои, преграду, которую единое монаршее милосердие разрушить может; лишенный жизнедательного для меня веселия слышать глаголы уст ваших; лишенный утешения вас видеть; не имея даже и той малейшей отрады беседовать с вами в разлучении, – я простру к вам мое слово; безнадежен – о бедствие! – достигнет ли оно вашего слуха. Всчасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображение, сделать вас мысли моей присутственными, всчасно плачевной стон и воскликновение имен ваших ударяет в бесчувственные стены моего пребывания; но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бедствие, умножаясь бедствием, преломляет сердце и терзает душу.

Почти младенцам вам сущим я старался внятным вам сделать, что добродетель есть вершина всех наших деяний и наилучшее украшение жития человеческого. А дабы сии понятия врожденными, так сказать, в вас были, то старался я всякими способами возбудить в вас мягкосердие, которое можно назвать физическим корнем добродетели. Я видел уже в вас начало благое моих трудов. Счастье не допустило меня видеть дальнейшие в том успехи и надежнейшую дать мягкосердию опору, рассудок благорасположенный. Отче всеблагий! призри на них оком милосердым...

Шествие природы есть постепенно, а потому твердо. Следуя ей стезям, не ослабевайте упражняться в мягкосердии, и яко упражнение в телодвижениях укрепляет телесные силы, яко упражнение в размышлениях укрепляет силы разумные, тако упражнение в мягкосердии укрепит корень добродетели. Заматерев в сем благом подвиге, колико блестящие произойдут из того следствия. Милосердие, человеколюбие, благодеяние, милость будут обыкновенные души вашей движения; и – о! сладостное помышление – вам самим все сие будет нечувствительно.

Пройдите все языки и все столетия, найдете ли где-либо, чтобы добродетель было ненавистно, чтобы человеколюбие было порок, чтобы милосердие было презренно. Различны их виды и образы, но корень благ повсюду одинаков, ибо природа себе неизменна нигде. Дикий американец, преторгающий жизнь изнемогшего своего родителя, когда дальное предприятие путешествия, чем подвигается на толико варварское убийство? Мягкосердием. Любомудрие не престаёт поощрять нас к оному доводами; воспитание щитится оное в нас сделать привычкою; слово украшает его цветами витийства и стихотворения; а христианский закон оное освятил. Повсюду и во всех состояниях оно славится; закон же Христов подвижников мягкосердия причитал к лику праведных. Вина сему отменному почитанию везде одинакова: дабы человек, легко к совращению со стези добродетели удобный, благоуязвлялся изящным примером и не ослабевал бы в добродетели.

Проходя повествования дел человеческих, вам замечали удостоившиеся наименования потомства; читали вы иногда вымышленные примеры добродетелей; прочтите ныне, если сие до вас когда-либо достигнет, пример отличного мягкосердия, соблюденный в священных христианских книгах. Чрез весь век свой упражнялся в добродетели, человек, о котором будет слово, заслужил название Милостивого, и церковь причла его к лику праведных. Поистине достоин тот к оному причтен быть, кто, забывая даже свое благосостояние, старается ежечасно облегчать бедствия себе подобных.

Филарет праведный родился в Галлатии, во дни греческого царствия, от родителей благородных, почти убогих, но отличавшихся всегда своим беспримерным благородием и странноприимством. Предки его во время двенадцати первых римских кесарей были почтены первыми в государстве чинами; немалое во всех тогдашних происшествиях имели участие; знатны, почитаемы, богаты чрезмерно, властительны. Но, прияв христианскую веру, претерпели изгнание, лишились всего имущества и еле живот спасти могли, живучи в убожестве и неизвестности. С сего времени не стяжали ни почестей, ни богатства, хотя им уже то было при христианских царях невозбранно; посвятия себя сельскому жителству, упражнялися в земледелии и приобретаемые избытки употребляли на угощение странных и пришельцев. В сем дому обитала поистине благодать вышнего, ибо стяжание оного было незлобие и кротость. В таковом семействе воспитан был филарет. Благому примеру навывшая душа из детства укоренилась во благоделании и явила свету деяния во благосердии почти невероятные.

Отец филаретов счастливыми некоторыми оборотами мог сделать больше приобретений,
Страница 285

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
нежели его предки. Не отступая от призрения странных, он думал, что наилучшее употребление своего имени будет то, которое он обратит на воспитание любезного своего филарета. Утвердясь в сем намерении, он сына своего отправил в Афины. Если разум его предузнавать не мог, каков будет плод его о сыне попечения, душа его то предчувствовала, в чем и вера Христова его утверждала. Упование возлагая на отца всех благ, он хотя со слезами расстался с филаретом, но в твердом уверении, что благонамерение его не будет тщетно.

Афины далеко уже тогда ниспали от той славы, которую ей приобрели знаменитые мужи, в ней бывшие в разные времена. Неощутительна уже была в ее беседах древняя афическая сланость, и многожды уже невежество и суеверия, возгнездившиеся в Портике, простирали черное свое крылие. Но отечество фемистокла, Аристида, Платона и Сократа долго пребыло твердынею учености, простирая владычество любомудрия на своих победителей. Афины были и в сие время училищем любомудрия и словесности, водворяя славных витий, софистов и учителей христианских.

Из сельского своего пребывания, в котором он был воспитан, филарет к жертвеннику любомудрия принес незлобие, благоденствие, кротость, навык человеколюбия и правила Христова евангелия. Чуждый всякия учености отец его преподавал ему учения любомудрия своим примером; изуство же наставлял его заповедям Христовым. Он ему вещал – Чадо возлюбленное, помни всечасно, что умеренность желаний, что любовь к ближнему сделают человека счастливым во всяком состоянии. Послушай словес Христовых и кого он учил блаженными быти: блаженны нищие духом, блаженны кроткие, блаженны алчущие и жаждущие правды, блаженны милостивии; блаженны чистые сердцем; блаженны миротворцы. Радуйтесь и веселитесь, глаголет богочеловек, мзда ваша многа. О! чадо возлюбленное, коликое утешение, когда душа ничем не тревожится и волнуется тогда токмо, когда устремляется на благодеяние! Коликое услаждение подавать пищу алчущему и жаждущему питие! – Мать в простоте души своей филарету твердила: – Возлюбленной! се слова Священного писания: блажен иже и скоты милует. Возможно ли, чтобы на таковых началах любомудрие произрастило плевелы!

Филарет, упражняясь во всех частях философии, наипаче прилепился к учению о душе, или психологии, к богословию, или науке о познании бога, и к нравственному любомудрию. Но коль много он удивился, нашед, что всё ему преподаваемое было уже для него не новое, что всё, что другие называли понятием, в нем было то чувство, которое он почитал в себе врожденным, ибо навык оному от сосца почти материя.

– Все вещи, – говорил филарету учитель его феофил, – суть или сами по себе, или от других. Одни суть причины, другие – действия. Но, восходя от одной причины к другой, постепенно дойдем до крайня или высия всех, которую именуем богом. Из самого сего понятия следует, что первейшая причина отличествует от всех других, что все другие суть ограничены тем самым, что они существуют не сами собою, и что первая причина есть неограниченна, ибо она существует сама по себе.–

– Отче, – отвечивал филарет, – с того времени, как рассудок стал во мне деятелен, я мысль мою обращал на вещи, окрест меня находящиеся, и на самого себя. Легко приметно мне стало, что все, на земле существующее, подвержено перемене, все родится и все гибнет, но в превращениях сих есть правило неперменное, от которого ничто удаляться не может. Я заметил, что тела небесные следуют начертанному пути и от него не устраниются. Вопросил я сам себя: кто зиждет все, кто живит, кто разрушает, дабы оживить паки; кто путь измерил телесам небесным? Потом вопросил себя паки: ты жив, но кем и как, кто жизнь тебе дал и почто она скончается? Силу сию, вся содержащую, вся зиждущую, всему предел положившую, вся оживляющую, в коей теряется и самое разрушение, отче, я чувствовал от млечных ногтей. Именовали мне бога, творца, вседержителя; я давно уже его ощущал в себе, и душа моя к нему прильпе.

– Все вещи, – говорил феофил, – суть сложны или единственны, то есть не сложны. Все сложные суть протяженны; к сим принадлежат все тела, ибо суть протяженны. Всякое протяжение можно делить на части. Возьми мысленно малейшую часть тела, дели ее на части, разум не найдет в разделении сем предела, и, какую бы я часть себе ни вообразил, вообразить могу оныя половину. Следует, что всякое тело может разделиться, разрушиться, изменить свой вид, умереть. Посему человек, яко вещество сложенное, умирает.

Напротив того, если воображу себе вещество несложное, то не могу найти в нем

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
частей; оно будет неразделимо, не может разрушиться, следует, не может умереть. Какие же суть вещи, в коих частей воображать не можно? Опричь мафематической точки, в умозрении только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обретаем мысль. Напряги все мышцы свои, устремися на разрушение мысли: силы твои немощны, и тщетно старание. Мысль нераздельна, ибо несложна. Что же мысль или несложное производит? Конечно, несложное, ибо невозможно, чтобы сложное несложность производило. Мысль производящее существо именуем мы душою. А поелику душа есть несложна, то и неразделима, не может разрушиться, не умрет. Познай, о человек, твое величество, ты сопричастен божеству; если тело твое разрушится, то мысль твоя вечна и душа бессмертна.

– Отче, – вещал Филарет, – доселе я не чувствовал печали. Но, отлученный от возлюбленных моих родителей, вспоминая о них, душа моя терзается, горит желанием быть с ними. Углубленный сам в себя, все окрестные предметы почти исчезают из очей моих; я чувствую нечто отделяющееся от меня. Мысль мгновенно прелетает в жилище родивших меня. Я с ними беседую, лобызаю их чело. Но все мгновенно исчезает. Зрю окрест себя: я не сходил с места. Два существа я в себе чувствовал: одно было в Афинах, другое – с моими возлюбленными.

– Востечем мыслию, – вещал Феофил, – в те времена, когда человек скитался по невозделанным нивам, житию общественному был чужд. Опричь заблудших в пустынях, мы дикого человека находим обществу ющего. Он поемлет себе жену; и так первое основание к общежитию есть любовь. О человек! познай, колико природа до тебя была всещедрa; первое твое побуждение к общественному бытию она основала на усладительнейшем из всех чувствований, и сие чувствование излишно щедрою рукою на всех животных, побуждая их обществу, хотя временному. И так человек в пустынном почти состоянии имел обязанности, имел права.

– Право, обязанность между супругов? – прервал Филарет, – мне кажется, сии слова здесь употреблены несвойственно. Я не женат, но мне кажется, что у мужа с женою обязанность должна быть согласие, право – любовь взаимная. Вот что я видел ежечасно между моими престарелыми родителями. Один в рассуждении другого принуждения не ощущал; чего один хотел, другого желания туда же обращались.

– За правами супругов, – продолжал Феофил, – следуют права и обязанности взаимные родителей и чад.

– Любезной старец, – прервал паки Филарет, – давно ли ты лишился своих родителей?

Феофил: Счастье не допустило меня пользоваться их о мне призрением. Родив меня, мать моя скончалась в третий день; отец не мог пренести сея печали, по прошествии года скончался. И так, не вкусив млека материя, я осиротел сугубо, питаюсь наемными сосцами.

Филарет: Любезной старец, в каком возрасте твои чада?

Феофил: Едва не нищенское состояние, в котором я остался по кончине моих родителей, воспретило мне вступить в супружество и носить сладостное именование супруга и отца.

– Ах, любезной старец, – сказал Филарет, – вниди в дом отца моего. В нем узришь всё собрание любезнейших законоположений чадолюбивой природы, румяною, но незагладимую чертою ознаменованных на сердцах родителей и чад. Внемли: о, хотя я мал был, но помню, как бы теперь то видел. Мне уже исполнилось семь лет; играя на дворе при глазах моих родителей, я нечаянно запнулся и вывихнул ногу. О, если бы ты видел сетование возлюбленных моих родителей о моей болезни; о, если бы ты видел их скорбь; попечение их было неусыпно; лишились они пищи и покоя, доколе я не получил от болезни облегчения. Как назовешь сие, любезной старец? Обязанность. Присовокупи, присовокупи и другое к тому именованию: назови горячность. Ах, как не любить, как не чтить кто нас любит до исступления! Мою к ним обязанность ношу я в моем сердце непрестанно; и если бы не была на то их воля, я бы упрекал себе мое от них отсутствие.

Таким-то образом Филарет, шествуя в учении любомудрия, доводами укреплял свои чувствования, а из чувствований своих новые почерпал доводы, к утверждению умозрительных истин любомудрия.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Филарету сотовариществовал во учении его Проб, юноша знатная породы, которого отец имел чин патриция. Одинаковые склонности, одинаковое незлобие души скоро из товарищей сделали друзей искреннейших. Хотя состояния их были неравны, но в храме любования сие неравенство терялось совсем из виду, и там, где отличествовать могли только остроумие, прилежание и качества душевные, знатность и богатство своей цены не имели.

Филарет с Пробом были нераздельны. Жили они вместе, пили и ели вместе, учились вместе, беседовали вместе; радость и печаль были взаимны между ими, и привычка, укрепляя склонность их сердец, явила свету пример дружества отличной твердости.

Лета их учения приходили уже к окончанию, и последние месяцы казались Филарету столетиями, столь сильно возродилось в нем желание видеть давших ему жизнь. – О! день вождельный, о минута блаженная, в которую я вас узрю, возлюбленные мои родители. Боже, – вещал Филарет, проливая слезы, – боже, сохрани жизнь угодников твоих. Царь всещедрый, дай зрети их, да облобызаю еще уморщенные в благих подвигах их чела. Но почто смущаюсь в моем надеянии, неужели возвращение мое будет столь бедственно, что их не узрю.. Нет, нет; в боге мое упование; беги, мысль лютая, отчаяние, исчезни.

В таких размышлениях проходил последний год пребывания Филаретова в Афинах. Помаваемый неизвестности будущего и нетерпением, он твердость обретал в щедроте предвечного отца.

Проб получил нечаянное известие, что отец его, поболел мало дней, скончался. Мать его, извещая его о сем, звала его к себе поспешно, для того что одержима была отчаянною болезнью. Письмо уже писано было не ею, но сестрою Проба: «Спешите, любезной брат, спешите, может быть, радость о вашем возвращении даст силы родшей нас и сохранит ее жизнь». Проб получил другое письмо от епарха константинопольского: «Государь, сожалея о смерти вашего родителя, помня его великие заслуги и желая утешить изнемогающую его супругу, а твою мать, возводит тебя в отцовское достоинство».

Лице возрыдавшего Проба, при питании известия о кончине отца своего и о болезни матери, начало паки оживляться румянцем веселости. Он отирал текущие еще из очей его слезы, объял выю любезного своего Филарета: «Мой друг возлюбленной, если Проб счастлив, Филарет не отречется блаженству его быть сопричастен». Видя друга своего безмолвна, Проб вешал с сокрушением: «Мысль твою понимаю. Но укоризна твоя несправедлива. Ужели мой друг думал, что чин патриция во мне произвел радость. О возлюбленной, – продолжал Проб, проливая слезы, – как мог ты мыслить, чтоб друг Филаретов радовался наследию отца своего. Мысль возвышения моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всех благ, всех радостей, Проба в удел доставшихся, Филарету будет половина». Филарет горестным видом отвечивал: «О Проб, любезной Проб, не спешите радостию. Жизнь наша есть мгновение, счастье – зыбь морская».

Проб, оставляя Афины, звал Филарета с собою, а Филарет, горя желанием видеть своих родителей, охотно за ним следовал.

Возвратившись в Константинополь, Проб не имел удовольствия закрыть очей умирающей своей матери. За день до его приезда она скончалась. – «Увы, – воскликнул Проб, – почто мы не поспешили, почто...» – «Жизни нашей, – вещал Филарет, – мой друг, ты сам то знаешь, предел неотвратимой. Неможны силы естественные продлить ее или сократить на одну минуту. Болезнь матери твоей была конечная, определенная естественно, да течение ее жизни скончается. Ужели бы ты пожелал, чтобы всемогущий, творя чудеса, жизнь матери твоей продлил на один день токмо, да ты ее живую обрящешь. Но, дерзая на такое желание, не помыслишь, что болезненное терзание родшей тебя продлилось бы, и для чего? В твое утешение. О! юноша, зри здесь самолюбие твое сокровенное под покровом сыновния любви». Таким образом Филарет, утешая своего друга, на все испытания житейские находил всегда оправдающую божественное провидение причину и не вознегодовал николи.

Проб, сопряженный с Филаретом дружбою, давно уже помышлял, как бы в теснейший с ним вступить союз, и, смертью своих родителей став начальником своего дома, вознамерился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою в супружество. – Коликим чувствованиям, – вещал Проб сам себе, – я тем удовлетворить могу. Осиротевшей сестре моей дам надежную опору, другого я дам отца; друг мой мне будет брат, и, на что бы его согласия я получить не мог, отдавая ему сестру мою,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
дам ему и половину, большую половину моего имени.

Легко к сему супружеству Проб мог склонить сестру свою феозбу. Воспитанная во благонаравии и в послушании к родителям своим, брата своего почитая теперь своим отцом, она тем более непрекословна была к сему союзу, что в филарете видела друга возлюбленного своего брата и юношу, всеми отличными качествами украшенного. Филарета нашел Проб равно к сему наклонна, ибо благая его душа, видя красоту, благонаравие, целомудрие и кротость молодой феозбы, любовь уязвленна стала. – Колико лестно филарету, – вещал он Пробу, когда сей сделал ему предложение о женитьбе, – колико лестно другу твоему пременить имя сие и называться твоим братом. О мой возлюбленной, ты ведаешь, что душа моя давно уже к твоей прилепилась, но теперь и паче будет с нею воедино. Но сколь сердце мое ни горит желанием совершить твое намерение, позволь, чтобы я отдал сию счастливую для нас минуту, позволь, и за сие на меня не сетуй, позволь, чтобы не было еще к тому моего согласия. – Мой друг любезнейший, – вскричал вострепетав Проб, – что слышу я, филарет ли сие вещает? – Не смущайся, возлюбленной, филарет пребудет всегда тебе и себе неизменен. Требуя моего на женитьбу согласия, ужели ты забыл, что большее моего согласия на сие нужно и необходимо. Если в воле моей иногда направлять мои желани и рассудку подлежит устремлять их к пути благому, определение желаний не в моей еще руке, ибо я состою под власть. Замятовал разве Проб, что родители мои живы... – О любезнейший мой, – сказал Проб, опомнившись и лобызая своего друга, – ступай, поспешай, все к отъезду твоему уже готово. – Мой друг, – вещал филарет, – я уже наказания достоин. Сочти, сколько дней я у тебя умедлил. Непростительной поступок: не долженствует дружба совершаться на счет благоговения к родителям. – Проб лобызал только своего друга и понуждал его к отъезду.

Отпустив филарета, Проб, горя нетерпением быть ему родственником, вознамерился его предупредить и совершить брак сестры своей в селе филаретовых родителей. «Сим способом предварю всем его отговоркам и возражениям, в верном уповании, что родители друга моего не восхотят оскорбить сердца любящего их сына и желающего наречиться его братом». Исполнен сего намерения, он вслед почти за филаретом отправил все, что нужно могло быть для совершения великолепнейшия свадьбы. Все, что в тогдашнее время производили Европа, Азия и Африка изящного и драгоценного, все было собрано, и в добавок всему Проб наполнил брачные сосуды многими тысячами серебра и злата. Но бояся, что филарет не примет его безвременных даров, и все посланное велел вручить отцу его и матери, сопровождая сие письмом следующим: «Проб-патриций, благочестивым родителям возлюбленного филарета. Друг филаретов к родителям своего друга не может иначе быть, как почитать их с сыновним благоговением. С таковыми мыслями устроено сие мое к вам послание. Не отвергните, благочестивые старцы, сих недостойных вас даров, но примите их как приходящих от чистейшия души. Малейшее, чем я мог пред вами изъявить мою дружбу к вашему сыну, суть сии дары, но лучшее, что он мне дать может, есть название брата, взять сестру мою себе в жену, которая, целуя вас, просит на то вашего благословения. Мир вам и здравие».

Между тем филарет, расставшись со своим другом, поспешил в село своих возлюбленных родителей. На меже, отделяющей селитьбы их от соседей, построена была при дороге гостиница, в которой отец и мать филаретовы в свободные часы от сельских упражнений ходили сами на угощение убогих, нищих и странных. Уже солнце лучи свои скрывало в ночную тень. Родители филаретовы, угостив и снабдив всем нужным для дальнего пути проходящего убогого, намерены были возвратиться в дом свой и стояли у ворот гостиницы. Видят приближающуюся блестящую колесницу. – Куда лежит сей путь, – говорила мать, – дорога проселочная, какому вельможе нужда довела направить стопы своя в здешнюю весь? – Отец не ответствовал ни слова, стоял в изумлении. Не успели они ничего примыслить, как филарет, скочив с остановившейся колесницы, висел уже на их выях. – Филарет – сын возлюбленной! – Дражайшие мои! О, колико небо до меня было всещедро. Вас вижу, вас лобызаю, о, колико отсутствие тягостно любящему сердцу. – Любезной филарет – чадо моего сердца. – Престарелые родители не в силах были произносить других слов. Сладостные минуты, веселие неизреченное! Чем уста безмолвнее, тем сердце в чувствованиях избыточнее.

Услаждаясь беседою своих родителей, филарет забыл на время о своей женитьбе. Но по осьми днях его в доме отчем пребывания достигло оно послание Проба. Отец филаретов, прочитав письмо, пошел к сыну, которой тогда сидел с матерью своею. – Не мог я мыслить, чтобы филарет мой любезной потаил от меня что-либо, но и тем важнейшее, что оно до блаженства его касается. – Не мог филарет вообразить себе,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
чтобы Проб, не дождавшись его ответа, сам пошлет к отцу его на испрошение дозволения о его браке. Робким взором и прослезившимися очами смотрел он на отца своего, стараясь понять его мысль. – Прочти, – вещал старец и, не дав ему письмо докончить чтением: – о любезной мой, благословение наше всегда с тобою, да благословит тебя всевышний на благое сие дело. – Филарет упал к ногам своих родителей, его благословляющим.

Проб, получив соизволяющее на брак сыновний ответствие от отца Филаретова, не медля нимало, отправил сестру свою к ее жениху, снабдив ее богатым приданым и укрепив ей с будущим ее супругом большую половину своего имения. Сам принужден был остаться в Константинополе ради усмирения случившегося в народе смятения, обещавая за сестрою следовать, не теряя драгоценного времени.

Феозва принята была сугубо с честью и любовью от родителей Филаретовых, от Филарета же встречена яко любезнейшая невеста и сестра друга беспримерного. Наслаждаясь взаимными чувствованиями, сердца услаждающими, все они нетерпеливо ожидали приезда Проба. Время, им к тому назначенное, давно уже протекло. Разные слухи, достигшие до них о бывших в столице возмущениях, их тревожили. Наконец, к неизреченной их печали, они получили известие, что в царствии последовала перемена; что Проб со многими другими послан от нового царя в дальнейшие страны в заточение и лишился оставшегося всего своего имения.

Феозва, желая исполнить приказание своего брата и повинувшись уже начинающейся к будущему ее супругу горячности, ускорила совершением брака и, скорбя с Филаретом о возлюбленном их брате, искала отраду во взаимной их горячности.

Филарет, однако же, бояся, чтобы злоключение его друга не простерлося на его сродников, продал все приданое жены своея имение и селитьбы своего отца и переселился со всею семьею в Пафлагонию, в весь, нарицаемую Амния, и, дабы жить в неизвестности, переименовал название своего рода.

Распоряжая своим имением, Филарет купил многие села, земли, устроил сады и дом не великолепной, но снабженной всем, что к нужде и спокойствию жития нашего необходимо. Оставшие же деньги отдал в торг купцам тирским и александрийским.

Всевышний, венчая горячность Филарета и Феозвы, благословил плодом их супружество. Феозва по прошествии года родила сына и через несколько лет двух дочерей. Отец и мать Филаретовы, благословив своих внучат, на шестом году по женитьбе их сына представились, окончив безболезненно жизнь, проведенную в смирении и незлобии.

Филарет и Феозва, упражняясь в воспитании своих детей, следовали примеру отшедших к богу старцев в угощении пришельцев и в снабжении нищих. Дети их преуспевали в учении и добрых поступках и, пришед в совершенный возраст, вступили в супружество купно по воле родителей своих и следуя своей склонности. И Филарет и Феозва наслаждались, видев благие успехи во внучатах. Все жили в одном родительском доме, ибо Филарет, отдавая дочерей своих в супружество, избрал себе в зятя юношей богатых добрыми качествами паче, нежели имуществом.

Благословил бог Филарета богатством, и казалось, чем он был щедролубивее, тем имение его множилось, Плодоносные годы, доброе хозяйство и рассматрительное земледелие одаряли его обильнейшими жатвами. Честность, верность и счастье в торгу воздали ему сотичную мзду от употребленных капиталов...

Ангел тьмы. Отрывок из поэмы «Ермак»*

И се древний возмутитель небесных сил подымлет из мрачного своего обитания огромное свое чело, излучистыми морщинами препоясанное, но яко волны обширного океана, то досягающие зыбями своими до дна моря при напряжении бури и вихря, то изглажающиеся при отишии и зеркаловидные. Развесистые брови закрывают сверкающие очи, на коих обитает лесь, неистовство, обман, исступление, лжесмехи, коварство и ярость; изрыгающие, егда вещает, ложь, смерть и проклятие; еже зажаты, житель всегдашних ноци и отец призраков, терзаемый бессонницею вечною, едва возмозгает отвыкшие от света разверзти вежды. Но яко стрела, мощною древнего парфянина рукою на луке задержанная, мгновенно излетает, парит по воздушной долине, едва оком в полете преследуемая, или паче, яко заключенный в медное жерло шаровидный чугуун внезапно громорождающим смещением из заклеп своих исторгается, громовым треском и блистанием молнии сопутствуемый, свистит, несется, визжит, рассекает

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
вихрящийся воздух окрест его, ускользая от преследующего ему ока, – и, едва вообразить возможем, он меты уже достиг. Тако отец мятежа, неустройства и суеверия, отрясая с главы своей темноту, едва напряг сильные на злодеяния мышцы, уже возлетел, яко вихрь порывистый, на вершину Уральского хребта. И се жизненность восстенала, ощутив приближение своего непримиримого врага, удалилась от места, идеже он восседал. Острые верхи гор обнажились и покрылись лдяною корою на веки. Кремнистые гор сердца вострещали под тяжкою его пятою, разверзлись и необъятные в недрах сотворили хляби. И се стихии, ощутив пустоту и пространство, внезапно стремятся на равновесие. Легчайшая из стихий, огонь, возвиваясь от среды земная, летит вихрясь к ее поверхности, разъяренная в полете облаком, который он пожирает, горя. Тяжкая из стихий, вода, расторгнув состав земли и пресытаясь ее растворов, катится отягченная от лица обиталища животных в разверстый зев. Встречаются ненавидящиеся взаимно сии вещественности начала, но духом жизни в составе ее укрощаемые, встречаются и паче древних исполинов, устремляясь яростны одна на другую, не яко сложенные тела ударяемые, но пронизывая одна другую во внутренности своей растворяемы, ботеют, множатся. Уже каждая капля воды, уже малейшая искра возрастают тьмократно, расширяются и, тесны окружить неизмеримые недра земноводного, упирают в них, жмут, возносят, разметают и, не находя ни укротительныя прохладности, ни места на растяжение, колеблют всю внутренность, свергают горы, изглаживают долины, отверзают хляби и пропасти и в бешенстве своем грозят природе, являя ей разрушение. Радость на единое мгновение возродила в нем древний образ Ангела света. Но радость сия была радость беснования, не могла не позыбнуться; уже паки сердце его колеблется завистию и алчбою зла, подобно сердцу властолюбивого завоевателя, стремящегося на покорение вселенныя; уже взоры его новою блистают яростию, яко до белизны раскаленное железо, стреляя в окрест кипящие искры: уста дрожат и пенятся, трясутся все члены, и, яко при нашествии незапных тучи облако, рассеченное молниею, низвергает мгновенно смерть с ужасным треском, – тако враг природы, возвыся грозный глас, вещал.

Комментарии

Судьба литературного наследия А. Н. Радищева драматична. При жизни автора значительная часть его сочинений не публиковалась, многое по разным причинам было утрачено, а крупнейшее его произведение – «Путешествие из Петербурга в Москву» – запрещено и уничтожено.

После трагической кончины Радищева сыновья писателя собрали уцелевшие произведения отца и составили из них «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (ч. 1–6, М., 1806–1811), причем один том, в который входили «Путешествие» и ода «Вольность», был запрещен цензурой.

Последующие разыскания к собранию прозаических и поэтических произведений Радищева добавили немного. Своего рода итоговым стало трехтомное Полное собрание сочинений Радищева, изданное Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (М.–Л., 1938–1952). Помимо безусловно принадлежащих Радищеву сочинений в это издание был включен ряд приписывавшихся ему с разной степенью достоверности произведений. В ходе дальнейших исследований убедительными аргументами подтвердилась принадлежность Радищеву «Отрывка путешествия в *** И*** Т***», но доказано, что автором оды «Древность» был П. А. Слоцов. В последнее время возникли весьма серьезные сомнения в авторстве Радищева относительно «Беседы о том, что есть сын отечества», введенной в состав его сочинений без сколько-нибудь серьезной атрибуции.

В первый раздел настоящего издания включено «Путешествие из Петербурга в Москву»; во второй – остальные художественно-публицистические прозаические сочинения Радищева; в третий – все достоверно принадлежащие его перу произведения в стихах; в четвертый – крупнейший философский труд, трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии»; в пятый – избранные письма к А. Р. Воронцову. В Приложениях помещены два важнейших биографических документа и два неоконченных сочинения. Внутри каждого раздела произведения расположены в хронологическом порядке.

В основу текста прозаических и философских произведений (за исключением «Путешествия из Петербурга в Москву», о чем см. в преамбуле к соответствующим примечаниям), а также «Приложений» положено академическое издание; текст его сверен с первоисточниками и приближен к современной орфографии и пунктуации. Произведения третьего раздела печатаются по изданию: Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1975 (Большая серия «Библиотеки поэта»).

В примечаниях аббревиатура «СОС» без дополнительных указаний означает часть первую «Собрания оставшихся сочинений...» Радищева, М., 1806 (в части тиража – 1807); в других случаях соответствующая часть СОС и выходные данные ее обозначены в тексте.

Подстрочные примечания, не оговоренные специально, принадлежат А. Н. Радищеву.

Устаревшие слова и редко употребляемые термины, мифологические имена и названия, которые могут быть объяснены вне контекста, вынесены в особый словарь.

Путешествие из Петербурга в Москву*

Впервые – отд. изд., СПб., 1790, без имени автора и указания типографии и без цензурного разрешения на титульном листе.

Над «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищев работал очень долго. Созданию «Путешествия» как единого целого предшествовали отдельные самостоятельные произведения, вошедшие потом в состав книги на разных этапах ее творческой истории. Приблизительно в 1779–1780 гг. Радищев писал ораторию «Творение мира» (она поначалу входила в главу «Тверь» наряду с «Вольностью»), в 1780 г. приступил к «Слову о Ломоносове», около 1784 г. создал оду «Вольность», в 1785–1786 гг. начал «повесть о проданных с публичного торга» («Медное»), рассказ о происшествии на финском заливе («Чудово»), рассуждение о цензуре («Торжок»), к неизвестным годам относится повесть об Аняуте («Едрово») и т. д.

По-видимому, в 1787 или самом начале 1788 г. Радищев начал писать уже само «Путешествие» и ко второй половине 1788 г. завершил работу над первой – начальной редакцией книги. Эта редакция по сравнению с окончательным текстом произведения имела ряд существенных отличий: 1) в ней отсутствовало посвящение «А. М. К.»; 2) в «Чудове» не было примечания из Рейналя; 3) «Спасская Полесь» состояла лишь из одного эпизода – встречи с «несчастливым» (рассказа о наместнике не было вообще); 4) соответственно «Подберезье» составлял «сон» Путешественника (а встречи с семинаристом не существовало); 5) «Новгород» имел публицистический характер и завершался рассуждением о расправе царя Ивана Васильевича с новгородцами (здесь не было еще ни «летописи новгородской» с обрамляющими ее размышлениями Путешественника, ни рассказа о семействе Карпа Дементьича); 6) «Зайцово» кончалось словами «И поехали всяк в свою сторону» (встречи с приятелем и письма о свадьбе барона Дурындина не было); 7) «Едрово» завершалось словами «...сыны сынов моих да наследят в них»; 8) в конце «Хотилова» изложение проектов «гражданина будущих времен» было гораздо более сжатым, отсутствовало заключение Путешественника; 9) сразу за «Хотиловом» шел «Выдропуск», разделяющей их главы не было (по-видимому, по ошибке Радищев просто пропустил одну станцию – Вышний Волочок); 10) глава «Торжок» не имела примечания о Дикинсоне и «Краткого повествования о происхождении цензуры» с предваряющим ее абзацем; 11) в «Медном» на месте первого абзаца стояла лишь одна фраза: «Между бумагами моего приятеля нашел я следующее» – и сразу следовали записки «гражданина будущих времен» о продаже крепостных; 12) в «Тверь» входила «Вольность» в виде цельного произведения в 28 строф, а также «Творение мира» и соединяющий два стихотворения прозаический текст; 13) иное, распространенное начало имело «Завидово»; 14) «Черная Грязь» и вся книга кончались исповедью самоубийцы и его гибелью («Слова о Ломоносове» не было); 15) соответственно не было завершающего элемента – «цензурного разрешения» после текста книги.

В конце 1788 или первых числах 1789 г. несколько доработанная стилистически цензурная редакция, в которой появилась глава «Вышний Волочок» (переписанная рукой таможенного надзирателя А. Царевского), была отнесена в Управу благочиния близким к Радищеву таможенным чиновником И. Мейснером (причем имя автора в полиции зафиксировано не было). Пока рукопись находилась в цензуре, писатель продолжал работать над произведением: создавал и вводил в текст новые эпизоды, кое-что исключал, обрабатывал стиль. Через полгода «Путешествие» (оно имело в первых редакциях такое – краткое заглавие) было получено с подписью обер-полицеймейстера Н. И. Рылеева (дата разрешения – 22 июля 1789 г.). После этого в цензуру было отнесено «Слово о Ломоносове», подписанное Рылеевым 25 сентября.

Предвидя, что в обычной типографии напечатать книгу не удастся (а возможно, и не

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru (желая туда обращаться), Радищев заранее собрал в таможене, которой он фактически руководил, группу людей, помогавших ему впоследствии в издании (Царевский, Мейснер, Богомолов, Пугин и еще ряд – возможно, до десяти – помощников-переписчиков). Купив у типографика Шнора в долг печатный станок и шрифты, писатель оборудовал типографию в собственном доме.

Наборщиком в этой домовой типографии был таможенный досмотрщик Ефим Богомолов, печатал досмотрщик таможи Пугин с помощью слуг Радищева. Для начала «на пробу» было издано «Письмо к другу, жительствовавшему в Tobольске», а затем началась работа над «Путешествием», занявшая около полугода. Корректуру держал сам писатель.

Параллельно с печатанием первых листов книги Радищев продолжал работу над текстом. Сейчас мы располагаем шестью наборными редакциями книги и безусловными сведениями о седьмой – наборной рукописи. Композиция произведения уже совершенно определилась на уровне первой наборной редакции, но для стилистической отделки текста писателю понадобилось еще шесть редакций, над которыми он трудился буквально до последних дней – до начала или даже середины мая. В четвертой и пятой наборных редакциях Радищев решил было дать произведению расширенное название: «Проницающий гражданин, или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву» (причем в этот момент он, видимо, предполагал издать книгу в двух томах), – но затем вернулся к определившемуся ранее. К концу мая 1790 г. «Путешествие из Петербурга в Москву» было отпечатано и поступило в продажу в лавке Зотова-Полежаева в Гостином дворе.

Однако уже в середине июня один из читателей, напуганный крамольным содержанием купленной им книги, передал экземпляр в полицию. Началось негласное следствие, но 26 июня, после того как императрица, прочитав первые 30 страниц «Путешествия», вызвала обер-полицеймейстера, следствие пошло уже формальным порядком.

Узнав об этом, писатель приказал сжечь основную часть тиража, что и было сделано накануне и в самый день ареста Радищева 30 июня. Поэтому с самого начала произведение стало широко распространяться в списках (в настоящий момент в государственных архивах СССР выявлено около 100 списков «Путешествия»), экземпляров же первопечатного «Путешествия» сохранилось немного: ныне известно 13 (есть сведения о 14-м) экземпляров на территории Советского Союза.

В 1801 г. – по возвращении из ссылки – Радищев обратился к московскому типографщику С. И. Селивановскому с предложением переиздать «Путешествие» (сохранилась очень плохая копия этой редакции, в которую Радищев внес 11 крупных дополнений и изменений, ряд сокращений и т; п.), но, прочитав рукопись, Селивановский отказался от издания. В 1806 г. в качестве первой части «Собрания оставшихся сочинений» Радищева его сыновья подготовили текст «Путешествия» (с незначительными поправками) с приложением полной «Вольности», но эта часть была запрещена цензурой.

Вторично книга была напечатана в Лондоне по одному из списков А. И. Герценом в 1858 г. Спустя десять лет, в 1868 г., петербургский книгопродавец Шигин издал «Путешествие» в сокращенном (из-за цензуры) виде по списку, составленному из двух радищевских редакций: здесь начало и конец книги совпадают с печатным текстом, а четыре главы («Крестьяне» – «Едрово») взяты из начальной редакции. В 1872 г. «Путешествие» вошло в двухтомное собрание сочинений Радищева, подготовленное П. А. Ефремовым, однако по решению правительства издание было уничтожено. В 1888 г. А. С. Суворину было разрешено перепечатать книгу «буква в букву», но крайне малым тиражом – 100 экземпляров.

Только революция 1905 г. сняла запрет с великой книги, и сразу появилось множество перепечаток. Среди изданий 1905 г. особое место занимает подготовленное П. Е. Щеголевым и Н. П. Павловым-Сильванским, которое явилось первым научным изданием произведения Радищева. Здесь впервые была использована цензурная рукопись, сохранившаяся в следственном деле.

В 1935 г. в издательстве «Academia» вышел двухтомник, посвященный «Путешествию». Первый том этого издания представляет собой фотолитографское воспроизведение первопечатной книги, во втором, содержащем материалы к изучению «Путешествия», помещены, в частности, варианты по цензурной рукописи и одному, «лонгиновскому» списку допечатной редакции (сводной, хронологически третьей, как установлено

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru теперь). Частично исправленный по этим источникам текст произведения и варианты из них опубликованы в первом томе академического издания (М. –Л., 1938).

В 1981 г. издательство «Советская Россия» выпустило издание, при подготовке которого было использовано 15 обнаруженных к тому времени списков шести допечатных редакций «Путешествия». Исследование списков позволило снять ряд опечаток и ошибок издания 1790 г., восстановить соответствующий авторскому замыслу радищевский текст.

К настоящему времени выявлено уже 20 списков, представляющих девять допечатных редакций «Путешествия». Новые материалы дали возможность внести в произведение ряд дополнительных к тексту «Советской России» исправлений и уточнений. Таким образом, в основу текста «Путешествия из Петербурга в Москву» в настоящем издании положен текст издания 1790 г., исправленный по рукописным источникам и приближенный к современной орфографии и пунктуации.

Более подробные примечания можно найти в комментариях Я. Л. Барскова во втором томе указанного выше издания 1935 г. и в книге: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974.

Путешествие из Петербургу в Москву... – Титульный лист тщательно отработан Радищевым по всем элементам – как имеющимся на нем, так и отсутствующим. Заглавие определяет жанр и его разновидность – «реальное путешествие»; вынесенный на титульный лист эпиграф – содержание: некое двуединое чудовище; обозначение города и года говорят о современности книги и ее русском происхождении. Но отсутствуют три элемента «нормального» титульного листа: не указаны автор (что было достаточно распространено) и типография, где напечатана книга (что предусматривалось правилами, в особенности для «вольных типографий», но не всегда соблюдалось на практике), и нет цензурного разрешения книги (что являлось обязательным элементом этого времени). Все это подготавливало читателя к тому, что он встретится в книге с чем-то бесцензурным, «недозволенным», крамольным.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаляй»... – Обло – круглое, толстое, тучное; лаляй – лающее. Эпиграф представляет собой измененный стих из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида». У Тредиаковского он находится в следующем контексте: злым царям в аду показывают зеркало Истины, в котором они видят себя более страшными, чем самые ужасные чудовища, в том числе стоголовая Лернейская гидра и охраняющий ад пес Кервер (Цербер) – «Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и лаей» (то есть с тремя пастями и глоткой). Радищевское «стозевно» объединило оба чудовища в одно: подразумеваются русское самодержавие и крепостничество, нераздельно связанные друг с другом.

А. М. К. – А. М. Кутузов (см. «Житие Ф. В. Ушакова»). В посвящении Радищев спорит с масонской идеологией вообще (и Кутузовым в частности).

...веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных. – Мысль о том, что человек может обрести счастье в борьбе за благо других людей, имеет революционный смысл и является новым словом в русской этике. Эта мысль полемична по отношению к идеологии масонства в целом, философии Кутузова в том числе. Масоны полагали, что зло коренится внутри самого человека, а не является следствием условий жизни, а потому внимание должно быть обращено на нравственное самоусовершенствование, а не преобразование действительности.

...дом в три жилья – в три этажа (или яруса).

Почтовый двор. – В XVIII в. почта занималась перевозками не только почтовых отправок и грузов, но и людей. Предъявив начальнику почтовой станции («почтовому комиссару», или станционному смотрителю) особый документ – подорожную (в ней указывался маршрут поездки, имя путешественника, его чин и звание, а в зависимости от них – установленное число почтовых или курьерских лошадей) и уплатив по таксе «прогонные деньги» («прогоны»), путешественник получал ямщика и лошадей, которые везли его до следующей станции, или почтового двора, стана, «яма». На некоторых станциях тракта Петербург – Москва были выстроены специальные почтовые дворы с гостиницей – трактиром для проезжающих, однако во многих ямах станции располагались в обывательских домах и дворах.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Кроме «Выезда», все главы «Путешествия» носят названия почтовых станций на дороге, в основном совпадающей с нынешним шоссе Ленинград – Москва.

София – уездный город в 22-х верстах от Петербурга, заложенный в 1785 г. (ныне – часть города Пушкина).

Посмотри на русского человека... В веселии своем порывист, отважен, сварлив. – Сварливый – здесь: склонный к спорам, дракам. В 80-х годах вопрос о русском национальном характере стоял очень остро. В 1783 г. на страницах журнала «Собеседник любителей русского слова» на вопрос Д. И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?» – Екатерина II ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных» (то есть религиозности). Продиктованная с высоты престола точка зрения на русский характер не удовлетворила ни реакционное дворянство, ни прогрессивные круги общества. Представитель реакционно настроенной аристократии князь М. М. Щербатов иронически напомнил о Пугачевском восстании. Я. Б. Княжнин в конце того же года написал трагедию «Рослав». Главный герой ее – воплощение лучших черт национального характера, среди которых на первый план драматург выдвинул мужество, патриотизм, тираноборческую настроенность, независимость, включающую в себя право не подчиняться монарху. Радищев выдвигает свою трактовку национального характера, причем предварительная формулировка, данная в «Софии», далее конкретизируется и расширяется (особенно в главах «Зайцово», «Едрово», «Медное» и в «Слове о Ломоносове»).

Бурлак, идущий в кабак... многое может решить доселе гадательное в истории российской. – Вопрос о роли народа в истории также был предметом острейших споров. В «Записках касательно российской истории» (1783–1784) Екатерина II доказывала, что историю России определяли самодержцы – князья и цари. Радищев тогда же написал «Вольность», в которой решающую роль отвел народу.

Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна. – Мысль о праве человека на самоубийство характерна для просветительской философии XVIII в.

Разрядный архив при сенате был местом хранения дел о военной службе бояр, дворян, казаков и солдат, списка служилых людей со сведениями о их службе за XVI–XVII вв.

Родословная – книга или роспись – генеалогия, систематический список в нисходящем порядке (то есть перечень от предков к потомкам, а внутри одного поколения – сначала старших, затем младших сыновей) дворянских родов, устанавливающий степени родства и происхождения.

Табель о рангах – закон о прохождении службы, изданный в 1722 г. Петром I. Основная часть закона состояла из таблицы вводимых в России гражданских, военных, морских чинов, разделенных на XIV классов (рангов). С получением соответствующих чинов было связано приобретение дворянства – сначала «личного», а затем и «потомственного» (с последним связано право приобретать земли и крестьян).

...древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. – «Жалованной грамотой дворянству», изданной Екатериной II в 1785 г., предписывалось в каждой губернии составить дворянскую родословную книгу. Она делилась на шесть частей, причем в шестую вписывались «древние благородные дворянские роды».

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков... – Для большего сатирического эффекта Радищев переинтерпретирует факты: как раз в Москве спрос на родословные книги (там их издавал Н. И. Новиков) был особенно велик.

Оброк. – По способу отбывания крепостной повинности помещику крестьяне делились на три группы: оброчных, барщинных и дворовых. Оброчные крестьяне пользовались землей, приписанной данному селению, за что обязаны были платить помещику–владельцу сумму, назначенную им по своему усмотрению (обычно 3–5 рублей, а в местах близ Петербурга и Москвы – до 10). Барщинные должны были обрабатывать помещичьи поля, а сверх того платить различные натуральные подати, поставляя господину сено, овес, дрова, птицу, масло, баранов и т. д. За это помещик выделял крестьянам часть земли и позволял какое-то время работать на ней. Дворовые обслуживали самого помещика, его дом и двор и к земле отношения не

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
имели.

Раскольник – сторонник раскола, религиозно-общественного движения, начавшегося в середине XVII в. (точнее – старообрядец, или старовер). И в XVIII в. раскольники спорили, следует ли соблюдать праздники, поддерживавшиеся церковью (в частности, воскресенье).

Подушные – особая подать государству, вычисленная делением необходимой на содержание войска суммы на число «душ» мужского пола, подлежащих обложению податью (в 1725–1794 гг. – 70 коп. в год).

Голой наемник дерет с мужиков кожу... – Наемник – арендатор; обязавшись платить юридическому владельцу крестьян определенную сумму, он получал право беспощадной эксплуатации крепостных в целях собственного обогащения. Снимая имение, арендатор фактически становился временным владельцем крестьян, помещиком. Указом же 22 августа 1767 г. крестьянам было запрещено подавать жалобы на своих помещиков под страхом наказания кнутом и бессрочной ссылки в каторжные работы.

...одни платят известное... – Помимо подушной подати и почтового сбора (в размерах, общих для всех крестьян) казенные крестьяне должны были платить государству трехрублевую «оброчную» подать, обеспечивать в установленных размерах деньгами или работниками содержание дорог, солдатский постой и т. д. Размеры же оброка с помещичьих крестьян, равно как и работа на барщине, поставки «натурой» и т. п., законом не регламентировались. Радищев отмечал: «Оклад крестьянина есть прихоть помещика, а мера оного его корыстолюбие и бескорытность».

Одни судятся своими равными... – Согласно «Учреждению о губерниях» 1775 г. в предназначенные для казенных крестьян низшие и средние судебные инстанции вводились выборные заседатели. Крепостные крестьяне подлежали вотчинному суду помещика, причем полностью находились в его власти (кроме тех случаев, когда крепостной совершал тяжкое уголовное преступление, например убийство). Гражданских же прав крепостные были вообще лишены.

Первенственное уложение – главный закон. Так Радищев называет здесь «естественный закон».

...приятель мой Ч... – «Происшествие, в Чудове описанное, было в самом деле», – утверждал Радищев во время следствия. По указанию сына писателя, это происшествие случилось с Петром Ивановичем Челищевым (1745/47–1811, – см. примеч. к с. 224).

Пафос и Амафонт находились на западном и южном берегу Кипра; здесь были храмы, посвященные богине любви и красоты Афродите.

Вернет – К.-Ж. Берне (1714–1789), французский художник-маринист; по преданию, он велел привязать себя к корабельной мачте, чтобы лучше изобразить бурю на полотне.

...в прошедшую турецкую войну в Архипелаге... – В русско-турецкую войну 1768–1774 гг. русский флот под общим командованием А. Г. Орлова одержал ряд блестящих побед над турецким в Греческом архипелаге.

...последний из сих подражателей Моисея... – В Библии рассказывается, что вождь иудеев пророк Моисей, спасая евреев, сотворил чудо: он рассек жезлом Красное море и провел свой народ между двумя стенами вод.

...у тамошнего начальника. – В 1786–1788 гг. начальником Сестрорецкого оружейного завода был полковник Х. Л. Эйлер, бывший сначала поручиком артиллерии в Пруссии.

Полкан, Бова – персонажи переводного романа, превратившегося в начале XVIII в. в популярную сказку.

Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради... – В «Истории российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева (кн. 1, ч. 1, М., 1768, с. 39) говорится: «...вышний над жрецы славен Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей».

...государев наместник. – По «Учреждению о губерниях» Россия была разделена на 40

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru губерний (к 1796 г. число их увеличилось до 51), во главе которых стояли губернаторы. Две – три – пять губерний объединялись в наместничество, возглавляемое наместником (в XIX в. соответствующее лицо именовалось генерал-губернатором). Он обладал всей полнотой власти, представляя на местах особу государя.

Корзинкин Андрей Федорович – петербургский купец, торговавший в лавке на Большой Морской (ныне ул. Герцена).

Уголовная палата – губернский судебный орган по уголовным делам.

Промен, или лаж – приплата при обмене дешево ценившихся медных и бумажных денег на золото и серебро. Так как курс бумажных и медных денег менялся, промен предоставлял большие возможности для казнокрадов.

Частный откуп – особая система взимания косвенных налогов в России XVIII в. Обязавшись уплатить казне договорную сумму, частное лицо или группа лиц получали исключительное право торговать в данной местности водкой («вином»), игральными картами и пр.

...остался в лицах – остался налицо.

...выправки – здесь: справки, выкладки, подсчеты.

Стряпчий казенных дел – советник прокурора, истец по казенным делам.

О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. – Обращаясь к Иисусу Христу, Путешественник говорит, что христианское учение слишком мягко, ибо обещает воздаяние за злые дела лишь после смерти, а это позволяет даже верующим при жизни творить зло.

...мне спящу – когда я спал.

Глава моя украшалась венцем лавровым. – Лавровый венец – символ славы. Меч на столпе означает неизбежность воинской славы; скипетр на снопах с обильными колосьями («класами») – изобилие и процветание; весы на твердом коромысле – твердость правосудия; держава, поддерживаемая толпой младенцев, – человеколюбие; корона («венец мой») на плечах сильного исполина, край («воскраие») которой поддерживает истина, – самодержавная власть, основанная на могуществе и истине.

Он... расширил пределы отечества... – Здесь и далее Радищев оперирует действительными фактами царствования Екатерины II. В 1772 г. с Россией была воссоединена часть белорусских земель, в 1774 г. к России отошли Керчь, Азов, степь между Днепром и Бугом и др., в 1783 г. без военных действий присоединен Крым; по просьбе царя Ираклия II «под покровительство» России принята Грузия; в 1784 г. организованы поселения на Аляске и т. д.

Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю... – К 1762 г. в стране было 984 мануфактуры; к 1796 г. – 3161. Быстрыми темпами развивалась внутренняя торговля. Обороты внешней торговли составляли в 1763–1765 гг. 12 млн. руб. по вывозу и 9,3 млн. руб. по ввозу, в 1781–1785 гг. соответственно 23,7 и 17,9 млн. руб., в 1796 г. – 67,7 и 41,9 млн. руб. Всего за время царствования Екатерины положительный баланс составил 103 млн. руб. серебром.

...он любит науки и искусства... – С первых лет царствования Екатерина уделяла значительное внимание развитию наук и искусств, вопросам образования и воспитания. Сначала были реорганизованы Сухопутный и Морской кадетские корпуса, в 1764 г. основан Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус и при нем – «школа художеств для солдатских детей». В 1764 г. в Петербурге образовано первое женское учебное заведение – училище для «благородных девиц» в Смольном монастыре, а вскоре – и для «мещанских девиц». В 1765 г. торжественно открыта реорганизованная Академия художеств. В 1782 г. издан указ об учреждении народных училищ и т. д. В течение многих лет Екатерина вела переписку с европейскими писателями и философами-просветителями (Вольтером, Дидро, Гриммом и др.). Она демонстративно оказывала материальную поддержку русским писателям (Сумарокову, Новикову, Хераскову, Княжнину, Эмину и др.), причем негласно вела с ними же ожесточенную борьбу. Огромные деньги тратились на переводы различных сочинений с иностранных языков, закупку за границей картин, гравюр, рисунков, скульптур и

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru тчп. Кроме того, Екатерина и сама много писала (драматические сочинения, фельетоны, исторические труды, сказки и т. д.).

...поощряет земледелие и рукоделие... – Эти утверждения также соотносятся с высказываниями и мероприятиями Екатерины II. Больше всего меры по развитию ремесел и промышленности были на руку дворянству, которое владело землями и рабочей силой – крепостными. Однако значительно развиваются и крестьянские мануфактуры – предприятия крепостных крестьян, из среды которых выходят богатые фабриканты (Мальцевы, Морозов и др.). Меры же по развитию земледелия были малоэффективны из-за крепостнической организации сельского хозяйства, которое все больше отставало от быстро развивающейся промышленности.

Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до конца еще гибельная кончины. – Речь идет об организации воспитательных домов, имевших целью пресечь массовое убийство «незаконнорожденных» детей (в 1764 г. открылся воспитательный дом в Москве, в 1770 г. – в Петербурге), и об оспопрививании; чтобы подать пример подданным, Екатерина провела первые опыты оспопрививания на себе самой и своем сыне Павле; после успеха этого опыта «оспепные дома» были заведены во всех губерниях.

Он умножил государственные доходы... – В 1762 г. государственный доход составлял 15 350182 руб., в последний год царствования Екатерины – 68 597 459 руб. (то есть возрос более чем вчетверо).

...народ облегчил от податей... – С момента введения подушной подати в 1724 г. неуклонно росла сумма недоимок, то есть подати, не внесенной в срок. К 1762 г. общая сумма недоимок составляла 800000 руб. Манифестом от 28 июня 1787 г. все недоимки по 1 января 1776 г. прощены, а остальные позволено разложить на 20 лет. Радищев вообще считал, что большинство податей, взимаемых с городских и сельских жителей, умеренно, но при этом он подчеркивал, что говорит только о казенных крестьянах, ибо тяжесть налогов, взыскиваемых с крепостных, исчислить невозможно.

Первый военачальник – князь Г. А. Потемкин, который возглавлял армию во время второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.). Речь идет о планах Екатерины и Потемкина, победив Турцию, освободить Грецию и создать новое государство под эгидой России.

Учредитель плавания – начальник Адмиралтейской коллегии граф И. Г. Чернышев, на имя которого 17 апреля 1787 г. был дан указ об отправлении морских судов из Балтийского моря в «Восточный Океан».

Хранитель законов – генерал-прокурор сената князь А. А. Вяземский.

Отпущение повсеместное – амнистия. Начиная с 1762 г. Екатерина многократно издавала указы об амнистии.

Первый зодчий – возможно, архитектор И. Е. Старое, фактически возглавлявший «Комиссию каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы». В задачи этой комиссии входила разработка планов обеих столиц, а также провинциальных городов. Старое был автором проектов многих зданий во вновь основанных южных городах – Екатеринославе (Днепропетровске), Николаеве, Херсоне и др.

Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют. – К слову государя прислушиваются строительные материалы – кирпич, щебень и т. д.

...да излиются остатки избытка на немощствующих... – Немощствующие – больные, потерявшие силы люди и бедняки. Речь идет об устройстве сиротских домов, «народных больниц», богаделен, домов для умалишенных, организации филантропической помощи беднякам.

Изжени сию гордую чернь... – Чернью обычно именовали простой народ. Называя гордой чернью придворных, Радищев положил начало новому значению слова (которое встретится потом в послании Г. Р. Державина В. В. Капнисту и ляжет в основу стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа»).

Военачальник мой... утопал в роскоши и веселии. – Потемкин отправился на войну со штатом лакеев, музыкантов и любовниц.

...воины мои почитались хуже скота. – Приводимые Радищевым факты были широко известны самым различным кругам общества.

Учредитель веселостей. – Речь идет о правителе канцелярии и правой руке князя Потемкина В. С. Попове (с 1786 г. одновременно считался и статс-секретарем императрицы); в его распоряжении была вся казна Потемкина, доходившая до 22 млн. руб.

...знаменитого по словесам военачальника... – По-видимому, имеется в виду генерал П. С. Потемкин. Молва приписывала блестящую административную и военную карьеру П. С. Потемкина тому, что его жена была любовницей князя Г. А. Потемкина.

Корабли мои, назначенные... – По поводу этого эпизода Екатерина заметила: «Не о Чичагове по крайней мере говорит». В 1765–1766 гг. три корабля под начальством В. Я. Чичагова ходили в экспедицию для отыскания северного морского пути, но из-за льдов добрались лишь до 80°2Г северной широты.

Уже золотые деки уготовлялись на одежду столь важного сочинения – то есть для переплета описания несостоявшейся экспедиции. Экземпляры книг и рукописей, подносимых императрице, украшались золотым тиснением.

Не соплощай – не соплетай, не соединяй.

Готфы и вандалы – германские племена, воевавшие с Римской империей в V в. Здесь Радищев говорит вообще об устарелости архитектурных форм.

Касталия и Ипокрена (Иппокрена) – источники в Греции, посвященные музам и Аполлону.

Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте оног помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. – Авторами проекта здания Академии художеств были А. Ф. Кокоринов и Ж.-Б.-М. Баллен-Деламот. Строительство началось в 1765 г., но затем затянулось из-за нехватки средств. По Петербургу пошли слухи о хищениях со стороны Кокоринова, руководившего строительством. Хотя ревизия хищений не обнаружила, Кокоринов (по-видимому, в припадке душевной болезни) повесился. Строительство самого здания тянулось до 1788 г., отделочные же работы были завершены лишь в 1810 г. Кроме этого конкретного факта, как обычно у Радищева, можно привести ряд аналогичных: затягивались работы и были хищения на строительстве нового здания Академии наук, Большого театра (на месте которого теперь стоит Ленинградская консерватория) и т. д.

Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. – На содержание людей по ведомству общественного призрения отпускались мизерные суммы. Так, на каждую «вдовицу», живущую в богадельне, полагалось от 4 до 6 коп. в день (на содержание, питание, одежду и пр.). На ребенка в воспитательном доме отпускалось 7 коп. в день, но большая часть этих денег раскрадывалась, и дети умирали от «небрежения» и голода.

...доверенность господа – то есть доверие господина.

...к примазанным квасом волосам. – В полуобразованных сословиях для укладки волос употреблялись квас или сало. Дворянство (особенно столичное) с той же целью применяло дорогую специальную помаду, которую сверху посыпали пудрой.

...он был из Новгородской семинарии... – Реальный прототип семинариста – Федор Васильевич Кречетов, радикальный публицист конца XVIII в., «из церковников» по происхождению. Основная мысль Кречетова – необходимость «вольности», под которой он понимал ограничение самодержавной власти. Однако установлению «вольности» должны были предшествовать ликвидация неграмотности, распространение просвещения и установление правосудия. Ему принадлежит ряд планов в области просвещения, которые он тщетно посылал в высшие инстанции: план устройства народных училищ, планы коммерческих и юридических школ, предложение открыть юридические школы при сенате и т. д. Для своих юридических трудов и проектов Кречетов многое взял из сочинений Гроция, Монтескье и Блэкстона. Однако семинарист отличается от Кречетова возрастом: он молод, а Кречетову было около пятидесяти лет, к тому же он не был масоном. Дело в том, что Радищев слил в образе семинариста черты, заимствованные у Кречетова, с качествами, присущими молодым масонам,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru воспитанникам московских мартинистов, с которыми он встречался в петербургском «Обществе друзей словесных наук». Это дало возможность писателю с сочувствием воспроизвести критические высказывания персонажа по поводу официального образования (где использованы доводы именно Кречетова), но саркастически высмеять религиозно-мистические «бредоумствования» масонов.

...уже есть повеление о учреждении новых университетов... – 29 января 1786 г. «Комиссии о учреждении народных училищ» было предписано составить «План университетов и гимназий, в разных местах империи заводимых». Такой план был составлен приятелем Радищева О. П. Козодавлевым, однако утверждения он не получил.

Кто мир нравственной уподобил колесу... – В этом отрывке из «тетради семинариста» излагаются мысли, отчасти сходные с учением французского мистика Сен-Мартена (1743–1803), на которого опирались русские масоны, особенно «мартинисты» – московские розенкрейцеры. Последующие возражения Радищева – Путешественника относятся уже не столько к семинаристу – Кречетову, сколько к масонам вообще.

...коловоращающихся – вращающихся вокруг, около. На этом слове кончаются записи семинариста; дальнейшие рассуждения принадлежат Путешественнику.

Нет, мой друг!., и душенька моя набродится досыта... – В этих словах Радищев высмеивает масонов. Мистики-масоны вообще, и московские розенкрейцеры в том числе (к ним принадлежали Кутузов и Новиков), утверждали, что человек состоит из трех отдельных субстанций – тела, души и духа. Эту теорию и имеет в виду писатель, упоминая все три части, субстанции, в комическом плане («...нежели... потщуся отделить дух мой от тел а... Когда умру... душенька моя набродится досыта»). Кроме того, масоны усматривали в египетских иероглифах (тогда еще не расшифрованных), арабских цифрах, еврейских, арабских и т. д. буквах некий сокровенный мистический смысл и неутомимо их истолковывали. Наконец, масонство в целом третировало реальный мир, как «мир брюховный», отрицательно относилось к чувственным наслаждениям и т. п.

...Лутер начал преобразование... – Преобразование – Реформация. Сигналом к началу широкого социального движения послужило выступление Мартина Лютера (1483–1546) с «тезисами», направленными против догматов католицизма.

Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. – Резкий поворот к идеализму, фидеизму и мистицизму обозначился в России во второй половине 70-х годов, после подавления Пугачевского восстания. Особенно явственно наблюдается этот процесс в журналах, издававшихся Н. И. Новиковым с 1777 г., и в книжной продукции московских мартинистов. Кроме того, в конце 70-х и особенно в 80-е годы значительно активизировалась православная церковь, на которую опиралась Екатерина II в борьбе с московскими мартинистами.

Акиба – бен Иосиф Акиба, один из крупнейших еврейских раввинов I–II вв., автор схоластических комментариев к иудейскому религиозному преданию, в которых бен Акиба подвергал истолкованию не только каждое слово еврейского «закона», но даже особое начертание каждой буквы. Данное место «Путешествия» – цитата из антиклерикального «Исторического и критического словаря» (1695–1697) французского мыслителя Пьера Бейля (1647–1706). Используя цитату из Бейля, Радищев имеет в виду сложную масонскую обрядность с обязательным учетом при совершении церемоний расположения сторон света. См. описание масонских обрядов в «Воине и мире» Л. Н. Толстого.

В таковых размышлениях подъезжал я к Новугороду... – В XVIII в. древняя русская история служила объектом самого пристального внимания. Непосредственным объектом полемики Радищева являются «Записки касательно российской истории» Екатерины II.

Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. – Исходным пунктом и важнейшим звеном исторической концепции Екатерины было утверждение, что исконной формой русской государственности являлась княжеская власть, то есть самодержавие. Против этой концепции одновременно выступили Я. Б. Княжнин (трагедия «Вадим Новгородский», 1788 или начало 1789 г.) и Радищев, утверждавшие, что исконной формой русского государственного правления была республика. Усматривая в вечевых собраниях прообраз народного самоуправления, Княжнин и Радищев идеализировали новгородскую «вольность» и вечевое правление, а от них идеализация «вольного Новгорода» перешла к декабристам.

Царь Иван Васильевич – собирательный образ типичного самодержца, созданный Радищевым из черт и поступков Ивана III и Ивана IV Грозного. Самый «поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новгорода», как его излагает писатель, тоже является собирательным, типическим действием русского самодержавия, потому что, говоря об однократном, единовременном «поступке царя», Радищев соединяет в последовательном перечислении события разновременные. «Взятие» Новгорода и «присвоение» его русским самодержавием относится к 1478 г., полное же «разорение» Новгорода произошло в 1570 г. Следовательно, «уязвлен сопротивлением сея республики» был Иван III, а «хотел разорить ее до основания» Иван IV.

Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается... – В «Наказе» Екатерина II определила «гражданское право» как право, «по которому каждый гражданин может защищать свое имение и жизнь от нападков другого гражданина». Однако Радищев уже показал, что «примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом», поэтому он и отказывается рассуждать о «пустяках».

Из летописи Новгородской. – В основу радищевского текста легли выписки из исторических трудов. Обработав их соответствующим образом, писатель придал тексту вид подлинного документа, который с неопровержимой логичностью и документальной достоверностью говорит о гнетущей, мертвящей силе самодержавия.

...купец третьей гильдии, а ныне именной гражданин. – В зависимости от «объявленного» купцом капитала он мог быть вписан в одну из трех гильдий. Для зачисления в третью гильдию с 1785 г. требовался капитал от 1000 до 5000 руб.; «всякого звания и состояния капиталиста, которые объявят за собой капитала от 50000 рублей и более», причислялись к «именитым гражданам», для которых устанавливался ряд особых прав и «привилегий».

Лаватер – И.-К. Лафатер (1741–1801), немецкий писатель, автор «физиогномики»; в ней обосновывалась возможность распознать характер человека на основании строения черепа и лица. Радищев к Лафатеру относился иронически.

Зубы как уголь. – Купеческие модницы специально чернили зубы, что почиталось в их среде красивым.

Как мне до него коснуться: он не мой. – В случае внезапного предъявления векселей или банкротства взыскание не могло коснуться того имущества, которое было записано на имя другого члена семьи. Поэтому большинство купцов оформляло документы на владение частью имущества на имя ближайших родственников, чаще всего – жены.

...утехи, ими же наслаждался бы – то есть которыми наслаждался бы.

Егова, Юпитер, Брама. – По-видимому, называя имена иудейского бога Иеговы, римского Юпитера и индийского Брахмы, Радищев имеет в виду три разных типа религии – веру в единого бога (единобожие, монотеизм), многобожие и троебожие.

...паче нашего песнопения – больше, сильнее нашей молитвы.

...награжден чином коллежского асессора... – Лицо, получившее в придворной (как и в гражданской) службе чин коллежского асессора, приобретало потомственное дворянство, а также право владеть крепостными.

Отличная привязанность – то есть особенная.

Гогард – У. Хогарт (1697–1764), английский художник и гравер, в сатирических картинах и гравюрах беспощадно разоблачавший английское общество.

...но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. – Будучи яростным врагом крепостничества и изображая страдания крепостных, Радищев отнюдь не идеализировал крестьянства. Наоборот, в русской литературе он первым в полный голос сказал о страшном развращающем действии крепостного права на самих крестьян, а не только на помещиков (о чем задолго до него писали Кантемир, Сумароков, Новиков, Княжнин, Фонвизин). См. главы «Валдай», «Едрово», «Хотилово», «Медное».

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Скарденное – здесь: гнусное, омерзительное.

...я обязан был... приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе. – Екатерина II неоднократно выступала против применения смертной казни, оставляя ее в качестве наказания лишь за «оскорбление величества» и за нарушение присяги. Но, поскольку нового свода законов создано не было, судьи в своей практике должны были, руководствуясь старыми законами, приговаривать виновных в различных преступлениях к смерти, а затем заменять смертный приговор «торговой казнью» (публичное битье кнутом на «торговой площади» с последующим вырезанием ноздрей и клеймением) и «вечной работой» (пожизненной каторгой).

Какая же ради вины – то есть по какой причине.

Баба – то есть «Баба!». Так называлась дача А. А. Нарышкина «Красная мыза» под Петербургом, где бывали гулянья, играла музыка и т. д.

Дурындин женился. – За внешней остросатирической оболочкой следующего далее рассказа скрыты еще и внутренние, крайне язвительные и весьма злободневные намеки. Под именем Дурындина в пьеске Екатерины II «За мухой с обухом» (1788) был выведен обер-шенк А. А. Нарышкин. Чтобы дать понять, что и в «Путешествии» под Дурындиным подразумевается также Нарышкин, Радищев упомянул выше его дачу. Следовательно, прототип жены Дурындина, старой сводни госпожи Ш., – А. Н. Нарышкина, статс-дама, подруга и поверенная личных тайн императрицы. Именно А. Н. Нарышкина в июне 1789 г. свела Екатерину с новым фаворитом П. А. Зубовым.

...на свете все колесом вертится. – Намек на очередную смену фаворитов при дворе в июне 1789 г.

Прияв вас даже от чрева материя... – Исходя из мысли Локка о необходимости воспитания с момента рождения ребенка, отец помогал матери воспитывать детей, но (в отличие от указаний Локка и Руссо) без помощи наемных «рачительниц» и «рачитель», то есть нянек и учителей. Выдвигая на первый план воспитание в семье, создавая образ идеального воспитателя-отца, Радищев расходился со многими просветителями (Гельвецием, Руссо и др.).

...поженет его в сокровенности его – будет преследовать его в глубине души.

Казистое восшествие – красивая (модная) походка, манеры.

Откровение – открытие истин духовных, связанных с понятием о боге.

Изучив – здесь: научив.

Правила единожития – правила личной жизни – постоянное упражнение тела и развитие нравственных чувств.

...не долженствует быть препинаемо – не должно встретить препятствий.

Исполнительные правила – правила, которые следует исполнять.

...сжатой рассудок – ограниченный ум.

...восхити венец блаженства... – Умри. – Восхити – похить. Взгляд на самоубийство как акт гражданского мужества, как форму протеста против насилия характерен для большинства просветителей XVIII в. Церковь и государство категорически осуждали самоубийство.

Веси, николи не утруждал – ведаешь, никогда не утруждал.

...оно, проповедуя всегда мир и тишину... – Начиная с 1775 г., с момента подавления восстания Пугачева, в правительственных указах и документах, изданных сенатом или подписанных самой императрицей, в «Уставе благочиния, или Полицейском» (1782) регулярно повторялись фразы о «мире и тишине», воцарившихся в государстве «к общему блаженству подданных». Именно конкретной направленностью против основополагающих документов самодержавия и объясняется гневный пафос Радищева.

Новой сей городок... – Как село, Валдай упоминается в летописях с XV в. Указом от 3 апреля 1772 г. Валдай, Вышний Волочок, Боровичи были, по выражению Радищева,

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
«произведены в города».

Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних. – О том, что Валдай славились в XVIII в. развратом, рассказывается и в других источниках, например, в «Записках» Г. Р. Державина.

...будущу ему на среде пути – когда он был на середине пути.

...не сделать... визита воспитательному дому – то есть не отнести незаконнорожденного ребенка в воспитательный дом.

...в пять вершков... – Вершок – мера длины, 2/26 аршина. Аршин – 71 см, вершок – около 4,4 см.

Трехчетвертной стан – талия в $\frac{3}{4}$ аршина, около 54 см в обхвате.

Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы... – Анюта – свободная крестьянка, дочь зажиточного ямщика: по закону ямщикам полагалось иметь три лошади. Беда семьи – в отсутствии мужчины-работника, могущего исполнять ямскую повинность.

...выпросит в почетные девицы – то есть добьется придворного звания фрейлины.

...едущую четвернею, если она ходит пешком... – Число лошадей и характер украшения экипажей регулировались специальным законом в зависимости от положения по «Табели о рангах». Особы первых пяти классов могли ездить в соответствующей каждому классу карете на шестерке или четверке лошадей. Лицам шестого – восьмого классов полагалась четверка. Обер-офицеры ездили в коляске, запряженной парой. Нечиновные, какими бы средствами они ни располагали, должны были довольствоваться одной лошадейю. Выезд цугом – четверка или шестерка лошадей, запряженных попарно.

...первостатейного – здесь: вельможу. С. 112. ...словуты в коленах – прославлены в поколениях.

Известно вам... что мудрые правители нашего народа... старались положить предел стоглавному сему злу. – Очевидно, имеются в виду попытки Петра I и Екатерины II ограничить злоупотребления крепостным правом.

Державные предки наши... – При Петре I дворянство получило в наследственную собственность земли с приписанными к ним крестьянами, а затем и исключительное право владеть крепостными. При Екатерине в связи с отменой обязательной службы дворян и другими привилегиями дворянству крепостные потеряли все гражданские права и стали «в законе мертвы».

Служители божества предвечного... Старались... доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. – Ничего подобного духовенство XVIII в. помещикам не доказывало. Здесь, как и в первых абзацах главы, речь идет об отдаленном будущем.

...юным вам сущим – когда вы были юными. Речь идет снова о будущем времени, ибо в училищах 80-х годов «основания права естественного и права гражданского» не преподавались.

...к шарам, в 18-м столетии изобретенным... – Первый воздушный шар, сделанный из бумаги (вскоре ее заменили шелком) и наполненный горячим воздухом, был изобретен братьями Монгольфье и запущен 5 июня 1783 г., а 27 августа того же года взлетел изобретенный профессором Шарлем шар, наполненный водородом («горючим воздухом»).

Прельщенные – обманутые. Е. И. Пугачев выступал под именем «царя Петра Федоровича». Радищев отрицательно относится к царистским иллюзиям крестьянства.

Льстец – здесь: обманщик, самозванец.

...видел гражданина будущих времен. – Данный персонаж является «автором» двух «проектов в будущем» («Хотиллов» и «Выдропуск») и записок о продаже крепостных («Медное»). Сложность позиции персонажа, сочетающая в себе попытки воздействовать на верхи с надеждой на народную революцию, изначально заложена в нем самим Радищевым. Формула «гражданин будущих времен» заимствована из трагедии

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru Шиллера «Дон Карлос»: это – самохарактеристика маркиза Позы. Соотнесенность с героем Шиллера и помогает понять сложность позиции радищевского персонажа: маркиз Поза, пытаясь подвигнуть Филиппа II на реформы, одновременно готовит восстание в Нидерландах. Однако радищевский «гражданин будущих времен», ориентированный на героя Шиллера, в то же время и полемичен по отношению к нему: если шиллеровский рыцарь-энтузиаст питает иллюзорную надежду поставить во главе народного движения Дона Карлоса, то радищевский «гражданин будущих времен» трезво-скептически замечает: «...все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники...», то есть возлагает надежды непосредственно на народ, на народную революцию.

...нашел я табель о рангах. – Имеется в виду «проект», занимающий главу «Выдропуск».

Святая неделя, или пасхальная – неделя после великого поста (длился семь недель до пасхи), большой церковный праздник.

Таковым урядникам – то есть таким образом устроенным людям (от «урядить» – устроить, снабдить).

Вводя нарушенное в обществе... равенство... предки наши... – Речь идет о борьбе самодержавия со старой феодальной аристократией.

...вся, его же коснутся – все, к чему прикоснутся.

...воздвигли цари придворных истуканов, кои, истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещотке. – То есть: воздвигли придворных кумиров, которые подобны выступающим в роли богов театральным актерам, повинующимся сигналам режиссера.

Нума Помпилий – легендарный царь Древнего Рима, которому в его деяниях помогала нимфа Эгерия, передававшая ему волю богов.

Послушаем Гердера. – Следующий абзац – цитата из рассуждения Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительство», причем Радищев приводит только тезисы в защиту свободы печати.

...цензор, в клобуке ли он или с темляком – то есть цензор духовный или полицейский (клобук – монашеский головной убор, темляк – тесьма с кистью на шпаге). Этот оборот внесен Радищевым в текст Гердера применительно к особенностям России, где существовали две цензуры – духовная и полицейская.

Откупы в помышлениях – монополия в мыслях.

...урядник благочиния... – Радищев метит и в полицейскую цензуру (трещотки применялись в случае тревоги полицией), и в духовную («биющему в набат»). Объединение полиции и церкви в одной формуле «урядник благочиния» было возможно потому, что в XVIII в. слово «благочиние» обозначало и полицию, и церковный округ.

Клеймо полицейское – соответствующие надписи («С дозволения Управы благочиния», «С указного дозволения» и т. п.), ставившиеся в 80-х годах на титульном листе издания.

Отступники откровенной религии... – Речь идет о раскольниках. В XVII – первой половине XVIII в. они подвергались жестоким репрессиям, но в 60 –80-х годах им были возвращены гражданские права. Однако нелегальные издания раскольников подвергались преследованиям. Радищев и говорит о нелепости такого положения, когда правительство, узаконив сам раскол, запрещает книги раскольников.

«Пандекты» Юстиниановы (или «Дигесты») – собрание выписок из сочинений римских законоведов, часть законодательного труда «Основы гражданского права».

Иллюминаты. – Под иллюминатами Радищев разумеет масонов.

...оковы священного суеверия... суеверия политического... – Здесь, как и в других местах, под «священным суеверием» Радищев имеет в виду религию, под «суеверием политическим» – самодержавие, монархию, деспотизм.

Священный Тиверий – то есть церковник – злодей, убийца и тиран.

Звездная палата была учреждена в Англии в 1488 г. как высший административно-судебный трибунал; затем взяла под контроль умственную жизнь страны, печать и т. д.

Мы недавно читали... Лафает был исполнителем сего приговора. – Речь идет о разгроме типографии Марата отрядом Национальной гвардии под командованием маркиза де Лафайета (1757–1834) за памфлет, направленный против правого большинства Учредительного собрания.

Император Иосиф II... – При Марии-Терезии (1717–1780) в Австрии цензура находилась в руках католической церкви, которая жестоко подавляла любую вольную мысль. По смерти матери Иосиф II (1741–1790) издал указ о веротерпимости и новый цензурный устав, которым был уничтожен цензурный комитет, однако сама цензура не отменена. Его преемник Леопольд II (император с 1790 по 1792 г.) вновь даровал ряд привилегий церкви и восстановил цензурный комитет.

Что в России с цензурой происходило, узнаете в другое время. – У Радищева не было нужды снова говорить о русской цензуре, поскольку цензурное законодательство, равно как и практика полицейской и духовной цензуры, было детально проанализировано в первой части главы.

Каждую неделю два раза... – Дважды в неделю выходили газеты «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости», где печатались объявления о продаже крепостных.

Крымский поход. – В мае 1736 г. русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха (1683–1767) вторглась в Крым, однако осенью отошла на Украину.

Франкфуртская баталия – битва под Кунерсдорфом 1 августа 1759 г., во время Семилетней войны.

...иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? – Согласно закону 1724 г. никто не имел права насильственно принуждать к браку, но на практике этот закон не исполнялся.

О квакеры!.. – Имеется в виду эпизод из «Истории обеих Индий» Рейналя, рассказывающий о том, как члены религиозной секты квакеров освободили принадлежавших им негров-рабов.

Он незаконнорожденной. Закон его освобождает, – По «генеральному праву Воспитательного дома» все незаконнорожденные питомцы воспитательных домов, а также их будущие дети и потомки навсегда остаются вольными; их нельзя обратить в крепостных или закабалить.

...один чужестранец – скорей всего, англичанин или француз, поскольку под «отдаленными селениями», очевидно, подразумеваются английские или французские колонии в Америке, где существует рабство негров.

Ломоносов, уразумев смешное... – Речь идет о реформе стиха, о переходе от силлабической системы стихосложения к силлаботонической.

Ексаметр – гексаметр, шестистопный дактиль, в котором часть дактилических стоп заменена хореическими или спондеическими.

Тогда и Третьяковского вырвут из поросшей мхом забвения могилы... – Первую попытку объективной оценки «Тилемахиды» сделал сам Радищев в статье «Памятник дактилохореическому витязю» (см.).

Вольность... Ода. – Комментарии см. в примеч. к полному тексту произведения.

Он очень туг и труден на изречение... – Разъясняя принципиальные основы своей поэтики, Радищев комментирует так называемый «трудный стих» – один из приемов звуковой и ритмической организации словесного материала в поэзии.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
...рекрутский набор – способ комплектования армии, введенный в России при Петре I в 1699 г. В зависимости от военной потребности устанавливалось общее число нового набора, а затем вычислялось, сколько человек необходимо взять с определенного количества душ мужского пола, подлежащих рекрутской повинности. Основная тяжесть рекрутчины падала на крестьян внутренних губерний страны.

На меня пал жеребей... – При объявлении набора власти определяли для каждой общины лишь общее число рекрутов (в зависимости от количества душ). В крепостных деревнях отдача в рекруты целиком зависела от помещика, в государственных и казенных определялась жребием.

Экономическое селение. – Так назывались деревни, ранее принадлежавшие монастырям, а с 1764 г. ставшие государственными.

...посредственного роста – то есть среднего.

...смурой кафтан – кафтан крестьянского некрашеного сукна из темной шерсти.

...когда нас поставят в меру... – По прибытии на сборный пункт рекрутам измеряли рост, ибо в солдаты не брали ниже «указной меры» – 2 аршинов $3 \frac{3}{4}$ вершков (около 167,5 см).

Прусские наборщики – то есть вербовщики.

Мемель – древний литовский город, в XVIII в. принадлежавший Пруссии (ныне – г. Клайпеда Литовской ССР).

«Я вас!..» – У Радищева ошибка: не Эол, а Нептун, умирив ветры, воскликнул: «Я вас!»

Эолова острога – трезубец, постоянный атрибут Нептуна.

Полкан – здесь: всадник-драчун.

...безгласным в придворной грамматике называется... – Во «Всеобщей придворной грамматике» Д. И. Фонвизина о «безгласных» сказано: «Они у двора точно то, что в азбуке буква „ъ“, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят».

Габриелли, Маркези или Тоди – знаменитые итальянские певцы, гастролировавшие в Петербурге.

Денешки и полушки – мелкие медные монеты; две полушки составляли денежку, две денежки – копейку.

Да и то слава богу при нынешних неурожаях. – Во второй половине 80-х годов Россия претерпела ряд неурожайных лет.

...обувь, данная природою – босые ноги.

...и пр. и пр. и пр. – Этими словами Радищев заменил концовку патетической тирады (бывшую в ранних редакциях) и тем самым перевел ее в отчетливо иронический план, дабы отнять у читателя всякую возможность иллюзии, будто «громopodobный глас» совести может заговорить в тех, кого писатель раньше назвал «зверями алчными», «пиявицами ненасытными».

...парнасской судья – «новомодный стихотворец», автор «Вольности» и «Слова о Ломоносове».

Невской монастырь – Александро-Невская лавра, основанная Петром I в 1713 г. в память о победе, одержанной Александром Невским над шведами в 1240 г.

Озерки – так в XVIII в. называлась местность, расположенная за Невским монастырем.

Невское кладбище – основанное в 1716 г. Лазаревское кладбище, самое старое из расположенных на территории лавры. Здесь в 1765 г. похоронен Ломоносов, в 1783 г. – А. В. Радищева (Рубановская).

Не столп, воздвигнутый над тлением твоим... – Граф М. Л. Воронцов воздвиг на могиле Ломоносова мраморный монумент с надписями на латинском и русском языках с перечислением его заслуг. Обе надписи были напечатаны в 10-м листе журнала «Трутенъ», а в помещенной за ними статье говорилось: «Не можно воздержаться, чтобы не отдать справедливую похвалу покойному его сиятельству графу Воронцову. Монумент, воздвигнутый его тщанием и иждивением в честь имени покойного г. Ломоносова, возвестит позднейшим потомкам состояние словесных наук нашего века». С последней фразой непосредственно и полемизирует Радищев.

...обитель иноческих мусс... (то есть монашеских муз) – Славяно-греко-латинская академия, старейшее учебное заведение Москвы.

...ода... на взятие Хотина была прислана не из Марбурга, а уже из Фрейберга.

Таков был Демосфен... – Радищев называет знаменитейших ораторов прошлого и современности: древнего грека Демосфена (384–322 гг. до н. э.), римлянина Цицерона (106 – 43 гг. до н. э.), англичан Уильяма Питта Старшего (1708–1778), Эдмунда Берка (Бурка, 1730–1797), чарльза Джеймса Фокса (1749–1806), француза Оноре Габриеля Рикетти Мирабо (1749–1791).

Но ты, зревший самого Ломоносова... – Радищев обращается к митрополиту московскому Платону Левшину (1737–1812), славившемуся ораторским искусством. Отдавая должное душе и сердцу Платона, писатель сравнивает его с древнегреческим философом Платоном.

Дееписатель – историк. Радищев весьма низко оценивает исторические труды Ломоносова и отказывается поставить его в один ряд с великим римским историком Тацитом, историками-просветителями Рейналем и Уильямом Робертсоном (1721–1793).

Маркграф – Андреас Сигизмунд Маргграф (1709–1802), немецкий химик.

Ридигер – по-видимому, Андреас Рюдигер (1673–1731), немецкий ученый.

...шествование его было шествование последователя, – В оценке деятельности Ломоносова-естествоиспытателя Радищев несправедлив. Только наука XX в. смогла в полной мере оценить гениальность научных открытий Ломоносова, и только теперь ясно, насколько Ломоносов в ряде проблем опередил свое время. Однако Радищев руководствовался, по-видимому, отзывами ученых – современников и недругов Ломоносова.

Франклин Вениамин (1706–1790) – один из крупнейших деятелей американской революции, ученый-физик, изобретатель громоотвода. Приведенная Радищевым надпись под его бюстом взята у Рейналя (причем он поставил слово «царей» вместо бывшего в оригинале «тиранов», тем самым превратив тираноборческую тираду в антимионархическую).

...позорищного стихотворения – то есть драматургии. Речь идет о неудачных трагедиях Ломоносова.

Всесвятское – село под Москвой (ныне находится в черте города).

С дозволения Управы благочиния. – По закону цензурная помета должна была находиться на титульном листе, о чем Радищев прекрасно знал: в «Письме к другу», напечатанном до «Путешествия» в той же домовой типографии, цензурное разрешение размещено на титульном листе. Поэтому очевидно, что помещение цензурной надписи на последней странице входило в авторский идейно-композиционный замысел: только еще взяв «Путешествие» в руки, читатель сразу должен был ощутить необычный, противозаконный характер первой русской революционной книги. А с другой стороны, эта надпись одновременно и злая насмешка над глупостью власти, которая бессильно «бешенствует на казнь рассудка» («Торжок»): ведь издана книга действительно «с дозволения Управы благочиния», даже с двойного, так как обер-полицеймейстер подписал ее дважды – сначала само «Путешествие», а затем отдельно «Слово о Ломоносове».

Отрывок путешествия в *** И*** Т****

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Впервые – журнал «Живописец», 1772, л. 5 и 14 (от слов «Между тем солнце...»). В л. 13 помещена статья «Английская прогулка», где сообщается, что, по мнению некоторых читателей, «Отрывок» «огорчает целый дворянский корпус». Чтобы ослабить антикрепостническое звучание произведения, «парализовать», по выражению Н. А. Добролюбова, «истинную силу „Отрывка“», автор «Английской прогулки» (очевидно, сам издатель «Живописца» Н. И. Новиков) попытался дать произведению благонамеренное истолкование. Эта попытка, по-видимому, оказалась удачной. Во всяком случае, Екатерина II, которой Новиков поднес июльские номера журнала (листы 13–16), не только благосклонно приняла их, но и приказала выдать Новикову 200 рублей в поощрение – «к облегчению трудов ваших в издаваемых вами листах», как сказано в сопроводительной записке статс-секретаря императрицы Г. В. Козицкого.

Вопрос об авторстве анонимно напечатанного «Отрывка» – один из самых спорных в научной литературе. Некоторые исследователи пытались определить автора по буквам «И. Т.» и предлагали кандидатуры Ивана Тургенева, Ивана Тревогина, Ивана Третьякова и др., но все эти фигуры в конечном счете оказывались неподходящими. Часть исследователей расшифровывает «И. Т.» как «Издатель Трутня», то есть считает автором «Отрывка» самого Новикова на том основании* что «Отрывок» включен в так называемое «третье издание» «Живописца», составленное якобы только из сочинений одного Новикова (ныне, впрочем, доказано, что в эту книгу Новиков ввел и ряд произведений, бесспорно принадлежащих другим авторам, например, Д. И. Фонвизину). Однако большинство исследователей полагает, что прямое свидетельство П. А. Радищева об авторстве отца, отмеченные еще Н. А. Добролюбовым идейное отличие «Отрывка» от всех остальных материалов новиковских изданий и близость его к «Путешествию из Петербурга в Москву», явное сходство содержания «Отрывка» с такими главами радищевской книги, как «Любани» и «Пешки», связь философского подтекста «Отрывка» с учением Гельвеция (вполне естественным, как видно из «Жития Ушакова», для Радищева, но абсолютно неприемлемым для Новикова) и другие данные говорят о принадлежности его А. Н. Радищеву. Хотя спор не окончен, стоит отметить, что каждая попытка оспорить авторство Радищева вызывает появление в печати гораздо более весомых аргументов в его пользу. Так, сравнительно недавно появившееся в печати утверждение, что указание П. А. Радищева об авторстве отца ему не принадлежит, а является домыслом досужего журналиста, вызвало немедленный ответ, где на основании серьезных архивных материалов было доказано, что свидетельство П. А. Радищева принадлежит именно ему. Не исключено, однако, что Новиков не только вычеркнул наиболее криминальные места во второй половине «Отрывка» (что видно из подстрочного примечания издателя журнала), но и вообще отредактировал текст этой части произведения.

...адоны хлеба – скирды.

О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее... – Как следует читать слово, замененное тремя звездочками, неясно. Предлагалось видеть здесь слова «господ» или «дворян», однако это маловероятно: подобные пропуски в новиковских изданиях заменялись обычно многоточием, а не звездочками. Скорее тут какое-то географическое наименование: либо то, которое заменено тремя звездочками в заглавии («Отрывок путешествия в ***...»), либо вообще «Россию».

...богачи, любимцы Плутovy – от: Плутос – бог богатства у древних греков.

<О самодержавстве>*

Впервые – в кн.: Г.-Б. де Мабли. Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков. СПб., 1773, с. 126. Перевод с французского языка (по 2-му изданию 1766 г.) был выполнен Радищевым для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» и напечатан изданием «Общества, старающегося о напечатании книг», которым руководил Н. И. Новиков.

Данный фрагмент представляет собой оригинальное примечание Радищева к тексту Мабли – пояснение слова «самодержавство», как переведено понятие «деспотизм». Вслед за философом-просветителем Монтескье Мабли (как и Радищев в этот период) различал две формы единоличной власти – «монархию» и «деспотизм» («тиранию»). В своем примечании Радищев исходил из трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске по долгу звания своего*

Впервые – отд. изд., СПб., 1790. «Письмо» обращено к Сергею Николаевичу Янову, товарищу Радищева по Пажескому корпусу и Лейпцигскому университету. В 1782–1784 гг. Янов служил в Казенной палате Тобольского наместничества в должности директора экономии. По долгу службы он составил «Топографическое описание Тобольского наместничества», а в 1783 г. специально для начальника Радищева, президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова – краткий очерк о Тобольском наместничестве. Поскольку очерк был написан по-французски, Радищев тогда же перевел его на русский язык (в академическое издание русский текст очерка ошибочно включен как оригинальное сочинение Радищева и датирован временем его пребывания в Тобольске в конце 1790 – начале 1791 г.).

Написанное 8 августа 1782 г., «Письмо» было напечатано, как показал Радищев на следствии, в его домовой типографии перед «Путешествием», в начале января 1790 г., – «на пробу».

Прочитав «Письмо» уже после «Путешествия», императрица отчеркнула ряд мест брошюры («Но колико крат более.. воссылает к предвечному отцу», «шли мимо подавшего им первый пример.. прощением разных преступников», примечание «Если бы сие.. другие мысли», – здесь дополнительно поставлен также знак «N3») и со своей сопроводительной запиской отправила в Секретную экспедицию для приобщения к «делу». Екатерина, в частности, писала: «Видно из подчеркнутых мест, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция его решила себе определить в России первым подвизателем».

...посвящение монумента.. работы г. фальконета. – Мысль о необходимости установки памятника Петру I в Петербурге долго не могла воплотиться в реальность. Не был воздвигнут конный портрет императора работы К.-Б. Растрелли (1743; установлен перед Михайловским замком в 1800 г. Павлом I). В конце царствования Елизаветы работа была поручена Мартелли, но в 1764 г. ее не одобрила Екатерина. В 1766 г. был заключен контракт с французским скульптором Э.-М. Фальконе. Уже в 1769 г. была готова модель конной статуи (голова Петра вылеплена ученицей Фальконе М. Колло), отливка ее завершена в 1775 г. Однако открытие монумента по разным причинам задерживалось, и в 1778 г. скульптор уехал в Париж. Торжественное открытие памятника было приурочено к столетию провозглашения Петра (вместе с братом Иваном) царем и одновременно – к двадцатилетию вступления на престол Екатерины II. Оно состоялось 7 августа 1782 г.

...было три человека, кои Петра I видели. – Очевидно, президент Академии художеств И. И. Бецкой (1704–1795), генерал-фельдмаршал А. М. Голицын (1718–1788) и С. Х. фон Миних (1708–1783) либо Г. Б. Тизенгаузен (1703–1789).

Сей день ознаменован.. – 7 августа был обнародован манифест о частичной амнистии (прощение должников, просидевших в тюрьме пять лет, и долгов, составлявших не более 600 руб., и т. п.).

...мысли творца образа Петрова.. – Радищев правильно уловил замысел Фальконе, который писал: «Надо показать людям более прекрасный образ законодателя, благодетеля своей страны. Природа и люди воздвигли перед ним самые трудные препятствия, которые он поборол своим мощным гением и упорством».

Дидеро – французский философ-просветитель Д. Дидро, бывавший в мастерской Фальконе во время своего пребывания в Петербурге в 1773–1774 гг.

...а Сенатом – отцом отечества. – Почетный титул «Отца Отечества» был поднесен Петру Сенатом в 1721 г., по окончании Северной войны. Особую злободневность радищевские размышления о том, что дает монарху право именоваться «великим», приобретали в связи с поднесением Екатерине II Сенатом и Комиссией по составлению Нового уложения в 1767 г. почетных титулов «Великой», «Премудрой» и «Матери отечества», а в 1779 г. петербургским дворянством титула «Великой» (оба раза Екатерина отклонила поднесенные ей титулы).

...женевскому. гражданину.. – Речь идет о Ж.-Ж. Руссо, который дал в «Общественном договоре» ошибочную оценку личности Петра, а большинство его нововведений отверг как неуместные и несвоевременные.

...истребил последние признаки дикой вольности своего отечества. – Обычно эту мысль толкуют как указание на усиление крепостного гнета при Петре I. Скорее, однако, говоря о «дикой» вольности, Радищев имел в виду ликвидацию самоуправления Донского казачьего войска («вольного Дона»).

...пример Людвиг X VI... – События первых месяцев французской революции показали, что король может «добровольно» уступить что-либо из своей власти только под воздействием восставшего народа.

Житие Федора Васильевича Ушакова*

Впервые – отд. изд., СПб., 1789, анонимно. Перепечатано в СОС, ч. V (М., 1811), с искажениями и вычерками цензора А. Ф. Мерзлякова (подробнее см.: Бабкин Д. С. Проблемы радищевской текстологии. – Русская литература, 1969, № 3; экземпляр «Жития» с цензурной правкой хранится в Государственной исторической публичной библиотеке РСФСР).

Первая часть произведения (собственно «Житие») написана в 1788 г., то есть одновременно с двумя первыми редакциями «Путешествия из Петербурга в Москву». Вторая часть составлена, по словам Радищева, из сохранных им сочинений Ушакова.

По-видимому, Радищев не только перевел и отредактировал текст Ушакова, но и кое-чем дополнил. Во всяком случае, резких расхождений между второй частью «Жития Ушакова» и собственными сочинениями Радищева нет.

Инициалы и фамилии лиц, имена которых Радищев не назвал полностью, в тексте раскрываются без скобок.

Алексею Михайловичу Кутузову, – А. М. Кутузов (1749–1797) – ближайший друг юности Радищева. В 1762 г. они оба были зачислены в Пажеский корпус, с 1766 г. учились в Лейпциге, а по возвращении в Россию 9 декабря 1771 г. назначены протоколистами в Сенат. Почти одновременно, в мае 1773 г., Радищев, Кутузов и их товарищ по корпусу, университету, Сенату А. К. Рубановский перешли на службу в армию. В 1775 г. Радищев женился на племяннице Рубановского Анне Васильевне, и это, по утверждению Кутузова, разделило друзей. Вернее, однако, другое объяснение: причиной охлаждения было сближение Кутузова с масонами (см. «Подберезье» в «Путешествии» и примеч. к нему). В течение семи лет (1773–1780 гг.) между ними прекратилась даже переписка, возобновившаяся в 1781 г. по инициативе Радищева и имевшая «философический» характер. Попытка Кутузова склонить друга к религиозно-мистическим исканиям окончилась неудачей, равно как и попытка Радищева воздействовать на друга, напоминая ему о юношеском увлечении просветительскими идеями в «Житии Ушакова». Прочитав его, Кутузов отметил: «Большую часть его положений касательно религии и государственного правления нашел [я] совершенно противоположною моею системе».

...в Сухопутном кадетском корпусе... – Сухопутный шляхетный кадетский корпус (учебное заведение для детей дворян) Ушаков окончил около 1764 г., после чего стал секретарем у статс-секретаря императрицы Г. Н. Теплова, через которого проходила значительная часть прошений на «высочайшее имя» и от которого в большой мере зависел их успех и скорость прохождения (а отсюда – возможность блестящей карьеры М. Ушакова и его успехи «в свете», о коих упоминается далее).

По изданию Рижского торгового устава... – «Устав о рижской коммерции» опубликован 17 декабря 1765 г.

...двенадцать юношей... – Поскольку в Пажеском корпусе изучались основы юриспруденции, отправляя молодых людей в Лейпцигский университет для обучения юридическим наукам, Екатерина II лично выбрала из представленного ей списка пажей шестерых, наиболее подготовленных для учебы за границей: Радищева, Кутузова, Рубановского, Янова (см. примеч. к «Письму к другу...»), П. Челищева, А. Римского-Корсакова (умер по дороге, в Риге). К ним присоединились три отпрыска знатных фамилий – князя В. Трубецкой и А. Несвицкий, родственник графа Орлова В. Зиновьев, два брата Ушаковы – Федор и Михаил (добровольно, но по сильной протекции), а также И. Насакин. Инструкция для будущих студентов была составлена

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
самой императрицей, «гофмейстером» (то есть надзирателем, воспитателем) назначен майор Е. Ф. Бокум.

...Гельвециево о сем мнение... – Речь идет о XVII главе «Рассуждения III» книги К.-А. Гельвеция «Об уме» (1758) – «О стремлении всех людей к деспотизму, о средствах достижения этого и об опасности от деспотизма для государей».

Я говорю о содержании нашем в Лейпциге под стражею. – История «бунта» русских студентов против Бокума многократно рассматривалась русскими и советскими учеными (М. И. Сухомлинов, Г. П. Макогоненко и мн. др.); наиболее документированное и детальное освещение вопроса принадлежит А. И. Старцеву («Университетские годы Радищева». М., 1956, и др.).

Митава – город в Курляндии (ныне – Елгава Латвийской ССР). Выехав из Петербурга по Петергофской дороге, студенты из-за лени Бокума ехали медленно, подолгу останавливаясь в деревнях Ямбургского уезда Петербургской губернии (сам характер местности, «низкие и болотные места» и т. д., состояние здешних крепостных точно совпадают с тем, что описано в «Отрывке путешествия в ***...»). Далее их путь проходил через Нарву, Ригу, Митаву, Кенигсберг, Данциг. Вся дорога в Лейпциг заняла четыре месяца. Характерно, что без Бокума обратный путь Радищев, Кутузов и Рубановский проделали вдвое быстрее.

...к российскому в Дрездене министру – то есть к русскому посланнику при саксонском дворе князю А. М. Белосельскому.

...нашелся человек, нас довольно любящий... – Этим человеком, который в столкновении с Бокумом и университетским начальством принял сторону русских студентов и взялся доставить в Россию их коллективную жалобу, был один из репетиторов университета Август Вицман (далее о нем же сказано: «Великодушный муж!..»). Чтобы дать ему, человеку бедному, средства на дорогу, студенты сумели переправить ему вместе с коллективной жалобой золотые часы и табакерку Кутузова, часы Несвицкого. Впоследствии Вицман обосновался в России, принимал участие в литературной и педагогической жизни Петербурга. Радищев до конца жизни поддерживал с Вицманом дружеские отношения (хотя во время следствия отрицал это), подарил ему экземпляр «Путешествия». После самоубийства Радищева Вицман взял на воспитание его младшего малолетнего сына Афанасия, а в 1805 г. в журнале «Северный вестник» была анонимно перепечатана под названием «Отрывок из бумаг одного россиянина» глава «Клин» из «Путешествия», – конечно, благодаря Вицману, который принимал в издании журнала самое непосредственное участие.

Конец сему полу смешному и полуплачевному делу был тот... – Как показывают документы, Радищев очень точен в частных подробностях, но иначе излагает некоторые существенные обстоятельства. Так, например, эпизод с помещицей Насакину произошел на два месяца раньше ареста Трубецкого, писатель же меняет эти события местами и изображает их как случившееся одно за день до другого. По-видимому, подобные «неточности» обусловлены художественно-публицистической задачей, которую Радищев поставил перед собой. Кроме того, кое-чего он просто не знал: в действительности письмо Ушакова о Насакине дошло не только до Белосельского, но и до Петербурга – и отсюда было предписано перевести в другой немецкий университет Ф. Ушакова и Насакина; при следующем столкновении велено выслать в Россию «главных возмутителей» – обоих Ушаковых, Челищева и Насакина. Эти распоряжения не были выполнены Белосельским благодаря его «миротворческим» действиям. Наконец, кое о чем Радищев умолчал, безусловно, совершенно сознательно: во всех событиях самую активную роль играл П. И. Челищев (согласно документам, он вел себя «особенно буйно»), но его имя даже не упомянуто в тексте. Между тем Екатерина II знала о Челищеве что-то такое, что давало ей основание заявлять, будто Радищев и Челищев совместно писали и печатали «Путешествие»; в связи же с «Письмом к другу...» она назвала Челищева вторым (после Радищева) «подвизателем» в России французской революции. Мы какими-либо документами пока не располагаем, но фактом является то, что в 1788 г. Радищев – очевидно, по серьезным соображениям – начал тщательно конспирировать своего друга. В печати уже высказывалось предположение, что именно Челищеву Радищев доверил сохранение рукописей «Путешествия», а теперь возникают основания для гипотезы об участии Челищева в работе над изданием книги. Но прежде всего дело, конечно, в том, что Радищев писал не отчет о событиях двадцатилетней давности, а художественно-публицистическое произведение.

...Я. Е. Муравьеву с супругою своею... шурин его... – Николай Ерофеевич Муравьев

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru (1724–1770) – военный и государственный деятель, математик и поэт. Его супруга – Анна Андреевна Муравьева (ум. 1804). Шурин – Александр Андреевич Волков (1736–1788), драматург и писатель.

Ф... – Федор Григорьевич Орлов (1741–1796), брат фаворита Екатерины Г. Г. Орлова, активный участник переворота 1762 г., после которого он стал обер-прокурором Сената; участник первой русско-турецкой войны и Чесменской битвы. В конце 1768 г. он около двух недель пробыл в Лейпциге. Еще в 1771 г. сочинение Гельвеция было его «любимой книжкой».

Не льстец Августов и не лизорук Меценатов... – Вергилию и Горацию, придворным поэтам императора Августа, противопоставляются оратор-республиканец Цицерон и поэт-сатирик Ювенал (менее вероятно – Петроний).

...некогда, прельщенные наихитрейшим из властителей – то есть обманутые Кромвелем (ср. «Вольность»). Далее речь идет о казни Карла I, приговоренного к смерти английским парламентом, и о перевороте 1688 г., когда парламент сместил Иакова II Стюарта и возвел на престол Вильгельма III Оранского.

Оснадцать лет уже совершилось... – Ушаков скончался 7 июня 1770 г.

...творца книги «О преступлениях и наказаниях». – Речь идет об итальянском просветителе-юристе Чезаре Беккариа (1738–1794).

...царствование императрицы Елисаветы Петровны... – При вступлении на престол Елизавета дала обещание не подписывать смертных приговоров и сдержала его.

В таковых обстоятельствах был Александр... – Имеются в виду казни в 330 г. до н. э. полководца Филотаса, обвиненного в заговоре против Александра Македонского, и казни в 1602 г. герцога Ш. Бирона – участника заговора против Генриха IV Наваррского.

Письмы, касающиеся до первой книги... – В этих письмах, адресованных, вероятно, Ф. Г. Орлову, речь идет только о 1-й главе «Рассуждения I» книги Гельвеция «Об уме».

Дневник одной недели*

Впервые – СОС, ч. IV, М., 1811.

Время написания неизвестно. До 1949 г. датировалось 1780-ми годами или 1773 г, в работах последних десятилетий большинство исследователей относят произведение к 1790-м годам. Стилистическая близость и текстуальные совпадения с дополнением к завещанию от 27 июля 1790 г. и письмами к А. Р. Воронцову, написанными по пути в Илимск, позволяют с наибольшей вероятностью датировать «Дневник» началом 1791 г. – временем пребывания Радищева в Тобольске в ожидании приезда родных. 2 марта 1791 г. в сопровождении одного из братьев писателя в Тобольск приехала свояченица Радищева (ставшая его гражданской женой) Е. В. Рубановская, которая привезла к нему младших детей.

...карают Беверлея. – В академическом издании исправлено: «Играют...» Беверлей – герой одноименной драмы французского писателя Б.-Ж. Сорена (русский перевод – СПб., 1773).

Волкова деревня находилась на южной окраине Петербурга; ближе к центру города расположено основанное в 1756 г. Волково кладбище, на котором в 1802 г. будет похоронен сам Радищев.

Памятник дактилохореическому витязю*

Впервые – СОС, ч. IV, М., 1811. Датируется по упоминанию «Стихотворений» П. М. Карабанова (СПб., 1801). Замысел произведения связан с мыслями, высказанными в «Путешествии» относительно «Тилемахиды» Третьяковского и необходимости обновления русского стихосложения.

Памятник дактилохореическому витязю.. – пародия на титульный лист «Тилемахиды» (СПб., 1766, т. 1–2). Далее пародируется манера Третьяковского снабжать свои сочинения обширными предисловиями, «предупреждениями», «предъяснениями» и т. п., его словоупотребление, синонимические упражнения. Сам «сюжет» «Памятника» строится на пародическом использовании отдельных мотивов и фрагментов текста «пиимы» Третьяковского.

Коцебу А.-Ф.-Ф. (1761–1819) – немецкий писатель и драматург; в повести «Жизнь моего отца» (русский перевод – М., 1798), по словам Коцебу в «Предисловии», он использовал принцип буриме: каждая глава связана с одним из слов, заданных будто бы писателю его приятелем заранее; этот принцип применяет и Радищев.

Сиденгамов жидкий лаудан – снотворное средство.

Копорье – уездный город, затем село Петербургской губернии (ныне – Ленинградской области).

...преподавать учение в разговорах во время прогулки. – Подобный способ обучения применялся Сократом, Аристотелем и его последователями – философами-перипатетиками.

Финисно ясно перышко.. – Имеются в виду народные сказки о финисте – ясном перышке и о Бове-королевиче, сказки о воре Фомке и о воре Тимоне из «Русских сказок» В. А. Левшина.

...в Москве вертепы носят деревянные. – Речь идет о народном кукольном театре.

У Расина, встревоженная виденным ею во сне.. – Героиня трагедии Ж. Расина «Гофолия» (русский перевод под заглавием «Афалия» – М., 1784) видит сон, предвещающий ее падение и воцарение юного Иоаза.

...от Гл...ва или Со...ва.. – Речь идет о лавках известных петербургских книгопродавцев И. П. Глазунова и В. С. Сопикова.

Риза здесь иронически обозначает «облачение» книги, то есть переплет.

...творения Ч... – Радищев говорит о сочинениях М. Д. Чулкова, «Лиродидактическом послании» Н. П. Николева в 3-м томе его «Творений» (М., 1796), «Новом земледелии» А. В. Рознотовского (ч. 1–7, М., 1794–1800), «Словаре поваренном» В. А. Левшина (ч. 1–6, М., 1795–1797), «Стихотворениях» П. М. Карабанова (СПб., 1801), куда по цензурным причинам не был включен перевод трагедии Вольтера «Альзира», впервые изданный в 1785 г. Под «Иерихоном» подразумевается сборник К. А. Кондратовича «Старик молодой» (СПб., 1769).

...«небесная планисфера» – лубочная картина, на которой созвездия изображены в виде соответствующих их наименованиям рисунков: львы, рысь, козерог, большая и малая медведица, змея, гидра и пр.

Мы приплыли на остров Кипр.. – Цымбалда здесь и далее не цитирует, а пересказывает «Тилемахиду».

«Горе мне, грешнику сушу» – популярная «духовная песнь».

...как некогда лжепророк Валаам.. – Согласно Библии, волхв Валаам был приглашен моавитянами, чтобы проклясть завоевателей-израильтян, но, по воле бога, изрек не проклятия, а благословения.

...гласом велиим – громким голосом.

Новерр Ж.-Ж. (1727–1810) – французский балетмейстер, реформатор и теоретик балета.

Анджелини – Анджолини Г. (1731–1803), итальянский балетмейстер и реформатор хореографического искусства. Будучи соперниками, Анджолини и Новерр особое внимание уделяли в балете трагической пантомиме.

...достойной момической кисти Гогарта.. – Момическая – сатирическая (по имени Мома,
Страница 313

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva1alexander.ru
греческого бога сатиры и насмешки).

...преношения в российском языке можно делать такие, как в латинском. – Характерная особенность латинского литературного языка – инверсии («преношения») – состоит в разделении синтаксически связанных между собою слов. Третьяковский использовал инверсии чрезвычайно усиленно.

...читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток... – Речь идет о трактате «О немецком гекзаметре» поэта и теоретика стиха Ф.-Г. Клопштока (1724–1803), приложенном к изданию 1769 г. его эпической поэмы «Мессиада». Выступая против «школьного» скандирования стиха по стопам, Клопшток выдвигал принцип чтения по «стопам слов».

Спондей – двусложная стопа, в которой оба слога ударные.

Триврахия – трибрахий; в русском стихосложении – трехсложная стопа, в которой все слоги безударны (в трехсложных размерах функционирует подобно пиррихию в двусложных).

Пандорина коробка. – Согласно греческой мифологии, мужу первой женщины Пандоры боги подарили сосуд, наполненный болезнями, несчастьями и пороками; Пандора из любопытства открыла сосуд, бедствия вылетели из него и с тех пор терзают человечество.

«О ты, что в горести напрасно» – первый стих «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова.

Песня*

Впервые – СОС, с явными ошибками. Как показал Радищев во время следствия, его «опыты письма» до женитьбы в 1775 г. «обращались всегда на нежные предметы». Также в пользу ранней датировки свидетельствует традиционность поэтики «Песни».

Творение мира*

Впервые – «Былое», 1922, № 19. Жанр «Творения мира» обозначен в подзаголовке термином «Песнословие», что значит оратория, либретто музыкального произведения, предназначенного для пения солистами и хором в сопровождении оркестра или без него (исполнение «а капелла»). Тематика ораторий обязательно заимствовалась из Библии, аналогичные же по жанру произведения светского содержания назывались кантатами. В ранних рукописных редакциях «Путешествия» оратория была включена в главу «Тверь» после «Вольности».

Ранее «Творение мира» датировалось второй половиной 1780-х годов либо 1799–1800 гг. Теперь установлено, что оратория была задумана в 1779–1780 гг. в связи с деятельностью пропагандиста ораториального жанра в России композитора и музыканта Пезибля, хорошо знакомого Радищеву. Возможно, что произведение не окончено из-за самоубийства Пезибля в начале 1782 г.

«Творение мира» построено на мотивах библейского ветхозаветного предания о сотворении мира, наиболее полно изложенного в «Первой книге Моисеевой» (гл. 1). Однако предание, взятое из Ветхого завета, Радищев объединил, с сюжетом, заимствованным из библейского Нового завета («Евангелие от Иоанна», гл. 1), и переосмыслил под углом зрения деистической философии и революционного мировоззрения (см. также «Вольность», строфы 27–28 и 54).

Времени круга мира когда не измеряли. – Согласно Библии, в четвертый день творения бог создал светила «для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов» («Первая книга Моисеева», гл. 1, ст. 14–19); о множественности миров в Библии, разумеется, не говорится.

Возлюбленное слово... Во мне, я ты, ты я. – «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог. Оно было в начале у бога» («Евангелие от Иоанна», гл. 1, ст. 1–2).

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
А я в себе почию, бог. – «И совершил бог к седьмому дню дела свои... и почил в день седьмый от всех дел своих...» («Первая книга Моисеева», гл. 2, ст. 2).

Но корень твоего блаженства /У в тебе нетленен сотворю. – Мысль, что люди должны не возлагать надежду на вмешательство бога, а быть сами творцами своего счастья, с большей ясностью сформулирована в «Путешествии», где герой слышит в своем воображении голос бога: «Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце...» (гл. «Бронницы»).

Да окрепнет в твердь пучина... – «И сказал бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» («Первая книга Моисеева», гл. 1, ст. 6).

Эпитафия*

Впервые – СОС. Посвящено памяти жены Радищева Анны Васильевны (р. 1756?), которая умерла 3 августа 1783 г., через неделю после родов. Радищев хотел поставить на ее могиле в Александро-Невской лавре памятник с этой эпитафией, но, по словам сына, «ему не позволили, потому что в ней выражается недостаточная уверенность в бессмертии души. Памятник поставлен был в лабиринте, на конце сада, принадлежавшего к дому Радищева».

В «Эпитафии» заметны мотивы и реминисценции из мелодрамы княжнина «Орфей», постановка которой на петербургской сцене была возобновлена в 1781 г.

...твоих чад. – От Анны Васильевны у Радищева осталось четверо детей (трое других умерли во младенчестве).

Вольность*

Впервые – в сокращении и пересказе – в главе «Тверь» «Путешествия» (СПб., 1790); полностью – отд. изд., СПб., 1906.

По совокупности историко-литературных и общекультурных данных ода датируется примерно 1783 г. (подробное обоснование датировки и выбора текста «Вольности» см. в издании «Библиотеки поэта», Л., 1975).

При включении оды в «Путешествие» Радищев неоднократно менял ее объем и состав. Сначала в тексте «Вольности» была выделена редакция, состоящая из 42-х строк, затем из нее писатель отобрал 28, которые введены были в «Путешествие» как цельное произведение. В конечном счете Радищев еще более сократил стихотворный текст, включив в книгу полностью всего 13 строк, пересказав при этом 15 с введением отдельных строк или отрывков, а 22 изложив в самом общем виде. При всех колебаниях по объему оды и форме ее подачи в «Путешествии» Радищев неизменно исключал из нее строфы 9-ю, 24-ю, 26-ю и 28-ю. Эти четыре строфы содержат наиболее резкие антицерковные и антирелигиозные формулировки. Между тем указом 27 июля 1787 г. запрещалось без цензуры Синода печатать и продавать книги, «к священному писанию, вере либо толкованию закона и святости относящиеся». Если учесть, что именно в это время Радищев создавал начальную редакцию «Путешествия», то становится легко объяснимым изъятие четырех строк, относящихся как раз к «толкованию закона и святости». Работая над «крамольной» книгой, писатель не хотел, чтобы помимо полицейской цензуры рукопись проходила еще и через специальную церковную. Впрочем, о редакциях оды в 28 и 50 строк (и, по-видимому, в 42 строфы) можно говорить лишь условно, поскольку они связаны только с «Путешествием». «Вольность» как художественное целое состоит из 54-х строк, что подтверждается всеми известными ныне списками – девятью полными и двумя неполными.

Я в свет исшел, и ты со мною... – Речь идет о человеке в «естественном состоянии». Радищев разделяет убеждение философов-просветителей, что людям до образования гражданских обществ присуща ничем не ограниченная свобода, их поступками руководит лишь их желание, воля.

Но что ж претит моей свободе? – В 3-6-й строках речь идет о добровольном ограничении людьми своих желаний при объединении на началах «общественного

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
договора», возникновении закона, равно справедливого по отношению к каждому члену гражданского общества.

Зерцало – трехгранная призма, установленная в судах по указу Петра I; на ней было начертано напоминание судьям хранить истину, судить строго по законам. Меч – символ неотвратимости наказания, весы – символ правосудия.

Гнушаясь жертвенная тли – то есть тленных, презренных подношений (презирая подкуп).

...чудовище ужасно – религия.

Градские власти там все мирны. – См. примеч. к главе «Яжелбицы» «Путешествия».

Власть царская веру охраняет... – Утверждая, что религия и самодержавие угнетают общество совместно («союзно»), поддерживая друг друга, Радищев полемизирует с Руссо, который считал, что церковь и светское правительство борются между собой за власть.

...право мщенное природы – право мщения, основанное на естественном (природном) законе самосохранения, следствием которого является право на самозащиту и на воздаяние за обиду.

Влечет его как гражданина... – Народ судит монарха как преступника, нарушившего «Общественный договор». См. ««О самодержавстве»». Изображая суд народа над монархом, Радищев опирался на конкретный исторический пример – суд английского парламента над королем Карлом I (1600–1649, правил с 1625 г.). Ряд пунктов обвинительной речи народа, обращенной в оде к монарху, перекликается с обвинительным актом, предъявленным Карлу 20 января 1649 г.

...медны изваяя громады – пушки.

Возмнил, что ты господь – то есть господин.

В отличность знак изобретенный... – Речь идет об орденах.

Венец трегубый – то есть тройной – тиара, корона римского папы.

Жезл священный – посох священнослужителей высших рангов.

Проклятий молний – то есть молнии проклятий; когда Лютер в 1520 г. получил папскую грамоту об отлучении его от церкви, он публично сжег ее.

Мнимое прощенье – индульгенции, грамоты об отпущении грехов, которыми широко торговало католическое духовенство.

...сый всегда – вечно существующий, то есть бог.

Десятина – налог в пользу церкви.

Двулична бога храм закрылся – то есть прекратились войны. Древнеримский бог Янус изображался человеком с двумя лицами; двери его храма в Риме были открыты во время войны и закрывались при заключении мира.

Весы златые мзды позорной... – Став диктатором Рима в 82 г. до н. э., Сулла составил проскрипции – списки подлежащих уничтожению; а тому, кто умертвит или предаст осужденного, полагалась награда.

Вождаем мягкою душою... – Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) коварством и кровопролитием достиг верховной власти и стал императором Рима, приняв имя Август; по мнению историков XVIII в., добившись власти, Август стал добрым и щедрым.

Сей был и есть закон природы... – Радищев развивает теорию циклического развития человечества по спирали – «из мучительства рождается вольность, из вольности – рабство».

Всеобщему вослед стремленью... – Радищев связывает законы истории человечества с

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
одним из главных положений материализма XVIII в. – о вечном круговороте материи благодаря движению. При этом Радищев расходится с Руссо, который утверждал, что история человечества является сплошной цепью заблуждений и противоречит законам природы.

...К тебе, слову тая страна... – Поэт обращается к независимой республике Соединенных Штатов Америки, свергнувшей власть английского короля. Вскоре, однако, это восторженное отношение сменилось резко отрицательным, поскольку в американской буржуазной республике не было уничтожено рабство негров (см. в «Путешествии» главы «Хотиллов» и «Вышний Волочок»).

Величеством, что днесь я пел – то есть вольностью, свободой, революцией.

...Отечество мое, отечество драгое... – Чтобы эмоционально выделить этот стих, Радищев сознательно вместо четырехстопного ямба употребил здесь шестистопный.

...стражу к словеси приставит – утвердит строжайшую цензуру.

Смертность – здесь: люди, народ.

...Начальный глас, глас божества... – Поэт вновь (выше см. строфу 27) прибегает к библейскому мифу о творении мира, сопоставляя с первым днем творения крушение монархии и победу революции.

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?...»*

Впервые – «Живописец. Еженедельный журнал Н. И. Новикова», СПб., 1864, в примечаниях П. А. Ефремова – без ст. 6 и с заглавием: «Ответ г-на Радищева, во время проезда его через Тобольск, любопытствующему узнать о нем». В Тобольске, по пути следования в ссылку, Радищев прожил более семи месяцев – с 20 декабря 1790 г. до конца июля 1791 г. Датируется скорее всего началом года, ибо в письме А. Р. Воронцову от 8 марта Радищев сообщал: «...я стал большим домоседом и думаю, что поступаю правильно».

«Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится...»*

Впервые – СОС, под явно не соответствующим тексту заглавием «Послание». Судя по содержанию стихотворения, оно написано по дороге в ссылку, а ст. 8–11 («лишен друзей и чад» и т. д.) и 49–57 (пробуждение надежды и предчувствие приближающейся радости) позволяют предположить, что в нем отразились настроения Радищева в ожидании приезда родных (2 марта 1791 г.; см. также примеч. к «Дневнику одной недели») или его чувства в первые дни после их прибытия. Отразившаяся в связи с этим событием в стихотворении смена чувств – переход от печали и скорби к радости – зафиксирован в письмах Радищева к А. Р. Воронцову.

Блаженством все сие я почитать не мог... – Радищев, очевидно, имеет в виду слухи и сплетни, распускавшиеся о нем завистниками и «пострадавшими» при попытке провоза контрабанды.

Приятный тихий сон телесность обновил... – Заключительные стихи не только по мысли, но и лексически повторяются в начале письма А. Р. Воронцову от 15 марта 1791 г.

Молитва*

Впервые – СОС. Это – перевод «Молитвы», заключительной части «Поэмы о естественном законе» (1752) Вольтера. Антиклерикальная по направленности, деистическая по существу, воплотившая мечту Вольтера об универсальной философской религии, «Поэма о естественном законе» особенно привлекала внимание Радищева во время работы над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», в 1792 г. По-видимому, к этому времени относится и перевод; в пользу этой датировки свидетельствует и традиционная поэтика – шестистопный ямба с парной рифмовкой.

Песнь историческая*

Впервые – СОС. Писалась поэма, по всей вероятности, в Илимске, но не ранее конца 1795–1796 гг. Дело в том, что стих «Песни исторической» полемичен по отношению к стиху поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец», а книжка 2-я альманаха Карамзина «Аглая», где напечатана его «богатырская сказка», не могла попасть в Илимск раньше второй половины 1795 г.

В работе над поэмой Радищев использовал огромное количество исторических источников. Некоторые из них упомянуты в тексте: политико-нравоучительный роман английского писателя Э.-М. Рамзая «Путешествия кира» (1727), трактат Монтескье «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734), «История» Корнелия Тацита (I–II вв.). Помимо этого Радищев, несомненно, использовал Библию, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Размышления о греческой истории» Мабли (эта книга в 1773 г. вышла в русском переводе самого Радищева), «Анналы» Тацита, статьи по истории, опубликованные в тобольском журнале «Иртыш, впадающий в Иппокрену» (1789–1791 гг.), первые двенадцать частей «Словаря исторического» (М., 1790–1793, напечатаны в. И. Окорочевым как приложение к «Московским ведомостям») и т. д. Теория циклического развития гражданских обществ, составляющая философский стержень поэмы, ближе всего подходит к трактовке шотландского философа и историка-просветителя А. Фергюсона: республика сменяется монархией, монархия – тиранией (деспотией).

«Песнь историческая» ознаменовала решительный переход Радищева на новые, предромантические позиции в области поэтики стиха. Еще в «Путешествии» он высказал неудовлетворенность состоянием современной русской поэзии, в первую очередь засильем ямбов и рифмы, которые рассматривались им как результат воздействия иностранных систем стихосложения. Подхватив мысль Радищева, один из интереснейших поэтов-предромантиков Н. А. Львов начал на практике разрабатывать систему трехударных и двухударных «русских размеров», – систему, ориентированную на фольклор и противопоставленную силлаботоническим размерам – «иноземским рамкам тесным». Особенностью «русских размеров» является наличие в каждом из них постоянных ударений на определенных местах, которые являются «сильными», ритмообразующими, и потому произносятся отчетливо, тогда как ударения на других местах стиха произносятся ослабленно. Подобный ритм требует известной напевности чтения. Вслед за Львовым к «русскому стиху» обратился Карамзин. Его «Илья Муромец» написан двухударником формы «3–7» (с постоянным ударением на 3-м и 7-м слогах) с дактилической клаузулой. В «Песни исторической» Радищев обратился к той же форме, но с женской клаузулой. Однако радищевский стих ритмически коренным образом отличается от карамзинского. У Карамзина редко встречаются ударения на четных слогах, почему стих «Илья Муромца» нередко воспринимался как четырехстопный хорей (хотя сам Карамзин указывал на иной характер стиха своей поэмы). У Радищева основной ритмический принцип тот же – двухударность, причем в подавляющем большинстве случаев ударения расположены на 3-м и 7-м слогах; редчайшие исключения – 1-й и 7-й (типа «Зри Навуходоносора»). Но Радищев резко подчеркивает нехореический (лучше даже сказать – антихореический) характер своего «русского стиха», вводя огромное количество ударений на четных слогах, в особенности ошутимых в начале строки, на втором слоге: «Народ шаткий...», «Умы пламенны...», «Он смерть сладкою...», «Своим мужеством...», «Несяй бурно...» и мн. др.

Не красна изба углами, // Но красна лишь пирогами, – Эпиграф может быть истолкован двояко: в истории важны не внешние проявления формы правления, а его сущность; в поэзии важна не форма сама по себе, а серьезное содержание (полемический выпад против Карамзина, который назвал «безделкой» свою написанную «русским стихом» поэму).

Ученик его столь храбрый – ученик и зять Магомета (Мухаммеда) Али (602–661), арабский халиф, начавший распространять ислам при помощи оружия.

Салем – древнее название Иерусалима.

Се потомки мудрых брамов... – Речь идет о том, что в Индии, значительная часть которой к концу XVIII в. была захвачена англичанами, в семьях, принадлежащих к касте жрецов-брахманов («брамов»), из поколения в поколение устно передаются древнейшие религиозные гимны на древнеиндийском языке, санскрите («самскрите»), – веды (один из ведических циклов, «Яджурведа», Радищев называет «Езурведам»).

Кир старший – древнеперсидский царь (558–530 гг. до н. э.), присоединивший к Персии колоссальные территории. По преданию, желая овладеть массагетскими племенами Средней Азии, сватался к царице массагетов Томириде; получив отказ, направился в завоевательный поход, во время которого был убит, причем голову его бросили в бурдюк с кровью.

Калпе, Абила – Гибралтар и Сеута, якобы воздвигнутые Гераклом («Алкидом»).

Кодр – царь Аттики; когда в нее вторглись дорийцы, оракул предсказал, что Аттика не погибнет, если пожертвует самым дорогим, что у нее есть; решив, что самое драгоценное – это справедливый царь, Кодр пожертвовал собою, и после его смерти (предание относит ее к 1068 г. до н. э.) афиняне отменили царскую власть.

Времена настали страшны... – Речь идет о греко-персидских войнах 500–449 гг. до н. э.

Дать вину несугверну – объяснить причину, не прибегая к религии.

Пелла – город в Македонии, родина Филиппа, резиденция македонских царей.

Эридан – река По в Северной Италии.

Нуманция – город в Испании, взятый и разрушенный Сципионом Младшим в 133 г. до н. э.

...стал жертвой властолюбья непомерна. – По слухам, Сципион был отравлен политическими соперниками.

...Робеспьер дней наших разве. – Для Радищева сравнение Суллы с Робеспьером возможно потому, что печатные источники, из которых он получал в ссылке сведения о якобинской диктатуре, рисовали Робеспьера кровожадным чудовищем, узурпировавшим диктаторскую власть. Кроме того, отдельные эпизоды политической деятельности Робеспьера – расправа с «бешеными» (Ж. Ру и др.), эбертистами (Ж.-Р. Эбер, А. Клоотс и др.), левыми якобинцами (П.-Г Шометт и др.) – вызывали отрицательное отношение даже в прогрессивных кругах Западной Европы и России.

Но в котором еще Сулла Марьев многих прорицает. – По словам Плутарха, Сулла намеревался убить юного Цезаря, а когда ему говорили, что Цезарь еще молод, отвечал: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке – много Мариев».

Монтескье о вас да судит. – Следующие 14 строк представляют собой стихотворное переложение сопоставления Катона и Цицерона из XII главы трактата Монтескье.

Римляне последни зваться. – Историк Кремуций Корд в своих «Анналах» воздал хвалу Бруту и назвал Кассия «последним римлянином», за что был привлечен в 25 г. к суду сената и кончил жизнь самоубийством.

...льстецам твоим наемным... – Так Радищев именуется поэтов, близких к Августу и Мекенату, – Квинта Горация Флакка (65 – 8 гг. до н. э.) и Публия Вергилия Марона (70–19 гг. до н. э.).

Так вещает муж бессмертный... – Радищев ссылается на трактат Монтескье (гл. XIV).

...Отдалился во Капрею... – Последние 11 лет жизни Тиберий провел на острове Капреа (Капри).

...«Он спасся». – Ср. у Тацита в «Анналах», кн. VI, гл. 23.

Сам Тиверий смертью лютой Жизнь скончал свою поносу. – Рассказывали, что потерявшего сознание Тиверия сочли мертвым; когда же он очнулся, ему набросили на голову ворох одежды и задушили.

Зри, жена иройска духа... – В 42 г. за участие в восстании против Клавдия был приговорен к смерти Цецина Пет. Чтобы предотвратить бесчестие, жена Пета Аррия уговаривала его кончить жизнь самоубийством и, желая преодолеть его нерешительность, первая пронзила себе грудь и отдала кинжал мужу со словами:

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
«Пет, не больно».

...последняя отрасль Дому Юлия велика. – Нерон был последним представителем династии Юлиев – Клавдиев, происходившей от Августа, пасынка Юлия Цезаря.

Тацит тако возвещает... – Радищев имеет в виду слова Тацита о времени Домициана: «Нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» («Жизнеописание Юлия Агриколы», гл. 2). При Домициане были казнены ораторы Рустик и Сенецион, из Рима дважды (в 88/89 и 95 гг.) специальными указами изгонялись философы Эпиктет, Дион Христором и др., а сочинения их сожжены, историк Гермоген распят и т. д.

«Век счастливый наш»... – Цитата из «Истории» Тацита (кн. 1, гл. 1), где автор пишет о времени правления Нервы и Траяна как «о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает».

...Что сокрылось во гробе Счастье Рима с Марк Аврельем. – В правление Коммода начался кризис Римской империи, длившийся почти столетие; после гибели Коммода в разных местах империи было одновременно провозглашено четыре императора, что привело к гражданской войне.

«Час преблаженный...»*

Впервые – «Русский вестник», т. XVIII, 1858, декабрь, кн. 1. По воспоминаниям сына писателя, экспромт сочинен, когда «Радищев получил из Иркутска уведомление, что он из ссылки возвращен». Из сопоставления всех данных видно, что произошло это в середине января 1797 г. Прожил Радищев в Илимске более пяти лет: с 4 января 1792 г. по 20 февраля 1797 г.

Журавли*

Впервые – СОС. Перевод стихотворения немецкого поэта Э.-Х. фон Клейста (1715–1759) «Хромой журавль» (1757). По-видимому, стихотворение написано в период между 1797 и 1800 гг., в селе Немцове.

На он-пол – на противоположный берег.

Идиллия*

Впервые – СОС. Вольное переложение прозаической идиллии «Милон» швейцарского поэта, писавшего на немецком языке, С. Геснера (1730–1788). Размышлений о свободе и неволе (ст. 9 – 20) в оригинале нет.

Ода к другу моему*

Впервые – СОС. Тематически и эмоционально ода близка к двум предшествующим стихотворениям, а потому может быть отнесена к 1797–1800 гг. (скорее – к концу этого периода). В ней можно усмотреть мотивы оды Горация к Постуму (кн. II, ода XIV); впрочем, эти мотивы очень распространены в поэзии конца XVIII в. (М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин и ми. др.).

Бова*

Впервые – СОС, где «Плану» предшествует составленное редакторами – сыновьями Радищева «Известие», в котором, в частности, говорится: «Одиннадцать песней „Бовы“ были уже написаны, двенадцатая и последняя начата, но по смерти сочинителя нашлася только первая песнь, изготовленная к тиснению... Чтoб дать читателям понятие о всей поэме, прилагаем план оной, хотя в первой песне и сделаны против него некоторые перемены». По позднейшему свидетельству П. А. Радищева, работа над «Бовой» была начата в 1799 г., и поэму автор «сам истребил

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru перед смертью». Указанная сыном писателя дата подтверждается текстом поэмы (упоминания о сибирской ссылке, смерти Е. В. Рубановской, о Петре Суме, поэме Боброва «Таврида» и т. д.).

Канва внешнего сюжета заимствована из итальянского романа, еще в XVI–XVII вв. попавшего в Россию и фактически превратившегося в нечто вроде народной сказки, сначала распространявшейся в списках, а затем попавшей и в лубочные издания. В значительной мере изменились даже имена персонажей. Так, например, из итальянских имен Buovo, Drusiana, Ricardo, Lucaferro, Pulicane образовались русские Бова, Дружневна, Личарда, Лукопер, Полкан и т. д., из переосмысления слова *meltrix* (*meretrix* – что значит «распутная женщина») возникло имя Мелетриса. С сюжетом популярной сказки Радищев обращается в высшей степени свободно, вводя в него ряд эпизодов и отступлений, никак не связанных с основным действием. Шуточно-эротический характер ряда эпизодов, по определению самого автора, навеян произведениями Вольтера «Орлеанская девственница» и «То, что нравится женщинам».

Тогда скоро в цари попадали. – Намек на дворцовые перевороты.

Камера-обскура – оптический аппарат, в котором демонстрировались «волшебные картинки».

Венец лавровый – символ славы, доблести; венец миртовый – любви.

...удел детей Адамлих – участь детей Адама, то есть людей.

Да еще же // Я намерен рассказать вам... – Намек на сибирскую ссылку Радищева.

Петр Сума. – По словам сына писателя, «первый его пестун и учитель русской грамоты был дядька его Петр Мамонтов, по прозванию Сума...». Как установил А. Г. Татаринцев («А. Н. Радищев. Архивные разыскания и находки». Ижевск, 1984, с. 218–220), Петр Мамонтов родился в 1741 или 1742 г. (умер после 1828 г.); следовательно, когда мальчика Радищева отправили из Немцова в Москву, его «дядьке» было всего 14–15 лет. Как грамотный дворовый, Петр Мамонтов на протяжении ряда лет был приказчиком в имениях Н. А. Радищева. В 1794 г. он по барскому приказанию был формально переведен со всем семейством из Немцова в Верхнее Аблязово. Здесь и встретил снова писатель своего «старинного дядьку», когда приезжал из Немцова к родителям в марте 1798 – январе 1799 г.

Творец «Тавриды» – С. С. Бобров (ок. 1763–1810), поэт и переводчик, давний знакомый Радищева, автор поэмы «Таврида» (Николаев, 1798), в которой сделана попытка реализовать мысль Радищева о возможности использования белого стиха в значительном по объему произведении (именно это и имеет в виду Радищев, поскольку «Таврида» написана силлаботоническими стихами, а «Бова» – «без складов», то есть без стоп, «русским размером»).

Жанета, девка храбра – Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), национальная героиня Франции, центральный персонаж шуточной антиклерикальной поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» (1755).

Пантеон – усыпальница великих людей Франции (образована в одной из парижских церквей в 1791 г.); сюда были перенесены останки Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и др.

Жанлиса – графиня де Жанлис (1746–1830), французская писательница, автор многих сентиментально-чувствительных произведений.

Последний из Гиреев – Шагин Гирей (ок. 1755–1787) – последний крымский хан; в 1783 г. он был вынужден отказаться от престола, а в 1787 г. уехал из России и вскоре был убит.

Болгары (Болгар, Булгары) – столица Волжско-Камской Болгарии, государства, существовавшего в X–XIV вв.

...Был блажен и где оставил // Души нежной половину. – Радищев вспоминает о своей свояченице (в письмах он называл ее «мой добрый друг, моя сестра») Елизавете Васильевне Рубановской, умершей в 1797 г. в Тобольске. Она привезла к ссыльному писателю двух младших детей и стала его гражданской женой (браки между ними по

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru существовавшим законам был невозможен), родив ему в Сибири еще трех детей. Поскольку Радищев и Е. В. Рубановская обвенчаны не были, отец писателя собирался хлопотать о снятии с «незаконнорожденных» детей фамилии Радищевых.

Назон Публий Овидий (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – римский поэт, сосланный в г. Томы на берегу Дуная, где он и умер.

Войны росские возмогут... – Речь идет о плане освобождения Греции от турецкого ига и подчинении вновь образованного греческого государства России.

Бишинг – А.-Ф. Бюшинг (1724–1793), немецкий ученый, автор многочисленных географических сочинений, в которые были включены также исторические, экономические и т. п. сведения.

Не арабы марокански... – Марокканские, алжирские и тунисские пираты на протяжении столетий были грозой Средиземного моря.

Но те люди благородны... – Морское каперство – захват и грабеж судов нейтральных стран – в XVIII в. официально поощряли правительства ряда государств (особенно Англии).

Витязь Роберт – попавший в аналогичную ситуацию герой сказки Вольтера «То, что нравится женщинам».

Тут Бова, собрав все силы... – Радищев пародирует начало II песни «Энеиды» Вергилия.

И с Алкидом чтоб сравниться... – Речь идет о том, что у Геракла (Алкида) было много жен и возлюбленных, а однажды в течение одной ночи от него забеременели пятьдесят девушек, дочерей Фиспия.

Рафаэль Санти (1483–1520) – великий итальянский художник, родом из г. Урбино, умер от любовных излишеств.

Зане там, как прежде в Франции... – Намек на русскую историю XVII–XVIII вв., когда трон занимали четыре императрицы, а две женщины были «правительницами» при малолетних царях. Во Франции же действовала «салическая» система престолонаследия, которая не допускала перехода трона к женщинам.

Алтавас изошвенный – искусно расшитая персидская парча.

На столпах кристалльных твердых – то есть на колоннах из стекла синего цвета (сафир – сапфир, синий драгоценный камень). Далее Радищев перечисляет основные материалы, необходимые для получения стекла: поташ, добываемый из древесной золы, песок, мел (кварц).

У ней волосы тупеем... – Прическа богини Славы подобна прическе античной богини счастья Фортуны, которую поэт называет сестрой Славы. Фортуна изображалась с взбитым пучком волос на передней части головы (что напоминает Радищеву черты изображений буддийских божеств) и лысым затылком (мужская прическа XVIII в. с хохлом на лбу называлась тупеем).

...тот царь священный... – Речь идет о Далай-Ламе – верховном духовном правителе и владыке Тибета. Согласно вероучению ламаизма (одно из течений буддизма), в нем воплощается божество, представляющее собой один из ликов Будды. Со смертью очередного Далай-Ламы это божество перевоплощается в следующего. Теорию «перерождения» Радищев излагает в полном соответствии с ламаистскими представлениями.

Чтоб счастливым правоверным... – Речь идет об экскрементах. «Святость Далай-Ламы в таком между всеми сими народами уважении, что... не стыдятся они раздавать вместо мощей и ладанок свою одежду и даже самый кал» (Паллас П. Известия о королевстве Тибетском).

...млеко жизни... – В соответствии с тогдашними представлениями о физиологии, Радищев говорит здесь о «млечном соке», или «хиле», – жидкости, которая вырабатывается в кишечнике и после смешения с продуктами пищеварения питает кровь.

Вещество сие изящно... – Кал, моча и другие органические вещества, наряду с металлами, играли важную роль в алхимии. Одной из важнейших задач алхимии были поиски «философского камня» – особого препарата, при помощи которого любой металл будто бы можно превратить в золото. Далее речь идет о швейцарском алхимике и враче Теофрасте Парацельсе (1493–1541), среднеазиатском ученом Абу ибн Сине (Авиценне, 980–1037), немецком ученом и медике И.–И. Бехере (1635–1682), немецком ученом, философе и алхимике Альберте фон Больштедте, прозванном «Великим» (1193–1280), саксонском медике и алхимике С. Альберти (1540–1600), а также, возможно, химике В.–Е. Альберти, который в 1779 г. получил награду Петербургской Академии наук за исследование о способах получения нашатырного спирта.

Брант – Брандт, немецкий алхимик, открывший в 1669 г. фосфор (что по-русски значит «светоносец», откуда далее у Радищева «светоносный луч») при опытах с мочой,

Кункель Иоганн (1630–1702) – немецкий алхимик, по одним сведениям, повторивший открытие Брандта, а по другим – купивший секрет изготовления фосфора и улучшивший способ его получения.

Уханье амвросийно – благовонный аромат, благоухание (разумеется, здесь – в ироническом смысле).

Зпичева коляска. – См. примеч. к «Песни, петье...».

Занимательный напев. – Возможны два толкования: запинаящийся, прерывистый крик петуха; удерживающий злых духов, разгоняющий их крик (при значении «запинать» как «запрещать», «удерживать»).

Иль мехов насосных сотня... – Страсть Мелетрисы уподобляется металлургическому процессу в доменной печи.

«Как! – вскричала тут старуха...» – Речь идет о фале (фаллосе), обожествлении мужского полового органа. Различные виды фаллического культа существовали в разных странах древнего мира (далее говорится, что Бова был «слеп», «истории не знавши»).

Сафические строфы*

Впервые – «Иппокрена», 1801, ч. 10. Датируется по первой публикации. Ст. 1–2 и 5–6 отчасти являются реминисценциями из 15-го эпода Горация.

Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам*

Впервые – СОС (с погрешностями). Судя по введению, поэма должна была состоять либо из пяти песен, названных по именам певцов, либо, что более вероятно, – из десяти. Однако опубликована была только песнь Всегласа, остальные, по-видимому, не написаны.

Работа над поэмой относится к 1801–1802 гг., поскольку эпиграф к ней, определивший саму структуру произведения, взят из «Слова о полку Игореве», опубликованного в 1800 г. На мотивах «Слова» построено начало введения, оттуда же взято имя Бояна.

Интерес Радищева к русской истории определился еще в 70–80-е годы и нашел отражение в «Путешествии» (см. особенно главы «Новгород», «Торжок»). Источники, которыми пользовался поэт, весьма многочисленны; в первую очередь это труды В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова, Ф. А. Эмина, Екатерины II и др., «Введение в датскую историю» и «Датская история» П.–А. Малле. Из произведений европейской литературы важную роль сыграла книга Д. Макферсона «Творения Оссиана, сына фингала» (1765; русский перевод с французского Е. И. Кострова – «Оссиан, сын фингалов, бард третьего века», ч. 1–2, М., 1792), в которой будто бы собраны подлинные поэмы легендарного шотландского барда Оссиана (на самом деле произведение создано самим Макферсоном на основе мотивов кельтского эпоса). Задумав написать героическую поэму «в духе Оссиана», Радищев использовал и

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
многочисленные литературные труды XVIII в., в которых воссоздавалась древняя славянская мифология, в какой-то мере опирающаяся на исторически засвидетельствованные факты религиозных воззрений древних славян, но в значительной мере придуманная писателями 60–90-х годов и подогнанная при этом к хорошо известной античной мифологии. Наибольшую роль в разработке псевдославянской мифологии сыграли М. И. Попов, М. Д. Чулков и В. А. Левшин. Воссоздавая в поэме «баснословие» (мифологию) древних славян, Радищев иногда следует их толкованиям, иногда свободно обращается с трудами своих предшественников в этой области, которые часто расходились между собой в характеристике того или иного божества, а иногда и сам сочиняет характеристику и атрибуты бога, известного в исторических работах лишь по имени.

Фактическая основа дошедшей до нас части поэмы, по-видимому, является плодом творческой фантазии поэта, который только отчасти воспользовался фрагментом из «Древней российской истории» Ломоносова: «Ингварь, сын Остонов, король шведский, около пятого столетия по Христе разбоем ходил в Эстландию по тогдашнему обычаю. Эстонцы на берегу морском его победили; Ингварь на бою убит и похоронен на том месте». Из этого сообщения Радищев взял сам факт разбойничьего нападения и имя персонажа, превратив, однако, Ингвара в вождя «полков кельтских» (очевидно, норманнских) и перенес место действия в древний Новгород. Имена остальных действующих лиц по большей части образованы искусственно, в чем Радищев следовал за своими предшественниками – прозаиками и драматургами.

Перун – «начальнейший славенский бог. Почитали его производителем всех воздушных явлений и действий, как-то: грома, молнии, облаков, дождя и прочего» (М. Попов).

Святовид – «бог солнца и войны» (М. Попов, М. Чулков); «русский феб» (В. Левшин).

Белее – «славенский бог, начальствующий над скотами, по Перуне первый» (Попов); «бог скотов» (Чулков).

Стрий, или Стрибог – бог ветров.

Позвизд – «славенский Эол, которого древние признавали богом бурных ветров» (Попов); у Радищева – бог морей, обладающий атрибутами Нептуна.

Ний – подземный бог, «коего степень занимал у греков и римлян Плутон, адский царь» (Попов).

Чернобог. – «Славяне признавали его богом злым, приносили ему кровавую жертву и делали ужасные заклинания, чтобы отвратить его гнев» (Чулков; то же толкование у Попова).

Лада – богиня любви, славянская Венера.

Лель – «сын Ладин, нежный божок воспаления любовного» (Попов), то есть славянский Амур.

Полель – «славенский Именей, сын Ладин» (Попов), то есть бог брака.

Дажьбог, или Дажь – «бог богатства и податель всяких благ» (Чулков; то же – у Попова); у Радищева – бог благ, создатель деревьев и злаков.

Знич – «священный неугасимый огонь» (Попов); у Радищева – бог солнца и огня. См. также «Бову», где Знич имеет атрибуты Феба, а Зимцерла – «богини зари, или славенской Авроры» (Левшин), тогда как Попов склонялся к пониманию ее как богини весны и цветов, аналогичной флоре.

Возлетают лебеди, высоко вьются... – Данное описание состязания соколов, погнавшихся за десятью лебедями, возникло в результате неверного перевода соответствующего места «Слова» в издании 1800 г.: «Памятно нам по древним преданиям, что, поведавая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным: чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася...» Прочитанный Радищевым в эпитафии текст ныне переведен Д. С. Лихачевым так: «Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали – та первой и пела песнь...»

Пирр (319–273 гг. до н. э.) – царь Эпира, воевавший с Македонией и Римом; в его войске было немало иллирийцев (н сам Пирр детство провел в Иллирии), которых наука XVIII в. (например, Ломоносов) считала славянами. В действительности территория древней Иллирии была заселена славянами в VI в. н. э.

...коего предки, оставив Кипр, преселились сперва в Гесперию... – Радищев излагает легенду о происхождении поморских славян – племен, населявших южное побережье Балтийского моря между Одером и Вислой, – и полабских славян, живших западнее поморян, между Одером и Эльбой (Лабой).

Не слово ли твое всесильно... – Ср. «Творение мира». Радищев излагает в образах славянской мифологии легенду о творении мира.

Купало – «киевский бог плодов, второй по Перуне» (Попов).

Всесочетающей любви бог – Лель, сын Лады.

...о царь земли! Ты слаб, ты червь, ты мал... – Ср. у Державина: «Я телом в прахе истлеваю, // Умом громам повелеваю, // Я царь – я раб – я червь – я бог!» («Бог», 1784).

Колена кельтски – кельтские племена; собственно кельты в первом тысячелетии до н. э. обитали на территории современной Франции, Бельгии, Британии, Швейцарии и др. В XVIII в. под кельтами разумели племена, населявшие древнюю Англию, Шотландию и Ирландию. У Радищева же речь идет, очевидно, о норманнах – выходцах из Скандинавии, захвативших часть Франции и образовавших самостоятельное герцогство в начале X в., а в XI в. покоривших Британию.

От мыса, в дальном море вон торчаща – вероятно, мыс Аг на полуострове Котантен d Нормандии.

Северный Улин – Северный Ольстер (Ирландия).

Тул – Туле, древнее название Исландии.

Морвен – древнее наименование северо-западной части Шотландии.

Варяжско море – старинное название Балтийского моря.

Котлин – остров в устье Невы, на котором ныне расположен Кронштадт.

...предков, Оставивших свои Пылающие веси... – Радищев исходит из ошибочной теории, будто бы славянские племена в античности населяли побережье Адриатического моря, Эпкр, Иллирию, Паннонию (на территории современной Венгрии, Югославии, Австрии). На самом деле славяне заселили эти места в V–VII вв. н. э.

...по его атлантовым раменам – то есть богатырским плечам (согласно мифологии, Атлант – титан, на плечах которого держится небесный свод).

Холмград. – Около Бронниц, «в тридцати верстах от Новгорода великого был славен Холмоград... в сей град короли северные нарочно приезжали для моления» (Екатерина II. «Записки касательно российской истории», ч. 1).

Погиб Новый град... – Сведения о том, что Новгород был «разорен прежде Рурика», то есть до 862 г., Радищев мог найти у Ломоносова.

Рухлядь мягкая – меха.

Осьмнадцатое столетие*

Впервые – СОС, с большими погрешностями. В чем причина неисправности текста – в авторской недоработке или ошибках при публикации, – неизвестно. Написано не раньше того, как Радищев узнал об освобождении из немцовой ссылки, то есть после 31 марта 1801 г.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий... – Речь идет о надеждах, которые возбуждало развитие прогрессивной просветительской мысли и общественного мирового процесса XVIII в., в особенности американская и французская революции, и разочарованиях, связанных с ходом революций. Конституция США, выработанная в 1787 г., закрепила рабство негров, что вызвало резко отрицательное отношение Радищева к Америке. Во Франции после контрреволюционного термидорианского переворота 1794 г. к власти пришла, по выражению Радищева, «пятиглавая и ненавистная всем гидра» Директории (1795 г.), которая в 1799 г. сменилась диктатурой Наполеона Бонапарта.

Крови – в твоей колыбели... – Начало XVIII в. ознаменовалось двумя войнами, охватившими почти всю Европу, – Северной войной (1700–1721 гг.) и войной за испанское наследство (1701–1714 гг.). Кроме того, Россия на протяжении столетия четырежды воевала с Турцией, дважды – со Швецией, дважды – с Персией и т. д. В Европе же в 1740–1748 гг. шла война за австрийское наследство, в 1756–1763 гг. почти все страны оказались вовлеченными в Семилетнюю войну и т. д.; с 1792 г. почти непрерывно вела войны республиканская Франция.

Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья... – Речь идет о просветительской материалистической философии XVIII в. и о ее борьбе с религией и церковью.

Царства погибли тобой... – В результате многочисленных войн и дипломатических переговоров политическая карта мира в XVIII в. постоянно перекраивалась.

Из океана возникли... – Речь идет о географических исследованиях XVIII в., когда были открыты значительное число Курильских и Алеутских островов, Аляска, ряд островов и архипелагов в Океании, восточный берег Австралии и др.

...новы металлы... – Имеются в виду успехи химии: если к началу столетия было известно 13 элементов (в том числе 10 металлов), то к концу – уже 32 (в том числе открыты мышьяк, марганец, хром и др.).

Ты исчисляешь светила... – В XVIII в. был издан ряд звездных каталогов, которые и поныне не утратили значения.

Нитью вождения вспять... – Английский астроном Э. Галлей вычислил орбиты движения более чем 20 комет; обратив внимание на периодичность появления одной из них, Галлей доказал, что она должна вновь вернуться к Солнцу и пройти через перигелий в 1758–1759 г. Действительно, комета Галлея прошла через перигелий 13 марта 1759 г.

Луч рассечен тобой света. – Имеются в виду труды по оптике И. Ньютона, который открыл, что белый луч света состоит из лучей различной преломляемости, обнаружил периодические свойства света и первым фактически измерил длину световой волны.

...ты новые солнца воззвало. – Помимо непосредственных открытий на карте звездного неба (так, в 1781 г. была обнаружена планета Уран) Радищев, очевидно, имеет здесь в виду борьбу вокруг теории гелиоцентрической системы мира, утверждение представления о множественности миров, создание космогонической теории Канта – Лапласа, открытие движения Солнца вместе с планетами в межзвездном пространстве В. Гершелем и его предположения о строении Млечного Пути.

Новы луны изо тьмы... – В 1787 г. В. Гершель открыл два спутника Урана, а затем – два спутника Сатурна.

Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых. – По-видимому, речь идет о селекции сельскохозяйственных растений, о выведении новых пород скота и т. п.

Далее летучи пары... – Имеются в виду работы над созданием различных паровых машин, изобретение Д. Уаттом в 1784 г. универсального парового двигателя.

Молнью небесну сманило... – В середине столетия Б. Франклин изобрел громоотвод.

И на воздушных крылах... – Первый воздушный шар братьев Монгольфье был запущен 5 июня 1783 г.; 21 ноября состоялся первый полет с людьми.

Утро столетия нова кроваво еще нам явилось. – Помимо указания на военные действия в Европе здесь, возможно, содержится намек на убийство Павла I в ночь с

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
11 на 12 марта 1801 г.

Мир, суд правды, истина, вольность лиются от тропа. – Речь идет об указах и мероприятиях первых месяцев царствования Александра I (1777–1825): в результате заключения конвенции с Англией (июнь) и подписания мирного договора с Францией (октябрь) Россия вышла из войны; в марте было объявлено об амнистии лиц по ведомству Тайной экспедиции, а сама она уничтожена в апреле, в июне дан указ о работе Комиссии по составлению законов и т. д.

Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами. – Намек на манифест от 12 марта, в котором новый император возвещал о намерении править по законам и по сердцу своей великой бабки – Екатерины II.

О человеке, о его смертности и бессмертии*

Впервые – СОС, ч. II и III, М., 1809. Этот труд был задуман Радищевым, по крайней мере, еще на пути в ссылку. «В часы досуга я предполагаю написать кое-что для образования моих старших...» – писал он А. Р. Воронцову из Тобольска 8 марта 1791 г. Непосредственно писать трактат Радищев начал на двенадцатый день по прибытии в Илимск.

В работе использована огромная литература (прежде всего философская и естественнонаучная). Кое-что Радищев писал, вероятно, по памяти (чем объясняются некоторые малозначительные ошибки), но в большинстве случаев он не просто излагал общие положения того или иного труда, а, безусловно, имел текст перед глазами. Как известно из писем Радищева, уже в Иркутске он получил от А. Р. Воронцова несколько больших пачек книг, а затем и «ящики с книгами»; различные издания получал Радищев и в Илимске.

Трактат был вполне завершен автором. Имеющийся в сноске перечень «предметов», о которых сочинитель «рассуждать был намерен», по всей вероятности, представлял собой случайно попавший в рукопись черновой лист с фрагментами первоначального плана, от которого в ходе работы Радищев отошел.

Друзьям моим. – Произведение обращено к старшим сыновьям писателя – Василию (1777 – после 1829) и Николаю (1778–1829). Записанные с детства в гвардию, после отправки Радищева в Сибирь оба его сына воспитывались у дяди, Моисея Николаевича (любимого брата писателя, самого близкого ему в семье человека), который служил в Архангелогородской таможне. По-видимому, через Воронцова Радищеву удалось переправить рукопись сыновьям. Во всяком случае, Н. А. Радищев в биографическом очерке, посвященном отцу, сообщил, что, будучи в Илимске, он «не забывал и о старших сыновьях своих, живших у дяди в городе Архангельске. Он написал для них „Рассуждение о человеке, о смертности его и о бессмертии души“».

Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение... – Имеется в виду французский философ-просветитель Ж.-О. де Ламетри, автор книги «Человек-растение» (1748).

...по выражению одного известного писателя, – Речь идет о И.-Г. Гердере.

...возниченного положения человека – то есть вертикального.

Маркези, Мара – знаменитые итальянские певцы. Луиджи Маркези (Маркезини) гастролировал в Петербурге, Елизавету Мара Радищев слушал в Лейпциге.

...картину Преображения... – «Преображение» – одна из последних картин Рафаэля (находится в Ватикане).

О ты, возмогший речию одарить немого... – Аббат Шарль-Мишель де Л'Епе (1712–1789) изобрел систему знаковой речи для глухонемых.

Альцест – главный герой комедии Мольера «Мизантроп».

Тимон – афинский мудрец-человеконенавистник; герой многих литературных произведений (Лукиана, Шекспира, Делиля).

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
...когда смотришь на Маврикия, занесшего ногу во гроб? – Речь идет о гробнице полководца Морица Саксонского работы французского скульптора Ж.-Б. Пигалля (находится в Страсбурге).

Не тебе ли Меропа... – В трагедии Вольтера «Меропа» героиня хочет убить юношу, обвиняемого в убийстве ее сына, но выясняется, что этот юноша и есть ее сын; в трагедии Вольтера «Фанатизм, или Магомет-пророк» Сеид убивает Зомира, не зная, что Зомир – его отец.

«Нет у него детей!» – размышляет во мрачном тоне мщения Макбет... – Ошибка Радищева: это слова Макдуфа, узнавшего, что его жена и дети убиты по приказу Макбета.

О Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная? – Речь идет о теории Руссо, согласно которой человеку изначально присуще индивидуальное бытие, а общественное начало возникает лишь с возникновением собственности и развитием цивилизации.

...Монтескье... основал на замороженном телячьем языке... – Основываясь на том, что при замораживании и оттаивании бараньего (а не телячьего) языка вкусовые сосочки его меняли свои форму и свойства, Монтескье делал выводы о влиянии климата на физические и духовные качества различных народов.

Англичанин в Бенгале забыл великую хартию... – Великая хартия вольностей 1215 г. (с позднейшими дополнениями) и «Habeas corpus act» 1679 г. считались в XVIII в. основополагающими документами английского права, которые ограничивали королевскую власть и обеспечивали свободу английского народа. Речь идет о том, что, попадая в индийские колонии, англичанин забывает о законах и свободах и становится большим деспотом, чем любой местный властитель – набоб.

Церера – римская богиня земледелия; Триптолем – родоначальник земледелия в греческой мифологии.

Опыты одного доктора Пристля... – Джозеф Пристли (1733–1804), английский химик, физик и философ, сторонник теории флогистона (содержащейся в веществах особой материи горения), исследуя состав воздуха, открыл углекислый газ, кислород, азот и т. д.

...жила средодалающаяся – то есть центробежная.

...единословие Катона Утицкого – то есть монолог Катона Утицкого из трагедии Аддисона «Катон»; отрывок из него в своем переводе Радищев привел в «Путешествии» (гл. «Бронницы»).

Кулибинский ревербер – построенный И. П. Кулибиным фонарь с очень мощным зеркальным рефлектором.

...человеку, по изречению одного автора, наивеличайшему убийце на земле... – Имеются в виду слова Гердера: «Среди всех животных творение, наделенное самыми тонкими органами, – человек, убивающий больше других. Он почти все может перевоплощать в свою органическую природу, если только живое существо не слишком далеко отстоит от него».

Да не возразят нам примером отроковицы, обретенной в лесах Шампани... – Речь идет, очевидно, о Жанне д'Арк, девушке из деревни Домреми в Шампани; в сонных видениях ей слышались голоса святых, призывавших ее спасти Францию.

«Генриада» – поэма Вольтера.

...читаешь картину лобзания первого мужа и жены в Эдеме... – Эпизоды из поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай».

...воззришь на изображение последнего суда... – Фреска Микеланджело Буонаротти «Страшный суд» в Сикстинской капелле в Ватикане.

...ты кукла Вокансонова. – Французский механик Жан Вокансон славился сконструированными им куклами-автоматами.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
...Фридриха II в его детстве... – Фридрих II в детстве играл в солдатики и командовал ротой мальчиков; прусской армией в это время занимался генерал-фельдмаршал Леопольд Ангальт-Дессауский. Вступив в 1740 г. на престол, Фридрих начал войну с Австрией и в 1741 г. одержал победу при Мольвице.

Манкательное древо – ядовитое дерево, растущее в Южной Америке, будто бы убивающее своими испарениями.

Юноша в бодрственных и цветущих летах... – Речь идет об Антиохе (III–IV вв.), сыне сирийского царя Селевка, влюбившемся в свою мачеху Стратонику.

Опдам – датский адмирал, погибший в битве в 1665 г.

Сакен Х. И. – капитан Черноморского флота; в 1788 г. его корабль был окружен турецким флотом. Спустив экипаж на воду, Сакен взорвал свой корабль вместе с турецким судном.

Амвросий Зертис-Каменский, архиепископ Московский, был убит в 1771 г. во время чумного бунта.

Корнелий де Вит (Витт) и его брат Ян де Витт, фактический руководитель Голландской республики, в 1672 г. были растерзаны толпой, подстрекаемой сторонниками штатгальтера Вильгельма III Оранского.

...картину... продаваемую в Москве на Спасском мосту – то есть лубочную картину.

Пифагор помнил то ясно... – По преданию, философ Пифагор (VI в. до н. э.) утверждал, что он помнит о прежних воплощениях своей души. Последователями пифагорейского учения о метемпсихозе (посмертном воплощении души в иной организм) были Архит («Архий») Тарентский (V–IV вв. до н. э.) и Аполлоний Тианский («Тианейский», I в. н. э.).

Солнышкин рыцарь – то есть Рыцарь Феба – прозвище Амадиса Галльского, героя известного в свое время рыцарского романа; возможно, впрочем, что Радищев знал об этом романе по «Дон-Кихоту» Сервантеса.

...все равно было назвать дурака дураком или вашим... Сколь скоро два языка кому известны, то сие явно. – Здесь совершенно очевидная ошибка публикаторов: из контекста понятно, что вместо «вашим» должно быть какое-то иностранное (скорей всего французское) слово, адекватное русскому «дурак». Возможно, в оригинале было написано французское «biche», что в радищевской скорописи отчасти сходно с «вашим».

...по изречению одного славного немецкого сочинителя... – Имеется в виду Гердер.

...все особенники народа – то есть индивидуумы.

Ужели всесильный, всеблагий отец хотел сделать из нас игральные куколочки? – См. у Д. И. Фонвизина: «Весь свет мне кажется ребячья игрушка... // Создатель твари всей, себе на похвалу, // По свету нас пустил, как кукол по столу...» («Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»),

Избранные письма к А.Р. Воронцову*

Впервые – Архив князя Воронцова. М., 1872, кн. 5; М., 1877, кн. 12. Большая часть писем написана на французском языке – за исключением № 1, 3, 5 и основного, до постскриптума, текста № 6.

В настоящем издании публикуется только перевод этих писем по тексту Полного собрания сочинений, т. 3. М.-Л., 1952.

Воронцов Александр Романович (1741–1805) – крупный государственный деятель, сенатор, президент Коммерц-коллегии.

Алексей Андреевич – Волков, наместник (генерал-губернатор) пермский и тобольский. Располагавший огромным влиянием в империи, А. Р. Воронцов

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru использовал его для помощи Радищеву: через наместников, губернаторов, чиновников тех мест, через которые проезжал Радищев в ссылку, Воронцов пересылал ему деньги, вещи, книги, письма. Через них же, а не по почте, переправлял Радищев свои письма Воронцову.

Иван Иванович Панаев – пермский губернский прокурор, давний знакомый Радищева по Петербургу.

Мой добрый друг, моя сестра... – Е. В. Рубановская приехала в Тобольск с двумя младшими детьми Радищева – Екатериной (р. 1782) и Павлом (р. 1783). Кто из братьев писателя сопровождал ее до Тобольска, точно неизвестно. Скорей всего, это был либо Андрей, либо Михаил, имевшие дома в Москве; у одного из них останавливался и сам Радищев по пути в ссылку.

Путешествие Лессепа. – Описание путешествия французского ученого Лессепа по Камчатке и южной Сибири вышло в Париже в 1790 г.

...два альманаха... – Речь идет об иллюстрированных календарях, издававшихся в Готе, Геттингене, Берлине.

Что касается до моих двух старших... – Василий (р. 1777) и Николай (р. 1778) были отправлены в Архангельск к Моисею Николаевичу Радищеву. В своих письмах к Воронцову они отчитывались об успехах в науках; впоследствии с его помощью они определились на службу.

Панглосс – философ-оптимист из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», утверждавший, несмотря на все несчастья и превратности судьбы, что все идет к лучшему в этом лучшем из возможных миров.

Паллас, Георги, Лепехин – академики Петербургской Академии наук, естествоиспытатели, составившие описания разных частей России (в частности, Сибири).

Здесь губернатор – А. В. Алябьев. По предположению некоторых исследователей, именно Алябьев задержал Радищева в Тобольске на семь месяцев (вопреки требованиям Воронцова скорее следовать дальше к месту ссылки), чтобы негласно использовать опыт писателя для активизации издания первого сибирского журнала «Иртыш, впадающий в Иппокрену».

Вагнер – прусский шпион, находившийся в 1759–1763 гг. в ссылке в Туруханске. Его воспоминания (первоначально изданные в Берлине в 1789 г.) Радищев читал во французском переводе (Берн, 1790).

Вержен – крупный государственный деятель Франции. Книга Майера о нем вышла в Париже в 1789 г., анонимное издание «Портрет графа Вержена» – в Льеже в 1788 г.

«Энциклопедический дневник» – «Энциклопедический, или Всеобщий журнал», периодическое издание просветительского характера, выходившее в 1760–1793 гг. в Булони (а до этого в Льеже).

«Мельник» – комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват». Далее речь идет о комедии Екатерины II «О время!» и переведенной М. И. Поповым французской комедии де Брюэса и Палапра «Немой».

Чичерин Д. И. был тобольским губернатором в 1762–1782 гг.

Пушкин Михаил Алексеевич, член Мануфактур-коллегии, был сослан в Тобольск за подделку ассигнаций в 1772 г.

...заимствуется от несчастных... – «Несчастливыми» в официальных бумагах и в быту именовали ссыльных и колодников.

...с открытия наместничества... – При реформе губернского управления Тобольское наместничество было открыто в 1782 г.; для заполнения штатов губернских органов многие чиновники были присланы из европейской части России.

Иван Осипович – Селифонтов, вице-губернатор тобольский.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
«Меркурий» – «Меркюр де Франс», один из самых известных французских литературно-политических журналов, в котором сотрудничали крупнейшие писатели страны.

Один из этих листков... замечателен по своему заглавию... – Речь идет о народном листке, который издавал в 1790–1792 гг. лидер левых якобинцев Эбер, «Чертовски патриотические письма подлинного отца Дюшена». Далее Радищев называет ряд книг, сведения о которых он получил из «Энциклопедического дневника».

Герцог Ришелье – французский военный и политический деятель, известный своими авантюрами и любовными приключениями.

Мурино – имение Воронцова под Петербургом.

...для русского – уж не знаю что. – В воспоминаниях П. А. Радищева сообщается, что его отец получал в Сибири «Московские ведомости», «Политический журнал» М. Г. Гаврилова и П. А. Сохацкого (содержание его составляли статьи, переведенные из одноименного гамбургского журнала), с 1794 г. – «Приятное и полезное препровождение времени» В. С. Подшивалова и Сохацкого.

Отнесенный к разряду тех, кого Стерн называет «путешественниками поневоле»... – В главе «Предисловие в дезоближане» «Сентиментального путешествия» в числе тех, кто отправляется в дорогу по «непреложной необходимости», Стерн называет «преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей...».

Декарт делал следующий вывод: сомневаюсь, – следовательно, существую... – В «Началах философии» Декарта сомнение – исходный момент исследования, но конечный вывод его звучит иначе: «Мыслью – следовательно, существую».

Проживая в огромных сибирских лесах... – Радищев иронизирует над культом природы, чувствительности и личности у Руссо; далее речь идет об индивидуализме и тщеславии его.

Лаксман Эрик – естествоиспытатель и путешественник; 1780-х годах жил около Иркутска.

Штеллер и Гмелин – естествоиспытатели, путешествовавшие по Сибири.

...дети мои в Петербурге одни... – В феврале 1794 г. Василий и Николай Радищевы приехали в Петербург и начали военную службу; они пользовались поддержкой Воронцова и Г. И. Ржевской (Алымовой), подруги Е. В. Рубановской.

Знаменитый поэт – Гораций.

...по выражению латинского поэта... – Имеется в виду выражение из оды 1-й книги 3-й Квинта Горация Флакка.

...прибыл к себе домой. – 1 ноября 1796 г., на другой день после вступления на престол, Павел I затребовал сведения о поведении Радищева и указом от 23 ноября повелел освободить его из Илимска, «а жить ему в своих деревнях». 20 февраля 1797 г. писатель покинул Илимск. Так как никаких «своих деревень» у Радищева не было, он назвал местом своего пребывания принадлежавшее его отцу село Немцово Калужской губернии, где отец позволил ему жить.

...вследствие роковой утраты, постигшей меня в Тобольске... – Простудившись в пути, Е. В. Рубановская умерла 7 апреля 1797 г.

...повидаться с моим престарелым отцом... необходимо по моим домашним обстоятельствам. – С разрешения императора Радищев ездил к отцу в Верхнее Аблязово в марте 1798 – январе 1799 г. Н. А. Радищев отказался вернуть сыну 10000 рублей, полученных им от Е. В. Рубановской, но выделил ему небольшое имение в Боровском и Клинском уездах, причем по закону это решение оформлено не было. Двух внучек и внука, детей Радищева от Е. В. Рубановской, старик как незаконнорожденных не признал (после самоубийства сына Н. А. Радищев собирался хлопотать о снятии с этих внуков фамилии Радищевых, и другим членам семьи с большим трудом удалось удержать «неукротимого деда» от исполнения его намерения).

Я вызвал неудовольствие своих крестьян, запретив им женить малолетних... – Речь идет о снохачестве, к которому писатель относился резко отрицательно (см. в «Путешествии» гл. «Едрово»).

Нарышкин Алексей Васильевич – сенатор, в прошлом известный поэт, знакомый Радищева по Петербургу.

Гончаров Николай Афанасьевич – владелец парусных и полотняных мануфактур, прадед Н. Н. Пушкиной.

Янов. – См. примеч. к «Письму к другу...». Радищев негласно ездил на два дня к Янову в конце октября 1797 г.

Что касается моих занятий... – Подчеркивая «невинный» характер своих занятий, Радищев учитывал, что письма его перлюстрируются: по повелению Павла I калужский губернатор должен был его письма отправлять московскому почт-директору И. Б. Пестелю, которому предписывалось снимать с них копии и доставлять их генерал-прокурору Сената («а в случае подозрения и самые оригинальные письма»). Предыдущее, «весьма мрачное» письмо Воронцову (о котором упоминается в начале данного) пока не обнаружено: возможно, оно в оригинале было препровождено в Петербург и к адресату не попало.

beatus ille («Блажен тот») – первые слова 2-го эпода Горация. В свободном переводе, современном письму Радищева (Г. Р. Державин. «Похвала сельской жизни», 1798), начало эпода выглядит так:

Блажен! – кто, удалясь от дел,
Подобно смертным первородным,
Орет отеческий удел
Не откупным трудом – свободным,
На собственных своих волах...

Я каждый день вижу солдат, которые возвращаются к родным и друзьям. – Вскоре по воцарении Павел I отменил рекрутский набор, назначенный Екатериной, и тысячи новобранцев были распуцены по домам.

Старший из моих гренадеров болен... – Василий и Николай Радищевы в январе 1797 г. были из гвардии выпущены в армию, офицерами Малороссийского гренадерского полка, стоявшего в Киеве. Вскоре, в октябре 1797 г., они на две недели приехали к отцу в Немцово.

...несмотря на Лейбница и Панглосса, мы не живем, увы, в наилучшем из возможных миров. – Лейбниц был одним из крупнейших представителей «философии оптимизма», осмеянной Вольтером в образе Панглосса (см. выше, с. 673).

<Завещание>*

Впервые – «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. 3. «Делом» Радищева Палата уголовного суда Петербургского губернского правления занималась с 15 по 24 июля 1790 г., 25-го смертный приговор писателю был вынесен и подписан. Как на самом завещании, так и на дополнении к нему даты нет, но на писарской копии дополнения есть помета: «Писано его рукою июля 27-го дня». Следовательно, завещание может быть датировано 25–26 июля 1790 г.

...сотрудницы в вскармлении детей моих... – Свояченицы Радищева Елизавета и Дарья Васильевны Рубановские. От умершей жены Анны у Радищева осталось три сына и дочь.

Мызу, в которой жительствоет мать ваша... – С 1787 г. мачеха сестер Рубановских Акилина Павловна (в первом браке Ушакова) жила на мызе Онстопель в Ямбургском уезде Петербургской губернии.

Батюшку просить так оке, чтобы всех моих людей... – «Своих» крепостных у Радищева никогда не было. Находившиеся при нем дворовые принадлежали его отцу Н. А. Радищеву. Петр Иванов и Давыд Фролов с женами вместе с другими дворовыми (всего восемь человек) приехали с Е. В. Рубановской в Тобольск, а затем в Илимск. Давыд

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Фролов получил отпускную в 1829 г.

<Положив непреборимую преграду...>*

Впервые – Сухомлинов М. И. Исследования и материалы по русской литературе и просвещению. СПб., 1889, т. 1. В ожидании решения по своему «делу», которое после Палаты уголовного суда должно было пройти через Сенат и Государственный совет, в конце июля – августе 1790 г. Радищев читал данный ему в камеру Петропавловской крепости сборник житий святых – «Минеи-четии». Взяв за основу своего произведения входящее в «Минеи» житие филарета Милостивого, Радищев изложил его весьма свободно, местами придав ему автобиографический характер. Чтобы объяснить эти переделки, Радищев в сопроводительном письме Шешковскому отметил, что «переложил» житие «несколько на образ нынешних мыслей». Писатель просил после просмотра начала повести вернуть ему рукопись для завершения работы – с тем чтобы впоследствии произведение было передано детям и могло послужить им «на пользу». Однако рукопись не была возвращена автору (вероятно, в связи с отправкой его в Сибирь) и сохранилась в «деле» Радищева в Секретной экспедиции 1-го департамента Сената,

Ангел тьмы. Отрывок из поэмы «Ермак»*

Впервые – СОС, ч. IV, М., 1811. В воспоминаниях Н. А. Радищева говорится, что его отец в ссылке «начал „Историю покорения Сибири“ и историческую повесть „Ермак“, но ни того, ни другого сочинения не кончил, а последнего остались только небольшие отрывки». Поэтому трудно сказать, является ли данный отрывок частью прозаического плана поэмы или вступлением к ней (ср. «Бову» и «Песни, петье...»). В литературном плане отрывок может быть соотнесен с «Потерянным раем» Д. Мильтона, причем местами радищевский текст близок к английскому произведению.

...древний образ Ангела света. – Согласно апокрифической легенде ангел тьмы – сатана – некогда был ангелом света, но восстал против бога и низвергнут с небес; эта легенда лежит в основе поэмы Мильтона.

Словарь

устарелых и редко употребляемых слов, мифологических имен и названий
Авгуры – римские жрецы, гадатели по полету и крику птиц.

Адамант – алмаз, бриллиант.

Алчба – ненасытное желание; голод.

Амо – где, куда.

Арг – Аргус, стоглазый великан в греческой мифологии; в переносном значении – неусыпный страж.

Ариман – олицетворение злого начала в зороастризме, религии древних персов.

Армида – прекрасная волшебница, героиня поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Аруспици – гаруспики, римские жрецы, предсказывавшие будущее по внутренностям жертвенных животных.

Афеист – безбожник, атеист.

Афический – аттический, древнегреческий (главным образом афинский).

Бирюльки – игра в палочки или соломинки.

Благогласие – гармония.

Блуждение – заблуждение.

Бо – ибо, так как.

Брашно – еда, пища.

Бриарей – мифический сторукий и пятидесятиголовый великан.

Буде – если.

Бурлак – крестьянин, ушедший из деревни на заработки.

Былие – растение, злак.

Василиск – мифический зверь, убивающий взглядом.

Велеречие – красноречие; звучность.

Вертеп – пещера.

Верящее письмо – доверенность на ведение дела.

Вещай – вещающий, говорящий.

Вина – причина.

Возовик – ломовая лошадь, тяжеловоз, битюг.

Волхв – волшебник, чародей, знахарь.

Волчец – сорная трава.

Ворисфен – Борисфен, древнее название Днепра.

Времяточие – эпоха.

Выя – шея.

Геро – см. Леандр.

Герольдия – Герольдмейстерская контора, учреждение, ведавшее делами о текущей службе дворян, родословными книгами и т. д.

Гимнософисты – «нагие мудрецы», индийские философы-аскеты, отвергавшие даже одежду.

Гистрий (гистрион) – актер в Древнем Риме.

Глагол – слово, речь.

Горе – кверху, вверху; вверх.

Горячность – любовь, страсть.

Гудочное бряцание – игра на гудке, примитивном струнном инструменте.

Гурии – прекрасные райские девы по представлениям мусульманской религии.

Десница – правая рука.

Десную – справа.

Довлеет – следует, надлежит.

Доднесь – доньше.

Домостроительство – ведение хозяйства; экономия.

Дондеже – до тех пор, пока.

Егда – когда.

Егид – Эгида, мифический щит Зевса.

Еже – которое.

Елико – насколько, сколько.

Епкелад – Энцелад, один из гигантов, восставших против олимпийских богов; после поражения гигантов был погребен под горой Этной на Сицилии; движения его тела вызывают извержение вулкана.

Естество – природа, натура; порядок или законы природы; существо.

Железы – оковы, цепи.

Заклепы – кандалы.

Зане – ибо, потому что, так как, поскольку.

Зеницы – зрачки, глаза.

Зиждитель – создатель, творец, бог.

Ифика – этика.

Каляка – увечный, урод, калека.

Капище – языческий храм.

Клас – колос.

Колена – племена.

Коллежский ассессор – гражданский чин, равный майорскому.

Контрфорсы – боковые подпоры.

Копоткий – медлительный.

Кормило – руль.

Краесловие – рифма.

Крайний – кравчий, служитель, разрезающий за столом пироги, жаркое и т. д.

Крин – лилия, в литературе – символ чистоты и невинности.

Крушцы – металлические руды, металлы.

Кубарь – волчок, вертушка, подгоняемая при вращении кнутиком или плеткой.

Куколь – сорная трава, плевел.

Купно – совместно, вместе.

Лада – славянская богиня браков, любви и веселия.

Ланиды – ланиты, щеки.

Ласкательство – лесть.

Ласкаться – льстить себя надеждой, надеяться.

Леандр – герой античного мифа, юноша из города Абидоса, влюбившийся в Геро, жрицу храма Афродиты в городе Сеете на противоположном берегу пролива Геллеспонт. Каждую ночь Геро зажигала фонарь на башне, а Леандр переплывал Геллеспонт. Однажды буря погасила огонь маяка, и юноша утонул; Геро в отчаянии бросилась в море.

Лепота – красота, великолепиие.

Лик – лицо; хор; сонм, собрание.

Лицеприятство – пристрастность, предпочтение одного другому по личным отношениям.

Личина – маска.

Любомудрие – философия.

Любострастие – сластолюбие, разврат; чувственность.

Любочестие – честолюбие.

Мастистый – душистый, пахучий, благовонный.

Мета – цель, предел.

Метафизика – часть физики, изучавшая те «первоосновы», которые выходят за пределы опыта, «физики» (бог, душа и т. п.).

Мзда – воздаяние, награда.

Мирт – вечнозеленый кустарник с белыми цветами, символ любви.

Мрежи – сети.

Мундшенк – придворный служитель, ведающий напитками.

Ниже – ни даже; даже ни, даже.

Нимфы – мифологические божества женского пола, олицетворяющие стихийные силы природы; в переносном смысле – прекрасные девушки.

Нудить – заставлять, принуждать, вынуждать.

Обольщение – обман.

Огневица – горячка.

Однодворцы – первоначально – служилые люди низших разрядов, получавшие за службу участок земли без крепостных.

Олива – маслина, символ мира.

Омег – горечь.

Оратай – пахарь.

Отжену – отгоню.

Отишие – убежище; затишье.

Отмена – отличие.

Отриновен – отрешен, отделен.

Ошую – слева.

Паки – снова, опять, еще.

Парид – Парис, один из героев «Илиады» Гомера.

Пастырь – пастух.

Петел – петух.

Пешери (пешереи) – так называли жителей Огненной Земли в Южной Америке, которые считались в XVIII в. самыми дикими представителями человечества.

Повенечные – плата помещику за разрешение на брак.

Подвизать – побуждать.

Поженет – уничтожит; будет преследовать.

Позорище – зрелище; театр.

Ползущество – пресмыкательство.

Полукафтанье – короткий, в обтяжку прямой кафтан, подрясник.

Помавающий – кивающий; манящий.

Поносный – позорный, постыдный.

Понт – море.

Порфира – мантия багряного цвета, один из атрибутов царской власти.

Порфирный – из порфира, камня типа гранита; возможно, пурпурного цвета.

Посконный – холщовый.

Посул – мзда, возмездие.

Претерть – разрушить, перепилить на части.

Прещение – запрет, запрещение; угроза; наказание, воздаяние за грехи.

Привитать – обитать.

Присно – всегда.

Присяжный – чиновник.

Причет (принт) – церковнослужители одного прихода, церкви.

Прозябать – произрастать.

Пряслица – прялка.

Равви – раввин, еврейский священник.

Рамена – плечи.

Рдян – красный; легко воспламеняющийся.

Ренское – белое виноградное вино.

Риза – одежда.

Ристалище – поприще, поле деятельности; место состязания.

Розговины – день после поста, когда едят мясную пищу.

Рукодел – мастеровой, ремесленник.

Рясны – подвески, ожерелье.

Самсон – библейский силач, который так потряс стены храма, что они рухнули и погребли его врагов.

Светоча – факел.

Святцы – церковный календарь с молитвами.

Седалище – трон.

Седяй – сидящий.

Селитьба – населенное место.

Сень – тень.

Сиделец – приказчик, продавец в лавке.

Сирены – мифические прекрасные обольстительницы, полуженщины-полуптицы.

Сице – так.

Скаредный – гнусный, мерзкий.

Скосырь – забияка, наглец.

Словутый – славный, знаменитый.

Соборный – совместный, соединенный, народный.

Совместник – соперник.

Софизм – лжемудрствование.

Споручный – удобный, способный, сподручный.

Стогны – площади.

Стряпчий – чиновник, канцелярист.

Сугубый – удвоенный.

Судяй – судящий.

Таврида – Крым.

Татьство – разбой, грабеж, кража, похищение.

Тварь – творение, человек.

Теремясь – вздымаясь.

Терние – терновник, колючий кустарник.

Течь – идти, двигаться.

Тимпан – литавры, бубны, барабан; барабанная перепонка.

Титулярный советник – гражданский чин, равный капитану в армии.

Тля – тленность, прах, гниль.

Толико – столько.

Томный – тяжкий, удручающий; печальный, скучный; утомительный; утомленный.

Тук – жир; удобрение.

Убо – поэтому, ибо.

Убрус – золотой обруч, корона.

Усугубляется – раздваивается.

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

Фаланга – боевой строй древнегреческих (македонских) войск. Фибры – жилки, волокна ткани тела.

Фирс – тирс, жезл Диониса (Вакха), а также его спутников и спутниц (Вакханок).

Харолуга – сталь, меч.

Хвилый – хилый, слабый.

Хины – китайцы.

Хламида – мантия, плащ.

Хлябь – бездна.

Цевница – свирель, труба.

Чесатель – парикмахер.

Чикчеры – длинные штаны в обтяжку.

Чиносостояние – сословие, класс.

Чрезъестественный – сверхъестественный.

Чресла – бедра, поясница.

Чувственница – один из видов мимозы, листья которой свертываются от легкого прикосновения.

Шары – краски, цвета.

Шелепы – плети, кнуты.

Шественный – идущий.

Шуйца – левая рука.

Щеглы (шаглы) – мачты.

Элаборация – переработка, претворение (продуктов питания).

Эльдорадо – сказочная страна фантастических богатств.

Эскимы – эскимосы.

Юница – телка.

Яко – как.

Япанча – епанча, плащ.

Выходные данные
Александр Николаевич РАДИЩЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Вступительная статья, составление и комментарии В. Л. ЗАПАРОВА

Оформление художника Е. ЯКОВЛЕВА

Редактор К. Нецименко

Художественный редактор Г. Масляненко

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Технические редакторы В. Нечипоренко, В. Нефедова

Корректор Г Асланянц

ИБ № 5575

Сдано в набор 03.03.88. Подписано к печати 09.09.88.

Формат 84x108 1/32. Бумага тип. № 1.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая.

Усл. печ. л. 36,12 + 1 вкл. = 36,17.

Усл. кр. отт. 36, 64.

Уч. изд. л. 38,08+1 вкл. = 38,12.

Тираж 100000 экз. Изд. № Ц-2612.

Заказ № 1470. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература»

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфин и книжной торговли.

197136, Ленинград, п-136, Чкаловский пр., 15

Примечания

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

2

См.: Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 288–297. О философских, социально-политических, эстетических взглядах Радищева см. также: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938; Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956; Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. 4-е изд., М., 1960; Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, и др.

3

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 213.

4

Агличане приняли в свое Покровительство ушедшего к ним в Калкуту чиновника бенгальского, подвергшего себя казни своим злоимством. Справедливо раздраженный субаб, собрав войско, приступил к городу и оной взял. Аглинских военнопленных велел ввергнуть в тесную темницу, в коей они в полсутки издохли. Осталось от них только двадцать три человека. Несчастные сии сулили страже великие деньги, да возвестит владельцу о их положении. Вопль их и стенание возвещало о том народу, о них соболезнающему; но никто не хотел возвестить о том властителю. «Почивает он», – ответствовано умирающим агличанам; и ни один человек в Бенгале не мнил, что для спасения жизни ста пятидесяти несчастных должно отъяти сон мучителя на мгновение.

Но что ж такое мучитель? Или паче, что ж такое народ, обихий к игу мучительства? Благоговение ль или боязнь тягчит его согбенна? Если боязнь, то

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru мучитель ужаснее богов, к коим человек воссылает или молитву, или жалобу, во время ночи или в часы дневные. Если благоговение, то возможно человека возбудить на почитание со делателей его бедствий: чудо, возможное единому суеверию. Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба или подлости не смеющего его разбудить? – Реналь. История о Индиях. Том II.

5

«Смерть Катонина», трагедия Еддесона. Дейс. V. Явлен. 1.

6

Такого же роду цензор не позволял, сказывают, печатать те сочинения, где упоминалось о бже, говоря: я с ним дела никакого не имею. Если в каком-либо сочинении порочили народные нравы того или другого государства, он недозволенным сие почитал, говоря: Россия имеет трактат дружбы с ним. Если упоминалось где о князе или графе, того не позволял он печатать, говоря: сие есть личность, ибо у нас есть князь и графы между знатными особами.

7

Г. Дикинсон, имевший участие в бывшей в Америке перемене и тем прославившийся, будучи после в Пенсильвании президентом, не возгнушался сражаться с наступавшими на него. Изданы были против него наижесточайшие листы. Первейший градоначальник области нисшел в ристалище, издал в печать свое защищение, оправдался, опроверг доводы своих противников и их устыдил.. Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом печатным сочинением. Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить, что печатанное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано.

8

Сочинения Ария Монтана, издавшего в Нидерландах первой реестр запрещенным книгам, вмещены были в тот же реестр.

9

Кассий Север, друг Лабия, видя писанию его в огне, сказал: «Теперь меня сечь надлежит, ибо я их наизусть знаю». Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях, которое по природному человеку обезьянству принято в Англии и в других государствах.

10

Кодекс дипломатический, изданный Гуденом. Том IV.

11

Сравнить с ним можно дозволение иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном.

12

Виллиам Какстон, лондонской купец, завел в Англии книгопечатницу при Эдуарде IV в 1474 году. Первая книга, печатанная на аглинском языке, была Рассуждение о шашечной игре, переведенное с французского языка. Вторая – Собрание речений и слов философов, переведенное лордом Риверсом.

13

В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай к датскому королю во свидетельство остались, что похвалою даже мудрому законоположению спешить не надлежит.

14

В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II намерен возобновить ценсурную комиссию, предместником его уничтоженную.

15

Во время рекрутского набора запрещается в продаже крестьян совершать купчие.

16

См. рукописную Придворную Грамматику Фонвизина.

17

Озерки.

18

Июнь.

19

Надобно думать, что это путешествие писано в то время. когда прогуливание по берегу было в моде.

20

Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно бы, заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему.

21

Если бы сие было писано в 1790 году, то пример Людвига XVI дал бы сочинителю другие мысли.

22

С вероятностию корень сего правила о непрекословном повиновении найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Большая часть у нас начальников в гражданском звании начали обращение свое в службе отечеству с военного состояния и, привыкнув давать подчиненным своим приказы, на которые возражения не терпит воинское повиновение, вступают в гражданскую службу с приобретенными в военной мыслями. Им кажется везде строй; кричат в суде на караул и определение нередко подписывают палкою.

23

Сказывали, что сей молодец, за деньги достав себе звание министра при каком-то дворе, должность свою отправлял с похвалою. Сие оправдает мнение тех, кои думают, чтоб быть употреблену с похвалою в делах министерских, надобен ум, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и низиться по обстоятельствам могут сделать отличного министра, но доброго гражданина Николи.

24

Г. Грим в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи, с каким прилежанием мы читали Гельвециеву книгу о разуме, по возвращении своем в Париж сказывал о сем Гельвецию.

25

В немецких университетах коллегиею называют собрание слушателей при преподавании какой-либо науки.

26

Сие сбылося через несколько лет. (Примеч. в издании 1811 года.)

27

Пометка издателей СОС. – Ред.

28

Тил., книга VI, стих 318 и след.

29

Кн. IV, ст. 262 и сл.

30

** Книга VII, стих 360.

31

Кн. II, ст. 338 и ел.

32

Кн. XXII, ст. 427.

33

Кн. XVIII, ст. 92.

34

Ib., ст. 125.

35

Ib., ст. 100.

36

Ib., ст. 150.

37

Кн. XVIII, ст. 298.

38

Ib., ст. 310.

39

О, какой случай! какое несчастье! (ит. – Ред.)

40

Настоящее чревато будущим. Лейбниц, (фр. – Ред.)

41

Славный естествоиспытатель Линней привел в ясность различие полов в растениях и плодояние их посредством цветочной пыли, без коей цвет в плод превратиться не может.

42

Славный Галлер доказал, что иные части чувственны, другие только раздражительны.

43

Сочинения. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru
Не говоря о других, можно в пример привести известного живописца Рафаеля.

44

е возможно ли уподобить душу металлу минерализованному? Когда огонь руду проникнет, металл отделяется и явится в своем блеске; так и огонь жизни, проникнув семя, являет душу.

45

Нельзя ли сказать: несть тождественности души в рожденном ее состоянии и по смерти; ибо душа есть сила, действующая органом, а орган разрушится. Душа, лишенная воспоминания воплощенного ее состояния, будет особена, будет высшее существо, потому что напоминания лишение лишит ее всего, что нас терзает: она будет я. Итак, соединится ли она со своим началом или пребудет особена, но будет высшее существо.

46

Человек во чреве образуется подобно растению: он кормится пуповиной, как растение корнем.

47

Peut-etre les affinites, suivent les lois de la force magnetique ou electrique; ne pourrait on pas dire que l'affinite est universelle par les intermediaires. S'il y a des affinites doubles, n'y peut il y avoir des triples etc. (Возможно, что стремление тел к соединению повинуется магнетической или электрической силе; может быть, можно предположить, что это стремление при помощи посредствующих звеньев является всеобщим. Если существуют двойные соединения, не могут ли существовать тройные и т. д. (фр. – Ред.).)

48

Легкое его еще не дышит, а большая грудная железа сосет; кажется, и у человека нет еще правая сердечная камеры, и вместо крови белый сок протекает его жилы. Сердце потом образуется, кровь краснеет, и хотя легкого не касается, но обращение ее живее. Все в нем пульс; и как скоро выходит на свет, воздух и млеко составляют его пищу; самая боль и всякая потребность дают ему случай всосать теплоту тысячью стезями.

49

Что есть металлическая жила, что земля купоросная, селитренная, если не матки? что пары металлические, купоросный и селитренный газ, если не мужеский сок?

50

Пример младенца и диких.

51

Он превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает; он подвержен многим болезням, но живет долее земных зверей, Детство, отрочество, юность долее в нем. Он долее всех учиться должен, ибо должен иметь более знания других.

52

Одному человеку не поставлено в нем меры.

53

Могли ли бы они петь благогласно, не чувствуя благогласия?

54

Уши зверей заостренные и все лежащие. Рассмотрение уха певчих птиц будет когда-либо сему ясным доказательством.

55

Аббе де л'Епе.

56

Примечания достойно, что из видимых членов в человеке зубы совершаются после всех других.

57

Смотр. «Discours sur l'origine de l'inegalite parmi les hommes» («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (фр. – Ред.).)

58

В сем месте сочинитель начертал только предметы, о которых рассуждать был намерен; вот они. – О различии людей в их чувствованиях и страстях и о степени оных в каждом человеке. От чего зависят темпераменты? Откуда различия в представлениях божества? Что оно часто похоже на человека, то неудивительно: человек его изображает, и поелику он человек, за человека зреть не может. Различие нравов, правлений и проч. (Примеч. в СОС – Ред.).

59

Говоря о духах, я разумею токмо одну так называемую душу человеческую.

60

Лучи солнечные имеют два свойства: теплоту и свет. Но свет от теплоты доселе отличить можно было тем, что вещество света есть мгновенно, а теплота пребывающа. Поелику же флогистон есть основание цветов, то и луч солнечный его содержит в летучем состоянии.

61

Зарождение селитры ясно доказывает ее в воздухе присутствие.

62

Кто знает, что не от тяжести ли или легкости происходит различие умов?

63

По отдалении солнца вся природа мертвеет. Не умирают животные, ибо в себе заключают больше огня, нежели растения.

64

Здесь противоречия нет против сказанного выше, где говорится, что отвлечение есть действие рассудка. Мы здесь говорим, где корень понятий отвлеченных.

65

Примеры чувств. Увеличь взоры микроскопом, увидишь на руках дыры; в чистой воде суть чудовища живые.

66

Пантеон равен бы был Ивану Великому, если бы не было разумного вещества.

67

Доколе вещи не дано имя, доколе мысль не имеет знаменья, то она разуму нашему чужда, и он над нею не трудится. Дабы усвоить разуму какое-либо познание, нужно прежде всего ее озаменовать.

68

принимая во внимание относительные различия (фр. – Ред.).

69 Промен, лаж (фр. – Ред.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://radischevaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!